О причинах Русской революции

Под редакцией
Л. Е. Гринина,
А. В. Коротаева,
С. Ю. Малкова

История и Математика

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша

УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт истории и археологии

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет истории, политологии и права

ВОЛГОГРАДСКИЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АКАДЕМИЯ ВОЕННЫХ НАУК

О ПРИЧИНАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Издание стереотипное

ББК 22.18 63.3(2) 66

Альманах «История и Математика»

Редакционный совет альманаха:
академик РАН, доктор исторических наук В. В. Алексеев,
доктор исторических наук Л. И. Бородкин, доктор философских наук Л. Е. Гринин,
доктор исторических наук А. В. Коротаев, доктор исторических наук А. П. Логунов,
доктор физико-математических наук Г. Г. Малинецкий,
доктор технических наук С. Ю. Малков,
доктор исторических наук, кандидат физико-математических наук С. А. Нефедов,
доктор философских наук Н. С. Розов, доктор философии (Ph. D.) П. В. Турчин,
доктор физико-математических наук Д. С. Чернавскии

О причинах Русской революции / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Изд. стереотип. — М.: Издательство ЛКИ, 2014. — 432 с.

Седьмой выпуск альманаха «История и Математика» оказался не совсем обычным в рамках уже складывающейся традиции альманаха. Он посвящен дискуссии по вопросам, которые не могут не волновать каждого образованного россиянина, — о причинах Русской революции. С момента завершения первой русской революции прошло немногим более ста лет, что позволяет достаточно объективно оценить историческое значение революций и их результаты, с достаточной глубиной судить об их причинах. Однако этого времени все же еще недостаточно, чтобы рассматривать революции с позиции «добру и злу внимая равнодушно», что придает дискуссии необходимую остроту. Вот почему авторы не колебались в том, стоит ли очередной выпуск альманаха «История и Математика» посвятить данному вопросу. Этот спор, начавшись как полемика двух специалистов по русской истории о релевантности ряда важных исторических и статистических источников, затем перерос в дискуссию о причинах Русской революции.

Надеемся, что данный выпуск альманаха будет интересен как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей нашей страны.

Ответственные редакторы:

доктор философских наук Л. Е. Гринин;
доктор исторических наук А. В. Коротаев;
доктор технических наук С. Ю. Малков

Рецензенты:

доктор исторических наук А. А. Штырбул;
кандидат технических наук Н. В. Митюков

Оглавление

Введение

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков — Русские революции в столетней ретроспективе . . . **5**

I Приглашение к Дискуссии

С. А. Нефедов — О причинах Русской революции **25**

Б. Н. Миронов — Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? Доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг. . . . **61**

II Углубление Дискуссии

С. А. Нефедов — О мальтузианском кризисе в России **112**

Б. Н. Миронов — Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить **114**

С. А. Нефедов — А причем тут Ленин? **136**

III Расширение Дискуссии

Н. С. Розов — Продовольственный потенциал и ресурсный баланс в циклах русской истории: экосоциальные причины кризисов и революций **140**

Л. Г. Бадалян, В. Ф. Криворотов — Исторические формы мальтузианского кризиса **158**

П. В. Турчин — Причины революционного кризиса в России 1905–1917 гг. **170**

С. В. Цирель — Почему в России произошла революция? **176**

Л. Е. Гринин Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции **198**

М. А. Давыдов Об уровне потребления в России в конце XIX – начале XX в. **225**

С. А. Нефедов Давайте будем корректны... . . . . **279**

Л. И. Бородкин Русская революция в свете теории динамического хаоса **283**

Б. Н. Миронов Развитие без мальтузианского кризиса: гиперцикл российской модернизации в XVIII – начале XX в. **285**

С. А. Нефедов Россия в плену виртуальной реальности **351**

IV Заключение

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции . . . **368**

Сведения об авторах **428**

Введение. Русские революции в столетней ретроспективе

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков

Данный выпуск является седьмой коллективной монографией в серии, открытой альманахами *История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов* (Гринин, Коротаев, Малков 2006), *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства* (Малков, Гринин, Коротаев 2007), *История и Математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов* (Коротаев, Малков, Гринин 2007), *История и Математика: Концептуальное пространство и направления поиска* (Турчин и др. 2007), *История и Математика: Модели и теории* (Гринин, Малков, Коротаев 2008), *История и Математика: Процессы и модели* (Малков, Гринин, Коротаев 2009). Как читатель может видеть, каждый выпуск имел свой собственный подзаголовок. Данный выпуск не представляет собой исключения. Он имеет подзаголовок *О причинах Русской революции.*

Еще лет тридцать-сорок назад немало историков и обществоведов даже на Западе считали, что «XX век войдет в историю как век борьбы и революций, как время величайших революционных преобразований» (Уоддис 1975: 27; Красин 1975: 3; см. также, например: Раинко 1979). В формировании такого представления о XX веке, вне всякого сомнения, важнейшая роль принадлежала именно русским революциям, их размаху, международному резонансу и особенно тем грандиозным трансформациям, которые они вызвали. Русские революции, коммунистический строй, установившийся на значительной части планеты, а также военное и идеологическое противостояние в мире наложили на прошедший век совершенно особый отпечаток. Все это укрепило западные страны в необходимости, говоря словами Л. Эдвардса, создать механизм, который должен отвечать задаче предотвращения революции (Edwards 1965: 213)[1].

Крушение социализма окончательно убедило в том, что революции перестали быть сколько-нибудь приемлемым средством социального про-

---

[1] Это была одна из причин усиленного исследования проблемы революций. Например, в середине 50-х гг. Гуверовский институт войны, революции и мира в Стэнфорде (Калифорния) в США начал серию исследований «с целью описания мировой революции нашего времени и ее воздействия на международную и национальную политику» (Fisher 1955: II). О широких программах по исследованию революций по заданию правительственных органов в США в 1960-е – 1980-е гг. см., например: Taylor 1984: 7.

гресса в современный период. Однако это вовсе не меняет важности оценки их исторической роли, которая, как бы ни относиться к ним, была огромной. А для понимания истории и сегодняшнего состояния нашей страны глубокое осмысление причин русских революций является совершенно необходимым.

С момента завершения Первой русской революции прошло немногим более ста лет. На наш взгляд, такой срок позволяет достаточно объективно оценить историческое значение и результаты русских революций, с достаточной глубиной судить об их причинах. Однако это все еще недостаточное время, чтобы рассматривать революции с позиции «добру и злу внимая равнодушно», что придает дискуссии необходимую остроту[2].

Вот почему мы не колебались в том, стоит ли очередной выпуск альманаха *История и Математика* посвятить дискуссии о причинах Русской революции. Эта дискуссия, начавшись как полемика двух специалистов по русской истории о релевантности ряда важных исторических и статистических источников, дающих основные сведения о состоянии российского земледелия и уровня потребления населения; а также о границах применения некоторых статистических методов для определения уровня жизни россиян до революции и возможности делать утверждения о ведущей тенденции в отношении динамики потребления (рос ли его уровень или наоборот – снижался), затем переросла в дискуссию о причинах русских революций. В результате в этой дискуссии обнаружилось несколько тесно взаимосвязанных слоев: *а*) обсуждение собственно исторических и источниковедческих проблем; *б*) обсуждение проблемы релевантности применения, с одной стороны, неомальтузианских подходов к оценке исторического развития России и ее социально-демографических проблем, а с другой – методов, связанных с использованием данных о биостатусе; *в*) обсуждение вопроса об оценке уровня жизни и долгосрочной динамике потребления в XIX – начале XX в. с привлечением различных данных; *г*) разные точки зрения непосредственно на причины русских революций; *д*) рассмотрение причин и особенностей социального кризиса и революций в России в сравнении с аналогичными ситуациями в разных странах и в разные эпохи. Были и некоторые другие аспекты, а также было представлено несколько разных интересных социологических и экономических теорий.

Таким образом, даже перечисленные пласты обсуждения показывают, что дискуссия носила широкий и многосторонний характер. Неудивительно, что уже на стадии подготовки альманаха вывешенные в Интерне-

---

[2] Хотя это иногда толкает ее в сторону идеологизации и политизации. Это касается пока еще любой дискуссии о российских революциях. В этом плане уместно привести слова В. Булдакова (2008: 173): «О вреде “презентизма” (осовременивания) в исторических исследованиях говорилось не раз. По словам Эрика Хобсбаума, те, кто судят о прошлом с позиции “своего” времени, “никогда не смогут понять ни самого прошлого, ни его воздействия на настоящее”. Тем не менее, мы к своей революции предъявляем поистине непомерный счет именно с позиции современности».

те версии статей вызвали большой интерес аудитории. Немаловажно подчеркнуть, что дискуссия в нашем Альманахе шла параллельно (но совершенно независимо) с дискуссией об уровне жизни в дореволюционной России, оценке причин некоторых важных явлений в России (в частности, данных о положительной динамике биостатуса) и релевантности источниковедческих данных (особенно данных ЦСК МВД России) в журнале *Отечественная история/Российская история* (Лавров 2008; Миронов 2009; Давыдов 2009; Нефедов 2009; Роднов 2009)[3].

Несмотря на то, что ряд исследователей принимал участие в обеих дискуссиях и на частичное совпадение тематики обеих дискуссий, мы надеемся, что материалы дискуссии, представленные в настоящем Альманахе, в целом более широко и в большем количестве аспектов раскрывают палитру взглядов на весь комплекс проблем, связанных с причинами русских революций, чем материалы круглого стола в журнале *Отечественная история/Российская история*[4].

Некоторые итоги дискуссии подводятся нами в *Заключении*. Во *Введении* имеет смысл остановиться на некоторых теоретических аспектах проблемы. Прежде всего следует учитывать, что в рамках настоящей дискуссии проблемы собственно социологии революции были затронуты недостаточно, а дефиниции революции не обсуждались вовсе. Поэтому мы считали необходимым дать некоторую информацию относительно истории вопроса и некоторых точек зрения на дефиниции термина *социальная революция*.

Понятие революции для характеристики общественных явлений стало применяться сравнительно поздно. Сам термин «революция» (франц. *revolution*, от позднелат. *revolution* – оборот, переворот) был заимствован из астрономии, где он и поныне означает «вращение», «обращение», «полный оборот небесного тела» (см.: Драбкин 1968: 928). Первоначально термин *revolution* употреблялся в астрологии и алхимии. По некоторым предположениям, в научный язык вошел из названия книги Николая Коперника «Об обращениях небесных сфер» (*De Revolutionibus Orbium Coelestium* –Регенсбург, 1543 г.)[5]. В литературе термином «революция»

---

[3] Поскольку взгляды трех участников этого обсуждения в журнале (Б. Н. Миронова, С. А. Нефедова, М. А. Давыдова) представлены в нашем Альманахе, нельзя не отметить, что и статья М. И. Роднова (2009), несмотря на небольшой размер, выглядит достаточно интересной с точки зрения ясного объяснения сути источниковедческих проблем и достоверности методик, анализа позиций разных авторов в процессе дискуссии и аргументации собственной позиции о трех сильно непохожих в социальном и хозяйственном отношении крупных частях России (трех Россиях): (1) Нечерноземье; (2) Центрально-черноземной полосе и частично Поволжье; (3) Южных губерниях и Сибири. Действительно, такое деление отнюдь не является новым, но в пылу дискуссий о нем нередко забывают.

[4] Стоит, впрочем, иметь в виду и материалы дискуссии о Февральской революции в *Отечественной истории* в 2007 г. (Сахаров 2007: 3–30).

[5] См., скажем, статью «Революция» в *Википедии* (http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция). Однако, например, П. Штомпка утверждает, что этот термин появился уже в XIV в. (Штомпка 1996: 369).

стали называть глубокий государственный переворот только во второй половине XVII в. (Штомпка 1996: 369). Проблемам революции посвящено множество исследований начиная с периода английской революции XVII в.[6] В следующем, XVIII в. о революциях немало писали французские и американские просветители и политические деятели, а также английские мыслители (см., например: Мабли 1950: 57–58; Джефферсон 1990; Юм 1965: 713). Но только в ходе и особенно после Великой французской революции понятие «революция» наполнилось более широким содержанием, включающим движение масс, государственный переворот и идейный сдвиг. Появились понятия «контрреволюция», «революционный», «эволюция»; концепция революции начинает использоваться в описании эпохальных прорывов, фундаментального преобразования общества (см.: Штомпка 1996: 369; Драбкин 1968: 928). В XIX в. проблемы революций изучались очень активно, благо революций в этот и предшествующий период случилось много. В первые десятилетия XIX в. сначала А. Сен-Симон, а позднее французские историки О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье и некоторые другие сделали первые шаги к тому, чтобы объяснить революции как борьбу классов (см., например: Сен-Симон 1948, т. II: 49–50; Далин 1981: 7–41). В дальнейшем по мере усиления революционных настроений эта тема стала предметом исследования прежде всего представителей левого и радикального лагеря, включая социалистов и марксистов (см., например: Володин 1982)[7]. Революции в зависимости от идеологической позиции романтизируются или демонизируются, а образы революционеров приобретают, говоря словами П. Штомпки (1996: 369), прометеевские черты (или, напротив, черты чистых злодеев[8]).

К. Маркс и Ф. Энгельс внесли существенный вклад в теорию революции, хотя, конечно, использовали эту концепцию как чисто идеологическую, направленную на свержение капитализма. Маркс уже в ранних работах пришел к достаточно глубокому пониманию внутренней взаимосвязи политической и социальной революции: «Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер» (Маркс 1955: 448). Маркс и Энгельс сделали затем вывод, что революция является движущей силой истории. Особенно активно разрабатывалась

---

[6] В частности, английские идеологи этого периода, такие как Дж. Гаррингтон или Дж. Уинстенли (правда, в утопических произведениях или памфлетах), высказывали идеи, вполне актуальные и сегодня, что в процессе революции происходит передел земельной и иной собственности (см., например: Уинстенли 1950: 54–55; Сапрыкин 1975; Адо 1977: 21–23).

[7] Хотя, конечно, было немало вполне трезвомыслящих и глубоких ученых, так или иначе затрагивающих эту тему. В этой связи стоит упомянуть, например, знаменитую книгу А. Токвиля *Старый порядок и революция* (1997).

[8] Французский социолог Г. Ле Бон (Лебон), в частности, писал об увеличении в огромных размерах массы неприспособленных, обездоленных и «выродков», которая грозит серьезной опасностью всякой цивилизации, поскольку эта армия, объединенная ненавистью к обществу, где для нее не находится никакого места, готова на любые разрушения (Лебон 1995 [Ле Бон 1908]: 426–427).

идея, идущая от французских историков времен Реставрации, что революции – это борьба классов (см., например: Маркс 1957*а*, 1957*б*, 1960; Энгельс 1957, 1961).

Социология революции как направление стала складываться в конце XIX – начале XX в. (см. об этом, например: Goldstone 1980, 2001; Гавлин, Казакова 1980)[9]. На наш взгляд, оправданно считать это время первым этапом социологического исследования революций (среди его представителей можно выделить, в частности, Б. Адамса, Г. Ле Бона, Ч. Эллвуда). Однако определения революции в работах этого периода еще во многом, говоря словами П. Сорокина, базировались на ложных принципах и делились, по его терминологии, в основном на «слащавые» и «горькие» определения. Как подчеркивает сам Сорокин, под этим следует понимать те дефиниции, которые соотносятся скорее с воображаемым, чем с реальным образом революции (Сорокин 1992: 267). В то же время все заметнее слышались призывы к разумному и своевременному реформированию[10].

Следующий этап был связан с Октябрьской революцией. И он в период 20-х – 50-х гг. привел уже к институционализации социологии революции; возникновение данного направления связано с именем П. А. Сорокина и с названием его книги *Социология революции* (Sorokin 1925; Сорокин 1992). Среди представителей второй волны можно назвать Д. Йодера, Л. Эдвардса, Дж. Питти, К. Бринтона, С. Неймана, Ф. Гросса и др.

1960-е – 1970-е гг. стали началом нового периода в исследовании революции (к социологам этого поколения относятся, в частности, Ч. Джонсон, Д. Дэвис, Р. Тантер, М. Мидларский, Б. Мур, С. Хантингтон, Т. Скочпол, Ч. Тилли и др.). Исследователи этого периода стремились преодолеть схематизм «классической» социологии революции путем исследования конкретных революционных процессов. Среди направлений в разработке концепций социальной революции исследователи выделяют три основных подхода: (1) политико-правовой; (2) психологический; (3) социально-структурный (Гавлин, Казакова 1980).

Несмотря на огромное число работ, посвященных проблемам революции, общепринятого ее определения нет, что, как нам представляется, неслучайно. По-видимому, имеется много десятков, если не сотен, различных определений революции. Возможно, поэтому П. Сорокин отказался давать собственное определение (1992: 268), хотя отметил как разумное следующее определение И. Бауэра: «...революция есть смена конституционного общественного порядка, совершенная насильственным путем»

---

[9] В настоящее время выделяют три или даже четыре поколения социологов, исследующих революцию (см., например: Goldstone 1980, 2001; Foran 1993). Однако, естественно, что по поводу такой периодизации имеется много споров, вариаций, большие расхождения по датировкам периодов и т.п., входить в рассмотрение которых в данном контексте не имеет смысла.

[10] Нужна «мирная революция», направленная на усиление государства, которое одно способно взять на себя роль верховного судьи и реформатора, считал, например, Б. Адамс (Adams 1913: 30).

(там же). Достаточно развернутую дефиницию приводит Э. Гидденс (1999: 512). «Революция – процесс политических изменений, в котором задействованы массовые социальные движения, связанный с использованием насилия для успешного свержения существующего режима и с последующим формированием нового правительства. Революция отличается от заговора тем, что революция носит массовый характер и приводит к значительным переменам во всей политической системе. Заговор – это вооруженный захват власти для смены политического лидера, но без радикальных перемен в системе управления. Революции отличаются и от бунта, хотя бунт – тоже вызов, угроза существующему политическому режиму, но его цель в большей степени заключается в замене лидеров, а не в трансформации политической структуры как таковой»[11]. Можно было бы добавить и ряд других, более или менее удачных, на наш взгляд, дефиниций революции. Например: «Быстрое фундаментальное изменение в политической организации, социальной структуре, экономическом контроле над собственностью и господствующих мифах социального порядка, указывающее, таким образом, на большой разрыв непрерывности развития» (Neumann 1949: 333–334). Но для того, чтобы лучше представить спектр различных мнений, имеет смысл привести большую цитату из монографии П. Штомпки (1996: 370–372), в которой он дает, как нам кажется, вполне релевантную классификацию таких дефиниций:

> Современная концепция революции основывается на двух традициях: историософской и социологической. Согласно первой, революция означает радикальный разрыв непрерывности, фундаментальную трещину, «катаклизму-прорыв» (Brinton 1965: 237) в ходе истории. Внимание сосредоточивается на всеобщей модели исторического процесса, и революции обозначают качественные рубежи в этой модели... Сторонники второй традиции, представленной социологической концепцией революции, обращаются к массовым выступлениям, использующим или грозящим применить принуждение и насилие по отношению к властям, для того чтобы усилить базис и провести последующие изменения в обществе. Центр внимания переносится с всеобщих моделей и конечных результатов на движущие силы, механизмы и альтернативные сценарии социальных процессов, средства, которые люди используют для того, чтобы творить и преобразовывать историю... Обе традиции – историософская и социологическая, отражаются в современных определениях революции. Их можно разделить на три группы. В первую входят определения, согласно которым революции – это фундаментальные, широко распространенные преобразования общества (здесь явно подразумеваются «великие» революции). Внимание акцентируется прежде всего на масштабах и глубине преобразований. В этом смысле «революция» противопоставляется «реформам». Так, она определяется как «неожиданные, радикальные изменения в политической, экономической и социальной структуре общества» (Bullock, Stallybras 1977: 542),

[11] Возможно, к этому определению удачно добавилось бы уточнение, что в отличие от *coup d'état* (государственного переворота) революция «предполагает изменение, оказывающее воздействие на жизнь самых обыкновенных граждан» (Brinton 1949: 11).

как «сметающее все, неожиданное изменение в социальной структуре или в некоторых важных ее элементах» (Fairchild 1966: 259)... Вторая группа включает определения, в которых упор делается на насилие и борьбу, а также на скорость изменений. Центр внимания перемещается на технику преобразований. В этом смысле «революция» противопоставляется «эволюции». Вот несколько подобных определений: «Попытки осуществить изменения силой» (Johnson 1968: 1). «Фундаментальные социально-политические изменения, осуществленные насильственным путем» (Gurr 1970: 4). «Решительная, внезапная замена одной группы, ответственной за территориально-политическое единство, другой, прежде не входившей в правительство» (Brinton 1965: 4). «Захват (или попытка захвата) одним классом, группой или коалицией у другой рычагов контроля над правительственным аппаратом, понимаемым как важнейшие, концентрированные в его руках средства принуждения, налогообложения и административного управления в обществе» (Aya 1979: 44). Возможно, наиболее полезны определения третьей группы, сочетающие в себе оба аспекта. «Быстрые, фундаментальные насильственные внутренние изменения в доминирующих в обществе ценностях и мифах, в его политических институтах, социальной структуре, лидерстве, деятельности и политике правительства» (Huntington 1968: 264). «Быстрые, базовые преобразования социальной и классовой структур общества путем переворотов снизу» (Skockpol 1979: 4). «Захват насильственными методами государственной власти лидерами массовых движений и последующее использование ее для проведения крупномасштабных социальных реформ» (Giddens 1989: 605). Итак, подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что, во-первых, революции относятся к фундаментальным, всеобъемлющим многомерным изменениям, затрагивающим саму основу социального порядка. Во-вторых, они вовлекают большие массы людей, мобилизуемых и действующих внутри революционного движения. Таковы, например, городские и крестьянские восстания (Jenkins 1982). Если же преобразования идут «сверху» (например, реформы Мэйдзи в Японии, Ататюрка в Турции и Насера в Египте, *перестройка* Горбачева), то какими бы глубокими и фундаментальными они ни были, их нельзя считать революциями... В-третьих, большинство авторов, похоже, полагают, что революции со всей непреложностью сопровождаются насилием и принуждением.

Таким образом, исходя из вышесказанного, не стремясь к строгой дефиниции, мы могли бы определить социальную революцию как *глубокий и резкий переворот в политических, социальных, имущественных и идеологических отношениях, который а) совершается с помощью широкого и активного участия больших масс людей; б) затрагивает в настоящем и в будущем жизнь широких масс; в) совершается насильственно (и обычно нелегитимно в понимании старого строя), а потому часто является более или менее жестоким, кровавым, связанным с массовым насилием процессом.* Разумеется, это определение может не выражать мнение всех участников дискуссии.

Причинам русских революций (а также и революций вообще) участниками дискуссии уделено гораздо больше внимания, хотя они, естест-

венно, не могли дать полномасштабного анализа причин революций, поскольку это потребовало бы иного формата работ. Не останавливаясь здесь на их анализе, укажем только на то, что при довольно большой палитре подходов налицо два полярных взгляда, выказанных главными диспутантами. Первый из них выразил С. А. Нефедов, который считает, что главная причина революции лежала в углублявшейся бедности основного населения, которое балансировало на уровне физиологического выживания. Раньше или позже такая ситуация должна была привести к революции. Другая точка зрения, неявно выраженная Б. Н. Мироновым и явно – М. А. Давыдовым, что революции – результат трагического стечения обстоятельств, по сути, случайность, обусловленная особенностями личностей императора и императрицы. Кроме того, были выказаны и другие взгляды. Так, П. В. Турчин считает, что перепроизводство элиты, которое развилось к концу века, оказалось столь серьезной проблемой, что привело (вкупе с шоком Первой мировой войны) к краху государства и Гражданской войне. Л. Е. Гринин считает, что существовал целый ряд серьезнейших причин русских революций, включая бедность, малоземелье крестьянства и подпитывающий многие проблемы быстрый демографический рост. Однако в целом на высоком уровне абстракции эти причины можно обобщить как усиливающееся несоответствие социального и политического строя и господствующей идеологии, с одной стороны, быстрым социальным, экономическим и культурным изменениям в России – с другой. С. В. Цирель выделяет по крайней мере четыре важные причины (см. ниже). Таким образом, читатель сможет сам оценить релевантность тех или иных подходов.

Нам представляется также (хотя этот момент не всегда формулировался достаточно ясно), что все участники дискуссии, естественно, подразумевали, что важные причины революций так или иначе связаны и с изменением идеологии, с нарастанием недовольства властью, с одной стороны, и с бессилием власти – с другой. От себя добавим, что чем сильнее это общественное недовольство и слабость власти, тем реальнее возможность совершения революции. Как говорит П. А. Сорокин (1992: 278), когда ореол власти испарился, в ее сохранении возникают законные сомнения[12]. С потерей доверия к власти часто также связано ощущение надвигающейся катастрофы, а когда общество начинает осознавать близость непредвиденной социальной катастрофы, по мнению Ч. Джонсона, возникает и усиливается идея (и добавим – желательность) революции (Johnson 1968: 12).

---

[12] В этой связи, возможно, нелишним будет процитировать Б. Окуджаву: «Вселенский опыт говорит, //, Что погибают царства /\ Не оттого, что тяжек быт / Или страшны мытарства. /\ А погибают оттого / (И тем больней, чем дольше), / Что люди царства своего / Не уважают больше».

Когда речь заходит о любой крупной революции, неизбежно также затрагивается в том или ином ключе проблема роли личности в ней (и в целом в истории). Вовсе не случайно в дискуссии на страницах журнала *Отечественная история* этой теме уделено большое внимание (Лавров 2008: 187–193). Затрагивается тема роли личности в российских революциях в той или иной степени в статьях Миронова, Давыдова, Бородкина, Розова и др. Поскольку одному из нас уже приходилось писать на эти темы, мы посчитали возможным воспроизвести в этой связи следующие, как представляется, релевантные идеи из нашей работы (Гринин 2008: 46–47)[13].

Для анализа роли личности очень важно представить изменения в обществе как **процесс смены его состояний (фаз).** Нами разработана одна из моделей такого процесса, состоящего из 4 фаз: 1) стабильное общество типа монархии; 2) общественный предреволюционный кризис; 3) революция; 4) создание нового порядка. Но это только одна из ряда возможных моделей, поскольку есть и другие, например: стабильность – кризис – реформа; стабильность – кризис – революция – контрреволюция; застой – реформа – подъем (или упадок); подъем – реформа – подъем. И т.п.

В истории обществ значительную, а возможно, основную часть времени занимают спокойные эпохи. В любом государстве всегда очень многое зависит от конкретного человека у власти, но в целом такие спокойные, «малые» эпохи (в терминологии Н. Н. Моисеева [1987], эпохи движения общества в «канале эволюции») гораздо меньше подвержены тому, чтобы отдельная личность стала ее «творцом»: благодетелем или демоном. Иными словами, отдельная личность может повлиять на скорость или направление движения общества, но движение будет в целом идти в границах того же самого «канала эволюции». Здесь, скорее, более важным будет состояние соседних и иных обществ, которые военным вторжением могут подорвать стабильность. Аналогичную роль способны сыграть и стихийные бедствия, эпидемии. Раньше или позже, но строй может начать клониться к закату. Противоречия внутри него, особенно подогретые заимствованиями техники и технологии, более эффективных структур и законов в отдельных областях, обостряются. Начинается движение за переустройство. Благо, если в это время находится лидер, способный повести общество по пути мирного развития.

Если же решение неудобных для власти вопросов оттягивается, то возникает ситуация кризиса и стремление к насильственному их разрешению (переворот, революция, заговор). Используя язык теории динамического хаоса (см., например, реплику Л. И. Бородкина в данном выпуске Альманаха), общество приближается к точке бифуркации, когда происходит выбор одного из направлений развития из нескольких альтернативных. А вместе с этим на сцену выходят различные концепции и схемы пере-

[13] См. также: Гринин 1997: 37–59, 2006: 75–85, 2007: 181–200; Grinin 2008.

устройства страны, мира, устранения несправедливости. Тут появляется много личностей, стремящихся так или иначе преобразовать систему. Они представляют различные общественные и политические направления. Альтернативные возможности (тенденции и направления) развития («каналы эволюции») общества не только получают здесь более ясное классово-групповое выражение, но и находят своих апологетов, лидеров, провозвестников и т.п.

В такую эпоху яркие личности более характерны для стороны разрушительной. Но могут выявиться таланты и в консервативном лагере, обеспокоенном нарушением равновесия. Таковыми были, например, П. А. Сто-лыпин в России и А. Р. Тюрго во Франции. Удача, если такому лидеру удается «выпустить пар» и мирно изменить страну, разрядив ситуацию. Однако так бывает далеко не всегда. Кризисы часто потому и являются кризисами, что ограниченные и упрямые люди доводят положение до такой крайности, когда из нее уже практически не выбраться. Произойдет социальный взрыв или нет, зависит от многих факторов, в том числе и от силы личностей с той и с другой стороны.

Но если все же строй гибнет под влиянием революционного напора, наступает третья – революционная – фаза. Начиная в такой ситуации разрешать глобальные противоречия, накопившиеся в старой системе, общество никогда не имеет заранее однозначного решения (что характерно для «точки бифуркации»). Это невозможно по многим причинам, уже потому, что каждый класс, группа, партия имеют свой вариант решения проблемы, а борьба партий, личностей и идей лишь усиливает такое множество. Какие-то из тенденций, конечно, имеют больше, а какие-то – меньше вероятностей проявиться, но это соотношение может под влиянием разных причин резко измениться. В такие переломные периоды, по нашему мнению, лидеры иногда играют роль как бы гирек, способных перетянуть чашу исторических весов[14]. Это похоже также на явление резонанса в физике. И когда частота колебаний общественных возможностей (в самом различном виде – например, в желаниях масс или армии) совпадает с колебаниями личности, когда в ней как бы аккумулируется гигантская воля общественной силы, роль ее увеличивается тысячекратно. **Следовательно, в определенные моменты сила личностей, их индивидуальные качества, соответствие своей роли и др. имеют огромное, часто определяющее или завершающее значение.** Этот волевой, нередко иррациональный и подверженный случаю фактор может быть благотворен, но и

[14] «Когда специфические интересы отдельных социальных групп настолько обострены, что все борющиеся партии взаимно парализуют друг друга, тогда, для того чтобы привести в движение политический механизм, требуется индивидуальное сознание определенной личности» (Лабриола 1960: 183; см. также: Hook 1955, особенно главу X, посвященную Ленину).

крайне опасен, поэтому гораздо надежнее, если у общества есть ограничители таких влияний.

Победу какой-либо силы нужно еще отстоять в тяжелой борьбе. И под воздействием множества нужд создаются нередко такие общественные формы, которые никто не планировал и не мог планировать[15]. И эти, по сути дела, случайные вещи затем становятся уже данностью, которая может даже определять будущее устройство обновленного общества, поскольку в этих институтах начинают кристаллизоваться многообразные интересы новой элиты. Мы видим также, что в наиболее переломные эпохи (в «точках бифуркации») роль личности огромна, но в то же время эта роль обычно совсем иная, чем предполагала сама эта личность. А дальнейшие последствия и вовсе не ясны. Во время таких переломов происходит масса изменений, выявляется много вариантов, «мутаций» различных общественных институтов и отношений, которые могут быть как вредны, так и благотворны. Это уже определяют конкретный расклад сил и случай. Такие взрывы дают много возможностей для различных эволюционных вариантов развития. Беда только в том, что метод проб и ошибок в истории требует миллионов жертв и загубленных поколений тех, кто попал под несчастливый Случай.

После революции и разрушения старого общество предстает аморфным и потому очень податливым к силовым воздействиям. В такие периоды роль личностей может носить неконтролируемый, непрогнозируемый характер и быть для неокрепшего общества формообразующей силой. Бывает и так, что, получив влияние, лидеры вовсе заводят общества (под воздействием самых разнообразных личных и общих причин) туда, куда никто не мог и помыслить, «изобретают» небывалую общественную конструкцию.

Затем (иногда довольно быстро) наступает следующая, четвертая фаза – создание нового строя и порядка. После укрепления у власти какой-либо политической силы борьба может идти уже в стане победителей. Она связана как с взаимоотношениями лидеров, так и с выбором дальнейшего пути развития. **Роль личности здесь также исключительно велика: ведь общество еще не застыло, а новое может связываться именно с этим человеком, пророком, вождем и т.п.** После крутой смены общественных порядков общество заметно поляризуется. Популярная личность, например вождь восстания или глава победившей партии, становится своего рода знаменем. Чтобы окончательно утвердиться у власти,

[15] Это лишний раз подтверждает мысль Ф. Энгельса: «История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных воль, причем каждая из этих воль становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств... то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате получается нечто такое, чего никто не хотел» (Энгельс 1965: 395–396).

нужно расправиться с оставшимися политическими соперниками и не допустить роста конкурентов со стороны соратников. Эта продолжающаяся борьба (длительность которой зависит от многих причин) напрямую связана с особенностями побеждающей личности и окончательно придает облик обществу.

Итак, характер новой системы сильно зависит от качеств ее лидеров, перипетий борьбы и прочих, порой случайных, вещей. Это причина того, что всегда **в результате перемен получается не то общество, которое планировалось.**

Постепенно рассматриваемая нами гипотетическая система взрослеет, формируется, приобретает жесткость и собственные законы. Теперь уже во многом они определяют лидеров. Афористично выразили это философы прошлого: «Когда общества рождаются, именно лидеры создают институты республики. Позднее институты производят лидеров». Пока строй достаточно крепок, а тем более, если он хотя бы частично прогрессирует, изменить его не так-то просто, часто невозможно. Если общество, вступившее «по спирали» вновь в фазу устойчивой эволюции, не сумело приобрести регуляторы бескризисного развития, то цикл с известными изменениями может повториться, или на каком-то этапе наступят благотворные преобразования.

* * *

В построении настоящего выпуска Альманаха мы исходили из логики дискуссии. Поэтому все материалы разбиты на три части.

В *первой части* (**«Приглашение к Дискуссии»**) даны тексты двух основных участников.

Дискуссии – С. А. Нефедова и Б. Н. Миронова, – обозначающих два во многом полярных подхода к вопросу о причинах Русской революции.

В статье *С. А. Нефедова* **«О причинах Русской революции»** обосновывается неомальтузианский подход к изучению данной научной проблемы. По утверждению С. А. Нефедова, большинство историков полагает, что революция была вызвана низким уровнем потребления широких народных масс; в настоящее время эта традиционная концепция находит подтверждение в набирающей популярность неомальтузианской теории демографических циклов. В рамках этой теории снижение потребления объясняется ростом населения, при этом учитываются растущая имущественная дифференциация и колебания урожайности. Все эти факторы делают социально-экономическую систему неустойчивой по отношению к внешним воздействиям, таким как войны.

В статье *Б. Н. Миронова* **«Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? Доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг.»** подвергается пересмотру парадигма отечест-

венной историографии о систематическом понижении уровня жизни крестьян в XIX – начале XX в. вследствие малоземелья, тяжести налогов и повинностей и недостаточной доходности крестьянского хозяйства. Приводятся данные, показывающие, что как до, так и после отмены крепостного права происходил рост сельскохозяйственного производства и доходов крестьянства, а также снижение налогового бремени, благодаря чему наблюдалось повышение уровня жизни. Эта позитивная тенденция особенно заметной была после Великих реформ. По мнению Б. Н. Миронова, тезис о мальтузианском кризисе в России XIX – начала XX в. не находит подтверждения.

Во *второй части* Альманаха (**«Углубление Дискуссии»**) приводится обмен репликами между двумя основными участниками дискуссии.

В своей реплике **«О мальтузианском кризисе в России»** *С. А. Нефедов* утверждает, что из данных Б. Н. Миронова нельзя сделать никаких выводов о динамике доходов крестьянского населения России и тем более о необходимости пересмотра мальтузианской трактовки российского кризиса.

В своем предварительном ответе **«Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить»** *Б. Н. Миронов* подвергает критике ленинскую схему происхождения экзистенциального кризиса в позднеимперской России, которую (по мнению Б. Н. Миронова) отстаивает С. А. Нефедов, с точки зрения теоретической, методической и источниковедческой. По мнению автора, схема входит в противоречие с фактами: уменьшением смертности, увеличением естественного прироста населения, ростом грамотности, улучшением медицинского обслуживания, улучшением антропометрических показателей (роста и веса), повышением уровня жизни, увеличением расходов на алкоголь, быстрым ростом валового внутреннего продукта благодаря прогрессу промышленности и сельского хозяйства.

В ответной реплике **«А причем тут Ленин?»** *С. А. Нефедов* показывает, что представление о низком уровне потребления в России было свойственно не только марксистам, что этой точки зрения придерживались и либеральные экономисты. По мнению С. А. Нефедова, при определении уровня потребления Б. Н. Миронов делает ошибку, которая заключается в недоучете потребления зерна на фураж. Если исправить эту ошибку, то даже при всех поправках, вводимых Б. Н. Мироновым в официальные данные, уровень потребления оказывается ниже минимальной нормы.

В *третьей части* Альманаха (**«Расширение Дискуссии»**) в дискуссию вступают новые участники.

В статье *Н. С. Розова* **«Продовольственный потенциал и ресурсный баланс в циклах русской истории: экосоциальные причины кризисов и революций»** спор о приложимости неомальтузианской теории к пред-

революционному периоду российской истории и о причинах русских революций начала XX в. рассмотрен в аспекте *пятитактовой модели циклической динамики* («Успешная мобилизация», «Стагнация», «Кризис», «Либерализация», «Авторитарный откат»). Введены две базовые переменные для анализа экосоциальной динамики: *продовольственный потенциал* и *ресурсный баланс*, показаны возможности их совместного использования, связи с циклической моделью. Сопоставление этих понятий с реалиями российской истории конца XIX – начала XX вв. позволяет, по мнению Н. С. Розова, квалифицировать данный период как «Стагнацию» с внутренними противоречивыми движениями и волнами, но общим закономерным соскальзыванием к «Кризису». Преобладание «позитивных» и «негативных» трендов определяется по тому, как страна встречает очередной вызов: голод или войну. Российская империя, как известно, с кризисом 1916–1917 гг. не справилась.

В статье **«Исторические формы мальтузианского кризиса»** *Л. Г. Бадалян* и *В. Ф. Криворотов* утверждают, что привлечение европейского и американского материала помогло бы привнести бóльшую ясность в природу мальтузианского шока и способствовать разрешению спора. Проделанный авторами анализ показал существование значительного разнообразия форм ресурсного голодания в зависимости от того, где находится наблюдатель: в центре тогдашнего мира, богатого, но вошедшего в нисходящую спираль в связи с дефицитами, или на его быстрорастущей периферии, со значительными ресурсными запасами на фоне низкого уровня производительности. Упрощая модель до предела, авторы берутся утверждать, что высокая производительность в центре приводит к явному и скрытому падению занятости. Выход на предельную эффективность означает исчерпание внутренних резервов прочности – малейшая приостановка может привести к системному краху. Одним из проявлений предельной эффективности является падение рождаемости на фоне удорожания воспроизводства. Это можно объяснить ростом конкуренции, которая налагает высокие требования на образование работника, повышая стоимость воспроизводства. Низкая производительность периферии приводит, наоборот, к буму рождаемости на фоне дешевизны воспроизводства – нужны работники всех уровней квалификации, чем дешевле, тем лучше. Возникшее популяционное давление создает миграции из периферии в центр, а также эпизоды социальных взрывов и войны.

В статье **«Причины революционного кризиса в России 1905–1917 гг.»** *П. В. Турчин* утверждает, что, несмотря на то, что и неомальтузианская, и структурно-демографическая теории упоминаются в полемике между Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым, основной упор обоими авторами был сделан на первой. Спор идет о том, был ли революционный кризис в России вызван ухудшением благосостояния народа. Однако в структурно-демографическая теории обнищание народа – не единственный и

даже не самый важный из факторов, ведущих к революции. Падение качества жизни простого народа в первой половине и середине XIX в. привело к массовым крестьянским выступлениям, но они были легко подавлены государством. Перепроизводство элиты, которое развилось к концу века, оказалось гораздо более серьезной проблемой и привело (вкупе с шоком Первой мировой войны) к краху государства и Гражданской войне. В отличие от неомальтузианства, структурно-демографическая теория предсказывает именно такую последовательность событий (сначала перенаселение и после лага – перепроизводство элиты, за ним пик нестабильности). Более того, эта динамика типична для ранее изученных вековых циклов.

В статье *С. В. Цирея* **«Почему в России произошла революция?»** обсуждается применимость структурно-демографической теории к предреволюционной ситуации в России в контексте спора между Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым. Представлена математическая модель влияния технического прогресса на уровень жизни населения, наглядно показывающая, что ситуация балансирования на грани мальтузианского кризиса была характерна в XIX в. не только для России, но и для многих стран Европы. В целом возможность России обойтись без кровавых потрясений определялась вероятностью одновременно пережить пять кризисов различной глубины: (1) суметь остаться в стороне от мировой войны или вступить в нее на максимально благоприятных условиях; (2) безболезненно выйти из мальтуазианской ловушки при начинающемся экологическом кризисе и медленном снижении уровня рождаемости; (3) преодолеть растущее расхождение между европеизирующимся обществом (и монархией) и народом (вместе с радикальной интеллигентской контр-элитой), стремящимся к «черному переделу» земли; (4) преодолеть распад самих оснований власти династии Романовых и православной церкви, иначе говоря, провести православную Реформацию; (5) разрешить национальные противоречия в континентальной империи.

В первой части статьи *Л. Е. Гринина* **«Мальтузианско-марксова “ловушка” и русские революции»** рассматриваются аргументы Б. Н. Миронова и С. А. Нефедова в отношении двух главных вопросов дискуссии: динамики уровня жизни в дореволюционной России и причин Русской революции. По мнению автора, Нефедов преувеличивает бедность и недопотребление в значительной части крестьянства, а Миронов преуменьшает их; Миронов не дает сколько-нибудь ясного ответа на вопрос о причинах Русской революции и ошибается, фактически сводя их к совпадению роковых случайностей; Нефедов прав, что Русская революция имела глубокие причины под собой, но неправ в том, что главные причины революции сводились к балансированию населения на уровне физиологической нормы потребления. Во второй части статьи автор дает собственное объяснение причинам Русской революции, которые в целом можно опре-

делить как усиливающееся несоответствие социального и политического строя и господствующей идеологии быстрым социальным, экономическим и культурным изменениям в России, включая и подпитывающий их быстрый демографический рост. Для объяснения особенностей социального кризиса в России автор доказывает, что в России уже не было ситуации типичной мальтузианской ловушки, характерной для доиндустриальных сложных аграрно-ремесленных обществ. В ситуации, когда появляется фабричная промышленность и заметным слоем общества становится промышленный пролетариат, возникает уже новый тип ловушки: *мальтузианско-марксова* ловушка. В ней (в отличие от мальтузианской ловушки) проблема перенаселения является не фатальной, а скорее социальной, поскольку рост ВВП на душу населения не отстает от роста населения или даже обгоняет его. Однако быстрая динамика экономики и урбанизации требует существенных трансформаций в политическом строе, правовой системе и пр., и если эти изменения существенно запаздывают, возникают диспропорции, которые и выступают как первичная причина революции.

В статье *М. А. Давыдова* **«Об уровне потребления в России в конце XIX – начале XX века»** критикуется подход С. А. Нефедова, продолжающего, по мнению М. А. Давыдова, предвзятую народническо-марксистскую линию в осмыслении истории пореформенной России. На основании значительного статистического и нарративного материала автор пытается продемонстрировать, что как подход Нефедова к источникам, так и собственно анализ им конкретно-исторической проблематики не выдерживают критики.

В своем ответе (**«Давайте будем корректны...»**) на реплику М. А. Давыдова *С. А. Нефедов* предлагает свою собственную интерпретацию представленных Давыдовым материалов.

Наконец, в короткой реплике на общий ход дискуссии **«Русская революция в свете теории динамического хаоса»** *Л. И. Бородкин* обращает особое внимание на то обстоятельство, что в январе 1917 г., выступая в Швейцарии на съезде молодых социалистов этой страны, В. И. Ленин сказал: «Мы, старики, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». Ход событий 1917 г. создал как минимум три варианта возможного развития событий осенью того года: Учредительное Собрание и легитимный путь формирования власти; радикально левый переворот; радикально правый переворот. Это своего рода аттракторы в обстановке российского хаоса. В этой точке бифуркации могли реализоваться разные траектории. Здесь огромную роль играют флуктуации, моментальный расклад сил, личность лидера (см. выше; об этом пишет в данном Альманахе и Л. Е. Гринин) и т.д. Ни одна из партий не имела столь гениального тактика, твердого вождя, как у партии большевиков. Можно рассмотреть по дням события весны-лета-осени 1917 г., чтобы разобраться, как росла ве-

роятность большевистского переворота 25 октября. По мнению Л. И. Бородкина, это типичный синергетический сценарий.

В заключительном разделе третьей части выпуска предварительные итоги дискуссии подводят два ее основных участника – С. А. Нефедов и Б. Н. Миронов.

В своей итоговой статье **«Развитие без мальтузианского кризиса: гиперцикл российской модернизации в XVIII – начале XX в.»** Б. Н. Миронов предпринимает попытку обосновать тезис о том, что Россия в XV – начале XX в. не попадала в мальтузианскую ловушку на сколько-нибудь продолжительное время. Ни классическая мальтузианская теория, ни ее новая версия в форме структурно-демографической концепции не применимы к российским реалиям, так как благодаря колонизации плодородных земель емкость экологической ниши в России постоянно увеличивалась, обгоняя рост населения. Начиная с реформ Петра I Россия вступила в процесс непрерывной форсированной глобальной модернизации, продолжавшейся до октября 1917 г., что позволяет говорить о двухвековом гиперцикле в развитии страны. По мнению Б. Н. Миронова, российские революции начала XX в. были обусловлены не мальтузианским кризисом и даже не столько социально-экономическими, сколько политическими факторами, в том числе блестящей PR-активностью противников монархии. Революции готовила и организовала либерально-радикальная интеллигенция. В борьбе за власть она привлекла на свою сторону народ, без поддержки которого не имела сил свергнуть монархию. Размах потрясений и масштаб перемен, вызванных последней революцией, был порожден комплексом социальных, экономических и культурных факторов.

Статья *С. А. Нефедова* **«Россия в плену виртуальной реальности»** посвящена подведению итогов проводившейся на страницах Альманаха дискуссии о причинах Русской революции. Автор утверждает, что подсчеты Б. Н. Миронова, показывающие, что уровень потребления хлебов в России в начале XX в. был достаточно высоким, содержат ошибку, связанную с недоучетом расходов на фураж. После исправления этой ошибки, даже при вносимых Б. Н. Мироновым поправках в официальную статистику, получается, что вследствие роста населения потребление в XIX в. упало примерно на треть, т. е. наблюдалась типичная картина «мальтузианских ножниц». Кроме того, автор показывает, что не является обоснованным и объяснение Мироновым Февральской революции как либеральной «революции сверху». Демонстрируется, что концепция Б. Н. Миронова и С. В. Куликова о ведущей роли либеральной буржуазии в Февральской революции не выдерживает критики и основана, в частности, на неверной передаче цитируемого С. В. Куликовым источника (статьи Н. И. Иорданского).

Наконец, в заключительной статье редакторов данного выпуска Альманаха **«История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции»** подводятся общие итоги дискуссии. Авторы

Заключения отмечают, что они не поддерживают полностью ни одну из двух главных точек зрения, и, на их взгляд, дискуссия не демонстрирует победы какой-то одной точки зрения. Фактически, хотя каждая точка зрения имеет свои плюсы, у каждой имеется и определенная односторонность, в большей или меньшей мере связанная с исходными теоретическими предпосылками их авторов. В то же время в Заключении показывается на примере целого ряда моделей развития различных стран в разные эпохи, что сами процессы модернизации и выхода из мальтузианской ловушки, независимо от уровня потребления и темпов демографического роста, достаточно тесно и органично связаны с опасностью социально-политических катаклизмов, которые сравнительно легко могут перерасти в революции и кровавые потрясения. Поэтому в качестве исключения следует рассматривать скорее случаи бескризисного развития в условиях модернизации и выхода из мальтузианской ловушки, чем случаи революций и политических потрясений. В Заключении также дается подробный анализ некоторых важных структурно-демографических факторов, которые выпали из внимания участников дискуссии (или были ими затронуты недостаточно), но значимы для понимания общереволюционных ситуаций. К числу таких факторов относятся, в частности, быстрый рост доли горожан и молодежи (т.н. «молодежный бугор») в структуре населения.

Библиография

Адо А. В. 1977. Зарождение и становление социологической и исторической мысли Нового времени (XVI–XVIII вв.). *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки* / Ред. И. С. Галкин. М.: МГК. С. 12–39.

Булдаков В. 2008. С точки зрения имманентно-кризисного течения российской истории. Выступление на «круглых столах» в институте Российской истории РАН. *Отечественная история* 6: 172–175.

Володин А. И. 1982. (Ред.). *Утопический социализм: Хрестоматия*. М.: Политиздат.

Гавлин М. Л., Казакова Л. А. 1980. *Современные буржуазные теории социальной революции*. М.

Гидденс Э. 1999. *Социология*. М.: URSS.

Гринин Л. Е. 1997. Формации и цивилизации. *Философия и общество* 2: 5–89.

Гринин Л. Е. 2006. *Философия, социология и теория истории*. 4-е изд. М.: КомКнига/УРСС.

Гринин Л. Е. 2007. Проблема анализа движущих сил исторического развития, общественного прогресса и социальной эволюции. *Философия истории: проблемы и перспективы* / Ред. Ю. И. Семенов, И. А. Гобозов, Л. Е. Гринин. М.: КомКнига/URSS. С. 148–247.

Гринин Л. Е. 2008. О роли личности в истории. *Вестник РАН* 78/1: 42–47.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2006. (Ред.). *История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов*. М.: КомКнига/URSS.

Гринин Л. Е., Малков С. Ю, Коротаев А. В. 2008. (Ред.). *История и Математика: Модели и теории.* М.: ЛКИ/URSS.

Давыдов М. А. 2009. К вопросу о потреблении населения России в конце XIX – начале XX в. *Российская история* 2:168–176.

Далин В. М. 1981. *Историки Франции XIX–XX веков.* М.: Наука.

Джефферсон Т. 1990. *Автобиография. Заметки о штате Виргиния.* Л.: Наука.

Драбкин Я. С. 1968. Революция. *Советская историческая энциклопедия.* 11: *Пергам – Ренувен* / Ред. Е. М. Жуков. М.: Советская энциклопедия. С. 926–933.

Коротаев А. В., Малков С. Ю., Гринин Л. Е. 2007. (Ред.). *История и Математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов.* М.: КомКнига/URSS.

Красин Ю. А. 1975. *Революцией устрашенные.* М.: Политиздат.

Лабриола А. 1960. *Очерки материалистического понимания истории.* М.: Наука.

Лавров В. М. 2008. (Вед.). Круглые столы в институте Российской истории РАН на тему о месте Октябрьской революции в истории России и др. *Отечественная история* 6: 167–211.

Ле Бон Г. 1908. *Психология социализма.* СПб.

Лебон Г. 1995. *Психология социализма.* СПб.: Макет.

Мабли Г. 1950. *Избранные произведения.* М. – Л.

Малков С. Ю., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2007. (Ред.). *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства.* М.: КомКнига/URSS.

Малков С. Ю., Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2009. (Ред.). *История и Математика: Процессы и модели.* М.: Либроком/URSS.

Маркс К. 1955. Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа». *Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Маркс К. 1957*а*. Буржуазия и революция. *Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 6. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Маркс К. 1957*б*. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. *Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 6. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Маркс К. 1960. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих. *Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 17. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Миронов Б. Н. 2009. Модернизация имперской России и благосостояние населения. *Российская история* 2: 137–155.

Моисеев Н. Н. 1987. *Алгоритмы эволюции.* М.: Молодая гвардия.

Нефедов С. А. 2009. О связи демографических показателей и потребления в России в конце XIX – начале XX в. *Российская история* 2: 155–163.

Раинко С. 1979. *Марксизм и его критики.* М.: Прогресс.

Роднов М. И. 2009. Третья Россия (о крестьянстве и не только). *Российская история* 2: 163–168.

Сапрыкин Ю. М. 1975. *Политическое учение Гаррингтона.* М.: МГУ.

Сахаров А. Н. 2007. (Вед.). Февральская революция 1917 года в Российской истории. *Отечественная история* 5: 3–30.

Сен-Симон А. 1948. *Избранные сочинения.* Т. I–II. М.–Л.

Сорокин П. А. 1992. Социология революции. *Человек. Цивилизация. Общество* / П. А. Сорокин. М.: Политиздат. С. 266–294.

Токвиль А. де. 1997. *Старый порядок и революция.* М.: Моск. филос. фонд.

Турчин П. В., Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Коротаев А. В. 2007. *История и Математика: Концептуальное пространство и направления поиска.* М.: ЛКИ/URSS.
Уоддис Д. 1975. *«Новые» теории революции.* М.: Прогресс.
Уинстенли Д. 1950. *Избранные памфлеты.* М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР.
Штомпка П. 1996. *Социология социальных изменений.* М.: Аспект-Пресс.
Энгельс Ф. 1957. Революция и контрреволюция в Германии. *Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 8. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
Энгельс Ф. 1961. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. *Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 8. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
Энгельс Ф. 1965 [1890]. [Письмо] Йозефу Блоху в Кенигсберг, 21(22) сентября 1890 г. *Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 37. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
Юм Д. 1965. *Соч.* Т. 1. М.: Мысль.

Adams B. 1913. *The Theory of Social Revolutions.* New York, NY: Macmillan.
Aya R. 1979. Theories of Revolution Reconsidered. *Theory and Society* 8/1: 39–99.
Brinton C. 1949. *English Political Thought in the Nineteenth Century.* Cambridge, MA: Harvard University Press.
Brinton C. 1965 [1938]. *Anatomy of Revolution.* New York: Harper & Row.
Bullock A., Stallybras O. 1977. *The Fontana Dictionary of Modern Thought.* London: Fontana/Collins.
Edwards L. 1965. *The Natural History of Revolution.* New York, NY.
Fairchild H. P. 1966. *Dictionary of Sociology and Related Sciences.* Totowa, NJ: Littlefield, Adams.
Fisher H. H. 1955. *The Communist Revolution. An Outline of Strategy and Tactics.* Stanford, CA: Stanford University Press.
Foran J. 1993. Theories of Revolution Revisited: Toward a Fourth Generation. *Sociological Theory* 11: 1–20.
Giddens A. 1989. *Sociology.* Cambridge: Polity Press.
Goldstone J. 1980. Theories of Revolutions: The Third Generation. *World Politics* 32: 425–453.
Goldstone J. 2001. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science* 4: 139–187.
Grinin L. E. 2008. The Role of the Individual in History. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 78/1: 64–69.
Gurr T. 1970. *Why Men Rebel.* Princeton: Princeton University Press.
Hook S. 1955. *The Hero in History. A Study in Limitation and Possibility.* Boston: Beacon Press.
Huntington S. P. 1968. *Political Order in Changing Societies.* New Haven, CT: Yale University Press.
Jenkins J. C. 1982. Why do Peasants Rebel? Structural Arid Historical Theories of Modern Peasant Rebellions. *American Journal of Sociology* 88/3: 487–514.
Johnson Ch. 1968. *Revolutionary Change.* London: University of London Press.
Neumann S. 1949. The International Civil War. *World Politics* 3: 333–334.
Skockpol Th. 1979. *States and Social Revolution.* Cambridge: Cambridge University Press.
Sorokin P. 1925. *The Sociology of Revolution.* Philadelphia, PA: Lippincott.
Taylor S. 1984. *Social Science and Revolutions.* London: Macmillan.

I. ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

О причинах Русской революции[1]

С. А. Нефедов

Была ли русская революция начала XX в. случайностью или кризис был обусловлен долговременными экономическими процессами? Проблема интерпретации революции тесно связана с анализом экономического развития в XIX – начале XX вв. и с общей проблемой существования исторических закономерностей, проявлением которых, согласно марксистской точке зрения, была эта революция. Однако несостоятельность марксистской трактовки этих закономерностей привела к утрате веры в существование каких-либо закономерностей вообще. «Из-за утраты веры в закономерность исторических событий... – отмечает известный американский историк Л. Хеймсон, – в современной российской историографии образовался вакуум, чем и объясняется появление таких стереотипов в интерпретации исторических процессов, как сведение объяснения Октябрьского переворота к заговорщической деятельности большевиков, объяснение истоков Февральской революции как следствия заговорщической деятельности масонов, не говоря уже об объяснении падения царского режима прекращением проведения столыпинских реформ вследствие внезапной смерти премьер-министра от рук террористов в 1911 г.» (Хеймсон 1993: 4).

Известно, что как советские историки, так и дореволюционные экономисты считали уровень потребления в России крайне низким и притом постепенно понижающимся. Эта истина была признана и на официальном уровне правительственных комиссий, собравших многие тома статистических данных (Материалы... 1903). Такая позиция первоначально была свойственна и западной историографии. «В 1905 году произошла аграрная революция, – писал Г. Робинсон, – и позади этой революции, рассматриваемой как “результат”, должно быть, имелись “причины”; если же это не так, то не имеется никакой логики в движениях истории. Так как результат был глубок и широк, причины, должно быть, также простирались широко и глубоко в жизнь деревень...» (Robinson 1967: 363). До 1980-х гг. причину революции видели в ухудшении положения народных масс, и

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-Урал 07-01-83109 а/У.

прежде всего крестьянства; главной причиной оскудения крестьянства считался быстрый рост населения, приведший к острой нехватке земли (например: Gerschenkron 1965; Volin 1970). Но в 80-х гг. эта точка зрения была поставлена под сомнение в работах П. Грегори, П. Гатрелла, Дж. Симмса, С. Хока и ряда других авторов (Gregory 1982; Gatrell 1986; Simms 1977; Hoch 1994). Отмечая фиксируемый в конце XIX – начале XX в. рост населения и душевого производства, эти авторы полагают, что российская аграрная экономика находилась на пути поступательного развития и уровень потребления увеличивался. Эту точку зрения на динамику аграрного развития разделяет и известный российский историк Б. Н. Миронов, который говорит не только об увеличении потребления, но и о том, что его уровень «в целом удовлетворял существовавшие в то время потребности в продовольствии» (Миронов 2008: 95).

Но почему же тогда произошла революция?

Неомальтузианство и теория демографических циклов

Прежнее объяснение революции, исходившее из ухудшения положения крестьянства, опиралось в своей основе на исторические и экономические законы, а именно на классическую мальтузианско-рикардианскую экономическую теорию. Эта теория утверждает, что в условиях ограниченности ресурсов пахотных земель рост населения приводит к уменьшению душевого сбора и потребления хлебов. Как показали Е. Ригли и Р. Шофилд (Wrigley, Schofield 1981: 9), в традиционном обществе существует корреляция между уровнем потребления и величиной естественного прироста, поэтому уменьшение потребления должно вызывать замедление роста населения. В простейшем случае, когда площадь пахотных земель ограничена, а урожайность постоянна, объем продовольственных ресурсов ограничен константой K, вмещающей емкостью экологической ниши *(carrying capacity)*. В этой ситуации динамика населения и потребления описываются хорошо известным в экологии логистическим уравнением:

$$\frac{dN}{dt} = r(1 - \frac{N}{K})N \ .$$

В этом уравнении N – численность населения, K – емкость экологической ниши, r – естественный прирост в благоприятных условиях. Решением этого дифференциального уравнения (см., например: Pearl 1925) является логистическая кривая (Рис. 1).

Согласно логистической модели по мере роста населения потребление снижается до голодного минимума и далее уже практически не убывает; кривая потребления движется вдоль асимптоты. Численность населения также стабилизируется, и система находится в состоянии экологи-

ческого равновесия, когда голодная смертность компенсирует рождаемость. В аграрных обществах перенаселение проявлялось прежде всего в дроблении крестьянских наделов, которые уже не могли прокормить своих владельцев; разоренные крестьяне продавали свою землю ростовщикам и уходили на заработки в города. Однако ремесла не могли дать пропитание массам «излишнего населения», катастрофически росло число безработных и нищих; перенаселение приводило к хроническому голоду и восстаниям. Этот период «голодного гомеостазиса» называют периодом Сжатия; в одних случаях он продолжался несколько десятилетий, в других случаях Сжатие быстро приводило к катастрофе. Дело в том, что состояние экологического равновесия неустойчиво; случайные факторы, такие как большой неурожай или неудачная война, в условиях крайнего напряжения социальной системы могут породить страшный голод, сопровождаемый эпидемиями, или всеобщее восстание, перерастающее в революцию, или и то и другое одновременно.

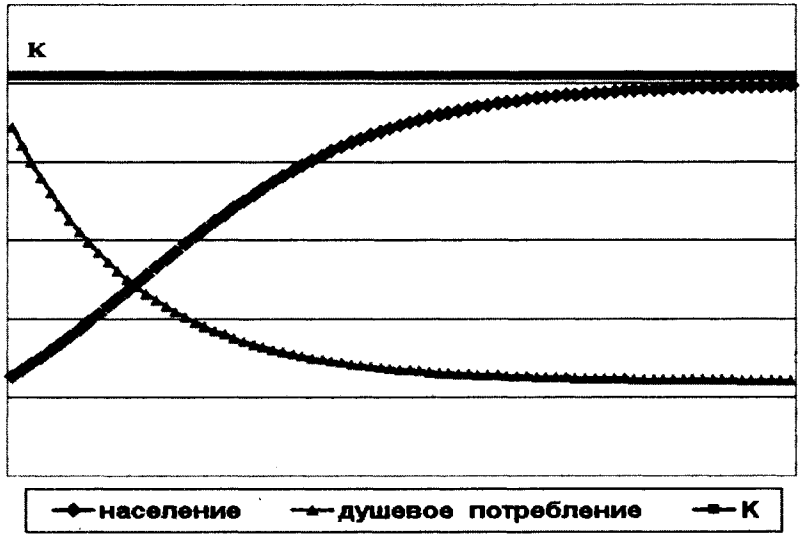


Рис. 1. Логистическая кривая и кривая потребления

Социальные революции были достаточно обычным исходом демографических циклов: из 16 исследованных циклов в странах Востока, которые начались в условиях господства частной собственности на землю, 13 циклов завершились революциями, приведшими к ликвидации крупного землевладения (Нефедов 2003). Однако и помимо передела земли голод, эпидемии и гражданские войны приводили к гибели большой части населе-

ния и появлению свободных земель. Таким образом, проблема перенаселения и нехватки земли на время теряла свою актуальность, наоборот, появлялся недостаток рабочей силы, что приводило к увеличению заработной платы и потребления. Но затем население вновь начинало расти, появлялось перенаселение и снова наступало время голода и революций. История развивалась в ритме демографических циклов.

Теория циклов была разработана в первую очередь представителями знаменитой французской исторической школы «Анналов»; у ее истоков стояли такие известные ученые, как Э. Лабрусс, Ф. Бродель, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню. Большую роль сыграли работы английских и немецких исследователей М. Постана, В. Абеля, К. Хеллинера. Различные ученые называли циклы исторического развития по-разному: «демографическими», «общими», «большими аграрными», «вековыми», «логистическими» циклами. Мысль о том, что завершающей стадией цикла является революция, была обоснована Э. Лабруссом на примере Великой французской революции. Позднее в рамках исторической социологии появилась «теория революции», и Дж. Голдстоун детально показал роль перенаселения в революциях XVII–XIX вв. (Goldstone 1991). Более того, П. Турчиным была построена математическая модель, алгоритмизирующая вербальную схему Дж. Голдстоуна, и исследование модели показало, что в основе этой схемы лежат базисные экологические и экономические закономерности (Turchin 2003: 117–123; Турчин 2007: 172–208; см. также: Коротаев 2006; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007). Еще одна модель демографического цикла, апробированная на материале Западной Европы, построена в совместной работе Дж. Комлоса и автора этих строк (Komlos, Nefedov 2002)[2].

Российский кризис с точки зрения теории демографических циклов

Как выглядит российский кризис начала XIX в. с точки зрения теории циклов? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать динамику потребления в течение длительного (примерно столетнего) периода, предшествовавшего революции. Общая динамика экономического положения в первой половине XIX в. обычно реконструируется по данным губернаторских отчетов. Наиболее детальный и до сих пор непревзойденный источниковедческий анализ материалов этих отчетов был выполнен в известной работе А. С. Нифонтова (Нифонтов 1974: 15–81). А. С. Нифонтов подробно разобрал имевшие место критические отзывы

[2] В целом же к настоящему времени разработано достаточно большое число математических моделей социально-демографических циклов, см., например: Нефедов 2002; Нефедов, Турчин 2007; Nefedov 2004; Usher 1989; Chu, Lee 1994; Малков 2002, 2003, 2004; Turchin 2005; Turchin, Korotayev 2006; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Гринин, Коротаев, Малков 2008 и т. д.

об этих материалах и нашел их несправедливыми; в конечном счете исследователь пришел к выводу, что «данные этой статистики допускают их сопоставление с соответствующими показателями более позднего времени и достаточно надежны для определения динамики урожайности хлебов в Европейской России на протяжении всего прошлого столетия» (Нифонтов 1974: 79). Эти выводы были приняты подавляющим большинством российских исследователей, в том числе И. Д. Ковальченко, который посвятил специальную работу изучению урожайной статистики первой половины XIX в. (Ковальченко 1959).

По сведениям И. Д. Ковальченко, сопоставимые данные за 1802–1860 гг. имеются для 36 из 50 губерний Европейской России. Эти данные говорят о том, что в начале XIX в. средний уровень чистого сбора был достаточно высоким – более 24 пудов на душу населения. За полвека посевы возросли, но урожайность упала, и рост населения привел к падению чистого сбора до 18,9 пуда[3] (там же: 73–74).

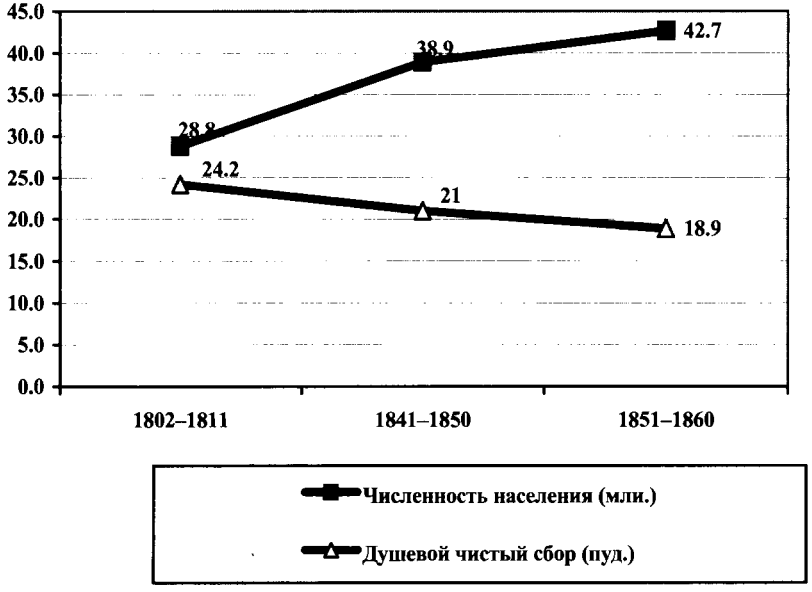


Рис. 2. Динамика населения и душевого чистого сбора в 36 губерниях России

ПРИМЕЧАНИЕ. *Источник*: Ковальченко 1959: 73–74.

График на Рис. 2, показывающий динамику чистого сбора, в целом подобен графику классического демографического цикла (Рис. 1). Как мы уви-

[3] Мы перевели данные И. Д. Ковальченко в пуды, исходя из соотношения 1 четверть = = 7,8 пуда.

дим далее, минимальная душевая норма потребления зерна в пищу составляет примерно 15,5 пуда; что касается расхода зерна на фураж, то в середине столетия у крестьян было еще достаточно пастбищ, и скот очень редко кормили зерном, поэтому можно предположить, что минимальная норма потребления хлеба в пищу и на фураж составляло около 17 пудов.

Таким образом, падение душевых сборов в первой половине XIX в. привело к тому, что потребление приблизилось к минимально возможной норме. Падение потребления, в свою очередь, замедлило рост населения; естественный прирост уменьшился с 0,91% в 1795–1833 гг. до 0, 58% в 1834–1850 гг. и до 0,49% в 1851–1857 гг. (подсчитано по: Кабузан 1963: Табл. 17).

Данные губернаторских отчетов – это те данные, которые реально имеются в архивах и которые принимает большинство историков. Однако Б. Н. Миронов занимает иную позицию. В последней работе этого исследователя приводится оценка чистого сбора по десятилетиям на протяжении первой половины XIX в. для 50 губерний Европейской России (Миронов 2008: 95). Судя по приведенной ссылке, материалами для этой оценки послужили известные данные И. Д. Ковальченко, В. К. Яцунского и Е. Зябловского; никаких новых материалов не привлекалось. Методика получения оценки не оговаривается, в связи с чем возникает много вопросов: например, по данным И. Д. Ковальченко, для 1820-х гг. имеются губернаторские отчеты лишь для 10 губерний; подобная ситуация наблюдается также в 1810-х и 1830-х гг. – каким образом была проведена экстраполяция этих материалов на 50 губерний? Кроме того, Б. Н. Миронов произвольно увеличивает размеры чистого сбора на 10%. Для данных 1850-х – 1860-х гг. он ссылается на пример И. И. Вильсона, который в 1869 г. вводил поправку к материалам губернаторских отчетов и на работу В. К. Яцунского, якобы согласившегося с этой поправкой. «Средние сборы у него оказались такими же, как у И. И. Вильсона», – пишет Б. Н. Миронов (Миронов 2008: 83). Однако это не так: В. К. Яцунский писал, что цифры И. И. Вильсона «особенно завышены», и вводил свою поправку к этим цифрам, уменьшающую их примерно на 10% (Яцунский 1961: 122, 131). Об «искажении» И. И. Вильсоном материалов государственных отчетов писал и А. С. Нифонтов, объясняя это свойственным всем чиновникам желанием приукрасить действительность в глазах руководства (Нифонтов 1974: 15–81). Несостоятельной является и ссылка Б. Н. Миронова на то, что крестьяне и помещики стремились приуменьшить урожайность: ведь губернаторские отчеты писали не крестьяне, а чиновники и губернаторы, которые, как мы видим на примере И. И. Вильсона, старались всемерно завысить «отчетность». Таким образом, имеющаяся статистика скорее завышает, чем занижает уровень потребления, но гадать об этом бессмысленно: в реальности мы имеем то, что имеем –

данные губернаторских отчетов. Эти отчеты говорят, что продовольственное положение ухудшалось вместе с ростом населения.

Имеются и другие свидетельства ухудшавшегося продовольственного положения. Это прежде всего участившиеся голодовки. Голод, распространявшийся на обширные территории, отмечался в 1833–1834, 1839–1840, 1848, 1856 гг. В 1847–1849 гг. к голоду присоединились его обычные спутники – эпидемии, и вследствие постоянного недоедания огромных масс эпидемия холеры приняла катастрофический характер. Толпы нищих, как тени, блуждали по селам, прося милостыню; крестьяне питались мякиной и лебедой. Зимой к холере присоединились цинга и оспа. Причина распространения этих болезней, докладывал воронежский губернатор, «заключается преимущественно в недостатке питательной и привычной пищи». «Болезнетворное влияние это еще более усиливается от недостатка в топливе, которое, в безлесных уездах, состоит большей частию из соломы, употребляемой на корм животным, с раскрытием даже избовых крыш» (цит. по: Шевченко 1956: 108). В 1848 г., по данным Министерства внутренних дел, только от холеры погибло 668 тыс. человек, а в целом по России, по некоторым оценкам, число жертв эпидемии и голода в 1847–1849 гг. составляло около одного миллиона (Нифонтов 1949: 43; Кабузан 1982: 69). Голод привел к невиданной до тех пор волне крестьянских волнений. В 1848 г. было зарегистрировано 160 крестьянских волнений – число, примерно в четыре раза превышающее средний уровень (Литвак 1967: Табл. 1).

Дискуссия вокруг статистики

Для второй половины XIX в. имеются более подробные данные, которые позволяют судить об уровне потребления с учетом вывоза и расходов на винокурение. Однако и здесь официальные данные становятся предметом дискуссии.

Данные об урожаях собирались в указанный период Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, Министерством земледелия и земствами. Известно, что для сбора данных ЦСК через волостные правления распространяло около 100 тыс. стандартных анкет с вопросами об урожайности и посевных площадях. С другой стороны, Министерство земледелия использовало сеть добровольных корреспондентов, которые предоставляли сведения как о своих хозяйствах, так и о хозяйствах соседей. Этих корреспондентов было сравнительно немного (до 8 тыс. человек), они обычно принадлежали к числу крупных и успешных хозяев, и в силу этой специфики поставляемые ими сведения об урожайности, с точки зрения самого Министерства земледелия, были завышенными (Свод... 1902: 81). В 1893 г. А. Ф. Фортунатов установил, что это превышение (по сравнению с данными ЦСК) составляет примерно 7% (Фортунатов 1893: 6). А. Ф. Фортунатов соглашался с тезисом о завышен-

ности корреспондентских данных Министерства земледелия, но полагал, что цифры ЦСК, в свою очередь, несколько занижены, то есть реальная урожайность заключена где-то посредине (он же 1909: 63). В 1915 г. Д. И. Иванцов сравнил различные данные об урожайности ржи по 18 губерниям за период от 7 до 26 лет и подсчитал, что в среднем указанное превышение составляет 11–12%, а цифры земств превышают цифры ЦСК на 9–10% (Иванцов 1915: 26). Сравнение посевных площадей было проведено за один год для пяти губерний; данные земств оказались на 4% выше, чем данные ЦСК (там же: 129). Д. И. Иванцов считал, что проведенный им анализ является достаточно «беглым» (там же: 26) и не предлагал, основываясь на нем, вводить какие-либо коррективы в официальную статистику.

В 1924 г. появилась статья С. Г. Струмилина (Струмилин 1924), в которой он утверждал, что Госплан СССР, построив зерновой баланс для 1906–1914 гг., нашел, что расходная часть на 19% превышает официальный валовый урожай по данным ЦСК. С. Г. Струмилин считал, что данные баланса согласуются с результатами Д. И. Иванцова (там же: 61). После этой статьи Госплан некоторое время давал в своих изданиях величину предвоенных урожаев с надбавкой в 19%, однако ЦСУ СССР никогда не применяло этой надбавки. Сотрудник ЦСУ Н. Виноградова в 1926 г. опубликовала большую статью с подробным сопоставлением всех имевшихся данных об урожайности по сведениям ЦСК и земств (Виноградова 1926). Оказалось, что данные земств зависели от применяемой методики: если их поставляли добровольные корреспонденты, то они – так же, как данные Министерства земледелия – превышали цифры ЦСК, если же их получали через опросы, проводимые администрацией, или через оценки волостного правления и сельских старост, то они оказывались ниже данных ЦСК (там же: 88–89). «Если признать, что корреспондентские данные вообще могут быть несколько повышенными, – подводит итог Н. Виноградова, – то из всех приведенных данных вытекает, по-видимому, с достаточной степенью убедительности, что данные Центрального Статистического Комитета *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*» (там же: 90, курсив Н. Виноградовой).

Статья Н. Виноградовой до сих пор является наиболее детальным в российской историографии исследованием проблемы сопоставимости данных урожайной статистики. По-видимому, основываясь на этих материалах, Госплан в дальнейшем отказался от применения поправки в 19% и стал использовать (также как и ЦСУ) данные ЦСК.

Такова ситуация с урожайностью. Что касается сбора, то он определялся ЦСК путем умножения урожайности на величину посева или посевных площадей. Данных о посевах Министерство земледелия не собирало, а в земских обследованиях они присутствуют крайне редко. Однако имеется еще один независимый источник, позволяющий оценить достовер-

ность данных ЦСК о посевах, – это данные сельскохозяйственной переписи 1916 г. В целом по 46 губерниям данные о посевах ЦСК превышали данные переписи на 8,8%, но поскольку здесь, вероятно, сыграли роль военные обстоятельства, Особое совещание по продовольствию сделало вывод, что в целом данные ЦСК вполне достоверны (Ковальченко 2004: 48). Эти выводы в конечном счете определили подход советских аграрных историков к проблеме сопоставимости статистических материалов: советская историческая школа традиционно использовала статистику ЦСК «как наиболее систематический и наиболее полный набор данных» (там же: 44).

Западная историческая школа долгое время продолжала использовать 19%-ю надбавку Иванцова – Струмилина (см., например: Jasny 1972). Перелом в мнениях западных историков произошел только в 1974 г., когда появилось детальное исследование С. Уиткрофта (Wheatcroft 1974). С. Уиткрофт, в частности, разрешил вопрос о происхождении надбавки Иванцова – Струмилина, и выяснил, что, во-первых, материалы Иванцова совершенно недостаточны для введения каких-либо поправок. Во-вторых, С. Уиткрофт нашел в работе Н. Аделунга (Аделунг 1925) зерновой баланс Госплана, на который ссылался Струмилин, и проанализировал причины различия данных в расходной части бюджета с данными ЦСК о валовых сборах в его приходной части. «В основном это различие можно объяснить при помощи норм потребления, которые были значительно выше, чем обычно используемые для этого периода, – отмечает С. Уиткрофт. – Может быть подсчитано, что Аделунг использовал личную норму потребления в 21 пуд на душу в год, в то время как норма, принимавшаяся А. В. Чаяновым, А. Е. Лосицким, С. А. Клепиковым, Р. Я. Поповым и даже Н. Ясным, не превосходила 17,2 пуда» (Wheatcroft 1974: 167). В итоге английский исследователь сделал вывод, что введение поправки в 19% было необоснованным (*ibid.:* 167–169). Правда, в работе 1974 г. С. Уиткрофт не отвергал полностью возможности введения менее значительных поправок, как, например, 7%-ная поправка Фортунатова; и некоторые западные историки, в частности П. Грегори, такую поправку вводили (Грегори 2003). Однако в дальнейшем С. Уикрофт и Р. Дэвис в результате проведенного анализа пришли к выводу, что «урожайные данные ЦСК были достаточно надежными» (Wheatcroft, Davies 1994: 25).

Из российских историков за введение поправок к данным ЦСК в последнее время выступают М. А. Давыдов (Давыдов 2003) и Б. Н. Миронов (хотя Б. Н. Миронов еще недавно, в работе 2002 г., использовал неисправленные данные [Миронов 2002]). Оба историка не привлекают каких-либо новых данных и ссылаются на старые работы А. Ф. Фортунатова и Д. И. Иванцова. Б. Н. Миронов (после беседы с автором этих строк) признал значение результатов Н. Виноградовой, но выдвинул новое возражение: «Крестьяне в равной степени не доверяли как земствам, так и ЦСК, и вряд ли могли сообщить и тем и другим правильные сведе-

ния» (Миронов 2008: 91). То есть под сомнение теперь ставятся не только данные ЦСК, но и корреспондентские данные земств и Министерства земледелия. Напомню, что эти данные предоставлялись *добровольными* корреспондентами, которых никто не заставлял лгать, и поскольку эти корреспонденты принадлежали по большей части к числу зажиточных хозяев, то эти данные считались завышенными даже А. Ф. Фортунатовым. Основной аргумент введения поправок в новой работе Б. Н. Миронова – это ссылка на высказывание Струмилина о балансе Госплана, о котором говорилось выше (там же). Но как уже отмечалось, С. Уиткрофт как будто установил нереальность этого баланса. Б. Н. Миронов не упоминает ни о работе С. Уиткрофта, ни о работе Н. Аделунга; поэтому нам придется уделить некоторое время, чтобы разобраться в этой проблеме. Она чрезвычайно важна для темы нашего исследования, т. к. непосредственно связана с оценкой уровня потребления в предвоенную эпоху.

Уровень потребления в период Сжатия

Прежде всего необходимо отметить, что Н. Аделунг при определении норм потребления крестьян ссылается на известную работу С. А. Клепикова (Клепиков 1920). Но Аделунг нигде не приводит используемых норм, и их приходится вычислять его критикам. К сожалению, С. Уиткрофт не поясняет, каким образом он получил из данных Аделунга норму в 21 пуд на душу. Поэтому обратимся непосредственно к нормам С. А. Клепикова, на которые ссылается Н. Аделунг. Эти нормы получены из материалов бюджетных обследований, которые дают размеры потребления зерна в пищу. Однако такие обследования эпизодически проводились лишь в немногих губерниях. Данные этих обследований суммированы в таблице, приводимой ниже и основанной на материалах С. А. Клепикова и А. В. Чаянова (Табл. 1):

Табл. 1. Потребление в пищу по данным бюджетных обследований

Губернии	*Хлеб, пуд.*	*Хлеб и картофель в пересчете на хлеб 1:5, пуд.*	*Мясопродукты, пуд.*	*Годы обследования*	*Число описанных хозяйств*
Вятская	17,73	18,57	0,85	1900–01	1987
Вологодская	13,27	15,2	1,21	1905–07	329
Олонецкая	21,85	23,0	3,08	1909	157
Новгородская	17,15	17,59	0,68	1909	?
Костромская	13,33	14,11	0,57	1908–09	376
Ярославская	13,8	15,24		1909	2192
Московская, Московский уезд	13,87	16,52	1,44	1912	25

Губернии	*Хлеб, пуд.*	*Хлеб и картофель в пересчете на хлеб 1:5, пуд.*	*Мясопродукты, пуд.*	*Годы обследования*	*Число описанных хозяйств*
Московская, Волоколамский уезд	11,0	12,69	1,11	1910	25
Московская	11,12	13,12	1,0	1910–11	45
Смоленская	13,89	17,08	1,18	1911	71
Калужская	11,9	13,4	1,0	1909	119
Калужская	16,93	19,48	1,69	1914	?
Тульская	12,7	15,9	1,29	1910–12	655
Пензенская	14,1	16,11	1,29	1912/13	263
Тамбовская	14,8	17,0	1,2	1915	85
Симбирская	19,45	21,4	0,56	1913	225
Харьковская	16,7	17,7	1,35	1910	101
Полтавская	13,9	16,4	1,82	1911	147
Херсонская	24,2	29,3	2,09	1898	124

ПРИМЕЧАНИЯ: *Подсчитано по*: Чаянов 1916: 47, Табл. 16; Клепиков 1920: 27.

Как следует из сведений о 16 губерниях, приведенных в Табл. 1, имеющиеся данные относятся к разным годам и обладают различной степенью достоверности. Известный статистик проф. А. Е. Лосицкий в 1927 г. писал, что «невозможно представить точную динамику крестьянского потребления в настоящее время по сравнению с довоенным временем ввиду небольшого числа довоенных наблюдений, малого числа охватываемых ими губерний, разновременности и разнометодичности их» (Лосицкий 1927*а*: 83). Некоторые обследования довоенного времени охватывали меньше ста хозяйств и могли давать выборочные средние данные, весьма далекие от реальных значений. Данные повторных обследований по Калужской и Московской губерниям плохо согласуются друг с другом и заставляют сделать вывод о больших колебаниях потребления даже в пределах одной губернии. Казалось бы, нерепрезентативность этих материалов очевидна, однако за неимением лучшего эти данные использовались не только Н. Аделунгом, но и Б. Н. Мироновым для характеристики уровня потребления в начале XX в. – и более того, распространялись с 16 губерний на всю Европейскую Россию (Миронов 2002).

Можно ли проверить данные бюджетов? Стандартный метод проверки данных такого рода, широко использовавшийся ЦСУ в 20-х гг., – это построение продовольственных балансов, наподобие баланса Н. Аделунга. По данным бюджетных обследований, среднее душевое потребление хлеба и картофеля в пищу равнялось примерно 17,5 пуда. С другой стороны, по расчетам Статистико-экономического комитета Министерства продовольствия, самое минимальное потребление зерновых на фураж составля-

ло 7,1 пуда на душу населения (Лосицкий 1918: 22, 28). Таким образом, если верить бюджетам, то даже без учета потерь, расходов на самогон и накопление запасов минимальный душевой остаток на потребление должен составить 17,5 + 7,1 = 24,6 пуда.

Посчитаем теперь приходную часть бюджета, основываясь на данных ЦСК. Ниже приводится продовольственный баланс для 53 губерний Европейской России (с включением Северного Кавказа – Табл. 1), рассчитанный по сельскохозяйственным годам для пяти периодов, 1901/02–1905/06, 1906/07–1910/11, 1908/09–1911/12 и 1909/10–1913/14 гг. Первые два периода традиционно рассматриваются в статистике ЦСК, последний период – это пятилетний период перед кризисом, третий период берется в рассмотрение потому, что для него (как и для четвертого периода) мы можем построить погубернские балансы потребления и сравнить их с балансами для Европейской России, и, наконец, пятый период охватывает все предвоенное время с начала столетия.

Табл. 2. Продовольственный баланс по 53 губерниям Европейской России

	1901/02–05/06	*1906/07–10/11*	*1908/09–11/12*	*1909/10–13/14*	*1901/02–13/14*
Население, млн	109,7	119,4	122,6	126	114,8
Зерновые					
Чистый сбор зерновых, млн пуд.	2815	2859	3032	3407	3013
Чистый сбор зерновых на душу, пуд.	25,7	23,9	24,7	27,0	25,4
Вывоз	628	653	730	718	649
Вывоз на душу, пуд.	5,7	5,5	6,0	5,7	5,5
Расход на винокурение, млн пуд.	44	44	26	31	34
Остаток на потребление, млн пуд.	2143	2162	2276	2658	2331
Душевой остаток на потребление, пуд.	19,5	18,1	18,6	21,1	19,6
Картофель					
Чистый сбор, млн пуд.	894	980	708	1170	1078
Расход на винокурение	130	164	157	160	150
Душевой остаток на потребление, пуд.	7,0	6,8	4,5	8,0	7,7
Душевой остаток на потребление в пересчете на зерно 5:1, пуд.	1,4	1,4	0,9	1,6	1,5
Душевой остаток на потребление зерна и картофеля, пуд.	**20,9**	**19,5**	**19,5**	**22,7**	**21,1**

Подсчитано по: чистый остаток за вычетом посева: справочники *Урожай... года*; данные о винокурении и вывозе: *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой.* Пг., 1915; *Год девятый.* Пг., 1916.

Остаток на потребление в этой таблице – это зерно и картофель, оставшиеся после посева, вывоза и расходов на винокурение, эта графа подразумевает потребление зерна и картофеля в пищу и на корм скоту: состояние массовой статистики не позволяет разделить эти две статьи расхода. Сюда же относятся и потери, а также расходы на тайное самогоноварение, которые, взятые вместе, в 1925–1928 гг. отнимали от потребления около одного пуда на душу.

Таким образом, приходная часть баланса дает остаток на потребление в 1901–1913 гг. по Европейской России 21,1 пуда на душу, а расходная часть, если принимать на веру среднее бюджетных обследований, дает 24,6 пуда – на 15% больше. К выводу о том, что бюджетные обследования приукрашивают реальную картину, приходили многие исследователи. Г. Робинсон и Н. Н. Кореневская утверждали, что это происходит за счет преувеличения в выборке доли более состоятельных хозяйств (Robinson 1967: 251; Кореневская 1953: 29–41). Однако дело не только в этом, более важно то обстоятельство, что *обследования проводились в благополучные годы и не касались голодающих районов*. В начале XX в. было три больших неурожая, за которыми последовал голод: неурожаи 1901/02 и 1906/07 гг. охватили черноземные губернии, а неурожай 1911/12 гг. – восточные области Европейской России; на потребление (в пищу и на фураж) в эти годы в 53 губерниях оставалось соответственно по 15,3, 14,1 и 15,5 пуда на душу, а в пораженных неурожаем районах – по 10 пудов и меньше. По подсчетам П. Н. Першина, число голодающих каждый раз составляло примерно 25–30 млн человек – и ни одно земство не проводило среди них бюджетных обследований (Першин 1966: 48).

Таким образом, мы не имеем никаких оснований исчислять на основе заведомо нерепрезентативных данных расходную часть баланса и затем, ориентируясь на ее, увеличивать приходную часть – то есть вводить какие-то поправочные коэффициенты к валовому сбору (как делают Н. Аделунг, С. Г. Струмилин и Б. Н. Миронов). Наоборот, мы имеем полное право корректировать расходную часть, приводя ее в соответствие с приходной частью. И эта коррекция указывает на то, что реальное потребление в пищу должно было составить в 1901–1914 гг. не более 21,1 – 7,1 = = 14 пудов, а в 1909–1914 гг. 22,7 – 7,1 = 15,1 пуда.

Для того чтобы оценить эти данные, необходимо сравнить их с минимальной душевой нормой потребления на продовольствие и фураж (нормой остатка на потребление). Как отмечалось выше, минимальная норма расходов на фураж составляет 7,1 пуда. Какова минимальная норма потребления в пищу? Считается, что рабочий-мужчина, так называемый «едок», занятый на сельскохозяйственных работах, должен получать с пищей не менее 3860 ккал в день, а на отдыхе и при легкой работе достаточно 2600 ккал (Крестовников 1912: 32). ЦСУ СССР в 1920-х гг. считало, что средним условиям крестьянской жизни и работы удовлетворяет норма

в 3750 ккал (Состояние... 1928: 50). Среднестатистическая «душа» потребляет в 1,4 раза меньше «едока», следовательно, минимальная норма для сельской «души» составляет 2680 ккал в день. Естественно, хлеб и картофель обеспечивали лишь часть этой энергетической потребности, и норма их потребления зависела от присутствия в рационе других продуктов, прежде всего молока и мяса. В развитых странах с высоким потреблением продуктов животноводства норма потребления хлеба была существенно меньше, чем в России, где на хлеб и картофель приходилось 78% общей калорийности рациона. По упомянутым бюджетным обследованиям крестьянская «душа» в 1896–1913 гг. в среднем получала 2952 ккал в день, потребляя при этом 17,5 пуда хлеба и картофеля в год. Отсюда легко подсчитать, что при сохранении той же структуры питания для обеспечения нормы в 2680 ккал необходимо 16,1 пуда хлеба и картофеля в год (напомним, что мы пересчитываем картофель на рожь в соотношении 1:5). Городская «душа» потребляет хлеба примерно на 23% меньше (Лосицкий 1927*б*: 18), и можно подсчитать, что при доле городского населения в 15% норма потребления хлеба и картофеля для всего населения составит примерно 15,5 пуда.

Таким образом, минимальная норма потребления в пищу составляет 15,5 пуда, а суммарная норма потребления в пищу и на фураж (остатка на потребление) – 22,6 пуда. Эти цифры как раз характеризуют среднее потребление в 1909–1913 гг., то есть потребление крестьян даже в лучшие для России времена поддерживалось лишь на уровне минимальной нормы. Однако при этом в силу статистического разброса половина населения получала пищи меньше нормы, и были периоды (1906–1910 гг.), когда среднее потребление опускалось ниже нормы, и тогда недоедало более половины населения.

Б. Н. Миронов, который принимает на веру завышенные данные бюджетных обследований, в 2002 г. полагал, что «рацион низшей экономической группы крестьян, составлявшей 30% всего сословия, не обеспечивал их достаточной энергией» (Миронов 2002: 37). В любом случае, хроническое недоедание трети населения является достаточной причиной для революции. Однако позже Б. Н. Миронов изменил свою точку зрения: в последней работе он утверждает, что уровень потребления «в целом удовлетворял существовавшие в то время потребности в продовольствии» (Миронов 2008: 95).

Представление о том, какой уровень потребления нужно иметь, чтобы реально «удовлетворять существовавшие в то время потребности в продовольствии» и достичь социальной стабильности, дает сравнение России с другими государствами.

Табл. 3. Чистый остаток хлебов и картофеля (в пересчете на хлеб 1:4) после вычета посевного материала («производство») и остаток с учетом экспорта и импорта («потребление») на душу населения в конце XIX в.

Страна	Производство	Потребление	Импорт (+) или экспорт (–)	Страна	Производство	Потребление	Импорт (+) или экспорт (–)
Франция	30,2	33,6	+3,4	Бельгия	23,7	27,2	+3,5
Австро-Венгрия	27,4	23,8	–3,6	Великобритания	12,5	26,4	+13,9
Германия	24,2	27,8	+3,6	**Россия**	**24,3**	**19,5**	**–4,8**

Источник: Лохтин 1901: 216–217. Расходы на винокурение здесь не учитываются.

Следует признать, что даже по сравнению с густонаселенными европейскими странами душевое производство хлеба в России было сравнительно невелико, примерно как в Германии и Бельгии. Но в то время как Германия, Бельгия и другие страны ввозили зерно, Россия его вывозила, и в результате уровень потребления в России намного отставал от стабильных западных государств.

Б. Н. Миронов и некоторые американские историки полагают, что положение в российском аграрном секторе в конце XIX в. улучшалось. Действительно, душевой чистый сбор по данным губернаторских отчетов в середине XIX в. составлял 18,9 пуда, а остаток на потребление в начале XX в. – около 21 пуда. Однако такое сопоставление данных не свидетельствует о росте потребления хлеба в пищу. Нужно учитывать, что эти величины включают расходы на фураж. В балансе Б. Н. Миронова эти расходы в 1860-е гг. и в 1909–1913 гг. указаны одинаковыми – 18 кг (1,1 пуда) на душу населения (Миронов 2008: 92), – благодаря этому и создается обманчивая картина «удовлетворения потребностей». В действительности за это время расходы на фураж резко возросли: количество лошадей увеличилось в полтора раза (Wheatcroft 1991: 144), а пастбища в густонаселенных районах были большей частью превращены в пашню. В связи с процессами урбанизации резко возросла численность лошадей в городах и на заводах, где их кормили в основном зерном. Все это привело к тому, что перед войной душевой расход зерна на фураж составлял минимум 7,1 пуда (Лосицкий 1918: 22, 28). Таким образом, за вычетом фуража, потребление хлеба и картофеля в пищу фактически осталось на минимальном уровне около 15 пудов: росли лишь расходы на фураж. Отметим, однако, что увеличение этих расходов отнюдь не свидетельствовало об увеличении потребления мяса: количество мясо-молочного скота на душу населения уменьшалось (Wheatcroft 1991: 145).

Поскольку мы не знаем более точно динамики расходов на фураж в промежутке между серединой XIX и началом XX в., то мы никогда не смо-

жем определить точную динамику потребления в пищу в этот период. Однако в целом вопрос об этой динамике имеет лишь академический интерес: важно, что в начале XX в. потребление в пищу оставалось очень низким. Таким образом – в соответствии с теорией демографических циклов, – с ростом населения потребление к середине XIX в. упало до минимального уровня и затем колебалось возле него – главным образом в результате климатических отклонений. На этом минимальном уровне любой толчок – большой неурожай или неудачная война – мог вызвать революцию.

Роль колебаний урожайности

При отсутствии у многих крестьян запасов зерна толчком к восстанию мог быть большой неурожай. Специфика сельского хозяйства России заключалась в том, что урожаи сильно колебались. Подсчитано, что отношение максимального урожая ржи к минимальному в 1901–1910 гг. составляло в России 1,67, во Франции – 1,28, в Германии – 1,18 (Череванин 1927: 161). Как показал С. Уиткрофт (Wheatcroft 1991) урожаи сильно колебались не только год от года, но в среднем по пятилетиям, поэтому пятилетний сглаживающий тренд имеет циклический характер. График на Рис. 3 аналогичен графику, приводимому С. Уиткрофтом, но счет ведется по хозяйственным годам и учтены расходы на посев, благодаря чему реальное потребление можно сравнивать с минимальной нормой. Однако это опять-таки потребление в пищу и на фураж, а не чистое потребление; кроме того, здесь не учитываются расходы на винокурение, а также потребление картофеля.

Судя по этим материалам, в пятилетие 1908/09–1913/14 гг. был действительно достигнут максимум потребления, но примерно такой же максимум имелся в предыдущем цикле в пятилетие 1900/01–1904/05 гг. Таким образом, вполне вероятно, что подъем 1909–1913 гг. был очередным циклическим подъемом, и мы не можем уверенно экстраполировать в будущее рост 1909–1913 гг. Очевидно также, что нельзя использовать изолированные данные 1909–1913 гг. для подтверждения тезиса о «наступающем благополучии» и нельзя ограничиваться сравнением уровня потребления в произвольно выбранных пятилетиях. Между тем П. Грегори, чтобы показать рост потребления в дореволюционной России, сравнивает потребление лишь в 1885–1889 и 1897–1901 гг. Более того, американский исследователь не учитывает потребление овса и ряда других культур и ведет исчисление не в натуральных, а в стоимостных показателях, что завышает результат ввиду опережающего роста производства более дорогих – но не более калорийных – хлебов (Грегори 2003: 67).

Вместе с тем анализ пятилетних средних отчасти вскрывает механизм социальной неустойчивости. График наглядно показывает, что по чисто климатическим причинам вслед за относительно благополучным периодом может прийти целое «голодное пятилетие». В таком случае для спа-

сения от повторяющихся неурожаев не хватит запасов, накопленных в урожайные годы: чтобы стабилизировать повторяющие неурожаи, необходим более высокий общий уровень производства. На протяжении полувекового периода в России было два промежутка концентрации неурожайных лет, именно 1889–1892 гг. и 1905–1908 гг. В эти годы среднее потребление падало ниже минимальной нормы и недоедала уже не половина, а бóльшая часть населения. Это был попросту голод. Голод 1892 г. унес, по разным подсчетам, от 400 до 700 тыс. жертв (Robbins 1975:171), а голод 1905–1906 гг., судя по превышению реальной смертностью естественной, – около 350 тыс. (подсчитано по: Новосельский 1923: 117). Именно этот голод превратил тлеющую революцию 1905 г. в крестьянскую войну (см.: Нефедов 2005: 348–352).

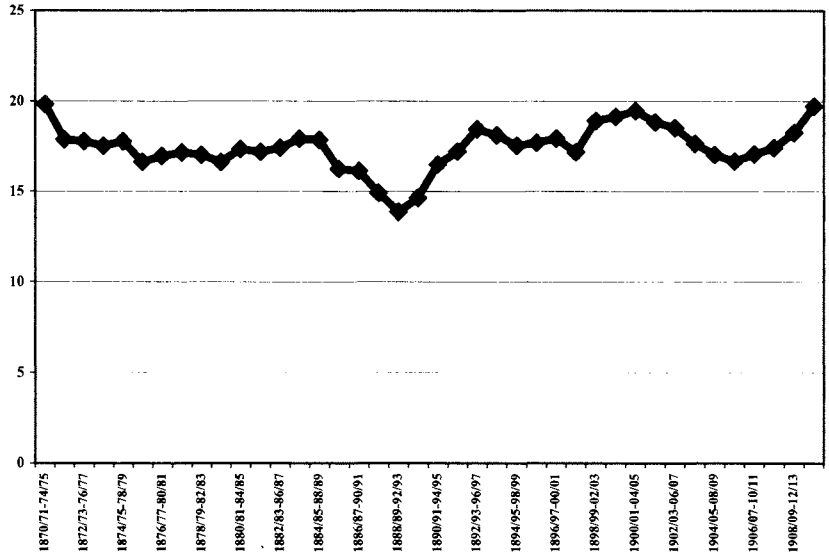


Рис. 3. Душевой чистый остаток хлебов за вычетом посева и вывоза по 50 губерниям Европейской России

Подсчитано по: Урожай... 1883–1914; Сборник сведений... 1902: 7; Свод... 1902: 132–133; Сборник статистико-экономических сведений...1916: Табл. VII, А. 4.

Таким образом, на протяжении полувека Россия балансировала на грани голода, это было состояние Сжатия, которое характеризуется неустойчивым экологическим равновесием; это равновесие в любой момент

могло быть нарушено действием случайных факторов. Факторами, поддерживавшими это равновесие, были авторитет освободившей крестьян царской власти и воспитанная столетием искусственного отбора покорность бывших крепостных. Еще одним, едва ли не важнейшим благоприятным обстоятельством был внешний мир. Единственная война, которую вела Россия в 1861–1903 гг., была «маленькая победоносная война» с Турцией, популярная в народе война за освобождение «братушек-славян». Но неудачная война и потеря авторитета самодержавия могли привести к тому, что полуголодное население откажется подчиняться властям.

Роль экспорта

Потребление оставалось на уровне минимальной нормы, но душевой чистый сбор в период с середины XIX в. по начало XX в. существенно вырос. *Если бы все произведенное зерно оставалось в стране, потребление в начале XX в. достигло бы примерно 25 пудов на душу – уровня социальной стабильности.* Однако стремительный рост экспорта после постройки «вывозных» железных дорог привел к тому, что в 1870–1890 гг. при росте душевого производства потребление убывало (там же: 253).

Возникает естественный вопрос: почему это происходило? Почему был возможен вывоз, доводящий крестьян до голода? Очевидно, существовал слой землевладельцев, имевших для продажи большое количество хлеба, и этот хлеб при поощрении властей уходил за границу, в то время как миллионы бедняков голодали. Кто были эти землевладельцы? Ответ, лежащий на поверхности, – это помещики. Действительно, помещики были кровно заинтересованы в том, чтобы продавать свой хлеб на мировом рынке, где цены были много выше, чем в России. В 1896 г. совещание губернских предводителей дворянства напрямую потребовало от правительства еще более понизить тарифы на вывозных железных дорогах – сделать их ниже себестоимости перевозок (Соловьев 1979: 223).

«Лозунг “не доедим, а вывезем” был не пустым лозунгом, ибо рост внутренних цен был связан с ростом мировых цен, – писал известный экономист Н. П. Огановский. – Не только крестьяне центральных районов перманентно недоедали, не только производители яиц и птицы сами в рот их не брали... Главные сельскохозяйственные продукты шли за границу: половина товарного зерна, ¾ льна, яиц, половина масла. Отсюда ужасающая смертность детей, отсюда сила эпидемий, отсюда глухое недовольство масс, постоянная борьба всеми доступными крестьянам способами с помещиками и начальством и стихийные вспышки бунтов – предвестники революционной грозы» (Огановский 1927: 29).

На связь экспорта с помещичьим землевладением указывали ранее многие авторы (см., например: Кауфман 1918: 51). При 712 млн пудов среднего ежегодного вывоза в 1909–1913 гг. помещики непосредственно

поставляли на рынок 275 млн пудов (Ковальченко 1971: 190). Эта, казалось бы, небольшая цифра объясняется тем, что крупные землевладельцы вели собственное хозяйство лишь на меньшей части своих земель; другую часть они сдавали в аренду, получая за это около 340 млн руб. арендной платы (Анфимов 1962: 502). Чтобы оплатить аренду, арендаторы должны были продать (если использовать среднюю экспортную цену) не менее 360 млн пудов хлеба. В целом с помещичьей земли на рынок поступало примерно 635 млн пудов – эта цифра вполне сопоставима с размерами вывоза.

Конечно, часть поступавшего на рынок зерна поступала с крестьянских земель, крестьяне были вынуждены продавать некоторое количество зерна, чтобы оплатить налоги и купить необходимые промтовары; но это количество (около 700 млн пудов) примерно соответствовало потреблению городского населения. Можно условно представить, что зерно с помещичьих полей шло на экспорт, а зерно с крестьянских – на внутренний рынок, и тогда получится, что основная часть помещичьих земель как бы и не принадлежала России, население страны не получало продовольствия от этих земель, они не входили в состав экологической ниши русского этноса.

Но, может быть, Россия получала от хлебного экспорта какие-то другие преимущества?

Возьмем для примера данные за 1907 г. В этом году было вывезено хлеба на 431 млн руб.; взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов (в основном для тех же помещиков) на 180 млн руб., и примерно 140 млн руб. составили расходы русских за границей – дело в том, что часть русской аристократии практически постоянно жила за границей. Для сравнения, в том же году было ввезено машин и промышленного оборудования на 40 млн руб., сельскохозяйственной техники – на 18 млн руб. (Ежегодник России... 1910: 191–193; Покровский 1947: 383). Таким образом, помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта.

Необходимо подчеркнуть, что ситуация в России не была чем-то особенным; в экономической истории много примеров, когда дворянство вывозило из страны хлеб, сужая экологическую нишу своего народа и доводя его до нищеты. Наиболее известный пример такого рода – это так называемое «второе издание крепостничества», когда дворянство балтийских стран под воздействием мирового рынка создавало экспортные хозяйства, фольварки, – и не только отнимало хлеб у своих крестьян, но и низводило их до положения, близкого к рабству. «Зерно, повсюду, где оно служило предметом широкой экспортной торговли, работало на “феодализацию”»... – писал Фернан Бродель (Бродель 1992: 257). В этом смысле

русский хлебный экспорт был остатком феодализма, он был основан на феодальном по происхождению крупном землевладении и на той власти, которую еще сохраняло русское дворянство. Напомним, что согласно современным воззрениям уничтожение крупного землевладения является необходимым элементом «революции модернизации» – это теоретическое положение было сформулировано одним из создателей теории модернизации С. Блэком на основе обобщения опыта социальных революций и реформ в развивающихся странах (Black 1966: 73–74). Проект аграрной реформы, разработанный С. Ю. Витте и Н. Н. Кутлером, естественным образом вписывается в последовательность проектов такого рода, осуществленных впоследствии в различных странах Европы и Азии. Этот проект предлагал альтернативу революции 1917 г., – но он не был реализован из-за сопротивления дворянства.

В результате была реализована другая, революционная альтернатива. В нашу задачу не входит описание долгосрочных последствий революции, таких как коллективизация, но на 1925/26 – 1928/29 гг. экономические результаты революции были таковы: урожайность и посевные площади почти не изменились, экспорт зерна уменьшился сравнительно с 1909/10 – 1913/14 гг. в 10 раз, душевой остаток на потребление зерна и картофеля увеличился с 22,7 до 27,5 пуда (Нефедов 2008: 103). Таким образом, наиболее реальным следствием революции стало фактическое прекращение экспорта, которое привело к увеличению потребления как раз до того уровня, какой мог бы быть и до революции – если бы весь собранный хлеб оставался в стране.

Роль имущественной и территориальной дифференциации

Как отмечалось выше, при среднем потреблении, близком к минимуму, в силу естественного статистического разброса одна половина населения имеет потребление выше нормы, в то время как другая – ниже нормы. Две половины населения, «благополучная» и «голодающая», примерно соответствовали двум категориям крестьян, бывшим государственным и бывшим крепостным крестьянам. Исходной причиной имущественного неравенства в деревне была половинчатая реформа 1861 г., освободившая помещичьих крестьян с крайне недостаточными наделами и сохранившая феодальное землевладение помещиков. В 1877 г. средний двор бывших помещичьих крестьян имел надел в 8,9 десятин, а средний двор государственных крестьян – 15,1 десятины. В результате роста населения к 1905 г. наделы уменьшились и составляли соответственно 6,7 и 12,5 десятины (Анфимов 1980: Табл. 18). Эти данные говорят о том, что в деревне существовало резкое разделение имущества, при котором одна половина крестьян была чуть ли не вдвое богаче другой. Таким образом, по крайней

мере половина крестьян постоянно испытывала голод и была готова к бунту.

Имущественное разделение крестьян имело географический аспект: в эпоху своего расцвета крепостничество укрепилось прежде всего в центральных областях государства, в то время как на окраинах преобладали государственные крестьяне. С другой стороны, Московский район был тем историческим центром государства, откуда шло расселение на окраины – поэтому в то время как центральный регион был перенаселен, на окраинах еще сохранялся относительный земельный простор и крестьяне имели большие наделы.

Таким образом, представляется важным исследовать динамику потребления в региональном разрезе, чтобы установить, каковы были различия в уровне потребления, какие области России были богатыми, а какие – бедными. Для решения этого вопроса необходимо привлечь данные транспортной статистики. Такие данные имеются в распоряжении историков, но они обладают некоторыми дефектами: имеются пробелы в отношении водных перевозок в Поволжье и, что более существенно, недостаточно данных о перевозках так называемых «второстепенных» хлебов – в том числе гречихи, проса и кукурузы. Поэтому нам пришлось исключить из рассмотрения губернии Степного Юга и ограничиться рассмотрением района, где преобладало возделывание «главных хлебов»: ржи, пшеницы, ячменя и овса.

Величина остатка на потребление в Табл. 4 получена путем вычитания из чистого сбора вывоза (или прибавления ввоза) и расхода на винокурение. Этот остаток идет в основном на потребление в пищу и на фураж, но какая-то небольшая часть расходуется на самогон, откладывается в запас или теряется при хранении и переработке. Как отмечалось выше, минимальная норма потребления в пищу и на фураж составляет 22,6 пуда; с этой величиной можно сравнивать губернские и районные данные. Нужно, однако, учитывать, что расходы на фураж в различных районах зависели от недостатка или, наоборот, обилия пастбищ, поэтому на севере и в центре страны эти расходы (в расчете на душу) были на один-два пуда меньше, а в черноземных областях – на один-два пуда больше. Напомним также, что среднее потребление по 53 губерниям России в 1909/10–1913/14 гг. составляло 22,7 пуда.

В Табл. 4 уровень потребления рассчитан для двух периодов, для 1908–1911 и 1909–1913 гг.; такой выбор временных промежутков объясняется спецификой наших источников. Потребление по губерниям в эти периоды было достаточно тесно связанным (коэффициент корреляции 0,85), то есть данные столбцов 5 и 6 подкрепляют друг друга. В то же время имеется возможность сравнить потребление во временной динамике; из этого сравнения видно, что потребление в большинстве губерний увеличилось. Это объясняется сочетанием урожайных и неурожайных

лет: на 1908–1911 гг. выпало два неурожайных года, 1908 и 1911, а на 1909–1913 гг. – один неурожайный год (1911); напротив, 1912 и 1913 гг. принесли очень богатые урожаи. Как мы видим, потребление сильно различалось даже на уровне четырех-пятилетних средних, у крестьян бывали тяжелые, голодные времена и времена относительно благополучные. В этой связи становится очевидной полная непригодность бюджетных данных за отдельные годы для характеристики среднего потребления: действительно, какое значение могут иметь данные за один случайно выбранный год, если даже пятилетние средние отличались иногда на 30%?

Табл. 4. Остаток на потребление хлеба и картофеля (в переводе на хлеб 1:5) с учетом перевозок «четырех главных хлебов» и за вычетом расходов на винокурение

Губерния	*Чистый сбор зерновых на душу населения (пуд.)*		*Ввоз (+) или вывоз (–) зерновых на душу населения (пуд.)*		*Душевой остаток на потребление хлеба и картофеля (пуд.)*	
	1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
	1908–11	*1909–13*	*1908–11*	*1909–13*	*1908–11*	*1909–13*
Санкт-Петербургская	3,4	3,3	16,9	19,5	21,0	23,8
Московская	3,5	3,9	16,6	16,8	21,2	22,1
Север и Северо-Запад	**12,2**	**12,7**	**4,6**	**4,6**	**17,8**	**18,4**
Архангельская	4,9	4,9	9,9	10,8	15,0	15,9
Вологодская	13,5	14,3	3,4	2,8	17,4	17,6
Новгородская	11,2	11,7	5,1	5,7	17,6	18,7
Псковская	14,2	14,6	3,5	3,4	19,4	19,7
Белоруссия	**13,1**	**13,8**	**2,2**	**2,0**	**18,3**	**18,9**
Витебская	11,8	12,6	3,8	3,7	17,6	18,2
Могилевская	12,4	13,6	1,9	1,6	17,3	18,3
Минская	14,5	14,7	1,4	1,3	19,6	19,8
Центральный район	**12,0**	**13,2**	**4,7**	**5,8**	**18,3**	**21,0**
Тверская	9,4	10,7	5,6	5,5	15,9	17,4
Смоленская	12,5	14,5	4,8	3,8	19,1	20,6
Калужская	9,2	11,0	5,5	5,0	16,4	17,9
Владимирская	11,2	11,5	8,2	8,8	21,5	22,6
Ярославская	12,1	12,4	3,1	7,6	17,9	22,7
Костромская	14,6	15,1	4,1	5,8	20,1	22,6
Нижегородская	15,0	17,0	1,1	5,0	17,3	23,3
Тульская	25,9	25,9	–11,8	–10,1	17,1	18,3
Рязанская	19,4	19,7	–5,2	–4,1	16,4	17,9
Урал и Вятка	**23,5**	**24,7**	**0,2**	**0,5**	**23,9**	**25,3**
Вятская	23,6	24,8	–1,7	–1,9	22,1	23,2

Губерния	*Чистый сбор зерновых на душу населения (пуд.)*		*Ввоз (+) или вывоз (–) зерновых на душу населения (пуд.)*		*Душевой остаток на потребление хлеба и картофеля (пуд.)*	
	1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
	1908–11	*1909–13*	*1908–11*	*1909–13*	*1908–11*	*1909–13*
Пермская	23,4	24,6	2,2	2,8	25,7	27,4
Предуралье	**25,6**	**27,3**	**–10,7**	**–9,1**	**15,0**	**18,3**
Уфимская	27,3	28,8	–10,8	–9,7	16,8	19,3
Оренбургская	23,1	25,2	–10,6	–8,3	12,5	16,9
Центрально-Черноземный район	**25,5**	**28,8**	**–6,5**	**–6,5**	**20,8**	**24,2**
Орловская	20,2	21,6	–2,8	–2,9	20,1	21,3
Курская	25,5	29,4	–3,4	–4,6	24,2	26,8
Воронежская	24,5	29,9	–6,1	–6,7	19,7	24,7
Тамбовская	30,4	32,8	–12,7	–10,9	19,3	23,6
Украина						
Киевская	23,9	26,1	–1,5	–2,0	23,3	24,9
Полтавская	30,6	33,6	–8,7	–9,2	23,4	26,5
Харьковская	28,6	32,5	–6,1	–6,3	23,2	27,6
Черниговская	13,0	15,2	0,4	–0,3	16,2	17,8

Подсчитано по: данные о перевозках: *Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Материалы по продовольственному плану.* Вып. 1. Пг., 1916; Вып. 2. Пг., 1917; *Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России.* Пг., 1916; чистый остаток за вычетом посева: справочники *Урожай... года*; данные о винокурении: *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой.* Пг., 1915; *Год девятый.* Пг., 1916.

Переходя к анализу погубернских данных, нужно отметить, что столичные губернии, Московская и Санкт-Петербургская, стоят отдельно в Табл. 4 ввиду своего особого положения: здесь были сосредоточены наиболее зажиточные слои населения, поэтому уровень потребления, естественно, оказывается несколько выше среднего за счет огромного привоза продовольствия из провинций. Север, Северо-Запад и Белоруссия, как видно из таблицы, не могли обеспечить себя продовольствием и также нуждались в привозе, уровень потребления здесь был ниже среднего по стране. При этом дифференциация среди крестьян приводила к тому, что уровень потребления беднейших слоев был ниже черты голода.

Не мог обеспечить себя продовольствием и Центральный район, но потребление здесь было выше, чем в Белоруссии или на Северо-Западе, так как развитие промышленности и обмен промышленных товаров на хлеб позволяли увеличить привоз зерна. Области, которые не могут обеспечить себя продовольствием за счет местных ресурсов, по определению считаются перенаселенными, в этих областях Сжатия население ищет себе работу в

ремесле или промышленности, чтобы получить продовольствие путем обмена – поэтому в этих районах дешевая рабочая сила и здесь (при наличии капиталов) развивается промышленность. Но даже при значительном развитии промышленности потребление в Центральном районе оставалось ниже среднего для страны уровня.

Рязано-Тульский район был прежде цитаделью крепостничества, здесь существовали (и отчасти сохранились) огромные дворянские поместья. В то же время рост населения в районе снизил уровень душевого производства до 22 пудов; страдавшие от малоземелья крестьяне были вынуждены продавать зерно, чтобы оплатить аренду у помещика – в итоге масса зерна поступала на рынок, вывоз составлял около 7 пудов на душу населения. Крестьяне пытались восполнить нехватку зерна картофелем, но даже с учетом картофеля на потребление оставалось только 18 пудов.

К югу и юго-востоку от Рязани и Тулы процентная доля малоземельных крестьян, бывших крепостных, постепенно уменьшалась; соответственно, уменьшалось число поместий и доля вывозимого зерна – в Центрально-Черноземном районе эта доля составляла около четверти. Плотность населения здесь была меньше, чем в Рязано-Тульском районе, и душевое производство составляло 25–28 пудов; если бы не необходимость продавать зерно (которое потом вывозилось), этого было бы достаточно для нормальной жизни.

Южнее, в Малороссии, положение было лучше, душевое производство достигало 30 пудов, а вывоз был меньше, и потребление было относительно высоким – хотя и здесь существовал свой очаг Сжатия, перенаселенная и бедная Черниговская губерния, которая нуждалась во ввозе зерна.

На востоке, за Волгой, практически не существовало крепостного права, здесь жили свободные крестьяне, не испытывавшие недостатка в земле. Но природные условия и почвы были хуже, чем на Черноземье; в Предуралье засухи были частым явлением. Засуха и страшный неурожай 1911 г. привели к тому, что потребление здесь снизилось, но в целом Предуралье было хлебным районом, вывозившим большое количество зерна. Что касается собственно Урала, то, как видно из таблицы, потребление в Пермской губернии было относительно высоким.

Таким образом, хотя среднее потребление хлеба и картофеля в России примерно соответствовало минимальной норме, сильное различие в уровне потребления между бедными центральными и богатыми окраинными губерниями, между зажиточными бывшими государственными крестьянами и бедняками, бывшими крепостными, приводило к тому, что миллионы бедняков хронически голодали.

При всем том наряду с нищим Центром в тогдашней России существовали настоящие края изобилия. Например, в Самарской губернии государственные крестьяне имели наделы в среднем 4,1 дес. на душу. В 1889 г. в

Новоузенском уезде, на юго-востоке этой губернии, половина крестьян жила в хозяйствах, имевших не менее 4 лошадей (Савельев 1994: 255, 302, 304). Другая богатая область, Степное Причерноморье, была знаменита не только своим благодатным климатом, но и тем, что после освобождения государственные крестьяне имели там огромные наделы – в среднем 5,8 десятины на душу (Литвак 1991: 185). По данным социологических обследований в Херсонской губернии потреблялось в пищу в среднем 29 пудов хлеба на душу (1898 г.).

Таким образом, в Европейской России существовали относительно богатые и относительно бедные, полуголодные области. Если обратиться к данным 1908–1911 гг., то мы увидим, что регион бедности представлял собой связную область, охватывающую основную часть Центра, смежные с Центром черноземные и западные губернии, Север и некоторые губернии Поволжья. Если исключить белорусские губернии, то этот регион примерно соответствовал Московскому царству времен Ивана Грозного – это были перенаселенные коренные области России, с которых в дальнейшем шло расселение на окраины. Д. Байрау отмечает, что эти испытывавшие недостаток хлеба области не случайно стали «крепостями большевизма» в Гражданскую войну – в то время как богатые окраинные регионы поддерживали белых (Байрау 1992).

Экологический кризис

Об ухудшении положения крестьян свидетельствовал также рост недоимок по налогам, которые к 1900 г. достигли размера годового оклада (Hoch 1994: 47). Чрезвычайно важно, что рост недоимок свидетельствовал об отсутствии запасов в крестьянских хозяйствах: это делало их экономически неустойчивыми. Такое положение в случае неурожая было чревато голодом. «При полном отсутствии сбережений каждый неурожай вызывает голод и необходимость для спасения населения в продовольственной помощи со стороны правительства», – писал Б. Бруцкус о положении на Черноземье (Бруцкус 1922: 71).

В конце 1890-х гг. огромный рост недоимок в Центрально-Черноземном районе (и в соседних губерниях) побудил правительство обратить внимание на положение крестьян в этом регионе. В конце 1890-х гг. проблема «оскудения Центра» была признана официально, она стала объектом рассмотрения специально созданных совещаний: «Особого совещания» под председательством А. И. Звегинцева, «Комиссии 1901 года», «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности». «Комиссия 1901 года» проделала огромную работу по сбору и обработке статистических сведений, результатом которой стал известный статистический сборник, служащий ценным источником для характеристики социально-экономического развития России (Материалы... 1903). *Выводы комиссии сводились к тому, что главной причиной*

«оскудения» является перенаселение. Подсчитав общее число рабочих, необходимых для промышленности, ремесла и сельского хозяйства, комиссия нашла, что для 50 губерний Европейской России количество излишних рабочих составляло 23 млн, а процент излишних рабочих к наличному числу их составлял 53%. Особенно высоким этот процент был в Центральном Черноземье, где он составлял от 64 до 67% (там же, ч. III: 234).

В 1860–1914 гг. рост населения в Центрально-Черноземном районе привел к тому, что были распаханы практически все удобные земли. Тамбовские историки-аграрии, досконально изучившие проблему, указывают, что «в течение XIX в. в губернии обнаружились естественные пределы развития экономики, демографии и экологии традиционного общества. К началу XX в. в аграрных регионах России все явственнее проявлялись черты системного кризиса, особо проявившиеся в аграрном перенаселении, сокращении природных ресурсов для сельского хозяйства, истощении почвы, стагнации производства основных зерновых культур...» (Крестьянское движение... 2003: 5). В четырех губерниях Черноземья – Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской – в 1850 г. пашня занимала 61% всей территории, в 1887 г. – 69%, в 1910 г. – 71% (Центрально-Черноземная область... 1931: 309). Известный агроном С. Советов в своем отчете 1876 г. писал: «Теперь здесь самая интенсивная в известном смысле культура, то есть нет ни клочка нераспаханного. Всюду и везде поля и поля со всевозможными красными и серыми хлебами» (цит. по: Фурсов 1991: 23). Об этом же свидетельствовал позже уполномоченный по сельскохозяйственной части Курской губернии А. И. Шахназаров: «Еще 30 лет назад Курская губерния превратилась в одно сплошное поле. Все, что можно было распахать – распахано, леса сведены, уничтожены выгоны... Ввиду отсутствия естественных пастбищ... неизбежная пастьба скота по полям вдвое сокращает паровой период» (Шахназаров 1910: 22, 27).

Некоторые свидетельства современников создают впечатление экологического кризиса, развивающегося в результате усиления антропогенного воздействия на природу. Комиссия, созданная Воронежским уездным комитетом о нуждах сельскохозяйственной промышленности, докладывала в 1902 г.: «В короткий пореформенный период местность уезда изменилась до неузнаваемости. Леса поредели и сократились в площади, реки обмелели или совершенно исчезли, летучие пески надвинулись на поля, сенокосы и другие угодья, поля поползли в овраги и на месте когда-то удобных земель появились рытвины, вымоины, рвы, обвалы и даже зияющие пропасти» (Шахназаров 1910: 22). «Природа мстит человеку за то, что он не бережно относится к главному даровому благу – естественному плодородию почв, – писал Н. П. Огановский. – Тогда учащаются неурожаи и наступает аграрный кризис – голодовки, болезни, нищета. Такой кризис был во Франции в конце XVIII века, в Германии в 1840-х годах и у

нас в центральных губерниях – пятьдесят лет спустя – в 1890-х годах» (Огановский 1925: 113).

Можно лишь удивляться прозорливости выдающегося русского экономиста Николая Петровича Огановского: задолго до создания теории демографических циклов он перечисляет и объясняет экосоциальные кризисы, завершившие эти циклы во Франции, Германии и России.

Роль демографического взрыва

Неомальтузианская теория утверждает, что падение потребления в ходе демографического цикла должно вызвать увеличение смертности и замедление роста населения. Но в России середины XIX – начала XX в. смертность не возрастала, а уменьшалась, и рост населения не только не замедлялся – он ускорялся. На это противоречие указывали многие авторы – в том числе С. Хок, который подчеркивал, что быстрый рост населения должен рассматриваться как свидетельство роста потребления (Хок 1996: 45–47).

Для крестьян уровень потребления ассоциировался прежде всего с величиной земельного надела. На связь между величиной надела и темпами естественного прироста в свое время обратил внимание известный статистик П. П. Семенов, изучавший движение населения в 1858–1878 гг.; в его материалах эта связь была вполне очевидной (Статистика... 1880: 39). Данные Ф. А. Щербины, полученные по результатам проведенной в 1887–1896 гг. в Воронежской губернии сплошной подворной переписи (Щербина 1990: 175, 274–285), также указывают, что с ростом надела увеличивалось душевое потребление хлеба и мяса, уменьшались смертность и заболеваемость. Эта зависимость не вызывала сомнения у большинства специалистов, изучавших материалы дореволюционной России; таким образом, все они явно или неявно придерживались мальтузианских позиций. Но в то же время отсутствовали реальные данные, которые позволили бы сравнить уровень потребления и смертности по большому числу губерний. Лишь сравнительно недавно нами были произведены расчеты потребления хлебов и картофеля в различных губерниях с учетом вывоза и ввоза, а также расходов на винокурение. Таким образом, мы можем посчитать коэффициент корреляции между потреблением в 1909–1913 гг. и смертностью в 1911–1913 гг. Он оказывается равным – 0,15, то есть, как это ни странно, потребление в этот период не оказывало почти никакого влияния на смертность. Столь же малы (и к тому же, как это ни странно, отрицательны) коэффициенты корреляции между потреблением и рождаемостью (–0,23) и между потреблением и естественным приростом (–0,24). Общий вывод кажется парадоксальным: получается, что потребление в этот период почти не влияло на демографические процессы. Как же быть с выводами П. П. Семенова и Ф. А. Щербины?

Табл. 5. Показатели смертности, рождаемости, естественного прироста, потребления, грамотности и медицинского обеспечения по 48 губерниям Европейской России

		1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
	Губернии	*Смертность*		*Рождаемость*		*Естественный прирост 1911–13*	*Долгота губернского центра*	*% грамотных 1897*	*Врачей на 1000 чел. 1911*
		1861–65	*1911–13*	*1861–65*	*1911–13*				
1	Архангельская	29,5	26	41,1	43,5	17,5	40,62	23,3	0,1
2	Астраханская	34,3	33,2	50,3	54,1	20,9	48,10	15,5	0,116
3	Бессарабская	25,8	30,8	41,4	40,4	9,6	28,83	15,6	0,114
4	Виленская	28,2	17,7	50,2	30,6	12,9	25,32	28,8	0,114
5	Витебская	36,8	17,4	48	33,3	15,9	30,18	24,6	0,082
6	Владимирская	40,7	26,3	52	40,2	13,9	40,42	27	0,133
7	Вологодская	35,6	31	46	47	16	39,90	19,1	0,068
8	Волынская	31,8	21	46,9	39,5	18,5	28,67	17,2	0,07
9	Воронежская	41,3	28,7	56,3	48,8	20,1	39,17	16,3	0,07
10	Вятская	42,2	36,7	54,9	51,3	14,6	49,70	16	0,04
11	Гродненская	30	19,3	50,2	32,8	13,5	23,83	29,2	0,096
12	Екатеринославская	32,3	22	55,5	47,7	25,7	34,98	21,5	0,159
13	Земля Войска Донского	23,3	27,4	48,9	50,5	23,1	40,10	22,4	0,118
14	Казанская	37,1	29,9	48	42,8	12,9	49,13	17,9	0,128
15	Калужская	35,2	29,3	50	46,5	17,2	36,27	19,4	0,093
16	Киевская	30,8	20,9	46,7	37,5	16,6	30,52	18,1	0,222
17	Ковенская	26,1	18,1	42,3	27,3	9,2	23,90	41,9	0,106
18	Костромская	37,8	29,5	48	45,1	15,6	40,92	24	0,104
19	Курляндская	22	16,8	36,2	24,6	7,8	23,70	70,9	0,208
20	Курская	36,7	28,4	53,5	46,4	18	36,20	16,3	0,082
21	Лифляндская	26,3	17,8	40,6	22,6	4,8	24,05	77,7	0,385
22	Минская	29,5	18,2	53	37,5	19,3	27,57	17,8	0,081
23	Могилевская	29,8	18,2	50,8	36,8	18,6	30,35	16,9	0,074
24	Нижегородская	43,1	30,7	52,7	46	15,3	44,00	22	0,106
25	Новгородская	35,4	28	45,7	42	14	31,28	23	0,08
26	Олонецкая	44,3	33,9	48,5	45,8	11,9	32,95	25,3	0,106

		1	2	3	4	5	6	7	8
	Губернии	*Смертность*		*Рождаемость*		*Естественный прирост 1911–13*	*Долгота губернского центра*	*% грамотных 1897*	*Врачей на 1000 чел. 1911*
		1861–65	*1911–13*	*1861–65*	*1911–13*				
27	Оренбургская	38,4	37,2	55,3	53,7	16,5	55,10	20,4	0,043
28	Орловская	43,9	27,6	58,1	44,8	17,2	36,10	17,6	0,067
29	Пензенская	39,5	30,8	51,3	48,7	17,9	45,00	14,7	0,056
30	Пермская	45,6	42,2	55,2	55,2	13	56,25	19,2	0,085
31	Подольская	30	22,2	45,7	36,7	14,5	26,60	15,5	0,081
32	Полтавская	34,7	18,3	53,8	36,5	18,2	34,57	16,9	0,093
33	Псковская	37	24,4	51,1	39,1	14,7	28,33	14,6	0,076
34	Рязанская	35,6	23,5	52,7	40,6	17,1	39,73	20,3	0,065
35	Самарская	40,5	34,7	58,2	55	20,3	50,15	22,1	0,065
36	Саратовская	40,6	30,6	54	47,2	16,6	46,03	23,8	0,132
37	Симбирская	41	32,1	52,4	49,5	17,4	48,40	15,6	0,048
38	Смоленская	40,9	26,6	54,1	44,9	18,3	32,05	17,3	0,09
39	Таврическая	28	23,5	49	42,8	19,3	34,10	27,9	0,233
40	Тамбовская	37,4	28,5	51,6	47,2	18,7	41,42	16,6	0,062
41	Тверская	38,1	26,6	48,7	40,1	13,5	35,92	24,5	0,085
42	Тульская	41,9	29,1	55,9	44	14,9	37,62	20,7	0,088
43	Уфимская	32,1	30,2		47,7	17,5	55,93	16,7	0,04
44	Харьковская	37,9	23,1	53,1	43,9	20,8	36,25	16,8	0,222
45	Херсонская	38,3	21,6	53,5	39,8	18,2	32,58	25,9	0,112
46	Черниговская	38,5	21,1	54,9	39,7	18,6	31,30	18,4	0,071
47	Эстляндская	25,3	18,5	39,1	24,6	6,1	24,75	77,9	0,233
48	Ярославская	38,7	25,1	45,4	36,4	11,3	39,87	36,2	0,114

Источники: демографические показатели и грамотность см.: Рашин 1956: 167–168, 187–188, 217–218; обеспеченность врачами см.: *Управление главного врачебного инспектора МВД. Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1911 г.* СПб., 1913. С. 65–66. Московская и Петербургская губернии исключены из таблицы, так как на их показателях слишком сильно сказывалось влияние урбанизации.

Известно, что одним из главных достижений европейской модернизации XIX века были *новые технологии* борьбы с инфекциями путем проведения масштабных санитарных мероприятий с применением эффективных обеззараживающих средств (в том числе знаменитой карболки). Эти (и некоторые другие) медицинские меры позволили остановить господствовав-

шие до тех пор эпидемии и намного снизить вызываемую ими экзогенную смертность – в Европе произошел так называемый «эпидемиологический переход» (Вишневский 2006: 257). В итоге смертность в Англии снизилась с 29,2‰ в 1761–1790 гг. до 18,2‰ в 1891–1900 гг. (Урланис 1941: 225, 245), и мальтузианская корреляция между потреблением и естественным приростом, господствовавшая в этой стране в допромышленную эпоху, была оттеснена влиянием нового могущественного фактора – медицинской технологии (Wrigley, Schofield 1981: 446–471).

Но в России в XIX в. сохранялось традиционное общество, и смертность оставалась на уровне 32,1‰ (1896–1900). «Русская смертность, в общем, типична для земледельческих и отсталых в санитарном, культурном и экономическом отношении стран», – писал С. А. Новосельский (1916: 179). Однако, продолжал С. А. Новосельский, в начале XX в. положение стало меняться: смертность от инфекционных заболеваний в 1911–1914 гг. снизилась в полтора раза по сравнению с 1891–1895 гг. (Новосельский 1916: 182, 184) Общий коэффициент смертности по 50 губерниям Европейской России снизился с 32,1‰ в 1896–1900 гг. до 28,5‰ в 1909–1913 гг. Но, как ни странно, этот процесс был лишь в небольшой степени связан с ростом общей грамотности: корреляция между процентом грамотных и смертностью по 48 губерниям в 1896–1900 гг. составляла –0,55, то есть рост грамотности объясняет лишь около 30% динамики смертности (подсчитано по: Рашин 1956: 167–168, 187–188, 217–218). Еще меньшее значение имело распространение земского здравоохранения: корреляция между смертностью и количеством врачей (на 1000 человек населения) в губерниях составляет лишь 0,44 и объясняет разве что 18% смертности (подсчитано по Табл. 5, столбцы 2 и 8).

Однако существует еще одна корреляция, которая не оставляет сомнений в мощи распространявшегося с запада процесса демографической модернизации. Если мы проанализируем зависимость между смертностью в губернии и ее географическим расположением (долготой губернского центра), то обнаружим корреляцию в 0,83 (подсчитано по Табл. 5, столбцы 2 и 6). Таким образом, почти 70% изменений в смертности объяснялось неким распространявшимся с запада процессом. Нет сомнения, что это был процесс распространения в массах санитарно-гигиенических навыков. Результаты его были столь разительны, что, например, в Минской губернии смертность была в 2,3 раза ниже, чем в Пермской губернии, притом что по уровню грамотности, числу врачей и в особенности по потреблению Пермская губерния превосходила Минскую.

При всем этом можно утверждать, что процесс демографической модернизации начался раньше, чем обычно предполагается: корреляция между долготой и смертностью отмечается уже в 1861–1865 гг. (0,63). В 1881–1885 гг. эта корреляция была равна 0,67, в 1896–1900 гг. – 0,71, а в 1906–1910 гг. возросла до 0,82, оттеснив на второй план все прочие зави-

симости (подсчитано по: Рашин 1956: 187–188). Демографическая модернизация была особенно заметна в западных губерниях: в Минской губернии с 1861–1865 по 1911–1913 гг. смертность уменьшилась с 29,5 до 18,2‰. В начале XX в. этот процесс распространился и на Центральное Черноземье: в 1911–1913 гг. смертность упала до 28,7‰ по сравнению с 36,4‰ в 1895–1900 гг. (Рашин 1956: 187–188).

Таким образом, новые противоинфекционные технологии обусловили значительное уменьшение смертности. Как полагает С. Уиткрофт (Wheatcroft 1999: 35), те же самые механизмы влияли и на динамику среднего роста населения. Это подтверждается наличием корреляции между ростом рекрутов (которых призывали в возрасте 21 года) и средней смертностью за время их жизни до призыва – эта величина в определенной мере характеризует условия жизни рекрута. Указанный (естественно, отрицательный) коэффициент корреляции в 1881–1913 гг. равен –0,87 (подсчитано по: Миронов 1999: 338, Рашин 1956: 155–156). Таким образом, увеличение среднего роста, трактуемое Б. Н. Мироновым как доказательство увеличения потребления, в действительности было следствием распространения мыла и карболки.

Уменьшение смертности вызвало увеличение естественного прироста, «демографический взрыв». Фактически демографический взрыв был приговором старой России: при существовавшем распределении ресурсов страна не могла прокормить нарождающиеся новые поколения.

> «Население европейской России увеличилось еще в большей степени, чем население Германии, – писал Джон Мэйнард Кейнс. – В 1890 году оно было меньше 100 млн, а накануне войны оно дошло почти до 150 млн; в годы, непосредственно предшествующие 1914 году, ежегодный прирост достигал чудовищной цифры в 2 миллиона... *Великие исторические события часто бывают следствием вековых перемен в численности населения*, а также прочих фундаментальных экономических причин; благодаря своему постепенному характеру эти причины ускользают от внимания современных наблюдателей... Таким образом, необычайные происшествия последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным... являются, быть может, гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности Ленина или заблуждений Николая...» (Кейнс 1924: 6, 104).

Библиография

Аделунг Н. 1925. Довоенная сельскохозяйственная продукция. *Плановое хозяйство* 11: 309–340.

Анфимов А. М. 1980. *Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904.* М.: Наука.

Анфимов А. М. 1962. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901–1912 гг.). *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1962 г.* Минск. С. 489–505.

Байрау Д. 1992. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905–1917 гг. *Вопросы истории* 1: 19–31.

Бродель Ф. 1992. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках*. Т. 3. М.: Прогресс.

Бруцкус Б. Д. 1922. *Аграрный вопрос и аграрная политика.* Пг.: Право.

Виноградова Н. 1926. Русская урожайная статистика. *Вестник статистики* XXIII: 29–84, XXIV: 51–104.

Вишневский А. Г. 2006. (Ред.). *Демографическая модернизации России. 1900–2000*. М.: Новое изд-во.

Грегори П. 2003. *Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) Новые подсчеты и оценки*. М.: РОССПЭН.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008. Математические модели социально-демографических циклов и выхода из «мальтузианской ловушки»: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М.: ЛКИ/URSS. С. 78–117.

Давыдов М. А. 2003. *Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв.* М.: Издательский центр РГГУ.

Ежегодник России... 1910. *Ежегодник России 1909 г.* СПб.: ЦСК МВД.

Иванцов Д. И. 1915. *К критике русской урожайной статистики.* Пг.: Тип. Ф. И. Киршбаума.

Кабо Р. М. 1918. *Потребление городского населения России (по данным бюджетных выборочных исследований).* М: Продотдел Моск. Сов. раб. и крест. деп.

Кабузан В. М. 1982. Крепостное крестьянство в XVIII – 50-х гг. XIX в. Численность, состав и размещение. *История СССР* 3: 67–85.

Кауфман А. А. 1918. *Аграрный вопрос в России.* М: Моск. науч. изд.

Кейнс Дж. 1924. *Экономические последствия Версальского договора.* М.; Л.: Гос. изд.

Клепиков С. А. 1920. *Питание русского крестьянства.* Ч. 1: *Нормы потребления главнейших пищевых продуктов*. М.: Тип. III Интернационала.

Ковальченко И. Д. 1959. Динамика уровня земледельческого производства в России в первой половине XIX века. *История СССР* 1: 53–86.

Ковальченко И. Д. 1971. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России. *Проблемы социально-экономической истории России* / Ред. Л. М. Иванов. М.: Наука. С. 175–195.

Ковальченко И. Д. 2004. *Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в.* М.: РОССПЭН.

Кореневская Н. Н. 1953. *Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России.* М.: Госстатиздат.

Коротаев А. В. 2006. *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции.* М.: Вост. лит-ра.

Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны.* М.: КомКнига/URSS.

Крестовников А. Н. 1912. *Питание крестьян Костромской губернии по бюджетным исследованиям 1908–09 гг.* Кострома: Костромское губернское земство.

Крестьянское движение... 2003. *Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918). Документы и материалы* / Сост. В. Данилов. М.: Наука.

Литвак Б. Г. 1967. *Опыт статистического изучения крестьянского движения в России в XIX в.* М.: Наука.

Литвак Б. Г. 1991. *Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива.* М.: Изд. полит. лит-ры.

Лосицкий А. Е. 1918. (Ред.). *Урожай хлебов в России в 1917 г.* М.: Изд. Моск. обл. прод. комитета.

Лосицкий А. Е. 1927*а*. Перспективы потребления продовольственных продуктов в Союзе. *Плановое хозяйство* 4: 79–91.

Лосицкий А. Е. 1927*б*. Динамика потребления хлебных продуктов в СССР в связи с реконструкцией питания. *Статистическое обозрение* 12: 16–22.

Лохтин П. 1901. *Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку.* СПб.

Малков С. Ю. 2002. Математическое моделирование исторических процессов. *Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие* / Ред. Г. Г. Малинецкий, С. П. Курдюмов. М.: Наука. С. 291–323.

Малков С. Ю. 2003. Математическое моделирование динамики общественных процессов. *Связь времен* / Ред. И. Л. Жеребцов. Т. 2. М.: МГВП КОКС. С. 190–214.

Малков С. Ю. 2004. Математическое моделирование исторической динамики: подходы и модели. *Моделирование социально-политической и экономической динамики* / Ред. М. Г. Дмитриев. М.: РГСУ. С. 76–188.

Материалы... 1903. *Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России:* в 3 ч. СПб.: Тип. МВД.

Миронов Б. Н. 1999. *Социальная история России.* Т. 2. СПб.: Дм. Буланин.

Миронов Б. Н. 2002. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века. *Отечественная история* 2: 30–43.

Миронов Б. Н. 2008. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? *Уральский исторический вестник* 3: 81–95.

Нефедов С. А. 2002. Опыт моделирования демографического цикла. *Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер»* 29: 131–142.

Нефедов С. А. 2003. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока. *Восток – Oriens* 3: 5–22.

Нефедов С. А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России.* Екатеринбург: УГГУ.

Нефедов С. А. 2008. Влияние революции 1917 г. на динамику потребления пищевых продуктов. *Уральский исторический вестник* 3: 96–107.

Нефедов С. А., Турчин П. В. 2007. Опыт моделирования демографически-структурных циклов. *История и Математика: макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 153–167.

Нифонтов А. С. 1949. *Россия в 1848 году.* М.: Учпедгиз.

Нифонтов А. С. 1974. *Зерновое производство в России во второй половине XIX века.* М.: Наука.

Новосельский С. А. 1916. *Смертность и продолжительность жизни в России.* Пг.: Тип. мин. внутр. дел.

Новосельский С. А. 1923. Влияние войны на естественное движение населения. *Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг.* Вып. 1: 47–121.

Огановский Н. 1927. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана. *Экономическое обозрение* июнь: 21–42.

Огановский Н. П. 1925. *Популярные очерки экономической географии СССР в связи с мировой.* М.: Экономическая жизнь.

Першин П. Н. 1966. *Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование:* в 2 кн. Кн. 1. *От реформы к революции.* М.: Наука.

Покровский С. А. 1947. *Внешняя торговля и внешняя торговая политика России.* М.: Международная книга.

Рашин А. Г. 1956. *Население России за 100 лет.* М.: Госстатиздат.

Савельев П. И. 1994. *Пути аграрного капитализма в России. XIX век.* Самара: Изд-во Самарского ун-та.

Сборник сведений... 1902. *Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России,* Т. I. СПб.: Деп. тамож. сборов.

Сборник статистико-экономических сведений... 1916. *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый.* Пг.: Тип. И. С. Вайсберга.

Свод... 1902. *Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века:* в 3 вып. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума.

Соловьев Ю. Б. 1979. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века.* Л.: Наука.

Состояние... 1928. Состояние питания сельского населения СССР. 1920–1924 *Труды ЦСУ* 30/2: 3–171.

Статистика... 1880. *Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России.* Вып. I. СПб.

Струмилин С. Г. 1924. К реформе урожайной статистики. *Плановое хозяйство* 4–5: 58–65.

Турчин П. В. 2007. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории.* М.: ЛКИ/УРСС.

Урланис Б. Ц. 1941. *Рост населения в Европе (опыт исчисления).* М.: Госполитиздат.

Урожай 1883–1914. *Урожай 1883 (1884, 1885... 1914) года.* СПб.: Тип. Министерства внутренних дел.

Фортунатов А. Ф. 1893. *Сельскохозяйственная статистика Европейской России.* Москва: И. Н. Кушнерев.

Фортунатов А. Ф. 1909. *Несколько страниц из экономии и статистики сельского хозяйства.* М.: И. Н. Кушнерев и К°.

Фурсов В. Н. 1991. Землевладение и землепользование крестьян Центрально-Черноземных губерний во второй половине XIX в. *Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья.* Липецк. С. 21–31.

Хеймсон Л. 1993. Об истоках революции. *Отечественная история* 6: 3–15.

Хок С. Л. 1996. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России. 1961–1914 годы. *Отечественная история* 2: 28–53.

Чаянов А. В. 1916. (Ред.). *Материалы по вопросам разработки продовольственного плана.* Вып. 1: *Нормы продовольствия населения России по данным бюджетных исследований* / Ред. А. В. Чаянов. М.

Череванин Ф. А. 1927. Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет. 1883–1923 гг. *Влияние неурожаев на народное хозяйство России: сб. ст.:* в 2 ч. Ч. 1 / Ред. В. Г. Громан. М. – Л.: Изд-во ЦСУ. С. 160–301.

Центрально-Черноземная область... 1931. *Центрально-Черноземная область. Справочная книга.* Воронеж: Коммуна.

Шахназаров А. И. 1910. *Результаты исследования 162 хозяйств мелкого единоличного владения в Курской губернии.* СПб: Тип. уч. глухонемых.

Шевченко М. М. 1956. *Помещичьи крестьяне Воронежской губернии накануне и в период падения крепостного права.* Дисс... канд. ист. наук. Воронеж.

Щербина Ф. А. 1900. *Крестьянские бюджеты.* Воронеж: Вольн. экон. об-во.

Яцунский В. К. 1961. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII века до Первой мировой войны. *Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России* / Ред. В. К. Яцунский. М.: Изд-во АН СССР. С. 113–154.

Black C. E. 1966. *The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History.* N.Y.: Harper & Row.

Chu C. Y. C., Lee R. D. 1994. Famine, Revolt, and the Dynastic Cycle: Population Dynamics in Historic China. *Journal of Population Economics* 7: 351–378.

Gatrell P. 1986. *The Tsarist Economy. 1850–1917.* N. Y.: St. Martin's Press.

Gerschenkron A. 1965. Agrarian Policies and Industrialization: Russia 1861–1917. *The Cambridge Economic History of Europe.* Vol. VI. Pt. 2. *The industrial revolution,* p. 706–800. London and New York, Cambridge: Cambridge University Press.

Goldstone J. A. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* Berceley: University of California Press.

Gregory P. 1982. *Russian National Income. 1885–1913.* Cambridge: Cambridge University Press.

Hoch S. 1994. On Good Numbers and Bad: Maltus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia. *Slavic Review* 53: 41–75.

Jasny N. 1972. *Soviet Economists of the Twenties.* Cambridge: Cambridge University Press.

Komlos J., Nefedov S. A. 2002. Compact Macromodel of Pre-industrial Population Growth. *Historical Methods* 35: 92–94.

Nefedov S. A. 2004. A Model of Demographic Cycles in Traditional Societies: The Case of Ancient China. *Social Evolution & History* 3/1: 69–80.

Pearl R. 1925. *The Biology of Population Growth.* New York: A. A. Knopf.

Robbins R. G. 1975. *Famine in Russia. 1891–1892.* New York; London: Columbia University Press.

Robinson G. T. 1967. *Rural Russia Under the Old Regime.* New York; London: Columbia University Press.

Simms J. 1977. The Crisis in Russian Agriculture at the End of Nineteenth Century: A Different View. *Slavic Review* 36: 377–398.

Turchin P. 2003. *Historical Dynamics. Why States Rise and Fall.* Princeton; Oxford: Princeton University Press.

Turchin P. 2005. Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States. *Structure and Dynamics* 1.

Turchin P., Korotayev A. 2006. Population Density and Warfare: A Reconsideration. *Social Evolution & History* 5(2): 121–158.

Usher D. 1989. The Dynastic Cycle and the Stationary State. *The American Economic Review* 79: 1031–1044.

Volin L. A. 1970. *Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchev.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Wheatcroft S. 1974. The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics. *Soviet Studies* 26: 157–180.

Wheatcroft S. 1991. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia. *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia* / Ed. by E. Kingston-Mann, T. Mixter. Princeton, NJ: Princeton University Press. P. 128–172.

Wheatcroft S. 1999. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960. *Slavic Review* 58: 27–60.

Wheatcroft S. G., Davies R. W. 1994. The Crooked Mirror of Soviet Economic Statistics. *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945* / Ed. by R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft. Cambridge: Cambridge University Press. P. 24–37.

Wrigley E. A., Schofield R. S. 1981. *The Population History of England 1541–1871.* London: Edward Arnold.

Аннотация

Статья посвящена обсуждению вопроса об экономических причинах Русской революции. Большинство историков полагает, что революция была вызвана низким уровнем потребления широких народных масс, но в последнее время высказывается и иная точка зрения, ставящая под сомнение данные официальной урожайной статистики. В статье обсуждается вопрос о степени достоверности имеющихся урожайных данных и делается вывод о том, что в целом эти данные свидетельствуют о том, что уровень потребления в предреволюционной России балансировал на уровне минимальной «голодной» нормы. Традиционная точка зрения о низком уровне потребления в конце XIX – начале XX века находит подтверждение в набирающей популярность неомальтузианской теории демографических циклов. В рамках этой теории снижение потребления объясняется ростом населения, при этом учитываются растущая имущественная дифференциация и колебания урожайности. Все эти факторы делают социально-экономическую систему неустойчивой по отношению к внешним воздействиям (таким, как войны и вызывающие неурожаи резкие климатические колебания). В российском случае ситуация усугублялась демографическим взрывом, который был обусловлен действием техногенного фактора – развитием санитарии, которое привело к уменьшению эпидемической смертности. Другим негативным фактором был экологический кризис, развившийся в Центрально-Черноземном районе в результате чрезмерной распашки земель, слишком сильного антропогенного воздействия человека на среду обитания.

Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? Доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг.

Б. Н. Миронов

В отечественной историографии более ста лет живет тезис о систематическом понижении уровня жизни крестьян как до, так и после отмены крепостного права 1861 г. вследствие роста малоземелья и недостаточной доходности крестьянского хозяйства. В сущности, это парафраза мальтузианской концепции, объясняющей снижение уровня жизни чрезмерно быстрым ростом населения, опережающим увеличение средств существования. На рубеже XIX–XX вв. мальтузианский тезис получил поддержку большинства авторитетных исследователей того времени: И. И. Игнатович (Игнатович 1925: 129–130), А. А. Кауфмана (Кауфман 1908: 69–80), П. И. Лященко (Лященко 1908: 416), Н. М. Покровского (Покровский 1907), Н. Н. Рожкова (Рожков 1902: 68–75), А. Финн-Енотаевского (Финн-Енотаевский 1911: 470–472, 518–522) и других (Розенберг 1904: 7–41), включая, конечно, В. И. Ленина (Ленин 1958), и стал постулатом в научной литературе и публицистике начала XX в., что отразила энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Брокгауз, Ефрон 1895, т. 32: 723–724).

Советская историография приняла парадигму пауперизации с готовностью и обобщила до закономерности исторического развития о непрерывном обострении нужды и бедствий не только крестьян, но и рабочих в антагонистических общественно-экономических формациях. Она соответствовала марксистскому взгляду на социально-экономическую историю и хорошо укладывалась в марксистскую схему смены феодальной формации на капиталистическую, а капиталистической – на коммунистическую, и потому вошла в обобщающие работы (Новосельский, Устюгов 1955: 198; Кафенгауз 1954: 63, 184–185; Баранович и др. 1957*а*: 79; 1957*б*: 7–75; История СССР 1967–1968, т. 3: 24–220, 629–630; т. 4: 238–244; т. 5: 296, 303; т. 6: 22–23; Копанев 1994: 166–167, 213, 234) и учебники по общей истории (Покровский 1934: 93; Нечкина 1955: 2–21, 24–26, 492–498, 639–646, 754–758; Черепнин 1956: 422–425, 505–513, 612–618; Янин 1978: 3–14, 25–31, 78–84; Окладников 1982: 117, 258–259, 278–279, 282; 1983: 107, 118, 197, 243, 267; Удальцова 1986*а*: 442; 1986*б*: 329 – 337, 344) и эконо-

мической истории СССР (Лященко 1952: 505–506; Рожкова 1959: 60–61; Хромов 1967: 103–111, 350–351). Например, в обобщающем труде по истории сибирского крестьянства утверждалось, что тенденция ухудшения его материального положения не изменялась 300 лет, от начала XVII в. до начала XX в. «Растущее в течение XVII в. бремя повинностей, усиление зависимости крестьян от государства-феодала, несомненно, тормозили процесс сельскохозяйственного освоения края русскими переселенцами. <...> В XVIII – первой половине XIX в. чрезмерный объем платежей и сохранившиеся формы натуральных повинностей разоряли часть крестьянства, держали многих земледельцев на грани нищеты» (Окладников 1982: 117, 259, 278–279, 282). «В конце XIX – начале XX в. в сибирской деревне усугубляется процесс разложения крестьянства, с одной стороны, и сельской буржуазии – с другой. Происходит дальнейшее обнищание бедняцких и середняцких хозяйств, расширение хозяйств кулаков за счет эксплуатации беднейших крестьян. <...> В годы Первой мировой войны ухудшилось положение трудящихся масс деревни» (Он же 1983: 197, 267).

В серии из одиннадцати документальных сборников *Крестьянское движение в России в XIX – начале XX века*, подготовленной Институтом истории АН СССР и Главным архивным управлением в 1960-е – 1970-е гг., в предисловии почти к каждому тому неизменно указывалось об обнищании и разорении деревни как важнейшей причине, с одной стороны, крестьянского движения, с другой – социально-политического кризиса, или революционной ситуации, в стране (Валк 1961: 6–7, 12–13; Окунь 1962: 8–13; Шапкарин 1959: 6–23; Зайончковский 1968: 9–10, 17–18, 20, 37–39; Анфимов 1998: 9). Практически во всех работах, включая серьезные монографии по аграрной истории XVII – начала XX в., парадигма пауперизации обрастала все новыми аргументами. И. И. Игнатович, писавшая о тяжелом положении дореформенного крестьянства еще в начале XX в., продолжила свои исследования в этом же ключе и в советское время. По ее мнению, уже в первой четверти XIX в. «крестьянская масса под влиянием усиливающейся эксплуатации иногда медленнее, иногда быстрее шла по пути разорения и обнищания. <...> Крестьянские прошения – крик разоряющегося крестьянства о жестокой эксплуатации» (Игнатович 1963: 40–41; 1925).

Н. М. Дружинин в двухтомном труде доказывал, что до реформы П. Д. Киселева положение государственных крестьян было тяжелым: «Обеднение крестьян доходило иногда до грани подлинной нищеты». Он приводил в качестве главного аргумента сведения о недоимках (Дружинин 1946: 89–102, 196–206). Но после реформы, по его мнению, оно стало еще хуже, и он доказывал это новым ростом недоимок (он же 1958: 147–149, 173–174, 289–290, 452–455, 571–577). После отмены крепостного права положение всех категорий крестьян также ухудшалось (он же 1978: 124–133, 248–265), в результате чего «подавляющая масса крестьянства

оказалась в самом тяжелом положении» (Дружинин 1978: 270). О том же писали П. А. Зайончковский (Зайончков-ский 1958: 137–139, 305–307, 425; 1968: 232–259, 299) и Н. А. Егиазарова (Егиазарова 1959: 121–134).

Большой вклад в утверждение тезиса об абсолютном и относительном обнищании крестьянства внесли работы И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова. По их мнению, жизненный уровень помещичьих крестьян во второй половине XVIII – первой половине XIX в. понижался вследствие роста повинностей и снижения уровня земледельческого производства, и эта тенденция, по их мнению, продолжалась в пореформенное время (Милов 1965: 308; Ковальченко, Милов 1966: 55–80; Ковальченко 1967: 288–296; Милов 1998: 213, 416–417, 572).

В 1991–2007 гг. Л. В. Милов продолжал разрабатывать эту тему в ключе географического детерминизма: мачеха-природа, считает он, – главная виновница вечной бедности крестьянства. «Все сводится к тому, что объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. <...> Россия была на протяжении многих веков обществом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Низкий уровень агрикультуры, низкая и очень низкая урожайность, весьма упрощенный уклад жизни крестьянства, вечно борющегося за выживание. <...> Находясь в жестком цейтноте (из-за краткости времени, отведенного природой на сельскохозяйственные работы. – *Б. М.*), пользуясь довольно примитивными орудиями, крестьянин мог лишь с минимальной интенсивностью обработать свою пашню, и его жизнь чаще всего напрямую зависела только от плодородия почвы и капризов погоды» (Милов 1998: 416–417).

На материалах Нечерноземного центра В. А. Федоров демонстрировал усиление в дореформенное время эксплуатации помещичьего крестьянства (Федоров 1974: 225–249; 1980: 36–37), а В. И. Неупокоев – параллельное нарастание помещичьей и государственной эксплуатации с начала XVIII в., когда введено было подушное обложение, до 1861 г. (Неупокоев 1987: 259–262). Внимание Б. Г. Литвака привлек Черноземный центр. Он пришел к заключению, что степень эксплуатации оброчных и барщинных крестьян в конце XVIII – первой половине XIX в. увеличилась (правда, оброки выросли в меньшей степени, чем полагал И. Д. Ковальченко), но не согласился с выводом о вымирании помещичьих крестьян и не поддержал тезис о массовом обезземеливании и поляризации крестьянства (Литвак 1961: 115, 126–127, 146–151). Относительно уровня жизни в пореформенное время он присоединился к большинству: «Общий объем повинностей в пользу помещиков сократился. Однако это не привело к росту накоплений в крестьянском хозяйстве, так как увеличились государственные и появились новые, земские, повинности. Кроме того, сокращение размеров повинностей не могло компенсировать острую необ-

ходимость расходов на аренду или покупку земли. <...> Переход на выкуп форсировал обнищание крестьянства» (Литвак 1972: 411–412; 1991: 152–188).

С. М. Дубровский и П. Н. Першин доказывали, что после отмены крепостного права разоренное реформами и непосильными налогами крестьянство голодало и вымирало (Першин 1966: 44–62; Дубровский 1975: 324–332, 381–382). А. М. Анфимов в своих многочисленных работах убеждал читателей, что грабительская для крестьян отмена крепостного права и непосильность налоговых тягот привели к обнищанию крестьянства в пореформенное время и что столыпинская реформа не изменила тенденцию (Анфимов 1962: 275; 1980: 230–232; 1984: 223–227; 2002: 265). Идея голодного экспорта с цитированием министра финансов в 1887–1892 гг. И. А. Вышнеградского: «Сами недоедим, а вывезем» – прочно вошла в историографию[1] (История СССР 1967–1968, т. 3: 298; Китанина 1978: 42–43).

Мы назвали только наиболее заметные книги, оценивающие ситуацию во всероссийском масштабе, но были десятки работ о положении трудящихся на региональном уровне и сотни исследований о классовой борьбе, в которых тезис о пауперизации крестьян и рабочих в той или иной степени затрагивался. Требуется специальное историографическое исследование, чтобы их рассмотреть; частично эта работа сделана (Нечкина 1963: 330–342; 1966: 315–320, 322, 324–325, 333, 385–391; 1985: 193–196, 201–204, 247–256; Нарочницкий 1978: 36–37, 44–56, 63–66; Хромов 1982: 362–365, 380–389, 397–398, 413–415; Горская 2006; Литвак 1960: 99–120; Литвак 1962: 116–122; Зайончковский 1961: 85–104; Тарновский 1965: 31–62; 1990: 92–210; Рубинштейн 1957: 6–10; Дубровский 1963: 489–502; Ковальченко 1967: 4–17; Федоров 1974: 4–13; Неупокоев 1987: 3–20).

В постсоветское время тема положения крестьян и рабочих вышла из моды, лишь изредка появляются работы, в которых затрагивается эта проблема, но их авторы в основном придерживаются традиционной парадигмы. Например, С. Г. Кащенко на основании сплошной обработки уставных грамот и выкупных актов в трех северо-западных губерниях пришел к выводу, что величина платежей, приходившихся на десятину удобной земли, возросла на 16%, дореформенная надельная система была деформирована и урезана. «Новые условия, в целом тяжело сказавшиеся на крестьянстве региона, вели к разорению слабых земледельческих хозяйств и еще большему усилению в пореформенный период зажиточной промыс-

[1] В действительности дело было так, вспоминал его коллега по министерству финансов П. Х. Шванебах: «Не могу забыть возгласа, вырвавшегося у него весной 1891 г., когда при надвигающемся неурожае, он стал опасаться отлива золота: "Сами не будем есть, но будем вывозить". Юмор И. А. Вышнеградского и его всегдашняя готовность для дела хоть самому лечь костьми несколько скрашивают жесткость этого изречения» (Шванебах 1901: 21). У министра, озабоченного созданием золотого запаса для проведения денежной реформы, эти слова вырвались в сердцах, так как надвигавшийся неурожай мог разрушить многолетние усилия министерства и сорвать план введения золотого стандарта в России.

ловой верхушки. <...> Уже в 1870-е гг. XIX в. обнаружилось массовое обнищание крестьян, причем северо-западные губернии по сравнению с другими губерниями Европейской России оказались наименее благополучными, отличаясь бедностью и недоимочностью. <...> Не изменилась ситуация к лучшему и в 90-е годы» (Кащенко 1995: 176, 177, 179, 180).

С. А. Нефедов дает интерпретацию основных событий социально-экономической истории России с точки зрения положений демографически-структурной теории Дж. Голдстоуна. Автор находит убедительными выводы о понижении благосостояния населения России в течение всего периода империи, возможно, потому, что информационная база данных заимствована в основном из советской историографии (Нефедов 2005: 143–147, 171–172, 238–240, 260–267, 273–274). А. Н. Зорин в очень информативной книге о жизни городского населения дореволюционного Поволжья не пытается оценить динамику жизненного уровня за три с половиной века – таковы хронологические рамки его исследования, – однако постоянно подчеркивает бедность и нищету: «Продолжительный рабочий день, низкая заработная плата, бесконечные штрафы и издевательства администрации, ужасные бытовые условия, полное политическое бесправие – такой предстает картина жизни рабочего люда в дореволюционном русском городе»; «От невыносимых условий труда абсолютное большинство населения было подвержено тяжелым заболеваниям, связанным с профессией». «Нижайший жизненный уровень большинства населения страны» порождал массовое нищенство и всеобщее воровство: «Воровство было необычайно распространено во всех социальных слоях. Приказчики воровали у хозяев, станционные служащие – с вверенных объектов, высокопоставленные чиновники занимались хищениями из казны. Считалось, что воруют все, и если кто не воровал, такой человек представлялся странным, подозрительным, политически неблагонадежным» (Зорин 2001: 208, 202–221).

Постсоветские учебники по-прежнему трактуют динамику положения крестьян традиционным способом – хуже и хуже. С конца XVII до конца XVIII в. уровень жизни систематически понижался. В первой половине XIX в. барщина на д. н. увеличилась на 65%, оброки помещичьих крестьян – в 3,5 раза, государственных и удельных – в 3 раза; тяжелые для крестьян условия отмены крепостного права, быстрое увеличение населения, высокие налоги были источниками нищеты и отсталости пореформенной деревни (Федосов 1987: 13–15, 157–161; Павленко, Кобрин, Федоров 1989: 244, 258, 289, 291–291, 309, 316–318, 321, 408–409; Милов 2006; Павленко, Андреев, Федоров 2007: 413).

Следует отметить, что консенсус изредка нарушался, но «уклонистов» либо ставили на место, либо игнорировали. Например, А. Л. Шапиро в 1959 г. на всесоюзном симпозиуме по аграрной истории поставил вопрос о парадоксальности ситуации, когда в течение почти тысячи лет, от Киев-

ской Руси и вплоть до Октябрьской революции, положение крестьянства ухудшалось: «Жизненный стандарт эластичен и он может сокращаться, но все-таки не до бесконечности?» (Шапиро 1961: 221). Но отклика и понимания это не нашло. Несмотря на это, руководимый им авторский коллектив по изучению аграрной истории Северо-Запада России пришел к выводу, что в XV – первой половине XVI в. положение крестьянства было вполне удовлетворительным: на оплату налогов и повинностей уходило около 25–30%. С середины XVI в. уровень жизни стал понижаться вследствие начавшегося социально-экономического кризиса, вызванного повышением налогов, мором, голодом, Ливонской войной и террором опричников. После незначительной и непродолжительной ремиссии в 1590-е гг. запустение и обнищание населения продолжилось, достигнув апогея в первые десятилетия XVII в. ввиду гражданской войны, иностранной интервенции и резкого увеличения налогов, которые стали поглощать свыше половины дохода крестьянского хозяйства (Шапиро 1971: 363–367, 372–374; 1974: 267–299; 1987: 106–107, 113–118, 179–184). Однако в последующем, вплоть до конца XVII в., положение, возможно, стало улучшаться, но степень изменений в уровне жизни источники оценить не позволяют (он же 1989: 63–66, 113–118, 179–184; Копанев 1994: 136–139).

Распространив полученные выводы на Центральную Россию, Шапиро полагал, что «изменения в имущественном положении крестьян напоминают приливо-отливные течения: положение всей массы крестьян то поднимается, то опускается. А вымывание середки не носит характер необратимого процесса и едва заметно на фоне огромных приливов и отливов». (Шапиро 1977: 189). К сожалению, задуманное исследование не было доведено до завершения.

П. Г. Рындзюнский в одиночку настойчиво и смело, вызывая гнев научного сообщества, пытался противостоять утвердившейся парадигме. Почти 20 лет он доказывал, что в конце XVIII – первой половине XIX в. положение крепостного крестьянства не было столь плачевным, как его принято изображать, что крестьянские доходы обгоняли рост повинностей, что численность помещичьих крестьян уменьшалась не потому, что оно вымирало, а по причине социальной мобильности: они переходили в другие сословия и социальные группы (Рындзюнский 1961: 58; 1966: 44–46; 1967; 1978: 49–83; 1983*а*).

Однако что касается пореформенного времени, то и он принял господствующий тезис, причем в утрированном виде, утверждая, что сразу после отмены крепостного права началась массовая пауперизация и пролетаризация крестьянства: «грабительская реформа» обусловила то, что «подавляющая часть крестьян сразу же после реформы оказалась пролетариями и полупролетариями», «утверждение капиталистического строя достигается ценой разорения и порабощения народа» (он же 1978: 285; 1983*б*: 263).

Не получила адекватного отклика и попытка А. С. Нифонтова доказать, что пореформенное сельское хозяйство динамично развивалось (Нифонтов 1974: 315–317) и, следовательно, вывод, который Нифонтов, правда, не сделал – тезис об аграрном перенаселении и обнищании крестьянства, – повисал в воздухе.

Последняя попытка подвергнуть сомнению стереотип о кризисе российского сельского хозяйства была предпринята в 2003 г. М. А. Давыдовым, который убедительно, на мой взгляд, доказывал: в конце XIX – начале XX в. сельское хозяйство успешно развивалось, потребление крестьянства в этот период было удовлетворительным, тезис о голодном экспорте не выдерживает критики, Столыпинская реформа выводила страну на путь ускоренного развития сельского хозяйства, была своевременна и имела позитивный эффект – мощный подъем аграрного сектора на базе внедрения новой сельскохозяйственной техники, и перспективу – вплоть до 1914 г. происходил стабильный уверенный рост всех основных показателей землеустройства. По мнению Давыдова, в научном сообществе уровень развития сельского хозяйства недооценивался, так как официальные сведения неточны (Давыдов 2003: 197–209, 233–235, 296, 442, 555–556, 564).

Автор этих строк в последние десять лет в ряде статей и в книге *Социальная история России* доказывал, что в XIX – начале XX в. не было ни перманентного социально-экономического кризиса, ни обнищания населения (Миронов 2003*б*, 2: 344–350).

В данной статье сделана попытка ответить на вопрос, наблюдался ли в России неомальтузианский кризис в 1801–1914 гг. на основе анализа доходов и повинностей российского крестьянства в этот период.

ДОХОДЫ И ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН В 1801–1860 гг.

Повинности государственных и удельных крестьян

Начнем с государственных и удельных крестьян, на долю которых в 1795 г. приходилось 40% всего крестьянства и 36% от всего населения, а в 1857 г. – соответственно 43,9 и 52,8% (Кабузан 1971: 114–115, 176–177). Имеющиеся данные позволяют думать, что в целом 1801–1850 гг. сравнительно с XVIII в. были для них более благоприятны в фискальном и экономическом отношениях, так как бремя налогов и оброков понизилось.

Прямой подушный налог до 1860 г. был единым для огромного большинства крестьянства (Руковский 1862: 5–16; Неупокоев 1987: 21–44), а оброчная подать для государственных и удельных крестьян с 1798 г. стала дифференцированной. Губернии, до некоторой степени сообразно с уровнем хлебных цен и доходности земель, были разделены на четыре раз-

ряда, и в каждом из них была установлена соответствующая величина подати; с 1824 г. у 16 губерний (включая четыре сибирские) разряд был повышен, что увеличило тяжесть налогов (Руковский 1862: 17–40; Неупокоев 1987: 95–155) (см. Табл. 1).

Табл. 1. Численность государственных и удельных крестьян мужского пола по губерниям в 1795, 1815, 1833, 1857 гг. (в тыс.) и податной разряд губернии

Губерния	*Численность крестьян*				*Разряд губернии*	
	1795 г.	*1815 г.*	*1833 г.*	*1857 г.*	*1798 – 1823 гг.*	*1824 – 1860 гг.*
Архангельская	82 997	78 994	89 735	103 494	IV	IV
Астраханская	31 912*	11 852	17 803	42 090	II	II
Белостокская	-	44 415	53 944	47 843	III	III
Виленская	116 457	152 234	231 771	229 089	III	III
Витебская	58 168	53 696	81 209	77 697	IV	IV
Владимирская	142 729	145 042	170 018	184 643	I	I
Вологодская	189 238	199 793	240 784	296 718	III	II
Волынская	125 062	51 686	130 861	210 432	III	III
Воронежская	271 842	335 629	458 560	586 662	I	I
Вятская	438 073	510 169	659 326	894 281	I	I
Гродненская	9 806	59 474	100 821	99 509	III	III
Екатеринославская	120 374	156 464	221 435	262 048	III	II
Иркутская	192 582	257 861	135 238	361 141	IV	III
Казанская	319 140	370 238	458 613	557 517	I	I
Калужская	63 466	73 708	98 056	110 702	I	I
Киевская	49 826	109 171	142 922	167 945	III	II
Костромская	111 122	118 336	139 162	152 852	I	II
Курляндская	80 047	66 261	82 014	84 977	III	III
Курская	287 281	282 428	351 854	435 410	I	I
Лифляндская	47 915	61 604	80 803	84 866	III	III
Минская	53 041	62 692	90 012	87 976	III	III
Могилевская	14 094	27 761	40 215	42 162	III	III
Московская	135 975	141 855	131 956	207 034	II	I
Нижегородская	102 319	121 568	154 548	178 117	I	I
Новгородская	122 645	132 503	171 814	190 600	IV	III
Олонецкая	85 403	89 619	99 719	111 995	IV	IV

Губерния	Численность крестьян				Разряд губернии	
	1795 г.	1815 г.	1833 г.	1857 г.	1798 – 1823 гг.	1824 – 1860 гг.
Оренбургская	177 259	293 192	413 774	542 240	III	II
Орловская	144 897	165 878	223 905	269 113	I	I
Пензенская	136 107	167 257	198 947	239 062	I	I
Пермская	206 499	313 317	405 288	617 869	IV	II
Подольская	42 680	71 701	114 302	197 001	III	III
Полтавская	351 998	346 497	390 836	462 288	III	III
Псковская	85 150	94 961	105 171	111 657	III	III
Рязанская	113 462	134 000	181 779	224 223	I	I
С.-Петербургская	47 522	55 244	70 785	79 610	III	I
Саратовская	139 050	262 461	411 963	584 811	I	I
Симбирская	185 790	224 690	288 873	377 866	I	I
Смоленская	85 861	75 694	92 837	94 950	II	II
Ставропольская	–	345 955	56 700	86 828	II	II
Таврическая	99 651	175 099	207 781	249 476	III	II
Тамбовская	230 273	280 766	345 882	431 439	I	I
Тверская	154 995	179 602	218 907	253 311	II	I
Тобольская	178 927	255 600	306 432	384 761	IV	III
Томская	147 215	206 668	277 813	366 494	IV	III
Тульская	58 277	64 472	78 870	95 233	I	I
Харьковская	266 626	310 920	382 022	435 894	III	IV
Херсонская	54 797	96 428	181 379	221 605	III	II
Черниговская	227 713	232 485	282 530	320 985	III	III
Эстляндская	4 128	8 455	13 585	10 175	III	III
Ярославская	84 087	95 121	110 461	122 118	I	I

* Вместе со Ставропольской губернией.
Подсчитано по: Руковский 1862: 32–36; Кабузан 1971: 11–115, 176–177.

В 1810–1815 гг. оброчная подать с государственных крестьян дважды повышалась (см. Табл. 2). Увеличение налогов затронуло и удельных крестьян, но в меньшей степени, вследствие чего в 1810–1823 гг. их податное бремя было меньшим. В 1824 г. удельные оклады в губерниях I и IV класса сравнялись с казенным, а в губерниях II и III класса были в среднем на 2 руб. ниже. Полное выравнивание податей у двух категорий крестьян произошло в 1839–1843 гг. в связи с переходом от подушного к поземельному сбору налогов (История уделов 1901: 79–90; Дружинин 1946:

46–52). Таким образом, до 1810 г. и в 1842–1860 гг. налоговое бремя удельных крестьян было одинаковым с казенными, в 1810–1823 гг. – на 24% ниже, в 1824–1840 гг. – на 10% ниже.

Чтобы определить реальную тяжесть налогового бремени, необходимо, во-первых, устранить влияние изменений в денежной системе, для чего переведем налоги и повинности в серебро (см. Табл. 2).

Табл. 2. Налоги у государственных, удельных крестьян и мещан в России в период 1771–1860 гг. в годы их изменения

Годы	*В номинальных копейках*						*В серебряных копейках**					
	Подушный налог с крестьян	*Оброчная подать с крестьян по разрядам губерний*				*Налог и оброк с мещан*	*Подушный налог с крестьян*	*Оброчная подать с крестьян по разрядам губерний*				*Налог и оброк с мещан*
		I	II	III	IV			I	II	III	IV	
1771 – 1780	71,5	200	200	200	200	120	70	197	197	197	197	118
1781 – 1790	71,5	285	285	285	285	120	68	272	272	272	272	115
1791 – 1-я пол. 1794	71,5	306	306	306	306	160	54	228	228	228	228	120
2-я пол. 1794	102,0	306	306	306	306	200	73	228	228	228	228	150
1795 – 1797	102,0	306	306	306	306	200	76	227	227	227	227	148
1798 – 1809	126,0	510	459	408	357	250	83	334	301	267	234	164
1810 – 1811**	200,0	800	700	600	550	500	52	207	181	155	142	130
1810 – 1811***	200,0	610	559	508	457		52	158	145	132	118	
1812 – 1815**	300,0	1 000	900	800	750	800	68	226	203	181	170	181
1812 – 1815***	300,0	825	700	650	600		68	186	158	147	136	
1816 – 1840**	330,0	1 000	900	800	750	830	85	257	231	206	193	213
1816 – 1823***	330,0	825	700	650	600		85	213	181	168	155	
1824 – 1840***	330,0	1 000	800	750	600		90	272	218	204	163	
1841 – 1858							95	286	258	229	215	238
1859 – 1860							95	300	271	241	215	238

* Курс текущего (номинального) рубля до 1840 г. относительно серебряного рубля в 405 долей (18 г), с 1841 г. – золотого рубля в 26,136 доли (1,1614 г) чистого золота.
** Подати с казенных крестьян.
*** Подати с удельных крестьян.
Подсчитано по: Руковский 1862: Приложение. Табл. 1, 2, 5–7.

Теперь оценим динамику платежей по десятилетиям в среднем по России. В Табл. 3 приведены данные о платежах казенных и удельных крестьян в текущей (стлб. 2) и серебряной валюте (стлб. 5). Бросается в глаза скачко-

образный рост платежей в текущей валюте, связанный с тем, что налоги и повинности повышались не постоянно, а через большие интервалы времени: правительство увеличивало налоги, чтобы компенсировать снижение реальной ценности налоговых поступлений вследствие постоянной и значительной инфляции. Платежи крестьян в постоянной валюте (стлб. 7) достигли максимума в 1801–1810 гг.; в последующем они то возвышались, то понижались, но постоянно были ниже, чем в 1801–1810 гг.

Табл. 3. Платежи государственных, удельных крестьян и мещан в 1770–1860 гг. на душу мужского пола

Годы	*Налог и оброк в номинал. коп.*		*Курс текущего рубля*	*Налог и оброк в сер. коп.*		*Индекс платежей с крестьян*			*Индекс платежей с мещан*			*Длина тела мужчин (см)*
	Крестьяне	*Мещане*		*Крестьяне*	*Мещане*	*В сер. коп.*	*Индекс хлеб. цен*	*В натуре*	*В сер. коп.*	*Индекс потреб. цен*	*В натуре*	
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*
1781 – 1790	356	120	95,5	340	115	100	100	100	100	100	100	160,3
1791 – 1800	447	201	71,8	321	144	95	116	81	125	114	110	161,2
1801 – 1810	604	275	61,6	372	169	110	135	81	147	141	104	163,3
1811 – 1820*	1 168	785	24,5	286	192	84	120	70	167	127	131	164,8
1821 – 1830*	1 235	830	26,5	327	220	97	104	93	191	112	171	163,9
1831 – 1840*	1 245	830	27,6	343	229	101	136	74	199	132	151	164,3
1841 – 1850	363	243	98,1	356	238	105	130	81	207	141	147	164,8
1851 – 1860	377	250	95,2	359	238	106	162	65	207	153	135	165,7

* Только государственные крестьяне.

Источники: Миронов 1985: 36–37, 46–47; 2003*а*: 261–283. См. также примечание к Табл. 2.

Но и перевода платежей в постоянную валюту недостаточно, чтобы получить представление о реальной тяжести налогов. Необходимо учесть динамику хлебных цен, потому что, во-первых, средства для уплаты налогов и повинностей давала продажа сельскохозяйственных продуктов; во-вторых, денежная часть в доходах и расходах крестьян была значительной, например в 1880–1890-е гг. она составляла 41% (Материалы Комис-

сии 1903, ч. 1: 36; Анфимов 1984: 161, 171). Выражая платежи в хлебных ценах и принимая 1780-е гг. за 100 (Табл. 3, стлб. 9), обнаруживаем, что с конца XVIII в. реальная тяжесть налогов и повинностей у государственных и удельных крестьян имела тенденцию уменьшаться: в 1791–1810 гг. она понизилась у обеих категорий на 19%, в 1811–1820 гг. – еще на 11% у казенных и на 35% у удельных. В 1820-х гг. вследствие падения хлебных цен, а для удельных крестьян также и ввиду повышения оброчной подати реальное бремя платежей временно выросло, оставаясь, однако, ниже уровня 1780-х гг. В последующие 30 лет оно уменьшалось и в 1850-е гг. было на 35% меньше, чем в 1780-х гг., для обеих категорий крестьян.

В нашем расчете не учтены некоторые менее значительные повинности, выполнявшиеся крестьянами, – земские, рекрутская, постойная и дорожная. Однако не учтены и доходы крестьянского хозяйства от усадебной земли, животноводства, лесов, общинной собственности (они назывались мирскими оброчными статьями), рыболовства, охоты, собирательства, женского рукоделия, которые, как правило, компенсировали недоучет некоторых платежей, так как величина последних была по сравнению с оброками незначительной. По расчету Комитета по устройству земских повинностей, в 1849 г. постойная, подводная и дорожная повинности, единые для всех категорий крестьян, в денежном выражении равнялись 61,75 коп. сер., земские – 32,1 коп. сер., все вместе – 93,9 коп. сер. на м. д., что составляло 2,1% от общего дохода. Между тем только доход от огородов, расположенных на усадебной земле, составлял не менее рубля на м. д. в год (РГИА 1850: 22, 27), одна корова приносила дохода в год около 7 руб., коза – 1,5 руб., овца – 0,5 руб. и свинья – 2,1 руб. (Хоз.-стат. материалы 1857: 42–43). Например, в Костромской губернии в 1850-е гг. средний доход от огородов на м. д. составлял 3,35 руб., от лесов – 0,24 руб., от общинной собственности – 0,1 руб., от сенокосов и выгонов – 7,1 руб., всего – 10,8 руб. (Материалы для статистики 1861: отдел В. С. 43, 83, 107), а постойная, подводная, дорожная (0,49 руб.) и земские повинности (0,46 руб.) равнялись совокупно лишь 0,95 руб. на м. д. (РГИА 1850: 22, 27). Во Владимирской губернии перечисленные доходы давали в сумме 7,1 руб., а дополнительные повинности требовали 0,99 руб. (Материалы для статистики. 1871: отдел В. С. 5; РГИА. 1850: 22, 27), в Нижегородской губернии – соответственно 8,12 руб. и 1,57 руб., кроме того, животноводство приносило в год 4,34 руб. на м. д. (Хоз.-стат. материалы 1857: 43; РГИА 1850: 22, 27).

Что касается воинской повинности, то в 1801–1860 гг., за 60 лет, было призвано в армию 4,3 млн рекрутов, в среднем 71,6 тыс. в год, что составляло 4,4% среднегодовой численности мужчин в трудоспособном возрасте

от 18 до 60 лет включительно[2], а за весь XVIII в. – соответственно 2,03 млн и 2,3%[3] (см. Табл. 4):

Табл. 4. Бремя воинской повинности в России в 1781–1860 гг.

Годы	Призвано рекрутов		Население Европейской России, тыс.	Доля рекрутов (в%)		Цена одного рекрута, руб.*	Среднегодовая цена всех рекрутов, руб.*	Рекрутская повинность в год на м. д.	
	Всего	В год		В населении	Среди мужчин в возрасте 18–60 лет			Руб. сер.*	Пудов ржи
1781–1790	509 123	50 912	28 120	0,18	4,4	450	22910400	1,63	5,0
1791–1800	311 351	31 135	36 230	0,09	2,1	359	11177465	0,62	1,9
1801–1810	501 483	50 148	39 335	0,13	3,1	308	15445584	0,79	2,3
1811–1820	1 059 233	105 923	43 888	0,24	5,8	245	25951135	1,18	3,9
1821–1830	446 611	44 661	46 244	0,10	2,3	245	11835165	0,51	2,0
1831–1840	655 916	65 592	50 284	0,13	3,1	275	18037800	0,72	1,8
1841–1850	807 033	80 703	52 736	0,15	3,7	485	39140955	1,48	4,2
1851–1860	824 487	82 449	55 815	0,15	3,6	485	39987765	1,43	3,7

* В сер. руб. 1764 г. 18 г чистого серебра.
Подсчитано по: Столетие 1902–1904: Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1: 121–122, 150–152; Отд. 2: 131–132, Приложение. С. 40; Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2: 207; Бескровный 1973: 69–80; Кабузан 1963: 164–165. Численность населения на середину десятилетия получена методом интерполяции по среднегодовым темпам прироста населения между ревизиями.

Из сделанных расчетов следует, что тяжесть рекрутской повинности существенно изменялась по десятилетиям и зависела от частоты и величины призывов, а последние в свою очередь – от политической и военной конъюнктуры. В течение XVIII – первой половины XIX в. максимальный уровень повинности наблюдался в 1780-е гг. в связи с русско-турецкой войной, в 1810-е гг. – в связи с Отечественной войной 1812 г., в 1840-е гг. – в связи с революционными событиями в Европе и в 1850-е гг. – в связи с Крымской войной. Если перевести натуральную

[2] Доля мужчин в возрасте 18–60 лет во всем населении, равная 24,14%, была определена по данным переписи населения 1897 г. (Общий свод 1905: 56–59). По расчетам В. Я. Буняковского, в 1860-е гг. она составила 26,12% (Буняковский 1865:120, 124).

[3] Население Украины до 1795 г. было освобождено от рекрутской повинности (Столетие 1902–1904: Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. С. 130). Однако соответствующие поправки в численность населения изменяют бремя воинской повинности для великороссийских губерний незначительно: например, в 1720-е гг. доля рекрутов среди мужчин в возрасте 18–60 лет составляла 2,2%, в 1780-е гг. – 4,7, в 1790-е гг. – 2,2%.

воинскую повинность на деньги по цене за рекрута или на хлеб по цене ржи, то окажется, что в XIX в. (до 1874 г.) она была в целом тяжелее, чем в XVIII в. В 1810-е – 1820-е гг. в ряде местностей Европейской России разрешалось рекрутскую повинность выполнять деньгами: по 1 000 руб. ассигнациями за одного рекрута, а в Сибири – по 2 000 руб. (Столетие 1902–1904: Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1: 45, 53, 56). Новый Рекрутский устав 1831 г. узаконил замену натуральной повинности деньгами по 1 000 руб. за рекрута (Столетие 1902–1904: Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2: 34). В 1840-е – 1860-е гг. вошли в официальное употребление рекрутские квитанции, которые мог купить каждый военнообязанный и при очередном наборе откупиться от службы (Обручев 1871: 4–5). Квитанция стоила 485 руб. сер.[4] Средняя цена рекрута в 1751–1800 гг. равнялась около 254 руб. сер., с 1801 по 1860-е гг. – 350 руб. Зная число призванных на службу, легко определить цену всего набора в год, а разделив ее на численность мужского населения страны в данном году, найдем денежное выражение рекрутской повинности на мужскую душу в учетном году. Расчет по описанной процедуре показал, что в 1751–1800 гг. воинская повинность стоила населению примерно 0,41 руб., в 1851–1860 гг. – 1,31 руб. сер. на мужскую душу в год, т. е. увеличилась в серебряных деньгах в 3,2 раза, а в переводе на рожь – в 1,5 раза. Однако если мы включим цену воинской повинности в общую сумму налогов, то реальная тяжесть платежей все равно будет отставать от роста доходов казенных и удельных крестьян.

Снижение тяжести налогов и повинностей в первой половине XIX в. в условиях стабильности сельскохозяйственного производства означало, что продовольственные остатки у государственных и удельных крестьян для личного пользования увеличивались и, значит, базисные условия их жизни, включая питание, улучшались. Доходы государственных и удельных крестьян в дореформенное время обгоняли расходы, что явилось основой повышения их уровня жизни. Подчеркнем, что этот вывод не учитывает неземледельческих доходов крестьян, которые в рассматриваемое время существенно увеличились.

Повинности и доходы помещичьих крестьян

В советской историографии бытовало мнение, что в дореформенное время положение удельных и государственных крестьян хотя и было «несколько лучше», чем помещичьих, но они также страдали от малоземелья и оброков, которые со временем становились все выше и непосильнее (История СССР 1966–1967, т. 4: 244–245; Дружинин 1946: 46–51, 196–207, 328–345; 1958: 192).

---

[4] Казна, нанимавшая охотника, платила ему 300 руб., остальные деньги шли на обмундирование, будущую пенсию и на оплату налога до следующей ревизии (Обручев 1871: 4–5; Брокгауз, Ефрон 1897, т. 39: 458).

Однако этот вывод не подкреплялся экономическим анализом, а основывался исключительно на данных о росте номинальных платежей без учета инфляции, хлебных цен и доходности крестьянского хозяйства.

Оценить тяжесть налогов и ренты (оброка и барщины) для помещичьих крестьян из-за огромного разнообразия владельческих повинностей намного сложнее. Имеется немало работ, авторы которых привели сведения о барщине и оброке в отдельных имениях, но все это частный иллюстративный материал. Обратимся к попыткам общей оценки величины ренты. В 1850-е гг. чисто оброчных крестьян насчитывалось около 18,5%, барщинных – 44,5%, и 37% исполняли смешанную повинность (Ковальченко 1967: 66–67). Рассмотрим сначала динамику оброков. И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов полагали, что в первой половине XIX в. происходило относительное и абсолютное обнищание крестьянства, вследствие того, что повинности росли быстрее их доходов, а основное бремя обложения падало на середняков и бедняков (Ковальченко, Милов 1966: 55–80; Ковальченко 1967: 288–296) П. Г. Рындзюнский бросил тень сомнения на эти выводы, утверждая, основываясь на внутренней критике приведенных данных, что рост платежей «в какой-то мере» соотносился с ростом доходности крестьянского хозяйства, а раскладка повинностей внутри общины носила прогрессивный характер – на богатых ложилась бóльшая часть оброчных платежей (Рындзюнский 1966: 52–53). Напротив, Н. М. Дружинин полностью поддержал выводы Ковальченко и Милова (История СССР 1967, 4: 238–244), а В. А. Федоров их слегка откорректировал: персонально богатый крестьянин, по его мнению, действительно платил существенно больше бедняка и середняка, но тем не менее, именно последние несли основную тяжесть оброчных платежей (Федоров 1974: 225–249).

В первой половине XIX в. налоги и повинности помещичьих крестьян номинально увеличивались, что было неизбежно вследствие инфляции и роста цен. Вопрос в другом – соотносились ли платежи с доходами? На мой взгляд, ни один из сторонников тезиса об обнищании крестьянства не привел полных и достоверных данных о доходах крестьян. Исследователи оперируют сведениями об урожаях и посевах, скоте, заработках крестьян от промыслов, забывая, что статистика, как говорилось выше, существенно преуменьшала уровень сельскохозяйственного производства – главный источник доходов большинства крестьянства. Трудно сомневаться, что и промысловые заработки преуменьшались крестьянами, так как они всегда все свои доходы занижали. Рассмотрим в качестве примера ключевую таблицу из работ И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова, доказывающую, по их мнению, тезис об обнищании оброчных помещичьих крестьян, в которой нами добавлена только последняя строка – чистый доход на мужскую душу, остававшийся у крестьян после полной уплаты оброка (см. Табл. 5).

Табл. 5. Соотношение доходов и оброков у помещичьих крестьян в конце XVIII и середине XIX в. (руб. серебром на мужскую душу)

	Московская губ.			Тверская губ.			Орловская губ.			Рязанская губ.		
	Кон. XVIII в.	Сер. XIX в.	Рост (в%)	Кон. XVIII в.	Сер. XIX в.	Рост (в%)	Кон. XVIII в.	Сер. XIX в.	Рост (в%)	Кон. XVIII в.	Сер. XIX в.	Рост (в%)
Сбор хлебов и картофеля на м. д., чтв.	5,44	6,05	11,2	7,07	9,23	30,6	10,86	11,44	5,3	10,11	10,9	7,8
Цена ржи, руб. за чтв.	3,56	3,8	6,7	4	4,5	12,5	1,82	2,39	31,3	2	2,58	29
Цена овса, руб. за чтв.	1,98	2,59	30,8	2,09	2,22	6,2	1,25	1,7	36	1,49	1,82	22,1
Доход от земледелия на м. д., руб.	15	17,5	16,7	22	30,5	38,6	20	29	45	20,2	23,5	16,3
Заработок промыслового работника, руб.	32	66	106,3	14	30	114,3	7	15	114,3	15	30	100
Занято промыслами, тыс. чел.	23,5	66,8	184,3	27,9	48,9	75,2	16	24,5	53,1	15,3	44,7	192,2
Доход от промыслов на м. д., руб.	8	21,8	172,5	2,8	9,9	253,6	1,1	3,8	236,4	2,7	9	233,7
Доход от земледелия и промыслов на м. д., руб.	23	39	69,6	25	40,5	62	21	33	57,3	23	32	39,1
Оброк на м. д., руб.	4,8	11,4	137,5	4,5	13,1	191,1	4	12,5	212,5	4,5	11,8	162,2
Оброк с м. д. в переводе на рожь, чтв.	1,35	3	122,2	1,1	2,91	164,6	2,19	5,23	138,8	2,25	4,57	103,1
Оброк в процентах к общему доходу	20,9	29,2		18	32,3		19,1	37,9		19,6	36,3	
Чистый доход на м. д.	18,2	27,6	51,6	20,5	27,4	33,7	17,0	20,5	20,6	18,5	20,2	9,2

Источник: Ковальченко 1967: 293; Ковальченко, Милов 1966: 67. В расчетах есть арифметические ошибки, но таблица оставлена в первозданном виде.

В Табл. 5 все данные получены путем весьма приблизительных расчетов. Сведения о сборе хлебов взяты из губернаторских отчетов за 1785–1796 гг. и 1850-е гг. Если за 1851–1860 гг. данные по всем десяти годам, то за XVIII в. по Московской губернии они охватывают только 1795 г., по Рязанской – три года, по Тверской – четыре, по Орловской – пять лет. В основном данные о сборе хлебов относятся к 1780-м гг. и не к поме-

щичьим крестьянам, а ко всем категориям крестьян и помещикам, вместе взятым. Следовательно, данные отражают уровень земледелия не в помещичьей деревне, а во всем сельском хозяйстве в 1780-х гг. Для расчета душевых показателей численность населения взята по ревизиям 1795 г. и 1857 г., поэтому относится не к середине временных интервалов. Ввиду этого средний сбор на душу населения преуменьшен, например за 1785–1796 гг. он занижен на 5%, так как за 5 лет, 1791–1795 гг., население увеличилось примерно на 5,2% (Кабузан 1971: 95–118).

К каким конкретно годам относятся цены на рожь и овес на конец XVIII в., не указывается. Нам приходилось работать с делами из Российского государственного архива древних актов, на которые ссылаются авторы. В них содержатся сведения о хлебных ценах по месяцам по уездам за 1796–1801 гг. Если опираться на эти данные, доход от земледелия на 1780–1790-е гг. будет преувеличен, так как цены в 1790-е гг. быстро повышались. На середину XIX в. авторы взяли цены за 1847–1853 гг. вместо 1851–1860 гг., вследствие чего доход от земледелия на середину XIX в. оказался заниженным примерно на 17%, так как средние цены на рожь в 1847–1853 гг. были на 14%, а на овес на 21% ниже, чем в 1850-е гг. (Миронов 1985: 232–243).

Сведений о доходах от промыслов у помещичьих крестьян вообще нет, более того, отсутствуют данные о числе промысловых помещичьих крестьян, занятых промыслами. Число последних в 1850-е гг. оценивается по доле таковых у государственных крестьян, а в конце XVIII в. – для Тверской и Рязанской губерний путем экстраполяции сведений по казенным крестьянам за 1828 г. и в 1850-е гг., в Московской – по числу взятых паспортов на рубеже XVIII–XIX вв., а для Орловской – по аналогии с Московской. Сведения о промысловых доходах государственных крестьян имеются только по Московской губернии и относятся не к началу 1850-х гг., как указывают авторы (Ковальченко, Милов 1966: 76–77), а к периоду с 1848 по 1850-е гг. (Материалы для статистики 1858, вып. 1: 1), значит, несколько преуменьшены, поскольку в 1850-е гг. число отходников увеличилось. По остальным губерниям доходы вычисляются на основе весьма ориентировочных сведений о заработной плате отходников. Как видим, данные о промысловых доходах помещичьих крестьян носят предположительный характер, в особенности для конца XVIII в.

Оценки величины оброка также вызывают много вопросов, особенно по XVIII в. По Московской губернии, со ссылкой на книгу Л. В. Милова, оброк на конец XVIII в. принимается в 4 сер. руб. на мужскую душу (Ковальченко, Милов 1966: 77). Но в указанной работе содержатся данные об оброках только за 1769–1773 гг. – 1,9 руб., а за 1790-е гг. приводится информация только по Нижегородской губернии – 9,3 асс. руб. (6,1 сер. руб.), с оговоркой, что другой нет (Милов 1965: 271–304). По нечерноземным губерниям за 1780-е гг. сообщается величина оброка в Ко-

стромской (4,3 асс. руб.) и Вологодской (3,9 асс. руб.) губерниях. По-видимому, оброк по Московской губернии в 4,8 руб. относится к 1780-м гг. и получен путем экстраполяции, но неизвестно, каким образом. По Орловской губернии у Милова данные только за 1770-е гг. – в среднем по четырем уездам оброк равнялся 4,5 руб. (Милов 1965: 301–302). Между тем при расчете на конец XVIII в. оброк принят в 4 руб. – меньшим, чем он был за 20 лет до этого, а он должен был увеличиться в 1780-е гг. за десятилетие по аналогии с другими губерниями примерно на рубль – до 5,5 руб. (Семевский 1903: XIII). По Тверской губернии приводятся данные на конец 1770-х – начало 1780-х гг. (3 руб.) и начало 1800-х гг. (9,3 асс. руб.), и затем безо всякого объяснения принимается, что в конце XVIII в. «средний размер оброка составлял 5–6 руб. асс., или 4,5 руб. сер» (Ковальченко, Милов 1966: 77), хотя 5–6 асс. руб. в 1790-е гг. равноценны 3,9 руб. сер. (так как средний курс ассигнаций в эти годы составлял 0,712), а арифметическая средняя оброков за 1770 – начало 1800-х гг. равняется 5,2 сер. руб. В методическом разделе авторы объясняют, что по Рязанской губернии принят оброк по сведениям И. Д. Ковальченко в Скопинском уезде в 1780–1782 гг., равный 6,2 асс. руб. (Ковальченко, Милов 1966: 77; Милов 1965: 301). В книге Милова имеются сведения об оброке в Егорьевском уезде в 1780-е гг. – 5,5 асс. руб. (Милов 1965: 282–283), в книге Ковальченко средний оброк по 6 уездам в 1780-е гг. составил 5,8 сер. руб. (Ковальченко 1967: 290). Однако в расчет включен оброк в 4,5 руб. Как видим, ключевые для расчета данные об оброках также получены путем косвенных оценок, причем для трех губерний относятся к 1780-м гг., а для Тверской – к 1770-м гг. Между тем хлебные цены для подсчета дохода от земледелия принимаются за 1796–1800 гг.

Итак, данные для принципиального расчета о соотношении доходов и оброков помещичьих крестьян не только ориентировочны, они сконструированы таким образом, что завышают доходы помещичьих крестьян на конец XVIII в. и преуменьшают их на середину XIX в., вследствие чего и стал вывод о негативной тенденции в уровне жизни крестьянства. Однако даже этот несовершенный расчет открывает удивительный факт, который входит в полное противоречие с утверждением об обеднении крестьян – после уплаты оброка у крестьян в 1850-х гг. оставалось на душу населения больше денег, чем в 1780-е гг.: в Московской губернии – на 51,6%, в Тверской – на 33,7%, в Орловской – на 20,6% и Рязанской – на 9,2% (при устранении арифметических ошибок – соответственно 53,3; 34,5; 18,7; 12,5). Там, где промыслы были более развиты, на большую величину повысились доходы крестьян и выше был уровень их жизни. Иначе говоря, в последние семьдесят лет существования крепостного права никакого абсолютного обнищания помещичьих крестьян не наблюдалось. Если же внести минимальные поправки в эти расчеты (точно идентифицировать годы, к которым относятся сведения, синхронизировать данные

о населении, ценах и оброках, включить в расчет прямой подушный налог)[5], то не обнаружится и относительного обеднения. В Табл. 6 приведены расчеты доходов и платежей в денежном, а в Табл. 7 – в натуральном, или зерновом, выражении.

Табл. 6. Доходы и платежи у помещичьих крестьян Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний в 1780-х и 1850-х гг. (в руб. серебром на мужскую душу)

	Московская			*Тверская*			*Орловская*			*Рязанская*		
	1780-е гг.	*1850-е гг.*	*Рост,%*	*1780-е гг.*	*1850-е гг.*	*Рост,%*	*1780-е гг.*	*1850-е гг.*	*Рост,%*	*1780-е гг.*	*1850-е гг.*	*Рост,%*
Сбор хлебов и картофеля на м. д., пуд.	40,46	43,56	8	54,83	67,84	24	80,90	83,51	3	75,57	79,57	5
Цена ржи, руб. за пуд.	0,334	0,481	44	0,380	0,450	18	0,233	0,346	48	0,276	0,346	25
Цена овса, руб. за пуд	0,337	0,560	66	0,295	0,439	49	0,206	0,379	84	0,233	0,386	66
Доход от земледелия на м. д., руб.	13,56	22,29	64	19,01	30,23	59	18,03	29,97	66	19,58	28,77	47
Заработок промыслового работника, руб.	32,00	66,00	106	14,00	30,00	114	7,00	15,00	114	15,00	30,00	100
Занято промыслами, тыс. чел.	23,50	66,80	184	27,90	48,90	75	16,00	24,50	53	15,30	44,70	192
Доход от промыслов на м. д., руб.	8,00	21,80	173	2,80	9,90	254	1,10	3,80	245	2,70	9,00	233
Доход от земледелия и промыслов на м. д., руб.	21,56	44,09	104	21,81	40,13	84	19,13	33,77	77	22,28	37,77	70
Оброк на м. д., руб.	4,80	11,40	138	5,20	13,10	152	5,50	12,50	127	5,80	11,80	103

[5] Доход от всех яровых определен по цене овса, а озимых – по цене ржи; четверть (объемная хлебная мера) переведена в пуды в следующей пропорции: четверть ржи весит 8,9 пуд., четверть овса – 5,7 пуд. Сведения о ценах в: Миронов 1985: 68–71, 241–244, 262–263.

	Московская			Тверская			Орловская			Рязанская		
	1780-е гг.	*1850-е гг.*	*Рост,%*	*1780-е гг.*	*1850-е гг.*	*Рост,%*	*1780-е гг.*	*1850-е гг.*	*Рост,%*	*1780-е гг.*	*1850-е гг.*	*Рост,%*
Налог на м. д., руб.	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40
Оброк и налог на м. д., руб.	5,48	12,35	125	5,88	14,05	139	6,18	13,45	118	6,48	12,75	97
Оброк к общему доходу,%	22,26	25,86	4	23,84	32,64	9	28,75	37,01	8	26,03	31,24	5
Налог к общему доходу,%	3,15	2,15	-1	3,12	2,37	-1	3,55	2,81	-1	3,05	2,52	-1
Оброк и налог к общему доходу,%	25,42	28,01	3	26,96	35,01	8	32,31	39,83	8	29,08	33,76	5
Чистый доход на м. д., руб.	16,08	31,74	97	15,93	26,08	64	13,95	20,32	46	15,80	25,02	58

Табл. 7. Доходы и платежи помещичьих крестьян Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний в 1780-х и 1850-х гг. (в пудах ржи и овса на мужскую душу)

	Московская			Тверская			Орловская			Рязанская		
	1780-е гг.	*1850-е гг.*	*Рост,%*	*1780-е гг.*	*1850-е гг.*	*Рост,%*	*1780-е гг.*	*1850-е гг.*	*Рост,%*	*1780-е гг.*	*1850-е гг.*	*Рост,%*
Сбор хлебов и картофеля на м. д., пуд.	40,46	43,56	8	54,83	67,84	24	80,9	83,51	3	75,57	79,57	5
Доход от промыслов на м. д., пуд.	23,84	41,88	76	8,29	22,27	169	5,00	10,48	110	10,61	24,59	132
Доход от земледелия и промыслов на м. д., пуд.	64,30	85,44	33	63,13	90,11	43	85,91	93,99	9	86,18	104,16	21
Оброк с м. д., пуд.	14,31	21,90	53	15,40	29,47	91	25,01	34,48	38	22,80	32,24	41
Налог с м. д., пуд.	2,03	1,83	-10	2,01	2,14	6	3,09	2,62	-15	2,67	2,60	-3
Оброк и налог с м. д., пуд.	16,34	23,73	45	17,41	31,61	82	28,10	37,10	32	25,47	34,84	37
Оброк и налог к общему доходу,%	25,41	27,77	2	27,58	35,08	8	32,71	39,47	7	29,55	33,45	4
Чистый доход на м.д., пуд	47,96	61,72	29	45,72	58,50	28	57,81	56,89	-2	60,71	69,32	14

Как следует из данных Табл. 6, чистый доход помещичьих крестьян на мужскую душу после оплаты основных повинностей – подушных и оброка – с 1780-х гг. – точки наибольшего падения благосостояния крестьянства в XVIII в. – до 1850-х гг. – точки максимального повышения уровня жизни в дореформенный период – увеличился в целом для четырех губерний в 1,66 раза: в Московской – в 1,97 раза, в Тверской – в 1,64 раза, в Орловской – в 1,46 раза и в Рязанской губернии – в 1,58 раза. Оброк и подушный налог поглощали около 29% крестьянских доходов в конце XVIII в. и 34% в середине XIX в. В действительности – меньше, так как доход от земледелия подсчитан по официальной статистике о сборах хлебов, которые их занижали на 10–30%. Это особенно важно для аграрных губерний – Орловской и Рязанской. Если внести 20%-ную поправку на преуменьшение доходов от земледелия, то общие доходы крестьянского двора возрастут, соответственно платежи в процентах к общему доходу понизятся, и ни в одной из четырех губерний не будут превышать 34%, а в среднем для четырех губерний составят: в 1780-е гг. – 25%, в 1850-е гг. – 30%. Это достаточно умеренный уровень обложения налогами и повинностями. Обычно, исходя из трехдневной барщины, полагают, что только рента поглощала как минимум 50% крестьянских доходов. У нас же получается, что все платежи поглощали около 30%. Правда, в данном расчете не учтены земские, рекрутская, подводная, дорожная и постойная повинности. Однако не учтены и некоторые доходы крестьянского хозяйства от животноводства, огородов, охоты, рыболовства, собирательства, женского рукоделия, которые с лихвой компенсировали недоучет некоторых платежей, так как величина их была незначительной. Как указывалось выше, в 1849 г. все неучтенные повинности, кроме рекрутской, в денежном выражении составляли 0,94 руб. сер., воинская – около 1,09 руб. на душу населения, а доход только от животноводства превышал 4 руб.

Важно и то, что доля платежей в доходах крестьян в дореформенный период увеличилась несущественно – в среднем для четырех губерний на 5%. Столь незначительные изменения доли платежей могут объясняться ошибками выборок и свидетельствуют о том, что и тезис об относительном, т. е. относительно помещиков, обеднении крестьянства не находит подтверждения.

Данные Табл. 6–7 дают возможность оценить значение некоторых экономических факторов для благосостояния помещичьих крестьян. В целом по четырем губерниям в первой половине XIX в. доход только *от земледелия* увеличился в 1,59 раза (всюду главным образом за счет повышения цен, а не прироста производства: 83% против 17%), а доход *от промыслов* – в 2,26 раза, *общий* доход – в 1,84 раза. Несмотря на то, что доходы от промыслов росли быстрее, чем от земледелия, вклад земледелия в доход всюду был бóльшим, чем от промыслов: в целом по четырем губерниям – 71% против 29%. Причина этого состояла в том, что в абсо-

лютном выражении земледелие приносило больше дохода даже в Московской губернии, где вклад промыслов в доход был наибольшим среди четырех губерний – 49%.

Оброки в среднем по четырем губерниям увеличились номинально (в руб. сер.) в 2,3 раза, а реально, при переводе на зерно, в 1,56 раза; рост хлебных цен компенсировал около 40% их прироста. Подушный налог в целом для четырех губерний номинально увеличился в 1,4 раза, но в натуральном исчислении бремя государственных налогов уменьшилось на 5%, так как хлебные цены выросли в большей степени, чем налоги. В результате общее бремя платежей номинально повысилось в 2,2 раза, но реально благодаря росту хлебных цен – в 1,49 раза. Как видим, если платежи и доходы перевести в зерно, то ситуация для крестьян получается еще благоприятнее (см. Табл. 7). Рост хлебных цен, повышение доходности крестьянского хозяйства за счет промыслов и земледелия и понижение реальной тяжести прямых государственных налогов – вот четыре главных фактора, которые обеспечили повышение уровня жизни крестьян в первой половине XIX в. Значение этих благоприятных факторов перевесило негативное влияние увеличения ренты, вследствие чего общие доходы крестьян на душу население существенно увеличились, а их отношение к платежам изменилось мало.

Обратимся к барщинным крестьянам (доля чисто барщинных крестьян составляла в 1850-е гг. около 45%, в более раннее время – несколько меньше) (Ковальченко 1967: 62–63, 66–67). Если полагаться на данные Ковальченко о девяти крупных имениях черноземной полосы, то оказывается, что в пяти из них ситуация складывалась неблагоприятно для крестьян (причем в одном имении, Петровском, – только в 1856–1860 гг.): барская запашка обгоняла или отставала от роста надельной земли; а в четырех – удачно: наделы увеличивались в большей или равной степени, чем барская запашка (там же: 102–103). Но самих по себе данных о величине барской и крестьянской запашки недостаточно для суждения об изменении тяжести барщины: уменьшение надела не всегда означало понижение сбора хлебов, а увеличение барской запашки необязательно вело к увеличению барщины, тем более что колебания душевых наделов и барской запашки в отдельных имениях были столь велики (соответственно от 1,8 до 3,6 дес. и от 1,1 до 2,7 дес.), что создавали возможности для любых комбинаций. Необходимо по каждому имению знать качество земли, величину пара и залежи, урожайность, число барщинных дней, интенсивность работы на помещичьей и крестьянской земле. Но эти данные отсутствуют. Кроме того, как показал С. Л. Хок в своем микроанализе Петровского имения Тамбовской губернии, в крупных имениях помещик и его приказчики не знали точного размера земли, находившейся в крестьянском пользовании, по причине чересполосицы, вследствие чего у крестьян фактически было на 5–10% больше земли, чем за ними числилось. По его

расчету, в Петровском имении в первой половине XIX в. не наблюдалось уменьшения крестьянских наделов, как полагал И. Д. Ковальченко (Хок 1991: 30–31).

Девять имений – слишком маленькая выборка, чтобы на ее основании можно было бы делать общие выводы о всей России: согласно закону больших чисел, только в массовых сведениях о помещичьей и крестьянской запашке можно обнаружить закономерности. Такими данными мы располагаем за 1842–1860 гг. (см. Табл. 8).

Табл. 8. Посевы у помещиков и их крестьян в 1842–1860 гг. (в тыс. четвертей в год)

Район	*1842–1850 гг.*			*1851–1860 гг.*			*Помещичьи,%*	
	Помещичьи	*Крестьянские*	*Итого*	*Помещичьи*	*Крестьянские*	*Итого*	*1842–1850 гг.*	*1851–1860 гг.*
Северо-Западный	401	1 358	1 759	310	1 280	1 590	22,8	19,5
Центрально-Нечерноземный	4 893	6 014	10 907	4 884	6 054	10 938	44,9	44,7
Центрально-Черноземный	4 304	4 683	8 987	4 228	4 781	9 009	47,9	46,9
Средне-Волжский	1 005	1 394	2 399	1 020	1 343	2 363	41,9	43,2
Нижне-Волжский	618	1 056	1 674	652	1 055	1 707	36,9	38,2
Прибалтийский	495	662	1 157	467	692	1 159	42,8	40,3
Западный	2 214	3 348	5 562	2 012	2 963	4 975	39,8	40,4
Юго-Западный	1 808	2 133	3 941	1 735	1 834	3 569	45,9	48,6
Украинский Левобережный	1 164	1 145	2 309	1 321	1 322	2 643	50,4	50,0
Южный Степной	572	570	1 142	613	615	1 228	50,1	49,9
Приуральский	129	591	720	103	750	853	17,9	12,1
Северный	31	185	216	44	218	262	14,4	16,8
Европейская Россия	15 261	24 639	39 900	15 025	24 651	39 676	38,2	37,9

Источник: Ковальченко 1967: 83. Смоленская губерния присоединена к Центрально-Нечерноземному району.

В целом по 48 губерниям Европейской России доля барской запашки уменьшилась на 0,3%, что позволяет предположить: тяжесть барщины за 20 лет практически не изменилась. Из двенадцати районов в пяти произошло увеличение барской запашки, в семи – уменьшение. Но изменения столь незначительны (максимальное увеличение – 2,7% в Юго-Западном районе, максимальное уменьшение – 5,8% в Приуральском), что, учиты-

вая приблизительность исходных данных, нет надежных оснований для заключения о наличии какой-либо тенденции в динамике барщины. Благоразумно сделать вывод, что уровень барщины за 20 лет не изменился, и в таком случае доходы крестьян от надельной земли должны были возрасти благодаря росту хлебных цен и уменьшению реальной тяжести подушного налога на 6%, о чем шла речь выше. Значит, и уровень жизни барщинных крестьян должен был повыситься. Впрочем, трудно было ожидать другого вывода. Вряд ли возможна была такая ситуация, чтобы благосостояние одной большой категории крестьян – оброчных – повышалось, а другой – барщинных – понижалось.

Доходы и повинности государственных и удельных крестьян

Теперь вернемся к государственным и удельных крестьянам, чтобы оценить соотношение их доходов и платежей. Если в Табл. 8 заменить помещичью ренту на государственную, то расчет будет приблизительно отражать положение государственных и удельных крестьян на конец XVIII – середину XIX в., потому что доходы от земледелия и доходы от промыслов в Табл. 8 относятся ко всем крестьянам (см. Табл. 9).

Из данных Табл. 9 следует, что положение казенных и удельных крестьян было намного предпочтительнее. В целом для четырех губерний их доходы и налоги выросли в такой же степени, как и помещичьих, но оброки – всего на 5% (у помещичьих – на 130%), вследствие чего бремя платежей номинально увеличилось всего на 12%, а реально, в переводе на зерно, уменьшилось на 15%. Доля платежей в общем доходе понизилась на 6% – с 16% до 10%. Чистый доход повысился в 2 раза. *Следовательно, в первой половине XIX в. положение государственных и удельных крестьян улучшилось не только абсолютно, но и относительно.* Как и у помещичьих крестьян, главным фактором улучшения их жизни стало повышение хлебных цен, рост доходности крестьянского хозяйства от промыслов и земледелия и понижение реальной тяжести налогов и повинностей. Разительно различие в норме обложения – у казенных и удельных крестьян она составляла в конце XVIII в. всего 16%, а у помещичьих – 28%, т. е. в 1,75 раза выше, в середине XIX в. – соответственно 10% и 34%, т. е. в 3,4 раза выше. Понятно, почему помещичьи крестьяне всегда стремились перейти в казенное управление.

Табл. 9. Соотношение доходов и платежей у казенных и удельных крестьян в 1780-х и 1850-х гг. (в руб. серебром на мужскую душу)

	Московская			Тверская			Орловская			Рязанская		
	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост,%	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост,%	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост,%	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост,%
Доход от земледелия на м. д., руб.	13,56	22,29	64	19,01	30,23	59	18,03	29,97	66	19,58	28,77	47
Доход от промыслов на м. д., руб.	8,00	21,80	173	2,80	9,90	254	1,10	3,80	245	2,70	9,00	233
Доход от земледелия и промыслов на м. д., руб.	21,56	44,09	104	21,81	40,13	84	19,13	33,77	77	22,28	37,77	70
Оброк на м. д., сер. руб.	2,72	2,86	5	2,72	2,86	5	2,72	2,86	5	2,72	2,86	5
Подушный налог на м. д., руб.	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40
Оброк и налог на м. д., руб.	3,4	3,81	12	3,4	3,81	12	3,4	3,81	12	3,4	3,81	12
Оброк и налог в переводе на рожь, чтв.	1,16	0,9	-22	1	0,95	-5	1,63	1,24	-24	1,38	1,24	-10
Оброк в процентах к общему доходу	12,62	6,49	-6	12,47	7,13	-5	14,22	8,47	-6	12,21	7,57	-5
Оброк и налог в процентах к общему доходу	15,77	8,64	-7	15,59	9,49	-6	17,77	11,28	-6	15,26	10,09	-5
Чистый доход на м. д., руб.	18,16	40,28	122	18,41	36,32	97	15,73	29,96	90	18,88	33,96	80

Можно полагать, что полученная картина в своих тенденциях близка к действительной. На 1849–1858 гг. мы располагаем довольно точными расчетами доходности и платежей государственных крестьян в пяти центрально-нечерноземных губерниях, выполненных специальными комиссиями уравнения денежных сборов с государственных крестьян (см. Табл. 10).

Табл. 10. Доходы и платежи государственных крестьян Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской и Ярославской губерний в 1849–1858 гг.

Губернии	Доходы на м. д., руб.*						Платежи на м. д., руб.**					Платежи на м. д., в %	
	С/х	Промыслы	Лес	Мирские	Скот	Итого	Налог	Оброк	Земские	Натуральные	Итого	К доходу от с/х и промыслов	Ко всему доходу
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Владим.	32,82	14,91	1,08	*0,05*	*4,34*	53,20	0,95	3,77	0,56	0,44	5,72	12,0	10,8
Костром.	34,47	12,79	*0,24*	0,07	*4,34*	51,91	0,95	3,68	0,47	0,49	5,59	11,8	10,8
Москов.	22,31	23,68	*0,24*	*0,05*	*4,34*	50,62	0,95	3,59	0,72	1,86	7,12	15,5	14,1
Нижегор.	32,40	11,09	1,52	0,05	4,34	49,40	0,95	3,60	0,46	1,11	6,12	14,1	12,4
Яросл.	30,42	19,16	0,24	*0,05*	*4,34*	54,21	0,95	3,58	0,48	0,56	5,57	11,2	10,3
В ср.	30,48	16,33	0,66	0,05	4,34	51,86	0,95	3,64	0,54	0,89	6,02	12,9	11,6

* Доход, выделенный курсивом, является экстраполяцией.

** На 1849 г.

Подсчитано: «*Доходы* в 1849–1858 гг.» по: Материалы для статистики 1858: 2, 30, 55 (Московская губерния); Материалы для статистики 1859: 12, 23, 177, 182, 185, 191, 203 (Ярославская губерния); Материалы для статистики 1861: Отдел В. С. 43, 63, 107 (Костромская губерния); Материалы для статистики 1871: Отдел В. С. 7, 45, 47, 70 (Владимирская губерния); Хоз.-стат. материалы 1857: 2, 18, 29, 30, 37, 40 (Нижегородская губерния). «*Налоги* в 1849 г.» по: РГИА 1850: 22, 27.

Эксперты, входившие в комиссии, провели тщательные полевые исследования и получили результаты, которые в принципе похожи на те, которые мы получили для Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний. Главные доходы от земледелия и промыслов учтены во всех шести губерниях, а доходы от леса – в трех, от общинной собственности – в двух и от скота – в одной губернии. Ради сопоставимости в суммарный доход (Табл. 10, стлб. 7) по тем губерниям, по которым отсутствуют сведения, включены доходы по минимуму в других губерниях. Например, по Московской доход от леса учтен в минимальном размере по Костромской губернии (0,24 руб.), мирские (0,05 руб.) и доход от скотоводства (4,34 руб.) – по Нижегородской. Особенно интересно сравнить данные по Московской губернии, которая входит в оба анализа. Итоги почти совпали: доходы от земледелия составили соответственно 22,9 руб. и 22,3 руб. на

м. д., от промыслов – 22,3 и 23,6 руб., общие доходы – 44,1 и 45,9 руб., расхождение в 4% следует признать статистически несущественным.

Нижегородская комиссия сопоставила учтенные доходы и расходы государственных крестьян по всем десяти уездам в 1853–1856 гг. Оказалось, что после уплаты всех налогов и удовлетворения всех потребностей крестьян в пище, одежде, жилище и т. д. по отнюдь не голодным нормам того времени в восьми уездах имелся избыток средств: от 5 коп. на мужскую душу в Макарьевском до 6,2 руб. в Лукояновском; в двух уездах зафиксирован дефицит: 1,1 руб., или 4% годового дохода, в Горбатовском и 2 руб., или 7% годового дохода, в Ардатовском уезде. В среднем по губернии доходы превосходили расходы на 2 руб. серебром (Хоз.-стат. материалы 1857: 48–49). Заметим, что расходы учтены по максимуму, а доходы занижены, поскольку они оценивались по официальным данным и не принимались во внимание собирательство, охота, рыболовство, женское рукоделие. Кроме того, крестьянское хозяйство было весьма эластичным и всегда могло ужать свои расходы или увеличить свои доходы на 4–7%.

ДОХОДЫ И ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН В 1861–1913 гг.

Переплатили ли бывшие помещичьи крестьяне за землю?

В пореформенное время было распространено мнение, что отмена крепостного права произошла на невыгодных для крестьян условиях. Серьезный вклад в развитие идеи о грабительском характере крестьянской реформы внесли народники, а также либералы, социал-демократы и даже правые (по разным, правда, мотивам). Социальные ученые в подавляющем большинстве случаев искренне поддерживали своими трудами революционных демократов и народников. В советской историографии эта точка зрения стала аксиоматической, поскольку она удовлетворяла идеологическую потребность доказать закономерность и неизбежность Октябрьской революции. На самом деле уровень жизни крестьян повышался, и этому способствовали три принципиальных фактора: получение в результате крестьянской реформы достаточных наделов, умеренный выкуп за полученную землю и уменьшение налогового бремени в пореформенное время.

Государственные и удельные крестьяне получили достаточные наделы. Что касается помещичьих крестьян, то, по расчетам А. А. Кауфмана и Л. В. Ходского, около 28% от их общего числа получили недостаточное количество земли (Кауфман 1908: 53; Ходский 1891: 23). В большинстве

случаев в ходе крестьянской реформы исчезли очень большие и очень маленькие наделы и произошло массовое их выравнивание вокруг максимального надела, исчисленного для данной местности и указанного в Положении 19 февраля (Кащенко 1995; Hoch 2004: 269–274). В результате были созданы условия для развития самообеспечивающегося крестьянского семейного хозяйства, хорошо описанного в трудах А. В. Чаянова и его школы. Условия проведения реформы способствовали тому, что большинство крестьян взяли надел, который обеспечивал их стабильное существование, и остались в деревне. Поэтому в пореформенной деревне преобладало крестьянское семейное хозяйство, которое постепенно, особенно благодаря Столыпинской реформе, эволюционировало в семейную ферму.

Выкупали землю крестьяне отнюдь не по грабительским ценам, как часто пишут историки. Удельные крестьяне (3,93% всего крестьянства) (Кабузан 1971: 175–176) получили почти всю землю (отрезки 1,7%), находившуюся в их пользовании, в собственность в обязательном порядке; в выкуп были обращены платившиеся ранее поземельные платежи. За государственными крестьянами (48,86%) были закреплены все земли, находившиеся в их пользовании, в бессрочное владение (тоже в обязательном порядке); в выкуп были обращены платившиеся ранее поземельные платежи, изменяемые через 20 лет. Условия освобождения помещичьих крестьян (47,21%) были для них менее благоприятны, хотя и не настолько, как часто изображается в историографии (Дружинин 1978: 79–80, 99, 124–133; История СССР 1968, т. 5: 81, 296–297). Принято считать, основываясь на известной работе А. Е. Лосицкого, что по выкупным платежам крестьяне заплатили в среднем за десятину 26,87 руб. при ее рыночной цене в среднем по России за 1854–1858 гг. в 16,86 руб. и за 1863–1872 гг. – в 20,08 руб. (здесь и далее цены земли в сельской местности) (Лосицкий 1906: 16), следовательно, на 59% или на 34% больше (в зависимости от того, какие цены брать для сравнения), чем она в действительности стоила (см. Табл. 11).

Табл. 11. Рыночные и выкупные цены надельной земли по разным оценкам

Губернии	Площадь надельной земли, тыс. дес.	Рыночная цена надельной земли, млн руб., по ценам		Выкупная цена надельной земли, млн руб., на 1.01. 1863	Цена десятины, руб., по ценам			Выкупная цена десятины		
		1854–1858 гг.	1863–1872 гг.		1854–1858 гг.	1863–1872 гг. Лосицкий	1863–1872 гг. Хок	Руб.	1863-1872 гг. =100 Лосицкий	1863-1872 гг. =100 Хок
Нечерноземные	12286	155	180	342	12,62	14,65	38,51	27,84	190	72

Губернии	Площадь надельной земли, тыс. дес.	Рыночная цена надельной земли, млн руб., по ценам		Выкупная цена надельной земли, млн руб., на 1.01. 1863	Цена десятины, руб., по ценам			Выкупная цена десятины		
		1854–1858 гг.	1863–1872 гг.		1854–1858 гг.	1863–1872 гг. Лосицкий	1863–1872 гг. Хок	Руб.	1863-1872 гг. =100 Лосицкий	1863-1872 гг. =100 Хок
Черноземные	9841	219	284	342	22,25	28,86	48,96	34,75	120	71
Западные	10141	170	184	183	16,76	18,14	36,74	18,05	99	49
Итого	32268	544	648	867	16,86	20,08	31,77	26,87	134	85

Источник: Лосицкий 1906: 16, Приложение, Табл. 1.

С. Хок подверг сомнению эти расчеты. По его мнению, средняя рыночная цена десятины земли, исчисленная Лосицким, была занижена, так как относилась, во-первых, ко всем земельным сделкам, среди которых преобладали продажи участков земли площадью более 500 десятин, стоившие в 3,8 раза дешевле, чем участки менее 25 десятин – более ухоженные, плодородные и расположенные в удобных местах. Во-вторых, цены на землю были заимствованы из нотариальных актов, где ради избежания 4% налога со сделки цены существенно занижались. Хок считает, что в расчет следует взять те цены, по которым крестьяне купили землю на вольном рынке в 1863–1872 гг. Эта земля, купленная ими, как правило, в индивидуальном порядке и в частную собственность, состояла на 60–73% из участков менее 25 десятин и на 27–40% из участков в 25–500 десятин; участки более 500 десятин не приобретались. Если среднюю рыночную цену десятины определить по этой структуре покупок, то она будет стоить не 20,87 руб., как высчитал Лосицкий, а 31,77 руб. В таком случае выкупленная крестьянами к 1906 г. земля стоила 1070 млн руб., а они заплатили за нее 867 млн руб., т. е. на 19% меньше ее рыночной стоимости (Hoch 2004: 261).

Расчеты Лосицкого преуменьшают выгоды помещиков, но с расчетами Хока трудно согласиться. Он не принял во внимание, что надельные земли выкупались крестьянами не единолично, а целыми общинами или селениями, поэтому не мелкими, а средними участками. Средняя величина выкупаемой земли на одну общину составляла 231 десятину (198 десятин в нечерноземных и 296 десятин в черноземных губерниях) (Ершов 1885), и тогда средняя рыночная цена десятины (21,45 руб.) будет не только ниже принятой Хоком (31,77 руб.), но и меньше выкупной (26,87 руб.) на 25%. Более существенно, однако, что до 1907 г. закон запрещал продажу и покупку надельной земли на вольном рынке, поэтому она *не имела рыночной цены*. А если бы надельная земля была допущена на рынок, то

она стоила бы меньше, чем частновладельческая, находившаяся в обороте в 1863–1872 гг., так как крестьянский надел по причине чересполосицы был раздроблен на несколько мелких участков; земледелец был связан круговой ответственностью в платежах и обязательным севооборотом с однообщинниками. Вот почему когда рыночный оборот надельной земли был разрешен в 1907–1910 гг., то десятина крестьянской земли стоила дешево – 64 руб., в то время как земля, продаваемая мещанами, – 113 руб., купцами – 118 руб. и дворянами – 121 руб. (Святловский 1911: 137). Таким образом, как ни считай, если брать цены 1854–1858 гг. или 1863–1872 гг., то крестьяне за надельную землю переплатили.

Второй существенный момент в расчетах выгодности выкупной сделки – на какую дату брать рыночные цены земли, так как выкупная оценка надельной земли была установлена к 1863 г. и до отмены выкупа в 1906 г. не изменялась[6]. Поскольку цены земли в пореформенное время повышались, то наименее выгодный вариант для крестьян получится, если эти цены учитывать на 1861 г., а наиболее благоприятный – на 1906 г., на момент отмены выкупных платежей. В 1883 г., как раз посередине периода 1861–1906 гг., на который растянулся выкуп, платежи были уменьшены на 27%. В связи с этим в 39 губерниях Европейской России была определена стоимость 23 млн десятин надельной земли для тех 8,1 млн бывших помещичьих крестьян, на которые распространялось понижение: (а) по выкупной оценке (капитализирование выкупного платежа из 6% годовых); (б) по оценке банков (земельно-кредитных учреждений), которые приняли в расчет рыночные цены 1879 г.[7] В 20 губерниях (в большинстве нечерноземных и в малонаселенных) выкупная оценка была выше банковской, а в 19 черноземных губерниях – ниже. В целом по 39 губерниям выкупная цена равнялась 29,84 руб. за десятину, а банковская – 34,81 руб., на 4,97 руб., или на 16,6%, выше[8] (см. Табл. 12). По этому расчету крестьяне выиграли от выкупной операции, так как к 1906 г. заплатили меньше, чем стоила надельная земля на рынке по ценам 1879 г.: на 16,6% меньше до понижения и на 48% после понижения годового оклада выкупных платежей с 1883 г. на 27%.

---

[6] Первоначально предполагалось, что у временнообязанных крестьян, не перешедших на выкуп и плативших бывшим владельцам оброк, через 20 лет должна производиться переоброчка, т. е. повышение оброка. Но в 1881 г. статус временнообязанных был отменен, так как все крестьяне были переведены на выкуп, а величина выкупных платежей уменьшена на 27%.

[7] Оценка произведена губернскими земствами для земских губерний и губернскими по крестьянским делам присутствиями для неземских в 1881–1883 г.

[8] В обоих случаях подсчитана средняя взвешенная цена по: Понижение выкупного платежа по указу 28-го декабря 1881 года: Статистические таблицы (Ершов 1885: 114–128). Рыночная цена земли относилась не к собственно надельной земле, а ко всем продаваемым землям, в том числе и к не введенным в сельскохозяйственный оборот, т. е. к неосвоенным землям более низкого качества и с худшей инфраструктурой, во всяком случае, к менее ухоженным и плодородным, расположенным в менее удобных местах (сравнительно с надельными землями). Вследствие этого действительная разница выкупной и рыночной цен была больше, чем получается по нашим вычислениям, причем в пользу банковской.

Табл. 12. Выкупная и банковская цена земли, годовой оклад выкупных платежей у бывших помещичьих крестьян и оброчная подать с десятины надельной земли у бывших государственных крестьян в 1881–1883 гг.

Губерния	*Наличное население м. п.*	*Надельная земля, дес.*	*Цены на землю, руб. за десятину*			*Годовой оклад выкупных платежей бывших помещичьих крестьян, коп. за десятину*		*Оброчная подать бывших государственных крестьян, коп. за десятину*		
			Выкупная	*Банковская*	*Разница*	*До понижения*	*После понижения*	*Минимум*	*Максимум*	*Средняя*
Астраханская	6984	51232	10,00	4,13	5,87	60	42	-	-	-
Витебкая	16156	55869	19,59	15,46	4,13	117	94	-	-	-
Владимирская	336545	1109131	30,50	33,21	-2,71	183	145	45	136	91
Вологодская	112645	484566	22,00	18,81	3,19	132	102	27	85	56
Воронежская	220063	464154	37,67	67,30	-29,63	226	177	54	117	86
Вятская	19996	51558	28,50	20,06	8,44	171	113	50	84	67
Донская	155538	319273	30,33	34,06	-3,73	182	134	-	-	-
Екатеринослав.	133036	293729	31,00	36,76	-5,76	186	153	47	57	52
Казанская	78554	217318	30,67	38,50	-7,83	184	139	59	97	78
Калужская	324904	944800	32,50	26,91	5,59	195	134	56	147	102
Костромская	300828	1255739	23,83	14,01	9,82	143	100	46	126	86
Курская	335539	612785	42,50	84,66	-42,16	255	200	59	140	100
Могилевская	107295	370521	20,83	13,01	7,82	125	97	-	-	-
Московская	293624	802264	41,17	39,47	1,70	247	156	71	173	122
Нижегородская	354103	1043182	31,33	25,84	5,49	188	139	52	140	96
Новгородская	214992	983769	20,50	6,70	13,80	123	71	30	84	57
Олонецкая	5479	33712	12,83	6,00	6,83	77	6	-	-	13
Оренбургская	11384	49359	16,83	4,85	11,98	101	83	21	28	25
Орловская	400028	925977	36,17	67,18	-31,01	217	171	61	134	98
Пензенская	253148	580285	35,00	46,73	-11,73	210	166	73	137	105
Пермская	188359	1071134	11,83	4,61	7,22	71	50	34	72	53
Полтавская	368807	478562	36,57	47,43	-10,86	214	176	55	129	92
Псковская	215793	813141	21,83	16,66	5,17	131	81	26	100	63
Рязанская	437687	948271	38,50	75,02	-36,52	231	171	59	154	107
Самарская	65451	230800	23,67	16,45	7,22	142	116	25	61	43

Губерния	*Наличное население м. п.*	*Надельная земля, дес.*	*Цены на землю, руб. за десятину*			*Годовой оклад выкупных платежей бывших помещичьих крестьян, коп. за десятину*		*Оброчная подать бывших государственных крестьян, коп. за десятину*		
			Выкупная	*Банковская*	*Разница*	*До понижения*	*После понижения*	*Минимум*	*Максимум*	*Средняя*
С.-Петербургск.	153550	603354	26,17	16,68	9,49	157	87	44	172	108
Саратовская	231050	693066	27,83	37,33	-9,50	167	137	45	87	66
Симбирская	188367	480846	33,83	37,80	-3,97	203	166	63	180	122
Смоленская	377003	1300088	26,83	27,33	-0,50	161	94	47	89	68
Ставропольская	2302	19651	16,33	10,70	5,63	113	85	-	-	-
Таврическая	16112	63090	18,83	22,64	-3,81	89	80	30	60	45
Тамбовская	389286	795306	37,00	72,36	-35,36	222	173	56	125	91
Тверская	869121	1311522	27,50	18,59	8,91	165	107	52	143	98
Тульская	421431	928418	40,50	75,59	-35,09	243	198	60	153	107
Уфимская	53209	161966	24,50	11,29	13,21	147	114	31	73	52
Харьковская	236616	436685	36,83	45,83	-9,00	221	176	78	121	100
Херсонская	161020	391419	29,17	32,56	-3,39	175	146	39	63	51
Черниговская	310514	721931	26,50	27,52	-1,02	159	104	51	126	89
Ярославская	242466	869115	32,50	24,74	7,76	195	158	50	172	111
Итого	8608985	22967588	29,84*	34,81*	-4,97*	179*	131*	48	114	81

* Средняя по России взвешена на величине надельной земли в губерниях.
Подсчитано по: Ершов 1885: 1–128.

Аналогичный расчет на 1907 г. показывает, что крестьяне заплатили за надельную землю в 2,4 раза меньше, чем она стоила в 1907–1910 гг., принимая выкупную стоимость десятины надельной земли за 26,87 руб., а рыночную цену земли, проданную крестьянами, – за 64 руб. Если же взять среднюю рыночную цену десятины без различия социальной принадлежности продавца – 93,4 руб. в 1903–1905 г. (Святловский 1911: 82-83), то выигрыш крестьян составит 248%, так как надельная земля по ценам 1903–1905 гг. стоила в 3,48 раза дороже, чем крестьяне за нее заплатили. Правда, вместе с ростом земельных цен повышались цены на все товары, и реальный выигрыш или проигрыш крестьян от выкупной операции зависел от того, насколько выросли цены на землю, на сельскохозяйственные и промышленные товары. Если земельные и хлебные цены обгоняли цены промышленных товаров, то крестьяне выигрывали, если отставали, то проигрывали. Кроме того, оптимальная оценка успешности выкупной

операции будет сделана в том случае, если учитывать те цены, по которым крестьяне реально выкупали землю. К сожалению, такой информацией о земельных ценах мы не располагаем. Но известно, что с 1854–1858 гг. по 1903–1905 гг. в среднем по Европейской России земельные цены выросли в 7,33 раза (Святловский 1911: 82–83), общий индекс цен – в 1,26 раза, цены на сельскохозяйственные продукты – в 1,38 раза, а на промышленные товары понизились на 28%[9]. Поскольку земельные цены существенно обгоняли цены на все другие товары, хлебные цены обгоняли промышленные, действительный выигрыш от выкупной операции к 1906 г. был больше, чем показывают приведенные расчеты.

Таким образом, оценка выгодности выкупной операции зависит от того, какие земельные цены учитывать и за какие годы. Выкупная оценка надельной земли в 1860-е – 1870-е гг. в большинстве случаев была выше ее потенциальной стоимости на рынке, но с 1880-х гг., особенно после понижения на 27% выкупной суммы, стала ниже. Выгоды для крестьян от выкупной операции со временем увеличивались вместе со стреми-тельным повышением земельных цен, которые в 5,8 раза обгоняли общий индекс цен. В конечном итоге бывшие помещичьи (и тем более все другие категории крестьян) выиграли от выкупной операции, несмотря на завышенную оценку стоимости надельной земли и платеж 6% годовых за полученный от государства ипотечный кредит вместо обычных 4% на земельные ссуды (Дружинин 1978: 73).

Уменьшение налогового бремени в пореформенное время

Важнейшим фактором повышения жизненного уровня трудящихся была налоговая политика правительства. Рабочие налогов не платили, а обремененность налогами крестьянства уменьшилась благодаря тому, что в пореформенное время в налоговой политике произошли три важных изменения. Во-первых, к платежу прямых налогов были привлечены группы населения, прежде от них освобожденные: дворяне и чиновники, казаки и национальные меньшинства, в то время как в дореформенное время прямые налоги платили только крестьяне и мещане (подушную подать), а купцы – гильдейские пошлины. Из привилегированных сословий лишь помещики были привлечены к уплате незначительных губернских земских сборов в 1853 г. (Миронов 2003*б*, 1: 94–95; Шацилло 2003: 345–383; Захаров, Петров, Шацилло 2006: 222–231).

Во-вторых, с 1860-х гг. российская налоговая система стала переходить с подушного принципа на подоходный, в результате чего *тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения*. По расчету, сделанному в Министерстве финансов в 1859 г., «высшие

[9] Индекс цен в Петербурге см.: Струмилин 1954: 514–515. Петербургские цены хорошо отражали динамику российских цен, см.: Первушин 1925: 157, 322–325.

классы», или неподатные сословия, обеспечивали поступление в казну 17% доходов (главным образом за счет косвенных налогов), а «низшие классы», или податные сословия, – 76%; 7% государственных доходов приносили монетная, горная и другие регалии и государственное имущество. В 1887 г., по расчету известного финансиста Н. П. Яснопольского, эти источники доходов соотносились как 38 : 55 : 7 (для сравнения: в Великобритании это соотношение составляло 52 : 40 : 8, во Франции – 49 : 30 : 21, в Пруссии – 30 : 29: 41). Из общей суммы собственно налогов (без регалий) на высшие классы в 1859 г. приходилось 18%, на низшие – 82%, а в 1887 г. соответственно – 41% и 59%. Другими словами, тяжесть налогов для высших классов увеличилась почти в 2,3 раза (Яснопольский 1890: 27–31). Эта тенденция в дальнейшем усиливалась.

В-третьих, в налоговой системе значение косвенного обложения повышалось. Но благодаря этому податное бремя еще более сместилось с крестьянства на относительно зажиточные городские слои, так как косвенные налоги ложились главным образом на горожанина (Шацилло 2003: 376). Спички, нефть, табак, сахар и даже водка потреблялись в большей степени в городе. Например, питейный доход с сельского населения в 1901 г. дал в государственный бюджет 143,9 млн руб. (Анфимов 1984: 110–111) из 476,3 млн руб. общего питейного дохода этого года (Ежегодник МФ 1912: 296, 323), т. е. 30,2%; в 1912 г. – соответственно 256,3 млн руб. (Петров 2002: 390, 406; Захаров, Петров, Шацилло 2006: 249–262) из 953 млн руб. (Стат. ежегодник 1915, XII-й отдел: 15), т. е. 26,9%. В целом в 1901–1912 гг. на долю крестьянства приходилось лишь 32% всех налогов и платежей (Анфимов 1964: 502), а его доля в населении превышала 83% (Миронов 2003*б*, 1: 130). Норма обложения у крестьян к началу XX в. резко понизилась и стала в 3,6 раза меньше, чем у горожан.

Отсюда, конечно, не следует, что деревня была обложена налогами слабее, чем город. Для ответа на вопрос, чье налоговое бремя – горожан или селян – было тяжелее, необходимо знать платежеспособность тех и других, а также и остаток средств после уплаты налогов. Скорее всего, для состоятельных горожан, которые только и платили налоги, ибо с заработной платы налоги не взимались, налоги были менее обременительными, так как их доходы в абсолютном значении были намного выше, чем у крестьян. Этот вопрос требует специального изучения. Однако смещение податного бремени с бедных на зажиточные слои населения и повышение значения косвенного обложения должно было иметь два следствия: на покрытие прямых налогов в пореформенный период крестьяне стали расходовать меньше, а на поддержание биостатуса – больше. Проверим эти гипотезы путем сравнения тяжести прямых налогов в канун отмены крепостного права и в конце XIX – начале XX в. Соответствующие данные для 1850-х гг. были приведены выше, а для пореформенного времени воспользуемся обобщением опубликованных бюджетных обследований последней четверти XIX в. Сводка включает сведения о 70 хозяйствах кре-

стьян-кустарей и о 1 717 хозяйствах крестьян-земледельцев, в которых проживало 14244 человека обоего пола; она охватывает 13 губерний Европейской России. Натуральная часть бюджета, на которую приходилось в доходной части 45%, а в расходной – 46%, выражена в деньгах по соответствующим ценам (см. Табл. 13, 14).

Табл. 13. Доходы на одно хозяйство по результатам бюджетных обследований в 1877–1900 гг. в 13 губерниях Европейской России

Губерния	*Год*	*Число хозяйств*	*Число душ*	*Тип хозяйства*	*Доходы, руб.*				
					Земледелие	*Скотоводство*	*Промыслы*	*Прочие*	*Всего*
Новгородская	1879–1880	5	29	кустари	66,0	24,0	165,0		255
Вятская	1880–1883	17	157	кустари	317,0	60,0	301,0	5,0	683
Пермская	1880	18	110	кустари	58,0	24,0	248,0		330
Нижегородская	1877–1880	14	101	кустари	99,0		197,0	7,0	303
Саратовская	1883	1	5	земледельцы	318,0	40,0			358
Воронежская	1885–1890	263	2 147	земледельцы	263,0	115,0	114,0	107,0	599
	1880	1	6	кустари	43,0		270,0		313
Тульская	1881	6	52	земледельцы	251,0	17,0	202,0		471
	1879–1882	5	44	кустари	149,0	22,0	550,0		721
Владимирская	1880	2	11	кустари	99,0		118,0		217
Ярославская	1879	2	13	кустари	148,0	3,0	245,0		396
Тверская	1894	1	5	земледельцы	117,0	17,0	29,0		163
	1879–1894	4	33	кустари	150,0	16,0	133,0		299
Калужская	1896	1 313	10 670	земледельцы	240,0	76,0	77,0	5,1	398
	1879	2	13	кустари	102,0	7,0	191,0		300
Херсонская	1880–1900	126	823	земледельцы	366,0	15,0	48,0		429
	1880	1	7	кустари					
Кубанская	1901	7	54	земледельцы	372,0	130,0	65,0	21,0	588
В среднем на хозяйство				земледельцы	253,3	77,5	80,9	20,4	432,1
				кустари	146,2	25,2	254,6	2,6	428,6
				все	249,1	75,4	87,7	19,7	431,9
В среднем на душу населения				земледельцы	31,6	9,7	10,1	2,5	53,9
				кустари	21,0	3,6	36,5	0,4	61,5
				все	31,3	9,5	11,0	2,5	54,3

Подсчитано по: Материалы Комиссии 1903, 1: 35–39; 3: 14, 39–41, 132–134.

Табл. 14. Расходы на одно хозяйство по результатам бюджетных обследований в 1877 – 1900 гг. в 13 губерниях Европейской России

Губерния	*Тип хозяйства*	*Расходы, руб.*							*Баланс*
		Пища	*Одежда*	*Жилище*	*Хозяйство*	*Повинности*	*Прочие*	*Всего*	
Новгородская	кустари	113,0	80,0	12,0	42,0	14,0	10,0	271	-16
Вятская	кустари	344,0	77,0	18,0	145,0	21,0	13,0	618	65
Пермская	кустари	236,0	39,0	24,0	9,0	12,0		320	10
Нижегородская	кустари	184,0	38,0	12,0	16,0	46,0	0,4	296	7
Саратовская	земледельцы	182,0	8,0	13,0	125,0	30,0		358	0
Воронежская	земледельцы	169,0	49,0	32,0	205,0	26,0	34,0	515	84
	кустари	172,0	80,0	3,0	11,0	19,0	5,0	290	23
Тульская	земледельцы	254,0	94,0	10,0	53,0	41,0	19,0	471	-1
	кустари	320,0	99,0	26,0	74,0	23,0	96,0	638	83
Владимирская	кустари	163,0	34,0	1,0		33,0		231	-14
Ярославская	кустари	244,0	60,0	22,0	30,0	41,0	3,0	400	-4
Тверская	земледельцы	47,0	19,0	1,0	63,0	30,0	3,0	163	0
	кустари	162,0	26,0	2,0	80,0	23,0	2,2	295	4
Калужская	земледельцы	175,0	28,0	23,0	160,0	25,0	5,2	416	-18
	кустари	192,0	73,0	16,0	3,0	17,0	0,0	301	1
Херсонская	земледельцы	172,0	111,0	12,0	153,0	16,0	16,0	480	-51
	кустари	233,0	110,0	30,0	37,0			410	
Кубанская	земледельцы	234,0	60,0	14,0	211,0	11,0	57,0	587	1
В среднем на хозяйство	земледельцы	174,3	37,7	23,5	166,1	24,5	10,7	436,6	-4,7
	кустари	244,1	58,1	17,4	55,2	24,2	11,1	410,1	18,5
	все	177,0	38,5	23,2	161,8	24,5	10,7	435,5	-3,8
В среднем на душу населения	земледельцы	21,8	4,7	2,9	20,7	3,1	1,3	54,5	-0,6
	кустари	35,0	8,3	2,5	7,9	3,5	1,6	58,8	2,7
	все	22,2	4,8	2,9	20,3	3,1	1,3	54,7	-0,3

Источники указаны в примечании к Табл. 13.

Бюджетные данные по 11 губерниям следует признать репрезентативными: в 1901 г. средний доход от сельского хозяйства по 50 губерниям Европейской России равнялся 30,30 руб. на душу населения (Анфимов 1964: 489–505; 1984: 110–111), а по 13 губерниям – 31,3 руб., от промыслов по

50 губерниям – 12 руб. (Материалы Комиссии 1903, 1: 219), а по 13 губерниям – 11 руб. Теперь сравним, как изменилось соотношение доходов и платежей в середине и конце XIX в. (см. Табл. 15).

Табл. 15. Тяжесть прямых налогов для крестьянства Европейской России в 1850-е и 1877–1901 гг.: доходы и повинности на душу населения в рублях золотом

1850-е гг.				1877–1901 гг.			
Крестьяне	Доход, руб.	Повинности		Крестьяне	Доход, руб.	Повинности	
		Руб.	В% к доходу			Руб.	В% к доходу
Казенные и удельные, 8 губерний	23,22	2,60	11,2	Земледельцы, 7 губерний	53,93	3,12	5,8
Помещичьи, 4 губернии	21,41	6,58	30,7	Кустари, 11 губерний	61,55	3,44	5,6
В среднем*	22,62	3,93	17,4	В среднем**	54,20	3,01	5,6

* Взвешено по числу губерний.
** Среднее арифметическое для всех хозяйств.
Источники указаны в примечаниях к Табл. 6, 7, 10, 13.

В 1850-е гг. у казенных и удельных крестьян шести нечерноземных (Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской, Тверской и Ярославской) и двух черноземных (Орловской и Рязанской) губерний налоги и повинности (без косвенных налогов) поглощали 11,2% дохода, а у помещичьих крестьян Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний – 30,7%, в среднем – 17,4% доходов[10], в то время как в конце XIX в. у всех крестьян в целом – лишь 5,8% доходов. Даже у бывших казенных и удельных крестьян с низкой нормой обложения бремя повинностей к концу XIX в. уменьшилось почти в 2 раза. Однако после крестьянской реформы у бывших государственных и удельных крестьян повинности в абсолютном значении увеличились (с 2,60 до 3,07 руб.), а уменьшение их тяжести (относительно доходов) произошло за счет увеличения доходов, в том числе вследствие повышения хлебных цен. У бывших помещичьих крестьян платежи уменьшились не только абсолютно (с 6,58 до 3,07 руб.), но и относительно, главным образом благодаря отмене владельческих повинностей и замене их более легкими государственными

[10] В тех случаях, когда были неизвестны доходы из второстепенных источников (животноводство, лес, общинная собственность и др.), доходы от земледелия и промыслов увеличивались на 10% – такова была доля дополнительных доходов по бюджетным данным 1877–1901 гг.

платежами. В результате Великих реформ все категории крестьян были унифицированы в правовом и фискальном отношениях, благодаря чему максимально выиграли именно помещичьи крестьяне как наиболее угнетенные до реформ.

Еще один важный вопрос: когда произошло понижение платежей? Они уменьшались дважды – сначала в 1860-е гг. в результате крестьянской реформы при переходе на выкуп, второй раз – в 1882 г. благодаря понижению выкупных платежей. С 1 июля 1882 г. выкупные платежи уменьшились на 27%, соответственно их годовой оклад на двор – с 15,31 до 11,22 руб., или на 4,09 руб. (Понижение выкупного платежа 1885: 110–111). В крестьянских бюджетах, составленных после 1881 г., на хозяйство приходилось 24,5 руб. всех платежей в год, значит, до понижения выкупа – 28,59 руб. В таком случае после перехода на выкуп и до 1881 г. все прямые налоги и повинности поглощали примерно 6,6% общего дохода крестьянского хозяйства (после понижения выкупных платежей – 5,7%). Таким образом, хотя понижение выкупных платежей было в абсолютном значении довольно значительным, не оно было главной причиной понижения тяжести налогообложения, а переход на выкуп.

При всей ориентировочности сделанных расчетов очевидно, что в пореформенное время норма обложения крестьян прямыми налогами и повинностями (без косвенных налогов и пошлин) уменьшилась. Однако уменьшилось и общее бремя обязательных платежей у крестьянства. В 1850-е гг. в расчете на душу населения прямые налоги и повинности поглощали 20,5% доходов крестьянства, косвенные налоги – 15,8%, пошлины – 2,3% (Шацилло 2003: 358), все платежи – 38,6%. В 1900–1901 гг. прямые и косвенные налоги, а также все платежи (включая выкупные и арендные за вненадельную землю) равнялись 8,71 руб., доход от сельского хозяйства в год – 30,30 руб. (Анфимов 1964: 489–505; 1984: 110–111), от промыслов – 12 руб. (Материалы Комиссии 1903, 1: 219), общий доход – 42,30 руб. на душу населения в год[11]. Всего на покрытие всех налогов и платежей в 1901 г. уходило 20,6% доходов – на 18% меньше, чем накануне эмансипации. В 1912 г. прямые и косвенные налоги и все платежи с крестьянства равнялись 6,26 руб. на душу населения и составляли 14,6% к их доходу (Анфимов 1964: 489–505; 1984: 110–111; Петров 2003: 404–407)[12]. Значит, к 1913 г. бремя налогов и платежей понизилось, вероятно, благодаря отмене выкупных платежей еще на 6%.

Таким образом, налоговый пресс на крестьянство в пореформенное время уменьшился, а чистый остаток после оплаты налогов возрос. Ко-

---

[11] Помимо доходов от собственно сельского хозяйства и промыслов, крестьяне имели дополнительные доходы, которые увеличивали их общие доходы на 10%.

[12] А. М. Анфимов опирался на данные А. Л. Вайнштейна, согласно которому сумма всех налогов (без страховых платежей) в 50 губерниях в 1912 г. составляла 6,21 руб. на душу населения, или 13,2% к условно чистому сельскохозяйственному доходу, и 11,2% по отношению ко всему доходу (Вайнштейн 2000: 82–84).

миссия по исследованию благосостояния сельского населения констатировала в 1903 г.: «Нельзя не остановить внимания на сравнительной незначительности расхода на повинности, тяжестью коих часто объясняется неблагоприятное положение крестьянского хозяйства. Обозрение бюджетов приводит, напротив, к заключению, что повинности в крестьянском бюджете играют роль далеко не преимущественную и что центр тяжести расходного бюджета лежит на издержках на пищу и хозяйство» (Материалы Комиссии 1903, 3: 134).

Следует отметить, что в расчетах тяжести налогообложения крестьянства, сделанных как в дореволюционное, так и в советское время, допускалось три натяжки: 1) не в полной мере учитывались доходы крестьян (из-за невозможности полного учета), 2) выкупные платежи за землю принимались за налог, 3) все пошлины (канцелярские судебные, гербовые и т. д.) и сборы с цены товаров приравнивались к налогам без учета их факультативности.

В начале XX в. земледелие давало крестьянам менее половины дохода, промыслы по разным оценкам – 22–28% (Анфимов 1984: 110–111; Материалы Комиссии 1903, 1: 219), доходы от скотоводства, огородничества, пчеловодства, рыболовства, собирательства, общинной собственности по бюджетным данным – 22% (см. Табл. 13). Учесть дополнительные доходы было практически невозможно, потому что крестьяне их скрывали, в то время как величина повинностей, как правило, была всем известна и потому соответствовала действительности.

Выкупные платежи за полученную крестьянами землю в результате реформы 1860-х гг. не могут считаться налогом, так как они шли на покрытие кредита, полученного крестьянами от государства, за купленную землю. Как бы ни оценивать величину и справедливость выкупа, его нельзя считать налогом ни по существу, ни по форме. Это все равно, что в настоящее время принимать за налог платеж за купленную в кредит землю или квартиру. При переводе на выкуп крестьяне при отказе от полного надела получали четверть его бесплатно (таких было около 500 тыс. ревизских душ). Выкупные платежи стали обязательными с 1881 г., несмотря на это, крестьяне в любое время могли отказаться от выкупных платежей при условии отказа от надельной земли. На долю выкупных платежей в налоговых поступлениях в бюджет в 1885–1905 гг. приходилось от 8 до 16% (Ежегодник МФ 1886: 66; 1900: 46; 1907: 40).

Косвенные налоги, в отличие от прямых, носят факультативный характер. Конечно, керосин, ситец, чай, сахар стали в начале XX в. предметами первой необходимости, и без них было не обойтись. А как быть с водкой и табаком, на долю которых приходилось 62,1% всех косвенных налогов? Действительно, в международной статистике их традиционно принято относить к косвенным налогам, но ведь нужно учитывать национальную специфику и масштабы потребления алкоголя и

табака в разных странах. Некоторые пошлины (почтовые, телеграфные, судебные и др.) представляли собой плату за определенные действия и услуги со стороны государственных органов, поэтому их некорректно относить к налогам, их следовало бы дифференцировать и вычесть из общей суммы всех пошлин, на долю которых в структуре налогов приходилось 8,6% в 1855 г. и 11% в 1913 г. (Шацилло 2003: 390).

Все указанные натяжки приводят к преувеличению тяжести налогов в России, которые, несмотря на это, по мировым стандартам не были чрезмерно тяжелыми (см. Табл. 16).

Табл. 16. Тяжесть налогового обложения в процентах к национальному доходу в ряде стран в 1913–1914 гг.

Страны	*Тяжесть налогового обложения*
Япония	18,2
Австрия	16,9
Франция	13,8
Канада	13,0
Германия	11,8
Великобритания	11,4
Россия	11,0
Италия	10,8
Австралия	10,4
США	6,5
Индия	4,4

Источник: Микеладзе 1928: 150–152.

Как видно из данных Табл. 16, в России норма обложения была весьма умеренной, ниже, чем в большинстве развитых стран. В литературе фигурируют разные данные об уровне обложения, что обусловлено прежде всего различными оценками национального дохода. Например, согласно А. Л. Вайнштейну норма обложения для России в 1913 г. равнялась 13,5%. Эта явно завышенная цифра вызвана тем, что автор занизил чистый национальный доход на душу населения (83,3 руб.) (Вайнштейн 1924: 127; Петров 2003: 402). П. В. Микеладзе принял национальный доход за 101,4 руб., что ближе к наиболее точной оценке П. Грегори – 118,5 руб. (Грегори 2003: 237). Если за основу взять данные Грегори, то норма обложения в России понизится до 9,5%, и тогда лишь в США и Индии норма обложения будет ниже[13].

[13] Некоторые исследователи считали, что расчеты А. Л. Вайнштейна завышали тяжесть обложения (Верхопятницкий 1923: 40, 71).

О ЧЕМ ГОВОРЯТ НЕДОИМКИ

Часто наличие недоимок рассматривается исследователями в качестве аргумента тяжелого положения податного населения. Однако это ненадежный критерий. Недоимки являлись обязательным спутником крестьянской и мещанской жизни XVIII – начала XX в. (Чечулин 1906: 142–146; Руковский 1862: 183–213), потому что крестьяне и мещане не торопились платить подати даже тогда, когда они располагали средствами для этого. Во-первых, казенные недоимки регулярно прощались верховной властью в XVIII – первой половине XIX в. То же продолжалось и в пореформенное время: за 1862–1906 гг. только крестьянам их было прощено на 58,5 млн руб., или 3,8% от общей суммы выплат крестьян за эти годы (Кованько 1914: Приложение 4, Табл. 4 и Приложение 5, Табл. 1). Почти всегда новый монарх при вступлении на престол полностью или в значительной степени прощал накопившиеся долги, о чем населению было прекрасно известно. Во-вторых, наличие недоимок препятствовало повышению налогов и повинностей, так как всегда выдвигалось налогоплательщиками как доказательство их тяжелого положения и, самое важное, принималось властями во внимание (Материалы Комиссии 1903, 3: 235). В 1809 г. Департамент уделов решил возвысить оброки с удельных крестьян, но по договоренности с налогоплательщиками, полагая, что они добровольно на это согласятся, так как находились в существенно лучшем положении сравнительно с казенными крестьянами, у которых только что увеличили оброки, не говоря уже о помещичьих. Однако крестьяне не стали добровольно повышать оброки, мотивируя отказ наличием недоимок. Пришлось оброки увеличивать принудительно, принимая во внимание недоимочность: за теми селениями, которые имели значительные долги, сохранялись старые оклады, а тем, которые их не имели, устанавливались новые, повышенные. Со временем оброки были увеличены у всех, но недоимщики получили отсрочку (История уделов 1901: 80–87). Такое отношение к росту повинностей было общим для всех категорий крестьян. При повышении окладов управители и владельцы учитывали недоимки, так как не имели других надежных критериев для оценки благосостояния. Конечно, всегда были несостоятельные крестьяне, но также всегда под личиной неплатежеспособных скрывалось много лиц, могущих вовремя платить налоги и повинности. Вообще, по свидетельству осведомленных современников, крестьянин предпочитал прибедняться, а не выставлять напоказ свое благосостояние[14].

На 1849 г. имеются сведения о налогах, повинностях и недоимках казенных, помещичьих крестьян и мещан по 44 губерниям Европейской России (см. Табл. 17).

---

[14] «Крестьяне при проезде помещика, как бы состоятельны они ни были, притворяются всегда бедными и нуждающимися во всем» (Кабештов 2006: 545).

Табл. 17. Платежи и недоимки казенных и помещичьих крестьян, а также мещан в 1849 г. (в копейках серебром на мужскую душу)

Губернии	*Натуральные повинности**	*Казенные крестьяне*			*Помещичьи крестьяне*			*Мещане*		
		*Оклад***	*Недоимки*	*Недоимки в% к окладу*	*Оклад***	*Недоимки*	*Недоимки в% к окладу*	*Оклад***	*Недоимки*	*Недоимки в% к окладу*
Архангельская	81	456	0	0,0	244	3	1,2	297	6	2,0
Астраханская	35	349	0	0,0	174	4	2,3	240	0	0,0
Виленская	56	259	34	13,1	292	16	5,5	303	51	16,8
Витебская	22	212	76	35,8	220	53	24,1	268	118	44,0
Владимирская	44	477	0	0,0	192	3	1,6	280	2	0,7
Вологодская	37	421	0	0,0	168	0	0,0	259	0	0,0
Волынская	25	203	28	13,8	195	4	2,1	262	97	37,0
Воронежская	41	447	14	3,1	178	4	2,2	267	18	6,7
Вятская	42	452	0	0,0	165	0	0,0	256	0	0,0
Гродненская	69	252	11	4,4	273	6	2,2	268	73	27,2
Екатеринослав.	66	441	26	5,9	206	12	5,8	255	5	2,0
Казанская	23	445	11	2,5	159	0	0,0	268	1	0,4
Калужская	80	481	67	13,9	210	3	1,4	262	37	14,1
Киевская	41	246	6	2,4	235	0	0,0	267	16	6,0
Ковенская	108	329	52	15,8	343	28	8,2	315	79	25,1
Костромская	49	464	0	0,0	188	2	1,1	270	8	3,0
Курляндская	124	263	3	1,1	312	6	1,9	271	41	15,1
Курская	26	443	0	0,0	168	3	1,8	268	13	4,9
Минская	36	221	34	15,4	239	6	2,5	278	29	10,4
Могилевская	39	190	40	21,1	229	46	20,1	266	119	44,7
Московская	186	617	1	0,2	355	0	0,0	298	0	0,0
Нижегородская	111	516	0	0,0	252	3	1,2	274	4	1,5
Новгородская	322	688	3	0,4	468	8	1,7	275	13	4,7
Олонецкая	41	417	0	0,0	200	0	0,0	291	0	0,0
Оренбургская	33	421	0	0,0	168	2	1,2	262	5	1,9
Орловская	34	442	21	4,8	162	2	1,2	259	27	10,4
Пензенская	37	459	30	6,5	164	2	1,2	257	13	5,1

Губернии	Натуральные повинности*	Казенные крестьяне			Помещичьи крестьяне			Мещане		
		Оклад**	Недоимки	Недоимки в% к окладу	Оклад**	Недоимки	Недоимки в% к окладу	Оклад**	Недоимки	Недоимки в% к окладу
Пермская	95	486	2	0,4	227	0	0,0	265	4	1,5
Подольская	29	189	0	0,0	212	0	0,0	253	33	13,0
Полтавская	22	271	0	0,0	203	17	8,4	255	4	1,6
Псковская	115	496	73	14,7	270	26	9,6	285	24	8,4
Рязанская	43	435	54	12,4	168	4	2,4	256	38	14,8
С.-Петербургская	410	892	17	1,9	614	9	1,5	330	25	7,6
Саратовская	37	452	12	2,7	164	4	2,4	260	4	1,5
Симбирская	-	-	-	-	129	0	0,0	260	4	1,5
Смоленская	41	422	54	12,8	169	17	10,1	259	28	10,8
Таврическая	127	349	3	0,9	271	5	1,8	173	3	1,7
Тамбовская	30	442	66	14,9	158	15	9,5	259	12	4,6
Тверская	95	510	6	1,2	227	2	0,9	264	5	1,9
Тульская	21	434	97	22,4	159	6	3,8	268	31	11,6
Харьковская	50	492	50	10,2	224	18	8,0	263	0	0,0
Херсонская	157	560	27	4,8	312	22	7,1	263	0	0,0
Черниговская	59	334	2	0,6	257	0	0,0	267	9	3,4
Ярославская	56	462	0	0,0	198	0	0,0	275	2	0,7

* Натуральные повинности одинаковы для всех категорий крестьян; переведены в денежную форму.
** Денежные и натуральные повинности.
Источник: РГИА 1850: 22–27. В Симбирской губернии не было казенных крестьян, в Лифляндской и Эстляндской существовала особая система налогов, по Бессарабской губернии отсутствуют сведения.

Как показывает корреляционный анализ, зависимости между величиной платежей и недоимочностью (отношением недоимок к сумме платежей) нет. Для помещичьих крестьян и мещан коэффициенты корреляции невелики и статистически незначимы[15] (соответственно 0,01 и 0,12); для казенных крестьян коэффициент получился статистически значимым, но незначительным по величине и отрицательным – (-)0,34, что свидетельствует о парадоксальной обратной связи между недоимками и платежами: не-

[15] При вероятности ошибочного заключения 0,05.

доимка была меньше в тех губерниях, где налоги и повинности были больше.

В пореформенное время недоимки также росли быстро и систематически: в 1875 г. только казенные недоимки составляли 29,1 млн руб., или 22% к среднему годовому окладу, в 1880 г. – соответственно 48,3 млн руб. и 36%, в 1900 г. – 118,7 млн руб. и 119% (Материалы Комиссии 1903, 1: 290–291). Эти данные использовались экономистами, публицистами и чиновниками как доказательство «надорванной платежеспособности», обеднения и кризиса деревни (Шванебах 1903: 145–147, 168–169; Материалы Комиссии 1903, 3: 235). Есть, однако, странности в распределении недоимок между различными категориями крестьянства и в аккуратности уплаты разных платежей. К началу XX в. больше всего недоимок накопилось у бывших удельных крестьян – 152% от оклада, затем у бывших государственных – 143% от оклада, наконец, у бывших помещичьих – 96% оклада, т. е. недоимка у последних была в 1,5 раза меньше, несмотря на то, что они освобождались от крепостного права на самых тяжелых сравнительно с другими категориями крестьянства условиях (Материалы Комиссии 1903, 3: 251). Вторая несообразность состояла в том, что крестьяне довольно исправно платили выкупные платежи: средние ежегодные недоимки по выкупным платежам за землю в последние 20 лет их существования, с 1885–1889 по 1900–1904 гг., уменьшились даже у бывших помещичьих крестьян с 2,5 млн до 1,3 млн – в 1,9 раза (Кованько 1914: Прил. 4, Табл. 4 и Прил. 5, Табл. 1). Получается, что, с одной стороны, исправнее всего платили подати самые необеспеченные и хуже всего наиболее состоятельные категории крестьянства, с другой – для выкупа земли находились деньги, а для уплаты налогов – нет.

Понижение выкупных платежей в 1882 г. произошло под влиянием недоимок, которых накопилось на 22,2 млн руб., что составляло 81,5% от оклада 1882 г., равного 27,2 млн руб. (Отчет Государственного банка 1892: Прил. 21, 22, с. 34–35, 46). Правительство пыталось бороться с неуплатой разными, в том числе жесткими, мерами, но безуспешно. Отдача крестьян в заработки оказалась слишком обременительной для коронной администрации. Продажа имущества разоряла хозяйства. Крестьяне заявляли о непосильности выкупных платежей, отказывались платить налоги. Публицисты, экономисты и чиновники также в один голос говорили о несоответствии повинностей надельной земле, о пауперизации деревни и предлагали снижение налогов (Дружинин 1987: 387–319). Но это не соответствовало действительности: с 1861–1865 гг. по 1876–1880 гг. средний рост взрослых мужчин в России увеличился на 3 см, что могло произойти только в результате улучшения базисных условий жизни, в том числе питания, а это было невозможно без повышения уровня жизни. Тем не менее, крестьяне убедили образованное общество и правительство, что их положение невыносимо, и добились понижения платежей.

Приведенные факты показывают, что недоимочность вряд ли можно считать надежным показателем благосостояния. С этим согласны Дж. Симмс, Г. М. Гамбург, Ст. Хок (Simms 1977: 385; Hamburg 1978: 485; Хок 1996: 29–33). Недоимки – это своеобразная защита, это оружие, эффективно использовавшееся крестьянами (как, впрочем, и мещанами) в борьбе против увеличения налогов и повинностей.

Таким образом, весь XIX и начало XX в. в России отмечены ростом сельскохозяйственного производства и доходов крестьянства, снижением налогового бремени, что вело к повышению уровня жизни. Эта позитивная для крестьянства тенденция была особенно заметна после Великих реформ. Тезис о мальтузианском кризисе в России XIX – начала XX в. не находит подтверждения и, на наш взгляд, должен быть пересмотрен.

Библиография

Анфимов А. М. 1962. *Российская деревня в годы мировой войны (1914 – февраль 1916 г.)*. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры.

Анфимов А. М. 1964. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901–1912 гг.). *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.* Минск.

Анфимов А. М. 1980. *Крестьянское хозяйство Европейской России: 1881–1904 гг.* М.: Наука.

Анфимов А. М. 1984. *Экономическое положения и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881–1904 гг.* М.: Наука.

Анфимов А. М. (Ред.). 1998. *Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.: Сборник документов*. М.: Наука.

Анфимов А. М. 2002. *П. А. Столыпин и российское крестьянство*. М.: ИРИ РАН.

Баранович А. И. и др. (Ред.). 1957*а*. *Очерки истории СССР: Россия во второй четверти XVIII в.* М.: Изд-во АН СССР.

Баранович А. И. и др. (Ред.). 1957*б*. *Очерки истории СССР: Россия во второй половине XVIII в.* М.: Изд-во АН СССР.

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. 1895, 1897. *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*: в 41 т. СПб.: Изд-во Брокгауза–Ефрона. Т. 32, 39.

Буняковский В. Я. 1865. Опыт о законах смертности в России и о распределении православного народонаселения по возрастам. *Приложение к 8-му т. Записок имп. Академии наук* 6.

Вайнштейн А. Л. 1924. *Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время*. М.: Изд-во кн. скл. «Экономист» НКФ.

Вайнштейн А. Л. 2000. *Избранные труды*: в 2 кн. М.: Наука. Кн. 1.

Валк С. Н. (Ред.). 1961. *Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.: Сборник документов*. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры.

[Верхопятницкий Д.] 1923. *Тяжесть налогов довоенного и настоящего времени для крестьянского населения Новгородской губернии*. Новгород: Губсоюз.

Горская Н. А. 2006. *Русская феодальная деревня в историографии XX века*. М.: Памятники ист. мысли.

Грегори П. 2003. *Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки.* М.: Росспэн.

Давыдов М. А. 2003. *Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в.* М.: РГГУ.

Дружинин Н. М. 1946. *Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева*: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Дружинин Н. М. 1958. *Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева.* Т. 2. М.: Наука.

Дружинин Н. М. 1978. *Русская деревня на переломе: 1861 – 1880 гг.* М.: Наука.

Дружинин Н. М. 1987. *Избранные труды: Социально-экономическая история России.* М.: Наука.

Дубровский С. М. 1963. *Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в.* М.: АН СССР.

Дубровский С. М. 1975. *Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма.* М.: Наука.

Егиазарова Н. А. 1959. *Аграрный кризис конца XIX века в России.* М.: АН СССР.

Ежегодник МФ. 1886. *Ежегодник Министерства финансов.* Вып. XVII. СПб.: В. С. Балашов.

Ежегодник МФ. 1900. *Ежегодник Министерства финансов.* Вып. 1899 года. СПб.: В. Кишбаум.

Ежегодник МФ. 1907. *Ежегодник Министерства финансов.* Вып. 1906/07 года. СПб.: Министерство финансов.

Ежегодник МФ. 1912. *Ежегодник Министерства финансов.* Выпуск 1912 года. СПб.: Министерство финансов.

Ершов Г. 1885. Понижение выкупного платежа по указу 28-го декабря 1881 года: Статистические таблицы. *Статистический временник Российской империи.* Серия 3. Вып. 5. СПб.

Зайончковский П. А. 1958. *Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.* М.: Соцэкгиз.

Зайончковский П. А. 1961. Советская историография реформы 1861 г. *Вопросы истории* 2.

Зайончковский П. А. 1968. *Отмена крепостного права в России.* 3-е изд. М.: Просвещение.

Зайончковский П. А. (Ред.). 1968. *Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг.: Сборник документов.* М.: Наука.

Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К. 2006. *История налогов в России: IX – начало XX в.* М.: Росспэн.

Зорин А. Н. 2001. *Города и посады дореволюционного Поволжья: Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XVI – начала XX в.* Казань: Изд-во Казанского ун-та.

Игнатович И. И. 1925. *Помещичьи крестьяне накануне освобождения.* 3-е изд. Л.: Мысль.

Игнатович И. И. 1963. *Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века.* М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры.

История СССР. 1967–1968. *История СССР с древнейших времен до наших дней:* в 2 сериях, в 12 т. 1-я серия. М.: Наука.

История уделов. 1901. *История уделов за столетие их существования. 1797–1897.* Т. 2. СПб.: Гл. управление уделов.

Кабештов И. М. 2006. Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным. *Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века* / вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М.: Новое лит-ное обозрение.

Кабузан В. М. 1971. *Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.* М.: Наука.

Кауфман А. А. 1908. *Аграрный вопрос в России* 1: *Земельные отношения и земельная политика.* М.: И. Д. Сытин.

Кафенгауз Б. Б. (Ред.). 1954. *Очерки истории СССР: Россия в первой четверти XVIII в.* М.: Изд-во АН СССР.

Кащенко С. Г. 1995. *Реформа 19 февраля 1861 года на Северо-Западе России: Количественный анализ массовых источников.* М.: Мосгорархив.

Китанина Т. М. 1978. *Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.: Очерки правительственной политики.* Л.: Наука.

Ковальченко И. Д. 1967. *Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.* М.: Изд-во Моск. ун-та.

Ковальченко И. Д., Милов Л. В. 1966. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX в. *История СССР* 4.

Кованько П. 1914. *Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения (Выкупная операция 1861–1907 гг.).* Киев: Н. К. Корчак-Новицкий.

Копанев А. И. (Ред.). 1994. *История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма.* СПб.: Наука.

Ленин В. И. 1958 [1899]. Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. В: Ленин В. И., *Полн. собр. соч.*: в 55 т. 5-е изд. Т. 3. М.: Политиздат.

Литвак Б. Г. 1960. Советская историография реформы 19 февраля 1861 г. *История СССР* 6.

Литвак Б. Г. 1961. О некоторых спорных вопросах реализации реформы 1861 г. *Исторические записки* 68.

Литвак Б. Г. 1962. Важнейшие итоги и задачи изучения падения крепостного права в России. *Вопросы истории* 1.

Литвак Б. Г. 1972. *Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр, 1861–1895 гг.* М.: Наука.

Литвак Б. Г. 1991. *Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива.* М.: Изд-во полит. лит-ры.

Лосицкий А. Е. 1906. *Выкупная операция.* СПб.: Дело.

Лященко П. И. 1908. *Очерки истории аграрной эволюции России.* СПб.: Министерство финансов.

Лященко П. И. 1952. *История народного хозяйства СССР.* 3-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. Т. 1.

Материалы для статистики 1858, 1861, 1871. *Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Государственных имуществ.* Вып. 1, 4, 5. СПб.: Министерство гос. имуществ.

Материалы Комиссии. 1903. *Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России*: в 3 ч. СПб.: П. П. Сойкин.

Микеладзе П. В. 1928. Тяжесть обложения в иностранных государствах в 1913 и 1925–26 гг. В: Гензель П. П. и др., *Налоговое бремя в СССР и иностранных государствах (Очерки по теории и методологии вопроса)*. М.: Фин. изд-во НКФ СССР.

Милов Л. В. 1965. *Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.)*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Милов Л. В. 1998. *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. М.: Наука.

Милов Л. В. (Ред.). 2006. *История России XVIII–XIX вв.* М.: ЭКСМО.

Миронов Б. Н. 1985. *Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.)*. Л.: Наука.

Миронов Б. Н. 2002. Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным. *Экономическая история. Ежегодник 2001*. М.: Росспэн.

Миронов Б. Н. 2003*а*. Цены и зарплата в Петербурге за три века. *Санкт-Петербург в зеркале социологии* / Ред. В. В. Козловский. СПб.: Социол. общ-во им. М. М. Ковалевского.

Миронов Б. Н. 2003*б*. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*: в 2 т. 3-е изд. Т. 2. СПб.: Дм. Буланин.

Нарочницкий А. Л. (Ред.). 1978. *Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС*. Вып. 2. *Дооктябрьский период*. М.: Наука.

Неупокоев В. И. 1987. *Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX века*. М.: Наука.

Нефедов С. А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века*. Екатеринбург: Уральский гос. горный ун-т.

Нечкина М. В. (Ред.). 1955. *История СССР*. 3-е изд. Т. 2. М.: Госполитиздат.

Нечкина М. В. (Ред.). 1963, 1966, 1985. *Очерки истории исторической науки в СССР*. Т. 3, 4, 5. М.: Наука.

Нифонтов А. С. 1974. *Зерновое производство России во второй половине XIX века: По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России*. М.: Наука.

Новосельский А. А., Устюгов Н. В. (Ред.). 1955. *Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII в.* М.

Обручев Н. Н. (Ред.). 1871. *Военно-статистический сборник*. Вып. 4. Россия. Отд. 2. СПб.: Воен. типогр.

Общий свод 1905. *Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.* СПб.: Н. Л. Ныркин. Т. 1.

Окладников А. П. (Ред.). 1982. *Крестьянство Сибири в эпоху феодализма*. Новосибирск: Наука.

Окладников А. П. (Ред.). 1983. *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* Новосибирск: Наука.

Окунь С. Б. (Ред.). 1962. *Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг.: Сборник документов.* М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры.

Отчет Государственного банка 1892. *Отчет Государственного банка по выкупной операции с открытия выкупа по 1 января 1892 г.* СПб.: Департамент окладных сборов Министерства финансов.

Павленко Н. И., Андреев И. Л., Федоров В. А. 2007. *История России с древнейших времен до 1861 года*: учеб. для вузов. 4-е изд. М.: Высшая школа.

Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А. 1989. *История СССР с древнейших времен до 1861 года.* М.: Просвещение.

Первушин С. А. 1925. *Хозяйственная конъюнктура: Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека.* М.: Экономическая жизнь.

Першин П. Н. 1966. *Аграрная революция в России.* Кн. 1. От реформы к революции. М.: Наука.

Петров Ю. А. 2003. Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. *Экономическая история.* Ежегодник 2002. М.: Росспэн.

Покровский М. Н. 1907. Крестьянская реформа. *История России в XIX веке.* Т. 3. М.: Изд-во А. и И. Гранат.

Покровский М. Н. 1934. *Русская история с древнейших времен.* Т. 4. М.: Госуд. соц.-экон. изд-во.

Понижение выкупного платежа 1885. Понижение выкупного платежа по указу 28-го декабря 1881 года. *Статистический Временник Российской империи* 3/5. СПб.

РГИА 1850. Российский государственный исторический архив. Ф. 869. Милютины. Оп. 1. Д. 789. Таблицы к Статистическому атласу, составленному в Министерстве внутренних дел.

Рожков Н. А. 1902. *Город и деревня в русской истории.* СПб.: И. Н. Скороходов.

Рожкова М. К. (Ред.). 1959. *Очерки экономической истории России первой половины XIX в.* М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры.

Розенберг В. 1904. Из хроники крестьянского дела. *Очерки по крестьянскому вопросу* / Ред. А. А. Мануилов. М.: Д. С. Сабашниковы.

Рубинштейн Н. Л. 1957. *Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: (Историко-экономический очерк).* М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Руковский И. П. 1862. *Историко-статистические сведения о подушных податях.* СПб.: В. Безобразов.

Рындзюнский П. Г. 1961. О мелкотоварном укладе в России XIX века. *История СССР* 2.

Рындзюнский П. Г. 1966. Об определении интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России конце XVIII – первой половине XIX в. (о статье И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова). *История СССР* 6.

Рындзюнский П. Г. 1967. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г.? *Вопросы истории* 7.

Рындзюнский П. Г. 1978. *Утверждение капитализма в России: 1850–1880 гг.* М.: Наука.

Рындзюнский П. Г. 1983*а*. К изучению динамики численности крепостного населения в дореформенной России. *История СССР* 1.

Рындзюнский П. Г. 1983*б*. *Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (Взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России)*. М.: Наука.

Святловский В. В. 1911. *Мобилизация земельной собственности в России (1861-1908 гг.)*. СПб.: Акцион. общ-во тип. дела.

Семевский В. И. 1903. *Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II*. Т. 1. СПб.: М. М. Стасюлевич.

Стат. ежегодник 1915. *Статистический ежегодник России. 1914 г.* Пг.: Штаб Петрогр. воен. округа.

Столетие 1902–1904. *Столетие Военного министерства. 1802–1902*: в 13 т. СПб.: М. О. Вольф.

Струмилин С. Г. 1954. *История черной металлургии*. Т. 1. *Феодальный период (1500–1860 гг.)*. М.: Изд-во АН СССР.

Тарновский К. Н. 1965. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 – нач. 1930-х гг.). *Исторические записки*. Т. 78.

Тарновский К. Н. 1990. *Социально-экономическая история России: начало XX в. Советская историография середины 50-х – 60-х годов*. М.: Наука.

Удальцова З. В. (Ред.). 1986*а*. *История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма*. Т. 2. М.: Наука.

Удальцова З. В. (Ред.). 1986*б*. *История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма*. Т. 3. М.: Наука.

Федоров В. А. 1974. *Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в.* М.: Изд-во Моск. ун-та.

Федоров В. А. 1980. *Крестьянское движение в Центральной России, 1801–1860: (По материалам центрально-промышленных губерний)*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Федосов И. А. (Ред.). 1987. *История СССР: XIX – начало XX в.* 2-е изд. М.: Высшая школа.

Финн-Енотаевский А. 1911. *Современное хозяйство России (1890–1910 гг.)*. СПб.: М. И. Семенов.

Ходский Л. В. 1891. *Земля и землевладелец: Экономическое и статистическое исследование*. Т. 2. СПб.: М. М. Стасюлевич.

Хоз.-стат. материалы 1857. *Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян*. Вып. 2. СПб.: Министерство гос. имуществ.

Хок С. Л. 1993. *Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии*. М.: Прогресс-Академия.

Хок С. Л. 1996. Мальтус: рост населения и уровень жизни. *Отечественная история* 2.

Хромов П. А. 1967. *Экономическое развитие России: Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции*. М.: Наука.

Хромов С. С. (Ред.). 1982. *Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС*. М.: Наука.

Черепнин Л. В. (Ред.). 1956. *История СССР*. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. М.: Госполитиздат.

Чечулин Н. Д. 1906. *Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II*. СПб.: Сенатская тип.

Шапиро А. Л. 1961. Об опасности модернизации истории русского крестьянства XVII – первой половины XVIII в. *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959* / ред. В. К. Яцунский. Таллинн: АН ЭССР.

Шапиро А. Л. (Ред.). 1971. *Аграрная история Северо-Запада России XVII века: Вторая половина XV – начало XVI в.* Л.: Наука.

Шапиро А. Л. (Ред.). 1974. *Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины.* Л.: Наука.

Шапиро А. Л. 1977. *Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв.* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.

Шапиро А. Л. 1987. *Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.).* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.

Шапиро А. Л. (Ред.). 1989. *Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование).* Л.: Наука.

Шапкарин А. В. (Ред.). 1959. *Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг.: Сборник документов.* М.: Изд-во соц.-экон. литературы.

Шацилло М. К. 2003. Эволюция налоговой системы России в XIX в. *Экономическая история. Ежегодник 2002.* М.: Росспэн.

Шванебах П. Х. 1901. *Денежное преобразование и народное хозяйство.* СПб.: М. М. Стасюлевич.

Шванебах П. Х. 1903. *Наше податное дело.* СПб.: М. М. Стасюлевич.

Янин В. Я. (Ред.). 1978. *Советская историография аграрной истории СССР (до 1917).* Кишинев: Штиница.

Яснопольский Н. П. 1890. *О географическом распределении государственных доходов и расходов в России: Опыт финансово-статистического исследования.* Ч. 1. СПб.: И. Н. Кушнерев.

Hamburg G. M. 1978. The Crisis in Russian Agriculture: A Comment. *Slavic Review* 37/3.

Hoch St. L. 2004. Did Russia's Emancipated Serfs Pay Too Much for Too Little Land? Statistical Anomalies and Long-Tailed Distribution. *Slavic Review* 63/2.

Simms J. Y. Jr. 1977. The Crisis of Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View. *Slavic Review* 36/3.

Аннотация

В статье подвергается пересмотру парадигма отечественной историографии о систематическом понижении уровня жизни крестьян в XIX – начале XX в. вследствие малоземелья, тяжести налогов и повинностей и недостаточной доходности крестьянского хозяйства. Приводятся данные, показывающие, что как до, так и после отмены крепостного права происходил рост сельскохозяйственного производства и доходов крестьянства, а также снижение налогового бремени, благодаря чему наблюдалось повышение уровня жизни. Эта позитивная тенденция особенно заметной была после Великих реформ. Тезис о мальтузианском кризисе в России XIX – начала XX в. не находит подтверждения.

II. УГЛУБЛЕНИЕ ДИСКУССИИ

О мальтузианском кризисе в России

С. А. Нефедов

Глубокоуважаемый Борис Николаевич Миронов утверждает, что «*весь XIX и начало XX в. в России отмечены ростом сельскохозяйственного производства и доходов крестьянства и снижением налогового бремени, что вело к повышению уровня жизни...* Тезис о мальтузианском кризисе в России XIX – начала XX в. не находит подтверждения и, на наш взгляд, должен быть пересмотрен» (с. 105).

Посмотрим, насколько обоснован этот вывод. Реально, Б. Н. Миронов рассматривает соотношение налогов и доходов лишь в 1780-х, 1850-х и в 1877–1901 гг. Рассмотрим сначала оценку для 1780-х и 1850-х гг. Эта оценка представляет собой модифицированный за счет уточнения цен вариант оценки Л. В. Милова и И. Д. Ковальченко (1966), в свое время подвергнутый жесткой критике П. Г. Рындзюнским (1966). Однако П. Г. Рындзюнский критиковал эту работу не за неточность в ценах, а за другие, гораздо более существенные погрешности. Одна из них – это то обстоятельство, что величина оброков в конце XVIII века реально неизвестна, так как массовых данных для этого периода нет. Другая погрешность – получение земледельческого дохода крестьян делением всего урожая в губернии на число крестьянских душ (Рындзюнский 1966: 55, 58). Отвечая П. Г. Рындзюнскому, И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов признали эти ошибки. «В общегубернский сбор вошел и хлеб помещиков, – писали И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов. – Но так как этим хлебом крестьяне не пользовались, то расчет... преувеличивал реальные доходы оброчных крестьян» (Ковальченко, Милов 1967: 228). Б. Н. Миронов, однако, этих ошибок не признает: в своих расчетах он использует и «полученные косвенным образом» величины оброка, и по-прежнему включает помещичий хлеб в доходы крестьян. Естественно, что ценность таких расчетов весьма сомнительна.

В отличие от 1780-х и 1850-х гг. оценка доходов для 1877–1901 гг. проводилось по результатам бюджетных обследований. Однако, если внимательно рассмотреть Табл. 13 в статье Б. Н. Миронова, то окажется, что в десяти из тринадцати губерний было обследовано меньше 20 семей – иногда даже только по одной семье на губернию. Разумеется, такие обследования не могут считаться сколько-нибудь репрезентативными, и

на их основании нельзя сделать никаких определенных выводов. Только для трех губерний (Калужской, Воронежской и Херсонской) количество обследованных дворов может быть признано достаточным для оценки уровня доходов – но только в конкретный год обследования и для конкретной местности, в которой проводилось обследование (для Калужской губернии – это Козельский уезд). Ввиду очень сильной временной и пространственной вариабельности доходов и потребления эти данные не могут быть распространены ни на весь период 1877–1901 гг., ни на все 50 губерний Европейской России. Напомним, что для репрезентативности бюджетных обследований в 1920-е гг. считалось необходимым проведение порядка 16 тысяч описаний *каждый* год, причем распределение описываемых хозяйств соответствовало территориальному распределению населения.

Таким образом, из данных Б. Н. Миронова нельзя сделать никаких выводов о динамике доходов крестьянского населения России, и тем более, о необходимости пересмотра мальтузианской трактовки российского кризиса. Что касается динамики налогов, то создатель демографически-структурной теории Дж. Голдстоун писал, что в условиях перенаселения рост налогов обычно отстает от роста цен, то есть реально налоги уменьшаются (Goldstone 1991: 24–25). Таким образом, обнаруженное Б. Н. Мироновым уменьшение реального налогообложения является скорее аргументом в пользу мальтузианского характера кризиса, чем аргументом против него.

Библиография

Ковальченко И. Д., Милов Л. В. 1966. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVIII – первой половины XIX в. *История СССР* 4.

Ковальченко И. Д., Милов Л. В. 1967. Еще раз о методике изучения интенсивности эксплуатации оброчного крестьянства (ответ П. Г. Рындзюнскому). *История СССР* 2.

Рындзюнский П. Г. 1966. Об определении интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России конце XVIII – первой половине XIX в. (о статье И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова). *История СССР* 6.

Goldstone J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* Berkeley, CA: University of California Press.

Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить

Б. Н. Миронов

«Бедствия низших классов населения и привычка винить в этих бедствиях правительство представляются мне истинной опорой деспотизма. Эти бедствия и эта привычка создают основания для злоупотребления властью».

Томас Мальтус (Мальтус 1993: 61).

1. Голодный экспорт зерна – главная причина кризиса и революции?!

Концепция русской революции 1917 г., которую С. А. Нефедов отстаивает в своих работах, по внешнему виду неомальтузианская, а по сути – марксистско-ленинская. Согласно мальтузианской концепции, существуют две главные причины периодического обострения нужды и бедности: высокая рождаемость (по причине стихийности, или нерегулируемости) и закон падающей производительности земли (в современной трактовке закон падающей производительности труда, примененного к участку земли с фиксированной площадью, или, более широко, закон убывающей производительности любого переменного ресурса при прочих фиксированных). Под влиянием этих причин возникает экзистенциальный кризис, который приводит к социальной напряженности в обществе и в конечном итоге к революции. По мнению С. А. Нефедова, главная причина русских революций начала XX в. тоже *экзистенциальный кризис*: трудящиеся буквально беднели, голодали и вымирали. Однако причины были иные – антикрестьянская политика правительства («половинчатая реформа 1861 года, освободившая помещичьих крестьян с крайне недостаточными наделами и сохранившая феодальное землевладение помещиков») и эксплуатации крестьянства со стороны землевладельцев. Хлеба производилось в стране достаточно для удовлетворения потребностей всего населения, но помещики в погоне за прибылью и при поддержке властей продавали свой хлеб за границу, так как это было якобы более выгодно, обрекая крестьянство на нищету и лишения. *Голодный экспорт – вот главная причина недопотребления и экзистенциального кризиса.* Аграрное перенаселение, демографический взрыв, экологический кризис, которые автор также упоминает, не имели бы мальтузианского эффекта, если бы не вывоз. Хлебный экспорт, который исследователями считается клином, вби-

тым в полунатуральное хозяйств деревни, источником прогресса в сельском хозяйстве, был, по мнению С. А. Нефедова, «остатком *феодализма* (*sic*! – *Б. М.*), он был основан на *феодальном* по происхождению крупном землевладении, и на той власти, которую еще сохраняло русское дворянство (курсив мой. – *Б. М.*)» (см. выше первую статью С. А. Нефедова, с. 44). Как в типичной марксистской работе советского времени, в качестве аргументов в пользу экзистенциального кризиса приводятся крестьянские волнения и недоимки, обезземеливание, социальное расслоение, пережитки феодализма, эксплуатация крестьянства, голодовки, болезни, нищета, стагнация сельского хозяйства вследствие сокращения природных ресурсов для сельского хозяйства и истощении почвы. Автор оценивает состояние российской империи в пореформенное время как системный, т.е. глобальный, всеобщий кризис. Словом, классовый марксистский подход, причем в ортодоксальной трактовке, здесь налицо. Хотя заключение статьи вполне мальтузианское: «...Колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным, <...> являются, быть может, гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности Ленина или заблуждений Николая...» (с. 55)[1].

На мой взгляд, С. А. Нефедов неудачно пытается соединить мальтузианство с марксизмом. Во-первых, общепризнанно, что сфера приложения мальтузианской концепции ограничена традиционными доиндустриальными обществами, где резервы совершенствования технологии и социальной системы ограничены и к тому же нет возможности увеличивать размеры пахотной и пастбищной земли, вследствие чего емкость экологической ниши остается величиной, близкой к постоянной. Россия второй половины XIX – начала XX в. была обществом, вступившим в индустриальную эпоху, к тому же обладала огромным массивом свободных земель, которые продолжали осваиваться, и имела большой опыт колонизации. Во-вторых, в симбиозе марксизма и мальтузианства есть принципиальное противоречие. Если все беды России происходили от фатально высокого естественного прироста населения, то пережитки крепостничества, политика правительства и другие социально-экономические факторы не должны иметь того большого значения, которое им придается. Если дело в политике власти, которая не смогла обеспечить адекватное развитие сельского хозяйства, то высокие темпы естественного прироста населения не могли стать решающим фактором революции, на чем настаивает С. А. Нефедов. Не случайно мальтузианцы и марксисты всегда были непримиримыми критиками друг друга.

Однако слабость предложенной схемы, конечно, не в ее марксистском характере, а в том, что *объяснение экзистенциального кризиса экспортом*

---

[1] Отметим все-таки, справедливости ради, что цитированные слова принадлежат Дж. Кейнсу, а не С. А. Нефедову (*прим. отв. ред.*).

хлеба противоречит фундаментальным экономическим законам рыночного хозяйства. Согласно им, товар продается тем, кто предлагает за него наиболее выгодные цены. В условиях рыночного хозяйства хлеб из внутренних регионов мог идти на экспорт только в том случае, если бы не находил спроса на внутреннем рынке по соответствующей цене. Если бы, как утверждает С. А. Нефедов, в России существовал неудовлетворенный спрос на хлеб, то внутренние цены были бы выше мировых, и русский хлеб не шел бы за границу, а оставался в стране, поскольку речь идет о предмете первой необходимости, обладающим минимальной эластичностью потребления и спроса. В действительности на внешний рынок уходил лишь избыток хлеба, которой не находил спроса на внутреннем рынке. Как писал крупнейший эксперт в данном вопросе В. И. Покровский в 1902 г.: «К концу семидесятых годов (XIX в. – *Б. М.*) уже были проведены все важнейшие пути хлебных грузов, и дальнейший рост внешней торговли хлебом становится в полную зависимость от урожая. <...> Рожь есть основной продукт народного питания в России, почему заграницу может уходить лишь незначительная часть ее сбора, остающаяся по удовлетворении продовольственных нужд» (Покровский 1902: 5, 21). В 1920-е гг. другой известный экономист А. Н. Челинцев, специально изучавший вопрос о роли внутреннего и внешнего рынка для русского хлеба в 1880–1910 гг., пришел к аналогичному выводу: «При достигнутом уровне производительности сельского хозяйства, часть его продуктов могла продаваться лишь за пределами России» (Челинцев 1923: 607). В случае неурожая внутренний рынок предлагает цены даже более высокие, чем внешний, вследствие чего вывоз хлеба за пределы страны лишается экономического смысла, да и правительство нередко в годы неурожая повышало пошлины или вообще запрещает экспорт, как это, например, случилось в 1891 г. (Ермолов 1909: 104–105). Более того, искусственное ограничение экспорта в годы неурожаев, как оказалось, имело негативные последствия. Например, запрещение хлебного экспорта в 1891–1892 гг. не привело к понижению хлебных цен на внутреннем рынке, но имело результатом вытеснение России с немецкого и английского рынков, ввиду чего произошло понижение российских хлебных цен и падение доходов земледельцев. Таким образом, *идея голодного экспорта, даже если бы министры финансов ее и придерживались, с точки зрения экономических законов рыночной экономики не могла быть реализована.* Именно поэтому М. А. Давыдов, специально изучавший данную проблему на российских данных конца XIX – начала XX в., пришел к выводу, что тезис о голодном экспорте хлеба не подкрепляется эмпирически статистикой производства, экспорта и перевозок (Давыдов 2003: 235). Повышение доли экспортного хлеба в валовых его сборах в 50 губерниях Европейской России с 4,6% в 1861–1865 гг. до 14,3% в 1875–1879 г. и до 19,6% в 1909–1913 гг. (Покровский 1903: 6–7; Сб. стат.-эк. сведений 1917: 34–35, 330–331) свидетельствует не о нарас-

тании экзистенциального кризиса, как думает С. А. Нефедов, а о том, что производство зерновых в стране в пореформенное время росло и продовольственные потребности в зерне удовлетворялись, но внутренний рынок не мог поглотить весь избыток произведенного хлеба.

Существование экзистенциального кризиса под влиянием экспорта хлеба опровергается и информацией о потреблении алкоголя. Если для огромного большинства крестьян была альтернатива – водка лично для него или хлеб для семьи, он выбирал хлеб, поскольку пагубное пристрастие к алкоголю являлось уделом немногочисленных и маргинальных слоев. По моим расчетам, привести которые здесь нет возможности, с 1863 г. по 1906–1910 гг. общее душевое потребление алкоголя в 50 губерниях Европейской России уменьшилось на 16%, но душевые расходы на него увеличились в 2,6 раза вследствие роста цен, составив значительную цифру – 5,73 руб. в год, что в 1,8 раза превышало годовую величину всех налогов и повинностей на душу населения (Материалы Комиссии 1903: 38–39). Если бы деревня голодала, она не могла бы тратить на алкоголь столь значительные и все возраставшие средства. Это было возможно только в случае повышения благосостояния.

Хроническое (именно хроническое, а не эпизодические ввиду неурожая) недопотребление многомиллионных масс крестьянства в XIX – начале XX в. было маловероятно также ввиду наличия в крестьянском хозяйстве значительных резервов рабочей силы. Они существовали не столько вследствие аграрного перенаселения и невозможности найти работу, сколько ввиду того что русские православные крестьяне следовали принципам моральной экономики. Как установил А. В. Чаянов и его коллеги по организационно-производственной школе, для крестьян нормы напряжения труда, или *степень самоэксплуатации, значительно ниже полного использования труда*: у мужчин от 37 до 96%, у женщин – от 15 до 55, у полуработников – от 8 до 40% (Чаянов 1989: 199–200, 238, 241, 244). Уровень самоэксплуатации устанавливался соотношением между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягости труда. Степень самоэкспуатации в пореформенное время понижалась, поскольку число рабочих дней уменьшилось со 135 в 1850-е гг. до 107 в начале XX в. (Миронов 2003*а*: 308). Располагая резервами для увеличения собственного производства и для получения доходов на стороне, крестьянское хозяйство только в экстремальных обстоятельствах могло подвергаться суровой депривации.

О российской урожайной статистике XIX – начала XX в.

Дискуссия о точности урожайной статистики ведется более 150 лет. Все эксперты, которые проверяли (путем сравнения разных источников или посредством внутренней их критики) точность урожайной статистики *в губернаторских отчетах* указывали на ее *недоброкачественность*. Относительно удовлетворительными находили сведения Центрального статистического комитета (ЦСК), Департамента земледелия (ДЗ) и особенно земств, которые стали собираться *только с 1880-х гг.* Нефедов не дифференцирует разные виды учета, а позитивные оценки урожайной статистики ЦСК, ДЗ и земств за 1881–1914 гг. относит ко всей урожайной статистике XIX – начала XX в., т.е. распространяет на губернаторские отчеты, которые до 1880-х гг. были единственным источником урожайных сведений. Такой подход представляется неприемлемым. Даже те эксперты, которые считали возможным использовать губернаторские отчеты, полагали, что их сведения правдоподобны лишь в отношении оценки *направления изменений и общей сравнительной оценки урожаев и сбора* (больше или меньше по сравнению с предыдущими годами или в одних губерниях сравнительно с другими). При этом все сходились на том, что качество данных в *губернаторском отчете было самым неудовлетворительным* сравнительно с другими видами учета и что в отчетах несомненно *занижалась величина сбора хлебов*. Даже чиновники, якобы заинтересованные, как ошибочно полагает по аналогии с советским временем С. А. Нефедов, в приукрашивании действительности, неизменно отмечали низкое качество урожайной статистики, в особенности из отчетов губернаторов. Вот заключение Комитета министров, на котором 17 мая 1819 г. рассматривалась таблица о посеве и урожае хлеба в 1811–1819 гг. по донесениям губернаторов: «Сведения, на которых она основана, быв взяты *со слов крестьян и объявлений помещиков*, конечно, верными почитаться не могут. <…> Урожай везде показан несравненно *меньше*, нежели действительно бывает оный в натуре (курсив мой. – *Б. М.*)» (Литвак 1979: 167). Через 50 лет, в 1869 г., Комитет министров пришел к выводу, что из губернаторских отчетов следует вообще устранить статистическое приложение вследствие недостоверности содержащихся в нем сведений (РГИА 1869). Еще через 32 года, в 1901 г., эксперты Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения сделали следующее заключение относительно урожайной статистики: «Данные о площади посева и об урожае хлебов представляются мало достоверными, поэтому и выводы представляются довольно шаткими» (Материалы Комиссии 1903: 195). Причем, скепсис был тем больше, чем ближе эксперт был знаком с процедурой сбора сведений. Известный экономист В. И. Покровский отмечал в 1902 г.: «В том, что официальные

цифры урожаев *ниже действительных*, сходятся все исследователи русского земледелия; но как велика разница – еще никем не выяснено. В настоящем случае существенно, что преуменьшение урожаев в официальных материалах имело место всегда, и что лишь за последнее пятилетие (1893–1897 гг. – *Б. М.*) оно не так значительно, как прежде» (Покровский 1902: 7). Естественно поэтому, что оценка точности урожайной статистики в губернаторских отчетах колеблется от резко отрицательной (Яцунский 1977: 277–284) до более или менее приемлемой в силу отсутствия другой (И. И. Вильсон, Ю. Э. Янсон, А. Ф. Фортунатов и др.) (Миронов 2008*а*: 83–95).

Сведения ЦСК также занижали урожаи. Например, в 1917 г. Особое совещание по продовольствию оценило достоверность урожайности пяти хлебов на крестьянских землях за 1909–1913 гг. по разным источникам в 9–26 губерниях. По его расчетам, в средним по пяти хлебам урожаи на крестьянских землях по данным ЦСК, главного поставщика урожайных сведений в 1881–1917 гг., были на 6,2% ниже, чем по земской статистике (Производство 1917, 1: XII). Весомые, основанные на транспортной статистике аргументы в пользу того, что урожайная статистика ЦСК занижала урожаи и сборы хлебов, приведены также М. А. Давыдовым (2003: 61–72).

Если суммировать оценки точности урожайности разными видами учета, а наименее достоверные сведения губернаторских отчетов об урожаях на крестьянских землях принять за сто, то оказывается, что сведения ЦСК были на 6,9% выше, сведения Департамента земледелия – на 12,9% выше, самые точные сведения земств – на 14% выше в 1883–1889 г. и на 13,2% выше в 1890–1915 гг. (Миронов 2008*а*: 91).

Данные о посевах, собираемые через волостные правления и помещиков, также считались исследователями сомнительными (с 1880-х гг. они собирались только ЦСК). Например, Д. И. Иванцов находил их вообще недостоверными и непригодными для анализа, так как они искажали истинные посевы более чем на 20% (Иванцов 1915: 27). Проверить их точность можно только для 1916 г. путем сравнения с данными сельскохозяйственной переписи (см. Табл. 1):

Табл. 1. Посевная площадь по сведениям ЦСК и сельскохозяйственной переписи 1916 г. (данные ЦСК=100)*

	Рожь	*Пшеница*	*Ячмень*	*Овес*	*4 хлеба*	*Гречиха*	*Горох*	*Бобовые*	*Второст. хлеба*	*Все хлеба*	*Картофель*
Северный	95,1	**11,9**	106,5	**33,1**	82,0	–	209,5	–	144,7	83,8	69,2
Северно-землед.	123,5	90,4	97,1	109,2	115,8	60,6	86,4	471,4	85,4	115,4	112,8
Петроградская	**134,5**	16,6	76,2	103,0	111,0	24,9	89,5	56,4	66,0	110,5	83,1

	Рожь	*Пшеница*	*Ячмень*	*Овес*	*4 хлеба*	*Гречиха*	*Горох*	*Бобовые*	*Второст. хлеба*	*Все хлеба*	*Картофель*
Прибалтийский	94,6	72,6	98,7	80,9	89,1	60,8	187,5	495,5	158,2	89,8	102,3
Западный	106,0	92,7	78,1	92,5	98,4	83,3	95,6	93,1	85,8	96,8	114,1
Центрально-пром.	127,8	105,7	95,8	**118,3**	**122,0**	110,1	151,5	97,1	105,7	121,2	111,9
Прикамский	109,9	82,2	98,4	109,5	106,8	77,0	107,5	95,3	87,6	104,6	85,6
Приуральский	110,4	99,8	108,6	89,4	100,4	106,2	106,2	39,9	103,6	100,5	611,9
Центрально-земл.	102,8	95,9	**118,8**	95,3	100,0	90,5	193,4	111,7	102,8	100,3	107,6
Юго-западный	101,9	105,6	110,8	111,0	106,8	80,7	139,3	114,3	101,1	105,8	74,1
Малороссийский	100,8	**111,6**	113,3	106,5	107,0	81,3	185,5	115,6	88,1	104,9	159,1
Новоросийско-Донской	89,2	104,4	99,5	110,9	101,3	66,0	236,4	175,8	86,3	100,0	138,2
Юго-восточный	102,8	92,3	88,3	100,9	97,5	97,3	110,3	115,2	96,7	97,5	112,5
Нижне-волжский	82,4	71,4	**66,8**	21,0	**75,1**	81,1	66,8	33,4	53,0	73,5	39,3
Ставропольская губ.	**82,0**	87,2	89,3	99,1	105,0	17,4	–	76,4	91,9	104,0	89,4
45 губерний**	106,0	98,7	99,0	102,2	103,0	84,8	121,9	108,9	92,7	102,0	111,6

* Полужирным выделены максимальные расхождения. ** Нет сведений по Виленской, Волынской, Гродненской, Ковенской и Курляндской губерниям.

Источники: Производство 1917: Вып. 1. С. X; Вып. 2. С.VII.

Как видим, посевы по регионам согласно сведениям переписи и ЦСК различались по всем хлебам весьма существенно, иногда в 5 раз (по бобовым в Прибалтийском регионе), хотя в целом по всем хлебам и картофелю различие составило лишь 3% в пользу переписи[2]. Небольшое в целом расхождение по 45 губерниям отнюдь не является показателем высокой точности данных ЦСК, а объясняется взаимным погашением больших искажений в одних районах в сторону преуменьшения большими же искажениями в других регионах в сторону преувеличения. Следовательно, если за достоверные принять данные земств и сельскохозяйственной переписи 1916 г., то в общероссийском масштабе ЦСК в конце XIX – начале XX в. занижал сборы хлебов по крайней мере на 10,2%, в том числе на 13,2% вследствие преуменьшения урожайности и на 3% по причине завышения посевов. По губерниям различия были еще больше. Поскольку никакой закономерности в искажениях не усматривается, а 1916-й, как военный, был весьма специфическим годом, трудно думать, что перепись дала абсолютно точные данные. Поэтому распространить полученные выводы за 1916 г. на весь изучаемый период представляется крайне рискованным. Нельзя даже сделать вывод о направлении искажений в регионе, так как

[2] В вып. 1 и вып. 2 приводятся немного отличные оценки точности урожайности четырех главных хлебов. Взяты данные из вып. 2.

по одним хлебам посевы преувеличиваются, а по другим – преуменьшаются. Можно только сказать, что тенденцию к уменьшению посевов во время военных лет ЦСК зафиксировал правильно.

Еще менее обнадеживающий результат дала проверка точности сборов хлебов, проведенная ЦСУ в 1920-е гг. Столкнувшись с фактом якобы дефицита хлеба при его фактическом избытке, государственная статистика стала применять *балансовый метод* проверки по потреблению. Суть метода сводилась к учету всех потребителей зерновых (семена, экспорт, армия, промышленность и личные нужды) по фактическому потреблению, о чем имелись соответствующие сведения. Оказалось, что итоги валовых сборов по сведениям ЦСК за 1906–1914 гг. были занижены примерно на 19,3%, в том числе на 9% по урожайности и на 10% по посевам. В годы продразверстки и продналога, 1918–1924 гг., когда у крестьян несомненно появились дополнительные причины для занижения сборов хлебов, урожаи стали преуменьшаться минимум на 30–32%, а посевы – на 16%, валовые сборы в целом – на 51–59% (Струмилин 1979: 235). Другими словами, по расчету ЦСУ, даже более или менее удовлетворительные данные ЦСК в дореволюционное время занижали уровень урожаев на 9–10%, примерно на столько же величину посевов, а валовые сборы в целом – на 19–20%. Поэтому Госплан некоторое время приводил в своих изданиях величину предвоенных урожаев с надбавкой в 19%. Характерно, что и в западной историографии большинство исследователей при оценке сбора хлеба использовали поправку: одни в 19%, другие – в 10% (Falkus 1968: 65), третьи – в 7% (Wheatcroft 1974: 167–169; Грегори 2003: 111, 115).

Ввиду острой потребности в массовых статистических данных в советской аграрной истории со второй половины 1960-х гг., после длительного скепсиса в отношении точности губернаторских отчетов, возобладало положительное к ним отношение, апогеем которого стала опубликованная в 1974 г. книга А. С. Нифонтова *Зерновое производство*. Но в 1979 г. известный источниковед и аграрный историк России XIX в. Б. Г. Литвак подверг оптимистический вывод А. С. Нифонтова скрупулезной проверке и пришел к неутешительному выводу. Источниковедческий анализ А. С. Нифонтова, который С. А. Нефедов называет «до сих пор непревзойденным», на самом деле являлся поверхностным и необъективным, вследствие чего точность урожайной статистики по губернаторским отчетам была переоценена. Как доказал Б. Г. Литвак, сведения о посевах и урожаях (вместе с данными о численности скота) в действительности следует отнести к группе данных сомнительной достоверности, причем самой низкой сравнительно с другими. Не буду пересказывать аргументацию критика, скажу только, что в историографии это самое пространное, полное, всестороннее и объективное исследование достоверности урожайной статистики по губернаторским отчетам и вообще отчетов как источника (Литвак 1979: 142–186).

Ряд дореволюционных, советских и зарубежных исследователей оценивали сведения ЦСК об урожаях как «очень близкие к действительности» (Виноградова 1926: 90), «как наиболее систематический и наиболее полный набор данных» (Ковальченко 2004: 44), как «достаточно надежные» (Wheatcroft, Davies 1994: 25). Вопрос, однако, состоит в том, что считать приемлемым, достоверным или надежным. По мнению С. А. Нефедова, это полное соответствие оценок действительному положению дел. Однако в отличие от него эксперты считали, что данные о сборах хлебов не являлись точными, а лишь приблизительно отражали *направления изменений и позволяли дать общую сравнительную оценку средних многолетних урожаев и сборов хлебов по регионам*. Те, кто оценивал степень приемлемости, считал допустимыми отклонения в интервале от 7 до 20%. К ним, в том числе, относились Д. Н. Иванцов, Н. М. Виноградова, И. Д. Ковальченко. Однако не все решались вносить поправки (из-за их неопределенности) в первичные данные, особенно в тех случаях, когда исследовательская задача ограничивалась анализом динамики и сравнением урожаев и сборов хлебов в отдельные периоды и в разных регионах.

При оценке точности данных любой статистики, в том числе сельскохозяйственной, нужно принимать во внимание, что абсолютно надежных данных не существует в принципе. Колебания данных в разных источниках закономерны и, если они в пределах 10–20%, то они приемлемы для научного анализа. При современном учете, неизмеримо более совершенном, чем 100–200 лет назад, точных данных также не существует. Английским статистиком О. Моргенштерном показано, что в США статистические данные, разрабатываемые двумя главными центрами сельскохозяйственной статистики, Бюро цензов и Министерством сельского хозяйства, в 1950-е гг. отличались друг от друга по уборочной площади основных культур от (+)0,6 до (-)26,4%, по производству – от (+)6,0 до (-)13,4% (Моргенштерн 1968: 190–203).

Поскольку я, как и А. С. Нифонотов, для XIX в. использовал именно губернаторские отчеты, и меня интересовали не только динамика показателей, но и их уровень, то ради получения более или менее надежной картины был вынужден подкорректировать первичные данные. Была внесена 10-процентная поправка, равная половине среднего искажения сбора хлебов в губернаторских отчетах. Поэтому утверждение С. А. Нефедова, что «Б. Н. Миронов произвольно увеличивает размеры чистого сбора на 10%» (см. выше первую статью С. А. Нефедова, с. 30) не соответствует действительности, впрочем, как и другие его замечания. Приведу и отвечу только на самые важные.

(1) Кроме игнорирования занижения сборов хлебов, расчет С. А. Нефедовым продовольственного баланса содержит еще один важный недостаток – он не учитывает другие, кроме хлеба, источники питания, в частности животноводство. Обычно исследователи, опираясь на официальную статистику, исходят из того, что потребление мясомолочных продуктов

было крайне недостаточным. Однако официальные данные преуменьшали численность скота в еще большей степени, чем сборы хлебов. Сельскохозяйственная перепись 1916 г., проведенная в условиях войны, когда поголовье скота несомненно сократилось сравнительно с довоенным, в том числе вследствие реквизиции около 2,6 млн. лошадей и волов для нужд армии (Анфимов 1962: 196), обнаружила: в 1916 г. лошадей было на 16% больше, крупного рогатого скота – на 45%, мелкого – на 83% больше, чем в 1913 г. по сведениям ЦСК (Стат. сборник 1921: 184–185). В целом абсолютная численность скота в 1913 г. была преуменьшена по крайней мере на 50%, а на 1000 человек населения – на 88%. При этом вряд ли крестьянство сообщило переписчикам в 1916 г. абсолютно точные сведения. К аналогичным выводам пришел А. Л. Вайнштейн. Сравнивая данные сельскохозяйственной переписи и ЦСК за 1916 г., он обнаружил расхождения между ними по крупному рогатому скоту – на 41,5%, по мелкому рогатому скоту – на 68,8%, по свиньям – на 89,2% в пользу переписи. Земские данные также превосходили сведения ЦСК (правда, информация имелась лишь по трем губерниям) – соответственно на 37,8; 40,9 и 70%. Следовательно, если за эталон взять перепись, то земская статистика также *занижала* численность скота: крупного рогатого – на 3,7% (41,5–37,8), мелкого рогатого – на 27,1% (68,0 – 40,9), свиней – на 19,2% (89,2 – 70,0). Данные ветеринарного управления, по мнению А. Л. Вайнштейна, также непригодны для оценки абсолютной численности продуктивного скота, а военно-конских переписей – для оценки числа лошадей (Вайнштейн 1960: 106–112). С оценками последнего полностью согласился И. Д. Ковальченко (Ковальченко 2004: 50–51), на которого главным образом и ориентируется С. А. Нефедов.

(2) С. А. Нефедов утверждает, что «обманчивая картина удовлетворения потребностей» создается мною искусственно, благодаря тому что в рассчитанном мною хлебном балансе расходы на фураж с 1860-х и до 1909–1913 гг. принимаются одинаковыми (1,1 пуда) на душу населения. По его мнению, «за это время расходы на фураж резко возросли, так как количество лошадей увеличилось в полтора раза» (см. выше первую статью С. А. Нефедова, с. 39). В действительности, с 1864–1869 гг. по 1910–1913 гг. число лошадей в 50 губерниях Европейской России возросло на 39,4% – с 15,5 млн до 21,6 млн (Сб. стат.-эк. сведений 1917: 240–241), но население увеличилось еще больше – на 89,9%, с 62,6 млн до 118,9 млн (Рашин 1956: 46–47). Следовательно, *на душу населения число лошадей не увеличилось, а на 28% уменьшилось*. Вследствие этого расход хлеба на фураж в подушном исчислении не увеличился в 1,5 раза, как полагает С. А. Нефедов, а уменьшился в 1,28 раза; соответственно благодаря этому на продовольствие зерна оставалось в 1,28 раза больше. Беря расход овса на фураж неизменным, я сознательно шел на то, чтобы *не преувеличить* продовольственные остатки зерновых.

(3) При расчете хлебного баланса С. А. Нефедов недооценивает его по двум причинам. Во-первых, он переводит картофель в зерно по соотношению 1:5, тогда как в изучаемое время общепризнан был другой коэффициент – 1:3. Во-вторых, расчет относится только к 50 губерниям Европейской России. Между тем плодородные предкавказские губернии (Кубанская, Ставропольская, Терская, Черноморская), а также и западносибирские (Енисейская, Тобольская и Томская) обладали значительными хлебными излишками, которые поступали в местности, испытывавшие дефицит в хлебе и на экспорт. Учет этих губерниях в 1893–1897 гг. увеличивал душевое производства зерновых и картофеля в стране на 2% (Покровский 1902: 7–8), а в 1909–1913 гг. – на 5% (подсчитано мною по: Сборник статистико-экономических сведений 1917: 8–62).

(4) Крестьяне и помещики, полагает С. А. Нефедов, не участвовали в сборе данных и не были заинтересованы в их занижении. На самом деле участвовали и были заинтересованы. Даже с 1883 г. сведения о посевах ЦСК собирало через волостных старшин и помещиков, а об урожаях и высеве – через добровольных корреспондентов, которые в большинстве также были крестьянами (Миронов 2008*а*: 84–85). Сам факт систематического занижения сборов хлебов в губернаторских отчетах говорит о том, что земледельцы и выборная волостная администрация, как правило, также из крестьян, преуменьшали величину сбора и, значит, имели для этого мотив, который, по мнению правительственного агронома К. П. Рудзита, сводился к стремлению крестьянина «всегда и во всем (из-за боязни увеличения податей или других соображений) уменьшить цифры, касающиеся его экономического благосостояния» (Давыдов 2003: 193).

(5) С. А. Нефедов утверждает, что известный историк-аграрник В. К. Яцунский не был сторонником внесения понижающей поправки в данные сборов хлебов. Это неверно. И. И. Вильсон в губернаторские отчеты о сборе хлебов ввел поправку, которая увеличила сбор озимых на 21,2%, сбор яровых – на 15,6, по всем хлебам – на 17% (Вильсон 1869: 78–79, 108–109). Яцунский взял исправленные данные Вильсона, уменьшив поправку до 7,4% (Яцунский 1961:131).

(6) С. А. Нефедов преувеличивает влияние имущественной и географической дифференциации в обеспечении хлебом. Имущественное расслоение среди крестьянства, принимая за критерий *доходы*, а не величину земельного надела или численность скота, как было принято в советской историографии, было незначительным. Неравенство между крестьянами на рубеже XIX–XX вв., оцененное коэффициентом Джини по доходу на душу населения, было невысоким – на уровне 0,133–0,206. Крестьянство в отличие от других сословий до самой революции 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношениях довольно однородным и имело лишь зачатки так называемого буржуазного расслоения (Миронов 2003*а*: 127–128).

Расчет дифференциации губерний по величине продовольственных остатков на 1908–1913 гг., выполненный С. А. Нефедовым, не может считаться удовлетворительным. Во-первых, как мы видели выше (Табл. 1), оценка посевов в регионах и губерниях существенно отличалась от действительных, следовательно, столь же неточны оценки и сбора хлебов. Во-вторых, автор расчета не учитывает потребление хлеба промышленностью, городским населением и армией. В-третьих, как показано М. А. Давыдовым, статистика перевозок, на основе которой С. А. Нефедов вычисляет величину продовольственных остатков, не являлась достоверной для тонких расчетов баланса хлеба на губернском уровне (Давыдов 2003: 81–181). Наконец, не хлебом единым питалось население: о дефиците продуктов питания в губернии можно говорить только при наличии информации обо всем потреблении, которой у С. А. Нефедова нет. Следует также принять во внимание, что после создания сети железных дорог существование дефицита хлеба в губернии не представляло для населения большой опасности. Неурожаи редко охватывали всю территорию страны, и существовала возможность доставки хлеба из районов с избытками в районы с недостатками хлеба, не говоря уже об импорте.

Мыло и карболка спасли русских от полного вымирания?!

Если бы, как настаивает С. А. Нефедов, существовал огромный (23–25%) хронический дефицит продовольственного хлеба – главного продукта питания, то это неминуемо привело бы к физической деградации населения – уменьшению роста и веса, а также к нарушению нормальных пропорций тела (Жолус 1997: 209–217). Однако имеющиеся данные показывают, что в пореформенное время средний рост мужского населения с 1861–1865 по 1911–1915 гг. увеличился на 5,1 см (со 163,9 до 169,0), а средний вес – на 4 кг (с 61 до 65 кг) (Миронов 2008*а*: 33–34). Индекс массы тела[3], показывающий уровень питания, равнялся в 1861–1865 гг. – 22,7 и в 1911–1915 гг. – 22,8. Значения индекса в диапазоне от 19,5 до 22,9 соответствует нормальному питанию, от 18,5 до 19,4 – пониженному, менее 18,5 – недостаточному, а выше 23,0 – повышенному (Новое Положение 2003: 122–123). Следовательно, питание в пореформенное время, за исключением неурожайных лет, находилось в норме.

Когда С. А. Нефедов утверждает, что главная причина увеличения длины тела состояла в улучшении санитарно-гигиенических условий – «в мыле и карболке», то он сильно заблуждается. Биологами человека установлено, что средний конечный рост людей зависит *от совокупности всех условий их жизни* – от питания, перенесенных болезней, интенсивности и условий работы, медицинского обслуживания, жилищных условий, пси-

[3] Индекс массы тела равен частному от деления веса, выраженного в килограммах, на квадрат роста, выраженного в метрах.

хологического комфорта, климата, воды, воздуха и других *факторов среды* в течение всей предшествующей жизни до момента измерения роста (Миронов 2003*а*: 335–337). Существенно отметить, что если средний финальный рост отражает биостатус, или степень удовлетворения базисных биологических потребностей человека, в течение всего *периода от рождения до измерения*, то вес показывает биостатус *в момент измерения*. Поскольку динамика веса и индекса массы тела на протяжении всего пореформенного периода имела положительный тренд, за исключением лет сильного неурожая, 1871–1872 и 1891–1892 гг., мы имеем надежное основание для заключения, что питание в пореформенное время большей частью находилось в норме. Кроме того, увеличение роста населения началось с конца XVIII в. – за 90 лет до того, как стали улучшаться санитарно-гигиенические условия жизни и снижаться смертность, и в пореформенное время этот процесс просто ускорился благодаря более быстрому повышению уровня жизни.

Мальтузианская теория совершенно правильно утверждает, что падение потребления должно вызвать увеличение смертности и замедление прироста населения, в то время как в пореформенной России смертность уменьшалась, а естественный прирост населения ускорялся. Данное противоречие автор объясняет тем, что понижение смертности происходило, несмотря на якобы ухудшение потребления и общего материального положения крестьянства, исключительно под влиянием улучшения санитарно-гигиенических навыков. Этот тезис он доказывает наличием тесной корреляции ($r = 0{,}83$) между смертностью в губерниях и их географическим расположением (см. Табл. 2). Тесную связь он интерпретируют так: чем западнее губерния, тем в большей степени она находилась под благотворным влиянием Запада и тем ниже поэтому там была смертность. Толкование сомнительное, так как в действительности за географическим расположением губернии (близостью ее к Западу) скрывалось очень многое – плотность населения, величина осадков, высота урожаев, качество жизни, уровень индустриализации, степень урбанизации, развитие общей культуры, доля неправославных в населении и масштабы санитарной помощи населению, но вместе с тем и число пасмурных дней, количество лягушек и комаров, доля евреев в населении, ибо все перечисленные показатели имели тенденцию увеличиваться в направлении с востока на запад. Вследствие этого мы должны строить многофакторную, а не однофакторную модель и провести тщательную содержательную интерпретацию показателей, чтобы не попасть в ловушку ложных корреляций. Вроде той, которая существует, например, между продажами аспирина и губной помады, длиной юбок в США, объема произведенного масла в Бангладеш, с одной стороны, и биржевым индексом в США – с другой.

Но даже если мы примем схему интерпретации С. А. Нефедова, его гипотеза опровергается. По результатам корреляционного анализа (см. Табл. 2) земское здравоохранение и общая культура не оказывали важного

влияния на уровень смертности в губерниях. Между тем, если бы проблема уменьшения смертности сводилась главным образом к распространению медицинских знаний, то между смертностью и числом земских врачей (на 1000 населения) должна была наблюдаться тесная зависимость: именно деятельность врачей, прежде всего земских, обеспечивала распространение гигиенических знаний, уменьшение заболеваемости, что и вело к уменьшению смертности. Но корреляция между смертностью и количеством врачей в губерниях в 1911 г. была слабой (r = 0,42), что говорит о том, что медицинская деятельность могла объяснить лишь около 18% вариации смертности по губерниям. Эффективность работы врачей, как сами они утверждали, напрямую зависела от общей культуры населения, уровень которой в губернии до некоторой степени измерял процент грамотных. Чем грамотнее были крестьяне, тем восприимчивее они были к санитарно-медицинской пропаганде и тем активнее обращались к профессиональной медицинской помощи. Однако корреляция между грамотностью и смертностью в губерниях в 1911–1913 гг. также оказалась слабой [r = (-)0,43], показывая, что уровень грамотности мог объяснять лишь около 18% географии смертности. Причем между грамотностью и числом врачей наблюдалась тесная корреляция (r = 0,71), что указывает на то, что эти независимые переменные дублировали друг друга.

Табл. 2. Коэффициенты корреляции между средним ростом, смертностью, рождаемостью, естественным приростом, грамотностью и числом врачей в 48 губерниях Европейской России

	Прибавка роста	*Средний рост*	*Смертность*	*Рождаемость*	*Естественный прирост*	*Долгота губернии*	*Число врачей*	*Грамотность*
Прибавка роста мужчин в 1851–1897 гг.	1,00	0,58	-0,13	-0,21	-0,21	-0,01	0,08	0,34
Средний рост мужчин в 1888–1897 гг.	0,58	1,00	-0,38	-0,40	-0,20	-0,31	0,59	0,62
Смертность в 1911–1913 гг.	-0,13	-0,38	1,00	0,86	0,15	0,83	-0,42	-0,43
Рождаемость в 1911–1913 гг.	-0,21	-0,40	0,86	1,00	0,64	0,82	-0,53	-0,70
Естественный прирост населения в 1911–1913 гг.	-0,21	-0,20	0,15	0,64	1,00	0,34	-0,38	-0,70
Долгота губернского центра	-0,01	-0,31	0,83	0,82	0,34	1,00	-0,41	-0,43
Число врачей на 1000 человек в 1911 г.	0,08	0,59	-0,42	-0,53	-0,38	-0,41	1,00	0,71
Грамотность в 1897 г.	0,34	0,62	-0,43	-0,70	-0,70	-0,43	0,71	1,00

Утверждение С. А. Нефедова, что улучшение санитарно-гигиенических навыков являлось главной причиной увеличения длины тела, убедительнее и нагляднее всего опровергается следующими фактами. Во-первых, снижение смертности под влиянием гигиены обнаружилось только с 1890-х гг., а средний рост и вес почти непрерывно увеличивались с конца XVIII в. до начала XX в., особенно заметно в пореформенный период[4]. Следствие – увеличение роста, не может предшествовать причине – снижению смертности и улучшению гигиены.

Во-вторых, прогресс был на самом деле скромным, как и уменьшение смертности. Борьба с инфекционными заболеваниями обычно ведется по трем направлениям: нейтрализация источника инфекции, перерыв путей передачи возбудителя и повышение невосприимчивости населения к инфекции. Главное средство обезвреживания источника инфекции – изоляция, госпитализация и лечение больного. Передача инфекции прерывается путем соблюдения правил личной гигиены, санитарного благоустройства жилищ, упорядочивания водоснабжения, удаления и обезвреживания нечистот и отбросов, выполнения санитарных правил при транспортировке и обработке пищевых продуктов, а также путем борьбы с мухами. По ряду причин трудно разорвать механизм передачи при инфекциях дыхательных путей. Невосприимчивость к инфекциям повышается посредством иммунизации населения, которая положительно себя зарекомендовала в борьбе с оспой, дифтерией, коклюшем, столбняком, бешенством, чумой, сибирской язвой и некоторыми другими болезнями. Для профилактики дизентерии, скарлатины, вирусного гепатита и других болезней эффективной вакцины не существует до сих пор (Безденежных 1981: 63, 71, 211).

В каком состоянии находилась борьба с инфекционными заболевания в пореформенной России? Важнейший способ нейтрализация источника инфекции – изоляция больного, имел весьма ограниченное значение, так как материальные и кадровые возможности российских больниц даже в конце XIX – начале XX в. были невелики. В 1881 г. во всех больницах гражданского ведомства в 50 губерниях Европейской России имелось лишь 44549 коек или 5,8 на 10000 жителей, в 1913 г. – соответственно 227868 и 15,9, что сравнительно с СССР в 1985 г. (129,6 на 10000) было в 17,5 раза меньше в 1881 г. и в 8,2 раза меньше в 1913 г. Вследствие чего даже в 1913 г. 80% больных тифом оставались вне больничного лечения (Рашин 1956: 209). Число врачей на 10000 человек населения за 1881–1912 г. увеличилось с 0,5 до 1,5, но и в 1912 г. один врач приходился на 6,7 тыс. жителей, а 72% врачей проживали в городах и только 28% – в деревне (Сб. свед. 1884: 66–67; Отчет о состоянии народного здравия. 1914.: VI; Стат. ежегод. России. 1916: отд. 3, с. 1–6). В СССР в 1985 г. врачей было в 28 раз больше – 42 на 10000 (Охрана здоровья 1990: 114). Прогресс в совершенствовании врачебной по-

[4] В 1861–1865 гг. коэффициент общей смертности в России составлял 36,6 промилле, в 1889–1893 гг. – 36,7, в 1894–1898 гг. – 33,6, в 1909–1913 гг. – 28,4 промилле (Новосельский 1916: 53; Рашин 1956: 187–188).

мощи стал заметен с 1880-х гг., что хорошо видно из следующих данных. До введения земств в 50 губерниях Европейской России действовало 350 больниц Приказа общественного призрения с 11,5 тыс. коек (Ковалевский 1900: 918). В 1870 г. только в уездах 34 земских губерний имелось 530 врачебных участков и 1350 самостоятельных фельдшерских пунктов, работало 613 врачей, по 0,13 на 10000 жителей, число больничных коек составляло 1,5 на 10000, а один врачебный участок обслуживал в среднем 95 тыс. человек (Веселовский 1918: 20; Френкель 1913: 119–122).

Средства блокирования передачи возбудителя инфекции в конце XIX–начале XX в. ограничивались распространением средств личной гигиены и санитарной обработки предметов обихода, одежды и белья, так как прочие методы (водопровод, канализация и др.) были дорогостоящи и получили распространение лишь в некоторых крупных городах. К тому же только с инфекционными болезнями, которые вызывались возбудителями, передающимися контактно-бытовым или трансмиссивным путем (через укус вшей, блох, комаров), средства гигиены имели важное значение. К первому типу инфекционных болезней относятся дизентерия, брюшной тиф, полиомиелит, вирусный гепатит, холера, ко второму – сыпной и возвратный тиф, чума, малярия, лихорадки. Возбудители огромного большинства инфекционных заболеваний (гриппа, воспаления легких, кори, натуральной и ветряной оспы, дифтерии, коклюша, скарлатины, туберкулеза и других) передаются воздушно-капельных путем, т.е. главным образом через воздух. В этом случае передача инфекции через предметы обихода, загрязненные выделениями больного, имеет второстепенное значение. В борьбе с этими болезнями личная гигиена не имеет первостепенного значения, так же как и в отношении большинства кожно-венерических болезней. Среди всех инфекционных заболеваний доля тех, в профилактике которых личная гигиена имела значение, равнялась около половины[5].

В пореформенное время с помощью вакцинации боролись только с оспой; прививкам подвергались в 1881 г. 45% новорожденных, в 1910 г. – 78%. Однако ввиду неполного охвата населения прививками, а, возможно, и невысокого качества вакцинации, смертность от оспы оставалось большой: в 1901–1910 гг. от оспы умерло 414 тыс. чел. (Рашин 1956: 209). Против остальных болезней вакцины в России начала XX в. еще не было, а эффективной защиты против дизентерии и скарлатины не существует до сих пор. С 1880-х гг. с помощью прививок стали бороться также с бешенством, но смертность от этого заболевания была сравнительно невелика.

Санитарное просвещение сельского населения только в начале XX в. приобрело значительный размах под руководством санитарных попечительств, которые издавали листовки и брошюры, устраивали народные чтения и беседы со световыми картинами и передвижные выставки (Мирский 1996: 329–333).

[5] По данным за 1908–1910 гг. 54,3%. Подсчитано по: Новосельский 1916: 83–84.

Борьба с инфекционными и паразитарными заболеваниями словом и делом приносила плоды. Их доля среди всех зарегистрированных болезней в 1885–1887 гг. (за более раннее время источники не позволяют оценить долю смертей от инфекционно-паразитарных заболеваний) составляла в России 28,7% (Отчет Медицинского департамента 1887–1889), а в 1908–1912 гг. – 24,5%[6] (Отчет о состоянии народного здравия 1910–1914). За 23 года эта доля уменьшилась на 4,2%. О влиянии прогресса медицины и гигиены на уменьшение смертности от острых заразных заболеваний (оспы, скарлатины, дифтерии, кори, коклюша и тифов) можно судить по изменению *доли умерших от этих заболеваний*: с 1891–1895 гг. до 1911–1914 гг., когда только и наблюдалось устойчивое снижение смертности (Новосельский 1916: 180–187), она сократилась с 18,4 до 11,5% – на 6,9%[7] (там же: 70). Таким образом, доля умерших от инфекционных и паразитарных заболеваний уменьшилась на 4,2%, а от острых заразных заболеваний – на 6,9% – это и есть реальный, но несомненно скромный вклад улучшения медицинского обслуживания, санитарной пропаганды и личной гигиены в уменьшение заболеваемости и смертности.

В западноевропейских странах борьба за здоровье населения началась раньше, проходила с большим размахом и дала лучшие результаты. Например, в Англии и Уэльсе доля умерших от всех инфекционных и паразитарных заболеваний с 1848–1854 гг. до 1901 г. уменьшилось с 59,4% до 50,0% (Kunitz 1986: 283), а доля новорожденных мальчиков, умерших от этих заболеваний, с 1861 г. по 1921 г. – с 23,0% до 10,9%[8] (Вишневский 2005: 64). Коэффициент общей смертности с 1850-х гг. по 1900-е гг. уменьшился с 34,1 до 28,7 промилле, а средняя продолжительность жизни увеличилась с 42 до 53,5 лет (Миронов 2003*б*: 379, 381). Несмотря на значительные успехи в санитарно-медицинской сфере, средний рост британских мужчин, рожденных между 1840–1859 гг. и 1860–1879 гг. не изменился, а между 1880–1899 и 1900–1919 гг. уменьшился на 3 см (см. Табл. 3):

Табл. 3. Рост взрослого мужского населения в Великобритании в 1800-1919 гг. (в см в годы рождения)

Годы рождения	1800–1819	1820–1839	1840–1859	1860–1879	1880–1899	1900–1919
Британия	171	173	172	172	174	171
США	172,9	172,9	171,3	170,4	169,5	171,7

Источник: Floud 1998: 34; Costa, Steckel 1997: 72.

[6] В 1885–1887 гг. среди 30313 тыс. заболевших 8693 тыс. страдали инфекционными заболеваниями, а в 1909–1912 гг. – соответственно 34885 и 8546 тыс.

[7] Число умерших определено по: Движение населения 1895–1900; Отчет о состоянии народного здравия 1913–1915.

[8] В 1861 г. – 23,0%, в 1881 г. – 20,9%, в 1901 г. – 16,5%, в 1921 г. – 10,9%.

В США доля смертей от инфекционных заболеваний с 1856–1860 гг. по 1891–1895 гг. уменьшилась с 49,7 по 33,7% (Kunitz 1986: 286), коэффициент общей смертности с 1850-х гг. по 1900-е гг. – с 19,5 до 15,8 промилле, а средняя продолжительность жизни увеличилась с 40 до 50 лет (Миронов 2003б: 379, 381). В то же время средний рост американских мужчин во второй половине XIX в. уменьшился. Пример Великобритании и США наглядно показывает, что прогресс в медицине и санитарии отнюдь не обеспечивает увеличение роста и повышение биостатуса населения.

И последнее. Если бы, как утверждает С. А. Нефедов, улучшение санитарно-гигиенических навыков являлось главной причиной увеличения длины тела, и при этом сопровождалось ухудшением жизненных условий (прежде всего питания), то это должно было бы иметь два следствия: (1) прибавка роста у населения по губерниям находилась бы в прямой зависимости от их географического расположения – чем восточнее губерния, тем меньше увеличение длины тела, и наоборот – чем западнее, тем больше ее увеличение, (2) увеличение длины тела при голодании должно было сопровождаться развитием дистрофии и снижением индекса массы тела. В действительности происходило все наоборот. Как показывает корреляционный анализ, между местоположением губерний и прибавкой в них роста новобранцев с 1851–1855 гг. до 1892–1897 гг. связь вообще отсутствовала (r = -0,01). В пореформенное время, как показано выше, увеличивался рост и вес, а индекс массы тела находился в норме.

Таким образом, успехи медицины и гигиены в пореформенной России несомненно наблюдались, но они были ограничены во времени, 1881–1913 гг., и недостаточны, чтобы произвести такие фундаментальные изменения в здоровье и санитарных условиях жизни, которые бы могли обусловить значительное увеличение роста населения (на 5,1 см), начавшееся к тому же задолго до того, как этот прогресс стал приносить свои плоды. Для сравнения укажем, что в СССР 1920-х – 1930-х гг. успехи в улучшении медицинского обслуживания, личной гигиены и повышении общей культуры населения были намного больше, чем в 1886–1913 гг. Несмотря на это, рост мужчин от 1911–1915 гг. к середине 1930-х гг. уменьшился на 2 см ввиду понижения уровня жизни (Миронов 2008*в*).

Причина слабой корреляции между демографическими процессами и потреблением заключается не в прогрессе медицины, а в том, что величина продовольственного хлеба, вычисленная С. А. Нефедовым по официальным сведениям о сборах хлебов и перевозках в отдельных губерниях, не соответствовала действительности: урожайная статистика существенно занижала производство зерновых, а статистика перевозок – искажала их избытки и недостатки. Не отличалась безупречной точностью и губернская демографическая статистика.

Совершенно прав Ст. Хок (Хок 1996: 45–47) и другие исследователи мальтузианской ориентации, которые (в полном соответствии с разделяемой ими

концепцией) ускорение естественного прироста населения с 12,3 промилле в 1866–1870 гг. до 16,8 промилле в 1911–1913 гг. (Рашин 1956: 218) рассматривают в качестве доказательства роста потребления и уровня жизни российского крестьянства. Но самое поразительное, пожалуй, состоит в том, что и С. А. Нифонтов, на которого С. А. Нефедов, как ему кажется, опирается, как на каменную стену, делает вполне оптимистическое и в принципе верное заключение о развитии российского сельского хозяйства, которое в корне противоречит схеме С. А. Нефедова: «Зерновое производство в капиталистической России развивалось постепенно в ускорявшемся до конца XIX в. темпе. В 60-х годах это развитие было малозаметным, за 70-е годы – вырисовывалось яснее и в 80-х – 90-х годах определилось окончательно. Это сказывалось в постоянном расширении хлебных посевов, в неуклонном усилении хлебных сборов, в ускорявшемся повышении урожайности зерновых, во все большей порайонной специализации зернового производства и развитии его товарности» (Нифонтов 1974: 315). Между прочим, и Ст. Уиткрофт, которого С. А. Нефедов по недоразумению зачисляет в свои сторонники, на самом деле его не поддерживает, так как утверждает с фактами в руках, что уровень жизни в российской деревне в позднеимперской России повышался, за исключением 1891–1893 и 1905–1908 гг. (Wheatcroft 1991: 171–172), и что именно рост благосостояния, а не мыло и карболка, как приписывает ему С. А. Нефедов, было истинной причиной увеличения среднего роста населения (Wheatcroft 1999: 41–45, 59–60).

Таким образом, ленинская схема происхождения экзистенциального кризиса в позднеимперской России, которую отстаивает С. А. Нефедов, входит в противоречие с фактами – уменьшением смертности, увеличением естественного прироста населения, ростом грамотности, улучшением медицинского обслуживания, улучшением антропометрических показателей (роста и веса), повышением уровня жизни, увеличением расходов на алкоголь, быстрым ростом валового внутреннего продукта благодаря прогрессу промышленности и сельского хозяйства. Соответственно и реанимируемая С. А. Нефедовым ленинская концепция революции 1917 г. с точки зрения теоретической, методической и источниковедческой также не выдерживает критики. Как мыло и карболка не обеспечивают поддержание жизни, поскольку не дают человеку энергии, так и ленинская интерпретация пореформенного развития России не обеспечивает объективного и адекватного научного анализа, поскольку, будучи классовой, политизированной и идеологизированной, не адекватна фактам и не удовлетворяет критериям истины.

Библиография

Анфимов А. М. 1962. *Российская деревня в годы мировой войны (1914 – февраль 1916 г.)*. М.: Издательство социально-экономической литературы.

Баткис Г. А., Лекарев Л. Г. 1961. *Теория и организация советского здравоохранения*. М.: Медгиз.

Безденежных И. С. 1981. *Эпидемиология*. 4-е изд. М.: Медицина.

Вайнштейн А. Л. 1960. Из истории дореволюционной статистики животноводства. *Очерки по истории статистики СССР* / Ред. Т. В. Рябушкин. М.: Госстатиздат. С. 86–115.

Вишневский А. Г. 2005. *Избранные демографические труды*. Т. 1. М.

Веселовский Б. Б. 1918. *Земство и земская реформа*. М.: О. Н. Попов.

Вильсон И. И. 1869. *Объяснений к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России*. 4-е изд. СПб.: В. Безобразов и Ко.

Грегори П. 2003. *Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) Новые подсчеты и оценки*. М.: РОССПЭН.

Давыдов М. А. 2003. *Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в.* М.: Издательский центр РГГУ.

Движение населения. 1896–1900. *Движение населения в Европейской России за [1891–1895] год*. СПб.

Дятлова Н. П. 1964. Отчеты губернаторов как исторический источник. *Проблемы архивоведения и источниковедения: Материалы научной конференции архивистов Ленинграда 4-6 февраля 1964 г.* / Ред. В. В. Бедин. Л.: Наука. С. 227–246.

Ермолов А. С. 1909. *Наши неурожаи и продовольственный вопрос: В 2 ч. Ч. 1. Продовольственное дело в прошлом и настоящем*. СПб.: В. Киршбаум.

Жолус Б. И. (Ред.). 1997. *Общая и военная гигиена*. СПб.: Военно-медицинская академия.

Ковалевский В. И. (Ред.). 1900. *Россия в конце XIX века*. СПб.: Брокгауз-Ефрон.

Ковальченко, И. Д. 2004. *Аграрный стой России второй половины XIX - начала XX в.* М.: РОССПЭН.

Литвак, Б. Г. 1979. *Очерки источниковедения массовой документации XIX-начала XX в.* М.: Наука.

Мальтус Т. 1993. Опыт о законе народонаселения. 5-е изд. (1817 г.) // *Антология экономической классики*. М.: «Эконов», «Ключ».

Материалы Комиссии. 1903. *Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России*. В 3 ч. Ч 3. СПб: П. П. Сойкин.

Миронов Б. Н. 2003*а*. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. 3-е изд. Т. 1. СПб.: Дм. Буланин.

Миронов Б. Н. 2003*б*. *То же*. Т. 2.

Миронов Б. Н. 2008*а*. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? *Уральский исторический вестник* 3: 81–95.

Миронов Б. Н. 2008*б*. Системный кризис в России в царствование Николая II – факт или артефакт? *Император Николай II и его время: Сборник материалов*

Всероссийской научно-просветительской конференции с международным участием / Ред. В. В. Алексеев и др. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН. С. 23–45.

Миронов Б. Н. 2008*в*. *Когда на Руси жилось хорошо*. Родина 8.

Мирский М. Б. 1996. *Медицина России XVI–XVIII веков*. М.: Росспэн.

Моргенштерн О. 1968. *О точности экономико-статистических наблюдений*. М.: Статистика.

Нифонтов А. С. 1974. *Зерновое производство в России во второй половине XIX века*. М.: Наука.

Новое Положение. 2003. *Новое Положение о военно-врачебной экспертизе: Постановление Правительства РФ от 25 февраля 2003. № 123*. М.: Дашков и Ко.

Новосельский С. А. 1916. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. *Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год*. СПб.: К. Л. Риккер.

Отчет Медицинского департамента. 1887–1889. *Отчет Медицинского департамента за [1885–1887] год*. СПб.: Тип. МВД.

Отчет о состоянии народного здравия. 1913-1915. *Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за [1911–1913] год*. СПБ.: Тип МВД.

Охрана здоровья. 1990. *Охрана здоровья в СССР: Статистический сборник*. М.: Финансы и статистика.

Покровский В. И. 1902. *Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России*. Т. I / Ред. В. И. Покровский. СПб.: М. П. Фролова.

Предварительные данные. 1917. *Предварительные данные о площадях посева зерновых культур в 57 губерниях и областях империи в 1916 г*. Пг.

Производство. 1917. *Производство, перевозки и потребление хлебов в России* / Ред. Е. Е. Яшунов, П. Румянцев: В 2 вып. Пг.: Ис. Ф. Вайсберг. Вып. 2.

Рашин А. Г. 1956. *Население России за 100 лет*. М.: Госстатиздат.

РГИА. 1869. Российский гос. ист. архив, ф. 1263 (Комитет министров), оп. 1, д. 3402.

Сб. свед. 1884. *Сборник сведений по Европейской России за 1882 год*. СПб.: Тип. МВД.

Сб. стат.-эк. сведений. 1917. *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый*. Пг.: Ис. Ф. Вайсберг.

Сел. хоз. России в XX веке. 1923. *Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901-1922 гг.* / Ред. Н. П. Огановский, Н. Д. Кондратьев. М.

Стат. сб. 1921. *Статистический сборник за 1913-1917 гг*. Вып. 1. М.: 14-я гос. типография.

Струмилин С. Г. 1979. *Статистика и экономика*. М., Наука: 232-238.

Френкель З. Г. 1913. *Очерки земского врачебно-санитарного дела (По данным работ, произведенных для Дрезденской и Всероссийской гигиенических выставок)*. СПб.: Тип. Акц. Об-ва «Слово».

Чаянов А. В. 1989. *Крестьянское хозяйство: Избранные труды*. М.: Экономика.

Челинцев А. Н. 1923. *Сельскохозяйственная география России*. Берлин: Feilchenfeld's Buchdruc.

Яцунский В. К. 1961. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII века до Первой мировой войны. *Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России* / Ред. В. К. Яцунский. М.: Издательство АН СССР. С. 113–148.

Яцунский В. К. 1973. *Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв.* М.: Наука. С. 268–297.

Costa D. L., Steckel R. H. 1997. Long-Term Trends in Health, Welfare, and Economic Growth in the United States. *Health and Welfare during Industrialization* / Ed. by R. H. Steckel, R. Floud. Chicago – London: The University of Chicago Press.

Falkus M. E. 1968. Russia's National Income, 1913: A Re-evaluation. *Economica* 35.

Floud R. 1998. *Height, Weight and Body Mass of the British Population since 1820.* Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research (NBER Working Paper Series on Historical Factors in Long Run Growth. Historical Paper 108).

Floud R., Harris B. 1997. Health, Height, and Welfare: Britain, 1700–1980. *Health and Welfare during Industrialization* / Ed. by R. H. Steckel, R. Floud. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Hoch S. 1994. On Good Numbers and Bad: Maltus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia. *Slavic Review* 53: 41-75.

Kunitz St. J. 1986. Mortality since Malthus. *The State of Population Theory: Forward from Malthus* / Ed. by D. Coleman, R. Schofield. New York: Basil Blackwell.

Simms J. 1977. The Crisis in Russian Agriculture at the End of Nineteenth Century: A Different View. *Slavic Review* 36: 377–398.

Wheatcroft St. 1974. The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics. *Soviet Studies* 26/2: 157–180.

Wheatcroft St. 1991. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia. *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia* / Ed. by E. Kingston-Mann, T. Mixter. Princeton, NJ: Princeton University Press. P. 128–172.

Wheatcroft St. 1999. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960. *Slavic Review* 58: 27–60.

Аннотация

В статье подвергается критике ленинская схема происхождения экзистенциального кризиса в позднеимперской России, которую отстаивает С. А. Нефедов, с точки зрения теоретической, методической и источниковедческой. Схема входит в противоречие с фактами – уменьшением смертности, увеличением естественного прироста населения, ростом грамотности, улучшением медицинского обслуживания, улучшением антропометрических показателей (роста и веса), повышением уровня жизни, увеличением расходов на алкоголь, быстрым ростом валового внутреннего продукта благодаря прогрессу промышленности и сельского хозяйства.

А причем тут Ленин?

С. А. Нефедов

«У меня есть подозрения, что вы симпатизируете ереси тупоконечников. На этом веском основании я обвиняю вас в государственной измене и настаиваю, чтобы вы были казнены».
Дж. Свифт. Путешествия Гулливера.

Б. Н. Миронов назвал свою статью «Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить...». Он обвиняет автора этих строк в марксизме. «Концепция русской революции 1917 г., которую С. А. Нефедов отстаивает в своих работах, по внешнему виду неомальтузианская, а по сути – марксистско-ленинская... Как в типичной марксистской работе советского времени, в качестве аргументов в пользу экзистенциального кризиса приводятся крестьянские волнения и недоимки, обезземеливание, социальное расслоение, пережитки феодализма, эксплуатация крестьянства, голодовки, болезни, нищета, стагнация сельского хозяйства вследствие сокращения природных ресурсов для сельского хозяйства и истощении почвы... Словом, классовый марксистский подход, причем в ортодоксальной трактовке, здесь налицо» (с. 115).

Да позволено будет спросить: а что, не было ни крестьянских волнений, ни голодовок, ни недоимок, не было обезземеливания, социального расслоения, истощения почвы? Все это придумали марксисты-ленинцы с целью совершить октябрьский переворот? Вообще-то все эти явления наблюдались – и это банальная истина, которую можно найти в десятках немарксистских работ – от книг лидера кадетов А. А. Кауфмана до вполне официальных *Материалов высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения*... Да и сам Б. Н. Миронов пишет о голодовках, которые уносили сотни тысяч жизней, о том, что (как минимум) 30% крестьян хронически недоедало (Миронов 2002: 37). Или, может быть, Борис Николаевич – тоже скрытый марксист-ленинец?

На фоне этих голодовок, конечно, удивительным кажется экспорт хлеба. Как утверждает Б. Н. Миронов, экспорт хлеба свидетельствует о его избытке внутри страны: «В условиях рыночного хозяйства хлеб из внутренних регионов мог идти на экспорт только в том случае, если бы не находил спроса на внутреннем рынке по соответствующей цене». Тут все дело в «соответствующей цене»: в условиях свободной торговли цена была мировая, то есть (с учетом транспортных издержек) та же, что и в Лондоне. А вот заработки были российские – ситуация, нам хорошо знакомая.

Вот и уходил хлеб за границу в полном соответствии с законами мирового рынка (как сейчас уходят нефть и газ – притом, что целые города отключают от тепла за неплатежи). Вывоз продолжался и в условиях голода, как это было, например, в 1873 году в Поволжье. Либеральная газета *Неделя* писала: «Среди известий о голоде и невозможности достать хлеб для нуждающихся неприятно действуют известия о том, что в тех или иных местах хлеб лежит массами или вывозится за границу... В настоящее время идет сильный отпуск хлеба от нас в Австрию... Но более всего странным представляется то, что хлеб вывозится даже из Самарской губернии – той самой, где люди грызут землю» (цит. по: Китанина 1978: 43). В 1889 г. министр финансов Вышнеградский произвел радикальное снижение железнодорожных тарифов и установил экспортные премии, за вывоз хлеба теперь доплачивали. Эти меры привели к тому, что вывоз увеличился в полтора раза, в 1889/90–1890/91 из страны было вывезено 29% чистого сбора хлебов. В результате в конце 1891 года начался страшный голод, унесший, по разным оценкам, от 400 до 700 тыс. жизней (Нефедов 2005: 295–296; Степанов 1993: 166). Таким образом, экспорт хлеба отнюдь не свидетельствует об его избытке внутри страны.

А теперь об оценках потребления. Можно, конечно, и дальше спорить о точности урожайных данных ЦСК – но давайте посмотрим, что получится, если мы примем на веру все поправки и расчеты Б. Н. Миронова. Среднее потребление фуража и продовольствия на душу деревенского населения в этих расчетах равно 356 кг в год (Миронов 2008: 92). Это в самые урожайные и благополучные годы, в 1909–1913 гг. Борис Николаевич считает, что физиологическая норма потребления хлеба в пищу составляет 287 кг в год, а норма фуража в расчете на человека – 18 кг, в сумме 305 кг. По этим расчетам, потребление превосходило норму, «индекс удовлетворения хлебом и фуражом» равнялся 117% (Миронов 2008: 92). Но есть другие данные на этот счет. Осенью 1917 года Статистико-экономическое отделение Министерства продовольствия пыталось подсчитать, сколько хлеба уходит на фураж. Были запрошены сведения о нормах кормления скота из губерний, и поскольку начинался голод, то обычные нормы были урезаны до минимума. В итоге получилось, что в расчете на одного человека на фураж уходит никак не менее 7,1 пуда (116 кг) зерна (Лосицкий 1918: 22, 28). Не 18 кг, как утверждает Б. Н. Миронов, а 116 кг! Борис Николаевич, правда, не признает этой очевидной ошибки, утверждая, что количество скота на душу населения уменьшалось. Однако, во-первых, расход зерна на фураж возрастал по другой причине – из-за распашки пастбищ, а во-вторых, данные Министерства продовольствия подтверждаются подробными данными ЦСУ СССР, которые показывают, что в 1920-х годах расход на фураж превосходил 160 кг на душу (Нефедов 2008: 102). Так что же получится, если из среднего потребления (356 кг) отнять минимальный расход на фураж? На потребле-

ние в пищу останется только 240 кг – намного меньше нормы Б. Н. Миронова (287 кг). То есть даже при всех поправках и допущениях Бориса Николаевича, даже в самые благополучные годы никакого «удовлетворения хлебом и фуражом» в действительности не наблюдалось.

Другой довод Б. Н. Миронова в пользу «удовлетворения хлебом» – это наблюдавшееся в конце XIX – начале XX в. уменьшение смертности. Я привел данные, указывающие, что это уменьшение смертности проходило в направлении с запада на восток, и предположил, что эта странная закономерность объясняется распространением санитарии и гигиенических навыков. Поскольку в нашем распоряжении нет данных о потреблении мыла и хлорки по губерниям, то этот вывод, конечно, можно оспаривать. Однако наличие этой закономерности неоспоримо говорит о том, что уменьшение смертности зависело отнюдь не от увеличения потребления: потребление в России не увеличивалось с запада на восток, скорее наоборот. Об этом пишет и С. Уиткрофт: «В отличие от ситуации в Западной Европе, в России нет никакой корреляции между увеличением потребления пищи и ростом продолжительности жизни» (Wheatcroft 1999: 52). Последний довод Б. Н. Миронова в пользу «удовлетворения хлебом» – это его расчеты, показывающие некоторое увеличение роста призывников в 1874–1912 годах. Эти доводы были подвергнуты обоснованной критике М. Эллманом (2005), обратившим внимание, в частности, на то обстоятельство, что данные Б. Н. Миронова содержит рад необъяснимых скачков, говорящих о неточности измерений или дефектах выборки. «Выводы Б. Н. Миронова о повышении уровня благосостояния русского народа... на базе антропометрических данных не являются вескими и обоснованными», – таково резюме М. Эллмана (там же: 165).

Со своей стороны, я могу добавить, что если бы причиной увеличения роста рекрутов было существенное увеличение потребления, то, очевидно, это привело бы также и к уменьшению доли забракованных рекрутов. Однако в действительности эта доля увеличивалась одновременно с ростом призывников вплоть до 1901 г. и впоследствии, несмотря на некоторое уменьшение, оставалась высокой. Более того, имелась положительная и довольно существенная корреляция между процентом забракованных и ростом призывников (0,78) – как будто увеличение роста призывников свидетельствовало не об их здоровье, а, скорее, наоборот (Нефедов 2005: 314).

Б. Н. Миронов и сам признает, что коэффициент корреляции между процентом забракованных новобранцев и сбором хлебов на душу населения в 13 регионах России оказывается очень низким (0,329), что «питание не являлось фактором, полностью или в решающей степени определявшим состояние здоровья населения. Правильнее говорить о целом комплексе причин, таких, как жилище, потребление алкоголя, медицинское

обслуживание, санитарные условия, распространение отхожих промыслов и др.» (Миронов 2002: 40).

Остается напомнить о некоторых вопросах, которые я задал Б. Н. Миронову, но так и не получил ответа. Речь идет, в частности, о включении Борисом Николаевичем помещичьего хлеба в доходы крестьян и об использовании заведомо нерепрезентативных бюджетных материалов (иногда один бюджет на губернию) для оценки потребления в 1877–1901 гг.

Или обвинение в марксизме – это и есть ответ?

Библиография

Китанина Т. М. 1978. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л.: Наука.

Лосицкий А. Е. 1918. (Ред.). *Урожай хлебов в России в 1917 г.* М.: Изд. Моск. обл. прод. Комитета.

Миронов Б. Н. 2002. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века. *Отечественная история* 2: 30–43.

Миронов Б. Н. 2008. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? *Уральский исторический вестник* 3: 81–95.

Нефедов С. А. 2005. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: УГГУ.

Нефедов С. А. 2008. Влияние революции 1917 г. на динамику потребления пищевых продуктов. *Уральский исторический вестник* 3: 96–107.

Степанов В. Л. 1993. Иван Алексеевич Вышнеградский. *Отечественная история* 4: 99–115.

Эллман М. 2005. Витте, Миронов и ошибочное использование антропометрических данных. *Экономическая история. Обозрение* 11: 159–165.

Wheatcroft S. 1999. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960. *Slavic Review* 58: 27–60.

Аннотация

В своем ответе на критические высказывания Б. Н. Миронова С. А. Нефедов показывает, что представление о низком уровне потребления в России было свойственно не только марксистам, что этой точки зрения придерживались и либеральные экономисты. При определении уровня потребления Б. Н. Миронов делает ошибку, которая заключается в недоучете потребления зерна на фураж. Если исправить эту ошибку, то даже при всех поправках, вводимых Б. Н. Мироновым в официальные данные, уровень потребления оказывается ниже минимальной нормы.

III. РАСШИРЕНИЕ ДИСКУССИИ

Продовольственный потенциал и ресурсный баланс в циклах русской истории: экосоциальные причины кризисов и революций

Н. С. Розов

О позиции теоретика в споре эмпириков

Статьи крупных специалистов в области отечественной истории (см. выше, с. 25–139), будучи основательно фундированными эмпирически и при этом диаметрально противоположными по общим выводам, удивляют и вдохновляют. Оказывается, в эмпирической истории, даже опирающейся на обширные и разнообразные численные данные, имеется столь широкий разброс позиций. В истории же науки нередко бывало, что противоборствующие парадигмы, опирающиеся каждая на свои серии наблюдений и экспериментальных данных, довольно успешно развивались, а иногда и синтезировались (как корпускулярно-волновая теория в оптике) благодаря обращению не к новым экспериментам и замерам, а к новым теоретическим идеям.

Здесь возникает общий методологический вопрос: на что вообще способна теория, в чем ее польза в ситуации эмпирического спора? Может ли она помочь в суждении о правоте той или иной стороны? Будучи закоренелым теоретиком в исторической макросоциологии, в области философии науки я являюсь сторонником логического эмпиризма в версии К. Поппера и К. Гемпеля и методологии исследовательских программ И. Лакатоса. С точки зрения логического эмпиризма, строго говоря, никакие теоретические доводы не могут перевесить фактологические суждения, корректно полученные на основе анализа данных. Скорее теоретические положения бывают опровергнуты эмпирическими фактами, особенно если последние надежно воспроизводятся на обширном материале разными учеными или исследовательскими группами.

Перед нами же ситуация, когда один исследователь с одной группой данных (Б. Н. Миронов) отрицает мальтузианский эффект перенаселенности для определенного периода истории России, а другой исследователь с другой группой данных (С. А. Нефедов) доказывает наличие этого эффек-

та для того же периода той же страны, что должно подтвердить верность неомальтузианской структурно-демографической теории Дж. Голдстоуна.

Имеются два главных подхода для решения такого рода противоречий. *Эмпирический подход* состоит в проверке корректности расчетов, критике достоверности данных, поиске новых уточняющих сведений и т.д. *Концептуальный подход* состоит в уточнении используемых понятий и переменных, в ответах на вопросы типа: о чем именно свидетельствуют те или иные данные? Действительно ли данные и факты противоречат друг другу, либо они говорят о разных сторонах и аспектах сложного явления? О каких именно аспектах? Как они между собою связаны? И т.д. Такой подход может включать также построение альтернативных понятий и моделей, сопоставление с ними доводов противоборствующих позиций.

Согласно принципам логического эмпиризма К. Поппера – К. Гемпеля (Поппер 1983; Гемпель 2000), никакого решающего слова такой концептуальный анализ не имеет. Вместе с тем в более широкой перспективе методологии исследовательских программ И. Лакатоса (Лакатос 1995; Розов 2002: Гл. 2) такая работа хоть и не является решающей, но весьма значима для продвижения к новым поколениям теорий, в рамках которых эмпирические противоречия могут и должны быть разрешены.

На этом пути разнообразие исследовательских стратегий весьма велико, оно зависит как от специфики эмпирического поля, так и от характера, традиций подготовки и способов работы исследователей. Здесь можно разве что указать на ориентирующий образец корректного разрешения спора: каждая сторона вооружается своей теорией, а затем в совместной коммуникации (как конфликтной, так и кооперативной) они ищут такую область приложения обеих теорий, в которой получаемые эмпирические данные однозначно свидетельствовали бы в пользу правоты той или другой теории. В естественных науках такой подход получил название критического эксперимента, но в социальных науках и истории, где эксперименты невозможны, заменителем их выступает специальная теоретическая выборка случаев со строгими методиками измерений и кодирования (Stinchcombe 1987; Розов 2001: 123–128).

Автор этих строк весьма далек от клиометрии, исторической статистики, расчета корреляций и тому подобных материй. У меня нет ни оснований, ни возможностей не доверять данным, приводимым специалистами в этой сфере Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым, а также данных в цитированных ими прежних исследованиях динамики социально-экономического положения крестьян в царской России. Поэтому здесь будет предпринят не эмпирический, а именно концептуальный подход. Действительно, поскольку выводы делаются диаметрально противоположные, нужно ситуацию как-то прояснить, пользуясь имеющимися средствами. В качестве таковых здесь выступают общие теоретические модели, разра-

ботанные при анализе циклов истории России (Розов 2006; Дубовцев, Розов 2007).

Коротко о пятиактовых циклах российской истории

Легко показать, что каждая из двух наиболее конструктивных моделей российских циклов неявно опирается на колебательную динамику своей переменной. Для кратких циклов реформ – контрреформ (Янов 1997; Пантин, Лапкин 1998) – это *уровень свободы, защищенности прав и собственности.* Для долгих циклов мобилизации (Вишневский 1997) и революций служилого класса (Hellie 2005) – это *государственный успех,* понимаемый как сочетание могущества и влияния на международной арене с внутренней социальной стабильностью, легитимностью власти и режима. Объединение этих измерений в одном параметрическом пространстве и анализ явных движений в этом пространстве за последние 450 лет отечественной истории позволил выделить пять основных тактов циклической динамики:

Такт «Успешная мобилизация». Всегда имеет предел и обычно переходит к такту «Стагнация».

Такт «Стагнация». Иногда относительно стабильная, иногда турбулентная с быстрой деградацией элит и режима, обычно завершается «Кризисом».

Такт «Социально-политический кризис» – от крупных мятежей, крестьянских войн и внешних вторжений до распада государственности. Для кризиса характерны бифуркационные развилки, метания между попытками осуществить тот или иной из следующих тактов.

Такт «Либерализация». Иногда осуществляемая «сверху», иногда стихийная «снизу», но, как правило, не приводящая к успеху. Либо возвращает к «Кризису», либо сразу ведет к «Откату».

Такт «Авторитарный откат». Нередко выводит из «Кризиса» и возвращает к «Стагнации», иногда приводит к «Успешной мобилизации», но при определенных условиях может вести к углублению «Кризиса» и государственному распаду.

Попытки раскрыть порождающий механизм такой циклической динамики включали обращение к достаточно широкому ряду концепций и моделей социологии и исторической макросоциологии: вызовы и ответы, социальные структуры, культурные образцы, психические установки как последствия прежних ответов и одновременно источники новых ответов, механизмы мобилизации, динамические стратегии, вертикальные договоры, мегатенденции как устойчивые комплексы взаимосвязанных тенденций и т.д. (Розов 2002, 2006; Дубовцев, Розов 2007).

При более глубоком анализе выяснилось, что полноценное объяснение циклов российской истории должно, наряду с исследованием сферы

1. Социальный механизм взаимодействия акторов — влиятельных групп с разнообразными ресурсами,

также привлекать модели как минимум еще четырех взаимосвязанных, но автономных динамик:

2. Экосоциальная динамика (демография, расселение, продовольствие, цены, емкость среды и проч.);
3. Геоэкономическая динамика (экспорт и импорт, мировые рынки и цены, зарубежные кредиты и движение капиталов, инвестиции, положение в миросистемной иерархии и проч.);
4. Геополитическая динамика (войны, союзы, величина и могущество армий, закупки и производство вооружений, приращение и потери территорий);
5. Геокультурная динамика (центры и зоны престижа, культурного производства, диффузия идей, внутренняя идеологическая борьба и т.п.).

Очевидно, что острие спора между Б. Н. Мироновым, отстаивающим тезис об относительном благополучии жизни крестьян и даже повышении уровня их благосостояния во второй половине XIX – начале XX в., и С. А. Нефедовым, защищающим положение о сжатии и ухудшении положения крестьянства в этот период, относится к экосоциальной динамике в этом ряду, но, как увидим позже, выводит и на другие сферы.

Эмпирический, по видимости, спор имеет теоретическую подоплеку. С. А. Нефедов явным образом защищает свою версию неомальтузианской структурно-демографической теории (Нефедов 2005). Б. Н. Миронов отвергает приложимость мальтузианства к данному периоду российской истории, не раскрывает свои собственные теоретические карты, но общий ход его рассуждений и аргументации вполне вкладывается в классическую концепцию неуклонного прогресса и модернизации (см. также: Миронов 1999).

Рассмотрим некоторые теоретические модели экосоциальной динамики, которые могут помочь разобраться в существе дискуссии.

Динамика изменения продовольственного потенциала

Продовольственный потенциал определим как уровень обеспеченности населения страны (столицы, крупнейших городов и основных провинций) земельными угодьями, доступными для использования при наличных величине населения, структуре расселения, уровне развития сельскохозяйственных и транспортных технологий.

Продовольственный потенциал – сложная агрегированная переменная. Вероятно, его можно научиться рассчитывать численно, но для этого следует провести немалую методическую и конкретно-историческую работу, чтобы привести к общему знаменателю цены, денежные единицы, основ-

ные продукты питания, количество и структуру населения, параметры расселения, уровень технологического развития и т.д. – все эти аспекты существенно менялись на протяжении столетий и даже десятилетий. Для начальной эскизной теоретизации достаточно учитывать самые грубые ступени выделенной переменной: высокий, средний и низкий продовольственный потенциал.

Более того, мы не знаем, как разные градации среднего уровня влияют на социально-политическую динамику, но вполне можем строить гипотезы о влиянии в каждом такте, в каждой типовой ситуации (кризис, смена власти, либерализация и т.д.) продовольственного фактора в его высоких и низких значениях.

Что немаловажно, продовольственный потенциал фактически является главной колеблющейся переменной в экосоциальных циклах, описываемых структурно-демографической теорией. Вообще говоря, экосоциальные циклы аграрных обществ описываются достаточно полно с помощью двух вполне рикардианско-мальтузианских переменных:

- спрос на продовольствие (как функция величины населения);
- предложение продовольствия (как функция площади обрабатываемых земель, численности занятых в сельском хозяйстве и уровня технологии).

Фаза роста (Нефедов 2005: 24–25) представляет собой не стабильное состояние, а устойчивый тренд повышения продовольственного предложения при относительно небольшом спросе. Можно также обозначить начало этого периода, когда массовое освоение новых (или ранее заброшенных) земель начинает давать ощутимый прирост продовольственного предложения. Соответственно, концом данного периода следует считать исчерпание свободных земель (при данной транспортной инфраструктуре и технологическом уровне), когда предложение перестает расти, но население и спрос продолжают увеличиваться.

Фаза сжатия имеет одну корневую – чисто мальтузианскую – причину: прекращение или замедление роста продовольственного предложения при продолжающемся или ускоряющемся росте населения, его запросов и, соответственно, при росте спроса на продовольствие.

Фаза эскалации кризиса имеет своим источником резкое снижение предложения продовольствия вследствие достижения критической массы негативных явлений, накопленных в предыдущей фазе сжатия. Именно вслед за обвалом продовольственного предложения происходит последующая демографическая катастрофа – сокращение населения и соответствующее падение спроса на продовольствие, что правильнее было бы отнести уже к следующей фазе.

Вероятно, наличие или отсутствие фазы депрессии напрямую зависит от глубины падения продовольственного предложения. При умеренном

снижении предложения удается избежать демографической катастрофы – соответственно, резкого падения спроса. Тогда, особенно при приращении территории (колонизация, завоевания, расчистка лесов, освоение целины), может сразу вновь начинаться фаза роста. Однако при глубоком падении продовольственного предложения нужно предполагать особую фазу последующего падения численности населения и, соответственно, спроса на продовольствие.

Итак, получаем вполне классическую экономическую модель с характерной «петлей гистерезиса» (Рис. 1):

Рис. 1. Модель экосоциальных циклов в структурно-демографической теории как схема фазовых переходов – очередная интерпретация классической экономической модели динамического взаимодействия спроса и предложения

Теперь рассмотрим, как в рамках данной модели можно представить высокий и низкий продовольственный потенциал. В этих терминах высокий продовольственный потенциал включает область сочетания значений растущего или высокого предложения продовольствия при умеренном спросе (не превышающем возможности предложения), тогда как низкий продовольственный потенциал включает область значения падающего или низкого предложения при превышающем его спросе.

Таким образом, даже при большом населении продовольственный потенциал может быть высоким, если предложение отвечает спросу (все надежно накормлены). Граница проходит там, где предложение начинает

снижаться. Даже при депопуляции продовольственный потенциал может быть низким (еды не хватает и на сократившееся население). Переход к высокому потенциалу имеет место тогда, когда бурно начинается освоение новых (или ранее заброшенных) земель (Рис. 2):

Рис. 2. Области значений высокого и низкого продовольственного потенциала в отношении к основным фазам модели экосоциального цикла в рамках структурно-демографической теории

Модель динамики ресурсного баланса

Вторая весьма продуктивная модель структурно-демографической теории – это учет распределения ресурсов в структуре государство – элита – народ (Нефедов 2005: 26–30). Данная модель является пока недотеоретизированной: нет эксплицитных переменных, значения которых можно отслеживать.

Чтобы охватить единым знаменателем огромное историческое разнообразие взаимоотношений системы «государство – элита – народ», построим переменную «ресурсный баланс». Общая идея проста: любой перекос в распределении ресурсов в данной структуре дисфункционален. Наибольшую опасность представляют системно обусловленные хронические ресурсные дефициты.

Для государства крайняя степень ресурсного дефицита проявляется в пустой казне, большом государственном долге при сильных и требовательных кредиторах, в неспособности должным образом финансировать армию, полицию, чиновников, народное образование и т.д. Ясно, что при

продолжении такого состояния следует ожидать дисфункций и бедствий по всему спектру: проигрываются войны, разгораются мятежи, растет преступность, рушится экономика, нарастает общее недовольство властью, что в конце концов чревато либо переворотом, либо революцией и государственным распадом.

Далеко не всегда благом для государства является избыток ресурсов. Как правило, следствиями такого «привалившего счастья» является резкий рост коррупции и обогащения элит, имеющих доступ к государственным ресурсам, попытки территориальной экспансии, ведущие в конце концов либо к поражениям, либо к чрезмерному расширению, а также резкое снижение эффективности государственных институтов, последующая их деградация. Фатальности здесь нет, поскольку некоторые ответственные, умелые и удачливые правящие группы и элиты способны направить избыток ресурсов либо на более безопасную и выгодную геоэкономическую и геокультурную экспансию (например, на колонизацию новых земель), либо на внутреннее развитие.

Для народа крайняя степень ресурсного дефицита проявляется в голоде, принудительной эксплуатации вплоть до обращения в личное или государственное рабство. В более мягких формах такой дефицит проявляется в отсутствии перспектив и вертикальной мобильности, в перманентно утлых условиях жилья и быта, в общей безысходности. Типичные эффекты такого рода явлений: социальная отчужденность, озлобленность, низкое качество труда, готовность к асоциальной активности, соответствующий рост преступности, бытовое насилие, массовый алкоголизм, неуклонная деградация в поколениях.

Вероятно, лишь в редких случаях большинство *элиты* терпит ресурсный дефицит. При государственном терроре и экспроприации (опричнина), при дисциплинирующих «революциях сверху» (петровская и сталинская мобилизации) часть элиты действительно уничтожается, другая часть страдает, вынуждена соглашаться на более напряженную службу при меньших доходах. Однако это всегда делается руками новой элиты, получающей наряду с правящей группой и государством основной выигрыш от такого перераспределения.

Вообще говоря, если убрать за скобки крайние случаи, то *элита всегда демонстрирует способность восполнить так и ли иначе свои ресурсы.*

На основе этих соображений обозначим полюса переменной «ресурсный баланс» следующим образом.

- Верхний полюс – высокий уровень баланса: достаточность ресурсов у государства для выполнения основных функций, народ освобожден от излишних тягот, люди способны своим трудом существенно повысить свое благосостояние.
- Нижний полюс – разбалансированность: острый дефицит ресурсов у государства, обусловливающий неспособность выполнять основные функции, и/или высокая степень политического и экономического угнетения народа, вызы-

вающая отчуждение, асоциальное поведение и деградацию человеческих качеств.

Что обусловливает динамику колебаний данной переменной? Основной ответ структурно-демографической теории известен: перепроизводство элиты и рост ее аппетитов снижают уровень баланса в периоды относительной стабильности, зато в послекризисные периоды ослабленная элита снижает давление на народ, государство возрождает свои фискальные функции и баланс восстанавливается.

Ресурсный баланс в структуре «государство – элита – народ» повышается или остается высоким при следующих условиях:

- в фазе экосоциального роста, поскольку народ осваивает новые территории; его еще не успели обложить излишними тяготами; сам рост мог начаться только при условии нового консенсуса (негласного контракта) в новой послекризисной конфигурации; государство и элита вынуждены решать проблемы выхода из кризиса, освоения новых или заброшенных территорий, поэтому государственные расходы умеренны, а ответственность и вертикальная мобильность элиты высоки;
- при смене элиты или при регулярных ротациях правящей группы и верхних слоев служилого класса;
- при наличии эффективных механизмов обратной связи, которые позволяют правящей группе и высшему слою служилого класса своевременно получать сигналы об угрозах ресурсного дефицита для государства и для народа, отвечать на них институциональными мерами, а также оценивать адекватность этих мер, изменять стратегию и т.д.

Соответственно, ресурсный баланс в структуре «государство – элита – народ» снижается или остается низким при следующих условиях:

- в фазах сжатия (умеренно), в фазах эскалации кризиса и депрессии (значительно). То, что рост населения и спроса на продовольствие при стагнации предложения ведет к ресурсному дефициту для народа, – вполне очевидно. Кроме того, рост населения всегда вызывает рост государственных издержек, а повышение налогов увеличивает гнет для народа. Для фазы сжатия характерен ускоренный рост элиты, тенденция к перекачиванию ею государственных ресурсов для своих растущих нужд, что обусловливает как дефицит ресурсов у государства, так и рост автономии элиты, снижение ее ответственности и вертикальной мобильности;
- при надежном (в пределе – сословном или даже кастовом) закреплении элитой своих привилегий и слабости контроля над служилым классом; в силу некоего «железного закона бюрократии» укоренившаяся на своем месте элита неизбежно, особенно при смене поколений, начинает заботиться гораздо больше о своих интересах, а не о государственных;
- при отсутствии (разрушении, устаревании) механизмов обратной связи, которые позволяли бы правящей группе и высшему слою служилого класса распо-

знавать угрозы ресурсного дефицита для государства и народа и своевременно проводить институциональные реформы.

Предположительное соотношение характеристики ресурсного баланса с основными фазами экосоциального цикла показаны на Рис. 3:

Рис. 3. Баланс и разбалансировка распределения ресурсов в структуре «государство – элита – народ» в пространстве динамики экосоциальных циклов

Теперь совместим основные переменные, выделенные в структурно-демографической теории: продовольственный потенциал и ресурсный баланс. В этом параметрическом пространстве также можно разместить фазы экосоциального цикла (Рис. 4):

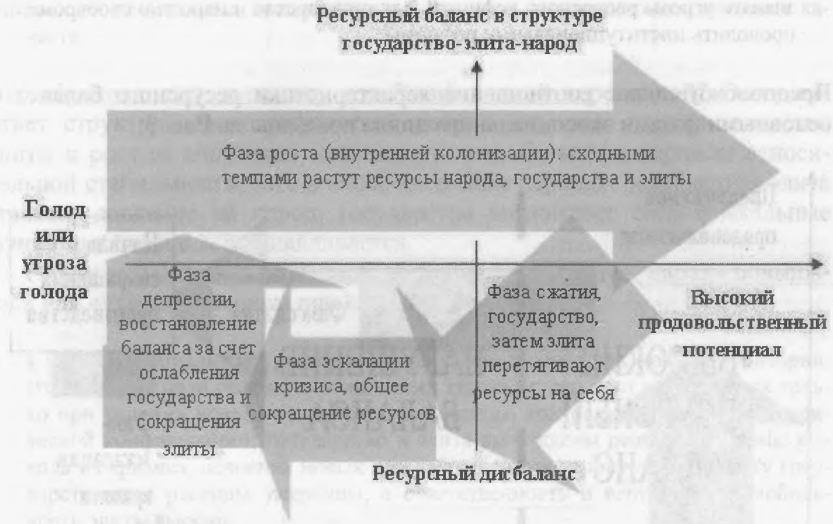


Рис. 4. Фазы экосоциального цикла как механизмы сдвигов баланса в структуре «государство – элита – народ» в параметрическом пространстве ресурсный баланс / продовольственный потенциал

Воздействие экосоциальной динамики на такты российских циклов

Рассмотрим предположения о воздействии фактора продовольственного потенциала на динамику социально-политических циклов.

Текст нижеследующего раздела был написан *до* знакомства со статьями Б. Н. Миронова и С. А. Нефедова. Тем более любопытно будет сопоставить приведенные в нем положения с тезисами спорящих сторон.

Такт «Стагнация» способен принимать существенно различные формы: охранительство с неуклонным разложением государства, турбулентность со взлетами и падениями, прерванные или относительно успешные институциональные реформы. Сама стагнация, вероятно, возможна только при относительно высоком (но не растущем) продовольственном потенциале. Высокий продовольственный потенциал в целом стабилизирует ситуацию, оттягивает кризис, позволяет не проводить особых реформ.

Остается неясным главный источник кризисогенных тенденций. Либо это сугубо демографические и экологические факторы (рост населения, рост спроса на продовольствие, малоземелье, перепроизводство элиты и пр.), либо это факторы, связанные с действием социального механизма (рост аппетитов правящей группы и служилого класса, перераспределение ими мобилизованных государственных ресурсов в свою пользу, рост уг-

нетения простонародья). Наиболее вероятно, что работают и усиливают друг друга обе группы факторов.

В такте «Социально-политический кризис» значительный продовольственный потенциал смягчает кризис, способствует успеху его разрешения; снижает вероятность смены власти и режима; вероятно, такие кризисы носят внутритактовый характер (турбулентность в рамках тактов «Мобилизация» или «Стагнация»).

Не просматривается серьезных причин внутренних социальных конфликтов при высоком или растущем продовольственном потенциале; зато кризис может вполне иметь внешнеполитическую природу из-за того, что высокий потенциал не был адекватно конвертирован в развитие армии и вооружений.

Низкий продовольственный потенциал (реальная опасность голода) может вызывать социально-политические кризисы, обостряет и продлевает их. Падение продовольственного предложения, фаза депрессии резко повышают вероятность смены власти и режима.

Голод или угроза голода обостряют конфликт, причем выигрывает та группа (прежняя или новая), которая оказывается способна, пусть жесткими мерами, наладить продовольственное снабжение силовых структур, а также населения столицы и крупнейших городов.

Получаем следующее расположение тактов социально-политической динамики в пространстве модели спрос/предложение продовольствия (Рис. 5):

Рис. 5. Совмещение фаз экосоциальных циклов и тактов социально-политических циклов в пространстве модели спрос/предложение продовольствия

Такты российских циклов также можно расположить в параметрическом пространстве «ресурсный баланс / продовольственный потенциал» (Рис. 6):

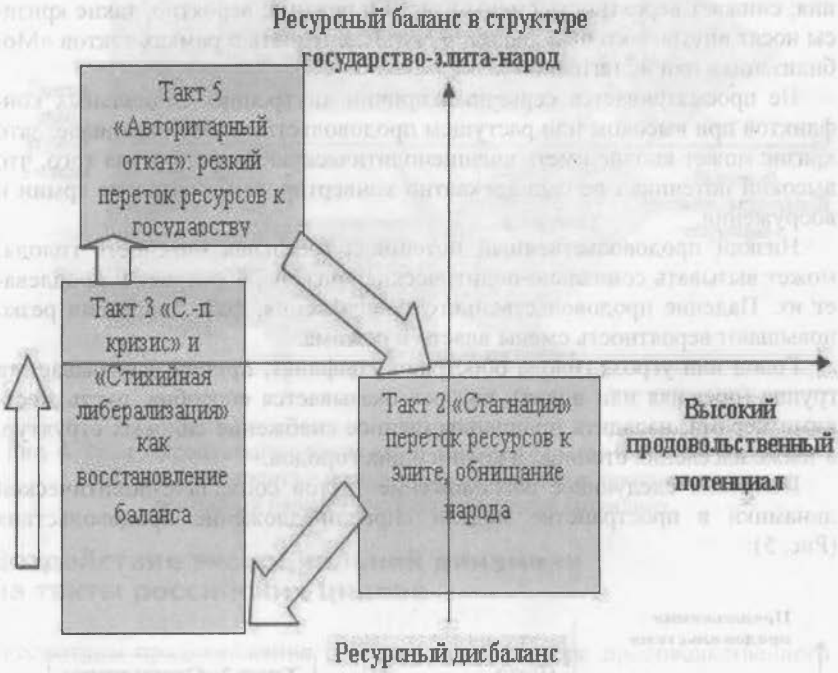


Рис. 6. Такты циклов социально-политической динамики России в параметрическом пространстве продовольственный потенциал / ресурсный баланс

Несложно заметить общее структурное подобие схем, представленных на Рис. 1, 2, 5 и 6. Экосоциальная и социально-политическая динамики в целом проходят сходные циклы, вероятно, дополняют и подкрепляют друг друга.

Рассмотрим теперь предположительное соотнесение баланса ресурсов с тактами социально-политической динамики.

- Общий тренд такта «Стагнация» — перетекание ресурсов от государства к элите (правящим группам, высшим слоям служилого класса и силовых структур); разнообразие в рамках такта во многом обусловливается характером и уровнем экономической эксплуатации простонародья: при чрезмерной нагрузке новые успехи мобилизации чередуются с голодом и бунтами (турбулент-

ность), при создании условий для сохранения и накопления ресурсов наступает полоса относительной стабильности и благополучия.

- Ресурсная основа глубоких социально-политических «Кризисов» — перепроизводство элиты, рост аппетитов и последующей конфликтности элиты, обострение дефицита ресурсов у государства (не хватает для удержания контроля) и/или у простонародья (гнет и лишения становятся невыносимыми, либо после подъема и надежд наступает разочарование); характер протекания и разрешения кризиса во многом определяется доминирующим способом восстановления хотя бы относительного баланса:

  - государство в союзе с элитой совершает перераспределение в свою пользу → «Авторитарный откат»;
  - государство снижает нагрузку податей и налогов → «Либерализация»;
  - простонародье в союзе с частью элиты насильственным образом захватывает ресурсы → эскалация «Кризиса», в пределе — социальная революция, гражданская война, государственный распад, смена власти и режима.

Сопоставление теоретических моделей с эмпирическим спором

Квантификация и фундирование эмпирическими данными введенных понятий продовольственного потенциала и ресурсного баланса – дело будущего. Рассмотрим вначале, как видится общий ход пореформенной российской истории в контексте динамики ресурсного баланса, продовольственного потенциала и пятитактовых циклов.

Здесь нас будут интересовать только два такта – «Стагнация» и «Кризис». То, что революции 1905–1907 гг. и 1917 г. являлись глубокими социально-политическими кризисами (приведшими прежнюю имперскую систему к распаду), вряд ли может быть оспорено. Сомнения может вызывать квалификация пореформенного периода (особенно со времени авторитарного отката – реакции Александра III) как стагнации. Чтобы не заводить лишнего спора, максимально расширим содержание этого такта (вплоть до «Стабильности»), что не исключает временных улучшений, модернизации, административного, социального и технологического развития, но не ведет ни к явному государственному успеху (как при такте «Мобилизация»), ни к явному упадку (как при такте «Кризис»).

Поражение в Крымской войне объяснимо как выражение ресурсного дисбаланса — дефицита ресурсов у государства, которое не смогло противопоставить англо-французским силам ни современного флота, ни транспортной инфраструктуры, ни достаточного уровня вооружения.

Великие реформы, очевидно, имели статус либерализации (крестьяне получили личную свободу, земства получили больше прав и т.д.). Пресловутая «половинчатость» реформ объясняется главной подспудной задачей верховной власти и реформаторов: восстановить ресурсный баланс в

пользу государства, вставшего на путь догоняющей модернизации. При этом интересы помещиков как весьма влиятельной группы, тесно связанной и пересекающейся с высшими и средними слоями чиновничества и офицерства, были максимально сохранены. Груз обеспечения модернизации неявным образом был переложен на плечи «освобожденного» крестьянства (пусть и с рассрочкой). Такое увеличение пресса со стороны союза государства и элиты по отношению к народу характерно в большей мере для такта «Авторитарный откат». После убийства Александра II Освободителя этот откат уже проявился в явной форме – как реакция при Александре III.

Волна железнодорожного строительства, развития горного дела и индустриализации, военная экспансия на Балканах и в Средней Азии с формированием «Союза трех императоров» и пр. имеет некоторые признаки «Успешной мобилизации» (очевидный экономический и технологический прогресс, расширение территории, восстановление международного престижа), однако лишена одной из главных характеристик этого такта. Не наблюдалось устойчивой консолидации влиятельных групп, снижения социальной напряженности и конфликтности, эффекта *социального резонанса,* при котором разные социальные группы и слои получают свою значимую отдачу от общей деятельности и преисполнены энтузиазма (что в большой мере имело место при петровской, екатерининской и даже сталинской мобилизации). Вместо этого наблюдались народнические движения, позже переродившиеся в террористические и революционные, а также неутихающие крестьянские волнения, поднимающееся рабочее движение, широчайшие антиправительственные настроения среди студенчества и интеллигенции.

Таким образом, данный период следует характеризовать как «Стагнацию», но для нее, согласно нашей модели, характерны рост численности элиты, рост потребления элиты и ее деградация, сдвиг ресурсного баланса в ее пользу за счет как народа, так и государства. С. А. Нефедов приводит весьма красноречивое подтверждение:

> «Возьмем для примера данные за 1907 г. В этом году было вывезено хлеба на 431 млн руб.; взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов (в основном для тех же помещиков) на 180 млн руб. и примерно 140 млн руб. составили расходы русских за границей – дело в том, что часть русской аристократии практически постоянно жила за границей. Для сравнения: в том же году было ввезено машин и промышленного оборудования на 40 млн руб., сельскохозяйственной техники – на 18 млн руб. (Ежегодник России… 1910: 191–193; Покровский 1947: 383). Таким образом, помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта» (см. выше первую статью С. А. Нефедова, с. 43).

В целом же грубое сопоставление состояния продовольственного потенциала и ресурсного баланса с данными, приводимыми Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым, приводит к следующим предположениям:

1. В пореформенный период *продовольственный потенциал*, несмотря на некоторые колебания, *существенно снижался* вследствие действия двух главных факторов: роста населения (благодаря распространению европейских санитарных технологий), сопровождаемого ростом спроса на продовольствие, и роста экспорта зерна и других продуктов питания, производимого как помещиками, так и государством.
2. Также *снижался и ресурсный баланс*: ресурсы перетекали от крестьян как к государству (ведшему массированную политику строительства железных дорог и индустриализации), так и к элитам (помещикам, сумевшим благодаря кабальному для крестьян характеру реформ и «вывозным» железным дорогам увеличить экспорт зерна и других ресурсов).
3. Согласно модели (см. Рис. 5), одновременное снижение продовольственного потенциала и ресурсного баланса ведет к переходу от такта 2 «Стагнация» к такту 3 «Кризис», что и происходило в начале XX в. в более чем явном и весьма трагическом виде.

Общий вывод: *позиция С. А. Нефедова представляется более теоретически обоснованной.*

Есть ли своя правда в аргументации Б. Н. Миронова и его союзников в данном споре (А. Л. Шапиро, П. Г. Рындзюнского, А. С. Нифонтова, М. А. Давыдова)? Пожалуй, есть.

Во-первых, тезис о стагнации с ростом турбулентности в конце XIX – начале XX вв. не распространяется на предшествующие десятилетия и столетия истории России. Достаточно очевидно, что никакого монотонного тренда «абсолютного и относительного обнищания народа» не было, а были волны, подъемы и падения, в полном соответствии как со структурно-демографической теорией, так и с приведенной выше пятитактовой моделью российских циклов.

Во-вторых, трудно отвергать позитивные эффекты реформ Витте и Столыпина, в том числе и для положения крестьянства (особенно в части развития транспортной инфраструктуры, переселенческой политики и т. п.). Столыпин очевидным образом боролся именно с эффектами мальтузианского кризиса перенаселенности, характерного для центральных губерний.

Вообще говоря, противоречивый и турбулентный такт «Стагнация» нередко включает процессы и тренды противоположной направленности. Одни авторы указывают на эти процессы, другие – на те. Преобладание «позитивных» и «негативных» трендов определяется по тому, как страна встречает очередной вызов – голод или войну. Сплочение, появление новых лидеров, быстрое развитие новых институтов и практик приводят к восстановлению и победам. Эскалация конфликтов, взаимное насилие,

распад обычных функций и режимов приводят к тяжелым кризисам и в пределе – к распаду.

Эскалация кризисов 1900, 1905–1907 и 1916–1917 гг. вполне убедительно свидетельствует о том, какие тренды побеждали.

Концептуальный подход имеет сильные ограничения. Сделанные в его рамках качественные и структурные суждения имеют гипотетический характер и требуют эмпирической проверки. В данном случае следует научиться замерять продовольственный потенциал и ресурсный баланс, проверить гипотезу о снижении значений по этим переменным в России в вышеозначенный период. Еще более сложная и амбициозная задача носит уже теоретический характер: выявить роль и «вес» снижения продовольственного потенциала и ресурсного баланса для обеих русских революций и характера их исходов.

Очевидно вмешательство в эти процессы также геополитической динамики (участие России в войнах), геоэкономической динамики (роль экспорта продовольствия, иностранных кредитов и политической зависимости от стран-кредиторов) и геокультурной динамики (заимствование как либерально-конституционных, так и радикальных левых идей из европейских центров интеллектуального престижа). Чтобы выделить сложную взаимосвязь этих факторов и динамик, отличить закономерное от «случайно» сложившегося, необходимы не только и не столько новые источники и данные (неизбывный фетиш традиционной истории), сколько специальная концептуальная и теоретическая работа. Но это уже отдельная тема.

Библиография

Вишневский Р. В. 1997. Модернизационные циклы в истории России. *Теория предвидения и будущее России. Материалы V Кондратьевских чтений.* М. Интернет-публикация на сайте: ss.xsp.ru.

Гемпель К. 2000. Функция общих законов в истории. *Время мира.* Вып. 1. *Историческая макросоциология в XX веке.* Новосибирск.

Дубовцев В. А., Розов Н. С. 2007. Природа «русской власти»: от метафор – к концепции. *Полис* 3: 8–23.

Ежегодник России... 1910 . *Ежегодник России 1909 г.* СПб: ЦСК МВД.

Лакатос И. 1995. Методология научных исследовательских программ. *Вопросы философии* 4: 135–153.

Миронов Б. Н. 1999. *Социальная история России:* в 2 т. СПб.

Нефедов С. А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России.* Екатеринбург: УГГУ.

Пантин В. И., Лапкин В. В. 1998. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы. *Проблемы и суждения* 2.

Покровский С. А. 1947. *Внешняя торговля и внешняя политика России.* М.: Международная книга.

Поппер К. 1983. *Логика и рост научного знания.* М.

Розов Н. С. 2001. (Ред.). *Разработка и апробация метода теоретической истории.* Вып. 1. Новосибирск: Наука.
Розов Н. С. 2002. *Философия и теория истории.* Кн. 1. *Пролегомены.* М.
Розов Н. С. 2006. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? *Полис* 2.
Янов А. Л. 1997. *Тень Грозного царя. Загадки русской истории.* М.

Hellie R. 2005. The Structure of Russian Imperial History. *History and Theory. Studies in the Philosophy of History* 44/4.
Stinchcombe A. 1987. *Constructing Social Theories.* Chicago: The University of Chicago Press.

Аннотация

Спор о приложимости неомальтузианской теории к предреволюционному периоду российской истории и о причинах русских революций начала XX в. рассмотрен в аспекте *пятитактовой модели циклической динамики* («Успешная мобилизация», «Стагнация», «Кризис», «Либерализация», «Авторитарный откат»). Введены две базовые переменные для анализа экосоциальной динамики: *продовольственный потенциал* и *ресурсный баланс*, показаны возможности их совместного использования, связи с циклической моделью. Сопоставление этих понятий с реалиями российской истории конца XIX – начала XX вв. позволяет квалифицировать данный период как «Стагнацию» с внутренними противоречивыми движениями и волнами, но общим закономерным соскальзыванием к «Кризису». Преобладание «позитивных» и «негативных» трендов определяется по тому, как страна встречает очередной вызов: голод или войну. Российская империя, как известно, с кризисом 1916–1917 гг. не справилась.

Исторические формы мальтузианского кризиса

Л. Г. Бадалян, В. Ф. Криворотов

Введение

Ниже мы определяем мальтузианские ножницы как давление на популяцию со стороны системного недостатка ресурсов. Согласно нашему анализу, характер этого явления качественно смещается при движении от центра к периферии, с крайним различием их откликов на мальтузианский шок. Выделима также грань между античностью/Средними веками и Новым временем, прежде всего, в качественно различающейся скорости разворачивания событий. К ее рассмотрению мы вернемся в конце комментария.

Историческая статистика указывает на значительный материальный прогресс при приближении к Новому времени. Например, начиная с 1850-х гг. на Западе, невзирая на периодические кризисы, порой достаточно суровые, отмечен выраженный рост пропорции между заработной платой и рентой (Clark 2007; Findlay, O'Rourke 2008). Это считается подтверждением того, что по мере индустриализации западные общества в целом вышли из мальтузианского тупика. Подчеркнем, что это ни в коей мере не означает исчезновения эпизодов ресурсного голода.

Ресурсное голодание и демографические отклики центра и периферии

Согласно нашему анализу, периодическое истощение ресурсов более развитого центра толкало тогдашнего лидера к выходу на периферию в поисках дешевых ресурсов и труда. Это не приводило к автоматическому перенесению туда уровня благосостояния или типа социального устройства, характерного для центра. Дело в том, что разделение на центр и периферию не случайно. Оно возникало, отражая историческую реальность значительно меньшей продуктивности территории периферии с точки зрения ведущих технологий и социальных институтов тогдашнего центра. Ее время может прийти, но, как правило, много позже, с появлением адекватных технологий освоения. До поры до времени это в известной мере компенсируется значительно большим размером вовлекаемой территории и появлением массивных резервов дешевого труда.

Этот типичный ответ становится возможным по причине сравнительной дешевизны воспроизводства на периферии по сравнению с центром. К тому моменту, как правило, технологии центра хорошо отлажены в их естественной природной зоне, они шкалируемы и переносимы на совершенно другой регион. Приход их на периферию производит демографический бум ровно тогда, когда цифры воспроизводства в центре начинают падать по мере роста ресурсной недостаточности и «вымывания» рабочих мест на фоне роста дороговизны семьи и воспитания детей.

Возникающие в результате эффекты демографического дисбаланса хорошо известны и отмечены в начале многих специфических периодов истории. Например, сегодня хорошо выражена разница в темпах воспроизводства между Европой, включая Россию, и исламским миром, разбуженным по мере роста важности энергетических ресурсов. Аналогичный дисбаланс между старым центром и пробуждающейся периферией имел место также в XIX в. После поражения в наполеоновских войнах Франция, бывший доминант, возобновила демографический рост только после Второй мировой войны и образования Европейского сообщества. Параллельно с демографической стагнацией Франции молодая индустриализующаяся Британия вошла в период активного воспроизводства. В течение столетия население острова выросло более чем в четыре раза, не учитывая значительной эмиграции в колонии. В своих работах мы связываем это с переходом от раннеиндустриального общества парусника и мануфактуры, где Франция являлась доминантом, к индустриальному обществу пара и угля, выдвинувшему Британию.

Монетизация как средство ускорения оборота между центром и периферией

Быстрый рост территории освоения на фоне резкого падения ее продуктивности типичным образом приводил к росту монетизации. Это позволяло увеличить отдачу от бедной или истощенной территории за счет ускорения оборота. Проиллюстрируем это на таком достаточно неожиданном примере, как Столетняя война между Британией и Францией в XIV–XV вв. Вплоть до начала XIV в., отметившего полное истощение модели Средневековья по мере достижения пределов распашек, Франция доминировала и была на взлете. Страна росла на колоссальных природных богатствах плодородной почвы, лесов и полноводных рек. Леса были в целом сведены в XII в., исчерпав возможности прироста. Возникшее перенаселение в значительной степени компенсировалось крестовыми походами, начавшимися в конце XI в., но продолжившимися и после того, с завоеванием Лангедока (катары и альбигойцы), движением на славянские земли и т.п. Начиная с декады непрерывного дождя и неурожая в начале века и Великой чумы 1348 г. скрытые резервы были в целом исчерпаны. XIV в.

печально известен в истории из-за невероятной разрухи и резкого увеличения смертности на фоне регулярных эпидемических и иных природных катаклизмов.

Можно утверждать, что в значительной своей части они имели мальтузианские корни, связанные с аграрным перенаселением. К тому моменту были распаханы даже самые непродуктивные земли, в целом не обеспечивавшие возврата затраченного труда. После катастрофического эпизода вымирания в 1348 г. эти земли были заброшены в залежь и по сей день остаются нераспаханы. Даже это вымирание вряд ли принесло значительное облегчение. Многие исследователи считают, что потребление низших классов улучшилось после катастрофических эпизодов летальности и сокращения аграрного перенаселения, но только в крайне незначительной мере, в связи с длительностью социального неустройства.

Изрядная часть населения была вырвана из производства войнами, таким образом была решена проблема скрытой безработицы. Многие объединились в шайки наемников и кормились за счет грабежа. Парадоксальным образом это привело к резкому росту скорости оборота и уровня монетизации, а также взлету потребления со стороны высших классов. Бандиты могли существовать только в рамках монетарной экономики. Не нуждаясь, например, в экспроприированном ими крестьянском инвентаре, они немедленно продавали его на рынке такому же крестьянину, зачастую не один раз.

Параллельно высокая смертность привела к замене барщины на денежный оброк. Рост роскоши высших классов шел на фоне классовой поляризации общества и периодических социальных взрывов-жакерий. После мальтузианского шока чисто аграрное общество Средневековья не было восстановлено никогда, даже после снятия остроты аграрного перенаселения. При этом лес не вернулся на земли, оставленные в залежи. Взамен возникли луга, полностью изменив пейзаж Европы. По мере отработки технологий улучшения земли и осушения болот они были превращены в пастбища, основу для производства шерсти, важного сырья для следующей эпохи раннеиндустриального общества и его мануфактур.

Конечный эпизод Средневековья характеризуется периодом сверххищничества и поляризации населения по доходам на фоне экстраординарного роста монетизации. Началась т. н. революция цен XV–XVI вв., сперва на базе саксонского серебра (развитые технологии глубоких шахт и ртутной амальгамации), потом африканского золота, привезенного португальскими кораблями, и, наконец, с XVI в. пошли испанские галеоны из Америки. Колоссальный рост обращения золота и серебра сопровождался инфляцией и монетарной нестабильностью на фоне банкротств испанской короны.

Парадоксальным образом, за вычетом драматических эпизодов вымирания, ставших нехарактерными после 1850-х гг., это изрядно напоминает

наше время зрелой нефтяной экономики, где лидирует США. Как известно, монетизация сегодня достигла своих вершин, произведя такие экзотические явления, как т. н. «финансовые инструменты», практически не имеющие ликвидного залога, а также покупки компаний полностью в долг, опираясь на силу их собственного баланса. В итоге здание более чем в сто триллионов и, по некоторым оценкам, вплоть до квадриллиона обязательств было возведено на таком хлипком основании, как малоликвидный рынок недвижимости США. Это привело к теперешнему кредитному кризису, остановив торговые потоки глобализации при распространении из своего центра в США.

Эпизоды мальтузианского шока в истории и их разрешение

После 1850-х гг. и практического исчезновения периодов голода с массивной летальностью известно по меньшей мере несколько «мальтузианских» эпизодов. Среди них первый кондратьевский пик угля 1860-х гг., второй пик угля в 1913 г., двойной нефтяной шок 1970-х – 1980-х гг. Каждый из них приносил крупные социальные изменения масштаба войн и революций, приводя к физическому «списанию» старых технологий и инфраструктур. В конечном итоге мальтузианские проблемы ресурсных нехваток разрешались за счет внедрения новых технологий, позволяющих освоить новую территорию на периферии. Вводились в оборот новые виды ресурсов, чье использование было затруднено или невозможно на уровне более ранних технологий.

Примеры шоков нового времени показывают качественное изменение характера мальтузианского эпизода (*event*) по сравнению с древностью и Средневековьем. Темпы технологического прогресса значительно убыстряются (см., например: Коротаев, Малков, Халтурина 2005*б*, 2007; Коротаев 2006*б*; Коротаев, Гринин 2007). По крайней мере, в западном обществе технологии занимают ведущие позиции в формировании социальных институтов «под себя». В результате мальтузианский эпизод приобретает новый характер – относительно короткого, но тяжелого шока в отличие от длительных, изнурительных и крайне летальных периодов вплоть до XIX в. См., например, такие ограниченные по длине эпизоды, как нефтяной шок 1980-х гг. или даже Первую мировую войну.

При этом мальтузианское событие сохранило способность к резкому высвобождению крупного запаса ресурсов, несмотря на нетипичность длительного голодания и высокой летальности, более характерных для мальтузианских кризисов древности/Средневековья. Двойной нефтяной шок 1980-х гг., который привел к крупнейшему в современной истории оттоку ресурсов Запада в сторону освоения развивающегося мира с целью изъятия ресурсов и труда, как известно, не был связан со значительным

кровопролитием и утерей жизней, длительным голодом (вне пределов Африки), генетическими изменениями и т. п. Дело «обошлось» вьетнамской и Афганской войнами. Они уменьшили людские потери за счет переноса конфликта между СССР и США на периферию.

Открытая система – причина роста рождаемости на периферии

В истории падение потребления в ответ на ресурсный голод далеко не всегда и не везде приводило к падению рождаемости в качестве мальтузианского отклика популяции. В отдельных точках роста ответ прямо противоположный. Например, демографический рост Британии традиционно датируется с периода «огораживания», связываемого с падением подушевого потребления низших классов. Несмотря на хроническое недопотребление, их размножение только усилилось в процессе последующей индустриализации по мере роста британского могущества и оборвалось только после Первой мировой войны. Место Британии под демографическим солнцем в XX в. заняли США с их невероятным скачком роста во всех направлениях, включая демографию. Как известно, рост США шел на фоне падения мощи Британии после Первой мировой. Страна стала доминантом после Второй мировой. В настоящее время наблюдается очередной качественный сдвиг демографической ситуации: демографический спад индустриализованного Запада, включая Россию, Украину и Прибалтику, на фоне роста Востока – развивающегося мира, что указывает на его потенциал.

Как видим, историческая практика многих стран и народов показывает, что демографические процессы синхронны росту и падению экономической и политической мощи стран и регионов. Мальтузианское давление – неотвратимый, но не слишком прямолинейный фактор. Падение подушевого потребления далеко не всегда приводит к снижению уровня воспроизводства. Ситуация, как правило, менее однозначна, но не теряет при этом жесткости экономического императива.

При определенных условиях перенаселение, даже сопровождаемое падением потребления, исторически приводило не к падению, а наоборот, к вспышке рождаемости, часто сопровождаемой эпизодом «прореживания». Рост рождаемости, несмотря на ужесточение мальтузианского давления, вызывается нарушением ограничений закрытой системы с жестко ограниченной несущей способностью земли. При появлении возможности выхода наружу система открывается и демографическое давление приводит к активному оттоку «лишних» людей. Начинается самогенерирующийся процесс с нелинейным усилением, поскольку само наличие оттока наружу (в новую систему расселения) зачастую увеличивает шансы выживания для оставшихся на местах. Тем временем приток ресурсов извне стимули-

рует рост уровня рождаемости. Такие ресурсы могут включать: почтовые переводы домой от мигрантов сегодня или отходников в России начала XX в.; торговлю античных греческих колоний в Крыму с метрополией, обеспечение ее поставками черноморского хлеба; торговлю энергетическими ресурсами Ближнего Востока со следующим оттуда ростом рождаемости/выживаемости на фоне социального размежевания, роста недовольства и взрывоопасности низов.

Начавшийся отток населения и экономические последствия его выселения на вдруг открывшиеся для освоения территории – будь то бурно индустриализующийся город, заморская колония или земля, что не родила раньше, но может начать производить при появлении новых технологий или повышении ценности ее ресурсов – типичным образом стимулирует рождаемость, особенно среди низших классов. Работает экономический императив – к повышению уровня воспроизводства побуждает дешевизна воспитания ребенка по сравнению с потенциалом высокой отдачи от его труда[1]. Таким образом, появление новой ниши для заселения и/или нового рода хозяйственной деятельности характерным образом вызывает демографический бум. Он дополнительно усиливается за счет роста уровня выживания по мере распространения лучших стандартов и технологий времени на периферию. В дальнейшем в точном соответствии с тем, как выразил это Мальтус, «лишние» люди, как правило, «прореживаются» в процессе войн и революций.

---

[1] В монографии, выходящей в издательстве «УРСС» в этом году (Бадалян, Криворотов 2009*б*: Приложение Б), представлена волновая модель воспроизводства популяции и ее аппроксимация уравнениями типа Лотки – Вольтерра для прояснения концептуальных противоречий двух подходов, известных в демографии как экономический и демографический императивы. Модель объясняет противоположные тренды роста «бедных» и «богатых» групп населения на единой концептуальной основе типов их воспроизводства. Показывается плодотворность подхода для объяснения ряда запутанных и, казалось бы, никак не связанных между собой вопросов демографии и экономической истории. К ним относятся проблема т.н. демографического перехода/перелома, представленная известными работами С. П. Капицы (1992, 1999), а также А. В. Коротаева (2006*б*, 2007; Коротаев, Малков, Халтурина 2005*а*, 2005*б*, 2007; Коротаев, Гринин 2007), вопросы демографического дисбаланса и роста избыточного населения, связанных с периодическими вспышками социальных революций, наблюдаемыми в истории (Бадалян, Криворотов 2005, 2006, 2007*а*, 2007*б*, 2007*в*, 2008*а*, 2008*б*, 2008*в*, 2008*г*, 2008*д*, 2009*а*, 2009*б*; Badalian, Krivorotov 2006, 2007, 2008, 2009*a*, 2009*b*, 2009*c*) и др. Для объяснения указанных явлений производится аппроксимация волновой модели к варианту Вольтера – Лотки, которая в стационарном случае сводится к простому уравнению:

$$dN/dt = [H(N) : \hbar(N)] \times N,$$

где N – население,

$H(N)$ – отдача с популяционной единицы, идущая на репродукцию (часть зарплаты, рабочего время и т. п., связанная с рождением и воспитанием детей),

$\hbar(N)$ – квант воспроизводства или затраты на репродукцию новой единицы популяции (сколько «стоит» ребенок).

Закрытая система и падение рождаемости в центре

В свою очередь, падение рождаемости у стареющего доминанта показывает также и работу второй части мальтузианской парадигмы, относящейся к верхам. Пребывание в рамках своей закрытой системы (ибо выход за ее пределы означает рост неустроенности) не предоставляет новых возможностей и, как правило, приводит к понижению уровня жизни – обеспеченные слои обычно сокращают свою рождаемость. Это связано с удорожанием «стоимости» ребенка на фоне падения его экономической отдачи даже в условиях высокого уровня жизни. Экономическое давление на уровень воспроизводства в равной степени работало для римских аристократов и плебса поздней империи на фоне безудержно плодящихся варваров. Это остается справедливым для современного среднего класса Запада.

Несмотря на общий рост благосостояния, снижается стабильность системы, увеличивая опасность принятия на себя обязательств, включая семью и деторождение. С одной стороны, растет стоимость содержания ребенка при общем росте конкуренции за ограниченное количество рабочих мест и условий, стимулирующих рост скрытой незанятости по мере ухода производства за рубеж. Аутсорсинг имел место в Римской империи, где привел к катастрофической депопуляции Кампаньи, несмотря на экономические стимулы со стороны императоров, начиная с Адриана. Он не менее характерен для современности, параллельно с крушением Американской Мечты. С другой стороны, по мере роста платежей в государственные и частные структуры соцстрахования снижается способность детей принимать участие в поддержании родителей пенсионного возраста. Обе тенденции приводят к падению рождаемости коренного населения, открывающего простор для вселения новых этнических групп.

Недостаточность анализа закрытой системы для ситуации периферии – Россия начала XX в. или Британия на пороге индустриальной эпохи

Представляется, что анализ закрытой системы, предоставленный С. А. Нефедовым и Б. Н. Мироновым, может оказаться недостаточным для выявления всей полноты картины. В России рубежа веков происходил значительный отток населения в города. Работали два системных фактора. В обычной ситуации российской деревни, вне контакта с тогдашним центром Западной Европы, размножение, превышающее пределы несущей способности земли, необходимым образом привело бы к вымиранию. Последнее тут же откорректировало бы напряженную демографическую ситуацию. Однако система была открытой, поскольку имелась возможность

оттока в города или, потенциально, на заселение Сибири (по оценкам, около 10 миллионов семей), а также завоеванных территорий на востоке страны. Поэтому вместо демографической коррекции, отложенной до достижения инфляционного пика в 1913 г. (и сразу вслед за этим Первой мировой войны), произошел демографический бум. Аналогичная ситуация наблюдалась также в Британии начиная с периода огораживания, по характеру напоминающего российские «отрезки». Демографический рост резко усилился в процессе индустриализации и расширения Британской империи, над которой «не заходило солнце». Сила популяционного взрыва никак не была подорвана хорошо известной негуманностью по отношению к низшим классам, которых загоняли в работные дома, использовали как пушечное мясо в процессе имперских завоеваний и ссылали на заморскую каторгу за малейшие преступления.

До известной степени рост стимулировался ростом налогообложения членов имущего класса; в частности т. н. налог на бедных использовался для поддержания семей с детьми в масштабах прихода. Несмотря на крайне низкий размер таких пособий, считается, что они значительно стимулировали рождаемость. Однако эти пособия имели скрытую причину в соображениях занятости, которая и представляется основным фактором. В отсутствие работы для мужчин пособия на детей и зарплата за детский и женский труд часто становились единственным способом выжить, стимулируя в качестве побочного эффекта активное размножение.

Как видим, типичный мальтузианский отклик приводит к росту населения на пробуждающейся периферии на фоне падения воспроизводства в центре. В дальнейшем коррекции происходят ровно по рецепту Мальтуса, за счет роста смертности в войнах и эпидемиях для низших классов, а также самоограничения рождаемости более обеспеченных слоев населения в центре, поскольку они стремятся сохранить свой образ жизни.

Мальтузианский водораздел по линии индустриальной революции

Основная разница между древностью/Средневековьем и индустриализованным обществом состоит в продолжительности мальтузианского шока. В древности он занимал значительно более длительные периоды времени из-за крайней медлительности технологических преобразований. В обществах древности/Средневековья технологические сдвиги, растягиваясь по времени, играли в целом второстепенную роль по сравнению с намного более быстрыми социальными трансформациями. Поэтому периоды неурядиц часто разрешались великими переселениями, а энергия социального протеста канализировалась скорее в крушение империй, чем в революционный бунт.

В конечном счете именно технологические преобразования по мере инкорпорирования их в социальную ткань позволяли выйти на новый ресурсный рубеж. В этом видится природа династических циклов (с характерной для них тенденцией к восстановлению старого социального устройства по мере включения новых технологий [см., например: Нефедов 2002, 2005, 2007; Нефедов, Турчин 2007; Турчин 2007*а*; Turchin 2003; Turchin, Nefedov 2009; Коротаев 2006*а*]). Расширение несущей способности земли обычно происходило за счет роста обрабатываемой территории в условиях технологического скачка и роста эффективности использования территории, которая ранее считалась неудобьями (см., например: Коротаев, Малков, Халтурина 2005*а*; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007).

Это все касается макроуровня социально-экономических институтов. На микроуровне повседневной человеческой жизни это отражается более или менее длительным периодом кризиса, который в случае древности мог приводить к хроническому голоданию. Длительность периодов кризиса между техно-социальными эпохами до 1850-х гг. могла оказаться достаточно большой для того, чтоб оказать влияние на базовые антропологические показатели (включая такие, как средний рост человека). Однако эти показатели, как правило, слабо реагируют на короткие шоки острых недостач, более характерные для современности.

Заключение

Можно утверждать, что, каким бы парадоксальным это ни казалось, резкие социальные изменения, как правило, приводили к росту рождаемости на быстро меняющейся периферии на фоне сокращения рождаемости в стагнирующем, хоть и богатом центре. Это представляет собой форму выживания популяции через заполнение всех возможных ниш и служит компенсацией за рост риска нестабильности, который может, но не обязан отражаться в росте смертности. Хотелось бы включить этот фактор в рассмотрение предреволюционной России, где происходили бурные изменения социальной ткани по мере роста занятости и расширения производства под влиянием индустриализации в Европе.

Библиография

Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2005. *Волны Кондратьева и техноценозы.* Б. м.: изд. Фонда Кондратьева – Сорокина.

Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2006. Модель эволюционной самокоррекции экономики. *Василий Леонтьев: Документы, воспоминания, статьи* / Ред. В. В. Окрепилов. СПб.: Гуманистика. С. 222–240.

Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2007*а*. Эволюционная история: освоение последовательности геоклиматических зон. Прогноз на будущее. *Экономические стратегии* 1: 34–40.

Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2007*б*. Конец эпохи нефти и интересы России. Ближайшие 10–15 лет. *Экономические стратегии* 8: 18–25.

Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2007*в*. Россия и Китай – перспективы взаимодействия в новых энергетических условиях. *Проблемы Дальнего Востока* 2: 57–73.

Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2008*а*. Россия в XXI в. – сверхдержава или поставщик сырья Западу? Выбор между экономикой профицитов и освоением своей зоны. *Экономические стратегии* 1: 12–19.

Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2008*б*. Технологический перелом начала века и интересы России. *Экономические стратегии* 8: 12–21.

Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2008*в*. Кризис финансовой системы краткосрочных долларовых кредитов и Россия. *Экономические стратегии* 10.

Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2008*г*. Неортодоксальные подходы к экономике и теория ценозов. Прогноз на ближайшие 10–15 лет. *История и математика: Модели и теории* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков,. М.: ЛКИ/URSS. С. 201–245.

Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2008*д*. Незамеченная никем социальная революция – ближайшие 10–15 лет. Евразия. *Проблемы Дальнего Востока* 2: 54–72.

Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2009*а*. Запад и Восток: 2 подхода к выживанию. Синтез противоположностей по мере роста ресурсных недостач. *Проблемы Дальнего Востока* 2 (в печати).

Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2009*б*. *Теория ценозов в Истории, или Дом человека на планете. Кризис – рост, выдох – вдох.* М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/ URSS.

Капица С. П. 1992. Математическая модель роста населения мира. *Математическое моделирование* 4/6: 65–79.

Капица С. П. 1999. *Сколько людей жило, живет и будет жить на земле.* М.: Наука.

Коротаев А. В. 2006*а*. *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта. Циклы и тенденции.* М.: Восточная литература.

Коротаев А. В. 2006*б*. Периодизация истории Мир-Системы и математические макромодели социально-исторических процессов. *История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: КомКнига/URSS. С. 116–163.

Коротаев А. В. 2007. Макродинамика урбанизации Мир-Системы: Количественный анализ. *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 21–39.

Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2007. Урбанизация и политическое развитие Мир-Системы: Сравнительный количественный анализ. *История и Математика: Макроисторическя динамика общства и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 102–141.

Коротаев А. В., Комарова Н., Л., Халтурина, Д. А. 2007. *Законы истории: вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* М.: КомКнига/URSS.

Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005*а*. *Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов (Демография. Экономика. Войны)*. М.: КомКнига/URSS.

Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005*б*. Компактная математическая макромодель технико-экономического и демографического развития Мир-Системы (1–1973 гг.). *История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 6–48.

Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007. *Законы истории: Математическое моделирование развития мир-системы. Демография. Экономика. Культура*. М.: КомКнига/URSS.

Нефедов С. А. 2002. О теории демографических циклов. *Экономическая история* 8: 116–121.

Нефедов С. А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России*. Екатеринбург: УГТУ.

Нефедов С. А. 2007. *Концепция демографических циклов*. Екатеринбург: УГТУ.

Нефедов С. А., Турчин П. В. 2007. Опыт моделирования демографически-структурных циклов. *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 153–167.

Турчин П. В. 2007. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. М.: ЛКИ/URSS.

Badalian L., Krivorotov V. 2006. Applying Natural Sciences to Studying History: Regarding the Example of England and the Industrial Revolution. Part I, II, III. *Santalka. Filosofija*. T. 14, № 1, 2, 3.

Badalian L., Krivorotov V. 2007. Russia and China: Prospects of Interaction in New Fuel-and-Energy Conditions. *Far Eastern Affairs* 2: 52–72.

Badalian L., Krivorotov V. 2008. *The Technological Shift at the Start of the 21st Century. The Theory of Coenoses: Malthusianism with a Schumpeterian Twist*. Presentation at the XV Annual Congress, the International Economic Association, June 24–29, Istanbul.

Badalian L., Krivorotov V. 2009*a*. Heterodox Economics and the Theory of Coenoses. The Next 10-25 Years. *The Journal of NSER* (forthcoming)

Badalian L., Krivorotov V. 2009*b*. Technological Shift and the Rise of a New Finance System: the Market Pendulum Model. *The European Journal of Economic and Social Systems* 21/2: 233–267.

Badalian L., Krivorotov V. 2009*c*. The Theory of Coenoses: Economy as interaction of the man and the Environment which unfolds in Space and Time. The Western and Eastern Approaches. *Green Economic* (forthcoming)

Clark G. 2007. *A Farewell to Alms. Brief Economic History of the World*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Findlay R., O'Rourke K. 2008. *Power and Plenty: Trade, War, and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Kuznets S. 1930. Equilibrium Economics and Business Cycle Theory. *Quarterly Journal of Economics* 44/3: 381–415.

Turchin P. 2003. *Historic Dynamics. Why States Rise and Fall?* Princeton, NJ: Princeton Univercity Press.

Turchin P., Nefedov S. 2009. *Secular Cycles.* Princeton, NJ: Princeton Univercity Press.

Аннотация

В своих работах С. А. Нефедов и Б. Н. Миронов обсуждают вопрос о том, была ли вызвана революция в России аграрным перенаселением, как это считалось вплоть до недавнего времени. Миронов использует неомальтузианскую парадигму, базирующуюся на том, что мальтузианский кризис в целом должен снижать рождаемость по причине падения потребления на душу населения. Нефедов опирается на другую трактовку, развитую в рамках т.н. теории династических циклов и школы «Анналов», где длительное падение потребления, рано или поздно, приводит к революционному взрыву, но совершенно не обязательно к падению рождаемости. В результате анализа численных данных, Нефедов приходит к выводу о наличии понижения уровня потребления, а Миронов, исходя из примерно тех же источников, видит сравнительно мягкую налоговую политику российского правительства и наличие роста уровня жизни у крестьян. На наш взгляд, привлечение европейского и американского материала помогло бы привнести бóльшую ясность в природу мальтузианского шока и способствовать разрешению спора. Наш анализ показал значительное разнообразие форм ресурсного голодания в зависимости от того, где находится наблюдатель: в центре тогдашнего мира, богатого, но вошедшего в нисходящую спираль в связи с дефицитами, или на его быстрорастущей периферии, с значительными ресурсными запасами на фоне низкого уровня производительности. Упрощая модель до предела, можно утверждать, что высокая производительность в центре приводит к явному и скрытому падению занятости. Выход на предельную эффективность означает исчерпание внутренних резервов прочности – малейшая приостановка может привести к системному краху. Одним из проявлений предельной эффективности является падение рождаемости на фоне дорожания воспроизводства. Это можно объяснить ростом конкуренции, которая налагает высокие требования на образование работника, повышая стоимость воспроизводства. Низкая производительность периферии приводит, наоборот, к буму рождаемости на фоне дешевизны воспроизводства – нужны работники всех уровней квалификации, чем дешевле, тем лучше. Возникшее популяционное давление создает миграции из периферии в центр, а также эпизоды социальных взрывов и войны, как показано Нефедовым.

Причины революционного кризиса в России 1905–1917 гг.

П. В. Турчин

Полемика, которая развернулась между Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым – пример того, как история буквально на наших глазах превращается из описательной в теоретическую и аналитическую науку. В процессе спора оба автора аппелируют к общим теориям исторического процесса и, самое главное, привлекают гигантские массивы количественных данных, подкрепляющих ту или иную точку зрения.

Дискуссия между Мироновым и Нефедовым напоминает мне острую полемику, которая велась в конце прошлого века на тему, было ли рабство в американских южных штатах экономически эффективным способом организации труда. Обе стороны в споре соглашались в резко отрицательной моральной оценке использования рабского труда. Но, согласно традиционной точке зрения, рабство было не только отвратительно по моральным соображениям, но оно также было крайне неэффективным экономически. Группа экономистов и экономических историков, возглавляемая Р. Фогелем, проанализировала большой массив данных, имеющихся для США, и обнаружила, что рабы производили существенно больше продукции за единицу времени, чем свободные фермеры. Этот результат вызвал бурю протеста. Результаты Фогеля и соавторов были проверены и перепроверены, но сейчас этот вывод широко признан научным сообществом. В 1993 г. Р. Фогель был удостоен Нобелевской премии по экономике, в частности и за эту работу.

Полемика между Мироновым и Нефедовым идет по двум взаимосвязанным вопросам: (1) Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? (2) Каковы были основные причины русских революций 1905–1917 гг.? Я сосредоточусь на втором вопросе, так как меня в первую очередь интересует способность нашего научного направления эмпирически проверять общие теории исторического процесса, в данном случае неомальтузианство и структурно-демографическую теорию (СДТ).

Однако я должен отметить, что хотя обе теории упоминаются в статьях дискуссантов, основной упор обоими авторами был сделан на неомальтузианство, т.е. был ли революционный кризис в России вызван ухудшением благосостояния народа. Хотя С. А. Нефедов должен был выступать сторонником СДТ, которой посвящена его замечательная книга (Нефедов 2005), в данном споре он почему-то откатился на позиции неомальтузиан-

ства. Но родоначальник структурно-демографической теории Дж. Голдстоун (Goldstone 1991) с самого начала четко отмежевал свою теорию от «грубого» (по его выражению) мальтузианства. Обнищание народа – не единственный и даже не самый важный из факторов, ведущих к революции.

Дело в том, что против сплоченных элит и сильного государства народные восстания практически не имеют шанса на успех. Но долгосрочный демографический рост ведет не только к ухудшению благосостояния народа, он также имеет серьезные последствия для определенных структур общества, таких как социальная стратификация и государство/власть (поэтому теория и включает слово «структура» в свое название). В частности, рост населения сопровождается быстрым ростом социального неравенства. В результате растут оба «хвоста» распределения доходов за счет середины, и в то время как увеличивается процент населения за чертой бедности, небольшая прослойка богатеет.

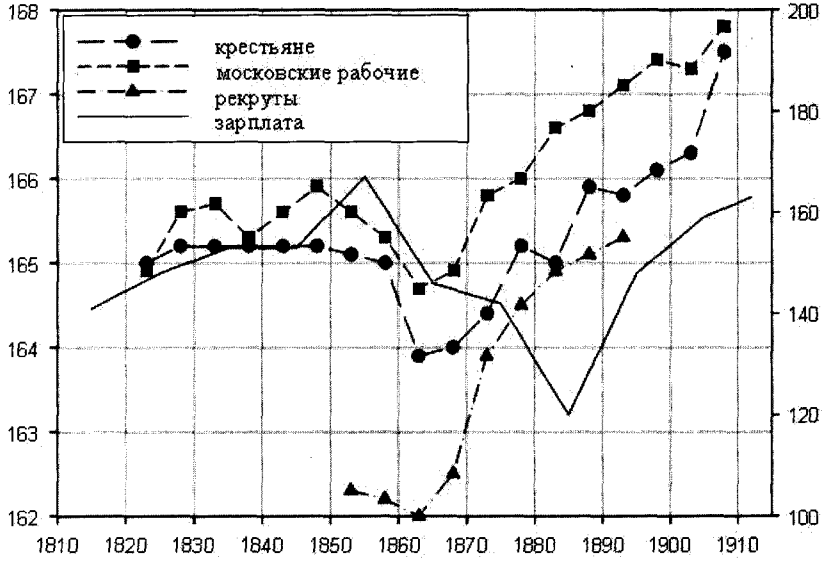
Возникает ситуация, которая в СДТ характеризуется как «перепроизводство элиты». Численность элит растет и за счет биологического воспроизводства элитных семейств, и за счет социальной мобильности разбогатевших простолюдинов. В какой-то момент численность элит превышает свою «экологическую нишу», что вызывает рост внутриэлитной конкуренции и конфликтов, в свою очередь ведущих к фрагментации элит. Возникает слой т.н. «контрэлит» – обедневшие дворяне, младшие сыновья, «элитные аспиранты» из разбогатевших крестьян или купцов и т.д. Их не устраивает сложившаяся структура власти, они и устраивают революции. В определенном смысле перепроизводство элиты аналогично перенаселению. Но существенная разница заключается в том, что недовольство элит в отличие от недовольства народа напрямую ведет к ослаблению и в конечном итоге – развалу государства, революциям и гражданским войнам.

Понятно, что в двух параграфах я не могу адекватно описать богатую ткань обратных связей, постулируемых СДТ (и которые характеризуют реальные исторические общества). Более полная картина дана в специальных публикациях, посвященных СДТ (см.: Турчин 2007, Turchin 2006). Кроме того, в соавторстве с С. А. Нефедовым мы исследовали 8 вековых циклов в Англии, Франции, России и Риме (Turchin, Nefedov 2009). Этот эмпирический анализ показал, что перепроизводство элиты – наиболее универсальный структурно-демографический механизм. Во всех восьми исследованных случаях предкризисный период характеризовался перепроизводством элиты. В частности, в позднеимперской России мы наблюдаем следующую динамику.

В первой половине XIX в. землевладельческие элиты заметно усилили давление на крестьян (Нефедов 2005). Выросли барщина и оброк. Кроме того, помещики разными способами экспроприировали землю крестьян.

Ухудшающее благосостояние народа можно проследить по динамике среднего роста и реальной заработной платы (см. Рис. 1):

Рис. 1. Динамика среднего роста (левая шкала, см) и индекса реальной зарплаты (правая шкала) в позднеимперской России



Источник данных: (1) Рост (Mironov 1999), (2) зарплата (Миронов 2003).

Средний рост достиг минимума в 1860-е гг., а заработная плата – на 20 лет позже. Лаг между ростом и зарплатой частично объясняется тем, что антропометрические данные показаны по году рождения, но окончательный рост складывается в результате условий (питание и эпидемиологическая среда), испытываемых в течение первых 20 лет жизни. Ухудшающееся благосостояние привело к тому, что в 1847–1949 гг. разразился демографический кризис. Неурожай, голод и эпидемии унесли около 1 миллиона жизней. Число крестьянских волнений росло экспоненциально: от 10–20 в год в начале века до 162 в 1848 г. и 423 в 1858 г. (Литвак 1967). Это сыграло немалую роль в решимости правительства провести реформы 1860-х гг.

Как показал Б. Н. Миронов в серии работ (включая обсуждаемую статью), в результате реформ положение крестьянства стало постепенно

улучшаться. Однако Великие реформы, перераспределяя ресурсы от дворян к крестьянам и государству (Нефедов 2005), имели непредвиденные последствия.

Между 1858 и 1897 гг. численность потомственных дворян в 41 губернии Европейской России (исключая польские губернии) выросла более чем в 2 раза – от 234 до 478 тыс. (Корелин 1979). В то же время общая площадь земли, принадлежавшая дворянам, сократилась с 78 до 58 млн десятин (Соловьев 1979). Средний размер поместья в черноземных губерниях только между 1870 и 1897 гг. упал с 176 до 104 десятин (Корелин 1979). Быстро рос процент безземельных и обанкротившихся дворян (Нефедов 2005).

Безземельные дворяне в массовом порядке обратились к альтернативным источинкам доходов, главным среди которых была государственная служба. Ужесточение конкуренции за места на госслужбе вызвало резкий рост спроса на образование («кризис дипломов» по терминологии Рэндалла Коллинза). Численность учащихся выросла в 4 раза (Нефедов 2005: 281). Однако государство было не способно трудоустроить всех выпускников вузов. Между 1857 и 1897 гг. число чиновников увеличилось только на 21% (Миронов 2000: Табл. X.1). Образовался гигантский класс «лишних» людей, который постепенно оформился в контрэлиту. Точнее, в контрэлиты, так как единственное, что объединяло этих людей, были ненависть к существующему строю и горячее желание его разрушить. Механизм разрушения прекрасно описан Нефедовым (2005: Гл. 5).

Подводя итоги, динамика ключевых показателей, рассмотренная выше, опровергает грубое мальтузианское объяснение причин русских революций 1905–1917 гг. Падение качества жизни простого народа в первой половине и середине XIX в. привело к массовым крестьянским выступлениям, но они были легко подавлены государством. Перепроизводство элиты, которое развилось к концу века, оказалось гораздо более серьезной проблемой и привело (вкупе с шоком Первой мировой войны) к краху государства и гражданской войне. В отличие от неомальтузианства СДТ предсказывает именно такую последовательность событий (сначала перенаселение и после лага – перепроизводство элиты, за ним пик нестабильности). Более того, эта динамика типична для ранее изученных вековых циклов. Например, в средневековой Франции демографический кризис наступил в первой половине XIV в. (Великий Голод 1315–1322 гг., «Черная Смерть» 1348 г.). А пик нестабильности пришелся на 1350–1450 гг. Более того, в этот кризисный период благосостояние народа улучшалось, как показывают данные по реальной заработной плате и среднему росту (Turchin, Nefedov 2009). Таким образом, ничего парадоксального в том, что похожая динамика наблюдалась перед революционным кризисом в России, нет. Тем более что Россия в это время испытывала переход от аг-

рарного к индустриальному обществу, что, в частности, отразилось на росте урожайности зерна.

Аргументация Б. Н. Миронова в основном сводится к критике мальтузианского объяснения революции; он не предлагает четко сформулированную альтернативную теорию. В интервью журналу *Эксперт* (3 ноября 2008 г.) он привлекает элементы теории модернизации для объяснения революции. Модернизационная теория революции была предложена С. П. Хантингтоном 40 лет назад (Huntigton 1968). Как отметил еще Ч. Тилли (Tilly 1978), теория эта смутна и противоречива. Насколько мне известно, большинство исторических социологов не воспринимают ее серьезно. В моей работе, которая сейчас готовится к публикации, я показываю, что систематической корреляции между модернизацией и революцией не наблюдается. С другой стороны, прогноз СДТ о том, что должен быть сдвиг по фазе между падением народного благосостояния и волной нестабильности, подтверждается на эмпирическом материале Западной Европы и США. Другими словами, хотя СДТ была разработана и проверена для аграрных государств, она продолжает давать аккуратные прогнозы и для индустриализующихся обществ.

В заключение скажем, что сравнение прогнозов неомальтузианской и структурно-демографической теорий с динамикой ключевых показателей, наблюдаемых в позднеимперский период истории России, показывает, что последняя (СДТ) эмпирически более адекватна. Это не значит, что СДТ объясняет все аспекты русского революционного кризиса. Я уже упоминал такие важные факторы, как промышленная революция и эффект Первой мировой войны. Специфические формы, в которые вылилось перепроизводство элиты, были чисто русские (хотя те, кто общались с латиноамериканской интеллигенцией, могут оспорить уникальность русского феномена). Но это не главное. Для того, чтобы история стала настоящей наукой, она должна использовать научный метод, т.е. отвергать одни теории в пользу других в результате сравнения теоретических прогнозов с данными. Мне кажется, что в результате дискуссии между Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым мы сделали шаг в этом направлении.

Библиография

Корелин А. П. 1979. *Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг.* М.

Литвак Б. Г. 1967. *Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в.* М.

Миронов Б. Н. 2000. *Социальная история России.* СПб.: Дм. Буланин.

Миронов Б. Н. 2003. Вперед к крепостничеству! Цены и зарплата в Петербурге за три века. *Родина* 8: 15–19.

Нефедов С. А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России.* Екатеринбург: УГГУ.

Соловьев Ю. Б. 1979. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века.* Л.: Наука.

Турчин П. В. 2007. *Историческая динамика: На пути к теоретической истории.* М.: ЛКИ/URSS.

Goldstone J. A. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* Berkeley, CA: University of California Press.

Huntington S. P. 1968. *Political Order in Changing Societies.* New Haven, CT: Yale University Press.

Mironov B. N. 1999. New Approaches to Old Problems: The Well-Being of the Population of Russia from 1821 to 1910 as Measured by Physical Stature. *Slavic Review* 58: 1–26.

Mironov B. N. 2000. *A Social History of Imperial Russia, 1700–1917.* Boulder, CO: Westview Press.

Tilly C. 1978. *From Mobilization to Revolution.* Reading, MA: Addison-Wesley.

Turchin P. 2006. *War and Peace and War: The Life Cycles of Imperial Nations.* New York, NY: Pi Press.

Turchin P., Nefedov S. 2009. *Secular Cycles.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Аннотация

Несмотря на то, что и неомальтузианская, и структурно-демографическая теории упоминаются в полемике между Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым, основной упор обоими авторами был сделан на первой. Спор идет о том, был ли революционный кризис в России вызван ухудшением благосостояния народа. Однако в структурно-демографическая теории обнищание народа – не единственный, и даже не самый важный из факторов, ведущих к революции. Падение качества жизни простого народа в первой половине и середине XIX века привело к массовым крестьянским выступлениям, но они были легко подавлены государством. Перепроизводство элиты, которое развилось к концу века оказалось гораздо более серьезной проблемой, и привело (вкупе с шоком Первой мировой войны) к краху государства и гражданской войне. В отличие от неомальтузианства, структурно-демографическая теория предсказывает именно такую последовательность событий (сначала перенаселение и, после лага, перепроизводство элиты, за ним пик нестабильности). Более того, эта динамика типична для ранее изученных вековых циклов.

Почему в России произошла революция?

С. В. Цирель

Дискуссия между Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым (см. выше, с. 25–139) весьма многоплановая, и не по каждому ее аспекту можно высказать обоснованное мнение, не проводя самостоятельных архивных изысканий. Но все же основной нерв спора касается тех вопросов, мимо которых не может пройти ни один человек, интересующийся русской историей. К этим вопросам прежде всего относятся причины русской революции, уровень жизни крестьян во второй половине XIX – начале XX в. и его динамика, а вслед за ними применимость теории Мальтуса к социально-экономическим процессам того времени.

Как уже указывали Л. Г. Бадалян и В. Ф. Криворотов (см. выше, с. 158–169), мальтузианские представления встречаются в литературе и в данной дискуссии в двух аспектах. Однако их более всего интересует соотношение мальтузианских подходов с собственными теоретическими представлениями, поэтому комментарий Л. Г. Бадалян и В. Ф. Криворотова в своей основной части далеко отходит от темы дискуссии. Стараясь по возможности держаться в рамках интерпретаций, представленных в обсуждаемых статьях, мы выделяем два типа мальтузианских подходов, на которые так или иначе ссылаются оба дискутанта.

Первый – это сильно препарированный мальтузианский подход, перешедший сперва в уравнение П. Ф. Ферхюльста и логистическую кривую, потом в теорию демографических циклов (намек на которую можно найти и у самого Мальтуса) и, наконец, в комплексную структурно-демографическую теорию, развиваемую С. А. Нефедовым совместно с П. В. Турчиным на основе теории Б. Голдстоуна (Нефедов 2005). В этой теории история аграрных стран предстает как последовательность демографических циклов, в начале которых фаза Расширения и рост населения (в течение 50–100 лет) сменяются фазой Сжатия (как правило, более длительной), в течение которой падает уровень жизни населения, рост населения замедляется, а затем прекращается вовсе. Заканчивается цикл либо массовым голодом и народными восстаниями, либо внутриэлитарными конфликтами, либо всеми видами внутренних катаклизмов сразу, а затем после резкого падения численности населения, сокращения доли элиты и некоторого периода смуты и упадка (порой достаточно длительного) цикл повторяется снова.

Второй – это подход самого Мальтуса, также несколько модифицированный для удобства анализа обсуждаемого периода истории России, но все же не превращенный в иную теорию, более полную и более конкретную. Как известно, сам Мальтус жил и творил именно в тот момент, когда Англия начала выходить из мальтузианской ловушки, поэтому его теория несет черты некой двойственности: с одной стороны, он пишет о росте плодородия (повышении урожайности и росте производительности труда в сельском хозяйстве), с другой – подчеркивает, что скорость этого роста не поспевает за ростом населения, что требует решительных и зачастую негуманных мер по ограничению роста численности бедного населения. Недаром Мальтуса часто называли «пророком прошлого».

Сочетание разных форм мальтузианских подходов легко проследить в статьях обоих авторов. Например, в начале статьи С. А. Нефедов рассказывает о структурно-демографической теории, но когда он пишет о мальтузианских позициях дореволюционных исследователей или чиновников, то очевидно, что речь может идти только о подходе самого Мальтуса, ибо чиновники никак не могли знать теорий, которые будут созданы через век после их деятельности.

В своей книге (Нефедов 2005) С. А. Нефедов пытается ввести в структурно-демографическую теорию процессы модернизации, непрерывную колонизацию новых земель, объясняющие бурный рост населения на завершающей фазе цикла (в стандарном варианте теории конец фазы Сжатия сопровождается стагнацией или даже спадом населения из-за голода, болезней и начавшихся смут). Еще дальше идет П. В. Турчин, который рассматривает структурно-демографический цикл в отрыве от мальтузианских процессов, ориентируясь только на уровень жизни населения, степень имущественного и социального расслоения, размеры элиты (элиты и контрэлит) и уровень ее консолидации (в том числе долю новых неассимилированных иммигрантов в составе населения).

Не затрагивая далее интересных, но весьма спорных подходов П. В. Турчина, сосредоточимся на развитии структурно-демографической теории в книге и обсуждаемой статье С. А. Нефедова. Нетрудно видеть, что российский демографический цикл XVII–XIX вв. кардинально отличается от других циклов, известных в истории и описанных, например, в работах самого С. А. Нефедова. Самое начало цикла – XVII в. с теми или иными отклонениями может рассматриваться как фаза расширения. В XVII веке улучшилось питание основной массы крестьянского населения, снизилась доля городского населения, были распаханы большие площади заброшенных и новых земель (черноземная полоса), а Россия именно тогда превратилась из северной восточноевропейской страны (с частью Урала и Западной Сибири) в гигантское североевразийское государство, приобрела очертания, близкие к современным. В то же время высокая концентрация народных и элитарных смут – Медный бунт, Соляной бунт,

восстание Степана Разина, раскол, стрелецкий бунт и т. д., а также растущее отставание России от ее соседей, исключая слабеющую Речь Посполитую, отличают российскую (романовскую) фазу расширения от классической модели.

Однако отклонения от классической модели XVII в. никак не идут в сравнение с отклонениями, наблюдаемыми в последующие периоды русской истории. Провальный с демографической точки зрения XVIII век (стагнация или спад численности населения при Петре I [Милюков 1905; Нефедов 2005], снижение среднего роста населения при Екатерине II [Миронов 2003] и т.д.) в то же время был блистательным для славы Российского государства – от побед Петра в шведской войне до суворовских походов. Россия из дикой Московии, чьи успехи зависели от приглашения иноземных наемников, превращается в одну из первых скрипок европейского концерта. В XVIII в. рождается великая классическая русская культура, блистательные плоды которой мы видим уже в первой четверти XIX в. Победа над Наполеоном, взятие Парижа и организация Священного Союза закрепляют исключительную роль России в концерте европейских держав.

В XIX в. социально-экономическое отставание от ведущих стран Европы приводит к вытеснению России с первых мест, но не колеблет ее права называться великой державой. Но в этом веке скорость роста населения России, которая по канонам теории демографических циклов должна была бы стремиться к нулю (или даже к отрицательной величине), достигает небывалых значений. При этом, как указывает сам С. А. Нефедов, наблюдается слабая и *отрицательная* корреляция между калорийностью питания и естественным приростом. В самый голодный год (1892 г.) при сильно сократившемся (примерно в 2,5 раза), но все же значительном экспорте зерна население России увеличивается на 0,5% (Брокгауз, Ефрон 1991), небольшой процент по сравнению с предыдущими и последующими годами, но запредельно высокий для заключительных периодов более ранних демографических циклов. Т.е. мальтузианское правило более не действует или по меньшей мере не ведет к сокращению населения. Модернизация при любом понимании ее содержания становится более важным фактором демографического процесса, чем мальтузианское правило. Даже процессы роста городского населения и развития торговли и ремесел, свойственные фазе Сжатия, для обсуждаемого периода естественнее рассматривать в русле модернизационных процессов, чем в русле демографических циклов.

Что же остается от демографического цикла? Во-первых, конечно, аграрное перенаселение, с чем согласны оба дискутанта. Как указывает Б. Н. Миронов, среднее число рабочих дней в русской деревне уменьшилось со 135 в 1850-е гг. до 107 в начале XX в. (Миронов 2003: 308). Другие оценки, которые приводит Миронов в своей книге (там же: 309), еще более

наглядны: согласно расчетам Комиссии, избыток рабочей силы в деревне в 1901 г. достигал 79,3% от общего числа работников. Иными словами, более половины рабочего времени сельское население не было занято сельскохозяйственными работами, и даже с учетом отхожих промыслов у крестьян оставалось еще немало свободного времени. С. А. Нефедов (Нефедов 2005: 315–317) указывает на иные, более скромные, оценки количества свободных рабочих рук и в соответствии со структурно-демографической теорией говорит не о традиционалистской трудовой этике, а о нехватке земли. Однако в целом оба автора в данном вопросе расходятся скорее в выборе угла зрения, под которым надо смотреть на аграрное перенаселение, чем в количественных оценках самого явления. В отличие от этой стороны перенаселения второй ее стороне, экологической, авторы придают совершенно разное значение. С. А. Нефедов указывает на быстрые изменения ландшафта, резкое сокращение лугов и лесов и на начинающее падение урожайности земли в Центральном и Центрально-Черноземном районах, вызванное экосоциальным кризисом. Согласно мнению Л. И. Люри (Люри 1997), экосоциальный кризис в начале XX в. не только начинался, но уже подходил к катастрофической фазе, и лишь передышка, которую дали земле социальные бедствия 1914–1922 гг., спасла черноземы от начавшихся экологический бедствий. Б. Н. Миронов специально не высказывается по этому поводу, что, по-видимому, означает оценку экологических проблем как второстепенных и разрешимых при быстром распространении передовых методов земледелия. Но, как ни странно, этот аспект разногласий не стал предметом спора.

Во-вторых, по мнению С. А. Нефедова, признаком фазы сжатия является снижение уровня жизни и качества питания крестьян. Но именно это и стало центральным пунктом разногласий – уровень жизни крестьянства в 1880–1913 гг., после окончания основных трудностей становления пореформенного быта. Согласно утверждениям С. А. Нефедова, уровень жизни русских крестьян в среднем оставался на прежнем уровне и даже немного снижался. По его мнению, наблюдавшийся небольшой рост потребления зерна на душу населения перекрывался ростом расходов зерна на прокорм скота в связи с резким сокращением площади лугов и лесов. Наблюдавшийся рост населения он объясняет «эпидемиологическим переходом» (Вишневский 2006), или попросту идущим с запада распространением мыла и карболки. Б. Н. Миронов категорически не согласен с таким объяснением, он показывает, что сильная корреляция с долготой местности ($r = 0,83$) наблюдались у рождаемости и смертности, а средний рост новобранцев (и его увеличение) практически не зависели от долготы и, соответственно, от гигиенических навыков, идущих с запада.

По мнению Б. Н. Миронова, важнейшим фактором улучшения уровня жизни, доказанным данными о росте и индексе массы новобранцев, было именно улучшение питания, не отмечаемое С. А. Нефедовым из-за чрез-

мерного доверия имеющимся статистическим данным и допущенных методических ошибок. В своем ответе С. А. Нефедов оспаривает данные Миронова о росте населения, но я предпочту оставить без комментариев критические высказывания на тему, которой Б. Н. Миронов посвятил целую серию своих работ последнего времени. Также, естественно, я не буду оспаривать мнение Б. Н. Миронова об ошибках сельскохозяйственной статистики дореволюционной России. По ходу дела лишь отмечу, что указания на роль предкавказских и западносибирских губерний в хлебном балансе представляются вполне убедительными, а критика метода пересчета картофеля в хлеба, сделанного С. А. Нефедовым, чересчур сурова, ибо по совершенно независимому от данного спора *Справочнику по детской диететике* (Справочник 1980: 403–404), картофель уступает муке в 3,85–4,05 по калорийности и в 3,5–6 раз по содержанию белка.

Приведенные Б. Н. Мироновым сведения о расхождениях данных Бюро переписей и Министерства сельского хозяйства США на 10–15% в 1960-е гг. делают почти бесспорным вывод о том, что данные статистики «не являлись точными, а лишь приблизительно отражали *направления изменений и позволяли дать общую сравнительную оценку средних многолетних урожаев и сборов хлебов по регионам*». Более того, этот вывод на фоне приведенных расхождений является не пессимистическим, а вполне оптимистическим в отношении дореволюционной статистики.

В данной дискуссии удивляют методы использования недостоверности данных для возражения оппоненту. Например, сообщается, что количество лошадей на душу населения упало на 28% и поэтому роста расходов зерна на прокорм лошадей не могло быть, но в предыдущем абзаце указывается, что их численность было занижена как минимум на 16%, и при этом многократно повторенное замечание С. Н. Нефедова о росте расходов зерна на фураж на каждую лошадь из-за сокращения заготовок сена игнорируется вовсе. В качестве основной (вполне естественной и логичной) причины занижения данных о посевах и урожаях указывается желание спрятаться от налогов, но данные Табл. 1 (см. выше, с. 119) показывают, скорее, случайный характер расхождений – большие расхождения между данными ЦСК и переписи в деталях (десятки процентов) и ничтожные (2–3%) по всем хлебам и губерниям в сумме. Учитывая, что более ранние данные заведомо менее точны, чем предреволюционные, а причины ошибок (и изменения причин) до конца неясны, то сам вывод о росте потребления оказывается производным в первую очередь от оценок роста и веса людей (и снижения смертности), а не от оценок урожаев. У меня создается впечатление, что сам Б. Н. Миронов еще не определился, как анализировать социально-экономические данные в свете произведенной им переоценки точности статистики, и колеблется между поиском новых подходов и критикой оппонента в духе прежней войны чисел.

К той же серии непродуманных доводов относится и тезис, что «на внешний рынок уходил лишь избыток хлеба, который не находил спроса на внутреннем рынке». Т.е. безусловно верно то, что на внутреннем рынке не было платежеспособного спроса, но отсюда никак не следует, что этот хлеб был избыточным для населения России. Беднейшая часть крестьянства, именно та часть населения, которая более всего недоедала, сама могла получить деньги для уплаты налогов, лишь торгуя тем же хлебом, вынутым изо ртов голодных детей (и поэтому предпочитала не платить налогов, а накапливать недоимки). Кроме того, на экспорт шла в основном пшеница, слишком дорогая для российской бедноты и специально производимая в количествах, превосходящих спрос на внутреннем рынке (в среднем экспортировалось от 1/3 до 1/2 ее чистого сбора).

На наш взгляд, к числу основных проблем, которые вызвали данный спор, относится не только неточная статистика урожаев, но также и недостаточное разделение уровня жизни и потребления зерна на душу населения. Точнее, С. А. Нефедов в своей статье достаточно четко выделяет действие мыла и карболки от количества хлеба, но не объясняет как мыло и карболка могли повлиять на рост призывников и их индекс массы тела. Б. Н. Миронов, не являющийся приверженцем теории структурно-демографических циклов, вообще не задается целью разложить разные аспекты уровня жизни крестьян по разным полочкам.

Как нам представляется, само разделение уровня жизни (и еще отдельно ВВП на душу населения) и потребления калорий на душу населения необходимо различать всюду, где это возможно. Рост урожаев был бы невозможен без технического и организационного прогресса, причем в данном случае речь идет прежде всего об усвоении опыта Западной Европы. Однако ни усвоение чужого опыта, ни собственные технические достижения не могут и не могли замкнуться в области техники земледелия, технический и организационный прогресс не мог вести только к росту производства зерна и потребляемых с этим зерном калорий. Вместе с передовыми технологиями земледелия и скотоводства в Россию пришло множество других нововведений, которые улучшали жизнь людей, независимо от количества съедаемого хлеба.

В то же время само потребление хлеба зависело не только от суммарных урожаев, которые росли по мере прогресса в сельскохозяйственном производстве, но и от степени заполнения растущей экологической (технологической) ниши K, т.е. попросту отношения фактического населения (N) к максимально возможному (K). На ранних «мальтузианских» стадиях истории, когда скорость технического прогресса была относительно невелика, рост населения вел к растущему заполнению экологической ниши ($N/K \rightarrow 1$) и одновременному падению душевого потребления хлеба и уровня жизни у большей части населения страны в конце цикла.

В XIX в., особенно в его первой половине, в Западной Европе рост уровня жизни (включая качество медицинской помощи) мог сочетаться с низким и даже сокращающимся количеством калорий на душу населения. Когда это сокращение становилось явным, то недоедание могло переходить в элементарный голод, т.е. процесс превращался в полноценный демографический цикл (Ирландия). Наоборот, когда из-за сокращения рождаемости, импорта зерна, заметного прогресса в сельском хозяйстве и т.д. происходил рост (всех основных аспектов) уровня жизни населения, включая количество и качество питания, то это означало выход из мальтузианской ловушки, в том числе улучшение биометрических показателей (акселерацию).

Аналитическое описание данного процесса несколько выходит за рамки спора, но, тем не менее, считаем полезным его привести хотя бы в самом кратком виде. На наш взгляд, представленные ниже формулы наглядно показывают, что большие расхождения между душевым потреблением калорий и другими аспектами уровня жизни, а также между успехом модернизации, подъемом уровня жизни, ростом ВВП, социальным прогрессом и т.д., с одной стороны, и голодом, конфликтами, социальными катаклизмами, мальтузианским кризисом и смутой, с другой стороны, были свойственны не только России.

В основе рассматриваемого подхода лежит известный закон убывающего плодородия почв. В силу этого закона обеспечение даже минимального ВВП на душу каждого следующего человека требует все больших затрат, независимо от того, поселяется он на тех же землях или занимает новую землю с худшими условиями. Однако при этом дополнительный труд или сделанные нововведения *не только обеспечивают его минимальное жизнеобеспечение, но и создают новые блага.* Или, наоборот: дополнительный труд или сделанные нововведения не только создают новые блага, но и обеспечивают жизнеобеспечение большего количества людей. Иными словами, при увеличении экологической ниши K на 1 (например, от i до $i+1$) производится дополнительный продукт $\Delta P = m_ф + f1(i) + f2\ (i)$. Однако, так как дополнительный продукт $f1(K)$ используется для обеспечения повышения плотности населения или освоения худших земель, то суммарное ВВП (G) увеличивается на величину $\Delta G = m_ф + f2\ (i)$.

Это весьма общее утверждение для анализа конкретных ситуаций требует некоторых примечаний, дополнений и упрощений. Перечислим их без развернутых комментариев.

- K реально характеризует не емкость земли, а масимально возможную плотность населения. Они не различимы лишь для всего Земного шара.
- Рост производимого продукта на душу населения может обеспечиваться не только увеличением технического (технологического)

уровня, но и просто увеличением объема труда, прежде всего продолжительности рабочего дня.

- Величина P не отвечает никакой экономической категории, так как при ее вычислении производится суммирование конечного потребления с промежуточными продуктами. Если описывать экономический смысл второго члена в этих формулах, то его можно выразить формулой типа: $\sum f_1(i)/K = m - m_0$, где m_0 – минимально необходимый продукт на душу населения при минимальном населении Земли; m – затраты, которые нужны для производства того же продукта m_0 на душу населения при народонаселении K.
- Все эти замечания очевидным образом указывают, что приведенные выражения не могут претендовать на высокую количественную точность, поэтому для упрощения дальнейших рассуждений будем использовать линейные зависимости $f_1(i) = b_1\, i$ и $f_2\,(i) = b_2\, i$.

Оценим зависимость ВВП на душу населения от K и степени заполнения ниши (N/K). Если фактическое народонаселение Земли N меньше максимального возможного K, то, естественно, и суммарный продукт меньше предельного возможного G_K. Для оценки фактического значения G мы сделаем еще одно допущение и примем, что остаток продукта, не используемый для покрытия разности $m - m_0$ используется для увеличения конечного продукта (ВВП), тогда суммарный ВВП составит:

$$P = m_0 N + 0.5\, b_1 KN + 0.5\, b_2 KN,$$
$$G = m_0 N + 0.5\, b_2 KN;$$

или в расчете на душу населения:

$$p = m_0 + 0.5\,(b_1 + b_2)\,K,$$
$$g = m_0 + 0.5\, b_1\,(K\text{-}N) + 0.5\, b_2 K = m_0 + 0.5\,(b_1 + b_2)\,K - 0.5\, b_1 N.$$

Последняя формула показывает, что максимальное количество людей K, которое может прокормиться на Земле в данный момент, можно использовать для оценки технического (технологического, организационного) уровня развития: $T = 0.5\,(b_1 + b_2)\,K$.

Кроме того, с помощью этой формулы можно оценить приблизительные пределы колебаний значения ВВП на душу населения при уровне развития T. При максимально возможном населении, в моменты демографических кризисов $g_{min} \approx m_0 + 0.5\, b_2\, K$, а при малом населении $N \to 0$ ВВП на душу населения $g_{max} \to m_0 + T$. В предреволюционной России численность населения приближалась к предельно возможной, поэтому уровень жизни большей части крестьянства был лишь немногим выше, чем $m_0 + 0.5\, b_2\, K$, а у беднейших крестьян находился на этом уровне или даже ниже (здесь мы для упрощения рассуждений пренебрегли важными отличиями ВВП на душу населения от уровня жизни).

Для сопоставления минимального уровня жизни дикарей m_0 и «прогрессивного минимального значения» $m_0 + 0.5\ b_2 K$ оценим, насколько велико соотношение b_1/b_2, т.е. как много получает бедный человек от роста экологической ниши, иначе говоря, насколько улучшается жизнь бедного человека, если технический прогресс позволил стране с той же земли прокормить миллионы новых ртов.

Для этого воспользуемся системой уравнений (Tsirel 2004):

$$dN/dt = r\,N\,(1 - N/K)\,,$$
$$dK/dt = a\,NK,$$

где r – максимальная скорость роста населения в благоприятных условиях, 1/ год (для России на рубеже XIX и XX вв. можно принять r = 0,025–0,03), a – коэффициент, характеризующий склонность людей к изобретательству полезных нововведений, приблизительно a = 6–7 · 10^{-12} (чел · год)$^{-1}$.

Разложим K в ряд по N: $K \approx N + \alpha N^2 + \ldots$ Тогда зависимость g от N примет вид:

$$g = m_0 + 0.5\,\alpha\,(b_1 + b_2)\,N^2 + 0.5\,b_2\,N\,.$$

Для вычислений использовались различные оценки населения (McEvedy, Jones 1978; Biraben 2003; Maddison 2001 и др.) и различные оценки среднего ВВП на душу населения (McEvedy, Jones 1978; Maddison 2001; Bairoch 1993; Nordhaus 1997; DeLong, J. B. 1998 и др.), причем данные сочетались между собой разнообразными способами. Несмотря на существенные расхождения (m_0 = 90..400$; N в 1 г. н.э. = 150..350 млн. чел. и т. д.), кривые хорошо описываются квадратичными зависимостями, и расхождение оценок b_1 и b_2 не столь велико, как можно было бы ожидать. В среднем $b_1 = (25\pm7)\cdot10^{-7}$ и $b_2 = (3{,}8\pm1{,}2)\cdot10^{-7}$ 1990 $/чел^2; соответственно, $b_2 / b_1 \approx 0{,}1 - 0{,}15$.

Из последнего соотношения следует, что рядовому человеку от гигантского роста экологической ниши человечества достается очень немного. Даже в конце XIX в. перенаселение грозило бедным людям почти той же нищетой и почти тем же голодом, что их далеким предшественникам, которым выпало жить в последние десятилетия демографических циклов (о чем и писал Мальтус).

Таким образом, не только Россия, но также большая часть стран Европы прошли через достаточно длительный период, когда:

- K (предельно возможное население страны) быстро росло за счет сельскохозяйственного и ремесленно-промышленного, транспортного и организационного прогресса.
- Отношение N/K находилось на высоком уровне, близком к 1, и либо медленно сокращалось, либо длительное время не имело устойчивой тенденции роста и спада.

- В среднем (за исключение лет кризисов и неурожаев) происходил некоторый рост жизненного уровня населения, но главным образом за счет b_2K, а не за счет $b_1(K–N)$.
- При этом существенно увеличивалось потребление городских изделий, питание становилось более разнообразным, происходило улучшение медицинского обслуживания и санитарно-гигиенических условий уровня (которое вело к сокращению заболеваемости и росту продолжительности жизни) и т.д.
- Однако среднее (медианное) потребление калорий на человека росло очень медленно, а в неурожайные и прочие неудачные годы вовсе не росло или даже сокращалось, приближаясь к уровню откровенного недоедания.

Этот перечень был написан много раньше дискуссии Б. Н. Миронова и С. А. Нефедова и относился не к России, а ко всей Европе[1], тем не менее, он оказался весьма уместен для комментирования данного спора.

Далее в том тексте отмечалось, что для выхода из мальтузианской ловушки, спасения от смут и голода одного прогресса в сельском хозяйстве было недостаточно, нужны были дополнительные условия, прежде всего рост промышленного производства (который даже в XIX в. уже мог достигать значения r или даже превосходить его) и импорт продовольствия за счет экспорта промышленных изделий; колонизация новых земель; снижение рождаемости.

Так как из всего перечня в предреволюционной России в полной мере присутствовала лишь колонизация новой земли, да и то лучшие земли уже заканчивались, снижение рождаемости шло медленно, а промышленная продукция, наоборот, ввозилась в обмен на экспорт столь необходимого зерна, «срыв» модернизации был вполне вероятен.

В описанной выше схеме подчеркивалось, что калорийность питания и и потребление непродовольственных товаров могли расти совершенно разными темпами. Однако в критических ситуациях корреляция между объемами того и другого видов потребления могла вообще отсутствовать. Например, во время и после мировых войн люди могли жить в городских условиях, пользоваться многими благами европейской цивилизации и при этом откровенно недоедать, а, крестьяне, продающие им хлеб, наоборот, питаться «от пуза», но проживать в избе в антисанитарных (по меркам XX в.) условиях. Ну и чей уровень жизни был выше? И у кого дети имели больший рост?

Российская деревня второй половины XIX в., как нам представляется, в некоторых смыслах может быть поставлена в тот же ряд особых случаев, как условия предыдущего примера. С одной стороны, только в XIX в.

[1] США в него не попадают, к началу демографического перехода это была сельская счастливая Аркадия, где было полно земли и рабов.

российская деревня начинает выходить из средневековых условий жизни (см, например: Милов 1998): наконец пятистенка (двухкомнатное помещение) становится нормой, труба на крыше сменяет отопление почерному, к началу XX в. половина взрослых мужчин обретает минимальные навыки грамотности; появляются пресловутые мыло и карболка, приемы сельского хозяйства, не менявшиеся веками, наконец, претерпевают хотя бы минимальные изменения и т. д. И главное – начинает уходить странный (по-видимому, идущий от крепостного права) обычай сверхраннего прикорма младенцев. Но в то же время очень многое почти не меняется или меняется в очень медленном темпе – трудовая этика, о которой пишет Б. Н. Миронов (2003), приверженность к общинному землевладению, нежелание полностью переезжать в город или пользоваться контрацептивами. Это нетривиальное сочетание традиционализма, медленных и быстрых перемен имело множество разных последствий, в том числе демографических, главным из которых был очень быстрый рост населения при сохранении понижающейся, но по-прежнему исключительно высокой, детской смертности. Всю эту совокупность (пока мы еще не касались идеологических и политических аспектов) очень сложно оценить каким-либо одним показателем уровня жизни. На взгляд С. А. Нефедова, наиболее подобающим числом является потребление хлеба (калорий) на душу населения, на взгляд Б. Н. Миронова – средний рост и индекс массы тела.

Как нам представляется, ни то ни другое не может описать реального положения дел. Оценки урожаев, как мы видели, имеют большую погрешность. Удовлетворительные средние значения индекса массы тела новобранцев и увеличение среднего роста населения (даже если данные не содержат погрешностей) говорят лишь о том, что в среднем питание людей находилось в пределах нормы, но отнюдь не отрицают того, что отдельные области и слои населения могли сильно недоедать, а все продовольственное благополучие живущей в долг страны висело на ниточке, которая могла оборваться во время войн, климатических флуктуаций и внутренних катаклизмов. Если отношение N/K близко по стране к 1, то в некоторых областях оно ниже единицы, и во время катаклизмов и войн область недоедания резко расширяется хотя бы из-за расстройства системы снабжения.

Также нельзя забывать о том, что даже при снижении смертности в начале XX в. до возраста призывника доживала только половина родившихся, причем процент умерших в детском и подростковом возрасте резко различался по губерниям и периодам времени. С одной стороны, доживали до взрослого состояния, как правило, наиболее здоровые люди. С другой стороны, улучшение санитарно-гигиенических и эпидемиологических условий и отмирание варварского обычая раннего прикорма увеличивало долю выживших детей и обеспечивало им лучшие условия физического

развития. С третьей стороны, живущее в наиболее современных условиях наиболее грамотное население получало более сбалансированное питание и лучшую медицинскую помощь и соответственно лучший биологический статус. С четвертой стороны, наоборот, жители наименее населенных губерний в большей степени занимались охотой, рыболовством и собирательством и также имели более сбалансированное питание, чем в перенаселенных аграрных губерниях, а меньшая плотность населения и более холодные зимы способствовали меньшему распространению заразных болезней. Ну и как в этом море разнонаправленных факторов при весьма низком качестве статистики, о котором пишет Б. Н. Миронов, однозначно оценить уровень жизни населения?

Важнейшим ориентиром (несмотря на огромную роль случайности в любой критической ситуации) являются печальные обстоятельства 1905, 1917 гг. и других революционных лет. Если жизнь крестьянства улучшалась, промышленность развивалась, качество управления страной росло, общественность получало больше прав и т.д., то почему в стране случилось две или даже три (по принятой в СССР системе счета) революции? Что привело к краху успешно развивавшуюся страну? Ответ Б. Н. Миронова, высказанный в его ставшем знаменитым двухтомнике: «недостаток у двух последних императоров и общественности терпимости, мудрости и дальновидности привел к революции, погубившей в пучине многие достижения двухвековой модернизации» (Миронов 2003: 270) – вряд ли что-либо объясняет. И в последней реплике, озаглавленной «Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить» также нет объяснения, альтернативного ленинскому. А рассуждения об аграрном перенаселении на пути к приведенному выше выводу (Миронов 2003: 268) указывают какую-то не описанную в деталях интерпретацию мальтузианского подхода. Более понятна и логична позиция С. А. Нефедова, однако указания его оппонента на рост биологического статуса и проблематичность сельскохозяйственной статистики заставляют усомниться в достаточной обоснованности его выводов.

Структурно-демографическая теория допускает кроме народных восстаний еще один тип падения государства («брейкдауна»), вызванного внутриэлитным конфликтом. Февральская революция явно имела черты внутриэлитного конфликта и даже описывалась многими ее участниками именно такими красками, но тем не менее, на наш взгляд, вряд ли подходит под это определение. Традиционная теория модернизации (даже в ее марксистском изводе) более уместна для данного случая, ибо шел переход от одного (традиционалистского, наследственного) типа элиты к другому (современному, экономическому, меритократическому). Кстати, весьма характерно, что ни один из многочисленных заговоров против Николая II не был доведен даже до начала практической реализация, и лишь стихий-

ный голодный бунт в Петрограде сумел разрешить конфликт элит (Мельгунов 2007).

Как нам представляется, более уместно описание причин революции не в просчетах двух монархов и общественности (вся русская мысль дружно шла не в ногу?) и не в нехватке зерна, хотя и то, и другое обстоятельства сыграли важную роль. От февральской революции до победы Антанты оставалось всего 1,5 года (а если бы Россия не вышла из войны, то, вероятно, не более года), но трехсотлетняя монархия не смогла продержаться такую малость! Кстати, примерно об этом же пишет Н. С. Розов в своем комментарии к второй реплике С. А. Нефедова.

На поверхности лежит резкое несовпадение представлений царской семьи и всей правящей верхушки, поддерживаемых разоряющимся дворянством, и новых меритократических элит (интеллигенции, буржуазии, либеральной части дворянства) о темпах сближения с конституционными монархиями Запада. Не только кадеты, но также октябристы, и даже «прогрессивные националисты» хотели видеть в России конституционное национальное государство. Императорская верхушка, не желая принимать неизбежность перемен, отступала мелкими шашками, сражаясь за слово «самодержавный» и незыблемость сословных привилегий (Соловьев 1990). Страшная кончина Александра II, действительно изменившего Россию, казалась верным признаком опасности любых перемен. Идеи «подморозить Россию» без планов и программ, положиться на льстивых прорицателей и старцев, на слабую надежду саморазложения Запада, на волшебное возвращение былых времен, на что угодно, лишь бы ничего не менять, были в большой моде при царском дворе.

Но времена менялись, вооружение армии требовало все больших затрат и все более развитой промышленности, все большего разрастания «язвы пролетариата», поэтому, несмотря на субъективное желание царской семьи ничего не менять, изменения шли достаточно быстро. И дефакто различие между престолом и статусной общественностью заключалось не в выборе направления движения, а лишь в представлениях об оптимальной скорости продвижения по одной же дороге в одну и ту же сторону. Однако и этого различия хватило для того, чтобы февральская революция смела и самодержавие, и всей строй монархической России. И не нашлось сколько-нибудь влиятельных политических сил, готовых защищать если не Николая II, то хотя бы саму трехвековую династию. Утверждается, что даже Синод уже через несколько дней после отречения Николая повелел заканчивать литургию словами «Временному Правительству многая лета» (Шавельский 1954, Ардов 2006).

Однако не это противоречие сломало дореволюционную Россию. На другом полюсе русского общества шло движение совсем в иную сторону. Реформа Столыпина, имевшая целью ликвидацию общинного землевладения и введение реальной крестьянской частной собственности на

землю, наталкивалась на встречное желание устроить всеобщий «черный передел» по китайскому образцу, столь же радикально расходящийся с прошлым России, что и столыпинские преобразования. И чем ближе к центру России, тем меньше уважалась собственность, тем с большей охотой крестьяне жгли усадьбы и ждали не выделения отрубов, а «черного передела».

Но как же получилось, что конкурирующие между собой элиты шагали в одну сторону, а народ и народническая интеллигентская контрэлита в другую? Первая и очевидная причина – уже обсуждавшееся перенаселение. Но на аграрное перенаселение крестьянин может реагировать поразному – во-первых, переехать в город и стать наемным рабочим, во-вторых, использовать более эффективные методы земледелия и стараться выжать из своего клочка земли (кстати, весьма немалого по европейским и тем более по китайским нормам) как можно больший урожай, и, наконец, в-третьих, не обращая внимания на право собственности, делить и переделивать все сельскохозяйственные земли по справедливости, т.е. поровну.

Почему основным выбором стал именно третий путь? Из-за исконного русского стремления к справедливости, многократно описанного классиками русской литературы? На наш взгляд, корни такого выбора и такого понимания справедливости заключались прежде всего в проводившейся не один век политике династии и помещиков. Для сохранения числа налогоплательщиков и крепостных, чтобы не исключить более слабых и ограничить более сильных, искусственно веками насаждалась передельная община, почти не имевшая корней[2] в русской истории. Наконец в XIX в. политика правительства достигла своей цели – уравнительные переделы земли из навязанного извне правила превратились в моральную норму, более того, стали едва ли не стержнем народных представлений о справедливости[3]. Но успех пришел слишком поздно, именно тогда, когда правительство успело передумать и стало ограничивать навязанные ими же переделы сперва 12-летними интервалами, а в ходе столыпинской рефор-

[2] По имеющимся данным (История крестьянства 1986: 451), в XVI – первой половине XVII в. локальные переделы земли были достаточно многочисленны, однако они за редкими исключениями имели целью лишь выделить минимальный надел наиболее слабым, но отнюдь не поделить все поровну.

[3] «Созданная на рубеже веков источниковая база (два земско-статистических обследования за 1897–1900 гг. и др.) показывает за 40 пореформенных лет мощный рост передельного движения – главный показатель поиска общиной своего жизнеобеспечения в условиях нехватки земли. Первые переделы сопровождались драками, люди ложились под сохи, в одном случае этот акт повлек 7 убийств (!), власти прибегали к арестам. Повторные переделы шли спокойнее, общинно-передельное владение легализуется, на смену вспышкам борьбы за землю приходит правовой уравнительно-передельный порядок» (Посадский 2000). Об «оживлении земельно-передельных функций общины, особенно в условиях повышенной миграционной активности сельского населения и размаха долгосрочного отходничества» в царствование Александра III пишут (Голотик и др. 2003) и другие авторы.

мы и вовсе пыталось их ликвидировать. Обратный путь оказался очень сложен: 12-летний срок между переделами земли крестьяне приняли[4], а переход к частному владению землей вызвал протест у большей части крестьянства[5] Центральной России как морально недопустимый. В дополнение к предыдущему замечанию нельзя не добавить, что и относительно медленный темп урбанизации (по сравнению с ростом земельного голода) во многом объяснялся именно действиями правительства, смертельно боявшегося «язвы пролетариата».

Но даже моральный императив навязанной правительством формы землевладения не объясняет, почему желание крестьян получить бесплатно всю землю из несбыточной мечты превратилось в лозунг дня, почему право собственности и весь традиционный порядок (для поддержки которого и вводились переделы) потеряли авторитет. Как правило, в ответ на этот вопрос говорят о том, освобождение крестьян случилось через век после дворянской вольности, и крестьяне перестали признавать власть помещиков, продолжая надеяться лишь на царя. Возможно, такая интерпретация хорошо описывала ситуацию 1861 г., но никак не 1917 г., когда свержение царя и даже расстрел без суда царской семьи оставили холодными все население России, и в том числе якобы монархически настроенных крестьян.

Ответ на этот вопрос, как нам кажется, может быть только один: в глазах крестьянского населения России (а также рабочих и левой интеллигенции) и государственный строй, и освящающая его православная церковь потеряли авторитет, образно говоря, из знаменитой уваровской формулы выпали два члена – романовское самодержавие и огосударствленное православие. Не только земля помещиков и малоизвестные крестьянам российские законы, но также власть и жизнь царя и даже христианское причастие потеряли ценность. Империя утратила легитимность («мандат Неба»).

Обсуждая причины потери легитимности, мы становимся на путь догадок. Отметим сразу, что такие настроения охватили не только крестьян, но и рабочих. Например, весьма ярко расхождение понятий о справедливости проявилось в неприятии рабочими самой возможности получать большие прибыли от военных поставок (Поликарпов 2008). А вслед за правом получать прибыли основания потеряла и сама частная собственность, полузаконные секвестры (напоминающие национализацию) были

---

[4] По некоторым данным (Пивоваров 2002), двенадцатилетние интервалы между глобальными катаклизмами русской истории начала XX века (1893 – 1905 – 1917 – 1929) объясняются именно сроками передела земли.

[5] Впрочем, есть также данные опросов (Чернышев 1997), говорящие о преобладании негативного отношения к общине, но события лета и осени 1917 г. заставляют усомниться в их релевантности.

одобрены рабочими, и они ожидали продолжения (которое и случилось после октября 1917 г.).

Самое расхожее объяснение заключается в действенности агитации народников, эсеров, социал-демократов или жидомасонов, увидевших смуту в русской душе и совративших ее. Но это было бы слишком просто. В любом случае революционеры русского, еврейского или иного происхождения никак не тянут на змеев-искусителей. Народнические мотивы появились на самых ранних этапах русского освободительного движения, народники скорее следовали крестьянским представлениям, в свою очередь порожденным царской администрации, чем навязывали крестьянам свои взгляды. Они лишь пытались придать крестьянским представлениям рациональную форму и радикализировать их. Причем первое хождение в народ в 70-х гг. XIX в. было малоуспешным или совсем безуспешным. Успех к радикальным агитаторам пришел тогда, когда сами «народные массы» стали жечь, грабить и делить, а агитаторам оставалось лишь подливать масло в огонь и давать санкцию на бунт с помощью непонятных слов и печатных прокламаций.

Поэтому, на наш взгляд, искать причины делегитимации власти и веры надо в настроениях самих рабочих и крестьян. Наша версия заключается в том, что безземелье совпало с несостоявшейся, но ожидаемой реформацией. Слово «реформация» в предыдущем предложении имеет почти в точности тот же смысл, что и европейская Реформация в любом учебнике истории – переход от христианско-языческого двоеверия к рациональной вере, от суеверия – к религии, от обряда – к проповеди. Трудно доказать, что русские не потеряли интереса к религии и что действительно людям требовалась настоящая вера. Социологических опросов тогда не проводилось, а самые яркие единичные примеры позволяют сделать любые выводы. Тем более что внешние проявления, на первый взгляд, свидетельствуют скорее о массовой индифферентности к религии: нехождение к причастию, безразличная реакция на казнь царя, весьма вялый протест против закрытия храмов и разнузданной антирелигиозной агитации. Для сравнения представьте себе, что в любой мусульманской стране (или даже в католической Польше) новая власть закрыла мечети (костелы) и распространяет богохульные брошюры Е. Ярославского – ну и сколько дней такая власть могла бы продержаться?

Перечислю ряд косвенных аргументов в пользу моего предположения. Во-первых, массовая вера горожан в марксистскую квазирелигию в довоенные годы и большей части всего народа в послевоенные годы указывает, что религиозные чувства в народе не угасли, только церковь не могла их удовлетворить. Но все же это слишком косвенный аргумент, ибо настроения народа меняются, и послереволюционные, и тем более послевоенные, настроения не позволяют уверенно судить о дореволюционных. Второй аргумент – это резкий рост числа сект и массовое распростране-

ние староверия, сектантства и протестантизма в предреволюционные годы. Оценка в 25 миллионов староверов и сектантов, прозвучавшая в Государственной Думе, наверняка завышена, но 10–15 миллионов могут быть вполне справедливой оценкой (Никольский 1985; Юзов 1881). Успех проповедей Иоанна Кронштадтского показывает готовность людей тех лет (вроде бы индифферентных к религии), слушать любое живое слово о Боге и спасении.

Третьим аргументом нам послужит неожиданная статистика, приведенная в книге Б. Н. Миронова: «...процент зарегистрированных внебрачных детей у православных снижался: он составил в 1859–1863 гг. 3,4, в 1870 г. – 3,0, в 1885 г. – 2,7, а в 1910 г. – 2,3. Итак, получается, что по мере модернизации, урбанизации и индустриализации происходило относительное уменьшение числа внебрачных детей среди православных женщин, в то время как у старообрядцев, католиков, протестантов и иудеев оно увеличивалось» (Миронов 2003, т. 1: 203–204). Сам Б. Н. Миронов объясняет это распространением контрацепции и абортов. Не отрицая полностью их роли, мы все-таки не можем согласиться с тем, что католики существенно менее сурово, чем православные, осуждали внебрачные рождения, а контрацепция среди православных приобрела столь широкое распространение, что смогла переломить тенденцию. В совокупности с известным фактом увеличения строгости нравов в России в XIX в. по сравнению с XVIII в. данная статистика, на наш взгляд свидетельствует о сохранении или даже усилении осознания греховности прелюбодеяния, несмотря на растущее отчуждение от официальной церкви.

Конечно, не надо полагать, что стремление к реформации (как в России, так и в Германии на четыре века раньше) имело сугубо духовные идеальные мотивы. Далекие от нужд крестьян, потакающие помещикам и состоятельным прихожанам, нередко пьющие и корыстные, состоявшие на правительственной службе чиновники духовного ведомства могли вызывать неприятие и у людей, весьма далеких от религиозных запросов. Но даже суеверные атеисты (как и многие из нас) все равно искали духовных учителей, которые помогли бы им найти свой путь в непонятном и меняющемся мире, и редко находили их среди священнослужителей государственной церкви.

На разлитое в воздухе стремление к реформации указывает также движение с другой стороны. И руководители церкви, и общественность, не читавшие моих рассуждений, чувствовали необходимость если не Реформации или Возрождения с прописных букв, то по крайней мере реформирования со строчной буквы. Деятельность церковного начальства привела к восстановлению патриаршества и ряду других изменений в церковной жизни. В результате религиозного брожения в российском обществе «открылся ряд “Религиозно-философских обществ”: в Москве, в Петербурге, в Киеве. В этих обществах происходили оживленные прения

на самые жгучие религиозно-философские, религиозно-культурные, религиозно-общественные темы» (Бердяев 1989). Однако общий итог религиозного брожения[6] был очень скуден – в итоге родились лишь заумная софиология и сервильное обновленчество. По-видимому, самым крупным явлением несостоявшейся православной реформации, в известной мере объединяющим народное и интеллигентское религиозное брожение, было толстовство. В общем, еще не было ни Уиклифа, ни Гуса, когда были уже нужны Лютер и Кальвин.

И тем не менее, несмотря на потоки крови, огромные разрушения и утраты, новую религию нельзя признать полностью неуспешной. С новой религией и российской народ сохранился в границах прежней империи, и его асабиййа (если есть смысл о ней говорить), и даже сама уваровская формула уцелели и обрели новую инкарнацию и новую славу. Хотя век марксистской веры был недолог, она оказала огромное влияние на весь мир в XX в., и причины ее падения принадлежат иной истории. И мы все держим в уме именно эту историю, из-за чего с такой страстью спорим о причинах революции, произошедшей почти 100 лет назад.

В заключении своего комментария попытаюсь разделить причины революции на пять основных уровней.

Первый уровень – это отмеченный Б. Н. Мироновым о «недостаток у двух последних императоров и общественности терпимости, мудрости и дальновидности». Действительно, и «нетерпение» революционеров (и даже левых кадетов), с одной стороны, и чрезмерная осторожность двух последних императоров и их окружения – с другой, совокупно весьма способствовали приближению кризиса. Из их действий (и/или бездействия) самые тяжкие последствия имело решение о вступлении России в Первую мировую войну (или даже о развязывании этой войны), фатальный результат которой так точно предсказал П. Н. Дурново (1922). Но не стоит их слишком винить в этом – если не рассматривать историю в духе модной ныне конспирологии, то остается признать, что основные участники драмы не разыграли за деньги роли в чужом спектакле, а действовали в рамках своих представлений о должном (и/или выгодном), и маловероятно, что они могли поступить иначе.

Впрочем, начало войны можно было разве что оттянуть, отменить ее вовсе вряд ли было возможно. Кризисы, каждый из которых был способен втянуть Европу в мировую войну, возникали едва ли не ежегодно. А широкое использование правящим классом России националистической риторики, понемногу заменявшей традиционно-имперскую, в сочетании с откровенно империалистической политикой других великих держав, особенно Германии, опоздавшей к разделу мирового пирога, и союзнически-

[6] «Вряд ли можно сказать, что у нас был религиозный ренессанс. Для этого не было достаточно сильной религиозной воли, преображающей жизнь, и не было участия в движении более широких народных слоев» (Бердяев 1989).

ми обязательствами России, отягощенными долговыми расписками, почти не оставляло России шансов остаться вне мировой войны. Встречающиеся во многих книгах надежды на то, что в какой-то иной более поздний момент Россия (СССР) окажется лучше готова к войне, чем в 1914 и 1941 гг., неявно исходят из странного предположения, что остальные державы застынут в бездействии, пока Россия (СССР) достигнет наилучшей формы.

Второй уровень – это сомнительные перспективы России безболезненно выйти из мальтуазианской ловушки. Как указывалось выше, это была проблема не только России. но и многих других стран Европы. Российские преимущества в соревновании роста количества доступного зерна с ростом населения состояли в огромной еще не полностью освоенной территории страны и возможности в критических ситуациях сокращать экспорт хлебов. Но и российские проблемы были не меньше: склонность населения к экстенсивному способу хозяйствования, исчерпывание неосвоенных плодородных земель, начинающийся (или уже развивающийся) экологический кризис в Черноземной полосе; очень медленный спад рождаемости, отставание роста урожайности зерновых от роста населения; сокращение количества лугов для выпаса скота; большая неравномерность обеспеченности хлебом разных губерний; резкие колебания урожаев от года к году. Независимо от того, росло или сокращалось потребление хлеба на душу населения в начале XX в., с одной стороны, общий уровень жизни населения, безусловно, в среднем поднимался (рост грамотности, уровня медицинской помощи, усвоение гигиенических навыков [пресловутые мыло и карболка], снижение смертности, увеличение потребления мяса и овощей и т.д.), а с другой стороны, расстояние до порога голода оставалось очень малым. И относительные небольшие расхождения в данных между двумя оппонентами не в состоянии изменить неопределенный прогноз ни на положительный, ни на отрицательный.

Третий уровень – описанное выше растущее расхождение в представлениях о будущем России между «единственным европейцем» в казенном мундире и западником в «цивильном костюме», с одной стороны, и крестьянином в армяке и интеллигентом в толстовке – с другой. Манифест 17 октября, Государственная дума со сложной системой выборов по куриям, столыпинская реформа и многие другие начинания царской власти – от послаблений евреям и «кухаркиным детям» до поддержки погромщиков – пытались преодолеть расхождения, но тщетно. Расхождения становились все больше, а если между сторонами и вырисовывались какие-то точки соприкосновения, но эти редкие компромиссы заключались не в подконтрольных власти зубатовских профсоюзах или Союзе русского народа, а в совещаниях трудовиков и левых фракций Думы, на съездах и собраниях социал-демократов и социал-революционеров. В итоге царская власть не справилась ни в феврале с легальной оппозицией, ни летом и осенью с поджигателями усадеб и делителями земель и фабрик на китай-

ский манер. Вся кропотливая работа по медленному продвижению к правовому государству и «вступлению на путь постепенного ослабления ограничений в правах евреев» не принесла плодов, право собственности было забыто, земля была разделена по едокам, правового государства так и не получилось, а евреи получили равные права одним росчерком пера.

Четвертый уровень – это распад самих оснований трехсотлетней истории власти династии Романовых и тысячелетней истории православной церкви, не сумевшей породить собственную реформацию. Если пытаться поставить перелом русской истории в контекст решительных переломов в истории других стран, то он, пожалуй, займет промежуточное место между сменами династий, религиозными реформациями и переходами на другие религии, с одной стороны, и сменами цивилизаций – с другой. Ибо в 1917 г. сменились династия, социальный строй, религия, идеология, символика, персональный состав элиты, но остались территория, столица, тираническая (близкая к монархической) форма правления, многие российская традиции, включая общее неуважение к закону и коррупцию, основные геополитические интересы, а вскоре восстановился и агитационный исторический нарратив, а вместе с ним и значительная часть прежнего пантеона национальных героев.

Пятый уровень стоит в стороне от четырех предыдущих и не может быть включен в матрешку кризисов, один глубже другого. Россия была империей, а не национальным государством, среди ее населения православные составляли не более 70% населения, а собственно русские – от 45 до 55% (в зависимости от определения этнической принадлежности белорусов и восточных украинцев), и любые потрясения центральной власти не могли не сказаться на целостности империи. В конечном итоге получилось, что среди великих континентальных и морских империй XIX в. Россия развалилась одновременно и первой (в 1917 г.) и последней (в 1991 г.). Но и до кризиса отсутствие внутреннего этнического единства было значительной преградой как для демократизации России, так и для ее превращения в национальное государство.

Могла ли Россия благополучно пройти между пятью парами Сцилл и Харибд, обойтись без кровавых потрясений и, сохранив как можно большую часть имперских владений 1913 г., превратиться в правовое государство? Может быть, и могла. История знает сослагательное наклонение, но, к сожалению, во множественном числе, а не в единственном. И мы не можем уверенно выбрать самую благополучную из несбывшихся историй.

Библиография

Ардов М. 2006. *Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни. Узелки на память.* М.: Собрание.

Бердяев Н. А. 1989. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути»). *Типы религиозной мысли в России.* Т. 3. Париж: ИМ-

КА-Пресс, 1989. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.renesans.ru /renaissance/article_05.shtml

Вишневский А. Г. 2006. (Ред.). *Демографическая модернизации России. 1900–2000.* М.: Новое издательство.

Голотик С. И.. Карпенко С. В., Красовицкая Т. Ю., Минаев В. В. 2003. Россия на рубеже XIX–XX вв. власть, экономика и общество. *Новый исторический вестник* 1(19).

Дурново П.Н. 1922. Меморандум. *Красная новь* 6.

История крестьянства 1986. *История крестьянства в Европе.* Т.2. М.: Наука.

Люри Д. И. 1997. *Развитие ресурсопользования и экологические кризисы.* М.: Дельта.

Мельгунов С. П. 2007. *На путях к дворцовому перевороту.* М.: Айрис-Пресс.

Милов Л. В. 1998. *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса.* М.: РОССПЭН.

Мальтус Т. Р. 1993. Опыт закона о народонаселении. *Антология экономической классики.* Т. 2: 5–136. М.: Эконов.

Милюков П. Н. 1905. *Государственное хозяйство России в первой четверти XVII века и реформы Петра Великого.* СПб.

Миронов Б. Н. 2003. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*: в 2 т. Т. 1, 2. 3-е изд. СПб.: Дм. Буланин.

Нефедов С. А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века.* Екатеринбург: Уральский гос. горный ун-т.

Никольский Н. М. 1985. *История русской церкви.* М.

Пивоваров Ю. 2002. Русская политическая культура и political culture (Общество, власть, Ленин). *Pro et Contra* 7/3.

Посадский А. В. 2000. Диалектика общинного и индивидуального на пределе экстенсивного развития (стереотипы сознания и поведения саратовского крестьянства, 1861–1920 гг.). *Социологические исследования* 4: 83–92.

Поликарпов В. В. 2008. *От Цусимы к Февралю.* М.: Индрик.

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. 1991 [1898]. *Россия. Энциклопедический словарь.* Л.: Лениздат.

Справочник 1980. Справочник по детской диететике. Л.: Медицина.

Соловьев Ю. Б. 1990. *Самодержавие и дворянство в в 1907–1914 гг.* Л.: Наука.

Чернышев И. В. 1997. *Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 года. К вопросу об общине* / Предисл. П. А. Кудинова. М.

Шавельский Г. И. 1954. *Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота.* Нью-Йорк: Изд. им. Чехова.

Юзов И. И. 1881. *Русские диссиденты – староверы и духовные христиане.* СПб.

Bairoch P. 1993. *Economics and World History.* Chicago, IL: The University of Chicago Press.

Biraben J.-N. 2003. L'évolution du nombre des hommes. *Population et sociétés* 394: 1–4.

DeLong, J. B. 1998. Estimating World GDP, One Million B.C. – Present. Available at: http:// www.j-bradford-delong.net/TCEH/1998_Draft/World_GDP/ Estimating_World_GDP.html).

Durand J. D. 1974. *Historical Estimates of World Population: An Evaluation.* Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Population Center.

Maddison A. 2001. *Monitoring the World Economy: A Millennial Perspective.* Paris: OECD.

McEvedy C., Jones R. 1978. *Atlas of World Population History.* New York, NY: Facts on File.

Nordhaus, W. 1997. Do Real Output and Real Wage Measures Capture Reality? The History of Light Suggests Not. *The Economics of New Goods* / Ed. by T. Bresnahan and R. Gordon. Chicago: University of Chicago Press. P. 29–66.

Takahiko F. 1996. *Forecasting Future Population Trends.* Tokyo: Nihon-keizai.

Tsirel S. V. 2004. On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population. *Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics* / Ed. by M. G. Dmitriev, A. P. Petrov. Moscow: Russian State Social University. P. 367–369.

Аннотация

В статье обсуждается применимость структурно-демографической теории к предреволюционной ситуации в России в контексте спора между Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым. Представлена математическая модель влияния технического прогресса на уровень жизни населения, наглядно показывающая, что ситуация балансирования на гране мальтузианского кризиса была характерна в XIX в. не только для России, но и для многих стран Европы. В целом возможность России обойтись без кровавых потрясений определялась вероятностью одновременно пережить пять кризисов различной глубины:

- суметь остаться в стороне от мировой войны или вступить в нее на максимально благоприятных условиях;
- безболезненно выйти из мальтуазианской ловушки при начинающемся экологическом кризисе и медленном снижении уровня рождаемости;
- преодолеть растущее расхождение между европезирующимся обществом (и монархией) и народом (вместе с радикальной интеллигентской контрэлитой), стремящимся к «черному переделу» земли;
- преодолеть распад самих оснований власти династии Романовых и православной церкви, иначе говоря, провести православную Реформацию;
- разрешить национальные противоречия в континентальной империи.

Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции

Л. Е. Гринин

1. Предварительные замечания

Так уже получается, что в процессе обсуждения участниками дискуссии двух противоположных точек зрения вместо двух появляется гораздо больше мнений. Моя статья не будет исключением, т. к. добавит еще одну точку зрения, хотя в известной степени ставит целью найти возможность совмещения позиций дискутантов.

Но прежде всего хотелось бы поблагодарить обоих исследователей за интересные, основательно фундированные и актуальные работы, за возможность глубже понять, в чем состоит специфика статистических данных по изучаемому вопросу, увидеть спектр мнений, высказываемых в историографии, сильные и слабые стороны разных позиций, источников и проблематику их интерпретации. Вслед за остальными участниками дискуссии вынужден признать, что без собственных глубоких исследований сделать вывод о предпочтительности или большей точности того или иного источника крайне сложно. С другой стороны, если задачу не удается решить только с помощью обращения к статистике потребления, то нужны обращения к другим данным, в т.ч. и косвенным. В этом плане показатели антропометрических данных заслуживают всяческого внимания, хотя очевидно, что полностью полагаться на них было бы неправомерно. Но, возможно, еще большую значимость имеют общие тенденции развития страны[1]. Крайне важно также обращение к аналогичным периодам в истории других стран (что показывает в своей первой статье С. А. Нефедов [см. выше, с. 25–60; см. также: Нефедов 2005, 2007] и в некотором плане пытаюсь сделать и я).

Но в процессе привлечения таких косвенных данных или важных аналогий есть опасность чрезмерного давления теории. Собственно, в настоящей дискуссии, на мой взгляд, вполне проявляется эта тенденция, поскольку кажется, что над обоими дискуссантами их теория довлеет в большей степени, чем было бы желательно, она и определяет полярность в предпочтении тех или иных авторов и источников, приводит порой к

---

[1] Тут можно согласиться с Н. С. Розовым (см. выше, с. 140–157): чтобы выделить сложную взаимосвязь этих факторов и динамик, необходимы не только новые источники и данные, но и специальная концептуальная и теоретическая работа.

неоправданным выводам и интерпретациям фактов, даже отрицанию вполне очевидных моментов. В частности, в целом представляется, что С. А. Нефедов преувеличивает бедность и недопотребление в значительной части крестьянства российских губерний, а Б. Н. Миронов преуменьшает их.

Поскольку в дискуссии затронуты очень сложные проблемы, а также специальные вопросы, комментарий в любом случае окажется неполным, однобоким и фрагментарным. В статьях обоих авторов рассматривается временной отрезок XIX – начала XX в. В своем комментарии я остановлюсь только на последних двух-трех десятилетиях, которые, на мой взгляд, являются наиболее важными для понимания причин русских революций.

2. В чем все-таки основной вопрос дискуссии?

В статьях С. А. Нефедова и Б. Н. Миронова обсуждается вопрос о том, понижался ли жизненный уровень и уровень потребления российских крестьян в XIX – начале XX в. вследствие роста малоземелья и недостаточной доходности крестьянского хозяйства под влиянием роста демографического давления. Несколько утрируя, отметим, что С. А. Нефедов считает наиболее ясным показателем уровня жизни среднедушевое потребление калорий (прежде всего количества хлеба), Б. Н. Миронов, помимо этого, обосновывает другой комплексный показатель – средний рост и индекс массы тела. Несомненно, что эти показатели крайне важные. Однако потребление калорий (даже если мы имеем стопроцентно признанные данные, чего в настоящий момент нет) не является полным показателем уровня жизни, на что правильно указывает С. В. Цирель (в настоящем выпуске Альманаха). Он также подчеркивает, что совокупность условий, определяющих качество жизни, очень сложно оценить каким-либо одним показателем уровня жизни. Тем не менее, на мой взгляд, в этом плане крайне интересным показателем был бы валовой доход (или национальный доход) на душу населения и особенно его динамика (если она устойчиво росла, то даже при отсутствии роста потребления это свидетельствовало бы о ростё уровня жизни, хотя и однобоком). Б. Н. Миронов в своей первой статье в данном выпуске Альманаха хотя и приводит данные о национальном доходе на душу населения на 1913 г., не дает данных о динамике его роста. Но судя по целому ряду различных показателей роста тех или иных отраслей сельского хозяйства (см., например: Лященко 1956), его рост не только не отставал от роста населения, но даже обгонял его (см. также Табл. 1):

Табл. 1. Производство хлеба и картофеля на душу населения[2]

Периоды	*Население, млн чел.*	*Чистый сбор хлебов и картофеля, млн четвертей*	*На одну душу населения приходится в четвертях чистого сбора*	
			Зерновых хлебов	*Картофеля*
1864–1866 гг.	61,4	152,8	2,21	0,27
1883–1887 гг.	81,7	255,2	2,68	0,44
1900–1905 гг.	107,6	396,5	2,81	0,87

А рост промышленности и тем более существенно опережал рост населения; по некоторым, возможно, завышенным, данным, объем российской промышленности вырос в 4 раза с 1890 по 1913 гг. (Черкасов, Чернышевский 1994: 395), в результате чего постоянно росла доля промышленного производства в национальном доходе. Таким образом, общий рост национального дохода на душу населения имел место. А это значит, что и уровень жизни рос, хотя, повторю, однобоко и по-разному в отношении разных групп населения.

Следовательно, уровень жизни и уровень потребления хотя и тесно связанные (особенно в отношении крестьян) показатели, однако не синонимичные. Уровень доходов может расти, но уровень потребления оставаться тем же или даже несколько снижаться, если избыток доходов направляется на иные цели (скажем, на накопление или приобретение земли, орудий труда и т. п.). Но бесспорно, что крестьяне стали больше потреблять промышленных товаров, алкоголя, различного рода услуг (в т. ч. медицинских и образовательных)[3].

С другой стороны, в отношении релевантности антропометрических данных и сам Б. Н. Миронов признает, что питание являлось важным, но не единственным фактором, обусловливавшим состояние здоровья населения. Оно действовало в сложной взаимосвязи с другими факторами (Миронов 2002). Я думаю, что конкретно в отношении дореволюционной России они действительно служат показателем того, что питание населения хотя и было невысоким, но в целом не только не падало до уровня физиологического выживания, а напротив, несколько росло[4]. Исходя из

[2] Очень любопытно, что эта таблица приведена в работе В. И. Ленина (Ленин 1974: 214), согласно этим данным, рост чистых сборов намного опережал рост населения. Эти данные П. И. Лященко (1956: 69–70) комментирует так, что население росло в 2 раза медленнее, чем сбор всех хлебов и картофеля, а количество собираемого хлеба и картофеля на душу населения выросло на 48,4% .

[3] Для сравнения: потребление тканей на душу населения в 1913 г. составляло 13,4 м^2, в 1950 г. – 16,5 м^2; в 1960 – 26,5 м^2 (то есть ушло не так далеко, хотя легкая промышленность в СССР довольно активно развивалась) (Иоффе 1972: 225).

[4] Однако в отношении универсальности использования такого рода данных (либо универсальности применяемых методик их интерпретации) заметно смущают выводы в отноше-

этого, а также из статистических данных, приведенных Б. Н. Мироновым, его позиция в отношении уровня жизни российского населения выглядит более предпочтительной и более соответствующей общей экономической тенденции России как страны с быстро развивающейся промышленностью и растущим сельским хозяйством.

И все же если бы спор шел только о том, был ли более или менее удовлетворительным уровень потребления российских крестьян до революции и повышался он или нет, проблема оставалась бы достаточно узкоспециальной. Но проблема выглядит гораздо острее. Дело в том, что вопрос, которым С. А. Нефедов начинает свою статью: «Была ли русская революция начала XX в. случайностью или кризис был обусловлен долговременными экономическими процессами?», – это фактически центральный вопрос дискуссии. Он также вполне логично спрашивает, почему все же произошла революция, если, по мнению Б. Н. Миронова, уровень аграрного производства «в целом удовлетворял существовавшие в то время потребности в продовольствии» (Миронов 2008: 95).

Позицию С. А. Нефедова, что русская революция была совсем не случайной, а имела глубокие причины под собой, я разделяю полностью. Но я не согласен с причинами, которые он считает главными. С. А. Нефедов дает на свой вопрос, по сути, вполне логичный, но почти фаталистический ответ: «Фактически демографический взрыв был приговором старой России: при существовавшем распределении ресурсов страна не могла прокормить нарождающиеся новые поколения» (см. выше первую статью С. А. Нефедова, с. 55). Таким образом, по его мнению, революция была неизбежна потому, что Россия находилась в состоянии сжимающейся мальтузианской «ловушки»[5], выйти из которой она не могла, что неизбежно рано или поздно должно было привести к катастрофе. Такой фатализм, вступающий в противоречие с мощной динамикой роста производства в стране, на мой взгляд, не может приниматься как безусловный. Далее я попытаюсь показать, что в этом подходе, на мой взгляд, является правильным, а что нет.

Б. Н. Миронов в настоящей статье не отвечает на вопросы о причинах русской революции. Формально, конечно, его задача другая – показать, что в России уровень потребления был выше, чем считает С. А. Нефедов, и этот уровень постепенно, хотя и медленно, рос. Тем не менее, вопрос о причинах революции встает неизбежно: если все шло на подъем, в чем причина нарастающего недовольства в обществе, почему произошла ре-

---

нии советского периода. Б. Н. Миронов говорит, что антропометрические данные показывают, что с начала 1930-х гг. рост мужского населения повышался (Миронов 2009), когда именно 1930-е и 1940-е гг. были необычайно тяжелыми в смысле потребления, голода, государственных и военных тягот (объяснение, данное автором, в отношении советского периода 30–50-х гг. не кажется достаточно убедительным).

[5] Далее везде даю этот термин без кавычек.

волюция, была ли революция только случайностью? И Б. Н. Миронов должен был бы дать на него ответ, хотя бы в своей ответной реплике Нефедову (в этом выпуске) «Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить» (на мой взгляд, он не дал убедительного ответа на этот вопрос и в окончательном своем резюме по дискуссии). Я солидарен с С. В. Цирелем, который считает (в этом выпуске Альманаха), что ответ Б. Н. Миронова («Недостаток у двух последних императоров и общественности терпимости, мудрости и дальновидности привел к революции, погубившей в пучине многие достижения двухвековой модернизации»), высказанный им в другом своем произведении (Миронов 2003: 270), вряд ли что-либо объясняет[6].

Таким образом, вопрос, почему на фоне такого, казалось бы, в целом благоприятного экономического развития в течение по крайней мере двух десятилетий нарастало общественное недовольство властью и фактически шла конфронтация всех слоев с верхами, крестьянства с землевладельцами, рабочих с хозяевами и т. п., является центральным вопросом дискуссии, что и подтвердили комментарии других ее участников. Давно обсуждается, не была ли в конечном счете революция случайностью, вызванной войной? На мой взгляд, нет, хотя доля случайности в столь успешной и быстрой февральской революции была, известная доля случая была и в захвате власти большевиками. Но нет никакого сомнения, что Россия и без войны стояла на пороге революции. Представляется интересным посмотреть, каким образом рост производства и даже потребления мог теоретически и фактически сочетаться с ростом общественной напряженности?

К этому мы вернемся чуть позже, а сейчас я хотел бы дополнительно привести несколько аргументов и цифр в пользу тезиса о росте потребления в предреволюционной России, а также рассмотреть вопрос о значении русского экспорта.

3. По поводу уровня жизни, роста производства некоторых продуктов и экспорта

Ниже я вернусь к вопросу о том, была ли Россия в абсолютном мальтузианском кризисе и мальтузианской ловушке. Однако сразу же надо заметить: если под мальтузианским кризисом понимается абсолютное ухуд-

---

[6] Фактически пока же приходится реконструировать позицию Б. Н. Миронова. В частности, как указывает П. В. Турчин (см. в настоящем выпуске Альманаха), Б. Н. Миронов в интервью журналу *Эксперт* (3 ноября 2008 г.) привлекает элементы теории модернизации для объяснения революции. Хотелось бы яснее понять, какие именно элементы этой теории. За себя и за Миронова гораздо более развернутый ответ дал М. А. Давыдов (см. в этом выпуске). Но и его ответ все же в основном сводится к роковым и крайне неудачно для России совпавшим случайностям. Отрицать такое совпадение не приходится, но закономерное нарастание революционных настроений в течение десятилетий показывает, что глубинные причины революции не были случайными.

шение рациона крестьянства, постепенное уменьшение средней нормы потребления в связи с ростом населения и отставанием от него роста производства, то такой ситуации в России не было, хотя заметные элементы недопотребления у значительной части населения, безусловно, имели место. Но в целом, как говорилось выше, рост производства вообще и рост производства продуктов питания обгонял рост населения.

Поскольку в России был и быстро развивался внутренний рынок (и быстро рос оборот рынка внешнего), росли города и была достаточно высокая внутренняя миграция, даже те потребляющие губернии, где производство хлеба и картофеля оказывалось недостаточным, не были в положении абсолютной мальтузианской ловушки, т. к. могли производить иную высокотоварную сельхозпродукцию (например, лен) и соответственно приобретать продовольствие. Об этом не стоило бы и говорить, если бы уровень потребления не измерялся С. А. Нефедовым строго в натуральных величинах. Но период натурального хозяйства давно прошел, уже в начале XX в. земледелие давало крестьянам менее половины дохода, промыслы (по разным оценкам) – 22–28%, доходы от скотоводства, огородничества, пчеловодства, рыболовства, собирательства, общинной собственности по бюджетным данным – 22% (эти данные приводит Б. Н. Миронов в своей первой статье данного выпуска Альманаха; см. также его данные о доле денежных доходов в общем доходе крестьян). К 1913 г. ситуация, возможно, еще более изменилась в пользу несельскохозяйственных занятий. Таким образом, рост товарности и промышленности позволял диверсифицировать доходы крестьянства, что вело к определенному росту потребления (по крайней мере, в среднем). О росте товарности можно судить по Табл. 3. При этом рост цен на продукты питания, особенно в последний период (с 1909 по 1913 гг.), был значительным, рост товарности аграрного производства опережал рост населения, это означает, что имелись стимулы и резервы для увеличения внутреннего производства.

Конечно, рацион крестьян часто был скудным и не особенно разнообразным, весной продовольствия во многих семьях не хватало, в периоды недородов питание было и вовсе неважным, но в целом оно было выше физиологической нормы. При недостаточной достоверности статистических данных (с учетом того, что главные аргументы вращаются вокруг цифры 10–15% в ту или иную сторону от объемов душевого потребления) крайне важно установить динамику роста производства и потребления продовольствия. Представляется, что в целом она была повышательной. Хотя хлеб и картофель составляли основу питания россиян до революции, однако кажется, есть основания считать, что шел рост потребления некоторых других продуктов, что, вполне возможно, вело к уменьшению хлеба и картофеля в рационе россиян, по крайней мере в среднестатистиче-

ском выражении[7]. Такая тенденция была общеевропейской, хотя в России проявлялась и слабее. В этой связи приведу данные по двум довольно показательным продуктам, которые реально активно внедрялись в питание россиян, – сахару и растительному маслу. Производство сахара выросло с 38,8 млн пудов в 1897 г. до 92,37 млн пудов в 1913 г., то есть в 2,4 раза (Брокгауз, Ефрон 1991: 237; Лященко 1956: 412–143; Иоффе 1972: 173). Производство растительного масла выросло с 3 млн (48 тыс. т) в 1893 г. до примерно 33,6 млн пудов, или 538 тыс. т, в 1913 г. (Брокгауз, Ефрон 1991: 239; Иоффе 1972: 172), то есть более чем в 10 раз. Разумеется, рос и экспорт продовольствия (см. Табл. 3), но в целом абсолютный прирост, остающийся в стране, по-видимому, существенно превышал рост населения[8]. С 1901 по 1912 гг. питейные доходы казны возросли примерно в 2 раза, при этом с сельского населения – также в два раза[9]. Все это позволяет согласиться с Б. Н. Мироновым, что наблюдался некоторый рост доходов крестьян (и населения в целом[10]), а также, видимо, можно считать, что несколько увеличилось и среднее потребление продовольствия в пересчете на килокалории. В целом все это говорит о том, что имел место пусть и медленный, но рост потребления.

Б. Н. Миронов совершенно правильно отмечает, что в условиях отсутствия необходимой статистики относительно потребления необходимо обращаться к косвенным источникам. Одним из таких косвенных, но важных источников, на мой взгляд, является русская литература, совершенно никак не затрагиваемая в статьях оппонентов. Хотя русская литература выступает как одна из самых реалистичных в мире, проблемы недоедания, голода никогда не выступали в ней в качестве ведущих. И это, как мне думается, косвенно подтверждает, что уровень потребления – более высокий, чем физиологическая норма. Это полностью относится и к произведениям о крестьянах конца XIX – начала XX в. Возьмите произведения Л. Н. Толстого о них или более позднюю *Деревню* И. А. Бунина, или *Мужиков* А. П. Чехова, или рассказы В. Г. Короленко, или даже произведения просоциалистического М. Горького (хотя бы его трилогию, особенно *Мои университеты*), – нигде проблема недоедания и тем более голода не является ведущей (если вообще присутствует). Главные темы:

---

[7] Конечно, многие продукты потреблялись прежде всего в городах, но надо учитывать, что огромное число сельчан постоянно или временно жило в городах, крестьяне все чаще в праздники посещали города и тратили там деньги.

[8] Отмечу, что помимо экспорта существовал и продовольственный импорт, например риса, хотя, конечно, и намного меньший, чем экспорт продовольствия.

[9] Согласно данным из первой статьи Б. Н. Миронова, питейный доход вырос с 1901 г. по 1912 г. с 476,3 млн р. до 953 млн р., в т. ч. с сельского населения – со 143,9 млн р. до 256,3 млн р.

[10] Об этом свидетельствуют и другие показатели: рост вкладов в сберкассах, рост реальных зарплат рабочих, рост товарооборота и т. п. За 20 лет (с 1894 по 1913 г.) вклады в сберкассах выросли в 7 раз – с 300 млн р. до 2 млрд р. (Изместьев 1990: 77).

разрушение моральных, особенно семейных, норм из-за стремления к богатству, мироедство, расслоение, пьянство, дикость нравов, бездуховность; отдельная важнейшая тема – малоземелье («куренка некуда выпустить»). «Деревня насквозь беда», – говорит один из героев Горького, но не потому, что там голод, а потому, что там пьют, дерутся, нет смысла жизни, темнота, невежество и прочее. Можно также указать, что проблема голода не является ведущей и в рассказах М. Горького о его бродяжничестве по Руси и о русских бродягах того времени, которые почти всегда могли найти себе работу. Является главной тема недоедания, например, в знаменитой пьесе «На дне»? Нет. О чем рассуждают опустившиеся люди – разве о хлебе? Нет, о смысле жизни: «Человек – это звучит гордо!» В русской литературе во многих произведениях описываются богомольцы, которым везде подают (пройдите в голодной стране тысячи верст до Киева, побираясь!). А вот малоземелье, повторю, действительно, одна из главных тем литературы[11].

Поэтому следовало бы разделить две стороны проблемы, которые у С. А. Нефедова являются практически синонимичными: малоземелье и балансирование на грани физиологического выживания. Малоземелье, причем постоянно усиливающееся, – да. Но балансирования на грани голодного физиологического выживания, как описывает С. А. Нефедов, или не было, или оно постепенно ослабевало, хотя было немало «голодноватых» районов. В деревне могли убить за землю (или за коня-кормильца), но не за хлеб! Мечта хозяйственных крестьян – прикупить (арендовать) землю. Малоземелье и тяжелые условия аренды земли (действительно полукрепостнической) – вот главные проблемы хозяйственных крестьян[12].

---

[11] У Л. Н. Толстого есть ряд публицистических работ, посвященных проблеме голода в деревне, в частности: «О голоде» и «Голод или не голод?» (см.: Толстой 1984), написанные соответственно в 1891 и 1898 гг. по поводу бедствий, связанных с неурожаями и недородами. В них, особенно в последней работе, Толстой подчеркивает значительное недоедание крестьян центра в течение двадцати лет, то есть с конца 1870-х гг. (там же: 183). Но в то же время он подчеркивает – а это важно для целей настоящей работы – что питание горожан было существенно лучше (там же: 183, 185). Но важно отметить, что в дальнейшем тема голода не фигурирует активно в публицистическом творчестве Л. Н. Толстого, во всяком случае, мне такие работы неизвестны. На мой взгляд, это подтверждает (или, по крайней мере, не опровергает) то, что динамика развития шла в сторону медленного улучшения положения с питанием. В этой же статье, кстати говоря, Толстой утверждает следующее: «Молодые люди черноземной полосы последние 20 лет все меньше и меньше удовлетворяют требованиям хорошего сложения для воинской службы; всеобщая же перепись показала, что прирост населения, 20 лет назад бывши самым большим в земледельческой полосе, все уменьшаясь и уменьшаясь, дошел до нуля в этих губерниях» (там же: 183–184). Это высказывание важно в том плане, что оно одинаково противоречит идеям как Миронова, так и Нефедова, хотя мне трудно судить, насколько можно считать верными данные Л. Н. Толстого.

[12] Что касается бедных крестьян, то достаточно часто нехватка у них продовольствия заключалась не в физической невозможности его произвести или заработать себе на хлеб, а в неумении хозяйничать, лени, апатии, пьянстве, порой в неудачно сложившихся обстоятель-

Характерно, что захват земли помещиков, а нередко и семян для ее засева, был одним из наиболее распространенных форм крестьянских волнений до революции.

Отметим также, что поскольку крестьяне платили не запредельные налоги[13], а деньги можно было заработать как в деревне, так и в городе, продавать хлеб бедным крестьянам особой нужды не было (см. Табл. 2), что одновременно как способствовало росту уровня потребления бедняков, так и понижало его, поскольку с отсутствием потребности продавать значительное количество хлеба исчезала и внешняя необходимость у многих бедняков стремиться к росту производства[14]. Это могло усиливать диспропорции в уровне доходов, расслоение же в русской деревне (хотя это вопрос дискуссионный) было достаточно сильным, что видно даже из Табл. 2. Производство товарного хлеба было сосредоточено главным образом в руках крепких крестьян (кулаков) и в меньшей степени – в руках помещиков, что видно из Табл. 2. С учетом того, что цены на хлеб обгоняли остальные цены, их рост был выгоден крестьянству в целом, но прежде всего, конечно, зажиточным крестьянам. Это было одной из главных причин постоянного роста цен на землю (наряду с демографическим давлением)[15]. Середняки и бедняки поставляли только 28,4% хлеба, при том что бедняки из них поставляли меньшую часть.

ствах. По мнению Л. Н. Толстого (см. сноску выше), это связано с упадком морального духа крестьян черноземного центра. Расслоение крестьян на бедняков и хозяйственных, как известно, происходило и в первый период советской власти, в 1920-е гг., когда уже не было ни помещиков, ни экспорта хлеба в таком объеме. В романе М. А. Шолохова *Поднятая целина* очень хорошо показано, как некоторые крестьяне относились к своему хозяйству и к накоплению. К слову сказать, даже в догосударственных и раннегосударственных обществах проблемы бедности (при достатке земли и полной возможности прокормить себя) актуально существовали. М. Д. Салинз в своей знаменитой книге *Экономика каменного века* (Sahlins 1972; Салинз 1999) подробно описывает, что и эти протокрестьяне делились на хозяйственных и ленивых (в частности, он говорит об Океании), у последних часто не хватало пищи, и они, пользуясь тем, что родовые обычаи гостеприимства были сильны в этих социумах, активно посещали своих более богатых родственников, кормились там и получали подарки. Естественно, что такая ситуация сказывалась на социальном статусе, но она показывает, что помимо социальных причин бедности практически всегда действуют и психобиологические.

[13] Хотя, возможно, все же их тяжесть несколько занижается Б. Н. Мироновым. Представляется также, что он не совсем правомерно считает, что выкупные платежи не надо относить к налогам. Даже если формально это были иные платежи, то фактически народ их, в принципе, так и рассматривал, и они были, по сути, принудительными: формально можно было отказаться, но фактически, конечно, крестьянам некуда было деваться.

[14] Ситуация, когда крестьяне предпочитали все потреблять сами и мало продавать, наблюдалась при нэпе, в результате рост производства хлеба замедлился, что, собственно, и явилось одной из причин коллективизации.

[15] Аналогичная ситуация складывалась в Англии в XVI–XVII вв., где цены как на землю, так и на ее аренду росли очень быстро, но спрос со стороны крупных фермеров и зажиточных крестьян (иоменов) не сокращался (Дмитриева 1990; Тревельян 1959).

Табл. 2. Валовая и товарная продукция хлеба до Первой мировой войны (по Лященко 1956: 412–413)

	Валовая продукция хлеба		*Товарный хлеб (внедеревенский)*		*% товарности*
	млн пудов	*%*	*млн пудов*	*%*	
Помещики.....	600	12,0	281,6	21,6	47,0
Кулаки.....	1 900	38,0	650,0	50,0	34,0
Середняки и бедняки	2 500	50,0	369,0	28,4	14,7
Итого.....	5 000	100	1 300,6	100	26,0

С. А. Нефедов говорит о российском экспорте как о «голодном», по сути, как о чистом вычете из питания крестьян. Думается, что это неправомерно. Стоит рассмотреть этот вопрос в разных аспектах. Думается, что рост экспорта не вредил в целом росту потребления, а напротив, стимулировал его. Ситуация с экспортом была такова, что высокие цены на хлеб дополнительно стимулировали рост его производства[16]. Без роста экспорта цены на хлеб внутри страны неизбежно были бы ниже, что не стимулировало бы производства хлеба, в результате производство и соответственно потребление его внутри страны могли бы быть даже ниже, чем при экспорте. Но не менее важно, что экспорт давал стране возможность ввозить капитал, делать внутренние займы (что, кстати, ослабляло налоговое давление на население и фактически частично вело к повышению потребления за счет заемных средств – этого не было бы при слабом рубле, а без экспорта хлеба рубль был бы слабым). Ввоз капитала и машин вел к росту рабочих мест, что позволяло тем же крестьянам зарабатывать больше и потреблять больше.

В целом рост экспорта и товарности вел, с одной стороны, к повышению сельскохозяйственного производства и к повышению потребления, но с другой стороны, к повышению разрыва в доходах между разными слоями крестьянства. В результате социальное напряжение в обществе могло даже нарастать.

[16] По поводу положительного влияния высоких цен на рост сельскохозяйственного производства и возможности выйти из мальтузианского кризиса/ловушки см.: Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин, Коротаев 2009б; Гринин, Малков, Гусев, Коротаев 2009.

Табл. 3. Рост товарности и экспорта (по: Лященко 1956: 278–279). Рост железнодорожных перевозок (как показатель общей товарности сельскохозяйственных продуктов) и рост экспорта в 1911—1913 гг. по сравнению с 1901–1905 гг., по исчислениям П. И. Лященко (там же), характеризуются следующими относительными цифрами (1901—1905 гг. = 100)

Наименование продукта	*Рост перевозок*	*Рост экспорта*
Зерновых хлебов	122	107
Свекловицы	246	98
Картофеля	161	365
Сахара	159	207
Спирта	160	409
Льна и конопли	131	131
Табака	136	1936
Мяса	1119[17]	207
Яиц	141	139
Молочных продуктов вообще	212	205
Масла	159	200
Птицы битой	150	153

4. Был ли социальный кризис в России?

Итак, каким образом сочетались экономический рост и определенный рост уровня жизни и нарастание революционных настроений?

Прежде всего отметим, что рост революционных и оппозиционных настроений далеко не всегда проистекает именно от того, что уровень жизни снизился до предела, до физического выживания. Напротив, нередко такого рода вещи вели просто к вымиранию населения (его «разбеганию», деградации и т. п.) без ярких или масштабных общественных проявлений (что может быть связано с неспособностью людей к такого рода сопротивлению, отсутствием у них необходимых организационных форм, физическим ослаблением населения и т. п.) Голод начала 1930-х гг. (Голодомор), как известно, не вызвал сильных волнений – народ просто умирал. Сокращение населения в России в XVI в. при Иване Грозном, связанное с разорением, войной и опричниной, не вызвало таких волнений. Но в иных условиях подобного рода вещи вызывают ожесточенное сопротивление (как было в 1920–1921 гг. в России).

Однако почему, собственно, революция должна быть обязательно вызвана только существованием на грани физиологической нормы потребления? На самом деле, как это ни парадоксально, часто революции проис-

[17] Я не совсем уверен в цифре, которую приводит Лященко по товарности мяса, но если она правильная, то рост перевозок мяса в 11 раз за 10–15 лет впечатляет и вовсе не говорит о том, что население балансировало на грани физиологической нормы потребления.

ходят именно в период некоторого повышения уровня жизни населения, после которого неожиданное временное ухудшение на фоне устойчивого недовольства властью (причем и со стороны высших слоев тоже) вызывает всеобщее возмущение и социальный взрыв. По сути, это доказал еще Алексис де Токвиль, исследуя «старый», то есть дореволюционный (до 1789 г.), порядок во Франции (Токвиль 1997). Такого рода волнения могут быть связаны с нарастанием острых (но все же не уровня вопроса жизни и смерти людей) проблем. Именно неспособность властей решить эти проблемы в условиях, когда все решения завязаны именно на власти, могут вызвать к ней постоянное негативное отношение, а в определенный момент вызвать взрыв. Иногда просто возникает ситуация, когда руководство надоедает населению, но само уже неспособно к защите своей власти. Так произошло и в феврале 1917 г. Таков был и конец СССР. При этом мы считали, что в период М. С. Горбачева жизнь стала совершенно невыносимой, а власть надо немедленно сменить. Но оказалось, что жизнь может быть существенно хуже вроде бы «невыносимой» жизни.

Сказанное, однако, ни в коей мере не позволяет полностью согласиться с Б. Н. Мироновым, который, по его же словам, «в последние десять лет в ряде статей и в книге *Социальная история России* доказывал, что в XIX – начале XX в. не было ни перманентного социально-экономического кризиса, ни обнищания населения» (см. выше первую статью Б. Н. Миронова в настоящем выпуске Альманаха [с. 67] со ссылкой на: Миронов 2003: 344–350). В этом высказывании необходимо строго разделить некоторые моменты. Да, я согласен, что перманентного обнищания населения не было (хотя его очень большая часть жила весьма и весьма скудно); в принципе, можно считать, что не было экономического кризиса (если не брать во внимание ситуацию конца 1916 г.). Но как можно говорить всерьез о том, что не было социального кризиса, когда Россию сотрясали революции, крестьянские волнения, кровавые рабочие забастовки и беспорядки? Такое заявление выглядит довольно странным. Даже если Б. Н. Миронов считает, что революции в России были случайностью (его позиция по этому вопросу не была высказана однозначно), то и тогда социальный кризис все равно имел место. Без социального кризиса невозможны длительное и успешное существование подполья, политический террор, захваты помещичьих земель, упорное голосование за радикальные партии и т. п. В целом же, как сказано выше, по-видимому, и без мировой войны в России произошла бы новая революция, поскольку власть не пыталась провести глубокие социально-экономические преобразования[18],

[18] По мнению многих исследователей, после смерти Столыпина крестьянская реформа окончательно заглохла. В качестве доказательства обычно приводят данные МВД по выходу крестьянских хозяйств на отруба и хутора. Однако рядом исследователей этот вывод оспаривается, т. к. они ссылаются на огромный размах землеустроительных работ и активно проводившиеся размежевания земель в 1910–1916 гг. (см., например: Тюкавкин 2001; см. также: Кривошеин 1993; ряд данных приведен и в статье М. А. Давыдова в настоящем

а напряженность нарастала[19]. Уже в 1914 г. эта напряженность поднялась до весьма высокого уровня и дошла до баррикад. Иное дело, чем закончилась бы эта предполагаемая революция. Можно предположить, что, скорее всего, даже если бы она победила, не большевики пришли бы к власти. Вот приход большевиков к власти в гораздо большей степени был обусловлен особым стечением обстоятельств (в т. ч. вооруженным народом и надоевшей войной).

Сама же революция определялась вовсе не случайными, а глубинными причинами, которые мы далее и рассмотрим.

5. Демографическое давление и причины русской революции

Причины русской революции многообразны, их следует анализировать в разных аспектах. Но в целом их можно определить как усиливающееся несоответствие социального и политического строя и господствующей идеологии (возвышающей наиболее влиятельную элиту) быстрым социальным, экономическим и культурным изменениям в стране, включая и подпитывающий их быстрый демографический рост. Другими словами, Российское государство и общество стали испытывать большие перегрузки, вызванные модернизацией, к которым их конструкция и идеология не были готовы. Только своевременные и глубокие перемены в государственном строе и обществе могли бы изменить ситуацию. Но поскольку они запаздывали, в связи с резким убыстрением темпа развития в обществе возникли серьезные деформации. На этом фоне все слабости режима резко обострились быстрым демографическим ростом, который действительно стал постоянным источником напряженности. И все же, повторю, не недоедание было решающей причиной революции.

Прежде всего надо отметить, что первичный и наиболее организованный источник революционного напряжения был в городах. Между тем в городах питание было однозначно лучше, чем в деревне. Это лишний раз доказывает, что первичной причиной революции 1905 г., противостояния в столице в июле 1914 г., да и по большому счету февральской революции 1917 г.[20] было не физиологическое недопотребление, а иные социальные

Альманахе). Однако не совсем ясно, насколько такое размежевание, касавшееся в основном, по-видимому, общин, можно считать реформой, ведущей к росту частной земельной собственности.

[19] Это не отменяет мысли о том, что теоретически революции можно было избежать либо при других действиях правительства, либо при ином правительстве.

[20] Если не считать проблему перебоев со снабжением в городах во время войны. С одной стороны, возникновение массовых волнений в феврале 1917 г. доказывает, что русские города снабжались всегда хорошо, горожане никогда не испытывали трудностей с продовольствием, вот почему перебои со снабжением стали столь мощным катализатором роста недовольства. С другой стороны, февральская революция произошла в условиях войны, которая стала очень непопулярной, в условиях полного падения престижа царской власти. Никакие

проблемы, включая, конечно, и проблемы контрэлиты (см. статью П. В. Турчина в настоящем выпуске Альманаха)[21]. Ибо если человек голоден, для него самое важное – быть сытым. Однако, приходя в город, зарабатывая достаточно, чтобы быть сытым (и даже пьяным), пользуясь благами городской цивилизации, почему россияне не успокаивались? Как видно, причины недовольства были глубже недоедания.

Важнейшая проблема России состояла в том, что в ней сложилась очень сильная диспропорция между уровнем жизни, доходами (а также и потреблением) разных слоев и страт населения (традиционная диспропор-

---

перебои с хлебом в других условиях (в условиях военных побед, уважения к царской семье, неразложившейся армии и т. п.) никогда не вызвали бы подобного развития событий. Это был бы просто эпизод народного недовольства, каким его изначально и считали.

[21] С некоторыми выводами Турчина можно согласиться, в частности с тем, что в России не было понижения жизненного уровня населения, что оскудение дворянства играло определенную роль. Однако согласиться с его идеями о перепроизводстве элиты в России как главной причины русской революции не представляется возможным. Бесспорно, в России каждый грамотный человек на что-то претендовал, и стремление к государственной службе было велико (в т. ч. это было одним из мотивов вовлечения в революционную деятельность российского еврейства, отстраненного от службы; хотя можно ли назвать евреев контрэлитой? Все-таки вряд ли). Но отметим, что в России катастрофически не хватало образованных людей, так что в большинстве случаев человек мог вполне прилично себя содержать. Быстро растущие города, банки и промышленность открывали блестящие перспективы сотням тысяч российских интеллигентов, которые, кстати сказать, на частной службе получали гораздо большее жалованье, чем на государственной. Любопытно, что процент дворян среди российского офицерства и даже генералитета постоянно падал (что стало одной из причин ненадежности армии), это свидетельствует о том, что российские дворяне больше не рвались в армию. Отметим также, что множество оппозиционных деятелей получили блестящие высокооплачиваемые посты, в частности в Думе, различных комитетах, но это не уменьшало их стремления к изменению строя согласно их идеологии. Думаю, что между стремлением прилично устроиться в рамках существующего строя и маниакальным стремлением свергнуть этот строй и установить справедливый порядок существует большая разница; первая характеризует контрэлиты, а вторая – революционный настрой, проистекающий от состояния не столько материальной неудовлетворенности, сколько духовной. Иными словами, российские интеллигенты и революционеры искали не возможности больше зарабатывать (хотя они этим вовсе не брезговали, но считали это достаточно низким мотивом), а правды жизни, высшей справедливости; они не столько желали служить, сколько вершить судьбы страны. Я не думаю, что это хорошо вписывается в структурно-демографическую теорию, скорее, это именно общее (хотя и ложное) ощущение устарелости строя, его неадекватности, связанное с модернизацией (роль которой П. В. Турчин как раз неправомерно отрицает), приходом на общественную арену новых слоев, новых классов. И опять же – российский пролетариат и частично мелкая буржуазия были основной революционной силой. Между тем структурно-демографическая теория вовсе никак не объясняет этот феномен. Мы также не видим никаких требований обнищавшего дворянства к наделению его землей или какие-то иные специфические требования обделенных элит. Вряд ли и П. В. Турчин укажет такие специфические элитарные требования в период русской революции. А раз нет специфических требований, нет и смысла говорить о контрэлите как о чем-то самом главном. А вот лозунги рабочих и крестьян были вполне классовыми и вполне осязаемыми, что говорит в пользу ведущей роли модернизации в сочетании с демографическим давлением (что я, собственно, и пытаюсь далее доказать).

ция между старыми и новыми господами, с одной стороны, и народом – с другой; между крестьянами богатыми и бедными). При этом очень значительная часть населения оказалась в ситуации, когда положение относительно (в гораздо меньшей степени абсолютно) ухудшалось по сравнению с положением других слоев. Рост общего богатства страны не вел к его достаточно равномерному распределению, чтобы преимущества трансформации могли почувствовать все слои населения, а отсталость социально-политического режима не позволяла произвести или довести до конца необходимые реформы и модификации[22]. Социальная политика если и не отсутствовала вовсе, то была весьма слабой, в лучшем случае сводилась к помощи голодающим районам в случае недородов.

Если рассматривать вопрос в аспекте социальной психологии, то главный источник недовольства в дореволюционной России (так сказать, на уровне самых общих причин первого порядка) проистекал из того, что жизнь сильно изменилась и постоянно менялась (где-то в лучшую, а где-то – в худшую сторону). В результате произошла и социально-психологическая переоценка социального порядка. То, что раньше казалось естественным и неизбежным, теперь стало казаться невыносимым. С одной стороны, социальная ситуация уже не удовлетворяла изменившееся под влиянием огромных перемен мировоззрение людей (ставших значительно грамотнее). С другой стороны, социальная психология не успевала приспособиться к изменениям, понять действительные (а не кажущиеся) причины трудностей, правильно оценить изменения. Поэтому большинство населения (то есть крестьяне) не хотели мириться с сильным социальным расслоением внутри общины, несправедливостью, возросшей ролью денег, новой моралью, не хотели ломать привычного уклада, в то же время быстро усваивая привычки более зажиточного образа жизни. Последнее особенно касалось фабричных рабочих (которых многие русские писатели и общественные деятели считали просто развращенными мужиками и бабами). Они не были, конечно, зажиточными, но и отнюдь не голодали, даже праздновали каждое воскресенье (и не питались по карточкам, как их потомки в советское время)[23]. Среди рабочих, тем более среди квалифицированных, было много хорошо зарабатывающих людей. И все же именно рабочие (и даже служащие, которые уж тем более жили лучше крестьян) оказались ударным отрядом революции. С другой стороны, ни государство, ни элита не оказались готовыми к быстрым изменениям, и

---

[22] Общеизвестно, насколько наличие общины усугубляло демографическую и экономическую ситуацию в основных районах страны, более раннее изменение общинного строя могло бы привести к лучшим результатам.

[23] Если вернуться к примерам из русской литературы, то можно вспомнить, например, знаменитый роман А. М. Горького *Мать*, где рабочие вовсе не показаны как голодающие; произведения А. И. Куприна *Молох* и *Юзовский завод*, в которых описываются тяжелые, античеловеческие, нездоровые условия работы, но не голодающие рабочие и т.п. Можно также сослаться на некоторые произведения К. М. Станюковича, А. С. Серафимовича и др.

они вовсе не желали перемен, отвечающих насущному моменту, поэтому и дали мало людей, способных переломить ситуацию. Россия стала сложной по социальному составу страной, а власть по-прежнему рассматривала ее строй, говоря словами историка С. М. Соловьева, как общество, состоящее из двух слоев: мужей и мужиков (в частности, считая такими и городских рабочих).

Однако какую роль играло в русской революции аграрное перенаселение и вызванное им малоземелье в русской революции? Бесспорно, огромную. Поскольку именно постоянный рост малоземелья, связанный с мощнейшим демографическим давлением и общинным землевладением, не позволял быстрее внедрять новые формы хозяйствования и усиливал экологический кризис, создавая постоянное напряжение в обществе, и придал русской революции те размах, глубину и упорство, которые и привели страну к катастрофе. Однако опыт истории (в т. ч. и СССР) показывает: само по себе крестьянство не способно совершить революцию и обычно даже не способно дать запал революции. Без «городского» запала революции не будет, власть, скорее всего, удержится. Кроме того, крестьянство как таковое не стремится свергнуть власть, захватить ее, это идея городской интеллигентской экстремистской части, крестьянство стремится к переделу земли, и потому его можно успокоить (см. ниже мнение П. А. Сорокина по этому поводу). Поэтому, повторим, революции в России были в первую очередь городскими, крестьянство вступало в борьбу позже и во многом под влиянием агитации из города (имея в то же время свою собственную идею и основу для недовольства)[24]. Иными словами, малоземелье и демографическое давление не были решающими причинами в смысле возникновения революции, но их можно считать решающими в отношении придания ей огромного размаха и разрушительной силы, позволившей уничтожить целый ряд важнейших институтов общества.

Все это позволяет сделать вывод, что в России не было типичного классического мальтузианского структурно-демографического кризиса, характерного для позднеаграрных стран с государством, которое можно было бы определить как развитое. В России были уже крупная промышленность и зрелое государство[25]. Структурно-демографически теория, вопреки тому, что говорит П. В. Турчин, не объясняет в достаточной мере этих ситуаций[26]. А в этой ситуации, как мы видели, демографическое дав-

---

[24] Отметим, кстати, что и большевики долго рассматривали крестьян как инертную или реакционную массу.

[25] Согласно моей типологии эволюции государственности можно выделить: раннее; развитое; зрелое государство (см.: Гринин 2007*а*, 2007*б*). Последний тип (в своих оформившихся чертах) относится только к странам, в которых уже началась индустриализация.

[26] Структурно-демографическая теория в ряде существенных моментов опирается на идеи Дж. Голдстоуна (см., например: Нефедов 2005). Сам Голдстоун строил свою теорию на базе социально-политических кризисов XVII в. (Goldstone 1988, 1991) в странах, которые, по моей терминологии, относились к развитым, но не зрелым государствам. Структурно-

ление играет очень важную, но не решающую в возникновении революции роль. По сути, это давление не может даже создать глубокий социальный кризис, а может быть только его фоном или придать ему общенациональный размах и особую глубину. Вот почему в России в начале XX в. уже не было типичной мальтузианской ловушки. В России сложился особый вид кризиса, характерный для индустриализующихся стран с сильными пережитками феодализма, который я мог бы назвать мальтузианско-марксовой ловушкой, о чем и идет речь далее.

6. Что такое мальтузианско-марксова ловушка и была ли она в России?

Под мальтузианской ловушкой понимается типичная для доиндустриальных обществ ситуация, когда рост общественного производства (в результате того, что он сопровождается обгоняющим демографическим ростом) не сопровождается в долгосрочной перспективе ростом производства ВВП на душу населения и улучшением условий существования подавляющего большинства населения, остающегося на уровне, близком к уровню голодного выживания (см., например: Artzrouni, Komlos 1985; Steinmann, Komlos 1988; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann, Prskawetz, Feichtinger 1998; Wood 1998; Kögel, Prskawetz 2001; Коротаев 2006; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009).

Таким образом, мальтузианская ловушка предполагает ситуацию, когда общество не может технологически разрешить проблему повышения продуктивности сельского хозяйства так, чтобы она росла быстрее населения; не имеется системы (либо она очень ограниченна и неустойчива) такого международного разделения труда, при котором бы ряд государств мог сосредоточиться на производстве промышленной продукции, обеспечить этим более быстрый рост ВВП по сравнению с ростом населения, ввозя недостающее продовольствие. Очевидно, что в России до 1917 г. ситуация была существенно иной. Имелся огромный экспорт продовольствия, рост производства и производительности в сельском хозяйстве не отставал и даже обгонял рост населения, а рост промышленности был еще более быстрым. При этом технологически открывались огромные возможности для дальнейшего роста продуктивности сельского хозяйства и производительности аграрного труда (в виде кооперации, применения но-

---

демографическая теория в гораздо меньшей степени приложима к зрелым индустриализующимся государствам. Но даже и к ряду развитых государств, в т. ч. Англии XVII и Османской империи (включая ее часть – Египет) в XVII–XVIII вв., к Египту XIX в., она приложима неполностью (см., например: Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009; Гринин 2007*в*; Гринин, Коротаев 2009*а*). Ниже мы еще частично коснемся этого вопроса.

вых агрономических приемов, удобрений, машин и т. п.)[27]. Колоссальные возможности открывались и частично реализовывались в плане превращения общинной (технологически менее производительной) собственности на землю в частно-надельную[28]. Развитие промышленности и известные реформы могли вывести страну на другую траекторию развития. Вот почему наиболее разумные и умеренные реформаторы в России говорили о необходимости более рациональной перестройки крестьянского хозяйства.

Это показывает, что необходимо различать две в чем-то похожие, но существенно различные модели, связанные с мальтузианской ловушкой. Первая – когда общество не в состоянии технологически разрешить мальтузианскую проблему; вторая – когда технологически она решаема, но в процессе ее разрешения возникают сильные социально-экономические диспропорции[29]. В этой связи мной и коллегами (Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009) была высказана мысль, что вполне возможна ситуация, при которой в доиндустриальных обществах имеется рост ВВП на душу населения, превышающий рост населения, однако из-за диспропорций в распределении общественного продукта основные выгоды от этого роста достаются только небольшой части общества, в результате чего общественное богатство растет одновременно с ростом социально-экономической поляризации общества. Мы считаем, что такую ситуацию надо рассматривать уже как **мальтузианско-марксову «ловушку»**, для выхода из которой нужен не только экономический подъем, но и социальное реформирование (см.: Гринин, Коротаев, Малков 2008: 81). Однако эта идея в наших предыдущих работах не получила достаточного теоре-

---

[27] С 1908 по 1912 гг. расходы на приобретение машин возросли в 2,5 раза – с 54 млн р. до 131 млн р. (Изместьев 1990: 77).

[28] Ситуация несколько напоминала ситуацию в XVI в. в Англии, где выделение из общины и системы открытых полей вело к резкому росту производства. В Англии в XVI в. считали, что один огороженный акр стоит полутора (или больше) неогороженных (общинного). (Дмитриева 1990: 10). Хотя в ряде отношений (и, пожалуй, в целом) Россия существенно опережала Англию XVI – начала XVII в., но в некоторых смыслах она стояла на том же уровне, а где-то и отставала. Это касается, в частности, ситуации с общинным землевладением и законами против огораживаний, стремлением части крестьян выделиться; повышением производительности на огороженных землях и товарности, ростом стоимости земли, несмотря на рост цены аренды; стремительным ростом населения. Нечто похожее было и в России: цена на землю росла быстрее всего (в т. ч. и благодаря кредитам Крестьянского банка). В Англии были нередкими неурожайные годы, но отметим, что революция мало затронула крестьянство. В этом ее отличие от России. Кстати, в XVIII в. Англию называли «зернохранилищем Европы» (Галич 1986: 191 со ссылкой на: Bairoch 1971: 30) при быстром росте населения, что вызывало сильные диспропорции в потреблении в период ранней индустриализации (отмечается большая разница в росте элиты и простонародья), а в конце XIX в. она стала основным импортером зерна.

[29] В Заключении к этому выпуску Альманаха нами приводится также вариант математической модели выхода из мальтузианской ловушки.

тического развития. Пользуясь случаем, я хотел бы несколько развернуть эту концепцию.

1. Между моделями мальтузианской и мальтузианско-марксовой «ловушки», несомненно, имеется как сходство (в обоих случаях налицо быстрый рост населения, что создает сильное демографическое давление и как следствие малоземелье), так и существенное различие (в первом случае сельское хозяйство остается основным сектором, во втором – его роль постепенно уменьшается, а избыточное население может быть поглощено промышленностью).

2. Если справедлива идея, что выход из мальтузианской ловушки занял в целом три века (с XVI по XIX), то неудивительно, что мы видим эволюцию самой ловушки, в которой мальтузианская составляющая постоянно уменьшается, однако остается существенной, и появляются новые составляющие. Следовательно, есть смысл выделить и промежуточные модели (или, по крайней мере, одну такую модель).

3. Сначала мальтузианская ловушка может эволюционировать в то, что возможно назвать «мальтузианско-урбанистской ловушкой». Речь прежде всего идет уже о предындустриальных обществах с высоким уровнем урбанизации и сложившейся буржуазией. В таких обществах еще нет настоящей промышленности, но уже есть примитивная ее стадия (в частности, в виде различных типов мануфактур), а главное – уровень урбанизации приблизился к определенному порогу, за которым совершенно необходимы существенные преобразования общества (а политическая элита не осознает этого[30]), но с другой стороны, часть горожан, буржуазия и интеллигенция, выступают как передовой отряд общественной оппозиции. Наши исследования показывают, что наибольшая напряженность возникает у трансформирующихся (в т. ч. индустриализующихся) обществ с уровнем урбанизации от 10% до 20–30% (см.: Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаев 2009*б*)[31].

Англия перед революцией 1640 г. также являет собой такой пример. Франция кануна Великой французской революции – еще один из таких примеров: вопросы о правах, налогах и прочем являются там главными, хотя предреволюционные голодные годы и создают мощный фон революции. В отличие от Франции в Англии были сделаны большие успехи собственно в сельском хозяйстве, что, возможно, было одной из причин относительной инертности крестьянства в период революции.

4. Главное отличие политических кризисов и политических выступлений против власти в условиях мальтузианско-урбанистской ловушки (по

---

[30] Поэтому революции и идеологии часто носят именно такого рода характер, направленный на изменение политического и порой социального режима.

[31] Наши исследования с А. В. Коротаевым также показали, что и в новейшей истории после Второй мировой войны именно страны с уровнем урбанизации от 10 до 25% подвергаются наибольшей опасности внутренних конфликтов (Гринин, Коротаев 2009).

сравнению с ситуацией в позднеаграрных сословных обществах) заключается в следующем: имеется стремление превратить выступление в общенациональное, придать ему ярко выраженный идеологический характер, изменить существующий строй (не просто совершить переворот, не просто добиться каких-то требований), создав при этом общенациональный орган власти. При этом ядром, первичной силой такого движения выступают высшие городские слои (частично, конечно, и контрэлита или часть элиты, отстраненной от власти, но она в любом случае принимает новую идеологию). Иными словами, совершается типичная социальная революция[32].

5. В ситуации, когда появляется фабричная промышленность и заметным слоем общества становится промышленный пролетариат, возникает уже новый тип ловушки: мальтузианско-марксова ловушка[33]. Повторю, что, с одной стороны, в такого рода явлениях очень сильна составляющая демографического давления, которая в ряде стран проявляется (особенно в аграрном секторе) в зависимости от системы крестьянского хозяйствования малоземельем либо ростом арендной платы, либо ростом налогового пресса и попытками усилить феодальные повинности. Усиливающей составляющей могут служить временные (но трагические) эпизоды недородов и даже голода. Но, с другой стороны, в отличие от мальтузианской ловушки проблема перенаселения является не фатальной, а скорее социальной, поскольку: а) рост ВВП на душу населения не отстает или даже обгоняет рост населения; б) рост товарности в целом обгоняет рост населения, в результате чего урбанизация растет более быстрыми темпами, чем население в целом, усилия и капиталы направляются в наиболее доходные отрасли, что ведет к новому росту ВВП; в) уровень жизни каждого человека зависит не от количества земли, а от его денежных доходов, что позволяет усилить процессы социальной мобильности, диверсификации занятий населения, вовлечения населения в более активную жизнь; в целом поднимает уровень жизни.

---

[32] По поводу социального состава революционно настроенных масс П. А. Сорокин (1992: 286) пишет: «...*число групп, вовлеченных в революционное движение*, особенно во времена великих революций, достаточно значительное. Эти группы крайне разношерстны и состоят из людей самых разных социальных позиций. Здесь можно увидеть и негодующего за прошлые унижения профессора, и обиженного редактором газетчика, и ущемленного знатью интеллектуала, и обанкротившегося банкира, и разорившегося аристократа, и голодающего рабочего, и разоблаченного авантюриста, и склонного к насилию преступника, а также душевно неуравновешенного, но готового к самопожертвованию идеалиста». Очевидно, что такое сочетание революционной смеси может быть только в крупных городах.

[33] При этом чем сильнее шла индустриализация, тем заметнее мальтузианско-марксова ловушка превращалась в типично Марксову (представляющую собой ситуацию непримиримой классовой борьбы), но постепенно выход определялся и из нее. Появление и рост т. н. оппортунизма и социального реформирования (тред-юнионизма, рабочего законодательства и т. п.) в конце XIX – начале XX в. показал такой выход.

6. Однако такая быстрая динамика экономики и миграций требует существенных трансформаций в политическом строе, правовой системе и прочем, а эти изменения могут существенно запаздывать. В результате возникают диспропорции, которые в зависимости от общества выражаются в том или ином раскладе сил, идеологии и прочем. Именно эта диспропорция (своего рода разность потенциалов) выступает как первичная причина революции. Мальтузианская составляющая является уже вторичной причиной, но в чем-то более глубокой, и в смысле того, что аграрный сектор является большим по численности, более фундаментальной (однако сама по себе она не способна привести к такого рода переворотам). Но мальтузианская составляющая здесь сама уже выступает не в прямом отношении как ситуация буквального физиологического голодания и балансирования на уровне голодной нормы (что и вообще в истории встречается не столь часто, как может представляться), а как поставщик социально взрывоопасного материала, особенно в виде большого числа молодежи, которая, собираясь в массы, является мощнейшей силой (см. об этом Заключение; Гринин, Коротаев 2009б).

Сказанное подтверждается и давно замеченным отличием в степени революционности жителей городов и деревень. Сторонник этой идеи П. А. Сорокин, в частности, пишет: «Профессор Э. Хайес справедливо отмечал, что горожане, как правило, более революционны, чем сельчане. Более того, они обычно выступают зачинщиками, в то время как революция затухает чаще в деревне. Из недавних событий примерами, иллюстрирующими этот тезис, могут служить события в России, Венгрии, Баварии и Италии, а еще раньше события, происходящие в период парижской коммуны во Франции... и даже во времена Великой французской революции» (Сорокин 1992: 287). Сам Сорокин объяснял этот феномен тем, что индустриальные города – новый феномен социальной жизни, а человек менее приспособлен к условиям большого города, чем к сельской жизни (там же), что только частично является верным, точнее, является верным в основном для горожан в первом поколении (что, кстати говоря, нами специально отмечалось, см.: Гринин, Коротаев 2009). Зато другая причина большей революционности горожан, указанная Сорокиным, – слишком большое неравенство состояний и условий в городе, которое постоянно стоит перед глазами рабочих (Сорокин 1992: 287), – является более постоянной причиной социального недовольства[34].

[34] Отметим, что Сорокин уделял большое внимание голоду как фактору социального недовольства и революции (см., например: Сорокин 1994, там же даются ссылки и на ряд других его работ на эту тему). Но наряду с голодом он приводит еще множество других причин революций, которые он обобщает как «подавление инстинктов». Он подчеркивает, что такое подавление инстинктов возрастает очень часто не абсолютно, а относительно; что необходимо постоянно помнить об этой релятивности (Сорокин 1992: 274).

7. Марксова составляющая связана с диспропорцией в распределении выгод от быстрого экономического роста и с отсутствием социального законодательства, что делает работников порой беспомощными, а эксплуатацию – варварской[35], хотя ситуация экономического подъема заставляет хозяев идти на повышение зарплаты и бояться всякого рода простоев. Однако в ситуации кризисов опасность социального взрыва нарастает. Возможность такой грубой марксовой ловушки неразрывно связана с мальтузианской составляющей, поскольку предприниматели черпают рабочую силу именно из этого кажущегося бездонным резерва и именно демографическое давление постоянно выбрасывает в города и на промыслы все новых работников, которые обычно не обладают квалификацией. Возникает диспропорция между спросом на квалифицированную рабочую силу и чрезмерным предложением неквалифицированной рабочей силы (обычно состоящей из молодых и социально активных людей). В результате наблюдается большой разрыв в доходах рабочих разных групп.

8. Марксова ловушка могла быть преодолена только в результате завершения индустриализации, которая также уменьшила бы и прирост населения, и в условиях частной собственности на землю, которая способствовала бы ее более интенсивному использованию и большей товарности.

9. Необходимо еще указать на следующее. Процессы модернизации всегда идут сложно, это касается почти любой страны, возможно, за редкими исключениями. Но при этом они не всегда связаны с проблемами мощного демографического давления, а также с революциями. Так, например, во Франции в XIX в. население росло сравнительно медленно, за 100 лет выросло всего примерно в полтора раза: с 26,9 млн чел. до 40,7 млн чел. (Armengaud 1976: 29). Но это не помешало тому, что в ней произошло за XIX в. несколько революций. Кстати отметим, прежде всего городских. Демографическое давление может иметь место, но уменьшаться за счет эмиграции и прямой смертности от голода, примером чему служит Ирландия, население которой за XIX в. даже уменьшилось с 5 млн до 4,4 млн чел. (там же). Быстрая модернизация может сопровождаться быстрым ростом населения, но не вести к революциям благодаря более удачной внутренней и внешней политике государства (примером чему служит Япония после реставрации Мэйдзи). Словом, моделей модернизационных изменений может быть много. Мальтузианско-марксова ловушка – одна из таких моделей, хотя и довольно типичная. Но важно теоретически выделить ее, и необходима дальнейшая теоретическая работа в этом направлении, поскольку, как показывает настоящая дискуссия (и не только она), для анализа проблем аграрного перенаселения, высокого демографического давления и т. п. применение чисто неомальтузианских мо-

[35] В моей терминологии это полуэкономический тип отчуждения, отличающийся как от внеэкономического, типичного для аграрных обществ, так и от экономического, характерного для позднего капитализма и постиндустриального общества (Гринин 2003).

делей, также как и демографически-структурной теории, оказывается в ряде отношений некорректным и потому непродуктивным.

7. Был ли выход из мальтузианско-марксовой ловушки у России?

В развитие идеи различия между мальтузианской и мальтузианско-марксовой ловушками уместно задать следующий вопрос. Был ли у России приемлемый, некатастрофический выход из социально-демографического кризиса? Могло ли развитие ее экономики в конечном итоге дать такой выход, но страна сорвалась по причине неумения решать социальные вопросы? Или было фатально неизбежным, что рост населения раньше или позже втянет страну в катастрофу? Из контекста С. А. Нефедова следует, что катастрофа была неизбежной. Я уже говорил выше, что не согласен с таким ответом на поставленный вопрос. Замечу, однако, что революция сама по себе была более неизбежна, чем катастрофа, поскольку сама по себе революция в других условиях совсем необязательно должна была вести к катастрофе. Ведь не было никакой катастрофы в результате Первой русской революции. Напротив, страна получила мощный импульс к развитию. Таким образом, новая революция в других условиях вполне могла бы привести скорее к положительным, чем к отрицательным результатам, особенно если бы она закончилась частичным поражением революционеров и определенными уступками власти (на мой взгляд, путь к конституционной монархии был бы для России оптимальным). Таким образом, хотя революция 1917 г. и не была случайностью, но ее исключительно трагические результаты во многом определялись все же особым стечением обстоятельств. Мало того, в меньшей степени, но и сама революция не была неизбежной, если бы удалось провести ряд необходимых изменений.

Могла ли Россия выйти из мальтузианско-марксовой ловушки? Да, могла, но для этого надо было перестроить общину, внедрить частную собственность в сельское хозяйство, каким-то образом ускорить перестройку помещичьего землевладения (которое уже и так менялось – частью земли просто продавались, частью поместья трансформировались в интенсивное хозяйство), перестроить государственную систему и систему образования. Сделать все это Россия теоретически могла, но для этого требовались иная элита, иная власть или хотя бы иные люди на вершине власти. Поэтому Б. Н. Миронов неправ, когда, критикуя оппонента, говорит: «Если все беды России происходили от фатально высокого естественного прироста населения, то пережитки крепостничества, политика правительства и другие социально-экономические факторы не должны иметь того большого значения, которое им придается. Если дело в политике власти, которая не смогла обеспечить адекватное развитие сельского хозяйства, то высокие темпы естественного прироста населения не могли

стать решающим фактором революции, на чем настаивает С. А. Нефедов» (см. вторую статью Б. Н. Миронова в настоящем выпуске Альманаха, с. 115). Такая альтернатива неправомерна, поскольку обе группы причин усиливали друг друга, именно из-за такого взаимного усиления революционизирующих факторов катастрофа и произошла (плюс особые обстоятельства войны). Рост малоземелья, излишнего населения в деревне создавали горючий материал, который мог вспыхнуть при ситуации неудачного правления и/или неудачных внешних условий, хотя при более умелом и тонком управлении этого вполне могло бы не произойти.

В этом плане поучительно сравнить историю России и Египта в XIX–XX вв. В истории Египта в XIX – начале XX в. было несколько важных моментов, существенно сходных с развитием России, если рассматривать их в рамках демографически-структурной теории (см. подробнее: Гринин 2006). Население Египта за 100 с небольшим лет (с 1800 по 1907 гг.) увеличилось почти в 3 раза (с 3,5–4 до 11 млн чел.) и продолжало расти. Всего за 10 лет (с 1898 по 1907 гг.) оно увеличилось на 14% (Panzac 1987; McCarthy 1976). Этот рост вполне сопоставим с ростом населения в России (если учесть расширение территории в России и стабильную территорию Египта). В конце XIX – начале XX в. перенаселение остро ощущалось и в Египте. Быстрый рост населения привел также к росту малоземелья и массовому обезземеливанию крестьянства (см.: Фридман 1973). И так же, как в России, в Египте в течение всего этого времени шла мощнейшая модернизация экономики и государства. Но в отличие от России там не было социальной революции и не произошло никакой катастрофы (была борьба за независимость от английской оккупации, вылившаяся в бурные события 1919 г.). История Египта второй половины XIX– начала XX в. (хотя это была восточная страна) не связана ни с голодовками, ни с эпидемиями, ни с катастрофическим уменьшением населения[36]. Таким образом, тут мы наблюдаем ту важную особенность протекания исторических закономерностей, которая выражается в том, что сходные причины и даже сходные последствия этих причин (рост населения – демографическое давление – напряженность в обществе) не всегда вызывают сходную реакцию общества, а характер «ответа» сильно зависит как от исторических традиций и особенностей эпохи, так и от менталитета, качества государства и лидеров[37]. Не в последнюю очередь благополучное развитие

[36] В первой половине XIX в. так же, как и в России, эпидемии привели к сильному уменьшению прироста населения и временами к сокращению населения в целом. Тут кстати заметить, что в Египте потери населения были гораздо более тяжелыми в процентном отношении, чем в России, эпидемии были неоднократными, хотя случались они в фазе роста, когда перенаселения еще не было, свободной земли было много, что также несколько идет вразрез с идеями структурно-демографической теории о том, что на этой фазе последствия эпидемий не столь тяжелые.

[37] Идея разных ответов, которые дают разные общества на сходные вызовы, была одной из любимых у А. Д. Тойнби (1991).

Египта было связано с английской оккупацией (после 1882 г.), которая создала более эффективную политическую систему и уделяла больше внимания экономическому развитию, чем власть в России.

Библиография

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. 1991 [1898]. *Россия. Энциклопедический словарь.* Л.: Лениздат.

Галич З. Н. 1986. К сравнительной характеристике базисных структур Европы и Азии в канун промышленной революции. *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока* / Ред. Л. И. Рейснер, Б. И. Славный. М.: Наука. С. 184–216.

Гринин Л. Е. 2003. *Производительные силы и исторический процесс.* Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Учитель.

Гринин Л. Е. 2006. Трансформация государственной системы Египта в XIX – начале XX в.: от развитого государства к зрелому. *Египет, Ближний Восток и глобальный мир: сб. науч. статей* / Ред. А. П. Логунов. М.: Кранкэс. С. 123–132.

Гринин Л. Е. 2007*а*. *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса.* М.: КомКнига/URSS.

Гринин Л. Е. 2007*б*. *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому.* М: КомКнига/URSS.

Гринин Л. Е. 2007*в*. Политические процессы в Османском Египте XVI–XVIII вв. и теория развитого государства. *История и современность* 1: 38–84.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009*а*. О некоторых особенностях социально-политического развития Османского Египта. *Восток* 1: 46–62.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009*б*. Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. *Политические исследования* 4: 34–52.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008. Математические модели социально-демографических циклов и выхода из «мальтузианской ловушки»: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М.: ЛКИ/URSS. С. 78–117.

Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гусев В. А., Коротаев А. В. 2009. Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из «мальтузианской ловушки». *История и Математика: процессы и модели* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: URSS. С. 134–210.

Дмитриева О. В. 1990. *Социально-экономическое развитие Англии в XVI в.* М.: Изд-во МГУ.

Изместьев Ю. В. 1990. *Россия в XX веке. Исторический очерк, 1894–1964.* Нью-Йорк: Перекличка.

Иоффе Я. А. 1972. (Сост.). *Мы и планета. Цифры, факты (справочник).* Изд. 3-е, доп. М.: Политиздат.

Коротаев А. В. 2006. *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции.* М.: Вост. лит-ра.

Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* М.: КомКнига/URSS.

Кривошеин К. А. 1993. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М.: Московский рабочий.

Ленин, В. И. 1974 [1917]. *Полн. собр. соч:* в 55 т. Т. 3. М.: Полит. лит-ра.

Лященко П. И. 1956. *История народного хозяйства СССР:* в 3 т. Т. 2. *Капитализм.* 4-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Миронов Б. Н. 2002. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: Питание, здоровье и рост населения в России второй половины XIX – начала XX века. *Отечественная история* 2: 30–43.

Миронов Б. Н. 2003. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*: в 2 т. Т. 2. изд. 3-е. СПб.: Дм. Буланин.

Миронов Б. Н. 2008. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? *Уральский исторический вестник* 3: 81–95.

Миронов Б. Н. 2009. О чем говорит рост человека: возможности, состояние и перспективы исторической антропометрии для понимания динамики исторического процесса. *История и Математика: процессы и модели* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: URSS. С. 33–73.

Нефедов С. А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века.* Екатеринбург: Изд-во УГГУ.

Нефедов С. А. 2007. *Концепция демографических циклов.* Екатеринбург: Изд-во УГГУ.

Салинз М. Д. 1999. *Экономика каменного века.* М.: ОГИ.

Сорокин П. А. 1992. Социология революции. В: Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация. Общество..* М.: Политиздат. С. 266–294

Сорокин П. А. 1994. Голод и идеология общества. В: Сорокин П. А. *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет.* М.: Наука. С. 367–395.

Тойнби, А. Дж. 1991. *Постижение истории* / пер. с англ. М.: Прогресс.

Токвиль А. де. 1997. *Старый порядок и революция.* М.: Моск. филос. фонд.

Толстой Л. Н. 1984. Публицистические произведения 1886–1908 гг. В: Толстой Л. Н. *Собр. соч.:* в 22 т. Т. XVII.

Тревельян Дж. М. 1959. *Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории.* М.: Изд-во ин. лит-ры.

Тюкавкин В. Г. 2001. *Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа.* М.: Памятники исторической мысли.

Фридман А. А. 1973. *Египет 1882–1952 гг. Социально-экономическая структура деревни.* М.: Наука.

Черкасов П., Чернышевский Д. 1994. *История императорской России от Петра Великого до Николая II.* М.: Международные отношения.

Armengaud A. 1976. Population in Europe 1700–1914. *The Industrial Revolution. 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, London: Harvester. P. 22–76.

Artzrouni M., Komlos J. 1985. Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41/3–4: 21–39.

Bairoch P. 1971. *Le tiers-monde dans l'impasse. Le démarrage économic du XVIIIe au XXe siècle.* Paris: Gallimard.

Goldstone, J. 1988. East and West in the Seventeenth Century: political crises in Stuart England, Ottoman Turkey and Ming China. *Comparative Studies in Society and History* 30: 103–142.

Goldstone, J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* Berkeley: University of California Press.

Komlos J., Artzrouni M. 1990. Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. *Mathematical Population Studies* 2: 269–287.

Kögel T., Prskawetz A. 2001. Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Economic Growth* 6: 337–357.

McCarthy J. A. 1976. Nineteenth Century Egyptian Population. *Middle Eastern Studies* 12/3: 1–39.

Panzac D. 1987. The Population of Egypt in the Nineteenth Century. *Asian and African Studies* 21: 11–32.

Sahlins M. D. 1972. *Stone Age Economics*. New York: Aldine de Gruyter.

Steinmann G., Komlos J. 1998. Population Growth and Economic Development in the Very Long Run: A Simulation Model of Three Revolutions. *Mathematical Social Sciences* 16: 49–63.

Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. 1998. A Model on the Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Population Economics* 11: 535–550.

Wood J. W. 1998. A Theory of Preindustrial Population Dynamics: Demography, Economy, and Well-Being in Malthusian Systems. *Current Anthropology* 39: 99–135.

Аннотация

В первой части статьи рассматриваются аргументы Б. Н. Миронова и С. А. Нефедова в отношении двух главных вопросов дискуссии: динамики уровня жизни в дореволюционной России и причин русской революции. По мнению автора, Нефедов преувеличивает бедность и недопотребление в значительной части крестьянства, а Миронов преуменьшает их; Миронов не дал сколько-нибудь ясного ответа на вопрос о причинах русской революции, и ошибается, фактически сводя их к совпадению роковых случайностей; Нефедов прав, что русская революция имела под собой глубокие причины, но не прав в том, что главные причины революции сводились к балансированию населения на уровне физиологической нормы потребления. Во второй части статьи автор дает собственное объяснение причинам русской революции, которые в целом можно определить как усиливающееся несоответствие социального и политического строя и господствующей идеологии быстрым социальным, экономическим и культурным изменениям в России, включая и подпитывающий их быстрый демографический рост. Для объяснения особенностей социального кризиса в России автор доказывает, что в России уже не было ситуации типичной мальтузианской ловушки, характерной для доиндустриальных сложных аграрно-ремесленных обществ. В ситуации быстрой модернизации, когда появляется фабричная промышленность и заметным слоем общества становится промышленный пролетариат, возникает уже новый тип ловушки: *мальтузианско-марксова* ловушка. В ней в отличие от мальтузианской ловушки проблема перенаселения является не фатальной, а скорее социальной, поскольку рост ВВП на душу населения не отстает или даже обгоняет рост населения. Однако быстрая динамика экономики и урбанизации требует существенных трансформаций в политическом строе, правовой системе и прочем, и если эти изменения существенно запаздывают, возникают диспропорции, которые и выступают как первичная причина революции.

Об уровне потребления в России в конце XIX – начале XX в.[1]

М. А. Давыдов

Я весьма признателен редакторам Альманаха за предоставленную возможность высказать свое мнение по поводу обсуждаемых проблем.

В начавшейся полемике между Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым я принимаю сторону Б. Н. Миронова и ниже привожу аргументацию этого естественного для меня выбора.

С. А. Нефедов стремится доказать, что причины революции 1917 г. объясняются неомальтузианской теорией демографических циклов. Отсюда его желание убедить читателей в том, что быстро растущее население пореформенной России «на протяжении полувека» «балансировало на грани голода», а потому – в рамках ***этой*** логики – любой случайный толчок мог запустить мальтузианскую закономерность и привести к социальному взрыву. При этом он считает, что «увеличение среднего роста (жителей России. – *М. Д.*), трактуемое Б. Н. Мироновым как доказательство увеличения потребления, в действительности было следствием распространения мыла и карболки»[2]. Тезис о широком распространении санитарно-гигиенических навыков, происходящем на фоне перманентного недоедания большой, если не бóльшей, части жителей страны требует серьезного доказательства.

Невольно создается впечатление, что значительную часть аргументации своих тезисов С. А. Нефедов почерпнул из дореволюционной народнической публицистики и литературы и советской историографии соответствующего спектра.

Тому, кто не занимается профессионально пореформенной эпохой, чрезвычайно трудно представить степень политизированности общества того времени.

Идея бедствия крестьян из-за малоземелья, в котором виновато правительство, определяла все остальные построения народнической мысли, да и большей части российского общества в целом.

Вместе с тем натурально-хозяйственная концепция – часть общих воззрений русской интеллигенции на аграрный вопрос, эволюцию которых Н. П. Макаров характеризует следующим образом:

---

[1] Публикуется в сокращении. Полный текст статьи доступен на сайте Б. Н. Миронова: Интернет-ресурс. Режим доступа: http://bmironov.spb.ru/.

[2] См. выше первую статью С. А. Нефедова в данном выпуске Альманаха, с. 55.

> «Он (аграрный вопрос. – *М. Д.*) превратился в вопрос политический; все партии оппозиции, строго говоря, в той или иной мере не мыслили вопроса о "земле" без вопроса о "воле"; но очень скоро произошло обратное – для "воли" потребовалась "земля". Поэтому все историческое обоснование аграрного вопроса, в особенности в лице идеи о малоземелье, попало в неразрывную связь с лучшими политическими переживаниями русского общества» (Макаров 1920).

О неискренности, о дву(три?)смысленности народнических позиций Макаров пишет в другой работе:

> «Деревня не умирает, деревня не отупела совсем – говорили они в идейной борьбе с марксистами, не переставая твердить обратное в идейной борьбе с правительством. Деревня не разлагается, капитализм ее не затрагивает – и этому обоснованием являлись многие, многие томы земских статистических исследований крестьянского хозяйства» (он же 1918: 17).

Советская историография, как известно, полностью усвоила, расширила, дополнила и усилила негативистские подходы к дореволюционной истории России, которые были сутью оппозиционной литературы.

> При этом «как бы ни критиковали народнических авторов некоторые советские историки, какое бы пренебрежение ни сквозило в их оценках взглядов народников, тем не менее, "историки-марксисты" прекрасно усвоили основное из их трудов – народническую концепцию аграрного развития пореформенной России. Главным ее постулатом, как известно, было бедственное положение подавляющего большинства крестьянства – *всегда, везде, при любых обстоятельствах*» (Давыдов 2003: 5).

Поскольку С. А. Нефедову необходимо заполнить разрыв между желаемым и тем, что было в действительности, для его построений особую важность обретает проблема достоверности его главного источника – урожайной статистики ЦСК МВД.

В разделе своего текста «Дискуссия вокруг статистики» С. А. Нефедов, в частности, пишет:

> «Из российских историков за введение поправок к данным ЦСК в последнее время выступают М. А. Давыдов и Б. Н. Миронов… Оба историка не привлекают каких-либо новых данных и ссылаются на старые работы А. Ф. Фортунатова и Д. И. Иванцова»[3].

Хотя С. А. Нефедов и упоминает мою книгу, я сомневаюсь в том, что он знаком с ней, ибо значительная ее часть посвящена доказательству мифологического характера проблемы «голодного экспорта», играющего в мальтузианских построениях Нефедова ключевую роль.

---

[3] См. выше первую статью С. А. Нефедова в данном выпуске Альманаха, с. 33.

Во-первых, на А. Ф. Фортунатова я не ссылался и никаких поправок к урожайной статистике не предлагал. Это просто не входило в мои задачи.

Во-вторых, мнение С. А. Нефедова о том, что я не «привлекаю каких-либо новых данных», попросту не соответствует действительности.

Проблему достоверности урожайной (и не только) статистики я рассматривал, в частности, в связи с исследованием темы «Внутренний и внешний хлебные рынки в конце XIX – начале XX вв. и проблема "голодного экспорта"», в результате которого я присоединился к тем специалистам, которые считают урожайную статистику ЦСК МВД, деликатно выражаясь, не всегда достоверным источником.

Мое заключение было логическим выводом из сравнительного анализа материалов транспортной статистики («Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам», статистики речных перевозок МВД и урожайной статистики ЦСК МВД), подкрепленного данными нарративных источников.

Меня интересовало, какая доля урожая главных хлебов в производящих губерниях перевозилась по железнодорожным и водным путям в конце XIX – начале XX вв. Понятно, что при этом использовались данные, «очищенные» от «двойного счета»; это необходимое условие при анализе водно-железнодорожного сообщения (Давыдов 2003: 38–47).

Сопоставление выявило следующую тенденцию. Доля перевозок от урожая нестабильна и колеблется в широком диапазоне, что, в общем, естественно.

Однако весьма непросто найти рациональное объяснение тем 12 случаям, приводимым в моих таблицах, когда суммарное отправление зерна *превышает*, иногда более чем вдвое (!), урожай данного года, притом что статистика речной транспортировки, как считали ее составители, недоучитывала четверть перевозок! Полагаю, что и остальные выявленные мной факты, когда доля перевозок превышает половину урожая, нередко достигая 70, 80, 90% и более, заслуживают серьезного внимания (там же: 61–73). В этих губерниях подобный факт был бы не слишком удивителен во времена «военного коммунизма», в «год Великого перелома» и последующие годы **настоящего** «голодного экспорта», но в начале XX в. это немыслимо.

Большинство выявленных явно спорных случаев относится к неурожайным годам – 1901, 1908 и 1911, в чем нельзя не увидеть определенную систему. Я высказал предположение, что причина этого проста и тривиальна – **в неурожайные годы происходило занижение урожайности респондентами ЦСК МВД**, или, что то же самое, преувеличение масштабов бедствия.

Этот вывод, сделанный на основании сопоставления урожайной и транспортной статистики, вполне подтверждается и многочисленными нарративными источниками, которые позволяют утверждать, что и в

обычные («средние») или урожайные годы эта тенденция, безусловно, имела место.

Компетентные современники в разные годы в разных губерниях фиксируют типологически схожие ситуации:

> «Статистика вообще очень неверное зеркало экономического быта, а там, где она вынуждена полагаться на показания волостных писарей, ей нельзя доверять и подавно» (Головин 1895: 70).

> «В душе крестьянина кроется какое-то недоумение, не позволяющее ему уяснить самому себе: в пользу ли улучшения хозяйства или ухудшения ему следует давать ответы», и определяющую роль в ответах играет «стремление его (крестьянина. – *М. Д.*) всегда и во всем (из-за боязни увеличения податей или других соображений) уменьшить цифры, касающиеся его экономического благосостояния» (Юрьевский 1914: 162–168).

> «Большинство крестьян-хозяев, по этим соображениям, уменьшают размеры собранного урожая в сообщаемых ими сведениях и сгущают краски, указывая на недород» (Ермолов 1909, т. 1: 378–379).

> «В таблицах резко бросается в глаза чрезвычайно большая разница в высоте урожаев на соседних с показательными учреждениями крестьянских полях – по определениям агрономического персонала со статистическими сведениями губернского земства о средних урожаях в 1912 году – на основании сообщений волостных правлений... Приведенный факт, по нашему мнению, лишний раз подтверждает общеизвестное явление – неуклонную тенденцию волостных правлений уменьшать в своих сведениях высоту полученного сбора хлебов» (Агрономическая организация 1913: 71–72).

> «На это было в Государственном Совете мною (т.е. А. С. Ермоловым. – *М. Д.*) сказано, что при существующей системе собирания сведений о продовольственных потребностях и порядке ассигнования средств на их удовлетворение МВД не имеет других способов, как основываться на донесениях и запросах с мест, несомненно, весьма часто преувеличенных, и сколько-нибудь достоверными данными располагать не может» (Ермолов 1909, т. 1: 540–541).

> «Почти отовсюду указывается на необходимость улучшения порядка собирания и разработки статистических сведений об урожае... При этом указывается на недостоверность статистических сведений всякого рода, собираемых при посредстве сельских писарей» (там же, т. 2: Прил. 6).

Источники фиксируют устойчивую, иногда агрессивную неприязнь крестьян к любым попыткам выяснить **истинное** положение дел в их хозяйстве, шире – детально понять их жизнь вообще, особенно если эти попытки исходили от «начальства» (а земские и иные статистики, безусловно, воспринимались ими в этом качестве).

Вот что пишут, например, агрономы землеустроительных комиссий области Войска Донского о своих попытках обследовать крестьянские хозяйства:

> «Цель обследования была более глубокой: нам хотелось выяснить, как относятся крестьяне вообще к анкетам и различным обследованиям; опыт убедил нас в том, что с этим нужно быть поосторожнее. В противном случае можно столкнуться с явлениями, от которых у обследователя опускаются руки и отпадает всякая охота к дальнейшим шагам в этом направлении. Темнота, невежество и предрассудки многих крестьян заставляют последних относиться с недоверием к настойчивым расспросам для выяснения тех или иных областей сельского хозяйства»; «Не скрою, что обследование сопряжено с громадными трудностями, благодаря косности невежества отдельных групп крестьян, но отсутствие статистических данных является громадным тормозом для продуктивного и целесообразного развития агрономической помощи населению»; «Массовые обследования до настоящего времени не производились и вряд ли в ближайшее время будут произведены. Причин, которые служат тормозом к такого рода начинанию, много. Главная же из них та, чтобы не породить в среде крестьян нелепых слухов и тем самым не заставить их облечься вновь в броню недоверия и боязни вообще к агрономическому персоналу, и, в частности, к проводимым мероприятиям. Утверждать, что везде будет именно так, а не иначе, – я не берусь, но все же в большинство случаев, несмотря ни на какие разъяснения и объяснения, с подобными явлениями, пожалуй, встретиться придется» (Отчет 1913: 67, 70, 75).

Притом же иногда они могли и приукрасить статус-кво, исходя из сугубо личных соображений.

В этом смысле не совсем убедительно выглядит комментарий С. А. Нефедовым абсолютно верной мысли Б. Н. Миронова о том, что «крестьяне в равной степени не доверяли как земствам, так и ЦСК и вряд ли могли сообщить и тем и другим правильные сведения».

С. А. Нефедов как бы предостерегающе недоумевает:

> «То есть под сомнение теперь ставятся не только данные ЦСК, но и корреспондентские данные земств и Министерства земледелия. Напомню, что эти данные предоставлялись *добровольными* корреспондентами, которых никто не заставлял лгать»[4].

В реальной жизни, однако, все было не так просто, как представляется С. А. Нефедову. Не следует думать, что люди, в том числе и «*добровольные* корреспонденты», лгут только тогда, когда их заставляют.

Полагаю, здесь следует прислушаться к мнению А. Кауфмана:

> «Читатель знает, что с 1893 г., особенно с 1900 года, земской статистике подчинены оценки земель для целей земского обложения. Это обстоятельство, ко-

[4] См. выше первую статью С. А. Нефедова в данном выпуске Альманаха, с. 34.

нечно, повысило практическое значение статистики ***для земства*** — но повысило отнюдь не в таком направлении, какое было бы способно снискать статистике доверие и симпатии ***населения***. Напротив: раз собираемые статистикой данные непосредственно предназначаются для использования в целях обложения: раз, следовательно, от результатов статистики непосредственно зависит, или, во всяком случай, может зависеть, размер налоговой тягости; раз, значит, эти результаты могут быть непосредственно выгодны для одних и непосредственно убыточны для других, – отношение населения к статистике, которое прежде было, может быть, только безразличным, становится опасливым и недружелюбным, **и это опасливо-недружелюбное отношение населения является одним из серьезнейших затруднений для правильного функционирования статистики**. Чтобы земская статистика... приобрела, в самом деле, доверие и сочувствие массы населения – то доверие и сочувствие, которое так облегчило бы ее работу и **повысило бы достоверность ее результатов**, необходимо, чтобы земская статистика приняла непосредственное участие в земской работе...» (Кауфман 1916: 4–5).

Рассматривая проблему связи агрономии и статистики, Кауфман описывает недостатки «корреспондентского приема», «основного приема, которым оперирует текущая сельскохозяйственная статистика, как земская, так и государственная».

Недостатки сбора сведений через добровольных корреспондентов «чрезвычайно существенные» – «это, прежде всего, именно ***случайность состава корреспондентов***, – случайность, притом как ***количественная***, так и ***качественная...*** **Можно ослабить, но никакими стараниями нельзя совершенно устранить и стремления той или другой части лиц, числящихся в составе корреспондентов, давать сознательно неверные сведения:** реже в сторону подсказываемого главным образом тщеславием и другими подобными мотивами преувеличения, чаще – в сторону преуменьшения, внушаемого, главным образом, податными опасениями» (там же: 17–18).

Как представляется, круг проблем, связанных с проблемой репрезентативности не только урожайной статистики, но и бюджетных обследований, очерчен здесь достаточно четко.

Кстати, именно **лихорадочные размышления компетентных специалистов в 1915–1916 гг.** о том, сколько же хлеба потребляла и страна в целом, и отдельные губернии в частности, равно как и длительная, кропотливая работа А. В. Чаянова и его сотрудников над бюджетами, результатом которой стало исследование *Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения* (М., 1916), лучше всего показывают, насколько осторожно следует воспринимать материалы как бюджетных обследований, так и урожайной статистики, составляющие основу той источниковой базы, на которой преимущественно основываются суждения о величине потребления пищевых продуктов в дореволюционной

России. Они по меньшей мере **далеко не всегда** являются достоверным источником, а весьма часто они попросту несостоятельны.

Вышесказанное не означает, что 100% показаний российской сельскохозяйственной статистики неверны. Однако по меньшей мере наивно на этих данных строить ***без***оговорочную модель душевого потребления с подсчетом якобы реальных сотых долей пудов и процентов и полагать, что эти построения соответствуют действительности.

Мы вынуждены, тем не менее, использовать указанные материалы, поскольку нам необходимы ориентиры, обладающие хотя бы ***относительной устойчивостью*** во времени.

Я убежден, что можно пользоваться и урожайной статистикой ЦСК МВД, зная вектор искажения, понимая, что в действительности положение дел с урожайностью, скорее всего, было ***лучше***, чем она его рисует, но не воспринимая ее данные как поэтический текст, т.е. как нечто абсолютное и абсолютно недостоверное.

Конкретные экскурсы С. А. Нефедова в историю и источниковедение не выдерживают критики. Вот несколько примеров, наглядно это иллюстрирующих.

> «Области, которые не могут обеспечить себя продовольствием за счет местных ресурсов, по определению (чьему?!! – *М. Д.*) считаются перенаселенными, в этих областях сжатия население ищет себе работу в ремесле или промышленности, чтобы получить продовольствие путем обмена»[5].

То есть, по С. А. Нефедову, Великий Новгород был «перенаселен» уже в домонгольские времена, поскольку во многом довольствовался привозным, в частности «низовым» хлебом. Равно как и Архангельская и Олонецкая губернии в более позднее время!

«Данные губернаторских отчетов – это те данные, которые реально имеются в архивах и которые принимает большинство историков. Однако Б. Н. Миронов занимает иную позицию», – укоризненно сетует С. А. Нефедов[6].

Что и говорить, факт нахождения отчетов в архиве – сильный аргумент в пользу их абсолютной достоверности! Это во-первых. А во-вторых, разве вопросы репрезентативности источников решаются голосованием?

> «Несостоятельной, – продолжает С. А. Нефедов, – является и ссылка Б. Н. Миронова на то, что крестьяне и помещики стремились преуменьшить урожайность: ведь губернаторские отчеты писали не крестьяне, а чиновники и губернаторы, которые, как мы видим на примере И. И. Вильсона, старались всемерно завысить “отчетность”»[7].

---

[5] См. выше первую статью С. А. Нефедова в данном выпуске Альманаха, с. 47–48.
[6] Там же: 30.
[7] Там же.

Здесь, однако, следует напомнить, что в Российской империи губернаторов и их чиновников, в отличие от секретарей обкомов и райкомов в СССР, за размеры урожайности не наказывали и не поощряли, ибо тогда справедливо считалось, что сие выходило за пределы их компетенции. Критерии профпригодности бюрократии до и после 1917 г. несколько различались. Равным образом, это Политбюро ЦК ВКП(б) (позже – КПСС) и правительство определяли размеры экспорта и импорта всех товаров, а вовсе не имперское правительство.

Далее. По меньшей мере недоумение вызывает следующий вывод С. А. Нефедова: «Таким образом, имеющаяся статистика скорее завышает, чем занижает уровень потребления – но гадать об этом бессмысленно: в реальности мы имеем то, что имеем – данные губернаторских отчетов»[8].

«Мы имеем» несколько больше, чем полагает С. А. Нефедов. Есть источники и помимо губернаторских отчетов.

Пытаясь доказать непродуктивность расходования доходов от экспорта хлеба, С. А. Нефедов не вполне корректен. Так, он берет «для примера» данные за 1907 г. и, в частности, пишет, что на импорт сельхозтехники было истрачено 18 млн руб. Однако в 1908 г. этот показатель составил уже 27,7 млн руб., в 1909 г. – 40,2, в 1910 г. – 42,5, в 1911 г. – 57,9 млн руб., в 1912 г. – 63,5 и в 1913 г. – 51,1 млн руб. (Давыдов 2003: 346). Почему С. А. Нефедов не взял «для примера» 1912 или 1913 г.?

Собирая воедино все, что, по его мнению, так или иначе говорит о тяжелом положении народа, С. А. Нефедов пишет:

> «Голод привел к невиданной до тех пор волне крестьянских волнений. В 1848 г. было зарегистрировано 160 крестьянских волнений – число, примерно в четыре раза превышающее средний уровень»[9].

«Невиданная до тех пор волна крестьянских волнений»! Масштаб этого числа можно оценить, если вспомнить, что в сельской местности России насчитывалось тогда более 330 тысяч поселений (Миронов 1998, т. 1: 291). Могу подсказать, какую долю составляют населенные пункты, по которым прокатилось это «цунами классовой борьбы», от общего числа сельских поселений в России середины XIX в. – 0,05%, целых пять сотых процента! Ну просто пугачевщина!

Далее. С. А. Нефедов пишет:

> «Две половины населения, “благополучная” и “голодающая”, примерно соответствовали двум категориям крестьян, бывшим государственным и бывшим крепостным крестьянам. Исходной причиной имущественного неравенства в деревне была половинчатая реформа 1861 г., освободившая помещичьих крестьян с крайне недостаточными наделами и сохранившая феодальное земле-

[8] Там же: 30–31.
[9] Там же: 31.

владение помещиков. В 1877 г. средний двор бывших помещичьих крестьян имел надел в 8,9 десятин, а средний двор государственных крестьян – 15,1 десятины. В результате роста населения к 1905 г. наделы уменьшились и составляли соответственно 6,7 и 12,5 десятины (Анфимов 1980: Табл. 18). Эти данные говорят о том, что в деревне существовало резкое разделение имуществ, при котором одна половина крестьян была чуть ли не вдвое богаче другой. Таким образом, по крайней мере половина крестьян постоянно испытывала голод и была готова к бунту. Имущественное разделение крестьян имело географический аспект: в эпоху своего расцвета крепостничество укрепилось прежде всего в центральных областях государства, в то время как на окраинах преобладали государственные крестьяне»[10].

Вот что пишет об этом министр земледелия двух последних российских императоров А. С. Ермолов:

«Что собственно следует разуметь под малоземельем и какой размер землепользования мог бы считаться для крестьян достаточным? Мне пришлось на своем веку изъездить всю Россию (кроме самых северных губерний) и значительную часть Сибири. Оказалось, что нет такой местности в России – кроме разве северных губерний – где не приходилось бы выслушивать жалобы на малоземелье, на земельное утеснение. Жалобы эти раздаются, например, на Северном Кавказе, в казачьих станицах, где наделы достигают еще и ныне 20 и более десятин на душу. Слышны они и в Сибири... Приходилось мне, например, в Олонецкой и в Пермской губерниях встречаться с наделами в 30–40 и более дес. на душу, из которых фактически утилизируется лишь незначительная часть. Что же, и это считать малоземельем, и таким крестьянам отводить дополнительные наделы? **Очевидно, что дело в огромном большинстве случаев, не в абсолютном малоземельи, а в недостаче земли для сохранения стародавних форм экстенсивного хозяйства, не соответствующих более ни изменившимся условиям жизни, ни современной численности населения.** Но изменять формы хозяйства можно, хотя это требует и труда, и времени, и знаний, – а создавать вновь землю нельзя, – для отживших, но упорно удерживаемых приемов земледелия ее всегда будет недоставать... Обращаясь к губерниям центральной России, мы и в них прежде всего столкнемся с фактом чрезвычайного разнообразия величины крестьянской надельной земли – от 0,25 дес. на ревизскую душу крестьян, сидящих на дарственном наделе, продолжая низшим, средним и высшим наделами крестьян бывших помещичьих, которые в среднем редко превышали 3–3,5 дес. на ревизскую душу, и кончая 8–10 и даже 15 десятинами на душу крестьян государственных. Заметим мимоходом, что особой разницы в благосостоянии крестьян, размеры землепользования коих столь различны, за исключением только действительно бедственного положения тех из них, которые сидят на даровом нищенском наделе – во многих случаях констатировать нельзя, а напротив, иногда крестьяне на меньших наделах живут зажиточнее, нежели в селениях многоземельных» (Ермолов 1906: 4–5). При этом «суммы, выручаемые крестьянами от обработки своих надельных земель, далеко не пропорциональны площади этих наде-

[10] См. выше первую статью С. А. Нефедова в данном выпуске Альманаха, с. 44–45.

лов, и во многих случаях при меньшей площади надела они получают с него не только относительно, но и абсолютно больше, нежели в других губерниях крестьяне с наделов более крупных», «чем площадь надела больше, тем производительность его и чистый получаемый от десятины доход меньше» (там же: 39–41).

В Табл. 2 С. А. Нефедов приводит суммарные подсчеты потребления по 53 губерниям Европейской России. В Табл. 4, весьма важной для его построений, мы видим, однако, лишь 30 губерний.

Резонный вопрос: а что случилось с другой половиной страны, с 23 губерниями и областями Европейской России – Казанской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Самарской, Астраханской, Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Ставропольской, Подольской, Волынской, Олонецкой, Виленской, Ковенской, Гродненской, Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерниями, а также областью Войска Донского, Кубанской и Терской областями?

С. А. Нефедов пишет, что «представляется важным исследовать динамику потребления в региональном разрезе, чтобы установить, каковы были различия в уровне потребления, какие области России были богатыми, и какие – бедными. Для решения этого вопроса необходимо привлечь данные транспортной статистики. Такие данные имеются в распоряжении историков, но *они обладают некоторыми дефектами: имеются пробелы в отношении* водных перевозок в Поволжье и, что более существенно, недостаточно данных о перевозках так называемых "второстепенных" хлебов – в том числе гречихи, проса и кукурузы. Поэтому нам пришлось исключить из рассмотрения губернии Степного Юга и ограничиться рассмотрением района, где преобладало возделывание "главных хлебов": ржи, пшеницы, ячменя и овса»[11].

Смею уверить читателей, что приведенных С. А. Нефедовым аргументов ***совершенно недостаточно*** для исключения из анализа всей Новороссии и Предкавказья, Среднего и Нижнего Поволжья, а также Олонецкой, двух из трех Юго-Западных губерний, Литвы и Прибалтики, о причинах не-внимания к которым Нефедов не счел нужным упомянуть, хотя, повторяю, в Табл. 2 он приводит подсчеты по 53 губерниям Европейской России.

Бессмысленно говорить о том, что источников, в том числе и статистических, без «некоторых дефектов» не бывает в принципе и что задача исследователя в числе прочего состоит в их (дефектов) преодолении, насколько это возможно, а в данном случае это вполне возможно.

Я не задаю вопроса о том, какие именно «пробелы в отношении водных перевозок в Поволжье» имеет он в виду и почему эти пробелы отсутствуют «в отношении» перевозок в бассейнах других рек, в том числе и

[11] См. выше первую статью С. А. Нефедова в данном выпуске Альманаха, с. 45.

довольно большой части той же Волги, сведения о которых Нефедов приводит.

Я не спрашиваю о том, каких именно «данных о перевозках так называемых “второстепенных” хлебов – в том числе гречихи, проса и кукурузы», недостаточно для анализа потребления в самых благодатных краях страны.

Я хочу сказать, что **таких данных достаточно.** Они содержатся в выпусках *Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам*, посвященных перевозкам хлебных грузов. *Сводная статистика* позволяет восстановить перевозки не только всех вообще хлебов, но и каждого в отдельности, в том числе и упомянутых, в масштабах всей Империи за 1890–1913 гг. Правда, процедура обработки этого источника весьма трудоемкая.

Конечно, куда проще и удобнее говорить о голоде, хотя бы и мнимом, исключив из анализа свыше 40% губерний Европейской части страны.

Конечно, кульминацией рассуждений С. А. Нефедова является раздел о «голодном экспорте» хлеба.

> В 2003 г. при характеристике народнического спектра историографии я говорил, «что сама постановка вопроса о “голодном экспорте” имеет вполне провокационный характер – подразумевается некий, пусть и не всемирный, но заговор против нормального питания российского крестьянства. Если довести идеи народнической публицистики (и С. А. Нефедова. – *М. Д.*) до логического конца (или абсурда, что в данном случае совершенно одно и то же), то придется признать, что одной из приоритетных задач правительства Российской империи было максимальное ухудшение положения собственного народа. И для этого в числе других средств оно использовало экспорт хлеба. Нельзя не заметить, что **такой подход выдвигает экспорт хлеба не просто как главную, но чуть ли не как единственную причину недоедания российских крестьян**. То есть если бы хлеб не вывозили, то крестьяне питались бы нормально» (Давыдов 2003: 211–212).

В 2003 г. я наивно полагал, что подобные высказывания остались в прошлом, но С. А. Нефедов ***буквально*** убеждает в обратном.

Он пишет:

> «Потребление оставалось на уровне минимальной нормы, но душевой чистый сбор в период с середины XIX в. по начало XX в. существенно вырос. *Если бы все произведенное зерно оставалось в стране, потребление в начале XX в. достигло бы примерно 25 пудов на душу – уровня социальной стабильности.* Однако стремительный рост экспорта после постройки “вывозных” железных дорог привел к тому, что в 1870–1890 гг. при росте душевого производства потребление убывало. Возникает естественный вопрос: почему это происходило? Почему был возможен вывоз, доводящий крестьян до голода? Очевидно, существовал слой землевладельцев, имевших для продажи большое количество

хлеба, и **этот хлеб при поощрении властей уходил за границу, в то время как миллионы бедняков голодали»**[12] (выделено мной. – *М. Д.*).

Этот тезис требует отдельного комментария.

В 1895 г. К. Ф. Головин писал:

«Нетрудно в произведениях гг. народников отыскать места, где они оплакивают постройку железных дорог, как пагубный дар буржуазной цивилизации, сманившей мужицкий хлеб из родных гумен на всемирный рынок. У Глеба Успенского – главного представителя народничества в беллетристике, – есть любопытная тирада, ...где сожаление о погибающей старине распространяется и на лучинушку, выгнанную из мужицкой избы пагубной конкуренцией керосина», и при этом «им представляется как-то, что производство, рассчитанное для вывоза на рынок, непременно должно сопровождаться ограблением народной массы в пользу более ловкого и более зажиточного меньшинства» (Головин 1895: 12).

Несколько ниже он добавляет:

«В основе их (народнических построений) лежат две главные идеи: быт земледельческого населения следует устроить так, чтобы оно могло обходиться без постороннего заработка, и народное сельское хозяйство должно быть рассчитано не для вывоза, а для потребления дома. Нужды нет, что при этих условиях Россия не только никогда не достигнет крупного промышленного развития, но что и земледелие останется у русского народа на довольно низком уровне; и к тому же, по мере расширения обрабатываемой площади, продукты ее будут постепенно дешеветь. Цель производства не барыш, за которым гонится только капиталистический эгоизм, а лишь обеспечение народа от нужды. Пусть урожаи будут низки, пусть русское производство сохранит свое теперешнее однообразие, и у русского мужика не окажется свободных денег, – лишь бы он был сыт и твердо сохранился у него старинный общинный уклад, – об остальном заботиться незачем. И если нам приходится выбирать между экономическим прогрессом и свободою народа от растлевающего влияния капитализма и наемного труда, мы лучше откажемся от мишурных успехов, купленных дорогой ценою народного порабощения» (Там же: 26).

Осудив «голодный экспорт», Нефедов начинает разоблачение тех, по чьей вине страдало отечественное крестьянство:

«Кто были эти землевладельцы? Ответ, лежащий на поверхности, – это помещики. Действительно, помещики были кровно заинтересованы в том, чтобы продавать свой хлеб на мировом рынке, где цены были много выше, чем в России»[13].

---

[12] См. выше первую статью С. А. Нефедова в данном выпуске Альманаха, с. 42.

[13] См. выше первую статью С. А. Нефедова в данном выпуске Альманаха, с. 42.

Позволю себе задать вопрос (один из множества).

Это вопрос о соотношении спроса и предложения. Как известно, при переходе от натурального хозяйства к меновому, сопровождающемуся строительством железных дорог, в том числе и «вывозных», «стремительно растет» не экспорт, а ***доступ*** хлеба – безразлично чьего – на рынок, а уж рынок «решает», куда и какой хлеб будет в итоге отправлен; продавец при этом заинтересован в достижении лучшей цены, и ему (при прочих равных) безразлично, кто ее платит.

Нефедов, однако, спрашивает: «Но, может быть, Россия получала от хлебного экспорта какие-то другие преимущества?» – и дает на него следующий категоричный ответ:

> «Таким образом, помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта»[14].

К. Ф. Головин в одном месте так комментирует писания народника В. П. Воронцова:

> «Г. В. В., между прочим, не без комизма восклицает: “что выиграла Россия от того, что за последнее двенадцатилетие вывоз ее керосина увеличился в 350 раз и достиг цифры 50 мил. пудов?” Ответ содержится в самом вопросе: она выиграла всю продажную стоимость этих миллионов пудов, всю оплодотворяющую силу приобретенных капиталов. Г. В. В. наивно воображает, по-видимому, что суммы, полученные крупными производителями, так и остаются в их кармане, не принося стране никакой пользы. Могло бы это произойти лишь в том случае, если бы все эти производители были Плюшкиными, добывающими деньги, чтобы запирать их у себя в сундуки. Неужели Г. В. В. ни от кого не слышал, что крупные капиталы, хотя бы приобретенные немногими лицами, становятся могучим стимулом производства и обмена; что многочисленные мертвые богатства ждут не дождутся у нас оживляющего прикосновения капитала и предприимчивости?» (Головин 1895: 59).

Как можно видеть, рыночные отношения (и экспорт в том числе) С. А. Нефедов трактует с позиций классово-«патриотических», в традиции, порожденной (с разных сторон) и народниками, и дореволюционными марксистами, беспокоившимися преимущественно о судьбах классов.

При этом он совсем некстати вспоминает страны «второго издания крепостничества» (в XVI–XVII вв.) и приводит не имеющую отношения к пореформенной России мысль Ф. Броделя, долженствующую почему-то подтвердить мнение Нефедова о том, что «русский хлебный экспорт (!) был остатком феодализма (!!!), он был основан на феодальном по проис-

[14] Там же: 43.

хождению крупном землевладении и на той власти, которую еще сохраняло русское дворянство».

Далее С. А. Нефедов замечает:

> «Напомним, что согласно современным воззрениям уничтожение крупного землевладения является необходимым элементом "революции модернизации" – это теоретическое положение было сформулировано одним из создателей теории модернизации С. Блэком на основе обобщения опыта социальных революций и реформ в развивающихся странах»[15].

В порядке комментария ограничусь следующим эпизодом, характеризующим последствия реализации ликвидации крупного землевладения в России. В 1922 г. вышла работа народнического экономиста Н. П. Огановского *Очерки по экономической географии России (в связи с мировым хозяйством, по новейшим статистическим материалам)*, которая предваряется следующим весьма любопытным предисловием (а точнее, предуведомлением):

> «Издательство Н. К. З. "Новая деревня" выпускает книгу проф. Н. П. Огановского по экономической географии России, курс лекций, прочитанных автором в 1-м Московском Государственном Университете, как исходное пособие для изучения производительных сил Республики. К сожалению, автор не мог удержаться на объективной позиции и допустил ряд совершенно неправильных выводов. Так, на стр. 81–83, в отделе "Распределение земли после революции" он утверждает, что "формальный переход (всей земли к крестьянам после 1917 г. – *М. Д.*) принес лишь незначительную прирезку", между тем как сам же автор, пользуясь данными Б. Н. Книповича, несколькими строками выше приводит цифры, указывающие на многомиллионное увеличение площади крестьянского землепользования. Он считает, что переход всей земли от помещиков к трудовому крестьянству есть не "главный эффект", и говорит лишь об уничтожении экономической зависимости крестьян от помещиков. Но на стр. 82 он рисует картину падения нашего рубля и разрушение революцией городской промышленности и указывает на разрушительное влияние продразверстки, не давая ясного и точного объяснения, почему эта продразверстка была введена».

А вот, кстати, и сам текст Н. П. Огановского:

> «Но как бы то ни было – везде после революции крестьяне оказались владеющими 96–98% всей удобной площади (кроме леса): однако фактически в виде ли купчей или арендованной, половина частновладельческой земли уже ранее оказалась в руках крестьян. Это формальный переход принес им лишь незначительную прирезку. Даже по официальным данным в 29 губерниях Европейской России эта прирезка увеличила в среднем земельный надел одного едока с 1,87 дес. до 2,26 дес., т.е. всего на 0,39 дес. Но так как в прирезанную землю входила арендованная, то в действительности средняя прибавка не превышала,

[15] См. выше первую статью С. А. Нефедова в данном выпуске Альманаха, с. 44.

вероятно, 0,2 дес. на едока. И, конечно, не в этой микроскопической прибавке заключался главный положительный эффект революции для крестьян» (Огановский 1922: 81).

Здесь возникает вопрос к С. А. Нефедову: как согласуется приведенная информация с его оценкой роли помещичьего землевладения, якобы обрекавшего крестьян на 50-летнее «балансирование на грани голода»?

Пытаясь подтвердить свои рассуждения о классовом характере хлебной торговли, о связи экспорта исключительно с помещиками, он пишет:

«При 712 млн пудов среднего ежегодного вывоза в 1909–1913 гг. помещики непосредственно поставляли на рынок 275 млн пудов. Эта, казалось бы, небольшая цифра объясняется тем, что крупные землевладельцы вели собственное хозяйство лишь на меньшей части своих земель; другую часть они сдавали в аренду, получая за это около 340 млн руб. арендной платы. Чтобы оплатить аренду, арендаторы должны были продать (если использовать среднюю экспортную цену) не менее 360 млн пудов хлеба. В целом с помещичьей земли на рынок поступало примерно 635 млн пудов – эта цифра вполне сопоставима с размерами вывоза. Конечно, часть поступавшего на рынок зерна поступала с крестьянских земель, крестьяне были вынуждены продавать некоторое количество зерна, чтобы оплатить налоги и купить необходимые промтовары; но это количество (около 700 млн пудов) примерно соответствовало потреблению городского населения»[16].

Итак, С. А. Нефедов почему-то убежден, что помещичий хлеб до последнего пуда шел строго на экспорт, а крестьянский – на потребление компатриотов-горожан. Доказать этого он не может. Из приводимых им цифр следует, что помещики сами экспортировали лишь 38,7% хлеба. Остальные 61,3% вывозятся вследствие сдачи крестьянам земель в аренду: «Чтобы оплатить аренду, арендаторы должны были продать ... не менее 360 млн пудов хлеба»[17].

Я намеренно не касался пока наиболее сильной, на мой взгляд, гипотезы С. А. Нефедова. Вот она:

«Можно условно представить, что зерно с помещичьих полей шло на экспорт, а зерно с крестьянских – на внутренний рынок, и тогда получится, что основная часть помещичьих земель как бы и не принадлежала России, население страны не получало продовольствия от этих земель, они не входили в состав экологической ниши русского этноса»[18].

Я оставляю в стороне стиль мышления автора – «можно условно представить», «и тогда получится... что... как бы...». Я хочу задать автору простой вопрос – а кому принадлежали помещичьи земли? Англии, Германии, Австро-Венгрии, Франции? Может быть, США? Или оптом Тройственному союзу или Антанте?

---

[16] См. выше первую статью С. А. Нефедова в данном выпуске Альманаха, с. 42–43.
[17] Там же, с. 43.
[18] Там же.

Кто платил налоги за эти земли? В чью пользу шли средства, полученные от обложения этих земель?

На каком основании С. А. Нефедов решил, что «население страны не получало продовольствия от этих земель»? Ведь двумя строками выше он пишет об аренде крестьянами помещичьих земель? Выходит, они «арендовали для аренды»?

Здесь надо остановиться и привести несколько характеристик аграрного развития России конца XIX – начала XX вв. (Давыдов 2003: 81–181)

Среднегодовую структуру потребления главных хлебов в 1909–1913 гг. позволяет восстановить издание *Производство, потребление и перевозки хлебов в России в 1909–1913 гг.* (Пг., 1916), используемое и С. А. Нефедовым. Этот комбинированный источник, дающий достаточно близкую – с учетом состояния источниковой базы – к реальной картину, который вполне можно использовать как ориентир, как бы подводит итоги эволюции российского хлебного рынка в пореформенную эпоху.

Рожь. Эта культура, «главный крестьянский хлеб», доминировала среди главных хлебов – 36,3% потребления по стране в целом; 40,0% в Европейской России. В 50 из 63 губерний этой части страны на рожь приходилось от 1/3 до 2/3 потребления главных хлебов, притом в 28 губерниях – более 50%. Нехватка ржи фиксируется в 51 губернии из 87, показатели которых мы рассматриваем; общая величина ее равна 105352 тыс. пуд. Более трети (35%) этого количества приходится на Петербургскую и Московскую губернии, 39,2% – на Владимирскую, Петроковскую, Новгородскую, Тверскую, Смоленскую, Костромскую, Калужскую и Ярославскую, которые ввозили от 3 до 8 млн пуд. ржи. Таким образом, почти 3/4 нехватки ржи в империи было сосредоточено в 10 из 87 губерний.

Пшеница. Доля ее в потреблении главных хлебов составляла 28,3% в целом по стране и 24,1% в Европейской ее части. В 34 из 87 губерний на нее приходилось от 1/3 до 2/3 потребления, причем 22 из этих 34 губерний располагались в Азиатской части России. Две столичные губернии и Ферганская область поглощали 22,1% общего недостатка пшеницы, равного 216208 тыс. пуд., а 22 губернии с нехваткой от 3 до 10 млн пуд. – 56,2%. Более слабая в сравнении с рожью концентрация (по числу губерний) нехватки пшеницы отражает, полагаю, относительную ограниченность ареала производства товарной пшеницы, а также растущее ее потребление в губерниях ржано-овсяного пояса.

Избыток пшеницы в количестве 492 193 тыс. пуд. распределялся между 32 губерниями, но, конечно, не в равной степени. Почти 2/5 его концентрировалось в Донской и Кубанской областях и Самарской губернии, 27,6% – в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях, а 22,4% – в пяти губерниях с избытком от 10 до 25 млн пуд. Т.е. 89,5% «лишней» пшеницы приходилось на 11 губерний.

Ячмень. Среди главных хлебов как потребительская культура он занимал скромное место – 11,8% в общем потреблении по России в целом; 12,0% в ее Европейской части.

Лишь в 19 из 87 губерний на его долю приходилось более 20% потребления и только в шести из них – более 1/3. Подавляющее большинство губерний практически самообеспечивалось ячменем, ибо хотя недостаток его отмечается в 47 губерниях, но размеры его сугубо символические – 9078 тыс. пуд., что вполне можно объяснить несовершенством статистики. На столичные губернии приходится 28,6% этого количества.

Зато избыток ячменя был весьма внушительным – 236858 тыс. пуд. в 40 губерниях, но для большинства из них он, как и недостаток, был чисто номинальным. При этом пять Новороссийских губерний и Кубанская область концентрировали 85,5% «лишнего» ячменя, свидетельствуя об экспортном характере этой культуры.

Овес. На его долю приходилось в целом по стране 23,6% потребления главных хлебов, а в Европейской России – 24,0%. Суммарная нехватка овса в 57 губерниях определяется в 78096 тыс. пуд., но более половины его – 52,1% этого количества – поглощали две столичные губернии, а 8,1% – Варшавская и Петроковская, которым не хватало чуть более 3 млн пуд. Наконец, 22,1% концентрировались в 11 губерниях с нехваткой от 1 до 3 млн пуд.

Избыток овса в количестве 139928 тыс. пуд. отмечается в 30 губерниях. На Тамбовскую, Тульскую, Рязанскую, Орловскую, Казанскую губернии приходилось 54,9% этого количества, а 37,2 – на 9 губерний с избытком от 3 до 10 млн пуд. Всего на эти 14 губерний приходилось 92,1% избытков овса.

Итак, концентрация в небольшом числе губерний как недостатков, так и излишков главных хлебов в 1909–1913 гг. была весьма высокой. Участие отдельных губерний в хлебной торговле было далеко не равноценным. Равным образом и концентрация отправления главных хлебов также была высока. Достаточно сказать, что половину всей ржи в стране отправляли восемь губерний из 87, пшеницы – пять, ячменя – две, овса – семь губерний. Это показывает, насколько далеко зашел процесс специализации конкретных губерний и регионов на товарном производстве отдельных хлебов.

Таковы некоторые важные характеристики хлебного рынка накануне войны с точки зрения производства главных хлебов, а также их избытков и недостатков. В этой картине, казалось бы, нет ничего необычного – разделение губерний на производящие и потребляющие весьма четко укладывается в устоявшиеся представления о черноземных и нечерноземных губерниях – первые вывозят хлеб, вторые его потребляют. Однако это не вполне точно. Ведь наличие избытков и недостатков – явление историческое, другими словами, преходящее. Когда-то и в нечерноземных губерниях были избытки хлеба, а Центрально-Промышленный район наряду с

Центрально-Черноземным лидировал по величине урожаев. Как известно, объемы ввоза и вывоза хлебов являются важными характеристиками той стадии аграрной эволюции, которую переживает данный регион в изучаемый период. А эта стадия в значительной степени связана с численностью населения и степенью индустриализации региона.

Избытки хлеба покрывали потребности внутреннего и внешнего рынков.

В Табл. 1 и 2 представлены сведения о структуре хлебного экспорта в абсолютном и относительном выражении:

Табл. 1. Среднегодовой экспорт хлеба из России за 1889–1913 гг. (тыс. пуд.)

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Мука		Главные хлеба	Второст. хлеба	Все хлеба
					пшенич.	ржаная			
В среднем за 1889–1893	54534	157357	65543	49043	3407	2496	332381	42776	375157
В среднем за 1894–1898	78384	210468	107765	59505	4005	4188	464315	69500	533815
В среднем за 1899–1903	83415	160712	91128	62335	4268	9080	410956	81911	492867
1904	60051	280884	151838	54062	6363	11993	565191	83620	648811
1905	59674	293834	138263	127327	5919	7123	632140	65361	697501
1906	65366	219995	148810	69544	6142	7523	517380	73378	590758
1907	45164	131674	132665	26137	4043	6344	356027	114355	470382
1908	24911	89803	161389	29374	3243	6178	314898	90006	404904
В среднем за 1904–1908	51035	205238	146593	61289	5142	7832	477127	85344	562471
1909	35499	314469	219202	74663	5764	7010	656607	105329	761936
1910	40538	374590	244702	83947	6820	6498	757095	93077	850172
1911	53874	240545	262638	85130	7352	9491	659030	165056	824086
1912	30596	161020	168708	51799	6368	5996	424487	127183	551670
1913	39470	203256	239718	36604	9963	6980	535991	114889	650880
В среднем за 1909–1913	39995	258776	227014	66429	7253	7195	606644	121086	727730

Источники: Материалы… 1915; Сельское хозяйство… 1922; Лященко 1915.

Табл. 2. Среднегодовой экспорт хлебов за 1889–1913 гг. (в процентах к общему вывозу)

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Мука		Главные хлеба	Второст. хлеба	Все хлеба
					пшенич.	ржаная			
В среднем за 1889–1893	14,54	41,94	17,47	13,07	0,91	0,67	88,60	11,40	100
В среднем за 1894–1898	14,68	39,43	20,19	11,15	0,75	0,78	86,98	13,02	100
В среднем за 1899–1903	16,92	32,61	18,49	12,65	0,87	1,84	83,38	16,62	100
1904	9,26	43,29	23,40	8,33	0,98	1,85	87,11	12,89	100
1905	8,56	42,13	19,82	18,25	0,85	1,02	90,63	9,37	100
1906	11,06	37,24	25,19	11,77	1,04	1,27	87,58	12,42	100
1907	9,60	27,99	28,20	5,56	0,86	1,35	75,69	24,31	100
1908	6,15	22,18	39,86	7,25	0,80	1,53	77,77	22,23	100
В среднем за 1904–1908	9,07	36,49	26,06	10,90	0,91	1,39	84,83	15,17	100
1909	4,66	41,27	28,77	9,80	0,76	0,92	86,18	13,82	100
1910	4,77	44,06	28,78	9,87	0,80	0,76	89,05	10,95	100
1911	6,54	29,19	31,87	10,33	0,89	1,15	79,97	20,03	100
1912	5,55	29,19	30,58	9,39	1,15	1,09	76,95	23,05	100
1913	6,06	31,23	36,83	5,62	1,53	1,07	82,35	17,65	100
В среднем за 1909–1913	5,50	35,57	31,21	9,13	0,95	0,99	83,35	16,65	100

Как можно видеть из приведенных таблиц, вплоть до 1909–1913 гг. пшеница со значительным отрывом лидировала среди экспортных культур. Вывоз ее по абсолютной величине возрастал, однако доля в хлебном экспорте постепенно падала с 41,9% в 1889–1893 гг. до 35,6% в 1909–1913 гг. и 29,2–31,2% в 1911–1913 гг.; даже в урожайные 1912–1913 гг. вывоз ее уменьшился и по абсолютной величине, что весьма показательно.

Экспорт ячменя стабильно возрастал по обоим показателям и в 1911–1913 гг. обогнал пшеницу – факт небывалый. В 1889–1893 гг. на ячмень приходилось 17,5%, а в 1909–1913 гг. – 31,2% вывоза всех хлебов (в 1913 г.– 36,8%). В сумме пшеница и ячмень давали от 60 до 72% всего экспорта, и не будет ошибкой сказать, что вывоз хлеба из России в конце XIX – начале XX вв. – это главным образом вывоз пшеницы и ячменя, специально производившихся на экспорт в Новороссии и Предкавказье.

Нетрудно заметить, что экспорт ржи стабильно снижался, достигая в предвоенное пятилетие величины урожая, скажем, Пензенской губернии в те же годы, но уже никак не Курской или Уфимской. Почти в три раза упала доля ржи в экспорте – с 14,5 до 5,5%. Вывоз овса по пятилетиям показывает рост, хотя и незначительный, но очевидно его существенное снижение в 1912–1913 гг. Экспорт муки был невелик, что отражало, в частности, недостаточное развитие мукомольной промышленности в Рос-

сии. Увеличивался как в абсолютном, так и в относительном выражении экспорт второстепенных хлебов, большую часть которого составляли кукуруза, отруби и жмыхи – в отдельные годы он превышал 20%. Очевидна неустойчивость экспорта как отдельных главных, так и всех хлебов вообще – перепады в соседние годы иногда достигают 300 и более процентов.

Это закономерно ставит вопрос о соотношении размеров экспорта хлеба и урожаев.

В Табл. 3 можно видеть данные о соотношении между урожаями и вывозом главных хлебов в конце XIX – начале XX вв.:

Табл. 3. Динамика урожаев (63 губ.) и экспорта главных хлебов в 1893–1913 гг. (тыс. пуд.)[19]

Годы	Рожь			Пшеница			Ячмень			Овес		
	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора
1893	1114720	37053	3,3	709718	160455	22,6	421166	111228	26,4	673044	56801	8,4
1894	1341087	85671	6,4	697675	209762	30,1	351272	153139	43,6	673910	94395	14,0
1895	1203995	95541	7,9	626017	242752	38,8	327682	108319	33,1	648948	66739	10,3
1896	1181142	83717	7,1	606512	224633	37	324955	81605	25,1	645948	67512	10,5
1897	962730	78837	8,2	475589	218327	45,9	306308	89441	29,2	527772	43617	8,3
1898	1097484	71418	6,5	678029	183564	27,1	397797	106320	26,7	556332	25264	4,5
1893–1898	**1150193**	**75373**	**6,6**	**632257**	**206582**	**32,7**	**354863**	**108342**	**30,5**	**620992**	**59055**	**9,5**
1899	1356886	67097	4,9	653989	112224	17,2	289865	74549	25,7	805157	28463	3,5
1900	1393641	104063	7,5	657550	122979	18,7	309358	53676	17,4	720215	80047	11,1
1901	1137353	92692	8,1	667132	143853	21,6	313397	77631	24,8	527812	80317	15,2
1902	1378534	109395	7,9	931437	190701	20,5	442096	104165	23,6	786122	63333	8,1
1903	1354909	94273	7	916678	262372	28,6	465857	145619	31,3	645135	59517	9,2
1899–1903	**1324265**	**93504**	**7,1**	**765357**	**166426**	**21,7**	**364115**	**91128**	**25**	**696888**	**62335**	**8,9**
1904	1506805	73377	4,9	1033855	289368	28	451541	151838	33,6	943773	54062	5,7
1905	1090758	67588	6,2	944168	301726	32	450371	138263	30,7	754674	127327	16,9
1906	982671	73725	7,5	749260	228184	30,5	408430	148810	36,4	561168	69544	12,4
1907	1193880	52213	4,4	727345	147065	20,2	459972	132665	28,8	728461	26137	3,6
1908	1168799	31775	2,7	812723	94127	11,6	491606	161389	32,8	739477	29374	4,0

[19] При пересчете муки ржаной в зерно принимается выход муки в 90%, муки пшеничной – в 75% зерна.

Годы	Рожь			Пшеница			Ячмень			Овес		
	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора
1904–08	**1188583**	**59736**	**5**	**853470**	**206609**	**24,2**	**452384**	**146593**	**32,4**	**745511**	**61289**	**8,2**
1909	1351606	43288	3,2	1182093	322154	27,3	622676	219202	35,2	946088	74623	7,9
1910	1299405	47758	3,7	1162046	383683	33,0	602788	244702	40,6	856205	83947	9,8
1911	1151182	64420	5,6	742738	250348	33,7	537236	262638	48,9	702598	85130	12,1
1912	1567736	37258	2,4	1036356	169511	16,4	606045	168708	27,8	864424	51799	6,0
1913	1507246	47226	3,1	1391966	216540	15,6	627336	239718	38,2	979677	36604	3,7
1909–13	**1375435**	**47990**	**3,5**	**1103040**	**268447**	**24,3**	**599216**	**226994**	**37,9**	**869798**	**66421**	**7,6**

Источники: Материалы... 1915; Прегер 1915; Сельское хозяйство... 1922; Лященко 1915.

В нескольких словах данный аспект зернового хозяйства России в этот период можно охарактеризовать так: урожаи главных хлебов в стране продолжали расти, однако доля экспорта в урожае всех главных хлебов, кроме ячменя, уменьшалась (причем иногда и в абсолютном выражении).

Весьма показательны в этом смысле цифры средних ежегодных приростов показателей производства и экспорта хлеба, вычисленные при построении линейных трендов приведенных выше динамических рядов. Так, средний ежегодный прирост урожая ржи составлял 9364 тыс. пуд., а вывоз падал ежегодно в среднем на 1926 тыс. пуд., овса собирали ежегодно в среднем на 12879 тыс. пуд. больше, а экспортировали на 93 тыс. пуд. меньше. Среднегодовой прирост урожаев пшеницы равнялся 27053 тыс. пуд., а ее экспорт ежегодно увеличивался в среднем на 3121 тыс. пуд., т.е. в стране ежегодно в среднем оставалось на 23932 тыс. пуд. пшеницы больше, чем в предыдущем году. Эта цифра превышает среднегодовой урожай Центрально-Черноземной, Центрально-Промышленной, Белорусской, Приозерной, а также Черниговской и Эстляндской губерний, вместе взятых, в 1909–1913 гг. Соответствующие показатели для ячменя составляли 15070 и 7197 тыс. пуд. Другими словами, за границу продавалось лишь 10,6% прироста сборов пшеницы и около половины (47,8%) прироста сборов ячменя.

Показательно, что доля вывозимой ржи, составлявшая в 1891–1895 гг. 5,7% урожая, упала до 3,3% в 1911–1913 гг., доля пшеницы снизилась с 34,6 до 19,8% (причем с 1910 г. экспорт пшеницы уменьшается и по абсолютной величине), доля овса – с 10,7% до 7,5%, а доля ячменя возросла с 34,6 до 37,9% (как уже отмечалось, это объясняется форсированием производства в Новороссии и Предкавказье ячменя как культуры почти ис-

ключительно экспортной). **Все эти факты говорят о возрастании объема внутреннего рынка для главных хлебов и соответственно о постепенном снижении роли внешнего рынка.** Данные транспортной статистики позволяют конкретизировать это явление и в общих чертах проследить, как протекали указанные перемены.

Анализ соотношения внутреннего и вывозного железнодорожного отправления **всех** хлебных грузов черноземными губерниями, которые в конце XIX – начале XX вв. оставались основными поставщиками товарного хлеба на внутренний и внешний рынки, привел к следующим выводам.

В ряде не только северно-, но и южно-черноземных губерний очевидно замедление темпов роста железнодорожного отправления всех хлебных грузов, отражающее рост плотности населения, усиление в силу этого местного потребления производимых хлебов и завершение экстенсивного этапа расширения зернового хозяйства.

В Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Подольской и Киевской губерниях с 1894–1895 гг. до 1908–1911 гг. общее снижение экспортного отправления составило 19,0 млн пуд. В остальных черноземных губерниях оно выросло на 173,2 млн пуд.[20] Из этого количества 76,7 млн пуд., или 44,3%, приходится на Херсонскую губернию, Донскую и Кубанскую области; еще 29,5% прироста (51,2 млн пуд.) сконцентрировано в Екатеринославской, Саратовской, Самарской и Ставропольской губерниях.

Т.е. экспорт хлеба из России увеличивался в конце XIX – начале XX в. прежде всего за счет лишь семи губерний степной полосы[21], которые дали в сумме 127,8 млн пуд., или 81,9%, прироста вывозных перевозок всех хлебных грузов.

Данное обстоятельство делает куда понятнее логику С. А. Нефедова, исключившего «неудобную» для себя половину страны из анализа.

О том, **чем** были южнорусские степи для сельского хозяйства России рассматриваемого периода, можно судить по следующим фактам.

Средний урожай пшеницы по 63-м губерниям Европейской России в 1901–1903 гг. составил 838 416 тыс. пуд., из которых на долю только Новороссии (Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии и область Войска Донского), а также Ставропольской губернии и Кубанской области пришлось 417 723 тыс. пуд., т.е. 49,8%, а в 1908–1911 гг. суммарный среднегодовой урожай пшеницы в 63-х губерниях был равен 974 900 тыс. пуд., из которых 500573 тыс. пуд., т.е. 51,3%, были выращены в перечисленных губерниях. При этом в 1901–1903 гг. они дали 146 920 тыс. пуд., или 56,0% общего среднегодового отправления пшеницы черноземными губерниями, а в 1908–1911 гг. – 203 643 тыс. пуд.,

---

[20] Данные за 1909–1913 гг. еще выразительнее.

[21] К ним, возможно, следует добавить и Таврическую губернию, но этот вопрос требует специального изучения.

или 57,4%. Доля этих губерний в вывозном отправлении черноземных губерний составила соответственно 80,4% (113 840 тыс. пуд.) и 74,5% (153 171 тыс. пуд.) (Давыдов 2003: 123–129).

Рожь никогда не была популярна в южнорусских степях (она вытеснила пшеницу лишь на время гражданской войны), и в рассматриваемый период ее выращивали там в основном на экспорт.

На Бессарабскую, Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую губернии, а также Донскую и Кубанскую области в 1901–1903 гг. пришлось в общей сложности 104 321 тыс. пуд. из 1 290 265 тыс. пуд. среднегодового суммарного урожая ржи в 63-х губерниях, т.е. 8,1%, а в 1908–1911 гг. – 68 297 тыс. пуд. из 1 242 723 тыс. пуд., или 5,5%, т.е. относительно небольшая часть сбора. Тем не менее, в 1901–1903 гг. данный регион дал 34,6% (50 337 тыс. пуд.) общего отправления ржи из черноземных губерний, а в 1908–1911 гг. – 22,9% (25 473 тыс. пуд.). А вот доля экспортного отправления ржи со станций региона превысила половину и равнялась соответственно 54,7% (41 864 тыс. пуд.) и 52,9% (18 968 тыс. пуд.) (там же: 158–159).

Пять губерний и три области Новороссии и Предкавказья в 1901–1903 гг. производили ежегодно 53,2% урожая ячменя в 63-х губерниях (216 494 тыс. пуд. из 407 117 тыс. пуд.), в 1908–1911 гг. – 58,2% (328 163 тыс. пуд. из 563 577 тыс. пуд.), 84,3% (62 699 тыс. пуд. из 74 407 тыс. пуд.) и 91,0% (137 223 тыс. пуд. из 150 739 тыс. пуд.) общего отправления ячменя из главных губерний-производительниц и 89,8% (53 911 тыс. пуд. из 60 032 тыс. пуд.) и 94,6% (127 970 тыс. пуд. из 135 226 тыс. пуд.). Ячмень, как известно, был сугубо экспортной культурой (Там же: 176–181).

Возникает вопрос: почему С. А. Нефедов исключает данные по этому, в частности, вполне преуспевающему региону из анализа потребления, но затем рассматривает вывоз отсюда хлеба как угрозу нормальному питанию жителей России?

Совсем иная картина возникает при анализе внутреннего железнодорожного отправления **всех** хлебных грузов.

Его прирост в 1908–1911 гг. в сравнении с 1894–1895 гг. в Курской губернии составил 12035 тыс. пуд. (тогда как абсолютные размеры среднегодового вывозного отправления снизились на 1702 тыс. пуд.); схожая картина наблюдается в Орловской (соответственно 6704 и минус 3170 тыс. пуд.), Тульской (6565 и минус 2402 тыс. пуд.), Рязанской (4863 и минус 765 тыс. пуд.), Киевской (10 281 и минус 1505 тыс. пуд.), Подольской (4411 и минус 9444 тыс. пуд.) губерниях. Заметим, что даже в тех губерниях, общее отправление которых имело тенденцию к уменьшению (Бессарабской, юго-западных, Черниговской), это происходило не за счет внутреннего отправления, а за счет сокращения перевозок в таможенные пункты.

Очень важно, что и там, где экспортное отправление в целом не уменьшается, приросты внутреннего отправления значительно, иногда в несколько раз, выше приростов вывозного отправления. Подобная картина наблюдается в таких губерниях, как Харьковская (17393 против 2384 тыс. пуд.), Полтавская (20 413 против 4658 тыс. пуд.), Оренбургская (18 493 и 5182 тыс. пуд.), Самарская (24 924 и 14 534 тыс. пуд.), Воронежская (18 898 и 6865 тыс. пуд.), Саратовская (24 703 и 9800 тыс. пуд.), Тамбовская (18 706 и 901 тыс. пуд.), Терская (14 334 и 3660 тыс. пуд.). Существенный рост значения внутреннего рынка и падение роли рынка внешнего совершенно очевидны.

Лидерами внутреннего отправления были Самарская, Полтавская, Воронежская, Оренбургская, Тамбовская, Харьковская, Саратовская, Екатеринославская, Терская и Курская губернии, которые в сумме сосредоточили 65,1% прироста внутренних перевозок.

Итак, анализ транспортной статистики показывает, что основную часть вывозной пшеницы давали Новороссия и Предкавказье, как бы замкнутые на порты Черного и Азовского морей. В еще большей степени это относится к ячменю, почти 90% избытков которого в 1909–1913 гг. находилось в пяти Новороссийских губерниях и Кубанской области. Этот регион, разумеется, поставлял зерно на внутренний рынок, но близость портов естественно стимулировала работу на экспорт. Главными поставщиками пшеницы на внутренний рынок были Самарская и Саратовская губернии, а также Донская область. Для нижневолжских, малороссийских, юго-западных губерний приоритетным было внутреннее отправление, которое почти всегда превосходило вывозное. Последнее возрастает лишь в случае хорошего урожая, когда за границу «сбрасывались» излишки пшеницы, не находившие размещения на внутреннем рынке, как это было, например, в 1909–1910 гг.

Т.е. очевиден существенный рост значения внутреннего хлебного рынка и снижение роли рынка внешнего. Если вспомнить о заметном недоучете водных перевозок, а также о том, что используемая статистика никак не фиксирует гужевые перевозки хлеба, то станет очевидно, что реальный размер внутренней транспортировки хлеба, а значит, и внутреннего рынка был намного выше.

В целом же обгоняющее развитие внутреннего рынка в сравнении с внешним было одним из непосредственных результатов индустриализации, урбанизации и роста капитализма в стране.

Подсчеты С. А. Нефедовым душевого потребления представляются неудовлетворительными, что естественно вытекает из такого подхода к обращению с источниками.

В отечественной историографии с дореволюционных времен пищевую ценность картофеля традиционно оценивали в соотношении 3:1. Данные современной поваренной книги снижают его до 2,1–2,5:1 (не касаясь во-

проса о том, что калорийность картофеля заметно повышается при тепловой обработке – печении, не говоря о жарении). Даже это уточнение дает *существенную* разницу, в том числе и при анализе душевого потребления. Между тем С. А. Нефедов исходит из соотношения 5:1. На каком основании? Как отражены в его подсчетах немаленькие цифры душевого потребления картофеля, которые используемый и им источник (упомянутые «Производство, перевозки...») фиксирует даже в тех губерниях, которые С. А. Нефедов оставил для доказательства перманентного голодания страны? Например, в 1909–1913 гг. в Витебской губернии этот показатель составил 14,4 пуд., в Минской – 31,44 пуд., в Могилевской – 24,99 пуд., во Владимирской – 15,47 пуд. (в Воронежской – 11,6, в Калужской – 14,01 пуд., Курской – 14,69 пуд., в Орловской – 19,69 пуд., Пензенской – 20, 97 пуд., Псковской – 12,5, Рязанской – 17,29 пуд. и т.д.). Куда исчезли эти центнеры картофеля даже с учетом некорректной нормы 5:1?

Наконец, пора заметить, что, помимо прочего, в концепции С. А. Нефедова мне непонятны следующие моменты.

Как можно рассуждать о голоде в пореформенной России, ни словом не упоминая о продовольственной помощи, о пресловутом «царевом пайке»?

Народническая интерпретация проблемы потребления российской деревни в отечественной историографии, в русле которой идет С. А. Нефедов, попросту игнорирует наличие в стране **продовольственной системы**, гарантирующей нормальное питание населения в голодные годы.

Любой, кто **не знаком профессионально** с рассматриваемой проблематикой, но со школы знает о «голодном экспорте», совершенно естественно полагает, что «антинародное» царское правительство выкачивало из деревни хлеб, обрекая на голодовки миллионы крестьян, и никаким образом не заботилось о борьбе со **стихийными** бедствиями в виде постоянных неурожаев. Между тем все обстояло совершенно не так.

Впрочем, в некотором смысле чрезвычайно характерно, что о народных страданиях в пореформенной России так или иначе слышали все (или почти все), в то время как существование в стране продовольственной организации, которая оказывала помощь голодающим, как и тот факт, что правительство тратило значительную часть государственного бюджета на эти цели, известны сравнительно немногим.

Предлагаю оценить следующие факты, приводимые А. С. Ермоловым в своей фундаментальной монографии «Наши неурожаи и продовольственный вопрос», которые обретают особую пикантность в связи с рассуждениями С. А. Нефедова о «территориальной дифференциации» губерний Европейской России.

Чаще всего за период 1867–1908 гг. неурожаи имели место в губерниях: Таврической – 21 раз, Самарской – 19 раз, Пензенской – 18 раз, Оренбургской и Новгородской – по 17 раз в каждой и т.д. Реже всего – 1–

2 раза – неурожаи фиксировались в 10 губерниях, в числе которых три юго-западных, две прибалтийских (Лифляндская и Эстляндская), две литовских (Виленская и Ковенская), Могилевская, Полтавская и Ярославская. При этом ни разу за 1867–1908 гг. «не получали ссуд из общеимперского продовольственного капитала губернии Гродненская, Курляндская, Минская и Московская, а также губернии Царства Польского, которые вообще полных неурожаев не знают» (Ермолов 1909, т. 2: 3–6).

> В пореформенное время, пишет А. С. Ермолов, «область всего чаще повторяющихся неурожаев перемещалась, – в начале по преимуществу страдали от неурожаев и требовали себе помощи губернии северные и северо-западные, а затем центр неурожайной области стал передвигаться на восток и юго-восток, захватив, начиная с девятидесятых годов, и центральные черноземные губернии. В южной части черноземного района и в губерниях юго-западных неурожаи бывали только спорадически, но довольно часто повторялись в губерниях Новороссийских. По числу неурожайных лет нельзя, однако, судить о том, как страдали от неурожаев отдельные губернии[22], и в этом отношении представляют значительный интерес нижеследующие данные о размере сумм, ассигнованных им из общеимперского капитала для борьбы с нуждою, как и данные о задолженности их этому капиталу в настоящее время, **после целого ряда оказанных населению милостей, в виде сложения с него, в силу Царских манифестов и Высочайших указов, большей части лежавших на нем продовольственных долгов**» (там же, т. 2: 6).

В Табл. 4 содержатся данные о правительственных ассигнованиях на продовольственную помощь в наиболее нуждавшиеся в ней 18 губерний, которые получили в 1891–1908 гг. более 5 млн руб., а также сведения о задолженности этих губерний общеимперскому продовольственному капиталу и общей сумме их продовольственных долгов.

Все эти губернии образуют единый массив, охватывающий ЦЧР, Среднее и Нижнее Поволжье, а также Приуралье (за его пределами остаются лишь Псковская и Херсонская губернии). Население этого региона «всего чаще и всего больше пользовалось казенными воспособлениями, многие годы состоя, так сказать, на казенном иждивении» (Ермолов 1909, т. 2: 20–22), получив 93,5% зафиксированной Ермоловым продовольственной помощи[23]. Несмотря на то, что ему (населению) были прощены и

---

[22] Так, лидер по числу неурожайных лет, Таврическая губерния, за 21 год получила всего 4008 тыс. руб., а следующей за ней Самарской губернии за 19 лет было ассигновано 64 473 тыс. руб.

[23] «Общий итог этих сумм дает цифру в 488.145.000 р., но к этой цифре надо добавить еще 15000.000 р., отпущенных в 1901 и 1902 гг. на покупку хлеба для различных пострадавших от неурожая губерний, и которые я по отдельным губерниям разнести не могу; кроме того, такая же примерно сумма израсходована в 1891–1892 гг. на Анненковские общественные работы, тоже по губерниям не распределенная; в этот счет не входит и сумма, отпущенная в 1898 и 1899 годах на снабжение населения лошадьми. С добавлением этих расходов общий итог далеко превысит полмиллиарда рублей» (Ермолов 1909, т. 2: 9).

списаны со счетов громадные суммы, на него приходилось почти 9/10 долга общеимперскому капиталу и свыше 4/5 общей продовольственной задолженности населения Европейской России. Учитывает ли С. А. Нефедов в своем анализе эту информацию и каким образом?

> Комментируя список губерний-лидеров – от Самарской до Нижегородской, – Ермолов замечает, что «эти 10 губерний, которые некогда считались житницею России и доставляли громадное количество хлеба для заграничного отпуска, – за 18 последних лет потребовали себе правительственных вспомоществований, чтобы только прокормиться, на сумму 361 218 тыс. рублей. Это все губернии черноземные, в которых земледелие искони составляет главное и даже можно сказать единственное занятие населения. **Другую их отличительную черту составляет то, что в них господствует среди крестьян общинная форма землевладения**». В губерниях, занимающих позиции с 11-й по 18-ю, почвы достаточно разнообразны, однако «общинное землевладение и в них является преобладающим» (Ермолов 1909, т. 2: 7–8).

Только в Херсонской и Курской губерниях наряду с общинным существует подворное землевладение.

Табл. 4. Губернии, получавшие наибольшие ассигнования на продовольственную помощь в 1891–1908 гг.

Губернии	*Ассигнования из общеимперского продовольственного капитала и средств Государственного Казначейства*		*Долги общеимперскому продовольственному капиталу на 1 января 1909 г.*		*Вся совокупность продовольственных долгов населения губернии на 1 января 1909 г.*	
	Тыс. руб.	*%*	*Тыс. руб.*	*%*	*Тыс. руб.*	*%*
Самарская	64473	13,2	29810	14,1	35939	11,6
Саратовская	60709	12,4	23131	11,0	28732	9,3
Казанская	52365	10,7	21775	10,3	25672	8,3
Симбирская	32134	6,6	12714	6,0	16742	5,4
Уфимская	28282	5,8	11205	5,3	13487	4,4
Тамбовская	27561	5,6	11500	5,5	15544	5,0
Воронежская	26518	5,4	12981	6,2	19299	6,2
Тульская	24755	5,1	12343	5,9	14838	4,8
Пензенская	24495	5,0	10957	5,2	13870	4,5
Нижегородская	19926	4,1	8950	4,2	11773	3,8
Вятская	18979	3,9	8223	3,9	12695	4,1
Орловская	16920	3,5	8754	4,2	11424	3,7

Губернии	*Ассигнования из общеимперского продовольственного капитала и средств Государственного Казначейства*		*Долги общеимперскому продовольственному капиталу на 1 января 1909 г.*		*Вся совокупность продовольственных долгов населения губернии на 1 января 1909 г.*	
	Тыс. руб.	*%*	*Тыс. руб.*	*%*	*Тыс. руб.*	*%*
Рязанская	16544	3,4	5544	2,6	8744	2,8
Оренбургская	12758	2,6	2388	1,1	2813	0,9
Пермская	9097	1,9	1073	0,5	3539	1,1
Псковская	8542	1,7	3449	1,6	5366	1,7
Херсонская	7084	1,5	3283	1,6	5243	1,7
Курская	5201	1,1	587	0,3	3547	1,1
Всего в 18 губерниях	456343	93,5	188667	89,5	249267	80,5
Сумма по 47 губерниям	488145	100	210750	100	309500[24]	100

Источник: Ермолов 1909, т. 2: 7–27.

На этом фоне весьма показателен акцент, который А. С. Ермолов делает на том, что в Европейской России есть губернии, которые «за все годы рассматриваемого периода никаких воспособлений от правительства и из сумм общеимперского продовольственного капитала не получали. Это именно губернии: Гродненская, Ковенская, Могилевская, Московская, Подольская, Полтавская, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская и губернии Царства Польского; на последние, впрочем, и не распространяются никакие правила нашего продовольственного устава» (Там же: 9).

Как можно видеть, в этом перечне доминируют губернии с **подворным землевладением**. Кстати, и связь продовольственной ситуации с долготой губернского центра налицо.

[24] Без области Войска Донского, Сибири и Кавказа.

Ермолов делает вывод: общая сумма долгов и разнообразных пособий «тем больше, чем богаче и плодороднее почва, которую население возделывает, и обратно. Точно также, на первом плане тут стоят губернии с общинной формой землевладения» (Ермолов 1909, т. 2: 32–33).

Со всем сказанным о специфике продовольственной ситуации в западных губерниях империи вполне согласуется многократно отмеченный в дореволюционной литературе факт: эти губернии были самыми исправными налогоплательщиками, занимая последние позиции по размерам задолженности, по недоимкам (он же 1891: 79–178; Гурко 1902: 1–19). Напомню, что именно в этих губерниях еще с конца 1870-х гг. начался стихийный процесс разверстания сотен деревень на хутора и отруба, ускользнувший от внимания власти и открытый К. Кофодом в 1901 г. (Кофод 1905).

Наконец, как можно анализировать потребление, умалчивая о сотнях миллионов рублей, которые пропивались населением, крестьянами даже в голодные годы?

Видный дореволюционный экономист П. П. Дюшен приводит следующие факты. В период работы Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности многие местные Комитеты со вкусом рассуждали на одну из любимых тем русской интеллигенции – о том, что крестьянская земля не окупает платежей их домохозяйства. В доказательство приводились составленные Комитетами бюджеты волостей и уездов.

Вот как изображается в трудах Винницкого Комитета экономическое положение уезда. «В Винницком уезде на наличную душу приходится земли 0,67 дес., на двор 3,8 дес.; 8% домохозяев имеют лишь одну усадьбу. 2,3% – безземельные и 14% с полными наделами. В среднем крестьяне получают 12 рублей в год на душу валового дохода с земли, а на двор 70 рублей, с десятины 18 рублей. Платежей всякого рода приходится со всего крестьянского населения уезда 311.345 р. – в среднем на десятину 2 р. 55 к., а на двор 9 р. 70 к. Недоимок в Винницком уезде числится только 1,25% всей суммы сборов. Такое благоприятное положение уезда объясняется исключительно местными заработками, исчисляемыми на Р. С. (рублей серебром. – *М. Д.*) 2.100.000, на двор 130 руб., на десятину 35 руб. К сожалению, выпитая населением водка ложится на каждый двор в сумме 25 р., т.е. в 2,5 раза превышает налоги (с выкупными)» (П. Д. 1904: 139–140).

Дюшен сообщает основные параметры «подробного» бюджета Велейской волости Опочецкого уезда: «Доход крестьянского населения волости от земледелия показан в сумме Р. С. 373 406,25 (за исключением семян); расходы: на все повинности Р. С. 35 987.70, на продовольствие людей, скота и все прочие “жизненные” (потребности. – *М. Д.*) – Р. С. 40 174 и на покупку вина (sic! – помета Дюшена. – *М. Д.*) Р. С. 402 281; в дефицит во-

лости определяется в Р. С. 63 773, а потому, по мнению исследователя, доходность крестьянских наделов не окупает их всех платежей».

«Но неужели исследователь Велейской волости», – вопрошает Дюшен, – «серьезно убежден, что крестьянская земля должна окупать всю сполна выпитую Велейской волостью водку? Неужели слова Положения 19 февраля 1861 г. "для обеспечения быта крестьян и для обеспечения их обязанностей перед Правительством" (интеллигенция постоянно ссылается на эту фразу общих и местных Положений 19 февраля 1861 г.) означают, что крестьяне были наделены землей помещиков с той целью, чтобы доходы этой земли шли на водку, чтобы крестьяне немилосердно спивались на эти доходы?» (П. Д. 1904: 131).

Эпизод, как можно видеть, абсурдный и курьезный одновременно. Но именно тот факт, что абсурдность подобной логики **настолько не очевидна** составителю бюджета (который был не одинок среди участников совещания), что он встраивает эти нелепые рассуждения в такой серьезный контекст, как работа Особого совещания, призванного решать судьбы страны, лучше всего указывает на наличие реальных проблем.

Обратимся к реальным фактам.

А. С. Ермолов, описывая продовольственную ситуацию в неурожайном, а для некоторых губерний и голодном 1906 г., специально останавливается на факте «печальном и как бы противоречащем тому, что говорится о поголовной народной нищете, об остром и всеобщем голодании в пострадавших от неурожая губерниях. Это именно не сократившееся, а местами даже возросшее потребление вина, поглотившее, невзирая на постигшее население бедствие, громадные суммы народных денег» (Ермолов 1909, т. 1: 417).

Он, в частности, приводит данные о поступлении питейного дохода за 12 месяцев 1906–1907 гг. в сравнении с двумя такими же предшествующими периодами по наиболее пострадавшим от голода 12-ти губерниям: Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и Уфимской.

За период с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. от казенной продажи питей поступило дохода 130 505 тыс. руб., за тот же период 1905–1906 г. – 129 943 тыс. руб., за тот же период 1904–1905 г. – 115 454 тыс. руб. соответственно. Следовательно, за голодный год население истратило на водку в этих бедствовавших губерниях на 562 тыс. руб. больше, чем в предыдущий год, и на 15 051 тыс. руб. больше, чем за такой же период 1904–1905 г. (там же: 418).

А. С. Ермолов резюмирует: «В кампанию 1906–1907 гг. было израсходовано на ссудную помощь населению в тех 12-ти губерниях, о которых здесь идет речь, 128 329 т. р. Пропито же в них за 12 мес., с 1 мая 1906 г.

по 30 апреля 1907 г., вина на сумму 130 505 т. р., т.е. на 2 176 т. р. более той суммы, которую население в этих губерниях получило за предохранение его от голода и на обсеменение его полей» (Ермолов 1909, т. 1: 421).

Масштаб этих цифр будет понятнее, если вспомнить, что построенный в США знаменитый крейсер «Варяг» обошелся России в 4 млн 233 тыс. руб. (или 2 млн 138 тыс. долларов) (Мельников 1983: 22), что броненосец типа «Полтава» стоил 10,7 млн руб., а типа «Бородино» – 14 млн руб. В *Истории СССР с древнейших времен* говорится, что стоимость кораблей и вооружений, потерянных в ходе Русско-японской войны, оценивалась почти в четверть млрд рублей (История СССР 1968: 523). К. Ф. Шацилло оценивал стоимость потерянных кораблей в 230 млн руб., а с учетом флотского оборудования Порт-Артура – в 255 млн руб. (Шацилло 1968: 44). Т.е. порядок затрат понятен.

Другими словами, сказанное следует понимать так, что жители лишь 12-ти (!) из 90 губерний и областей России всего за два года (притом что для большинства этих губерний оба года были неурожайными) выпили водки на сумму, превышающую стоимость почти всех кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов империи, вместе взятых, а также вооружений, уничтоженных и захваченных японцами в Порт-Артуре и др.

В Отчете Продовольственной части МВД расчеты сделаны иначе, чем у А. С. Ермолова, и за другие сроки, – за календарные годы, и с 1-го июля одного года по 1-е июля другого. Цифры поэтому получаются несколько иные, но общий результат их почти такой же.

Средний душевой расход на вино, по данным этого отчета, определился в 1906 и 1907 гг. в 4 р. 80 к. на душу в год по всей империи, между тем как в предыдущие два года он был значительно ниже – 4 р. 8 к. в 1904 и 4 р. 24 к. в 1905 календарных годах.

Почти такое же возрастание душевого расхода на вино оказывается и за двенадцатимесячные периоды, считаемые с июля по июль. А именно за 12 месяцев 1904–1905 гг. расход этот определился в 4 р. 16 к. на душу, за тот же период 1905–1906 гг. – 4 р. 53 к. и за 1906–1907 гг. – 4 р. 78 к.

По отношению же к тем 32 пострадавшим губерниям и областям, на которые распространялась в 1906–1907 гг. продовольственная операция, душевой расход на вино выразился в следующих цифрах: за 12 месяцев 1904–1905 г. – 4 р. 57 к., 1905–1906 гг. – 4 р. 86 к. и 1906–1907 гг. – 4 р. 98 к., в то время как в остальных губерниях России расход этот составлял за соответственные периоды 3 р. 87 к., 4 р. 29 к. и 4 р. 64 к.

Таким образом, в бедственный период 1906–1907 гг. душевой расход на вино превысил такой же расход по всей империи на 20 к., а расход губерний благополучных – на 34 к. Однако из этих же цифр видно, что замечаемое ежегодное возрастание потребления вина в неурожайных гу-

берниях было несколько меньше, нежели в благополучных и во всей России...

Цитируемый Отчет отмечает в 1907 г. по сравнению с предыдущими годами возрастание душевого расхода также и на большую часть других, кроме вина, предметов потребления, обложенных акцизом, – пива, (в 1904 г. – 41 к., в 1905 г.– 47 к., в 1906 – 58 к. в 1907 г. – 60 к.), сахара (за те же годы 1 р. 69 к., 1р. 84 к., 1 р. 87 к:, и 1 р. 97 к.), спичек (21 к., 20 к., 23 к., 26 к.), нефти (35 к., 52 к., 46 к., 52 к.); расход на табак-махорку, достигавший в 1904 и 1906 гг. 24 к., в 1907 г. сократился на 1 к. до 23 к., что объясняется, однако, не уменьшением потребления табака, а значительным распространением среди низших классов населения вместо махорки дешевых сортов папирос, потребление которых ежегодно возрастает.

Весь же душевой расход населения на эти 5 предметов составил за те же 4 года 2 р. 90 к., 3 р. 25 к., 3 р. 38 к. и 3 р. 58 к. К сожалению, тут приходится ограничиться огульными цифрами по всей империи, и притом по календарным годам, так как помесячных данных о потреблении этих предметов по отдельным губерниям не публикуется. Однако важно и то, что потребление их, невзирая на неурожай, постигший значительную часть империи, в общем не только не сократилось, а напротив того, значительно возросло (Ермолов 1909, т. 1: 421–423) .

Может быть, С. А. Нефедов в свете приведенной информации переосмыслит фон превращения «тлеющей революции 1905 года в крестьянскую войну»?

В контексте рассматриваемой проблематики представляется уместным привести следующий фрагмент из учебника истории России, изданного МГПУ: «Представление об уровне жизни населения не может быть полным без указания цен на продукты, услуги и основные предметы потребления.

Среднегодовые цены в 1913 г. в Москве (кстати, в провинции, особенно в сельской местности и на Юге, продукты стоили дешевле, в Петербурге – чуть дороже), по данным статистических справочников, были следующими (в коп. за 1 кг):

Хлеб черный –	5	Водка (1 л) –	30
Хлеб белый –	12	Ситец (1м) –	18
Мука ржаная –	6	Сукно (1 м) –	2,8 руб.
Мука пшеничная –	7	Ботинки женские –	4 руб.
Картофель –	2	Полуботинки мужские –	3 руб.
Говядина выс. сорта –	50	Сапоги –	7 руб.
Молоко (1 л) –	8	Полушубок –	15 руб.
Колбаса вареная –	35	Билет в Большой театр –	32
Колбаса копченая –	75	Билет в кино –	18–20
Чай (фунт) –	150	Визит к врачу –	20 коп.

Масло растит. (1 л) –	32	Плата за обучение ребенка в школе – 2 руб. в мес.
Масло сливочное –	70–90	Сервиз фаянсовый на 12 человек – 10 руб.
Крупа гречневая –	9	Вино (1 л) – 40»

(Новейшая история Отечества 1998: 30–33).

Вообще жизнь реальных российских крестьян в рассматриваемый период была несколько разнообразнее и насыщеннее, чем полагает традиционная историография.

Вот мнение на этот счет А. В. Байкова, жителя деревни Конной Сычевского уезда Смоленской губернии, одного из тех крестьян, для которых столыпинская аграрная реформа стала началом не просто новой, но ***настоящей*** жизни. Юрьевский пишет: «Байкову теперь 70 лет, но это бодрый человек, продолжающий трудиться на благо своего родного края. Байков уже давно нажил крупное земельное и денежное состояние, но продолжает жить попросту, по старинке…»

«Лучше ли стало жить на хуторах и отрубах? – говорит А. В. Байков. – Да, лучше и много лучше, но одна беда – это праздники и связанное с ним пьянство. Праздники календарные, церковные у нас сравнительно мало почитаются, а вся беда в так называемых "престольных", местных праздниках, число которых за последнее время не только не уменьшается, но все увеличивается. На моей памяти в окрестных селениях был установлен целый ряд таких праздников. Так, например: лет 25–30 тому назад в нашей местности была чума рогатого скота. В деревне Конопатине она окончилась к 20 июля, и вот деревней установлен был по сему случаю праздник; в деревне Ашиткове чума окончилась к 8 июля – установили 3-дневный праздник; в деревне Дюкове тоже лет 30 назад был 29 июля пожар – установили праздник; в деревне Гайдуках был такой случай: на Кирика и Улиту, 15 июля, поднялся ветер и разметал копны сена – установили праздник; в деревне Лычники на преподобного Сергия 5 июля был град – установили праздник. Праздники эти – не престольные, ничего общего с храмом не имеющие. Я указал только ближайшие деревни, жизнь которых я хорошо знаю. Но подобные праздники во всей нашей местности существуют, можно сказать, в каждой деревне, а в некоторых – даже не один такой праздник. При этом нередко празднуют "Девятой пятнице", "Десятой пятнице", "Ильинской пятнице" и разным "Симонам-Гулимонам", которых и в святцах не найдешь. Горе в том, что духовенство наше не только не борется с этим злом, а даже наоборот… В деревне Конопатине раньше праздновали "чуме" один день, причем все празднество выражалось в общественном молебствии среди деревни; но вот поступил в приход новый священник и говорит конопатинцам: "Если бы к вам приехал какой-либо важный барин, почетный гость, – неужели вы приняли бы его на улице, а не попросили бы каждый в дом свой"… И было решено: служить молебны в каждом дворе и праздник установить трехдневный. **И это в самое страдное время, когда у нас поденная плата доходит до 1 р. – 1 р. 40 коп. в день!** Во что обходятся эти праздники. В текущем году мне пришлось быть в этом самом Конопатине на пятый день праздника, и, заметив, что крестьяне еще не очухались от праздничного угара, я вздумал вместе с ними подсчитать, во что обошелся им

праздник, и что же оказалось? На 36 дворов выпито водки и пива на 307 рублей, не считая чая и разных лакомств, да прогул четырех рабочих дней целой сотни рабочих с подростками при поденной цене 1–1.40 коп. должен быть определен сотнями рублей, и кроме того, в каждом дворе "гуляло" не менее 3–4 и до 10 "гостей" из других деревень. Так что один такой праздник обходится не менее 1000 рублей. Подсчет этот применим и к прочим селениям Сычевского уезда, и можно смело сказать, что в среднем каждый праздник обходится одному двору не менее 25 рублей... **А иностранцы еще говорят, что наш мужик беден! Да нехай любая наикультурнейшая страна в свете попробует при летнем периоде в 5–6 месяцев, а не в 9–10, как в Западной Европе, пускай, говорю, попробует отпраздновать 200 дней в году, да притом по преимуществу летом, – да у них и потрохов не останется...**» (Юрьевский 1914: 88–91).

Думаю, всем участникам дискуссии будет небезынтересно решить следующие, весьма уместные в контексте обсуждаемых проблем, задачи из *Сборника задач противоалкогольного содержания* (М., 1914), составленные на основании вполне официальных источников:

«**2.** Каждый житель России (на круг) пропивает ежегодно на водке 5 р. 4 к., на пиве 1 р. и на вине 68 к. Сколько всего денег он пропивает?..

8. Наше Отечество истратило в 1910 г. на свою защиту от неприятеля 598 миллионов рублей, на внутренний порядок – 160 миллионов, на помощь земледелию – 86 миллионов, на народное образование – 80 миллионов, на суд – 76 миллионов. А пропито населением в том же году на 78 миллионов рублей больше всей суммы перечисленных расходов. Сколько пропито?..

50. Ежегодно каждый житель России на круг получает доходу 60 р. 48 коп., а пропивает из него 6 р. 72 к. Какую часть своего дохода пропивает ежегодно Россия?..

60. В прошлом (1913) году население России выпило (приблизительно) 2.000.100.000 бутылок водки. 13.334 бутылки, уставленные в ряд одна за другою, занимают расстояние в 1 версту. Сколько верст займут все выпитые бутылки, если их уставить таким же образом? Во сколько раз это расстояние будет больше земного экватора, длина которого равняется 37.500 верст?..

90. Каждый русский выпивает в год (на круг) по 12 бутылок водки. Если бы он вместо этого яда съедал то количество хлеба, из которого выкуриваются эти 12 бутылок, то 1) сколько ему приходилось бы ежегодно лишнего хлеба и 2) сколько бы он сберегал денег от такой замены? 1 бутылка водки выкуривается из 4 фунтов 10 лотов 2 золотников хлеба, фунт которого стоит 3 коп. (1 бут. водки стоит 42 коп.)» (Беляев М. М., Беляев С. М. 1914).

Предвижу, что серьезность источниковой базы, на основании которой составлены эти задачи, может быть заслонена у читателей смеховым их компонентом. Тогда они вслед за мной могут проверить уровень корректности составителей.

А пока в качестве ориентира приведу следующие совершенно официальные данные.

Табл. 5. Соотношение обыкновенных доходов Российской империи и доходов по ведомству Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей (млн руб.)

Годы	Всего обыкновенных доходов	Доходов по ведомству Гл. Управления неокл. сборов и казен. пр. питей	Доля доходов Гл. Упр.
1903	2031,8	741,3	36,5
1904	2018,3	743,4	36,8
1905	2024,6	805,3	39,8
1906	2271,7	951,3	41
1907	2342,5	957,1	40,9
1908	2417,8	956,7	39,6
1909	2526,3	974,9	38,6
1910	2781	1059,1	38,1
1911	2951,8	1085,7	36,8
1912	3105,9	1148	37
Среднее за 1903–1912	2447,2	942,3	38,5
1913	3417,4	1254,8	36,7

Источник: Отчет Главного Управления 1914: 1.

Львиную долю доходов Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей составляли, понятно, доходы от продажи водки. Замечу при этом, что **по потреблению алкоголя на душу населения Россия отнюдь не была в числе европейских лидеров!**

Полагаю, эта информация несколько прояснит для участников дискуссии уровень платежеспособности населения страны.

И последнее. Не могу не высказать своего мнения по следующему, полагаю, принципиально важному вопросу.

На мой взгляд, Нефедову следует считаться с тем, что одни и те же слова с течением времени могут обретать иной смысл, менять семантику. Что, в частности, представления людей конца XIX – начала XX в. о голоде и сопряженных с ними бедствиях народа весьма отличаются от наших современных, воспитанных на **историческом опыте советской эпохи.**

Этот опыт, напомню, включает голодовки времен Гражданской войны, голод 1921 г., унесший свыше 5 миллионов жизней, голод 1932–1933 гг., во время которого погибло от 7 до 8 миллионов человек, голод 1946–1947 гг., стоивший жизни примерно миллиону наших сограждан. О многих и долгих годах ***полу***голодного существования и говорить не приходится.

Излишне напоминать, что в пореформенной России самым трагичным из голодных лет был неурожайный 1891 г., когда число жертв голода оказалось рекордным – не менее 400 тыс. человек.

Полагаю, необходимо иметь представление о мере вещей, в истории особенно.

Правительство дореволюционной России отпускало сотни миллионов рублей на продовольственную помощь, в то время как они могли быть потрачены на многое другое, что было куда полезнее социального иждивенчества – на оборону, например, на открытие столь нужных стране военных училищ, на всеобщее начальное образование, на новые железные дороги, да мало ли на что!

А подходы советской власти, добившейся уровня «социальной стабильности» в 25 пудов на душу (какой ценой, надо напоминать?), к рассматриваемой проблематике наглядно характеризует то, что в 1932–1933 гг., когда распухшие от голода люди стали привычной частью привокзальных пейзажей, через порты и таможни на экспорт шел поток продовольствия.

> И после Великой Отечественной войны «Советское правительство продемонстрировало Западу, что СССР способен сам оказывать помощь тем, кто в ней нуждается. В ответ на просьбы со стороны Болгарии, Румынии, Польши, Чехословакии в эти и другие страны в 1946–1947 гг. из Советского Союза было отправлено 2,5 млн т зерна. **Иначе говоря, руководство страны сознательно пошло на голод, сохранив, а осенью 1947 г. на 80–90% пополнив запасы зерна.** Таким же методом производились накопления других продуктов питания и промтоваров к предстоявшим 16 декабря 1947 г. отмене карточной системы и денежной реформе» (Зима 1995: 150–152).

Вот это и есть самый настоящий голодный экспорт – без кавычек и без подмены понятий! И, между прочим, к революции не приведший.

* * *

P. S. Обсуждение показало, что, как ни странно, построения С. А. Нефедова во многом поддерживаются участниками дискуссии.

Н. С. Розов упомянул даже о том, что «большая макроисторическая правда... явно на его (С. А. Нефедова) стороне»[25].

Убежден, что это не так. Тезис С. А. Нефедова о России как о государстве, в котором население бедствует, постоянно недоедая и часто голодая, государстве, «приговоренном» к революции, не выдерживает критики.

Сто лет назад Россия, как представляется, была весьма динамично развивающейся страной с гигантским потенциалом, который только начал по-настоящему реализовываться, в очень большой степени благодаря реформам С. Ю. Витте и П. А. Столыпина.

Обсуждаемые процессы сами по себе столь масштабны, что тот или иной вектор их развития непременно должен находить – и находит! – подтверждение в самых разных источниках. О векторе социально-экономического развития России в рассматриваемый период позволяют, в частности, судить следующие данные о железнодорожной транспортировке ряда важных народнохозяйственных и потребительских товаров, содержащиеся в «Сводной статистике перевозок по русским железным дорогам».

Для каждого товара были вычислены средние ежегодные приросты перевозки ряда товаров, полученные при построении линейных трендов динамических рядов, полученных на основании источника.

Так, с 1890 г. до 1913 г. железнодорожные перевозки мануфактуры выросли с 24,2 до 53,3 м. п., т.е. в 2,2 раза; тренд равен 1125 т. п.

За 1893–1913 гг. транспортировка железа, чугуна и стали не в деле увеличилась с 56 до 291 м. п., или в 5,2 раза, тренд составил 9760 т. п.;

– железных, чугунных и стальных изделий – с 38 до 145 м. п., или в 3,8 раза, тренд равен 3914 т. п.;

– цемента – с 10,9 до 103, 1 м. п., т.е. в 9,4 раза, тренд составил 3307 т. п.;

– сахарных грузов (песка, рафинада, меласса и патоки) увеличилась с 46 до 137 м. п., или в 3,0 раза, тренд равняется 4513 т. п.;

– земледельческих машин и орудий, кроме деревянных, с 4,6 до 34,5 м. п., т.е. в 7,5 раз, тренд равен 1394 т. п.;

– мяса, битой птицы и дичи – с 6,6 до 20,6 м. п., или в 3,1 раза, тренд составил 682 т. п.;

– рыбных грузов – с 27,1 до 67,4 м. п., т.е. в 2,5 раза, тренд равняется 1938 т. п.;

– свежих овощей – с 36 до 244 м. п., или в 6,8 раз, тренд составил 10160 т. п.;

– пива – с 5,6 до 35,3 м. п., т.е. в 6,3 раз, тренд равен 1355 т. п.;

– яиц и желтков яичных – с 4 до 17,2 м. п., или в 4,3 раза, тренд составил 578 т. п.;

---

[25] См. его реплику на сайте www.cliodynamics.ru.

– вин виноградных – с 6,3 до 11,7 м. п., т.е. в 1,9 раза, тренд равен 282 т. п.;

– табака – с 6 до 17,5 м. п., или в 2,9 раза, тренд составил 491 т. п.;

– спичек – с 2,1 до 6,8 м. п., т.е. в 3,2 раза, тренд равен 244 т. п.;

– льна и пакли – с 14,3 до 24,6 м. п., или в 1,7 раза, тренд составил 564 т. п.

За 1894–1913 гг. перевозки чая по железным дорогам выросли с 3,6 до 10,9 м. п., или в 3,0 раза, тренд равен 361 т. п.;

– водки и крепких напитков с 5,4 до 10,6 млн пуд., т.е. в 2,0 раза, тренд составил 172 т. п.;

– фруктов, плодов и ягод свежих – с 5,7 до 25,4 м. п., или в 4,5 раза, тренд равен 1137 т. п.;

– фруктов сушеных – с 5,7 до 29,8 м. п., т.е. в 5,2 раза, тренд составил 962 т. п.;

– мыла, кроме туалетного, с 2,1 до 6,8 м. п., или в 3,2 раза, а тренд равен 117 т. п. (Давыдов 2008: 80–82).

Эти данные – лишь некоторые и притом самые общие характеристики динамично развивающейся громадной страны, какой была Россия в конце XIX – начале XX в., но и они позволяют уверенно говорить о том, в каком направлении она двигалась, во многом благодаря реформам С. Ю. Витте и П. А. Столыпина. Они, полагаю, убедительно демонстрируют потенциальную емкость рынка и материальных возможностей населения страны, свидетельствуя о том, что многие его потребности еще только начинали раскрываться и удовлетворяться.

В ходе дискуссии практически не затрагивалась столыпинская аграрная реформа. А она многое объясняет в обсуждаемых сюжетах.

Я отношусь к числу тех историков, которые считают, что трагических событий начала XX в. можно было избежать. Потенциал Великих реформ в большой степени был исчерпан, притом будучи использован далеко не полностью. Лишь в эпоху Александра III началась масштабная индустриализация. При этом на фоне пресловутого роста экспорта хлеба из России к концу XIX в. в сельском хозяйстве ряда регионов страны нарастали кризисные явления. Их концентрированным выражением стали участившиеся неурожайные годы и голод 1891 г. Это был своего рода суммарный индекс, который говорил о неэффективности той модели развития народного хозяйства, которая установилась после 1861 г., и о том, что его пореформенная эволюция заводит и отчасти уже завела сельское хозяйство в тупик.

Вместе с тем в более широком масштабе это был кризис системы, которая была основана на господстве правительственного патернализма, на консервации тяглового строя, что выражалось в числе прочего в искусственном сохранении и поддержании общинных отношений в деревне, на том, что власть игнорировала (на деле – боялась!) давно назревшую необ-

ходимость просвещения миллионов крестьян, просвещения в том числе и агрономического.

Кризис этот, однако, в огромной степени был, как справедливо считает Б. Н. Миронов, вызван именно **«недостатком у двух последних императоров и общественности терпимости, мудрости и дальновидности»**, т.е. тех самых качеств, которые, по мнению некоторых участников дискуссии, «вряд ли что-либо объясняют» в причинах русских революций. Однако, цитируя В. Б. Шкловского, это факт их (участников) биографии.

Само неприятие данной мысли Б. Н. Миронова (и, конечно, не только его одного), впрочем, весьма симптоматично. Не потому ли, что речь идет о феноменах, которые в пудах и калориях не измерить?

Между тем профессионалу совершенно понятно, что Б. Н. Миронов подразумевает в числе прочего глобальное непонимание высшими носителями власти, а также частью умеющих читать подданных этой власти особенностей меняющегося мира, в котором они жили.

Следствием этого была, во-первых, намеренная ревизия не только духа, но и буквы Великих реформ, искусственная поддержка из идеологических соображений уравнительно-передельной общины со всеми вытекающими последствиями. Во-вторых, авантюрная внешняя политика Николая II, прежде всего – «несчастная война» (С. Ю. Витте) с Японией, вызванная стремлением царя самоутвердиться, спровоцировавшая революцию 1905 г.; вопрос о франко-русском союзе и Антанте оставляю в стороне ввиду специфики дискуссии. В-третьих, агрессивная русификация, не вызывавшаяся объективным положением дел в империи, которая выбросила за борт все то полезное, что делали императоры России от Петра I до Александра II в плане консолидации многомиллионного населения многонациональной страны. В результате власть превратила национальный вопрос в один из острейших, притом что Европа, в том числе и соседи-конкуренты (Австро-Венгрия, Германия), демонстрировала куда более взвешенные подходы к этим проблемам. Напомню, кстати, что и Александр III, и его сын были воспитаны правыми славянофилами. В-четвертых, идущая из крепостнической эпохи боязнь просвещения. Россия была единственной из великих держав, не имевшая всеобщего начального образования. Прошу поверить, что есть и «в-пятых», и «в-десятых»; при этом Б. Н. Миронов, возможно, предложит несколько иную иерархию.

Едва ли не главный порок модернизации 1860-х гг. – создание для десятков миллионов крестьян своего рода особой действительности, особого мира, не в смысле общины, а в смысле реальности («планеты», «материка» и т. п.). Подавляющее большинство населения страны жило отдельной жизнью и до 1861 г. – в смысле бытовом, юридическом, экономическом, культурном и, естественно, психологически было *иным*, нежели образованное меньшинство. Но и после освобождения масса крестьян не слиш-

ком сблизилась с ним. Более того, указанная «отдельность» получила новый импульс, поскольку правительство искусственно консервировало общинный уклад и архаичное сознание крестьянства – при полной поддержке «передовой» русской интеллигенции[26].

В результате совместных (хотя и не скоординированных) усилий людей, умеющих читать, крестьянская уравнительно-передельная община стала фокусом большинства проблем пореформенной жизни страны, одновременно превратившись в главное препятствие на пути ее поступательного развития.

Для социалистов община, будучи «эмбрионом» нового социального строя, имела «великое социальное значение» и т. п. А российскому народу, об этом не подозревавшему, они отводили роль объекта в громадном социалистическом эксперименте.

Для охранителей община была оплотом существующего строя и одновременно удобным органом ***административной*** власти, и с этим, в частности, во многом связано усиление патерналистских тенденций с 1880-х гг. Естественно, такой типичный «полицейский пастух», как министр внутренних дел гр. Д. Толстой, в целом не был близок к народническому социализму. Но социализм – явление поливариантное. В литературе пока недостаточно освещен вопрос о том, что социализм был некоторым образом привлекателен и для тогдашней бюрократии, поскольку открывал для нее принципиально новые возможности усиления своей роли в стране. Писал же С. Ю. Витте о том, что «община сделалась излюбленным объектом Министерства внутренних дел по полицейским соображениям, прикрываемым литературою славянофилов и социалистов» (Витте 2002, т. 2: 42) .

Добавлю, что за общину ратовали и те, кто считался умеренными либералами и выступал за «правовой порядок» – но только для себя, не для крестьян!

Литература в основном ограничивается лишь констатацией указанного «странного сближения».

Между тем сближение было совсем не странным.

С тем, что в учебниках именуется контрреформами в аграрной сфере, были вполне солидарны левые силы. Так или иначе, но власть провела почти все меры по поддержанию общинного строя, т.е. расшатавшихся крепостных порядков, о которых много лет твердила народническая – и не только! – интеллигенция: отмену 165 ст. Положения, удлинение срока выкупа, ограничение семейных разделов, ограничение свободы передвижения крестьян и др. Эти меры принудительного, крепостного, в сущности,

[26] Под интеллигенцией я, как это и считалось сто лет назад, подразумеваю политически активную и/или политизированную часть образованного класса России.

порядка тормозили естественный процесс перехода русской деревни к новой жизни.

Между взглядами народников и, скажем, Плеве, считавшего, что «имеется полное основание надеяться, что Россия будет избавлена от гнета капитала и буржуазии и борьбы сословий» (Вронский 1999: 44), **сущностное** различие, полагаю, было не слишком большим. Все они хотели блага России (впрочем, это не вполне точно – охранители хотя бы думали о стране, как они это понимали, а социалисты о ней не думали вовсе). Они по-разному видели не столько это благо (все рецепты основывались на **принуждении** крестьян, на том, чтобы, цитируя С. Ю. Витте, держать их в «стаде»), сколько меру **своего** участия в создании этого блага.

Если отвлечься от риторики и левых, и правых, и «либералов», то в основе их действий, как представляется, лежало тривиальное стремление так или иначе ***управлять*** 100 миллионами крестьян. Только первые требовали, чтобы в роли управляющего выступала «передовая» «народолюбивая интеллигенция», вторые – правительство, а третьи – земство[27]. И здесь без общины им всем было не обойтись.

Одним из итогов такой политики было то, что Россия вступила в XX век, имея народ, во многом живущий представлениями века XVII-го (и это, забегая вперед, естественно, ***многообразно*** и со всей силой сказалось и во время революций, и в годы Первой мировой и Гражданской войн). Данная ситуация едва ли была терпима для страны, претендовавшей на первые роли в мировой политике.

Власти нужно было **испугаться всерьез**, для чего понадобились несчастная Японская война[28] и спровоцированная ею революция, поставившие Россию на грань катастрофы, чтобы, наконец, уйти от нелепых представлений о своей стране и своем народе и начать осознавать, **что** она делала после 1861 г., какую на самом деле политику она проводила, чтобы, наконец, прислушаться к голосу здравого смысла.

И тогда пришло время П. А. Столыпина.

Масштабы кризиса 1905–1906 гг. требовали адекватного ответа, которым могла быть только программа комплексных системных реформ, предполагавшая значительное, иногда радикальное изменение вектора развития страны. Она была изложена П. А. Столыпиным в его знаменитой речи при открытии II Государственной думы 6 марта 1907 г.

---

[27] К явно надуманной проблеме «перепроизводства элиты» (Турчин) это не имеет ни малейшего отношения. В России было как раз явное ***недо***производство элиты!

[28] Эта абсолютно ненужная России война – весьма важное свидетельство того, как «недостаток мудрости и дальновидности» последнего императора **прямо** влияет на 140 миллионов его подданных. Но как может страна, условно говоря, повзрослеть, если ею управляют инфантильные догматики, а главный из них – сам император? Это – случайность или закономерность?

Это была широчайшая программа системных либеральных реформ, которые касались практически всех сторон жизни страны. По объему и значимости они едва ли не превосходили Великие реформы и совершенно точно являлись их логическим и историческим завершением. Они должны были в конечном счете разорвать вековую патерналистскую традицию российской истории и российской жизни.

Программа преобразований включала законопроекты, обеспечивающие терпимость и свободу совести, в то же время постепенно устраняющие все правоограничения, связанные с вероисповеданием (в том числе и для евреев).

Следующие законопроекты были связаны с неприкосновенностью личности, с новой судебной реформой, с реформой в области самоуправления (в числе прочего и с созданием волостного бессословного земства), с соответствующим расширением компетенции земств вообще, с сокращением сферы административного надзора и т.д. В Польше и Финляндии должно было быть введено самоуправление. Административная реформа предусматривала объединение всей гражданской администрации и прежде всего создание административных судов, которое считалось одним из наиболее важных предстоящих мероприятий.

В сфере трудового законодательства планировалось введение различных видов страхования рабочих и узаконивание экономических забастовок. Наконец, Столыпин предлагал целый ряд мероприятий для развития народного просвещения. Планировались меры по дальнейшему подъему экономики, большую часть которых мы бы назвали приватизацией, и др. Здесь же он говорил о программе аграрных преобразований, уже начавшихся к тому времени.

В целом, даже столь бегло перечисленные, эти меры составляют одну из наиболее четких и эффективных программ системных реформ за века русской истории, реформ продуманных, реформ реальных, т.е. тех, которые могли бы быть реализованы при жизни одного поколения. Пресловутые «20 лет покоя» из интервью газете «Волга» – фигура речи, превращенная в символ, но этот срок представляется вполне реальным.

Столыпин определял связь между всеми этими законопроектами следующим образом: «В основу их положена одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить во всей последующей деятельности. Мысль эта – создать те материальные нормы, в которых должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. **Преобразованное по воле монарха Отечество наше должно превратиться в государство правовое»** (Столыпин 1991: 51).

Таковы были задачи, решение которых должно было превратить страну в «Великую Россию» – и не в расхожем пропагандистском смысле (С. Ю. Витте любил поиздеваться над тем, что «мы все кричим», как «нас

много и сколько у нас земли»), а **по сути, по существу, естественной силой вещей**, как сказали бы во времена Н. М. Карамзина.

Программа эта была, конечно, западнической.

Центральным ее компонентом должна была стать аграрная реформа.

Если бы она проводилась до 1905 г., как о том мечтали С. Ю. Витте, А. С. Ермолов, П. А. Столыпин, В. И. Гурко, П. П. Дюшен и их единомышленники, тогда она была бы прежде всего хозяйственной. Реформа должна была покончить с «прелестями» общинного и особенно уравнительного землепользования. По мысли ее инициаторов, она должна была поднять благосостояние крестьян за счет изменения экономического строя их хозяйства, сделав их собственниками своей земли и предоставив им возможность трудиться на ней свободно, избавив их от гнета общины, от принудительного севооборота и переделов земли.

Однако 1905–1906 гг. внесли в жизнь страны очень серьезные коррективы. В конкретных условиях России осени 1906 г., разумеется, актуальнейшим вопросом было успокоение деревни. И поэтому цель столыпинской аграрной реформы была двуединой – экономической и политической.

По масштабам и громадности последствий столыпинская аграрная реформа выходила далеко за рамки сугубо сельскохозяйственной сферы, так или иначе затрагивая важнейшие стороны жизни как минимум 75% населения страны, воздействуя тем самым не только на экономическую составляющую модернизации, но также на психологическую, культурную, социально-юридическую и др.

Другими словами, реформа основывалась на том, что впервые в русской истории 100 миллионов крестьян, признанных за «персон», т.е. уравненных в правах с остальным населением, в том числе и в отношении права собственности на землю, должны были, наконец, сами решать, как им жить, не считаясь с тем, что думают на этот счет незнакомые им люди в Петербурге, Москве и других населенных пунктах. Это означало, в числе прочего, что крестьяне, в зависимости от своего желания, могли стать собственниками своих наделов.

И уже поэтому ясно, что реформы Столыпина были *не*приемлемы для очень широкого круга ее политических противников.

Кофод по этому поводу заметил:

> «То, что партийные политики ставят партийные соображения выше всеобщего блага, не представляется, конечно, явлением специфически русским, наоборот. Но вряд ли где-нибудь еще такая партийная политика ведется с такими крайностями, как она велась в России, где оппозиция принципиально была против каждого пункта правительственной программы, каким бы полезным этот пункт ни был» (Кофод 1997: 192–193).

Масштабы столыпинского землеустройства можно представить по следующим двум показателям. Во-первых, за 1907–1915 гг. изменить условия землепользования пожелало почти 6,2 млн домохозяев. Это более половины всех крестьянских дворов России или, по мнению историка В. Г. Тюкавкина, 67% общинных хозяйств страны (Тюкавкин 2001: 197–205; Давыдов 2003: 240–300; Давыдов 2007*а;* 2007*б*). Во-вторых, согласно официальным данным, на 1 января 1916 г. была закончена подготовка 87 855 землеустроительных дел по 105 104 земельным единицам для 3,8 млн домохозяев на площади в 34,3 млн десятин (Отчетные сведения 1916). Таким образом, общая площадь, охваченная землеустройством, составила без малого 375 тыс. км^2 и превысила территорию современных нам Германии и Черногории, вместе взятых, или же Италии и Ирландии, вместе взятых. И это без учета 10 млн десятин, перешедших к крестьянам посредством Крестьянского банка, и без землеустройства Сибири, которое превысило 22 млн десятин. Т.е. темпы землеустройства были колоссальными, невиданными.

Период 1907–1915 гг. делится нормативными юридическими документами на два этапа – 1907–1911 гг. и 1912–1915 гг. В первом из них было подано 2,6 млн ходатайств, во втором – 3,5 млн ходатайств, т.е. на 34,5% больше (там же).

Вместе с тем и рост крестьянского землепользования, и проведение землеустройства, и упорядочение аграрного строя создавали только основу для подъема российского сельского хозяйства. А он был невозможен без ряда других предпосылок, в том числе материального и духовного капитала.

Правительственных ссуд явно не хватало, и только на основе кооперации можно было обеспечить крестьянское население кредитами. Власть это понимала. Но, как всегда, боясь ослабить свое влияние, опасаясь всякой организации, демократии, она занимало двойственную позицию по отношению к кооперации. Т.е., с одной стороны, правительство считало необходимым не только поддерживать ее, но и активно развивать, а с другой стороны, стремилось ее удерживать под своей опекой, ставя препятствия к ее внутренней консолидации.

Рост кооперации (и не только ее) в России после 1905 г. для Европы был беспрецедентным, хотя это, конечно, был «рост с нуля». К 1 января 1914 г. число учреждений мелкого кредита превысило 13 тыс., а численность членов в них – 10 млн. Подавляющая часть этих учреждений были сельскими.

На 1 января 1912 г. суммы местных вкладов и займов (не считая правительственных средств) в ссудосберегательных и в кредитных товариществах составили 242 млн руб., на 1 января 1913 г. – 308 млн (рост свыше 20%), на 1 января 1914 г. – уже 423 млн руб., т.е. рост свыше 30%. О мас-

штабе этих показателей можно судить по уже приведенным в настоящей статье данным (Бруцкус 1922: 95–99).

Духовный капитал – это агрономическая помощь. С точки зрения истории России любой из сюжетов, которых я здесь бегло касаюсь, – это целый «континент», об этом нужно писать и писать, потому что мы знаем об этом на самом деле еще очень мало.

Это относится и к такой капитальной важности проблеме, как агрономическая помощь. Можно сколько угодно упрекать русское крестьянство и крестьянство других стран за косность, консерватизм и пр. Упрек этот неисторичен, потому что для крестьян соблюдение традиций – это гарантия выживания. В лучшем ли режиме, в худшем ли – так жили предки, и так они могут сохранить себя дальше.

Но рано или поздно правительство должно осознать, что пора «переводить» сельское хозяйство на новый уровень развития. Не сомневаюсь, что участникам дискуссии известно, что в Средние века и в Новое время голодовки – это обычный спутник сельского хозяйства стран Западной Европы (даже в середине XIX в. в Ирландии в результате болезни картофеля от голода умерли 1 млн человек. В других европейских странах этого уже не было). Но начиная с какого-то момента сельское хозяйство Запада резко интенсифицируется. И бывают, естественно, годы лучше или хуже, но голодовок не бывает. Голодовка – это функция от низкого уровня агрикультуры в стране.

Однако переходом к интенсификации сельского хозяйства должны заниматься государство и общество, если они до этого дозрели. Во Франции, Бельгии, Германии, даже тогдашней Италии, не говоря о США, сельскохозяйственное просвещение населения брало на себя государство. Это целая отдельная тема.

А в России ничего похожего не было. Власть, как говорилось, боялась любого образования. Агрономия выпадала и из сферы внимания подавляющего большинства земств. При этом, конечно, были выдающиеся в этом смысле земства, прежде всего земства новороссийских и малороссийских губерний (Херсонское, Екатеринославское, Харьковское, Полтавское, несколько других). А вот земства центрально-черноземных губерний, нечерноземных губерний за небольшими исключениями уделяли сельскому хозяйству мало внимания. И только с началом столыпинской аграрной реформы, когда ГУЗИЗ пообещал земствам кредиты на развитие агрономической помощи, история агрономического просвещения России вошла в новую стадию.

Чтобы минимизировать изложение, приведу несколько цифр, впрочем, еще не окончательных. С 1907 по 1912 гг. число правительственных агрономов, агрономов при землеустроительных комиссиях, выросло со 141 до 1400, земских – с примерно 600 до 3300.

Деятельность последних падала на более подготовленную почву, потому что в стране к началу Первой мировой войны было примерно 3,5 тыс. сельскохозяйственных обществ, причем, как правило, обществ малого района, которые охватывали одну или несколько деревень, могли охватывать волость и т.д.

Развивалось и внешкольное сельскохозяйственное образование. В 1905 г. на сельскохозяйственных курсах было 2 тыс. слушателей, а в 1912 г. – 58 тыс. Множество источников говорит о том, что в массе курсисты (так это тогда называлось), возвращаясь домой, становились учителями для односельчан. На эту тему можно очень много говорить, бездна свидетельств такого рода. В 1905 г. на сельскохозяйственных чтениях, которые проводили агрономы, присутствовало 32 тыс. слушателей. 1905 г., может быть, не самый удачный год в плане начала отсчета статистики (крестьяне другим были заняты), но, тем не менее, в 1912 г. (мы не знаем пока цифр за 1913 г.) – это уже один миллион (!) слушателей (Бруцкус 1922: 98–99; Давыдов 2003: 448–563).

Столыпинская аграрная реформа стала началом агротехнологической революции в России. Достаточно посмотреть на динамику перевозок сельскохозяйственных машин в России. В 1901 г. железнодорожные перевозки сельхозмашин составили 8,8 млн пудов, в 1902 г. – 10,7 млн, в 1909 г. – 21,5 млн, а в 1913 г. – 34,5 млн пудов. За немногие годы столыпинской реформы в этом смысле произошли очень серьезные сдвиги, которые были только началом (Давыдов 2003: 301–448). И хотя само по себе применение сельхозтехники не во всех случаях является индексом подъема агрикультуры, но в данном случае как раз речь идет именно о начале качественно иной стадии в жизни русской деревни (и я могу это легко показать и доказать). Схожа динамика (даже в количественном отношении) перевозок сельскохозяйственных удобрений, хотя здесь ситуация несколько иная. Все-таки удобрения в российской деревне к началу Первой мировой войны не стали еще повсеместным явлением.

Приведенные цифры рисуют вполне определенные перспективы реформы и, соответственно, страны, хотя это и типичный «рост с нуля».

Но цифрами, говорил академик Б. В. Раушенбах, можно измерить то, что поддается измерению. А как измерить масштаб перемен, который начал происходить в душе тысяч крестьян по отношению к окружающему миру, в том числе к основе своего существования – сельскому хозяйству? А эти перемены вполне определенно начались.

Приведу лишь одно мнение (из множества подобных) на этот счет. Оно принадлежит русскому крестьянскому писателю-самородку С. Т. Семенову, который внимательно следил за новыми явлениями в жизни деревни. Он так описывал, в частности, перемены, происшедшие в хозяйстве живших по соседству, в том же Волоколамском уезде Московской губернии, крестьян:

«После того, как я первый раз был на с-ких хуторах, прошло три года. Мне снова понадобилось поехать в С. Дело было в июне. Весна была ранняя. Снег согнало еще в марте. Но в апреле и мае наступили холода и засуха. Плохо шла рожь. Яровые только что всходили, и всходы были пестрые, с большими плешинами, и шли они туго. Трава была заметна в низине да кустах. Общинный скот в попутных деревнях перешел уже на пар, где совсем нечего было взять. Лошади рвались в хлеб и клевер, коровы, возвратившись домой, ели подстилку и мало давали молока. Мужики тужили и боялись недорода. Уже начали распродавать скот, цены на который, по сравнению с вешними ценами, упали довольно значительно. И только я миновал знакомый лесок и выехал на обрытую канавами дорогу среди отрубов, как передо мною раскрылась совсем новая картина. Как будто здесь был другой климат. Рожь на отрубных участках стояла стеной и напоминала старые годы. Особенно поражал первый участок, где край десятины, засеянный рожью, сбегал в низину. А в низинах-то рожь в этот год и пропала. Здесь же она была такою, как у нас говорят, "хоть борону подставляй". Веселее, чем везде, глядели клевера, дружней всходили овсы и льны. Покосные участки в низинах были разделаны и засеяны овсом с викой, в которые, вероятно, были пущены многолетние травы. Был уже кое-где вывезен и запахан навоз. В особо отведенных углах ходили привязанными лошади, паслись коровы. Их пастбище было куда лучше деревенских пастбищ, и сам скот имел сытый и спокойный вид. И построек на отрубах уже было больше. Росли сараи и риги. Около последних лежали ометы соломы. Вдали, направо, красовалось обширное жилое помещение, около которого паслось 6 штук крупного скота. Особенно хороши участки были ближе к селу. Почти весь хлеб был так хорош, что обещал незаурядный урожай. Невольно меня потянуло на хутора, навестить моих старых знакомых... Побывши с час в селе, где я, между прочим, узнал, что открытое тогда кредитное и молочное товарищество действует отлично, – для с-цев прошедшей зимой устраивались курсы по молочному делу, где слушатели не только слушали лекции, но и участвовали в практических работах по новым способам ухода за скотом и молоком, – и что заречная слобода С., оставшаяся при первом выделе при общинном пользовании и перешедшая на широкие полосы, нарушает прежнее владение и переходит на отруба... Есть у нас хутора и кроме с-ких. Особенно много их под уездным городом. Бывал я и на этих хуторах. И в большинстве случаев, у всех новых хозяев на первых же порах замечал одно обстоятельство, это быструю освоенность с более культурными приемами хозяйствования. Почти всем хуторянам достаются запольные, заброшенные, тощие земли. И все-таки на этих землях урожайность идет лучше, чем на деревенских полях. Вся площадь дружно разрабатывается. Корчуются пни, осушаются и распахиваются болота, проводятся канавы, везде вводится осенняя вспашка, более правильный сев и более правильная вывозка и запашка навоза. У многих стремление развести садик, завести пчелок. Есть хозяева, которые отвели под сады довольно большую площадь своей земли и засаживали их по указанию и под руководством агронома. И где я ни бывал, нигде не наблюдалось ни грусти, ни тоски, не слышалось ни жалоб, ни сожаления о переходе, хотя иногда положение было очень трудное. Всех наполняла удивительная бодрость. Почему у новых хозяев такая бодрость, – мне намекнул один хуторянин. – Мы, – говорит он, – как новожены, с земелькой-то законным браком повенчались. В деревне-то она

была гулящая девка, а теперь она твоя законная жена на век вечный. Худа ли она, хороша, а никто уж, кроме тебя, к ней не полезет... Во всей жизни деревни и у нас можно найти отрицательные стороны. Шло и разрасталось пьянство, получившее в последнее время перед запрещением полную свободу для своего развития. Все более и более исчезает старинное понятие о нравственности. Молодежь может вести себя не так скромно, как в былые времена. Но на фоне этой темной декорации ярко выделяются явления несомненного сознательного отношения ко многому, что я и отмечаю в своих наблюдениях. Все описанные мною проявления крестьянского хозяйственного творчества не выискивались мной, а все это само шло на меня. И я наивозможно беспристрастно сообщаю их читателям. Такое течение в крестьянской трудовой жизни мне лично очень уверенно свидетельствует, что мы живем перед началом гораздо лучшего будущего. И, кто знает, может быть, это будущее откроет перед нами такие перспективы, при одном представлении которых забудется и не совсем хорошее настоящее и печальной памяти прошлое» (Семенов 1915: 57–58, 62, 69–70).

Модернизация П. А. Столыпина, которая продолжалась и после его гибели, открывала перед Россией совершенно новые перспективы, и на этом пути страна не знала бы ни ГУЛАГа, ни «Большого скачка», ни «Большого террора»...

Революция 1917 г., на мой взгляд, – трагическая случайность.

Здесь, после всего сказанного, уместно, видимо, вспомнить комментарий Н. С. Розова, в котором он упрекает Б. Н. Миронова за якобы нежелание дать свое объяснение глубочайшего кризиса 1905 г. и катастрофы 1917–1918 гг. и т.д.[29] Прочитав мой текст, он, видимо, вновь задаст вопрос в том смысле, что если все было благополучно, почему же произошла революция, и укоризненно повторит: «Неужели опять все сваливается на неудачи в войнах?»

Задам встречный вопрос: а три соседние с Российской империи – Германская, Австро-Венгерская и Османская – в 1918 г. тоже рухнули от недоедания? Или были, возможно, какие-то другие причины? Может быть, революция 4 сентября 1870 г. (а затем и Парижская коммуна) возникла от перебоев в снабжении, а не после поражения при Седане, когда во время капитуляции французские солдаты ломали свои сабли и кричали об измене? Или Розов полагает, что на фоне, предположим, известий о победах в Маньчжурии, о разгроме японцев при Порт-Артуре и пр. к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. двинулись бы люди, чем-то недовольные, чего-то требующие? Что рабочие поддались бы на провокационную агитацию?

Революции, конечно, происходят не только после проигранных войн, но происходят и после них, потому что при прочих равных они **деморализуют** нацию и явно демонстрируют несостоятельность власти.

Но поражение поражению рознь, а в истории все конкретно!

---

[29] См. выше статью Н. С. Розова в данном выпуске Альманаха.

Розов как «теоретик», снисходящий до роли арбитра в споре «эмпириков», должен понимать, что в жизни почти любой страны почти в любое время в латентном виде есть предпосылки как для подъема, так и для упадка, в том числе и для революции.

То, что можно условно назвать «народной ненавистью» (на термине я не настаиваю) к тем, кого крестьяне считают виноватыми («угнетателями» и т. п.), во многих странах рано или поздно как-то прорывается, и народ пытается дружно мстить и за предков, и за себя, и «просто так». Это одна из констант истории. В скрытом (или не очень скрытом) виде она есть почти **везде** и почти **всегда,** и она покрывает, понятно, огромный пласт жизни. Накал ее может колебаться в зависимости от социального «самочувствия» субъектов ненависти или – что то же самое – уровня недовольства окружающей действительностью, которое эту ненависть может обострять, стимулировать или, напротив, отодвигать на периферию и т.д.

Типологически едва ли не главный вопрос тут в мере потрясений, в количестве пролитой крови. Это может быть Великая французская революция, а может быть революция 1848–1849 гг., скажем, в германских землях. Страна может оставить в стороне французский вариант, прорепетированный когда-то в России под прозаическим названием пугачевщины, а может и не пройти мимо него; 1905 г. недвусмысленно показал, что для России это вполне реальный вариант.

История «устроена» так, что «народная ненависть» может прорваться, а может и не прорваться (это зависит от многих причин, в том числе и от силы власти в данный конкретный момент), хотя до конца никуда не исчезнет. Однако если возможность прорваться возникла – она непременно будет реализована, что и случилось в России в 1917 г.

Более того. В жизни любой страны всегда был, есть и будет конгломерат проблем и противоречий разной степени сложности и остроты, которые переживаются, перемалываются ею в одних случаях и сокрушают ее в других.

Порох при правильном обращении может храниться веками. Но если, условно говоря, жарить в пороховом погребе яичницу, то результат этой процедуры вполне предсказуем.

И поэтому ключевой вопрос состоит в том, **что именно** становится детонатором, взрывающим привычную жизнь.

Для России в 1917 г. им стала безнадежно проигрываемая война со всеми многочисленными последствиями, о которых сейчас нет возможности говорить.

Н. С. Розов, полагаю, хорошо помнит время войны в Афганистане, с которой начался распад той страны, в которой все участники дискуссии родились и выросли. А ведь эта война не была тотальной войной, как Первая мировая война, во время которой было мобилизовано порядка

15 миллионов мужчин (минимум 80% которых были крестьянами), два с половиной года сидевших в окопах от Балтики до Черного моря во время **проигрываемой войны** (во многом опять-таки из-за недостатка «дальновидности» и «мудрости» тех, кто руководил Россией), которые после отречения «Хозяина земли Русской», капитулировавшего перед хлебным бунтом в своей столице, оказались просто ***в другом мире*** и с оружием в руках!

Иногда нации сплачиваются после поражений, как Россия после тяжко переживавшихся Аустерлица и Тильзита, как СССР в 1941–1942 гг., и побеждают врага, но иногда этого не происходит.

А ведь начнись Первая мировая война даже в 1915 г., не говоря о 1916 г., ее исход для России и вся наша (и не наша) жизнь могли бы быть другими.

Здесь уместно, как мне кажется, привести мнения двух современников, хорошо знавших Николая II, что, возможно, побудит некоторых участников дискуссии глубже ознакомиться с тем, что, по их мнению, **ничего не объясняет**.

В. И. Гурко, повествуя о трагических событиях, связанных с отступлением русской армии в 1915 г., в частности, пишет:

> «Вновь и вновь Совет министров обращается с соответствующими представлениями к государю: власть царя в то время еще всесильна, но пользоваться ею в порядке действительном он все меньше решается. На мольбы министров о созыве военного совета он отвечает неизменно (одно и) то же: “погодите”, “со временем”. Сознавая свое слабоволие, государь, очевидно, опасался, что под напором всего правительственного синклита он вынужден будет принять какое-либо определенное решение, но именно этого он не желал». Гурко делает к этому сообщению в высшей степени важное примечание: «Известный психиатр Карпинский, пользовавший царскую семью, положительно утверждал, что, наблюдая за государем, он пришел к убеждению, что Николай II страдает душевной болезнью, именуемой в медицине негативизмом. Болезнь эта состоит в том, что пациент проявляет в общем сильный упадок воли в отношении противодействия решениям, принимаемым другими лицами даже в делах, касающихся его самого, и проявляет крайнее упорство в смысле отрицательном, а именно отказываясь лично предпринять какие-либо действия в любом направлении. Болезнь эта сопровождается обычно развитием недоверия ко всем лицам, что-либо исполняющим для больного и с которыми он вообще вынужден иметь дело» (Гурко 2000: 672).

Недоверия царь не испытывал, по крайней мере, к одному человеку – к Александре Федоровне. С. Ю. Витте считает воздействие на Николая II его жены в полном смысле слова роковым:

> «**Если бы государь имел волю,** то такая жена, как Александра Федоровна, была бы соответственная. Она жена императора – и только. Но несчастье в

том, что государь безвольный. Кто может на него иметь прочное и непрерывное влияние? Конечно, только жена. К тому же она красива, с волею, отличная мать семейства, может быть, она была бы неприятна **для царя с волей,** но не для нашего царя. В конце концов она забрала в руки государя. Несомненно, что она его любит, желает ему добра – ведь в его счастии ее счастие. Но, может быть, она была бы хорошею советчицею какого-либо супруга – немецкого князька, но является пагубнейшею советчицею самодержавного владыки Российской империи. В конце концов она приносит несчастье себе, ему и всей России... Подумаешь, от чего зависят империя и жизни десятков, если не сотен миллионов существ, называемых людьми» (Витте 2002, т. 2: 367–368).

А ведь Витте не дожил до апогея «распутинщины»!

Витте характеризовал Николая II как человека «со слабой умственной и моральной натурою, но, главным образом, исковерканной воспитанием, жизнью и особливо ненормальностью его Августейшей супруги» (там же: 203). О «ненормальности» Александры Федоровны автор говорит неоднократно, лишь однажды упоминая о диагнозе: болезнь нервно-психологического характера, которой императрица болела уже много лет (там же: 685).

Впрочем, нужны ли пространные комментарии после трагикомической истории с мнимой беременностью царицы? В некотором роде предшественник Распутина известный доктор Филипп внушил ей, что у нее будет сын. Она этому поверила. В последние месяцы мнимой беременности Александра Федоровна начала носить старые платья, перестала надевать корсет и т.д. Придворные заметили, что она сильно потолстела. Царь радовался, о беременности императрицы сообщили официально. Теперь все ждали количества залпов со стен Петропавловской крепости, чтобы определить пол ребенка. Лейб-акушер профессор Отт переселился со своим персоналом в Петергоф. Однако роды все не начинались. В итоге Отт добился возможности осмотреть царицу и сообщил, что она не беременна и **не была** беременна. Резюме этой истории Витте более всего похоже на «крик души»:

«Если какой-либо шарлатан может внушить женщине, что она забеременела, и женщина под этим внушением находится девять месяцев, то **что** тот или иной проходимец **не может** внушить такой особе? А раз ей что-либо внушено, то сие внушение передается ее безвольному, но прекрасному мужу, а этот муж неограниченно распоряжается судьбою величайшей империи и благосостоянием, и даже жизнью 140 млн человеческих душ, т.е. божественными искорками Всевышнего» (Витте 2002, 1: 660).

Характер Николая II – закономерность или случайность? А его влияние на историю?

Вообще следует заметить, что в настоящей дискуссии есть явный диссонанс между уровнем владения теоретическим материалом и уровнем

знания проблем истории той страны, которую эти теории должны объяснить.

Полагаю, что та или иная теория, претендующая на объяснение хода истории, должна помочь организовать множество конкретных фактов в некую логически непротиворечивую структуру, которая сделает яснее, понятнее и т.д. изучаемые процессы (как это, безусловно, делает, например, теория модернизации). Однако в данном случае при том явно недостаточном уровне владения фактами русской истории и ее историографией, который фиксируется в представленных материалах, это едва ли возможно.

Состоявшийся обмен мнениями ясно показывает правоту Б. В. Раушенбаха, в своих последних книгах немало написавшего о двух типах мышления, логическом и внелогическом, и о том, как трудно представителям «точного знания» понимать то, что логически не описывается или описывается не всегда.

С давних времен человечество пыталось вывести «формулу истории». Это так соблазнительно, а желание найти «сезам» так понятно! С. Ю. Витте в этих случаях говаривал, что «это слишком по-человечески».

И каких только моделей, теорий не было и нет – на любой вкус! При этом я вовсе не хочу сказать, что все они бесполезны. Отнюдь. Но у каждой из них есть свои границы применения.

История, среди прочего, – наука о людях. В данном случае ее, в частности, можно рассматривать как описание совокупной жизнедеятельности огромных масс людей.

В этом качестве какие-то ее части, фрагменты, какие-то компоненты, **безусловно**, можно объяснить логически, поэтому в истории есть несколько «простых» аксиом. Однако в совокупности история **далеко не всегда** объясняется рационально, и далеко не все ее слагаемые можно измерить.

Как измерить готовность народа к революции? Как посчитать меру его терпения?

Обсуждаемые проблемы очень сложны, как вообще невероятно сложна история.

Цитируя тонкую стилистическую находку Н. С. Розова, «большая макроисторическая правда», полагаю, состоит не в том, чтобы подгонять факты под теорию (в роде «здесь наиболее адекватны веберианские идеи Скочпол и Коллинза, а также миросистемные идеи А. Г. Франка и И. Валлерстайна») или уж тем паче придумывать их, а в том, чтобы построить теорию, объясняющую, систематизирующую и т.д. эти факты.

Библиография

Агрономическая организация 1913. *Деятельность правительственной агрономической организации при Саратовской губернской землеустроительной комиссии в 1912 году.* Саратов.

Анфимов А. М. 1980. *Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904.* М.

Беляев М. М., Беляев С. М. 1914. *Сборник задач противоалкогольного содержания.* М.

Бруцкус Б. Д. 1917. *К современному положению аграрного вопроса.* Пг.

Бруцкус Б. Д. 1922. *Аграрный вопрос и аграрная политика.* Пг.

Витте С. Ю. 2002. *Воспоминания. Мемуары.* Т. 1, 2. М.

Вронский О. Г. 1999. *Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX – XX вв.* М.

Герье В., Чичерин Б. 1878. *Русский дилетантизм и общинное землевладение. Разбор книги князя А. Васильчикова «Землевладение и земледелие».* М.

Головин К. Ф. 1895. *Мужик без прогресса или прогресс без мужика? К вопросу об экономическом материализме.* СПб.

Гурко В. И. 1902. *Устои народного хозяйства.* СПб.

Гурко В. И. 2000. *Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника.* М.

Давыдов М. А. 2003. *Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства).* М.: Изд. центр РГГУ.

Давыдов М. А. 2007*а*. Статистика землеустройства в годы столыпинской аграрной реформы (1907–1915 гг.). *Имущественные отношения в Российской Федерации* 7–8.

Давыдов М. А. 2007*б*. О статистике землеустройства в России (1907–1913 гг.). *Экономическая история. Хрестоматия.* М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Давыдов М. А. 2008. К проблеме потребления в России в конце XIX – начале XX вв. *Инновационные подходы в исторических исследованиях: информационные технологии, модели и методы.* М. – Барнаул.

Ермолов А. С. 1891. *Неурожай и народное бедствие.* СПб.

Ермолов А. С. 1906. *Наш земельный вопрос.* СПб.

Ермолов А. С. 1909. *Наши неурожаи и продовольственный вопрос.* Т. 1,2. СПб.

Зима В. Е. 1995. Тупики аграрной политики (1945–1953). *СССР и холодная война.* М.

История СССР 1968. *История СССР с древнейших времен до наших дней.* Т. VI. М.

Кауфман А. 1916. *Агрономический персонал и его место в земском статистическом аппарате.* Самара.

Кофод А. А. 1905. *Крестьянские хутора на надельной земле.* СПб.

Кофод К. 1997. *50 лет в России.* М.

Лященко П. И. 1915. *Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением.* Пг.

Материалы к пересмотру торгового договора с Германией 1915. *Вып. V. Россия. Привоз, вывоз и направление вывоза главнейших сельскохозяйственных продуктов за 1884–1910 гг.* Пг.

Новейшая история Отечества 1998. *Новейшая история Отечества. Учебник для вузов*: в 2 т. Т. 1. М.

Макаров Н. 1918. *Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса.* Харьков.

Макаров Н. 1920. *Крестьянское хозяйство и его эволюция.* Т. 1. М.

Мельников Р. М. 1983. *Крейсер Варяг.* Л.: Судостроение.

Миронов Б. Н. 1998. *Социальная история России.* Т. 1, 2. СПб.

Огановский Н. П. 1922. *Очерки по экономической географии России (в связи с мировым хозяйством, по новейшим статистическим материалам).* 1: *Сельское хозяйство.* М.

Отчет 1913. *Отчет землеустроительной комиссии Области Войска Донского за 1913 г.* Новочеркасск.

Отчет Главного Управления 1914. *Отчет Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1913 г.* Пг.

Отчетные сведения. 1916. *Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г.* СПб.

П. Д. (П. П. Дюшен). 1904. *Русская интеллигенция и крестьянство. Критический анализ трудов местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности.* М.

Прегер Р. И. 1915. *Производство главнейших хлебов в России за двадцатипятилетие 1888–1912 гг.* Пг.

Сельское хозяйство России в XX веке 1922. М.

Семенов С. Т. 1915. *Крестьянское переустройство.* М.

Столыпин П. А. 1991. *Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911.* М.

Тюкавкин В. Г. 2001. *Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа.* М.

Шацилло К. Ф. 1968. *Русский империализм и развитие флота.* М.

Юрьевский Б. 1914. *Возрождение деревни.* Пг.

Аннотация

В статье критикуется подход С. А. Нефедова, продолжающего, по мнению автора, предвзятую народническо-марксистскую линию в осмыслении истории пореформенной России. На основании значительного статистического и нарративного материала автор пытается продемонстрировать, что как подход Нефедова к источникам, так и собственно анализ им конкретно-исторической проблематики не выдерживают критики.

Давайте будем корректны...

С. А. Нефедов

Я хочу напомнить, что ключевой вопрос дискуссии – это вопрос о достоверности урожайных данных Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних дел Российской империи.

Итак, если данные ЦСК об урожайности верны, то получается, что уровень жизни крестьян был низким – в среднем на уровне минимальной потребительской нормы. Вот, к примеру, в учебнике под грифом МГУ и под редакцией академика Л. В. Милова подсчитывается уровень потребления крестьян (на основе данных ЦСК) – и делается вывод, что «достигнутый уровень, по существу, мог обеспечить земледельцу только минимум питания» (Милов 2006: 18–19). Однако при среднем уровне потребления, близком к минимальной норме, в силу статистического разброса большая часть крестьян потребляла меньше минимальной нормы – попросту недоедала и голодала.

В отличие от авторов официально рекомендованного учебника, Б. Н. Миронов полагает данные ЦСК заниженными и вводит десятипроцентную надбавку урожайности, с учетом которой в его расчетах получается «удовлетворение крестьян хлебом» (на самом деле, как я показал ранее, в эти расчеты вкралась ошибка). При этом Б. Н. Миронов утверждает, что если данные ЦСК о стране в целом еще можно как-то корректировать, так как неточности губернских данных взаимно компенсировались, то «оценка посевов в регионах и губерниях существенно отличалась от действительных» и их использование неприемлемо (см. выше его реплику «Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить», с. 114–135).

М. А. Давыдов заявляет: «В начавшейся полемике между Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым я, разумеется, принимаю сторону Б. Н. Миронова...». Данные ЦСК, пишет М. А. Давыдов, «по меньшей мере, **далеко не всегда** являются достоверным источником, а **весьма часто они попросту несостоятельны**».

Главным аргументом М. А. Давыдова против статистики ЦСК являются сведения о вывозе хлебов из некоторых губерний, который в отдельные неурожайные годы оказывался больше, чем собранный в губернии урожай. Например, в Оренбургской губернии в 1910 году при урожае в 53,9 млн пуд пшеницы было вывезено 11,7 млн пуд, а в 1911 году при урожае в 5,0 млн пудов было вывезено 7,4 млн пудов (Давыдов 2003*а*: 67). Это «недоразумение», однако, легко объяснить тем, что до сентября 1911 г. (а возможно, и позже) вывозился хлеб предыдущего урожая, кото-

рый был исключительно обильным. Таким образом, аргументы М. А. Давыдова не дают достаточного основания, чтобы оказаться от использования статистики ЦСК.

Однако, доказывая тезис о «попросту несостоятельности» данных ЦСК, М. А. Давыдов почему-то тут же оговаривается: «Я убежден, что можно пользоваться и урожайной статистикой ЦСК МВД, зная вектор искажения, понимая, что в действительности положение дел с урожайностью, скорее всего, было ***лучше***, чем она его рисует...» Что бы это значило? Можно пользоваться «просто несостоятельными данными»?

Разгадку этого странного двоемыслия мы найдем, если откроем диссертацию М. А. Давыдова. Вот они, эти «просто несостоятельные данные». В огромных таблицах на сотне страниц приводятся данные ЦСК о посевах и сборах по всем культурам (Давыдов 2003*б*: 202–326). С точностью до пятого знака – до 0,001%. И это даже не данные по всей России, неточности в которых как-то компенсируются. Это данные по всем губерниям – те самые, о недопустимости использования которых так категорически заявлял Б. Н. Миронов. Эти данные обсуждаются и анализируются без всякого упоминания про «вектор искажения», а затем делаются, как положено в диссертации, обобщающие выводы.

Кстати о марксизме. Я думал, что практика навешивания ярлыков давно ушла в прошлое. К сожалению, выходит, что это не так. Но вот уж кто точно марксист – так это Столыпин! Вот что он говорил прямо на заседании Государственной Думы:

> «Переходя к предложениям разных партий, я прежде всего должен остановиться на предложении партии левых, ораторами которых выступили здесь прежде всего господа Караваев, Церетели, Волк-Карачевский и др. Я не буду оспаривать тех весьма спорных по мне цифр, которые здесь представлялись ими. ***Я охотно соглашусь и с нарисованной ими картиной оскудения земледельческой России. Встревоженное этим правительство уже начало принимать ряд мер для поднятия земледельческого класса...***» (Столыпин 1991: 208).

То есть Петр Аркадьевич не хочет спорить из-за деталей, но в целом он вполне согласен с марксистами и «уже принимает меры». И понятно – он ведь был министром внутренних дел и подписывал эти самые сводки ЦСК. Это его материалами мы пользуемся.

Так что в такой компании я не прочь быть марксистом.

Но М. А. Давыдов не ограничивается обвинением автора в марксизме. Его метод дискуссии состоит в приписывании оппоненту неубедительных утверждений. Вот характерные примеры:

> «С. А. Нефедов стремится доказать, что причины революции 1917 г. объясняются неомальтузианской теорией демографических циклов. Отсюда его жела-

ние убедить читателей в том, что быстрорастущее население пореформенной России "на протяжении полувека" "балансировало на грани голода"» (см. выше статью М. А. Давыдова в данном выпуске Альманаха, с. 225).

Это выдается за цитату «из Нефедова», но ссылка не приводится – потому что нет такого места у Нефедова.

Однако в некоторых замечаниях М. А. Давыдова приписывание нелепостей переплетается с вопросами, которые могут смутить неподготовленного читателя:

«В отечественной историографии с дореволюционных времен пищевую ценность картофеля традиционно оценивали в соотношении 3:1. Данные современной поваренной книги снижают его до 2,1–2,5:1 (не касаясь вопроса о том, что калорийность картофеля заметно повышается при тепловой обработке – печении, не говоря о жарении). Даже это уточнение дает *существенную* разницу, в том числе и при анализе душевого потребления. Между тем С. А. Нефедов исходит из соотношения 5:1. На каком основании? Как отражены в его подсчетах немаленькие цифры душевого потребления картофеля, которые используемый и им источник (упомянутые «Производство, перевозки...») фиксирует даже в тех губерниях, которые С. А. Нефедов оставил для доказательства перманентного голодания страны? ... Куда исчезли эти центнеры картофеля даже с учетом некорректной нормы 5:1?» (см. выше статью М. А. Давыдова в данном выпуске Альманаха, с. 248–249).

Отвечаю. Первое: я нигде не доказываю «перманентного голодания страны» – это очередное приписываемое мне неубедительное утверждение. Второе: не надо пользоваться «современной поваренной книгой», в ней и сорта картофеля совсем не те и потери при хранении и обработке не учитываются – а для картофеля эти потери были особенно велики. В историографии действительно поначалу использовалось соотношение 3:1, но позже соотношение 5:1 было признано более соответствующим реальности, точнее 1 пуд картофеля приравнивался к 0,19 пуда ржи (см.: Маресс 1897: 13). М. А. Давыдов с пиететом пишет о «длительной, кропотливой работе А. В. Чаянова и его сотрудников над бюджетами, результатом которой стало исследование *Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения*» (см. выше статью М. А. Давыдова в данном выпуске Альманаха). Так вот, именно там, в этой хорошо известной М. А. Давыдову работе и обосновывается соотношение 5:1 (Чаянов 1916: 47). Это соотношение применяло и ЦСУ СССР в 1920-х годах (Состояние питания... 1928: 28–31).

Далее: «центнеры картофеля» никуда не исчезли. Если М. А. Давыдов сложит цифры потребления «продовольственных хлебов» и овса, приведенные у него в Табл. 2.46 (Давыдов 2003*б*: 206–207), добавит картофель, приведенный в этой же таблице (поделив на 5), и исключит расходы на

посев и винокурение, то получит данные моей Табл. 4 (см. выше мою вводную статью «О причинах Русской революции»).

Так что на все вопросы можно найти ответы (иногда в своей же монографии) – если только корректно вести дискуссию.

Библиография

Давыдов М. А. 2003*а*. *Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв.* М.: Издательский центр РГГУ.

Давыдов М. А. 2003*б*. *Рынок и рыночные связи России в конце XIX –начале XX вв. (Источниковедческое исследование).* Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М.

Маресс Л. Н. 1897. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве. *Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства.* Т. 1. СПб.: Типография Киршбаума.

Милов Л. В. 2008. (Ред.). *История России. XX – начало XXI века.* М.: Издательство МГУ.

Миронов Б. Н. 2002. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века. *Отечественная история* 2: 30–43.

Нормальный состав... 1925. Нормальный состав и пищевое значение продовольственных продуктов. *Труды ЦСУ СССР* 22.

Состояние питания... 1928. Состояние питания сельского населения СССР. 1920-1924. *Труды ЦСУ* 30/2.

Столыпин П. А. 1991. *Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете.* М.: Молодая гвардия.

Чаянов А. В. 1916. (Ред.). *Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения.* 1: *Нормы продовольствия сельского населения России по данным бюджетных исследований.* М.: Городская типография.

Русская революция в свете теории динамического хаоса

Л. И. Бородкин

По сути, в ходе дискуссии обсуждаются два вопроса: 1) результаты анализа источников, позволяющих судить о том, ухудшалось ли положение российского крестьянства в пореформенное время; 2) «почему в России произошла революция?».

Первый вопрос требует серьезного знания источников. Я не занимался этим вопросом специально, но вот по динамике положения рабочих в дореволюционной России в период индустриализации (1880–1914 гг.) имею ряд публикаций. Если кратко – реальная зарплата рабочих росла, хотя и не очень существенно. Напомню, что октябрьский переворот 1917 г. был позднее назван пролетарской революцией.

Обсуждение вопроса о причинах революции 1917–1921 гг. требует привлечения мнений специалистов-историков, которые много занимались социальной и политической историей России начала XX века. В последние годы об этом немало писали. Например, в недавнеем номере журнала *Отечественная история* (теперь – *Российская история*) опубликованы материалы круглого стола «Российские революции: 90 лет спустя». Там даны выступления историков, работающих по этой проблеме. Анализируются различные факторы, которые привели к катастрофе (этот термин используют почти все участники). Мнения разные, конечно, но вот на фактор голода внимания никто не обратил. Разумеется, много говорили об альтернативах 1917 г., о роли и борьбе партий, и, конечно, о войне. Должен сказать, я знаю большинство выступавших, – профессиональные, знающие люди.

Один из них (В. Булдаков) совершенно справедливо, на мой взгляд, критиковал тех, «кто не понимает теории динамического хаоса». Здесь я должен выразить свое удивление по поводу того, что в «клиодинамической» среде этот подход не нашел активного применения. Моя точка зрения (очень кратко, «пунктиром») такова. Конечно, эволюция России в конце XIX – начале XX вв. создавала **предпосылки** революционного пути развития. В 1960-х гг., когда я был студентом, а также в 1970-х, когда работал в Институте истории СССР АН СССР, самой собой утверждалось, что предпосылки эти неизбежно вели к революции. Собственно, доказательство этого тезиса было сверхзадачей нашей исторической науки. Однако сегодня ясно, что предпосылки должны иметь определенные обстоятельства для реализации. Не всегда предпосылки реализуются.

В январе 1917 г., выступая в Швейцарии на съезде молодых социалистов этой страны, В. И. Ленин, как известно, сказал: «Мы, старики, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». Ход событий 1917 г. создал как минимум три варианта возможного развития событий осенью того года: Учредительное Собрание и легитимный путь формирования власти; радикально левый переворот; радикально правый переворот. Это своего рода аттракторы в обстановке российского хаоса. В этой точке бифуркации могли реализоваться разные траектории. Здесь, как мы знаем, огромную роль играют флуктуации, моментальный расклад сил, личность лидера и т.д. Ни одна из партий не имела столь гениального тактика, твердого вождя, как партия большевиков. Можно рассмотреть по дням события весны-лета-осени 1917 г., чтобы разобраться, как росла вероятность большевистского переворота 25 октября. Это типичный синергетический сценарий.

Думаю, мало кто сомневается в том, что если бы приезд Ленина в Россию весной 1917 г. не состоялся, ход событий был бы другим. Вспомните, например, жесткую полемику в ЦК за пару дней до 25 октября, принципиальное несогласие Зиновьева и Каменева на вооруженный захват власти. Только Ленин мог настоять на этом варианте.

Два слова о войне. Ленин был, на мой взгляд, еще и гениальным «природным синергетиком». Тому есть много доказательств. Выступив в 1914 г. за поражение России в войне, он понимал, что в случае неудачного хода войны в стране будет потеряна устойчивость власти, установится хаос, возникнут условия для реализации революционного варианта.

Заключая, выскажу свое мнение о методологических аспектах изучения революции 1917–1921 гг.: они должны включать синергетический подход. Без этого подхода мы не сможем объяснить механизмы событий октября 1917 г.

Развитие без мальтузианского кризиса: гиперцикл российской модернизации в XVIII – начале XX в.

Б. Н. Миронов

В ходе дискуссии на две мои статьи поступило шесть комментариев. Отвечу на высказанные замечания и соображения.

М. А. Давыдов: против дилетантизма в науке

В лице М. А. Давыдова – единственного профессионального историка-русиста, участвующего в дискуссии – тезис о позитивной динамике российского сельского хозяйства и уровня жизни крестьянства получил сильную поддержку. Последняя весома потому, что эксперт многие годы занимается аграрной историей пореформенной России, прекрасно знает источники и историографию и является, можно сказать, одним из последних могикан когда-то сильной школы аграрной истории, пришедшей в постсоветское время в упадок. Критика построений С. А. Нефедова и приводимые аргументы в пользу отсутствия мальтузианского кризиса в пореформенной России весьма убедительны и его нарекания на небрежность в ссылках и некорректность расчетов справедливы. М. А. Давыдов доказал на *новых*, как нарративных, так и статистических источниках, как и почему официальные сведения о сборе хлебов и картофеля занижались. Впечатляют тонкие расчеты сведений по статистике перевозок, показывающие, что преуменьшение сборов было особенно заметным в неурожайные годы.

Эксперт убедителен в том, что пауперизм и санитария – вещи несовместимые. Голодному человеку не до гигиены, он съест что угодно и где угодно, не останавливаясь даже перед каннибализмом. Только сытый человек может прислушаться к санитарной пропаганде и найти деньги для покупки мыла и карболки. Сам факт использования санитарных средств – надежное свидетельство именно повышения уровня жизни крестьянства, а не его обеднения.

Корректность статистических расчетов М. А. Давыдова, доказывающих, что голодный экспорт в условиях рыночной экономики – нонсенс, не вызывают сомнений. Против идеи «голодного» экспорта – краеугольного

камня построений С. А. Нефедова, приводятся особенно убедительные как теоретические аргументы, так и эмпирические данные. Во-первых, доля внешнего рынка, достигнув максимума во второй половине 1889–1893 гг. – около 22% от чистого сбора хлебов, в последующие годы имела тенденцию снижаться, опустившись до 15% в 1909–1913 гг. Во-вторых, 81,9% прироста вывозных перевозок всех хлебных грузов в конце XIX–начале XX в. приходилось всего на семь степных губерний, которые имели огромные избытки товарного хлеба. В-третьих, крестьянство получало от государства существенную помощь во время недородов. В-четвертых, крестьяне расходовали огромные деньги на водку даже в голодные годы: жители лишь 12-ти из 90 губерний России всего за два неурожайных года, 1905–1906 гг., выпили водки на сумму, намного превышающую стоимость всех кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов империи вместе взятых.

В теоретическом плане заслуживают внимания соображения М. А. Давыдова о несовместимости в политико-экономическом плане рыночной экономики и голодного экспорта и о роли случайности в истории. Все современные исторические и социологические концепции, от теории неомодернизации до синергетики, отводят видное место случайности, и весьма полезно, что он нам об этом напомнил.

Дискуссия, начавшись с частного вопроса о мальтузианской ловушке, заканчивается обсуждением проблемы причин революции в конкретно-историческом и теоретическом ракурсах – каждый новый участник дискуссии поднимал уровень обсуждения все выше и высказывался все пространнее. У последних из поступивших мне комментариев, принадлежащих Л. Е. Гринину и М. А. Давыдову, тема причин революции заняла ведущее место.

Главные причины, которые, по мнению М. А. Давыдова, тормозили социально-экономическое и политическое развитие России и косвенно, а иногда и прямо порождали революционные настроения, сводятся к пяти.

(1) *Искусственная поддержка по идеологическим соображениям уравнительно-передельной общины* со всеми вытекающими последствиями. Эксперт, на мой взгляд, совершенно правильно указывает, что до начала XX в. «власть провела почти все меры по поддержанию общинного строя, о которых много лет твердила народническая – и не только! – интеллигенция: отмену 165 ст. Положения, удлинение срока выкупа, ограничение семейных разделов, ограничение свободы передвижения крестьян и др. Эти меры принудительного, крепостного, в сущности, порядка тормозили естественный процесс перехода русской деревни к новой жизни».

(2) *Война.* Колоссальное влияние войны с Японией, а затем Первой мировой войны на развитие революционных настроений отмечали исследователи всех идеологических ориентаций – от В. И. Ленина до В. М. Пу-

ришкевича. В современной литературе этот фактор в объяснении революции 1917 г. вышел на первое место.

(3) *Агрессивная русификация.* Здесь целесообразно сделать одно добавление. Долгое время в историографии русификацией назывался процесс централизации управления, юридических и общественных порядков на всей территории империи – то, что было совершенно необходимым при проведении модернизации в любой стране. Аналогичные процессы в других странах под названием германизации, «офранцуживания» и т.п. также вызывали недовольство и протесты. Но в России масштабы национальной проблемы были на порядок выше, политика проводилась менее тонко, соответственно и последствия оказались серьезнее (Миронов 2003*б*, 1: 42, 63). Хотя не следует забывать, что масштабы собственно русификации в литературе часто преувеличиваются: число лиц, считавших русский, а также украинский и белорусский язык родным, в пореформенное время уменьшалось (Миронов 1991: 87–88).

(4) *«Боязнь просвещения, идущая из крепостнической эпохи».* Полагаю, что если этот страх в крепостное время и был, то после Великих реформ на уровне большой политики прошел. Не случайно в 1908 г. был принят закон о постепенном, в течение 10 лет, введении всеобщего обязательного начального образования, полной реализации которого помешала война (Миронов 1991: 73–87). О том, что в пореформенное время потребности людей в получении грамотности практически полностью удовлетворялись, говорит следующий факт: в конце XIX – начале XX в. сотни тысяч людей, обучившиеся в детстве грамоте, с возрастом ее утрачивали из-за того, что в своей повседневной жизни ее не использовали.

(5) *Раскол образованной элиты и народа в бытовом, юридическом, экономическом, культурном и психологическом отношениях* – «создание для десятков миллионов крестьян своего рода особой действительности, особого мира». Этот чрезвычайной важности фактор подробно рассмотрен в моей книге «Социальная история» (Миронов 2003*б*, 2: 292–295).

Л. Г. Бадалян и В. Ф. Криворотов: Структурно-демографическую теорию следует проверять в мировом масштабе

Авторы совершенно резонно предлагают привлечь европейский и американский материал для понимания природы мальтузианского шока. Их позиция близка к моей, поскольку суть их комментария сводится к положениям, которые я также разделяю.

Во-первых, мировой опыт показывает, что падение душевого потребления далеко не всегда приводит к снижению уровня воспроизводства населения.

Во-вторых, сама по себе динамика населения недостаточна для вывода о существовании мальтузианского кризиса.

В-третьих, Россия в пореформенное время была открытой системой благодаря миграции в города, колонизации, экспансии, вовлеченности в мировой рынок и международное разделение труда. Вследствие этого вместо кризиса в стране произошел демографический бум.

В-четвертых, индустриальная революция позволяет выйти на новый ресурсный рубеж и постепенно приводит сначала к смягчению и укорочению, а затем и к устранению мальтузианских кризисов. Откуда следует, что поскольку Россия во второй половине XIX в. вступила в эпоху индустриальной революции, то мальтузианская ловушка стала для нее менее вероятна и опасна.

С. В. Цирель: Модернизационная парадигма лучше объясняет историческую динамику России, чем структурно-демографическая теория

С. В. Цирель, на мой взгляд, правильно вскрыл слабые места построений С. А. Нефедова, подверг сокрушительной критике некорректное применение структурно-демографической концепции к анализу развития России и убедительно показал, что концепция не работает в российских реалиях XVII – начала XX в. «Российский демографический цикл XVII–XIX вв. кардинально отличается от циклов, известных в истории». Попытка С. А. Нефедова учесть теорию модернизации фактически означают признание неспособности структурно-демографической концепции дать удовлетворительное объяснение принципиальных событий новой истории России, ибо «модернизация при любом понимании ее содержания становится более важным фактором демографического процесса, чем мальтузианское правило. <...> Теория модернизация, даже в ее марксистском изводе, лучше объясняет революционные события, чем структурно-демографическая концепция».

От демографического цикла остается только аграрное перенаселение, полагает С. В. Цирель. Думаю, что и перенаселение правильнее трактовать не в ракурсе структурно-демографической концепции, а в рамках теории крестьянского хозяйства А. В. Чаянова. Так называемое перенаселение существовало не вследствие недостатка земли и невозможности найти работу, а ввиду того что российские крестьяне следовали принципам моральной экономики, поддерживая самоэксплуатацию на уровне 50% (подробнее об этом ниже).

С. В. Цирелю кажется, что неточность в урожайной статистике носит скорее случайный, чем тенденциозный характер. Такое мнение резонно, потому что в данных, на которые он ссылается, налицо отклонения в обе стороны. Но, во-первых, не следует забывать, что сведения относятся к

1916 г. (а в условиях военного времени за их искажение можно было получить штраф) и только к посевам. Во-вторых, баланс неточностей все равно на стороне занижения, которое, несмотря на свою, казалось бы, незначительность (2–3%), дает дополнительное количество зерна, почти достаточное для покрытия дефицита, предполагаемого С. А. Нефедовым.

Эксперт отчасти разделяет идею голодного экспорта, наличие которого М. А. Давыдов подверг столь убедительной критике, что возвращаться к этой проблеме нет смысла. Замечу только, что изъятие хлеба на продажу «изо ртов голодных детей» – вещь легендарная и маловероятная. Человек устроен так, что удовлетворяет потребности в порядке их важности, начиная с самых важных. У людей самое насущное – удовлетворение физиологических нужд. Уплата налогов, расходы на водку, керосин, спички или ситец несравненно менее настоятельно, чем спасение от голодной смерти. Поэтому продажа хлеба, необходимого крестьянской семье, осуществлялась только тогда, когда базисные биологические потребности были удовлетворены. Деревня переставала уплачивать подати в неурожайные годы (Безгин 2004: 185).

С. В. Цирель правильно заметил, что «на экспорт шла в основном пшеница, слишком дорогая для российской бедноты и заведомо производимая в количествах, превосходящих спрос на внутреннем рынке». Однако следует учесть, что и потребление «дорогой» пшеницы на душу населения с 1886–1890 гг. по 1911–1913 гг. увеличилось в 3,4 раза (с 1,3 пуд. до 4,3 пуд. в год). Возрастание доли пшеницы в потреблении зерновых и картофеля с 12,3% до 27,3% безусловно свидетельствовало о повышении уровня жизни и качества питания всего населения в целом. Богатые ели пшеничный хлеб и ранее 1880-х гг., крестьяне в массовом порядке – только в пореформенное время (см. Табл. 1):

Табл. 1. Производство и потребление пшеницы населением России в 1886–1913 гг.

Годы	*1886–1890*	*1891–1895*	*1896–1900*	*1901–1905*	*1906–1910*	*1911–1913*
Чистое производство на д.н., пуд.	2,8	3,7	4,1	5,9	5,9	6,7
Продовольственные остатки на д.н., пуд.	1,3	2,0	2,4	3,5	3,3	4,3
Доля в потреблении зерновых и картофеля	12,3	16,9	17,8	23,7	25,0	27,3

Подсчитано по: Грегори 2003: 135–137.

С. В. Цирель совершенно правильно, на мой взгляд, предлагает четко разделять повышение уровня жизни и потребление калорий, потому что при увеличении доходов питание может ухудшаться, а при уменьшении – улучшаться. Именно поэтому целесообразно использовать антропометрические данные, которые учитывают баланс расхода и потребления.

«Критика метода пересчета картофеля в хлеб, сделанного С. А. Нефедовым, чересчур сурова, ибо по *Справочнику по детской диететике*, картофель уступает муке в 3,85–4,05 по калорийности и в 3,5–6 раз по содержанию белка». Эксперт допускает просчет, беря сведения из справочника о питании детей, где речь идет о муке пшеничной высшего сорта, а также о крупах, которыми кормят детей. Крестьяне ели преимущественно ржаной хлеб, который превышал картофель по калорийности в 2,3 раза, а по содержанию белка – в 3 раза (Покровский 1968: 337). Кроме того, качество продуктов со временем изменяется, поэтому правильнее ориентироваться на расчеты, сделанные в конце XIX – начале XX в., а не в 1970-е гг.

Мне не представляется убедительным мнение С. В. Цирель, что «удовлетворительные средние значения индекса массы тела новобранцев и увеличение среднего роста населения говорят лишь о том, что в среднем питание людей находилось в пределах нормы, но отнюдь не отрицают того, что отдельные области и слои населения могли крепко недоедать, а все продовольственное благополучие живущей в долг страны висело на ниточке, которая могла оборваться во время войн, климатических флуктуаций и внутренних катаклизмов». Даже в самой богатой стране какая-то часть населения не доедает, например в современных западных демократиях – примерно 10–15%, и какие-то регионы находятся в депрессии. Я не говорю о благоденствии российского крестьян, а лишь утверждаю: поскольку происходило увеличение веса и длины тела, то их биостатус и, значит, благосостояние в пореформенное время повышались. Что же касается продовольственного благополучия России, то оно «не на ниточке висело», а покоилось на твердом фундаменте – на огромном избытке хлеба сравнительно с потребностью, ибо в конце XIX – начале XX в. на экспорт уходило свыше 16–20% от чистого сбора зерновых и картофеля (Покровский 1902: 8; сведения об экспорте зерна приводятся также в статье М. А. Давыдова в данном выпуске Альманаха).

Я совершенно согласен с главным выводом С. В. Цирель, что «наиболее важная причина падения империи Романовых лежит за пределами рассуждений об уровне жизни крестьян». Этот вывод неизбежен: если уровень жизни повышался, то не в нем нужно искать причины революции. Можно согласиться и с тем, что одна из причин революции – «в падении двух членов уваровской формулы – романовского самодержавия и православия». Однако разрушение идеологических основ империи произошло не стихийно, а было тщательно и умело осуществлено оппозицией в борьбе за власть (подробнее об этом в другом параграфе).

Л. Е. Гринин: Применение структурно-демографической теории для индустриализующихся стран непродуктивно

Эксперт полностью разделяет концепцию, согласно которой уровень жизни в позднеимперской России повышался и главную причину революции не следует искать в экзистенциальном кризисе. Подвергнув всесторонней критике построение С. А. Нефедова и косвенно П. В. Турчина, разделяющего взгляды последнего, Л. Е. Гринин заключает: «В России не было типичного классического мальтузианского структурно-демографического кризиса, характерного для позднеаграрных стран... В России была уже крупная промышленность и зрелое государство. Структурно-демографическая теория, вопреки тому, что говорит П. В. Турчин, не объясняет в достаточной мере эти ситуации». Совершенно уместно и доказательно приводятся статистические сведения о динамике промышленности, о валовой и товарной зерновой продукция и ее экспорте. Эти данные, заимствованные из работы П. Лященко (известного эксперта по экономической и особенно аграрной истории России), хотя в последнее время уточнены П. Грегори, в принципе верно отражают основные позитивные тенденции развития народного хозяйства страны.

Заслуживают внимания дополнительные аргументы, приведенные экспертом в пользу повышения благосостояния населения: отсутствие в русской художественной литературе частых упоминаний о голоде и недоедании, а также рост потребления сахара и подсолнечного масла, можно прибавить также – пшеничного, более дорогого, но более калорийного и легче усвояемого хлеба (см. Табл. 1).

Интересное соображение Л. Е. Гринина («часто революции происходили именно в период некоторого повышения уровня жизни населения») подтверждается примером Великой французской революции, свершившейся при отсутствии чрезмерной эксплуатации и обнищания населения (Чудинов 2007: 282).

По мнению эксперта, антропометрические сведения «заслуживают всяческого внимания, хотя, очевидно, что полностью полагаться на них было бы неправомерно». Разумеется, контрольные данные необходимы в любом случае. Однако *финальный рост, вес и индекс массы тела – лучшие критерии для ответа на вопрос, наступил ли мальтузианский кризис.* Даже прямые сведения о потреблении не могут его решить, ибо для этого нужна информация не только о потреблении энергии людьми, но и о ее расходе (последняя практически всегда отсутствует). Антропометрические данные оценивают именно *баланс потребления и расхода калорий* и таким образом прямо отвечают на интересующий вопрос. Если длина тела постоянна, то базисные биологические потребности удовлетворяются на

прежнем уровне, если увеличивается – то на более высоком уровне, и мальтузианского кризиса нет. Если рост уменьшается, то базисные потребности удовлетворяются в меньшей степени, чем прежде, и можно говорить о мальтузианской ловушке.

Предполагаю, что риторический вопрос: «Как можно говорить всерьез о том, что не было социального кризиса, когда Россию сотрясали революции, крестьянские волнения, кровавые рабочие забастовки и беспорядки?» – вызван аберрацией. Я не согласен только с идеей «*перманентного* социально-экономического кризиса» и полностью поддерживаю идею о временных циклических кризисах, существование которых в пореформенное время убедительно доказано (Первушин 1925: 209–213). Вполне разделаю и тезис о том, что относительное малоземелье придало революции размах. Однако как будет показано ниже, на самом деле малоземелье было псевдопроблемой. Во-первых, потому что наделы были достаточно велики, имелось много свободных земель, действовала программа переселений, а конфискация помещичьих и «кулацких» земель, на которые зарились крестьяне, жалуясь на недостаток земли, могла увеличить их наделы примерно на 20%. Во-вторых, оборотной стороной малоземелья была низкая агротехника – западноевропейские земледельцы, имевшие в собственности столько земли, сколько русский крестьянин-середняк, были весьма зажиточны (см. интересные соображения на этот счет у М. А. Давыдова).

«Над обоими диспутантами их теория довлеет в большей степени, чем было бы желательно», – сожалеет Л. Е. Гринин. Однако Н. С. Розов и П. В. Турчин упрекают меня в отсутствии определенных теоретических пристрастий.

Трудно согласиться с экспертом также в том, что «и без мировой войны в России произошла бы новая революция, поскольку власть не пыталась провести необходимые преобразования (после смерти Столыпина крестьянская реформа заглохла), а напряженность нарастала». Реформаторский процесс в России не останавливался. Столыпинская реформа продолжалась даже во время войны (Миронов 2003*б*: 1: 479–483). После убийства П. А. Столыпина в 1911 г. были приняты законы, предусматривающие страхование рабочих от несчастных случаев и болезней (1912 г.), восстановлены мировые суды (1912 г.), впервые в России введен подоходный налог (1916 г.), реализовывался закон 1908 г. о постепенном введении всеобщего обязательного начального обучения и закон 1911 г. о распространении земств в шести западных губерниях. Во время войны дальновидные правительства реформы не проводят. Но Временное правительство под давлением обстоятельств это правило нарушило, что окончательно расстроило управление страной.

Л. Е. Гринин перечисляет реформы, которые, по его мнению, могли предотвратить революцию: «перестроить общину, внедрить частную соб-

ственность в сельское хозяйство, перестроить помещичье землевладение, государственную систему и систему образования». Ему представляется, что «для этого требовались иная элита, иная власть». Но все перечисленные и даже не упомянутые им реформы очень энергично проводились в начале XX в. старой элитой, поэтому не было объективной необходимости в ее полной замене. Реформы должны были – в этом я согласен с экспертом – предотвратить революцию. Поскольку она все-таки произошла, то и причины ее надо искать не в отсутствии реформ.

Главный вопрос для эксперта в том, каким образом рост производства и потребления сочетался с повышением социальной напряженности, которая в конечном итоге привела к революции. По мнению Л. Е. Гринина, революция обусловливалась не случайными, а глубинными причинами: (1) неготовностью властей к быстрым переменам и их нежеланием проводить реформы или запаздыванием с их проведением, (2) растущим неравенством в распределении доходов в условиях экономического роста – эта ситуация называется им мальтузианско-марксовой ловушкой, для выхода из которой требовалось социальное реформирование. Однако насущные реформ, как уже говорилось, проводились. Что касается имущественного неравенства, то, разумеется, оно было фактором революции. Правда, его степень сильно преувеличена в литературе: на самом оно было невысоким и ниже, чем в западноевропейских странах: децильный коэффициент дифференциации на рубеже XIX–XX вв. был равен примерно 6 и мало изменился к 1917 г. (подробнее об этом ниже).

Н. С. Розов: Эмпирия выше теории

Н. С. Розов полагает, что между Мироновым и Нефедовым идет эмпирический спор, который имеет также теоретическую подоплеку – конфликт между теорией модернизации, которой якобы латентно симпатизирует первый, и неомальтузианской структурно-демографической теорией, которой явно придерживается второй. Претендуя на роль арбитра в качестве теоретика, Н. С. Розов пытается оценить теоретическую состоятельность построений оппонентов преимущественно с одной точки зрения – насколько они соответствуют структурно-демографической концепции Дж. Голдстоуна. «Грубое сопоставление состояния продовольственного потенциала и ресурсного баланса с данными, приводимыми Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым», приводит его к выводу, что в пореформенный период продовольственный потенциал и ресурсный баланс существенно снизились, кризис в начале XX в. наступил, вследствие чего позиция Нефедова представляется ему «более теоретически обоснованной». Однако позитивные изменения в стране, на которые ссылаюсь я, эксперт не отрицает. Но для того чтобы их принять, он отодвигает наступление экзистенциального кризиса на начало XX в., а последнюю треть XIX в. идентифицирует как период стагнации, когда возможны временные улучшения.

«Монотонного тренда “абсолютного и относительного обнищания народа” не было, а были волны, подъемы и падения». Таким образом, Н. С. Розов предлагает как будто компромиссное решение спора. Как можно это оценить?

В *методологическом* плане проведенное тестирование нельзя признать корректным. Во-первых, эксперт оценивает эмпирические построения Миронова и Нефедова с точки зрения соответствия структурно-демографической теории и концепции о 5-актовом цикле развития России в 1500–1917 г., которые пока *имеют статус спорных гипотез*. Во-вторых, сам эксперт разделяет эти концепции. В-третьих, построение С. А. Нефедова выполнено в рамках структурно-демографической концепции (точнее, втиснуто в эти рамки). Естественно, что Н. С. Розов обнаружил, что оно соответствует структурно-демографической концепции, и ему это, конечно, понравилось. Если бы эксперт придерживался марксистской, феминистской, мир-системной или какой-нибудь иной концепции, то, надо полагать, его оценка была бы другой. Таким образом, поставленный Н. С. Розовым диагноз доказал только одно: построение Нефедова проведено в рамках структурно-демографической теории, а Миронова – нет. Для заключения о теоретической предпочтительности надо было оценить два построения с точки зрения разных теоретических концепций и сравнить результаты. Поскольку этого не было сделано, *вывод эксперта отражает его теоретические вкусы*.

Арбитражные усилия Н. С. Розова с очевидностью показывают, что невозможно оценить адекватность эмпирических построений, опираясь на недоказанные теоретические концепции, не привлекая эмпирический материал. Да и сам Н. С. Розов разделяет это мнение: «Никакие теоретические доводы не могут перевесить фактологические суждения, корректно полученные на основе анализа данных». Как эмпирик бессознательно разделяет какие-то теоретические схемы, так и теоретик в своих построениях бессознательно опирается на некоторый эмпирический базис. Когда эксперт, вопреки своему первоначальному намерению оставаться в дискуссии теоретиком, привлекает кое-какой *эмпирический* материал, то оказывается, что, во-первых, он разделяет стереотипы традиционной советской историографии о понижении уровня жизни крестьянства и повышении налогового бремени, о голодном экспорте и пропомещичьей политике государства, об «увеличении пресса со стороны союза государства и элиты по отношению к народу» и кризисе элиты и т.п. Во-вторых, некритически принимает на веру утверждения С. А. Нефедова, поскольку они соответствуют его представлениям о развитии России.

Так, для доказательства тезиса о сдвиге ресурсного баланса в пользу элиты за счет народа и государства С. А. Нефедов, по мнению Н. С. Розова, «приводит весьма красноречивое подтверждение»: «В 1907 году было вывезено хлеба на 431 млн руб.; взамен были ввезены высококачествен-

ные потребительские товары для высших классов (в основном для тех же помещиков) на 180 млн руб. и примерно 140 млн руб. составили расходы русских (аристократов. – *Б. М.*) за границей. Для сравнения, в том же году было ввезено машин и промышленного оборудования на 40 млн руб., сельскохозяйственной техники – на 18 млн руб. (Ежегодник России 1910: 191–193; Покровский 1947: 383). Таким образом, помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. *На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта*».

Ссылки и цифры не верны. У С. А. Покровского этих сведений нет. Ежегодник рисуют совсем другую картину по импорту: ввезено жизненных припасов на 202 млн, среди которых преобладали не «высококачественные потребительские товары для высших классов», а товары широкого потребления: чай – на 76,6 млн, зерно и мука (главным образом рис) – на 28,6 млн, рыба – на 31,1 млн, овощи и фрукты – на 20,9 млн и т.п. (Ежегодник России 1910: 191–194). Точная сумма переводов денежных средств за границу неизвестна; денежные и ценные пакеты (на 121,5 млн) и денежные переводы (на 41,9 млн) оценены в 163,4 млн (Ежегодник России 1910: 149). Кто переводил и как эти деньги тратились, неизвестно, так как почтово-телеграфная статистика информации об этом не имела. Ввезено машин и оборудования на 69 млн, в т.ч. сельскохозяйственных машин на 18,4 млн руб. Российский импорт состоял на 23,8% из жизненных припасов – это в основном продукты, не производимые в России, на 0,6% – из скота, на 47,6% – из сырых и полуобработанных материалов (металлы, волокно, уголь, кокс, каучук и т.п.), которые использовались для нужд промышленности и на 28% – из фабрично-заводских и ремесленных изделий, среди которых доля предметов роскоши (ювелирные изделия, экипажи, часы, галантерея и пр.) была невелика – лишь около 5% (Ежегодник России 1910: 194). Как видим, *именно на нужды индустриализации шла основная часть доходов от экспорта.* По-видимому, С. А. Нефедов взял данные не из источника, а из какого-то тенденциозного исследования, но сослался на источник. Н. С. Розов же некритически их воспроизвел.

Кстати говоря, подобные случаи вольного обращения С. А. Нефедова с данными мне встречались неоднократно, вследствие чего сторонники структурно-демографической концепции, ссылающиеся на приводимые им данные, нередко попадают впросак. Так, П. В. Турчин полагается на неверные оценки С. А. Нефедовым положения крестьянства в первой половине XIX в. и дворянства в пореформенное время как ухудшающегося. На самом деле в первой половине XIX в. давление землевладельческой элиты на крестьян уменьшилось, а не увеличилось, благодаря чему жизненный уровень деревни повысился, о чем свидетельствуют антропометрические данные. Средняя финальная длина тела у мужчин с 1791–1795

по 1851–1855 гг. увеличилась на 3,7 см. (с 161,3 до 165 см), у женщин с 1811–1815 (за более раннее время сведения отсутствуют) по 1851–1855 гг. – на 3,7 см (с 149,5 по 153,2 см). Вырос также и вес мужчин (по женщинам сведения отсутствуют): с 1811–1815 по 1846–1850 гг. – на 2 кг (с 58 до 60 кг). В пореформенное время дворянство не «оскудевало», а достаточно успешно приспосабливалось к новым реалиям и т.д. (об этом подробнее см. в моем ответе П. В. Турчину).

Н. С. Розов справедливо заметил в конце своего комментария: «Концептуальный подход имеет *сильные ограничения*. Сделанные в его рамках качественные и структурные суждения имею *гипотетический характер и требуют эмпирической проверки*. В данном случае следует научиться замерять продовольственный потенциал и ресурсный баланс, проверить гипотезу о снижении значений по этим переменным в России в вышеозначенный период». Эту задачу он возлагает на эмпириков. Однако эмпирики в лице Миронова и Нефедова ее выполнили. Теоретику, который полагает, что эксперимент – критерий истины, следовало бы оценить корректность их расчетов. Н. С. Розов этого не делает. И это было бы полбеды. Беда в том, что эксперт-теоретик *верит*, подчеркиваю – *именно верит*, эмпирическим построениям Нефедова, а не проверяет их. Поэтому и статус его заключения соответствующий – ему можно верить или не верить. Но это уже вне научной полемики.

П. В. Турчин: Структурно-демографическая теория нуждается в ревизии

П. В. Турчин в своем комментарии поддержал мою точку зрения о том, что «обнищание народа – не самый важный из факторов, ведущих к революции» и не согласился с С. А. Нефедовым, считая, что последний «откатился на позиции грубого неомальтузианства». Для меня это особенно ценно потому, что еще в книге, изданной в 2007 г., он полагал, что «в течение XIX столетия отношение крестьянин/земля ухудшилось, цены на продовольствие увеличились, и нехватка еды стала всеобщей» (Турчин 2007: 258).

В отличие от С. А. Нефедова П. В. Турчин акцентирует внимание на двух других причинах русской революции – быстром росте социального неравенства и перепроизводстве элиты. Кризис биологического существования населения в его построениях не фигурирует вообще. Вторая причина ему представляется более важной: «Образовался гигантский класс “лишних” людей, который постепенно оформился в контрэлиту». Таким образом, *мальтузианский кризис ему видится в недостатке ресурсов для элиты, а не для народа*. «В определенном смысле перепроизводство элиты аналогично перенаселению. Но существенная разница заключается в том, что недовольство элит, в отличие от

недовольства народа, напрямую ведет к ослаблению и, в конечном итоге, развалу государства, революциям и гражданским войнам».

Если «обнищание народа – не единственный, и даже не самый важный из факторов, ведущих к революции», то построение П. В. Турчина нельзя отнести ни к неомальтузианству, ни к структурно-демографической теории, согласно которой политический кризис в конечном итоге вызывается все-таки перепроизводством населения (именно всего населения, а не только элиты) вследствие недостатка ресурсов. Ревизионизм П. В. Турчина проявляется также и в том, что, по его мнению, «динамика популяции является эндогенным процессом, в котором имеется не только связь между приростом населения и крахом государства, но и обратная связь между крахом государства и сокращением населения» (Турчин 2007: 176). Другими словами, П. В. Турчин не принимает идею Дж. Голдстоуна об экзогенном характере перепроизводства населения, полагая, что демографические циклы могут быть объяснены эндогенными факторами политического характера, среди которых главное место принадлежит перепроизводству элит. Эту особенность подметил в своем комментарии С. В. Цирель: «Еще дальше идет П. В. Турчин, который рассматривает структурно-демографический цикл в отрыве от мальтузианских процессов, ориентируясь только на уровень жизни населения, степень имущественного и социального расслоения, размер элиты (элиты и контрэлит) и уровень ее консолидации (в том числе долю новых неассимилированных иммигрантов в составе населения)».

Однако, смещая центр концепции с обнищания и перепроизводства всего населения на обеднение и перепроизводство элиты как самостоятельный и решающий фактор исторической динамики, П. В. Турчин попадает в серьезные методологические трудности, которые лишают его концепцию точности, строгости, объективности, которая свойственна естественнонаучным построениям, и приближает ее к историко-социологическим построениям.

Классическое мальтузианство, принимая удовлетворение базисных биологических потребностей человека за *критерий* соответствия ресурсной базы и численности населения, *стоит на твердой методологической почве,* потому что степень удовлетворения базисных потребностей *можно измерить и, значит, верифицировать* – если потребление, оцененное в калориях, не покрывает биологических потребностей человека, налицо мальтузианский кризис, а если покрывает – то кризиса нет. Биологи человека установили нижний порог биологических потребностей человека, который в зависимости от географии проживания составляет 2500–3000 ккал. Основываясь на этом *мальтузианском критерии*, можно оценить соответствие ресурсной базы и количества населения, установить время начала и конца экзи-

стенциального кризиса, верифицировать гипотезу о социально-экономическом состоянии социума.

Структурно-демографическая теория, утверждающая, что рост населения, превышающий увеличение производительности сельскохозяйственных угодий, вызывает кризис государства *косвенно*, посредством воздействия на экономические, политические и социальные институты, также стоит *на твердой методологической почве*, поскольку, как и классическое мальтузианство, признает, что в *основе кризиса лежит неудовлетворение базисных биологических потребностей населения*. Основываясь на том же мальтузианском критерии ресурсного баланса, можно – только с учетом лага между кризисом в низах и в верхах! – установить время начала и конца экзистенциального кризиса, т.е. верифицировать гипотезу о социально-экономическом состоянии социума.

В отличие от классического мальтузианства и структурно-демографической теории концепция П. В. Турчина не поддается строгой верификации, потому что потребности элиты – понятие субъективное и совершенно неопределенное. *Нет и не может быть четких объективных критериев для заключения о том, когда и насколько потребности удовлетворены даже в материальном отношении*, поскольку мы не знаем нижнего порога потребностей элиты, как в случае с биологическим порогом у человека. Еще большей произвольностью будут отличаться оценки духовных потребностей, которые просто необъятны. Рассуждая о социумах, не входящих в новое и новейшее время в западноевропейский ареал, следует иметь в виду, что их элита в своих материальных и духовных потребностях всегда ориентировалась на Запад, который по уровню экономического, политического и культурного развития их превосходил. *С точки зрения неомальтузианства* или *структурно-демографической теории*, принимать такие подражательные потребности, которые в принципе не могут быть удовлетворены, за критерий при оценке степени удовлетворения элиты условиями ее жизни, не представляется оправданным, а при историко-социологическом подходе – резонно и важно.

В России не наблюдалось перепроизводства элиты

Проверим гипотезу П. В. Турчина о перепроизводстве российской элиты как главном факторе русских революций начала XX в. К сожалению, эксперт не определяет, что имеется в виду под элитой и контрэлитой – привилегированные социальные группы, политическая элита, правящий класс, властная элита и т.п. (Гаман-Голутвина 2006: 8–17). Если судить по тексту, он относит к элите дворян, чиновников и духовенство, т.е. два привилегированных сословия, то, что марксисты относят к правящему, или господствующему, классу, а к контрэлите – «обедневших дворян, младших сыновей, “элитных аспирантов” из разбогатевших крестьян или

купцов, и т.д.», т.е. деклассированных представителей старой элиты и буржуазию. Поэтому анализировать будем динамику численности привилегированных страт.

По мнению П. В. Турчина, в результате разорения потомственного дворянства, вызванного ростом его численности в 1858–1897 гг. в 2 раза, сокращением его земельного фонда в 1,34 раза и невозможностью найти работу на государственной службе, «образовался гигантский класс "лишних" людей, который постепенно оформился в контрэлиту». В действительности, дворянство (как убедительно показал С. Беккер в своей монографии, опубликованной в США еще в 1985 г. и переведенной на русский язык в 2004 г.) достаточно комфортно приспособилось к новым реалиям. *Оскудение дворянства – это миф.* За 1857–1897 гг. число потомственных дворян на коронной службе увеличилось в 2,8 раза (с 37,6 тыс. до 104,4 тыс.) (Беккер 2004: 186). К 1913 г. общая численность чиновников возросла в 2,2 раза сравнительно с 1857 г. и в 1,8 раза по сравнению с 1897 г. (Миронов 2003*б*, 2: 200). В пореформенное время появилась достаточно почетная служба в земствах и городских думах, которая давала работу в 1880 г. по крайней мере 140 тыс., а в 1912 г. – 195 тыс. человек (Миронов 2003*б*, 2: 202). Дворяне активно участвовали в бизнесе. Пережившие реформу и оставшиеся в деревне научились успешно хозяйствовать, о чем говорит тот факт, что отношение суммы их ипотечной задолженности к цене земли в конце XIX – начале XX в. было очень небольшим (Беккер 2004: 309). Цена дворянской земли с 1854–1858 гг. по 1903–1905 гг. беспрецедентно повысилась – в 7,3 раза (Святловский 1911: 82–83).

Вследствие всеобщей и глубокой профессионализации и высокой социальной мобильности дворяне нашли свою нишу также среди нового среднего класса, став учеными, юристами, врачами, журналистами, преподавателями (Миронов 2003*б*, 1: 141–147). Например, в Москве 1882 г. 35% самодеятельных дворян были заняты в нетрадиционных для них сферах, в т.ч. 15,5% – в бизнесе и 15% – в свободных профессиях (Беккер 2004: 190). Избавление от земли было «проявлением здоровой способности приспосабливаться к радикально переменившимся социальным и экономическим обстоятельствам», – справедливо полагает С. Беккер. – «Задолго до того, как революция отменила их анахронический статус первого сословия России, большинство дворян научилось жить, а многие и процветать, в мире, где наследственные привилегии были заменены равенством перед законом» (Беккер 2004: 308–309).

Подавляющее большинство высшего сословия перестали восприниматься как дворяне, а успешные выходцы из третьего сословия не стремилась ими стать. А. П. Чехов в 1899 г. был пожалован Николаем II в дворянство и в кавалеры ордена Святослава 3-й степени. Высочайший указ был оставлен А. П. Чеховым без внимания. Ни в письмах, ни в разговорах, ни в воспоминаниях современников не сохранилось даже упоминания об этом факте.

А. П. Чехов как будто стыдился и скрывал это пожалование, вследствие чего биографы узнали о существовании указа лишь в 1930 г., через 26 лет после смерти писателя. Сын купца третьей гильдии отказался от возможности нобилитации – вещь, совершенно неслыханная в XVIII – первой половине XIX в.

Данные об изменении численности всех привилегированных слоев населения (дворянства, духовенства, купечества и почетных граждан с 1832 г.), также не подтверждают гипотезу о перепроизводстве элиты. Доля любой привилегированной группы в населении страны в 1719–1913 гг. уменьшалась, естественно, сократилась и суммарная их доля с 4,6 до 2,5%, в том числе в пореформенное время – с 3,2 до 2,5% (см. Табл. 2):

Табл. 2. Численность привилегированных слоев в Европейской России в 1719–1913 гг.

Социальные группы	1719 г.	1795 г.	1858 г.	1897 г.	1913 г.
Дворянство (потомственное и личное), тыс.	304	720	889	1373	1936
%	2,0	2,0	1,5	1,5	1,5
Дворянство потомственное, тыс.	304	403	612	886	1249
%	2,0	1,1	1,0	1,0	1,0
Духовенство, тыс.	280	434	567	501	697
%	1,9	1,2	1,0	0,5	0,5
Купечество, тыс.	100	236	400	240	611*
%	0,7	0,7	0,7	0,3	
Почетные граждане, тыс.	-	-	21	308	
%	-	-	0,0	0,3	0,5
Итого	684	1390	1877	2422	3244
%	4,6	3,9	3,2	2,6	2,5
Население, тыс.	14878	35597	59206	93186	128864

* Численность купцов и почетных граждан на 1913 г. экстраполирована по среднегодовому темпу прироста за 1858–1897 гг.

Источник: Миронов 2003*б*, 1: 115, 129, 130.

Для сравнения укажем, что в 1840-е гг. в Пруссии (из 16,6 млн населения) дворян было 0,75%, духовенства – 0,15% (Брут 1853, VI: 12), в Австро-Венгрии (из 37 млн) дворян – 2,0% и духовенства – 0,4% (Брут 1853, V: 14), во Франции (из 38 млн) дворян и чиновников – 3,5%, духовенства – 0,15%, купцов и фабрикантов – 0,7% (Брут 1853, IV: 8), в Великобритании (из 27,8 млн) дворянства – 0,9%, гражданских, военных и морских чинов – 3,6%, духовных, правоведов и врачей – 1,8%, ученых – 1,8% (Брут 1853,

III: 7). Таким образом, в середине XIX в. относительная численность элиты, возможно, была ниже только в Пруссии, да и то потому, что для последней не учтены лица с высшим образованием, крупная буржуазия, офицерство и чиновники. Только доля последних в 1861 г. составляла около 1,5% (Обручев 1867: 224), и они лишь в незначительной степени были дворянами, в то время как в России большинство чиновников и все офицеры были дворянами. В середине XIX в. по валовому продукту на душу населения Россия была примерно равна Австро-Венгрии, в 2 раза уступала Германии и Франции и в 3 раза – Великобритании (Maddison 2001: 261, 264). Как видим, с точки зрения ресурсной базы у элиты, пять стран мало отличались друг от друга.

Если российскую элиту идентифицировать на основании образования, то и в этом случае не приходится говорить о ее перепроизводстве относительно ресурсов. Доля людей с высшим образованием среди лиц в возрасте от 20 лет и старше составила в конце 1850-х гг. – 0,12%, в 1897 г. 0,23%, в 1939 г. – 1,21%. Интерполяция по средним темпам увеличения доли лиц с высшим образованием за 1897–1939 гг. дает на 1917 г. 0,51%[1] (см. Табл. 3):

Табл. 3. Численность лиц с высшим и средним образованием в Европейской России по данным переписей населения 1897 г. и 1939 г. (среди лиц в возрасте старше 19 лет)

	Конец 1850-х гг.*	1897 г.		1917 г.**	1939 г.	
	%	тыс.	%	%	тыс.	%
Население в возрасте старше 19 лет	-	47943,9	-		59763,6	
Число лиц с высшим образованием	0,12	111,3	0,23	0,51	720,2	1,21
Число лиц со средним образованием	0,78	663,3	1,38	3,49	8413,9	14,08
Число лиц с высшим и средним образованием	0,90	774,6	1,61	4,00	9134,1	15,28

* Данные на конец 1850-х гг. получены методом передвижки когорт.
** Данные на 1917 г. получены путем интерполяции за 1897–1939 гг.
Подсчитано по: Тройницкий 1905: т. 1, с. 198; Жиромская 1999: 30, 104.

Как видим, доля лиц с высшим образованием в пореформенное время возросла лишь на 0,39%. Если же к элите отнести лиц не только с высшим, но и с полным средним образованием, то в 1861–1917 гг. их доля в населении возросла – с 0,9 до 4%. Однако валовой внутренний продукт во

[1] Поскольку в 1917–1939 гг. число лиц со средним и высшим образованием росло более быстрыми и постепенно ускоряющимися темпами, чем в 1861–1917 гг., то данные на 1917 г. несколько завышают истинную долю элиты по образованию.

второй половине XIX в. увеличился в 3,3 раза, в стране проходила индустриализация и культурная революция, вследствие чего спрос на умственный труд со стороны сельского хозяйства, промышленности, транспорта, сферы услуг, а также учреждений церкви, государства, образования, культуры и суда также существенно вырос. О неудовлетворенном спросе на квалифицированный труд свидетельствует более быстрый рост заработный платы у работников умственного труда сравнительно с рабочими. Например, с 1870-х по 1911–1913 гг. номинальный средний годовой заработок российских фабрично-заводских рабочих увеличился примерно на 33% (со 190 до 254 руб.), сельскохозяйственных рабочих – на 75% (с 57 до 100 руб.) (Кирьянов 1979: 103–104, 108–109; Материалы Комиссии 1903: 233–237; Дроздов 1930: 44–47), учителей земских школ – на 188% (со 135 до 390 руб., с квартирой и отоплением от школы) (Зубков 2008: 9). Следовательно, в 1870-е гг. жалованье у учителей было в 1,4 раза *ниже*, чем у промышленных рабочих, а в 1913 г. – в 1,5 раза *выше*.

Население России за 1863–1913 гг. возросло в 2,3 раза, а численность работников квалифицированного умственного труда в сфере образования, медицины, культуры и науки – более чем в 8–10 раз (см. Табл. 4):

Табл. 4. Изменение населения и числа учреждений образования, культуры, медицины и массовой информации, их сотрудников и учащихся

	1840-1860-е гг.	*1880-1890-е гг.*	*1913-1914 гг.*
Число начальных школ, тыс.	17,2 (1856 г.)	131,2 (1894 г.)	119,4
Число средних школ, тыс.	0,116 (1856 г.)*	0,645 (1894 г.)	4,3
Число учащихся во всех учебных заведениях, тыс.	1156 (1863 г.)	4013 (1894 г.)	9656
Число учителей, тыс.	33,5 (1863 г.)**	-	280
Число массовых библиотек, тыс.	0,012 (1848 г.)	-	143,9
Число практикующих врачей (без зубных), тыс.	-	7,2 (1885 г.)	23,2
Число среднего медицинского персонала, тыс.	-	13,0 (1885 г.)	46,0
Число больниц, тыс.	0,350 (1850-е)	-	5,3
Число наименований газет и журналов	204 (1840 г.)	667 (1890 г.)	2915
Выпуск книг и брошюр, тыс. наименований	0,764 (1832 г.)	7,3 (1889 г.)	34,0
Число студентов вузов, тыс.	8,5 (1860 г.)	25,6 (1894 г.)	127,4
Население, млн***	70 (1863 г.)	84 (1880 г.)	159 (1913 г.)

* Без духовных семинарий, епархиальных училищ и военных учебных заведений.

** Оценка по соотношению числа учителей и учащихся в 1914 г.

*** Без Польши и Финляндии.

Источники: Народное хозяйство 1959: 812, 831, 851, 882; Пискунов 1976: 521–531, 540; Миронов 2003*б*, 2: 377, 385–387; Статистика произведений печати 1915: 8–9, 112–113.

Большой спрос на квалифицированные кадры предъявляли судебные органы, земства и городские думы, введенные в результате реформ, а также средства массовой информации, театры, издательства, банки и, конечно, промышленность[2]. По данным всеобщей переписи населения 1897 г., в империи без Польши насчитывалось около полумиллиона лиц, занятых квалифицированным умственных трудом, – чиновники, врачи, учителя, юристы, свободные профессии, инженеры (Рубакин 1912: 61, 89–91). Их число в 1897–1914 гг. стремительно росло: число врачей – в 1,4 раза, чиновников – в 1,7 раза, учителей – в 2,4 раза. Быстрый рост экономики обеспечивал работой выпускников вузов, число которых за 1860–1913 гг. по ориентировочной оценке возросло в 15 раз. Имеющиеся данные позволяют предположить, что спрос на умственный труд несколько обгонял предложение.

Известно, что наибольшие трудности с трудоустройством в XIX в. встречало духовенство, так как число штатных должностей регулировалось государством и было ограничено. Например, в 1830 г. насчитывалось 430 безместных претендентов, закончивших духовные семинарии (Freeze 1983: 110, 152). Однако в то же время в целом по империи имелось 5466 вакантных мест для православных священников и дьяконов. То же наблюдалось и в пореформенное время, вплоть до 1917 г.: в одних епархиях ощущался недостаток кадров, в других некоторый избыток. Число вакансий изменялось ежегодно. Иногда фактическая численность духовенства превышала штатное положение, но в сумме, как правило, вакансий было несколько больше, чем претендентов. Например, на начало 1911 г. – последнего года, на который имеются сведения, в империи по ведомству православного вероисповедания насчитывалось 2754 вакансии на должности священно- и церковнослужителей, что составляло 2,5% от общего числа мест. Существенный дефицит в кадрах наблюдался в епархиях Воронежской, Орловской, Черниговской и в Сибири, по 1–3 вакансии имелось в Астраханской, Варшавской, Холмской; не было свободных мест во Владимирской, Волынской, Калужской, Московской, Полоцкой. В бедных или отдаленных приходах должность оставалась незамещенной в течение 2–5 лет и более (Отчет Синода за 1910: 24–27) (см. Табл. 5):

[2] В 1897 г. в России насчитывалось 3 296 ученых и литераторов, 4 639 инженеров и технологов, 16 742 врачей (без военных докторов), 15 237 художников, музыкантов и актеров (Рубакин 1912: 89–90). В 1898 г. численность профессорско-преподавательского корпуса составляла 2458 человек (Иванов 1991: 208–209).

Табл. 5. Штатные и вакантные должности в Российской империи по ведомству православного исповедания в 1910 г.

	По штату положено должностей			*Вакантных должностей*			*Вакантных должностей, %*		
	священнических	дьяконских	псаломщических	священнических	дьяконских	псаломщических	священнических	дьяконских	псаломщических
Воронежская	1245	743	1221	17	502	20	1,4	67,6	1,6
Орловская	1080	561	1058	8	267	5	0,7	47,6	0,5
Черниговская	1084	272	1071	25	202	4	2,3	74,3	0,4
Тобольская	455	200	497	25	97	32	5,5	48,5	6,4
Томская	787	141	776	33	18	21	4,2	12,8	2,7
Якутская	126	12	120	-	-	1	0,0	0,0	0,8
Империя	47633	13452	47379	535	1689	530	1,1	12,6	1,1

Подсчитано по: Отчет Синода за 1910: 24–27.

Потребность в образованных священнослужителях никогда не была полностью удовлетворена. В 1909 г. 5,4% священников (2560 из 46730) не имели надлежащего образования (1984 окончили только начальные светские учебные заведения, 576 имели домашнее образование), не имели надлежащего образования и 20,4% дьяконов (2997 из 14670) (Отчет Синода за 1910: 24–27).

Нет оснований для заключений об избытке квалифицированных кадров в сфере образования. Скорее можно говорить о некотором дефиците кадров в университетах, вследствие чего было широко распространено совместительство и приходилось брать на работу в качестве нештатных преподавателей тех, кто не отвечал образовательному цензу (см. Табл. 6):

Табл 6. Численность профессорско-преподавательского состава в российских университетах в 1882–1914 гг.*

	*1882 г.***	*1891 г.*	*1901 г.*	*1905 г.*	*1908 г.*	*1914 г.*
Профессора	366	475	570	614	583	657
Доценты и адъюнкты	119	0	9	9	4	9
Лекторы	31	44	29	38	36	83
Преподаватели	28	69	451	1	6	1087
Приват-доценты	60	284	429	558	615	674
Итого	604	872	1488	1220	1244	2510
Вакансий на штатные должности	156	153	390	нет. свед.	нет. свед.	218
Число вакантных кафедр	нет. свед.	54	67	94	120	123

* На 1 января. ** Штатные преподаватели.

Подсчитано по: Отчет МНП за 1879–1881: 331–332; то же за 1890: 4–5, 11; то же за 1900: 6–7, 9; то же за 1905: 2–5; то же за 1908: 2–5; то же за 1913: 2–3, 4–5.

К 1 января 1914 г. в 10 российских университетах из 509 кафедр в 123 имелись вакансии профессоров и приват-доцентов и 20 кафедр вообще не были укомплектованы преподавателями. Когда в 1911 г. 130 профессоров и доцентов Московского университета подали в отставку в знак протеста против изгнания из университета студентов за участие в волнениях по поводу смерти Льва Толстого, у администрации университета возникли серьезные кадровые проблемы, и она собирала преподавателей по всей России (Тихомиров 1955: 376–377, 540–541). Избытка квалифицированных кадров не ощущалось во всех других высших учебных заведениях (Отчет МНП за 1905: 34; то же за 1908: 34; то же за 1913: 34).

Не проходится говорить об избытке квалифицированных кадров также и в средних учебных заведениях (см. Табл. 7):

Табл. 7. Число преподавательских вакансий в средних учебных заведениях

Год	*Число должностей в гимназиях и прогимназиях*			*Число должностей в реальных училищах*		
	штатные	вакантные*	не замещенные**	штатные	вакантные*	не замещенные**
1881	нет свед.	116	28	нет свед.	158	63
1890	нет свед.	127	58	нет свед.	70	22
1900	нет свед.	193	60	нет свед.	82	22
1905	2964	708	78	нет свед.	нет свед.	нет свед.
1908	3238	1293	109	нет свед.	нет свед.	нет свед.
1910***	3420	1510	106	нет свед.	нет свед.	нет свед.
1913***	4825	2098	107	нет свед.	нет свед.	нет свед.

* Число вакансий в течение года. ** Осталось незамещенными на 1 января следующего года. *** Только в мужских гимназиях.

Подсчитано по: Отчет МНП за 1879–1881: 364–373, 392–395; то же за 1890: 18–23, 36–39; то же за 1900: 18–25, 40–43; то же за 1910: 48–49; то же за 1913: 48–49.

К 1 января 1914 г. в мужских гимназиях и прогимназиях России 45,7% должностей являлись вакантными в течение года, из них 2098 по необходимости замещались внештатными, а на 107 мест вообще не было возможности найти подходящих преподавателей. Причем, вакансии имелись во всех учебных округах, в том числе в С.-Петербургском (281 из 454 по штату) и Московском (436 из 837 по штату), но больше всего – в Кавказском учебном округе (Отчет МНП за 1913: 49). То же наблюдалось в реальных училищах.

О некотором недостатке учителей в начальной школе свидетельствует тот факт, что на работу приходилось брать лиц без необходимого образовательного ценза. Например, в империи к началу 1905 г. число так называемых неправоправных учителей, не имеющих право на преподавание, насчитывалось 1 338 (1,3%) из 102 471 (Отчет МНП за 1905: 191), в 1913 г. – 3 058 (1,6%) из 190 494 (Отчет МНП за 1913: 193). К началу 1910 г. среди 43 611 учителей начальных церковных школ работали без учительских свидетельств 4 318 (9,9%) (Отчет Синода за 1908–1909: 118). Особенно напряженным было положение в отдаленных губерниях, где всегда имелось много вакансий, которые оставались незаполненными, несмотря даже на надбавки к жалованью. Например, в городских школах Западно-Сибирского учебного округа в 1914 г. доля неправоправных учителей достигала 73,2%. К тому же наблюдалась высокая текучесть кадров (в год 216 человек из 728 или 29,7% оставили работу) – верное доказа-

тельство того, что за учительское место не держались, значит, безработицы не боялись (Чуркина 2008: 252–253). В сфере образования избытка квалифицированных кадров не существовало в течение всего пореформенного периода.

Таким образом, «гигантского класса лишних людей» в позднеимперской России не существовало. Ресурсная база более или менее соответствовала численности элиты, ее благосостояние повышалось. Иначе и быть не могло, учитывая всеобщее повышение уровня жизни в стране. Понижение благосостояния элиты при его повышении у населения в целом суть социально-экономический нонсенс не только в стране с рыночной, но даже в стране с традиционной аграрной экономикой.

Вопрос о том, насколько удовлетворялись материальные потребности российской элиты, сам по себе очень важен, и его решение имеет большое значение для понимания происхождения революционных настроений. Однако если проблему рассматривать в отрыве от общего материального положения российского населения, то она не имеет отношения к мальтузианскому кризису ни в его классическом, ни в структурно-демографическом варианте. Не менее важно, что нет четкого критерия для заключения о том, насколько потребности элиты удовлетворялись. Например, богатые русские землевладельцы, имевшие свыше 1000 крепостных, коих в XVIII – первой половине XIX в. насчитывалось около 1% от всех помещиков, имели особняк в столице, усадьбу в деревне, открытый стол в своем доме на несколько десятков человек ежедневно; их гардероб стоил огромных денег; их желания обслуживали десятки дворовых (Дубровин 2007: 78–108). Им безусловно завидовали средние и особенно мелкие землевладельцы с числом крепостных менее 20, на долю которых приходилось более половины всех помещиков (Миронов 2003*б*, 1: 88–89). Можно на этом основании утверждать, что потребности 99% элиты не удовлетворялись? Если да, то к структурно-демографической теории это не имеет отношения. Доходы интеллектуальной элиты в пореформенное время выросли. Но интеллигенция считала их недостаточными (Рубакин 1912: 60–92). Можно на этом основании утверждать, что ее потребности не были удовлетворены. Если да, то к структурно-демографической теории это также не имеет отношения.

Аналогично и в отношении духовных потребностей, игнорировать которые нельзя. Желание управлять и властвовать относится к духовным потребностям человека, в особенности принадлежащего по своему социальному статусу или образованию к элите. Можно ли утверждать, что потребности значительной части российской элиты в пореформенное время не были удовлетворены на том основании, что она хотела, но не могла принимать участие в управление государством? Если да, то к структурно-демографической теории подобные умозаключения не имеют отношения.

Следует также иметь в виду, что российская элита в своих материальных и духовных потребностях в период империи всегда оглядывалась на

Запад, который находился на более высоком уровне экономического развития. Оправданно ли принимать такие потребности, которые в принципе не могли быть удовлетворены, за критерий при оценке степени удовлетворения российской элиты условиями ее жизни в России? Если да, то и в данном случае к структурно-демографической теории это не имеет отношения.

Концепция П. В. Турчина не учитывает социальную мобильность, которая приводила в соответствие численность элиты с ресурсами. В его построениях новая элита, или контрэлита, сосуществовала со старой, увеличивая общую численность элиты и усиливая давление на ограниченные ресурсы социума и государства, что привело к кризису. В действительности механизм взаимодействия старой и новой элиты был иным: старая приспосабливалась к новым условиям, а те, кому это не удавалось, деклассировались и уходили из рядов элиты, в результате ее численность постоянно приспосабливалась к потребностям социума и к ресурсной базе. В 1678 г. доля дворянства в населении России составляла 1,7%, в 1719 г. – 2%, в 1858 г. – 1,5 и в 1897 г. – 1,5%; доля духовенства – соответственно 0,9%, 1,9%, 1%, 0,5% (Миронов 2003*б*, 1: 130). Социальная мобильность реально действовала в России XVIII – начала XX в. Привилегированные сословия были открыты не только на входе, но и *на выходе*. Статус потомственного дворянства номинально имело довольно значительное число деклассированных элементов, которые нигде не служили, не получили никакого образования, не имели собственности, лично сами занимались земледелием и по своему действительному положению являлись крестьянами. Все они фактически потеряли дворянское достоинство и дворянские претензии и вышли из состава элиты. По подсчету Министерства внутренних дел, таких потомственных дворян мужского пола, которые «лично сами занимались хлебопашеством» насчитывалось в 1846–1847 гг. 109,4 тыс. из 253,1 тыс. (Зайончковский 1978: 43).

В пореформенное время процесс обновления дворянского сословия продолжался. В правах потомственного дворянства с 1875 по 1896 г. было утверждено 39 535 лиц, в том числе 32% – по чину и 68% – по ордену (Корелин 1979: 25, 28). Однако и процесс деклассирования усилился. Это хорошо видно по данным об изменении доли неграмотных, происходивших из дворян и чиновников в пореформенное время. Согласно первой всеобщей переписи, в 1897 г. в империи таковых в возрасте 10 лет и старше было 12% мужского и 18,2% женского пола (см. Табл. 8):

Табл. 8. Неграмотные лица дворянского происхождения в России по переписи 1897 г.

Возраст	*Годы рождения*	*Мужчины*	*Женщины*	*Оба пола*	*Мужчины, %*	*Женщины, %*	*Оба пола, %*
10–19	1878–1887	24819	32936	57755	15,2	19,0	17,2
20–29	1868–1877	15733	26322	42055	10,5	15,2	13,0
30–39	1858–1867	12804	22822	35626	9,1	15,8	12,5
40–49	1848–1857	9987	18401	28388	9,9	17,6	13,8
50–59	1838–1847	7817	15936	23753	11,4	20,0	16,0
60+	1837+	11780	23007	34787	17,5	25,4	22,0
Итого		82940	139424	222364	12,0	18,2	15,3

Подсчитано по: Тройницкий 1905, 1: 190.

Неграмотность – это надежный признак деклассирования, потому что со времени Петра Великого от дворянства в обязательном порядке требовалось знание грамоты. Основываясь на доле неграмотных, можно сказать, что в 1897 г. 15,3% дворян обоего пола фактически утратили свой дворянский статус (среди женщин неграмотных было больше, значит, деклассирование проходило интенсивнее). Посмотрим на годы рождения. У рожденных до 1858–1867 гг., т.е. до Великих реформ, доля неграмотных со временем постепенно уменьшалась: у родившихся до 1837 г. – 22%, у родившихся в 1838–1847 гг. – 16%, у родившихся в 1858–1867 гг. – 12,5%. У родившихся после Великих реформ, наоборот, доля неграмотных со временем повышалась: у родившихся в 1857–1858 гг. – 12,5%, у родившихся в 1868–1877 г. – 13%, у родившихся в 1878–1887 г. – 17,2%. Отсюда следует, что *под влиянием реформ деклассирование дворянства ускорилось*. Даже у детей чиновников – безусловно грамотных отцов, процент неграмотных в пореформенное время увеличился, значит, процесс деклассирования усилился.

Сравнение распределения неграмотных дворян между городом и деревней по годам рождения показывает, что деклассированные дворяне оседали преимущественно в деревне: среди родившихся ранее 1837 г. таковых в деревне проживало 73,3%, а среди родившихся в 1878–1887 гг. – 89%, почти на 16 пунктов больше (см. Табл. 9):

Табл. 9. Распределение неграмотных дворян между городом и деревней по переписи 1897 г.

Возраст	*Год рождения*	*Город*	*Деревня*	*Итого*
10–19	1878–1887	11,0	89,0	100
20–29	1868–1877	16,7	83,3	100
30–39	1858–1867	18,1	81,9	100
40–49	1848–1857	20,2	79,8	100
50–59	1838–1847	23,4	76,6	100
60+	1837+	26,7	73,3	100

Подсчитано по: Тройницкий 1905, 1: 190.

В Москве в 1882 г. лишь около 5% взрослых потомственных дворян опустились на дно общества, став бомжами, проститутками, прислугой (Беккер 2004: 190). В деревне деклассированных было больше.

Наличие неграмотных среди духовенства также является показателем деклассирования, потому что все духовенство, находившееся на службе, было грамотным. И если дети образованного родителя были неграмотными, то они не могли занять даже церковно-служительскую должность, потому что даже от пономаря требовалось знание грамоты. Следовательно, неизбежно деклассировались. Среди духовенства в 1897 г. неграмотных было меньше, чем среди дворян, почти на три пункта (12,7% против 15,3%) и после Великих реформ увеличения неграмотности не наблюдалось: у родившихся в 1858–1867 гг. неграмотных было 10,1%, а у родившихся в 1879–1887 гг. – 6,7%. Это позволяет предположить, что в отличие от дворянства процесс деклассирования у духовенства в пореформенное время замедлился (см. табл. 10).

Табл. 10. Доля неграмотных лиц, происходивших из духовенства в России по переписи 1897 г.

Возраст	*Год рождения*	*% неграмотных*
10–19	1878–1887	6,7
20–29	1868–1877	6,4
30–39	1858–1867	10,1
40–49	1848–1857	15,3
50–59	1838–1847	19,6
60+	1837+	28,8
Итого		12,7

Подсчитано по: Тройницкий 1905, 1: 190.

Интересно отменить, что в пореформенное время только у дворянства наблюдалось снижение грамотности, у всех остальных сословий ее уровень, как показывает изменение доли грамотных среди различных возрастных групп, повышался (см. Табл. 11). Отсюда следует, что процесс социальной деградации в наибольшей степени затронул именно старую элиту.

Табл. 11. Доля неграмотных среди различных возрастных групп населения России по переписи 1897 г.

Возраст	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69
Год рождения	1878–1887	1868–1877	1858–1867	1848–1857	1838–1847	1828–1837
% неграмотных	54,5	55,1	60,5	66,8	73,5	77,6

Подсчитано по: Тройницкий 1905, 1: XVI.

Подчеркнем, что деклассированное дворянство и духовенство уходило из элиты и пополняло ряды не революционеров и оппозиционеров, а преступников и люмпенов в городе, крестьян и рабочих – в сельской местности. Они вовсе не укрепляли социальную базу революции.

Численность элиты зависела от общественных потребностей и политики государства, что хорошо видно на примере православного духовенства. В 1860 – первой половине 1880-х гг. кадровая политика Синода состояла в том, чтобы уменьшить общую численность штатного белого духовенства и изменить его структуру в пользу священников. Однако прихожанам эта политика не нравилась, так как сокращение числа дьяконов и причетников, по их мнению, снижало торжественность и пышность службы. В результате Синод уменьшил число *штатного* духовенства и изменил его структуру, но из-за сопротивления прихожан фактически ничего не изменилось, что привело к избытку *действительного* числа духовенства против штатного положения, особенно дьяконов. В конце 1880-х гг. Синод пошел на уступки прихожанам, существенно увеличив штатное число дьяконов, что привело к восстановлению баланса между фактическим и штатным числом духовенства (см. Табл. 12):

Табл. 12. Фактическая и штатная численность духовенства православного вероисповедания в России в 1835–1910 гг.

	1835 г.	1865 г.	1869 г.	1879 г.	1884 г.	1889 г.	1890 г.	1894 г.	1910 г.*
Священников	34479	36765	38103	36583	34313	37266	40129	41684	47633
Дьяконов	17375	14298	14317	8445	7543	12149	12629	13283	13452
Причетников	69284	62289	65583	47992	39088	41587	43935	44418	47379
Итого	121138	113352	118003	93020	80944	91002	96693	99385	108464
	Против штатной численности более или менее**								
Священников	-3016	+587	+157	-857	-411	-980	-1076	-1048	-535
Дьяконов	-2450	+2377	+3122	+5349	+5111	+1001	+871	+641	-1689
Причетников	-10933	-2158	-327	+946	-1258	-269	-592	-1444	-530
Итого	-16399	+806	+2952	+5438	+3442	-248	-797	-1851	-2754
	Против штатной численности более или менее, %								
Священников	-8,7	+1,6	+0,4	-2,3	-1,2	-2,6	-2,7	-2,5	-1,1
Дьяконов	-14,1	+16,6	+21,8	+63,3	+67,8	+8,2	+6,9	+4,8	-12,6
Причетников	-15,8	-3,5	-0,5	+2,0	-3,2	-0,6	-1,3	-3,3	-1,1
Итого	-13,5	+0,7	+2,5	+5,8	+4,3	-0,3	-0,8	-1,9	-2,5

* Подсчитано по данным в отдельных епархиях.

** За 1895–1909 гг. сведений о вакансиях в отчетах нет. *Подсчитано по*: Freeze 1983: 100, 110, 152; Отчет Синода за 1866: 22–23; то же за 1870: 22–23; то же за 1880: 22–23, то же за 1885: 22–23; то же за 1890 и 1891: 20–21,136–137; то же за 1894 и 1895; то же за 1910: 26–27.

Пример духовенства ясно показывает, что численность элиты изменялась не только под влиянием целенаправленной политики государства, ее число также и *саморегулировалось* благодаря механизму социальной мобильности. Когда спрос на услуги духовенства уменьшался или снижался престиж профессии или появлялись возможности хорошо трудоустроиться вне церкви, наблюдался отток духовенства из ведомства православного исповедания и возникал недостаток кадров. Например, в 1860-е гг., когда в связи с церковными реформами возник избыток священников, их дети отреагировали на это уходом из ведомства, что создало дефицит кадров.

Уменьшение спроса на услуги дьяконов вызвало их избыток сравнительно со штатным положением в 1860-е – 1880-е гг., что привело к оттоку их детей из ведомства, который породил дефицит дьяконов – к 1911 г. не хватало 12,6% от их штатного числа.

Уровень неравенства в пореформенной России в историографии преувеличен

Не подтверждается эмпирически и широко распространенный в марксистской историографии тезис о быстром увеличении неравенства в пореформенное время как втором важнейшем факторе русской революции. Степень расслоения вольно или невольно преувеличивалась с целью доказать готовность позднеимперского российского общества к социалистической революции. На самом деле уровень неравенства среди крестьянства на рубеже XIX–XX вв., если его оценивать наиболее адекватным способом – коэффициентом Джини по доходу на душу населения, был невысоким – 0,133–0,206, и к 1917 г. едва ли мог увеличиться сколько-нибудь значительно. Большинство дореволюционных и западных исследователей, специально изучавших этот вопрос, полагало, что крестьянство до самой революции 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношениях довольно однородной массой и имело лишь зачатки так называемого буржуазного расслоения (Миронов 1978: 106–115; 2003*б*, 1: 123–129). Именно поэтому в 1897 г. во всей империи (без Финляндии) *рабочих и прислуги* в возрасте 15 лет и старше, для которых работа по найму служила *главным средством к существованию*, насчитывалось всего 8432,3 тыс. из 77 332 тыс. – 10,9% всего населения (подсчитано по: Степанов 1905; Численность и состав рабочих 1906; Тройницкий 1905: 56–58); в 50 губерниях Европейской России – 6401 из 57430,2 тыс. или 11,1% (Рашин 1958: 182).

Чтобы получить представление об уровне имущественной дифференциации среди всего населения, рассчитаем на 1901–1904 гг. *децильный коэффициент дифференциации* доходов населения, который показывает, во сколько раз доходы 10% наиболее обеспеченных слоев (десятая дециль распределения доходов) превышают доходы 10% наименее обеспеченного населения (первая дециль)[3].

Беднейших людей следует искать среди рабочих, прислуги и люмпенизированных слоев населения, потому что у крестьян доходы в среднем были выше. По результатам обследования 1787 крестьянских бюджетов в 1873–1901 гг., их годовой доход находился в интервале от 255

[3] Децильный коэффициент считается по-разному, в зависимости от исходных данных, в частности от того, закрыта или открыта верхняя и нижняя границы интервалов доходов (Ефимова, Бычкова 2004: 237).

до 721 руб. и в среднем равнялся 432 руб. на дворохозяина[4] (Материалы Комиссии 1903: 36–38). А годовые заработки рабочих и прислуги находились в интервале 123–214 руб.: 123 руб. – у прислуги и поденщиков в 1904 г. (Города России 1906: 0453), 214 руб. – у фабрично-заводских рабочих в 1901 г. и около 200 руб.[5] - у прочих категорий пролетариев (Кирьянов 1979: 108). Доля рабочих и прислуги в самодеятельном населении составляла 10,9% от общего числа самодеятельного населения России в 1897 г., к которому в соответствии с принятыми в то время критериями отнесены лица обоего пола в возрасте 15 лет и старше (77332 тыс.).

Доходы меньшие, чем 123–214 руб., могли быть у нищих, бродяг, странников, богомолок, у лиц, призреваемых в богадельнях и приютах и находившихся в заключении. Согласно переписи 1897 г., их насчитывалось около 457 тыс. чел. обоего пола или 0,59% самодеятельного населения (Тройницкий 1905, 2: 264, 292). Представление о доходах этой беднейшей прослойки могут дать данные о стоимости содержания преступников в тюрьмах. В 1903 г. обеспечение одного из 100,1 тыс. российских *арестантов* без «квартиры» и охраны обходилось обществу в 43,2 руб. (питание – 29,2 руб., одежда, белье, обувь, постельные принадлежности – 13,2 руб., лечение, религиозные и культурные потребности, мыло, стирка и т.п. – 0,8 руб.), с расходами на жилище и охрану – 161,3 руб. Содержание (без жилища и охраны) одного здорового нерчинского *каторжанина* обходилось государству дешевле – 38,6 руб., со всеми расходами – 137,8 руб. Один несовершеннолетний (от 10 до 17 лет) заключенный в исправительном заведении стоил обществу (со всеми расходами) от 67,8 руб. до 383,8 руб. Дополнительно в среднем по 5,8 руб. в год арестанты зарабатывали личным трудом (Отчет по тюремному управлению 1905: 15, 100, 119, 147, 159, 172–173, 236).

Таким образом, без учета расходов на жилье и охрану содержание одного заключенного в год требовало примерно 50 руб., с «квартирой» – около 70 руб. Последнюю цифру и примем за «доход» низшей страты российского общества в 1901–1904 гг. Тогда средний годовой доход 10% населения с минимальными доходами (оно состояло на 0,59% из люмпенов, на 4,31% – из прислуги и поденщиков и на 5,1% – из фабрично-заводских рабочих) равнялся приблизительно 161 руб. (см. Табл. 13):

---

[4] Лишь в одном хозяйстве годовой доход был ниже 200 руб., который как экстремальный случай не будем учитывать. В сибирских губерниях в 1890–1897 гг. средний доход в 1005 хозяйствах составлял 605 руб.

[5] На мелких предприятиях заработки были ниже, чем у фабрично-заводских рабочих (Кирьянов 1979: 192–206; Крузе 1976: 194–195; Потолов 1963: 157). Оплата труда в сельском хозяйстве была ниже, чем в промышленности (Корелин 1995: 311).

Табл. 13. Расчет среднего дохода 10% беднейшего населения России в 1901–1904 гг.

Категория населения	Средний доход, руб.	Численность		Суммарный доход, тыс. руб.
		тыс.	%	
Фабрично-заводские рабочие	214	804,0	1,04	172056
Прочие рабочие	200	3140,2	4,06	628040
Прислуга и поденщики	123	3332.0	4,31	409836
Нищие, бродяги, арестанты и пр.	70	457,0	0,59	31990
	161	7733,2	10,00	1241922

Подсчитано по: Опыт исчисления народного дохода 1906: XXXV; Степанов 1905; Численность рабочих 1905–1906; Тройницкий 1905, 1: 56–58; 2: 256–257; Города России1906: 0453; Рашин 1958: 182; Кирьянов 1979: 108.

Оценим теперь доход 10% богатейшего населения страны. Созданная в мае 1905 г. Комиссия по вопросу введения подоходного налога при Министерство финансов собрала материалы о числе потенциальных налогоплательщиков в 1901–1904 гг. и 1909–1910 гг. Комиссия установила минимум дохода для уплаты налога в 1000 руб., ввиду чего все лица, чьи доходы (от земли, городских недвижимых имуществ, от торгово-промышленных капиталов, денежных капиталов или личного труда) превышали 1000 руб. в год, подлежали обложению. 1000 руб. – не слишком значительная сумма: она только в 4,7 раза превышала заработок российского фабрично-заводского рабочего в 1904 г. На рубеже XIX–XX в. более 1000 руб. зарабатывали адвокаты, профессора, успешные журналисты, известные артисты, врачи (например, средний оклад жалованья земских врачей составлял 1200–1500 руб.) (Рубакин 1912: 90). Годовое жалованье младшего офицера в 1901–1904 гг. с учетом столовых и квартирных денег превышало 1000 руб. в год (Защук 1913).

В целом по империи (без Финляндии) в 1901–1904 гг. таких состоятельных людей-налогоплательщиков насчитывалось лишь 404,7 тыс., что составляло 0,52% от общего числа самодеятельного населения России в 1897 г.[6] Их годовой доход составлял 4814,7 тыс. руб. У

[6] Число лиц, обладавших весьма незначительным полным имущественным цензом для участия в выборах в Государственную Думу, земства и городские думы, в 1907 г. также было невелико – лишь 276 тыс. (МВД 1911: 266; Корелин 1995: 266).

следующих по доходу 9,42% состоятельных граждан (10,00–0,52) максимальный средний доход не мог быть более 1000 руб. в год, а минимальный – менее 300 руб., так как нижняя граница 0,52% богатейших семей равнялась 1000 руб., а верхняя граница дохода беднейших 10% семей – 214 руб. У этого второго зажиточного слоя средний доход в год составлял около 650 руб., а у всех 10% состоятельных семей – 934 руб. (см. Табл. 14):

Табл. 14. Расчет среднего дохода 10% богатейшего населения России в 1901–1904 гг.

Категория населения	Средний доход, руб.	Численность		Суммарный доход, тыс. руб
		тыс.	%	
Лица с доходом 1000 руб. и выше	6070	404,7	0,52	2 456 529
Лица с доходом менее 1000 руб.	650	7328,5	9,48	4 763 525
	934	7733,2	10,00	7 220 054

Источники указаны в примечании к Табл. 13.

На основании сделанных расчетов можно сделать вывод, что доходы 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения в 1901–1904 гг. различались примерно в 5,8 раза (934:161). Повышение среднего дохода второй по зажиточности группы с 650 руб. до максимально возможных 1000 руб. увеличивало децильный коэффициент с 5,8 до 7,8, а его уменьшение до 300 руб. понижало децильный коэффициент с 5,8 до 3,7. Уменьшение или увеличение среднего дохода низших по доходности групп на 20–30 руб. изменяло децильный коэффициент в сторону повышения или понижения лишь на 0,2. Следовательно, децильный коэффициент в начале XX в. во всех случаях находился в границах 3,7–7,8, и даже максимально возможная его величина не была социально опасной.

Данные о доходах белого духовенства Владимирской губернии в 1863 г. до некоторой степени иллюстрируют уровень неравенства среди всего населения России, так как духовенство было материально дифференцировано меньше, чем городское сословие и дворянство, но больше, чем крестьянство: нормативное различие в доходах между протоиереем, священником, дьяконом и псаломщиком находилось в пропорции 4:3:2:1 (Отчет Синода за 1913: 179). Средний годовой доход 10% самых богатых причтов равнялся 1037 руб., а 10% самых бедных – менее 148 руб., децильный коэффициент – 7 (см. Табл. 15):

Табл. 15. Распределение годовых доходов по причтам Владимирской епархии в 1863 г.

Доходы, руб.	Число причтов	%	Сумма дохода	%
100–	209	16,1	20900	5,7
100–199	305	23,6	45750	12,4
200–299	305	23,6	76250	20,7
300–399	216	16,7	75600	20,5
400–499	121	9,3	54450	14,8
500–599	60	4,6	33000	8,9
600–699	37	2,9	24050	6,5
700–799	19	1,5	14250	3,9
800–899	10	0,8	8500	2,3
900–999	6	0,5	5700	1,5
1000+	7	0,5	10500	2,8
Итого	1295	100	368950	100

Источник: Миронов 2003*б*, 1: 110.

Интересно отметить, что уровень неравенства среди наиболее состоятельной части населения России в начале XX в. не имел тенденцию возрастать. С 1901–1904 по 1909–1910 гг. доля доходов двух низших групп по доходу увеличилась на 7,7%, а доля двух высших групп, наоборот, уменьшилась на 7%; доля двух средних групп почти не изменилась (см. Табл. 16):

Табл. 16. Распределение доходов свыше 1000 руб. в месяц в России в 1901–1905 и 1909–1910 гг.

Группы населения по доходу (руб.)	1901–1904 гг.			1909–1910 гг.		
	Число лиц, тыс.	Сумма доходов		Число лиц, тыс.	Сумма доходов	
		млн руб.	%		млн руб.	%
1001–2000	220,5	317,2	18,4	396,5	553,5	20,9
2001–5000	120,9	343,5	19,9	216,1	662,8	25,1
5001–10000	37,1	229,5	13,3	52,0	357,4	13,5
10001–20000	16,1	193,7	11,2	19,9	273,5	10,3
20001–50000	7,3	189,3	11,0	8,7	259,7	9,8
50000+	2,8	450,5	26,1	3,5	537,8	20,3
Итого	404,7	1723,7	100	696,7	2644,7	100

Подсчитано по: Опыт исчисления народного дохода 1906: XXXV; Подоходный налог 1910: 82–84.

Децильный коэффициент дифференциации, равный 6–7, следует признать *невысоким и социально безопасным*. В начале XX в. в большинстве западноевропейских стран уровень имущественного неравенства был выше, чем в России. Например, В США децильный коэффициент дифференциации[7] в 1913 –1917 гг. находился в интервале 16–18[8], в 1929 г. равнялся 18,2, в 1950 г. – 16,0, в 1970 г. – 18 (подсчитано мною по данным из: Historical Statistics 1975: 290, 300). В 1913 г. 1% самых богатых людей получал 14,4% всех доходов, а 5% самых богатых – около 25% (Historical Statistics 1975: 302).

Колоссальное имущественное неравенство существовало в Великобритании в конце XIX в. (см. Табл. 17):

Табл. 17. Дифференциация семей по доходам в Великобритании в 1885–1889 гг.

Социальная группа	*Число семей*		*Средний доход в год*		*Доход группы*	
	абс.	%	фунтов	руб.*	тыс. фунтов	%
Миллионеры	700	0,01	855000	8550000	598500	6,3
Очень богатые	9650	0,14	190000	1900000	1833500	19,2
Богатые	148250	2,18	26500	265000	3928625	41,2
Средние	730500	10,72	3200	32000	2337600	24,5
На грани бедности	2008000	29,47	340	3400	682720	7,2
Бедные	3916900	57,48	38**	380	148842	1,6
Итого	6814000	100			9529787	100

* По курсу на Лондонской бирже, без учета покупательной способности валют.
** По зарплате английского сельскохозяйственного рабочего.
Подсчитано по: Mulhall 1892: 77, 579, 591; Lejeune 1894: 235.

В 1880-е гг. 3,9 млн семей относились к бедным и жили на низкую зарплату или мизерное пособие по бедности. Средний доход этой группы можно оценить по средней годовой зарплате сельскохозяйственного рабочего в 1885 г., которая равнялась 14 шиллингов и 6 пенсов в неделю или 37,7 фунта стерлингов в год (Mulhall 1892: 579). Средний доход высших 10% составлял 11746,4 фунта в год, низших 10% – 38 фунтов[9],

[7] Подсчитано мною по той же методике, которая использовалась при оценке децильного коэффициента для России.

[8] Неравенство в 1913–1917 гг. было меньше, чем в 1929 г., но больше, чем в 1950 г. (подсчитано по: Historical Statistics 1975: 302).

[9] Средняя поденная зарплата российских сельскохозяйственных рабочих на своем содержании в 1881–1890 гг. составляла 42 коп., в год – около 153 руб. (0,42 × 365) (Материалы Комиссии 1903: 236).

децильный коэффициент оказался феноменально высоким – 309 (*sic*!). Несомненно, в других европейских странах уровень неравенства был ниже, чем в США и особенно в Великобритании, но вряд ли ниже, чем в России. Например, в Пруссии, он был несколько выше (Опыт исчисления народного дохода 1906: XXXIX).

В Советском Союзе равенства было больше. Например, по данным о *душевых* доходах в СССР в 1990 г. децильный коэффициент дифференциации составлял 4. Но в постсоветской России он сразу существенно поднялся: в 1995 г. до 14,5 (Росс. ежегод. 1997: 142), к середине 2007 г. – до 16,8[10]. В конце XX в. в западных странах уровень неравенства был выше, чем в дореволюционной России. Например, в Германии в 1988 г. децильный коэффициент по семейным доходам составил 8,2 (подсчитано мною по данным из: Базелер и др. 2000: 676), в США в 2000 г. – от 28 до 49[11](подсчитано мною по данным из: Масионис 2004: 368).

Таким образом, имущественное неравенство в начале XX в. в России было ниже, чем в западных странах. Поэтому предположение об огромном неравенстве доходов в позднеимперской России как главном факторе русской революции не подтверждается эмпирически. Если сравнивать бедного крестьянина с Романовыми, Шереметьевыми, Юсуповыми и им подобными русскими аристократами, то неравенство, конечно, было громадным, хотя и намного меньшим, чем в современной России между олигархами и остальным населением. Например, в 1998 г., по сведениям американского журнала *Форбс*, пятеро самых богатых людей России (В. Потанин, Р. Вяхирев, М. Ходорковский, В. Алекперов и Б. Березовский) располагали годовым доходом большим, чем все 38,8 млн пенсионеров, и больше, чем 19,4 млн рабочих и служащих со средним заработком в 600 руб. в месяц (Ефимова, Бычкова 2004: 237). Но если сравнивать целые страты богатых и бедных, то различия в начале XX в., как показано выше, были умеренными.

Сделанный вывод подтверждают результаты произведенной в 1917–1918 гг. конфискации имущества состоятельных людей, которая не

---

[10] Режим доступа: http://newtimes.ru/magazine/2008/issue060/art_0012.xml. Величина децильного коэффициента существенно зависит от того, как оцениваются доходы самых бедных и самых богатых (в частности, учитываются ли их теневые доходы), какие принимаются границы интервалов по доходам. Поэтому расчеты коэффициента, выполненные разными авторами по различным источникам, сильно различаются и находятся в интервале от 15 до 55. Распределение населения по доходам в «Российских статистических ежегодниках», издаваемых Росстатом, не позволяет правильно подсчитать децильный коэффициент – последний получается заниженным, так как верхняя граница доходов очень низкая. Например, в Ежегоднике за 2007 г. она составляет лишь 12 тыс. руб., к группе лиц с такими доходами относятся 26,5% россиян (Рос. ежегод. 2007: 196).

[11] 28, если за средний семейный доход самых бедных 10% семей принять 10 тыс. в год, и 49, если за таковой взять 6 тыс. дол. (в источнике указан открытый интервал – менее 1 тыс. дол.).

увеличила сколько-нибудь существенно богатство российских трудящихся. Экспроприация частных имений на 63,2% завершилась в ноябре 1917 г. – январе 1918 г. и на 100% к лету 1918 г. (История советского крестьянства 1986: 51). Благодаря ей фонд крестьянских земли в 36 губерниях Европейский России, где имелось значительное частное землевладение, увеличился лишь на 23% (О земле 1921: 8–9). Конфискованная земля была разверстана уравнительно, поступив в распоряжение не только тех, кто занимался земледелием осенью 1917 г., а всех наличных крестьян, которых, ввиду их массового исхода из городов после революции и демобилизации, оказалось на 8 млн больше. В переводе на душу прирезка земли оказалась намного меньше, чем ожидалось, – в среднем около 0,5 десятины (0,6 га) (Книпович 1920: 9). Крестьяне захватили также инвентарь (на 300–350 млн царских зол. руб.), скот и другое имущество привилегированных частных владельцев. В 1917 г. по 47 губерниям последним принадлежало 4 млн из 154,6 млн голов скота. Его конфискация могла увеличить поголовье крестьянского скота весьма незначительно: крупного рогатого – на 2,8%, мелкого – на 2,2% (Стат. сб. 1921: 185, 193, 210, 215). Сельскохозяйственные переписи 1917 и 1919 гг. этот расчет подтверждают: численность скота на душу населения в 1919 г., после конфискаций, практически не изменилось (Эк. расслоение 1922: 11). В целом имущество и доходы крестьян (благодаря национализации земли, конфискации всего имущества привилегированных слоев, списанию долгов и освобождению от всех поземельных долгов, арендной платы и поземельного налога) могли возрасти на 20% (Гладков 1979: 80–84). Такое увеличение доходов проблемы бедности решить не могло не только в долгосрочной, но даже в среднесрочной и краткосрочной перспективе.

Итак, проблема перепроизводства российской элиты и степени удовлетворения ее материальных и духовных потребностей важна как для понимания исторического процесса в России, так и для анализа происхождения русской революции начала XX в. Ее постановка является заслугой сторонников структурно-демографической теории. Однако проверка гипотезы о «гигантском» перепроизводстве российской элиты и недостатке ресурсной базы для ее воспроизводства *в мальтузианском смысле* не подтверждается эмпирически. Если же смотреть на человеческие потребности широко и учитывать духовные потребности, в частности политические амбиции российской элиты, то они не были удовлетворены, что несомненно послужило важнейшим фактором русских революций начала XX в. Материальное неравенство в обществе начала XX в. было умеренным, и потому также не могло быть главным фактором революции. Его степень намеренно преувеличивалась либеральной, а в советской время марксистской историографией для доказательства тезиса о необходимости и неизбежности революции.

Какая теория нам нужна

Хорошо известно, что нет ничего практичнее, чем *хорошая* теория. Для объяснения причин революций в настоящее время используются марксистская, структурно-демографическая и модернистская теории. Как справедливо заметил Н. С. Розов: «Никакие теоретические доводы не могут перевесить фактологические суждения, корректно полученные на основе анализа данных. Скорее, теоретические положения бывают опровергнуты эмпирическими фактами, особенно если они надежно воспроизводятся на обширном материале и разными учеными или исследовательскими группами». Несостоятельность марксистской интерпретации русских революций можно считать доказанной, поскольку она *в целом* не выдержала эмпирической проверки, хотя частные ее аспекты заслуживают внимания. Насколько применимы две другие теории к российским реалиям?

Структурно-демографическая концепция и российская реальность

В классическом мальтузианстве социально-экономический кризис – это прежде всего *демографический* кризис, вызванный *опережающим темпом роста населения* сравнительно с ресурсами. Другими словами, это *ресурсный* кризис, вызванный стихийным, т.е. не контролируемым обществом и индивидом, естественным приростом населения. С точки зрения мальтузианства, главные причины периодического обострения нужды и бедности две: высокая рождаемость (по причине стихийности, или нерегулируемости) и закон падающей производительности земли (в современной трактовке закон о падающей производительности труда, примененного к участку земли с фиксированной площадью, или, более широко, закон убывающей производительности любого переменного ресурса при прочих фиксированных).

Классическая теория, рассматривающая рост населения как *непосредственную* причину социально-экономического кризиса, не нашла эмпирического подтверждения. Поэтому ей на смену пришла структурно-демографическая теория, которая утверждает, что рост населения, превышающий увеличение производительности сельскохозяйственных угодий, вызывает кризис государства не прямо, а *косвенно*, посредством воздействия на экономические, политические и социальные институты (Турчин 2007: 173). Новизна такого подхода состоит в том, что, во-первых, постулируется *существование лага* между кризисом внизу, в потреблении народных масс, и кризисом наверху – в элите и государстве, во-вторых, конструируется механизм воздействия экзистенциального кризиса на социальные институты через дефицит государственных финансов, перепроизводство элиты и внутриэлитную конкуренцию, пауперизацию и недо-

вольство крестьянства, увеличение в населении доли молодежи, идеологические конфликты и т.п. *Суть же концепция осталась прежней, мальтузианской – увеличение населения обгоняет рост ресурсов.* Поэтому структурно-демографическая теория, на мой взгляд, также не может дать адекватного объяснения *российской* истории ни в доиндустриальную, ни в переходную к индустриальной эпоху по той же причине, как и в случае с классическим мальтузианством: Россия никогда не испытывала дефицита земли и перенаселения в масштабе всей страны, следовательно, не могла попасть в мальтузианскую ловушку. Ее границы были открыты на Юге, Востоке; огромные пространства и постоянная колонизация обеспечивали потребности населения в сельскохозяйственных угодьях (см. Табл. 18):

Табл. 18. Рост населения Российской империи в XVII – начале XX в.

Год	*Все население, млн*	*Население в границах России 1646 г.*		*Население на присоединенной территории*		*Плотность населения в России, человек на 1 кв. км*		
		млн	%	млн	%	в текущих границах	Европейская Россия*	Сибирь
1646	7,0	7,0	100	-	-	0,5	1,6	0,0
1678	11,2	9,6	85,7	1,6	14,3	0,8	1,7	0,0
1719	15,6	13,6	87,2	2,0	12,8	1,1	3,5	0,0
1762	23,2	18,1	78,0	5,1	22,0	1,6	5,2	0,1
1782	28,4	22,1	77,8	6,3	22,2	2,0	6,2	0,1
1796	37,4	23,8	63,6	13,6	36,4	2,3	7,5	0,1
1815	46,3	28,6	61,8	17,7	38,2	2,7	8,8	0,1
1858	74,5	40,8	54,8	33,7	45,2	4,1	12,4	0,2
1897	128,9	52,0	40,3	76,9	59,7	5,9	19,5	0,5
1914	178,4	73,0	40,9	105,4	59,1	8,2	26,6	0,8

* Без Польши, Финляндии и Северного Кавказа.
Источник: Миронов 2003*б*, 1: 20.

С 1646 г., когда появляются более или менее надежные данные о числе жителей России, и до 1914 г. плотность населения даже в европейской части страны не поднималась выше того предела – 25–35 человек на кв. км., который угрожал аграрным перенаселением при использовании трехпольной системы земледелия, особенно в сочетании последней с умеренным городским и промышленным развитием, характерным для Европы в 1600–1850 гг. (Урланис 1941: 377; Булгаков 2000: 499–500). К моменту отмены крепостного права в 1861 г. плотность населения составля-

ла в Европейской России 12,4, в целом по стране – 4,1 чел. на кв. км, при которой даже двухполье могло обеспечить потребности страны в продовольствии. До середины XIX в. плотность населения была еще ниже, следовательно, и вероятность перенаселения была еще меньше. Если из расчета исключить территории, не пригодные или малопригодные для сельского хозяйства, занятые тундрой, тайгой, пустынями и полупустынями (Добровольский 1968: 199), то плотность населения в Европейской России составляла в 1678 г. – 4,6; в 1719 г. – 5,3; в 1856 г. – 17,1 и в 1914 г. – 38,7 чел. (Миронов 2003*б*, т. 1: 45), а на территории Российской империи даже в 1913 г. – менее 16 человек на 1 кв. км. (подсчитано по: Баранский 1931: 34–39; Стат. ежегод. 1915, I: 33–59).Таким образом, емкость экологической ниши, равная тому количеству населения, которое может проживать на данной территории при распашке всех пригодных для обработки земель, при средней для данного периода урожайности и потреблении по минимальной возможной норме (Нефедов 2005: 14) не была достигнута.

Весьма существенно, что с середины XVI в. колонизация происходила с Севера в южном и восточном направлениях, вследствие чего центр населенности смещался на юго-восток, в те регионы, где плодородие почвы было выше и условия для сельскохозяйственного производства – лучше (см. Табл. 19):

Табл. 19. Площадь природных зон Европейской России и распределение населения между ними в 1678, 1719, 1795, 1856 и 1914 гг.

Зона	*Площадь, в %*					*Население, в %*				
	1678 г.	1719 г.	1795 г.	1856 г.	1914 г.	1678 г.	1719 г.	1795 г.	1856 г.	1914 г.
Северная	46,4	43,9	41,8	39,8	38,5	12,8	13,0	10,3	11,3	9,4
Лесная	12,1	14,7	19,8	18,9	18,3	57,0	40,1	37,4	31,0	28,3
Лесостепная	20,9	19,8	21,6	20,7	20,0	27,9	44,3	45,6	44,7	41,2
Южная степная	20,6	21,6	16,8	20,6	23,3	2,3	2,6	6,7	13,0	21,1
Россия	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Миронов 2003*б*, 1: 45.

Колонизация в южном направлении увеличивала не только общий земельный фонд, но и степень его использования, так как по мере перемещения границы на юг доля земли, пригодной для земледелия и скотоводства, возрастала. Но самое существенное состояло в том, что продвижение на Юг уменьшало издержки производства и повышало производительность труда, которая в районах земледельческой колонизации была благодаря более высокому естественному плодородию почвы в 2–3,8 раза выше, чем в районах старого заселения (Миронов 2003*б*, 1: 49–50).

По мнению самих последователей неомальтузианской концепции, сфера ее приложения должна быть ограничена традиционным доиндустриальным обществом, поэтому она и использовалась западными исследователями для объяснения исторического развития Европы только в эпоху средних веков и начала Нового времени, т.е. до начала и максимум до середины XVIII в. (Нефедов 2005: 17). Нет оснований игнорировать этот вывод и относительно других стран. Коррекцию целесообразно внести только в верхнюю хронологическую границу: для России ее можно поднять до середины XIX в., поскольку индустриальная революция началась в ней на столетие позже, чем в Англии. Приложение структурно-демографической теории к пореформенной России несостоятельно в той же мере, как и к западноевропейским странам в 1751–1850 гг., потому что изменения в российской экономике в 1861–1913 гг. не уступали тем, которые наблюдались в западноевропейских странах (не из числа самых передовых, по крайней мере) в 1751–1850 гг. О масштабах перемен в пореформенной России дает представление динамика индекса человеческого развития (см. Табл. 20):

Табл. 20. Население, рост мужчин в годы рождения и индекс человеческого развития в России в 1851–1914 гг.

Годы	*Население, млн*	*Валовой внутренний продукт на д.н.**		*Грамотность обоего пола*		*Средняя продолжительность жизни*		*Индекс человеческого развития*	*Рост мужчин, см*
		Дол.	*Индекс*	*%*	*Индекс*	*Лет*	*Индекс*		
1851–1860	73,5	701,0	0,381	14,8	0,148	27,1	0,035	0,188	164,5
1861–1870	78,4	675,9	0,374	17,2	0,172	27,9	0,048	0,198	164,1
1871–1880	91,7	666,4	0,372	20,1	0,201	28,8	0,063	0,212	166,5
1881–1890	110,6	679,9	0,375	23,4	0,234	29,7	0,078	0,229	167,3
1891–1900	125,8	790,7	0,402	28,9	0,289	31,2	0,103	0,265	166,7
1901–1910	147,6	928,1	0,430	34,7	0,347	32,9	0,132	0,303	167,4
1911–1914	171,3	981,6	0,440	39,6	0,396	33,5**	0,141	0,326	168,9

* В долларах США 1989 г. ** 1904–1913 гг.

Подсчитано по: Вишневский, Волков 1983: 61; Миронов 1991: 82, 146; Миронов 1994: 111–125; Грегори 2003: 22, 232–237.

Индекс человеческого развития после Великих реформ увеличился с 0,188 до 0,325. Пореформенная Россия испытывала интенсивный экономический рост. Темпы развития в 1861–1913 гг. были сопоставимы с европейскими, хотя отставали от американских. Национальный доход за 52 года увеличился в 3,84 раза, а на душу населения – в 1,63 раза. Душевой прирост объема производства составлял 85% от среднеевропейского. С 1880-х гг. темпы экономического роста стали выше не только среднеевропейских, но и «среднезападных» – валовой национальный продукт увеличивался на 3,3% ежегодно. Из великих держав только в США они были выше – 3,5% (Грегори 2003: 61–62). Стоимость производства промышленных потребительских товаров на душу населения в ценах 1913 г. увеличилась только за 1887–1904 гг. в 1,25 раза (Грегори 2003: 67). Доля промышленности и сферы услуг в 1909–1913 гг. в чистом национальном продукте составляла 49% (Грегори 2003: 79) и через несколько лет мирной жизни она превысила бы 50% (см. Табл. 21):

Табл. 21. Динамика российского национального дохода по секторам экономики (среднегодовой темп роста в %)

Сектор	*С 1883–1887 по 1897–1901 гг.*	*С 1897–1901 по 1909–1913 гг.*
Сельское хозяйство	2,25	3,0
Промышленность	5,45	3,6
Торговля и услуги	2,50	2,8
Весь национальный доход	3,40	3,1

Источник: Грегори 2003: 67.

Динамично развивалась не только промышленность и сфера услуг, но и сельское хозяйство, которое, несмотря на институциональные трудности, прогрессировало так же быстро, как в целом в Европе. Как в помещичьих, так и в крестьянских хозяйствах быстро расширялось использование сельскохозяйственных машин и удобрений, совершенствовалась агротехника, в посевах увеличивалась доля культур, востребованных рынком и требующих больших знаний и качественного труда, неуклонно повышалась урожайность, росли инвестиции. С конца XIX в. страна переживала буквально бум кредитной кооперации; ссудный капитал играл в развитии аграрного сектора все более заметную роль; расширялась сеть сельскохозяйственных учебных заведений (Безгин 2004: 43–49). Об успешности развития сельского хозяйства говорят среднегодовые темпы роста сельскохозяйственного производства (1,3% в 1883–1913 гг.) и оборудования, построек и скота (2% в 1890–1904 гг.) (Грегори 2003: 34, 67). Производст-

во продовольствия на душу населения за 1881–1913 гг. увеличилось в 1,5 раза (с 13,6 до 20,7 пуда) (Грегори 2003: 136). Производительность труда в сельском хозяйстве России была выше, чем в Италии, Испании и Японии, а темпы ее повышения – больше, кроме перечисленных стран, также чем во Франции и Великобритании (Nove 1991: 14–15).

В пореформенное время Россия стала страной с рыночной экономикой: хозяйственные решения принимались индивидуально (бизнесменами, торговцами, сельскохозяйственными производителями), цены устанавливались в результате стандартных рыночных механизмов, вследствие чего приложение к пореформенной России норм традиционной аграрной экономики стало некорректным.

Напомним, что в пореформенное время в России начался демографический переход, который сопровождался установлением сознательного индивидуального контроля за рождаемостью и естественным приростом населения, что в недалеком будущем принципиально исключало возможность перенаселения.

В силу вышеизложенного, попытка применения структурно-демографической теории для объяснения российской истории 1861–1913 гг. не может быть удачной. Однако, как показывает книга С. А. Нефедова, теория мало что объясняет и в истории России более раннего времени (Нефедов 2005). Трудности, с которыми столкнулся автор, усугублялись отсутствием надежной эмпирической базы для периода до середины XIX в. Напомню, что сколько-нибудь правдоподобные данные о численности населения России имеются только с 1646 г., а за предшествующий период мы располагаем весьма ориентировочными оценками, основанными на фрагментарных сведениях и сравнительно-исторических аналогиях. Оценки расходятся чрезвычайно сильно: Б. Ц. Урланис определяет численность населения на 1550 г. в 8,8 млн, на 1600 г. – 11,3 млн (Урланис 1941: 190–191), А. И. Копанев – соответственно 9–10 млн и 11–12 млн (Копанев 1959: 232–254), Я. Е. Водарский – соответственно 6,5 и 7 млн (Водарский1973: 27).

Сведения о других показателях, стандартно используемых в структурно-демографическом анализе – о ценах большого набора товаров и зарплате *в форме динамических рядов*, отсутствуют для XV–XVII вв.; для XVIII – первой половине XIX в. имеются только по одному городу – Петербургу. Сведения о ренте и ценах на землю за XV–XVII вв. фрагментарны; они далеки от полноты и для XVIII – первой половины XIX в. С. А. Нефедов пытается справиться с источниковедческими трудностями весьма своеобразно – *он конструирует историческую реальность* в соответствии с постулатами структурно-демографической теории, полагая, что она объективно отражает действительность. Автор устанавливает следующую периодизацию:

- 1450–1500 гг. – период восстановления и роста.
- 1501–1550 гг. – период сжатия.
- 1560 – начало 1570-х гг. – 1-й экосоциальный кризис.
- 1568–1571 гг. – демографическая катастрофа.
- 1601–1603 гг. – 2-й экосоциальный кризис (Нефедов 2005: 94–98).
- XVII–XVIII вв. – период восстановления и колонизации (Нефедов 2005: 191–197).
- XIX в. – период сжатия, первые признаки с 1730-х гг.
- Начало XX в. – тотальный кризис (Нефедов 2005: 421–425).

Для второй половины XV в., по утверждению С. А. Нефедова, характерны малая плотность населения, изобилие свободных земель, высокая реальная заработная плата, низкая рента (Нефедов 2005: 45). В доказательство приводятся следующие лапидарные сведения, которые привожу буквально:

> «Приезжавшие в Россию иностранцы писали о больших лесах и изобилии хлеба. "Вокруг города (Москвы. – *С. Н.*) большие леса, их ведь вообще много в этой стране, – отмечал Амброджо Контарини. – Край чрезвычайно богат всякими хлебными злаками". "Значительную часть Московии занимает Герцинский лес, – записал Паоло Джовио со слов русских послов, – но он там и сям заселен, и повсюду в нем расположены строения. Вообще от продолжительной работы людей он стал уже гораздо реже". Московский посол, повидавший многое грек Георгий Перкамото, рассказывал в 1486 г. в Милане, что "в этой стране есть громадное количество крупного и мелкого скота,... что у них есть громадное количество зерна, так что в ряде мест из-за излишнего количества его собраны удивительные и поражающие запасы... особенно в тех местах, которые удалены от моря, так как там нет никого, кто мог бы взять его и отправить в другое место"» (Нефедов 2005: 45–46).

Мифологические, легендарные сведения принимаются за надежные.

С. А. Нефедов критиковал мои расчеты среднего дохода крестьян на 1877–1901 гг., полученного по результатам бюджетных обследований 1717 хозяйств с 13,8 тыс. населения в 13 губерниях, на том основании, что 1717 бюджетов *недостаточно* для надежного вывода. «Для репрезентативности бюджетных обследований в 1920-е годы, – указывал он, – считалось необходимым проведение порядка 16 тысяч описаний каждый год, причем распределение описываемых хозяйств соответствовало территориальному распределению населения». Однако число наблюдений во всех его расчетах для XV–XVIII вв. не только не достигало 16 тыс., но было много меньше, чем 1717, и нередко ограничивалось единицами. Например, в доказательство высокой зарплаты говорится: «В 1520-х годах неквалифицированный поденщик в Москве получал 1,5 деньги в день, в пе-

реводе на рожь это составляет 9,6 кг зерна – это примерно соответствует уровню оплаты работников в Германии в 1490–1510-х годах, т.е. высокому уровню зарплаты» (Нефедов 2005: 46). Приведенных сведений не только мало – одно неопределенное упоминание о зарплате, но и интерпретируются они некорректно. Зарплата в Москве приведена по сведениям иностранца С. Герберштейна в 1526 г., а перевод на зерно сделан по ценам в Новгороде в 1524 г. Между тем в Русском государстве в XVI в. не было единого рынка, движение цен в разных местностях было асинхронным, они различались по уровню в 4–5 раз и быстро и резко изменялись по годам: цены в московских деньгах за четверть (6 пуд.) в Новгороде в 1524 г. – 15, 1535 г. – 12 денег, в 1544 г. – 60, в 1551 г. – 32, в 1560 г. – 36 денег, 1564–1565 гг. – 25, 1571 г. – 63, 1586 – 130 (за 1525–1534, 1536–1543, 1545–1550, 1552–1559, 1572–1585 гг. сведений нет) (Шапиро 1974: 21).

При расчете производства и потребления хлеба в XVI в. С. А. Нефедов берет весьма неопределенные данные о ренте и крестьянской пашне по *центральным* областям за 1490–1565 гг., об урожае – за вторую половину XVII в. в *Центральной России*, о составе семьи по *северо-западным* областям – на рубеже XV–XVI вв. Причем, чтобы это установить мне потребовалось самому обратиться к соответствующей литературе, потому что автор не дает характеристики используемых данных. Да, и ссылки его не всегда точны. В Торопецкой переписной книге 1540 г. «оброки были расписаны до мельчайших деталей», – пишет он и ссылается на с. 49 книги Е. Н. Колычевой, где этих данных нет. Со ссылкой на «Аграрную историю» автор сообщает, что «государственные налоги составляли лишь 2,5% дохода крестьянина» (Нефедов 2005: 46), но и там этих сведений нет. Со ссылкой на Колычеву (Колычева 1987: 182) автор говорит о нашествии татар в 1571 г. (Нефедов: 2005: 69–70), там этих сведений нет. «К XVI веку датские крестьяне были обращены в рабов», – пишет автор (Нефедов 2005: 78), но источник, на который он ссылается, говорит только о развитии крепостного права. Неверные ссылки, неточная информация, встречающиеся по всей книге, чрезвычайно затрудняет понимание текста.

В тех случаях, когда выводы историков не соответствуют представлениям С. А. Нефедова, он их игнорирует, а приводимые ими сведения прямо искажает. Согласно выводам исследовательской группы А. Л. Шапиро для Северо-Запада и Е. И. Колычевой для центральных районов, первая половина XVI в. была благоприятным периодом в истории крестьянства. Первые негативные явления замечены только в 1550-е гг. (Шапиро 1974: 290–299; Колычева 1987: 172–200). С. А. Нефедов же относит первую половину XVI в. *к фазе сжатия*, которая характеризуется прекращением или замедлением роста продовольственного предложения при продолжающемся росте населения, что в конечном итоге приводит к продовольственному кризису.

С. А. Нефедов утверждает, что «в соответствии с положениями неомальтузианский теории уровень податей и повинностей в период после Смуты был очень низким, в несколько раз более низким, чем в другие эпохи» (Нефедов 2005: 111). Почти все расчеты для доказательства этого тезиса делаются по данным Ю. А. Тихонова, который, однако, делает совсем другой вывод: «Возрастание средних размеров барщинных и оброчных повинностей, приходящихся на крестьянский двор, говорит о прогрессирующей тяжести владельческого тягла на протяжении XVII – первой четверти XVIII в. <...> Укрупнение крестьянского двора в помещичьих имениях не имело массового характера, так что увеличение дворовых норм тягла отражало реальные сдвиги в объеме феодальной эксплуатации» (Тихонов 1974: 309).

С. А. Нефедов пишет: «Теория демографических циклов утверждает, что период восстановления должен характеризоваться не только низким уровнем ренты, но и сравнительно высоким уровнем жизни населения» (Нефедов 2005: 111). Правильность позитивного прогноза для России XVII в. доказывает двумя расчетами. Первый он заимствует у Р. Хелли. По собранным последним сведениям (за более чем столетний период всего 940 записей о ценах на рожь и 88 записей – о зарплате), *в среднем по России за 120 лет* (1601–1720 гг.) (*sic*!), цена четверти ржи равна 60 коп., а средняя поденная плата работника за 90 лет, 1635–1725 гг., – 5 коп. (Hellie 1999: 13, 451). На основе этого делается вывод, что на заработок можно было купить *в течение столетия* от 8,2 кг (если четверть весила 6 пуд.) до 10,9 кг хлеба (если четверть весила 8 пуд) – Р. Хелли не оговаривает вес четверти. Подобный расчет, во-первых, статистически ненадежен и некорректен: он основан на небольшом числе данных о зарплате, учитывая длительность периода, неравномерность распределения данных в отдельные десятилетия и большую территорию; нельзя объединять в одну группу данные о таких изменчивых показателях, как цены и зарплата, относящиеся к разным местностям за 90–120 лет, поскольку показатели резко колебались по местностям и по годам – в 3–5 раз (см. Табл. 22):

Табл. 22. Динамика розничных хлебных цен в России в 1601–1700 гг. (1701–1710 гг.=100)

Годы	*1601–10*	*1611–20*	*1621–30*	*1631–40*	*1641–50*	*1651–57*	*1658–63*	*1664–70*	*1671–80*	*1681–90*	*1691–1700*
Индекс номинальных цен	134	191	165	147	119	106	178	245	244	77	107
Индекс цен в серебре**	366	390	321	209	209	287	313	431	253	136	155

Источник: Миронов 1985: 112.

Вычисление среднего уровня цен в такой ситуации равносильно определению средней температуры больных в большом госпитале. К тому же данные по годам и территории распределялись неравномерно. Например, по зарплате 63% сведений относились к олонецкому региону в 1669–1773 гг. (Hellie 1999: 419, 451). Во-вторых, расчет ничего не говорит о *динамике*, поэтому Р. Хелли воздерживается от каких-либо выводов об изменении зарплаты и цен. Но недостатки расчета С. А. Нефедова не останавливают.

Второй расчет делает сам С. А. Нефедов, основываясь лишь на 10 записях (*sic*!) о ценах ржи-овса и зарплате разного рода поденщиков в 1640-е – 1650-е гг. и на 6 записях (*sic*!) за 1690-е гг., преимущественно в Москве и Подмосковье (Нефедов 2005: 115). По этим данным получается, что номинальная зарплата с середины по конец XVII в. понизилась на 10%, цены – на 33%, следовательно, реальная зарплата якобы выросла на 21%. Однако очевидно, что 10 наблюдений для 20 лет (1640-е – 1650-е гг.) и 6 наблюдений для 10 лет (1690-е гг.) совершенно недостаточно для надежных выводов о динамике зарплаты и цен за целое столетие на огромной территории. Как показывают более представительные данные (около 900 наблюдений) о динамике цен в 15 крупных торговых центрах России, номинальные хлебные цены с 1640-х по 1690-е гг. понизились на 11% (см. Табл. 22). В таком случае реальная зарплата во второй половине века не изменилась. Кроме того, динамика цен и зарплаты в отдельные периоды XVII в. была разнонаправленной: в 1611–1640 гг. хлебные цены понизились в 1,71 раза, в 1641–1670 гг. повысились в 2,1 раза, в 1671–1690 гг. понизились в 3,2 раза, в 1690-е гг. повысились в 1,14 раза. Наконец, в расчете С. А. Нефедова не принято во внимание существенное увеличение тяжести налогового бремени в 1620-е – 1690-е гг. (Нефедов 2005: 111), которое сводило на нет рост зарплаты, если бы он имел место. Итак, у нас нет твердых оснований для заключения о повышении реальной зарплаты как главной тенденции XVII в.

По расчетам группы А. Л. Шапиро, для XVII в. состояние источников не позволяет рассчитать динамику посевов, урожаев, цен, повинностей даже приблизительно и сделать определенный вывод о том, был ли превышен или хотя бы достигнут докризисный уровень жизни. Относительно центральных районов можно лишь сказать, что размеры запашки на душу населения в течение 1630–1680 гг. *не изменились* (Шапиро 1989: 65–66, 179–185). Таким образом, имеющиеся данные не показывают ни устойчивого массового освоения новых (или ранее заброшенных) земель, ни увеличения предложения продовольствия, ни устойчивого понижения цен и повышения реальной заработной платы и благосостояния. Это не помешало С. А. Нефедову период после 1620-х и до начала XVIII в. отнести к фазе роста.

Сам С. А. Нефедов, как правило, не работает непосредственно с источниками, а заимствует данные у других, но часто делает это некорректно. Например, со ссылкой на Е. И. Колычеву сообщается о запустении пашни в центральных областях в 1560-е гг.: «в вотчинах Успенского монастыря заброшена треть деревень, в Кашинском и Старицком уездах – около половины» (Нефедов 2005: 69). Однако у Е. И. Колычевой приводятся данные по 17 другим монастырям и местностям, в которых доля заброшенных земель находится в интервале от 7,5% до 50% (Колычева 1987: 176–178). С. А. Нефедов берет цифры, близкие к максимальным, потому что это соответствует его представлениям о масштабе кризиса. Далее он сообщает: «В 1570 г. вслед за голодом пришла чума. В современной историографии считается, что большие эпидемии не приходят сами по себе, что они являются следствием хронического недоедания и падения сопротивления организма» (Нефедов 2005: 69). Однако чума – острое инфекционное заболевание, для России импортное; заражение происходит через укус блох и контакт с зараженным животным, а также через воздух от больного человека *независимо от сытости заражаемого* (Безденежных 1981: 290–294).

В другом месте С. А. Нефедову нужно доказать, что в конце XVI в. началась фаза восстановления, и он следующим образом доказывает якобы произошедшее снижение бремени повинностей: «В первой половине XVI века норма барщины составляла 1 десятину с выти в одном поле; в подавляющем большинстве случаев эта норма сохранилась вплоть до 90-х годов. Но количество дворов на выть за это время возросло в 2–3 раза – то есть объем барщины в расчете на двор значительно сократился» (Нефедов 2005: 73). На самом деле в книге *История крестьянства СССР* (Горская 1990: 257), на которую ссылается С. А. Нефедов, указывается на «безусловное увеличение норм барщины (1,5–2 дес. с выти) к концу XVI в.», т.е. в 1,5–2 раза. А в монографии, на которую он ссылается, говоря об увеличении числа дворов в выти, на самом деле утверждается, что число дворов осталось примерно тем же – 2–3 двора на выть (Тихонов 1974: 157–159).

Явления экономической, социальной и политической истории С. А. Нефедов искусственно привязывает к искусственно сконструированной периодизации. При этом *не устанавливается наличие причинно-следственных или просто функциональных связей между этими явлениями и демографическими циклами*. По сути демографическая, социальная, экономическая и политическая истории живут своей собственной жизнью, а когда интерпретируются в соответствии со структурно-демографической теорией, то просто искусственно втискиваются в прокрустово ложе концепции. Весьма существенно, что для XV – начала XX в. *демографических циклов в смысле увеличения или уменьшения численности населения в России вообще не существовало*: согласно наиболее правдоподобным из имеющихся сведений за 400 с лишним лет, число жи-

телей постоянно увеличивалось: 1500 г. – 4,3 млн; середина XVI в. – 6,5 млн; конец XVI – 7,0; 1646 г. – 10,5; 1719 г. – 15,5; 1762 г. – 23,2; 1795 г. – 37,2; 1858 г. – 74; 1914 г. – 178 млн (Водарский 1973: 23–28, 151). В некоторые периоды уменьшался или увеличивался только *прирост*, а не сама *численность* населения. В отдельные годы эпидемий и войн, возможно, число жителей уменьшалось, но надежных сведений об этом нет. Например, для северо-западных и центральных областей в последней трети XVI в. зафиксирована убыль населения, однако в то же время зафиксирован наплыв населения в южные, колонизуемые районы (Колычева 1987: 200–201; Дробижев 1973: 111–113).

В аналогичном ключе сделаны разделы книги, посвященные XVIII – XIX вв. Выводы С. А. Нефедова не могут объединить все имеющиеся данные в непротиворечивую систему. Для этих двухсот лет было характерно быстрое увеличение численности населения: среднегодовой темп прироста составил в 1719–1795 гг. – 0,82%, в 1795–1857 гг. – 0,57% (Кабузан 1963: 165), в 1861–1913 гг. – 1,61%, т.е. в 2 раза больше, чем в XVIII в. и в 2,8 раза выше, чем в первой половине XIX в. (Рашин 1956: 46–47) По утверждению С. А. Нефедова, в целом XVIII век – фаза восстановления, колонизации и роста (Нефедов 2005: 197) и, значит, согласно структурно-демографической концепции, период повышения уровня жизни, снижения цен и ренты. В действительности благосостояние крестьянства и мещанства в этом столетии понижалось, цены и рента стремительно росли, реальная зарплата падала (Миронов 2003*а*: 15–19; Миронов 2004: 17–30). А в XIX – начале XX в., во время фазы сжатия и кризиса, вопреки мнению С. А. Нефедова, наоборот, уровень жизни повышался, цены росли сравнительно медленно, реальная зарплата в первой половине и конце XIX – начале XX в. повышалась. Увеличение населения в XVIII в. сопровождалось недопотреблением широких народных масс (о чем говорит уменьшение средней длины тела). Однако ухудшение питания не привело к приостановке прироста населения, как следует из структурно-демографической теории. В первой половине XIX в. увеличение населения продолжилось, во второй половине XIX – начале XX в. почти в 3 раза ускорилось, но на этот раз в течение столетия с лишним сопровождалось повышением благосостояния. Таким образом, положение структурно-демографической концепции, согласно которому население увеличивается, когда реальная зарплата растет, а цены падают, и наоборот, население уменьшается, когда реальная зарплата падает, а цены растут (Нефедов 2005: 14) в России не действовало: в XVI – начале XX в. население систематически росло, а цены и зарплата изменялись разнонаправлено.

С. А. Нефедов не соглашается с моими расчетами, показывающими, что бремя налогов в конце XVIII – первой половине XIX в., снижалось, по двум основаниям: (1) отсутствуют массовые данные об оброках в конце XVIII в., (2) преувеличена доходность крестьянства в конце XVIII в., вви-

ду того что их земледельческий доход получен делением всего урожая в губернии на число крестьянских душ. Что касается первого возражения, то информации для расчета среднего оброка в конце XVIII в., которую я заимствовал у И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова, действительно мало. Но при корректном использовании даже этих сведений их вывод о повышении бремени повинностей к середине XIX в. оказался неверным, что и требовалось доказать.

Второе возражение верно только для *барщинных* крестьян. Но в моих расчетах речь идет об *оброчной* деревне, где помещики, как правило, не имели запашки. Поэтому общий сбор хлеба на душу населения достаточно правильно отражает обеспечение хлебом *оброчных* крестьян. Допустим далее, что расчет для 1780-х гг. преувеличивает доходы оброчных крестьян. Значит, их действительный доход на начальную дату в 1780-е гг. был меньше расчетного. Но если и при этих завышенных доходах в 1780-е гг. доходы крестьян к 1850-м гг. все равно увеличились, то тогда их положение тем более улучшилось в течение первой половины XIX в. Между прочим, П. Г. Рындзюнский и без всяких поправок не согласился с выводом И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова об обнищании крестьянства в дореформенное время. В пользу моего расчета о повышении благосостояния крестьян говорит и тот факт, что биостатус населения в первой половине XIX в. повышался, как следует из данных о длине тела: с 1791–1795 по 1851–1855 гг. мужчины стали выше на 4,5 см (161,3 см против 165,8 см).

С. А. Нефедов не соглашается и с оценкой средних доходов на 1877–1901 гг. по результатам бюджетных обследований в 13 губерниях, которые охватили 1717 хозяйств с 13,8 тыс. населения, на том основании, что крестьянских бюджетов недостаточно. Я рассчитывал средний доход не по отдельным губерниям, а по 13 губерниям в целом, то есть у меня была одна выборка, включающая 1717 хозяйств с 13,8 тыс. населения. Это *большая* выборка, которая дает достаточно надежный результат, что подтверждается бюджетными данными за 1901 г. по 50 губерниям Европейской России, когда средний доход от сельского хозяйства равнялся 30,30 руб. на душу населения (Анфимов 1964: 489 – 505; Анфимов 1984: 110 – 111), а по 13 губерниям – 31,3 руб., от промыслов по 50 губерниям – 12 руб. (Материалы Комиссии 1903: 219), а по 13 губерниям – 11 руб. Кроме того, при расчете бюджетов за 1877–1901 гг. *выкупные платежи за землю включались в повинности*, что неправильно, так как *ипотечные платежи нельзя считать налогом или повинностью*. Если из повинностей исключить выкупные платежи, то налоговое бремя будет еще ниже. Дефицит крестьянского хозяйства был явлением временным, после полного выкупа земли в положении крестьян должно было наступить значительное облегчение, что в действительности и произошло после досрочного прекращения уплаты выкупных платежей – к 1913 г. бремя налогов и платежей понизилось на 6%.

Можно легко увеличить число случаев вольного обращения С. А. Нефедова с данными, неточных ссылок, подгонки данных под схему структурно-демографической концепции и несоблюдения принципов статистического анализа. Но думаю, что и приведенных примеров достаточно для того, чтобы полностью согласиться с критикой его выводов, высказанной Л. Е. Грининым, М. А. Давыдовым и С. В. Цирелем.

Итак, приведенные данные и проведенный анализ, на мой взгляд, доказывают, что ни классическая мальтузианская теория, ни ее новая версия в форме структурно-демографической концепции не применима к российским реалиям, потому что последние не отвечают принципиальным исходным условиям, которые постулируются теорией для ее приложения: *емкость экологической ниши в России не оставалась постоянной на протяжении XV–XX вв., а, напротив, благодаря колонизации более плодородных земель постоянно увеличивалась, обгоняя рост населения.*

Номинальным сторонником структурно-демографической теории в своей книге *Историческая динамика* выступил П. В. Турчин. На *шести* страницах монографии (Турчин 2007: 254–259) он проверял применимость теории к истории России за тысячу лет, с начала первого тысячелетия и до 1917 г., и, подобно С. А. Нефедову, пришел к выводу, что теория нашла подтверждение (Турчин 2007: 262). Мне трудно с этим согласиться. По-настоящему верифицировать теорию, при отсутствии количественных данных или основываясь на сомнительных сведениях, полученных путем разного рода экстраполяций, догадок и моделей, вряд ли возможно. Поэтому все замечания, сделанные по книге С. А. Нефедова, по большей части относятся и к страницам монографии П. В. Турчина, посвященных России. Но в комментарии к моей дискуссии с С. А. Нефедовым П. В. Турчин делает упор все-таки на перепроизводстве элиты, неоднократно отмечая, что «маловероятно, что отношение крестьянин/земля приближалось к мальтузианскому пределу». Кризис в Киевской Руси, в конце XVI в. и во второй половины XIX. он связывает с ростом численности элит, не приводя, правда, надлежащих цифр, и только во второй половине XIX в., по его мнению, «заработал структурно-демографический механизм» (Турчин 2007: 254–259).

На первый взгляд, П. В. Турчин предлагает новую версию структурно-демографической теории, смещая центр концепции с обнищания и перепроизводства населения на обеднение и перепроизводство элиты как самостоятельный и решающий фактор исторической динамики. По его мнению, кризис социума может вызываться отсутствием согласованности в динамике элиты и ресурсов, а не в динамике населения и ресурсов; он может провоцироваться также завышенными потребностями элиты, не адекватными возможностям экономики социума. Но в такой постановке проблемы мальтузианского духа в его концепции совсем не остается. Поэтому, на мой взгляд, концепция П. В. Турчина выходит за рамки струк-

турно-демографической теории (его построение чем-то напоминает концепцию циркуляции элит В. Парето), поэтому комментарий к его построениям сделан в специальном параграфе.

Причины революции сквозь призму модернизационной парадигмы

На мой взгляд, историческую динамику последних трехсот лет российской истории лучше объясняет теория модернизации, которая отнюдь не так «смутна и противоречива», как кажется П. В. Турчину или Ч. Тилли. Ее не воспринимают серьезно только те исторические социологи, которые имеют дело с очень длинными периодами, а теория касается только одного конкретного и сравнительно непродолжительного периода в истории европейских стран, XVII–XIX вв., когда, согласно ей, происходил переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному. Эта трансформация привела к появлению индустриальных технологий и соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих управлять процессом развития общества. Главными признаками модерна являются индустриальное производство, правовое государство, гражданское общество и рациональный автономный индивид. Процесс модернизации социума шел по всем линиям одновременно или разновременно. Суть политической модернизации состояла в переходе от абсолютизма к конституционной государственности и в передаче политической власти от традиционалистской к модернистской элите. Эта трансформация могла быть мирной, если старая правящая элита поддерживала и реализовывала на практике модернистский проект, или насильственной революционной, если она упорно цеплялась за прошлое, не изменялась, не сотрудничала и не шла на компромисс с контрэлитой (Побережников 2006).

В России модернизация началась при Петре I и осуществлялась традиционной правящей элитой под руководством самодержавия, которое выступало лидером модернизации вплоть до конца XIX в. – до той самой поры, пока не встал вопрос о передачи власти в руки парламента и гражданского общества. «Здоровье» правящего класса поддерживалось его открытостью благодаря социальной мобильности, которая обеспечивала рост численности дворянства в первой половине XVIII в. примерно на 30%, во второй половине XVIII в. – на 40%, в первой половине XIX в. – на 50%. К середине XIX в. «новое дворянство», получившее статус за службу, составляло около 59% сословия, на рубеже XIX–XX вв. – 66% (Миронов 2003*б*, 1: 133). Когда в 1905 г. самодержавие замешкалось с передачей политической власти представительному учреждению, то общественность мобилизовала население в свою поддержку, апогеем чего явилась октябрьская всероссийская политическая забастовка, и вынудила императо-

ра даровать конституцию. По конституции законодательная власть принадлежала двухпалатному парламенту и императору, исполнительная – императору, судебная – независимым судам. В дальнейшем происходила адаптация – не всегда легко и гладко – парламента к реалиям жизни, а политической жизни к парламенту и конституции, что, казалось бы, устраняло объективную потребность в революции. Однако в 1917 г. она все-таки произошла.

В отечественной и зарубежной историографии, если отвлечься от деталей, существует два объяснения ее причин. Первое, получившее название, *оптимистического*, сводится к тому, что Россия в позднеимперский период под влиянием Великих реформ и конституции 1905 г. развивалась достаточно успешно во всех отношениях; для полного успеха ей нужны были только время и мир. Сторонники данной концепции причину революции 1917 г. видят почти исключительно в Первой мировой войне и порожденных ею трудностях. Согласно второму, *пессимистическому*, объяснению, которое целиком находится в рамках марксистской парадигмы, хотя среди его сторонников не только марксисты, позднеимперская Россия находилась в состоянии глобального системного кризиса. Ее политическая и социальная структура устарела и не поддавалась трансформации; старая элита была недееспособна; население нищало, а огромное неравенство усугубляло проблему бедности; царизм не желал никаких реформ, а те, которые под давлением революции были проведены, стремился ликвидировать или, по крайней мере, затормозить их реализацию. И противники, и сторонники режима для достижения своих целей использовали неправовые методы, включая террор. С точки зрения пессимистов, Первая мировая война послужила только последним толчком, чтобы низвергнуть прогнивший снизу до верху режим (Riasanovsky 1993: 453–455).

Сторонники структурно-демографической теории поддерживают пессимистический вариант развития страны, Н. С. Розов и С. А. Нефедов – полностью, последний даже «обогатил» его наивным мальтузианством, а П. В. Турчин – частично, отказавшись от вульгарного мальтузианства и акцентируя объяснение на перепроизводстве элиты. Моя концепция, близкая к оптимистической, артикулирована в моей книге *Социальная история* и ряде статей. Я солидарен с оптимистами в том, что социально-экономический и политический строй, сложившийся в России в результате Великих реформ 1860-х – 1870-х гг. и реформы 1905 г., в основе которого лежали частная собственность, рыночная экономика, развивавшиеся гражданское общество и правовое государство, обеспечивал хорошие возможности для успешного развития России. Новое в моем объяснении состоит в том, что позитивные сдвиги в экономической, политической и социальной сферах эмпирически подтверждены оригинальными расчетами на новом массовом статистическом материале. Мне впервые удалось показать, что биостатус и жизненный уровень россиян в пореформенное

время безусловно повысились, поскольку средний финальный рост и вес мужского и женского населения существенно увеличились, что имущественное неравенство накануне революций было умеренным и не так значительно, как принято думать, что индекс человеческого развития вырос с 0,188 до 0,326, свидетельствуя о всесторонности прогресса в пореформенной России (см. Табл. 20). Увеличение грамотности и средней продолжительности жизни обеспечивалось ростом расходов и инвестиций в человеческий капитал: только за 1885–1913 гг. расходы центрального правительства и местных властей на образование и здравоохранение возросли с 54 до 410 млн руб., а инвестиции – с 1 до 8 млн руб. (Грегори 2003: 146, 147, 155).

Из моих расчетов не следует, что широкие массы российского населения, прежде всего крестьянство, в пореформенное время благоденствовали или даже жили зажиточно. Они жили по-прежнему небогато, уступая населению западноевропейских стран. Но *уровень их жизни, несмотря на циклические колебания, имел позитивную тенденцию – медленно, но верно увеличиваться, обусловливаясь общей благоприятной экономической ситуацией в стране.* Прогресс был бы несомненно бóльшим, если бы крестьяне работали в полную меру своих сил, используя все рабочее время. Но даже в начале XX в. в крестьянском хозяйстве норма напряжения труда, или, по выражению А. В. Чаянова, степень самоэксплуатации – доля рабочих дней в году, не превышала 50% (Чаянов 1989: 237). Например, в течение всего года число рабочих дней, затрачиваемых в своем хозяйстве (без промыслов) одним работником (в переводе на мужчину), в нечерноземных уездах Тамбовской губернии равнялось 83,6 дня, в черноземных уездах – 73,9 дня, в четырех уездах Смоленской губернии – от 70,1 до 102,5 дня; в Волоколамском уезде Московской губернии в сельском хозяйстве занятость в течение года ограничивалась 104 днями, промыслами – 30 днями, в Старобельском уезде Харьковской губернии – соответственно 86 и 16 днями, в Вологодском уезде – 88 и 66 днями (Челинцев 2001: 24; Чаянов 1989: 236).

Жалобы на материальные затруднения, как правило, обусловливались не тем, что нечего было есть, а тем, что *не только материальные, но и духовные потребности обгоняли возможности и что даже в «простом» человеке росло чувство личности и самоуважения* (Миронов 2003*б*, 2: 287–288). В 1903 г. рабочий П. Тимофеев писал в журнале *Русское богатство*: «Чувство неприкосновенности личности, чувство самоуважения не были в то время (15 лет назад. – *Б. М.*) так развиты в русском рабочем, как теперь. Тогда имело значение только одно – заработок... Теперь вместе с хорошим заработком современный рабочий требует также и хорошего обращения; и достаточно мастеру замахнуться на рабочего рукой или толкнуть его, как мгновенно, как бы от электрического тока, вспыхивает вся мастерская, и пламя ее нередко зажигает весь завод. В летописях русской

промышленности последнего времени найдется не мало забастовок и бунтов, первоначальной причиной которых было оскорбление действием рабочего со стороны мастера» (Тимофеев 2000: 775).

Повышение уровня жизни стало возможным благодаря значительному экономическому прогрессу, о темпах которого шла речь выше. Экономическое развитие в пореформенное время ускорилось настолько, что несмотря даже на очень большой естественный прирост населения, душевой валовой внутренний продукт увеличивался быстрее, чем в самых больших экономиках мира, а среди западных стран быстрее, чем в Великобритании и Италии (см. Табл. 23):

Табл. 23. Соотношение валового внутреннего продукта (ВВП) в России и некоторых странах мира, в %

	1820 г.		1870 г.		1913 г.	
	ВВП	*ВВП на д.н.*	*ВВП*	*ВВП на д.н.*	*ВВП*	*ВВП на д.н.*
Россия	100	100	100	100	100	100
Россия/Китай	16,5	114,8	42,1	177,9	96,3	269,6
Россия/Индия	83,8	129,3	62	176,9	113,8	221,1
Россия/Япония	182,1	103,0	329,1	128,0	324,1	107,3
Россия/Италия	167,6	61,7	200,0	62,9	243,3	68,0
Россия/Франция	98,2	56,0	116,0	50,3	160,8	42,6
Россия/Германия	143,3	65,1	117,1	51,8	97,9	40,8
Россия/Великобритания	104,1	40,4	83,4	29,5	103,5	30,2
Россия/США	301,6	54,8	85,0	38,6	44,9	28,1
Россия/8 стран	154,4	78,1	141,8	89,5	155,5	101,0

* Россия в границах бывшего СССР.
Источник: Maddison 2001: 261, 264.

Не только промышленность, но и сельское хозяйство прогрессировало так же быстро, как в Европе в целом, адекватно обеспечивая крестьян продовольствием, о чем говорят данные о продукции, оставленной ими для домашнего потребления (см. Табл. 24):

Табл. 24. Сельскохозяйственная продукция, не поступившая на рынок (млн руб. в ценах 1913 г.)

	Годы	*1886-1890*	*1891-1895*	*1896-1900*	*1901-1905*	*1906-1910*	*1911-1913*
Население	млн	114,8	121,6	128,4	139,2	153,2	167,7
Зерновые продукты	млн руб.	1098	1369	1648	2045	2033	2654
	руб. на д.н.	9,6	11,3	12,8	14,7	13,3	15,8
Мясные продукты	млн руб.	465	470	560	579	615	700
	руб. на д.н.	4,0	3,9	4,4	4,2	4,0	4,2
Технические культуры	млн руб.	129	157	191	189	221	239
	руб. на д.н.	1,1	1,3	1,5	1,4	1,4	1,4
Молочные продукты	млн руб.	725	754	899	920	1017	1120
	руб. на д.н.	6,3	6,2	7,0	6,6	6,6	6,7
Остальные продукты	млн руб.	628	716	864	978	1018	1235
	руб. на д.н.	5,5	5,9	6,7	7,0	6,6	7,4
Всего	млнруб.	3045	3466	4162	4711	4904	5948
	руб. на д.н.	26,5	28,5	32,4	33,8	32,0	35,5

Подсчитано по: Грегори 2003: 138.

Успешная, а не провальная, как утверждалось в советской историографии, Столыпинская реформа, устраняя институциональные помехи для развития сельского хозяйства в виде общины, чересполосицы, принудительного севооборота, создавала самые благоприятные условия для его ускорения.

Политическое развитие страны после Великих реформ было особенно успешным. Российское общество быстро эволюционировало от самодержавия к конституционной монархии и в 1905–1906 гг. стало таковым. Был создан механизм принятия политических решений, в котором участвовали представители общества, функционировала свободная пресса, общественное мнение, политические партии, тысячи общественных организаций – налицо были все элементы гражданского общества (Миронов 2003*б*, 2: 257–270). Если в середине XIX в. добровольных обществ (благотворительных, религиозных, студенческих организаций, клубов и др.) насчитывалось нескольких десятков, то накануне Первой мировой войны – намного больше 5 тысяч (точная цифра неизвестна). В одной Москве в 1912 г. действовало более шестисот ассоциаций, в Петербурге в 1917 г. – около пятисот (Миронов 2008). В добровольные общества было вовлечено около 5% совершеннолетнего мужского городского населения.

Именно большие и неоспоримые успехи российского социума обусловили возникновение в стране сильного гражданского общества, способного бросить вызов старой элите и государству. Вел. кн. Александр Михайлович так выразил эту мысль: «Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами. Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах» (Романов 1991: 162–163). *Истинные причины русских революций лежали не в мальтузианском кризисе в низах или верхах, а в политической и культурной сферах.*

Непосредственная причина революции заключалась в борьбе за власть между разными группами элит: контрэлита в лице лидеров либерально-радикальной общественности хотела сама руководить модернизационным процессом, который почти непрерывно проходил в России в период империи, и на революционной волне отнять власть у старой элиты – романовской династии и консервативной бюрократии. Верховная власть и правительство так именно и понимали цели оппозиции. По определению начальника канцелярии министра двора в 1900–1916 гг. А. А. Мосолова, «так называемая интеллигенция – люди, не достигшие власти, но чающие ее захвата. Для этой категории лиц прямой исход – революция... Царь был убежден, что народ его искренне любит, а что вся крамола – наносное явление, явившееся следствием пропаганды властолюбивой интеллигенции» (Мосолов 1992: 174, 178–179).

Революция готовилась и организовывалась оппозиционной к существующему режиму общественностью. Именно она создала в стране *атмосферу* экономического и политического кризиса, подготовила почву для революции и вывела народ на улицы в решающий момент, воспользовавшись недовольством всех слоев населения, вызванным бедствиями войны. Подозрение в подготовке и организации февральских событий 1917 г. оппозицией неоднократно высказывалось современниками. А. Ф. Керенский писал в своих мемуарах о том, что под руководством А. И. Гучкова готовился дворцовый переворот, назначенный на середину марта 1917 г. (Керенский 1993: 105–107). О подготовленности февральских событий свидетельствовал последний царский петроградский градоначальник генерал А. П. Балк (Бортневский, Черняев 1994: 26–28) и П. Н. Милюков: «Откуда бы не шли директивы, извне или изнутри, подготовка к революционной вспышке весьма деятельно велась – особенно с начала 1917 года, – в рабочей среде и в казармах петроградского гарнизона <...>. Руководящая рука, несомненно, была, только она исходила, очевидно, не от организованных

левых политических партий <...> Но закулисная работа по подготовке революции так и осталась за кулисами <...> Здесь мы касаемся самого темного момента в истории русской революции. Будущий историк прольет свет и на эту сторону дела; современнику остаются только догадки» (Милюков 2001: 37–41). Петербургский исследователь С. В. Куликов нашел новые данные, подтверждающие предположение, что в ходе февральских событий был реализован план, разработанный руководителями Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) – лидером партии октябристов, председателем Бюро ЦВПК А. И. Гучковым и его и его соратниками по ЦВПК: левым кадетом Н. В. Некрасовым, прогрессистами А. А. Бубликовым, А. И. Коноваловым, М. М. Федоровым и беспартийным М. И. Терещенко, примыкавшим к прогрессистам. Это позволяет с бóльшим основанием, чем прежде, предположить, что *падение царизма явилось не столько результатом стихийного движения снизу, сколько результатом революции сверху*, хотя в Февральской революции участвовали Дума, социалисты, масоны, рабочие и солдаты; и она несомненно включала стихийные проявления (Куликов 2007: 117–185).

Проблему перепроизводства элиты, ее дифференциации, возникновения контрэлиты и борьбы со старой элитой следует перевести из плоскости недостатка ресурсов или борьбы за физическое выживание в плоскость борьбы за власть между разными группами элит, что является непременным спутником любого государства, не исключая тех, которые называются современными демократиями, где переход власти от одной группировки к другой институциализирован и введен в цивилизованные процедуры. С. В. Куликов при объяснении происхождения и причин революции использовал разработанную итальянским социологом Б. Парето теорию элит. Согласно ей революции происходят тогда, когда старая правящая элита обновляется чересчур медленно, вследствие чего в высших слоях накапливаются элементы, олицетворяющие бессилие, разложение и упадок, а в низших – скапливаются индивиды, превосходящие их своими достоинствами. Смысл революции состоит в обновлении состава правящей элиты и в восстановлении таким способом общественного равновесия (Осипова 2004; Парето 2007).

Согласно Б. Парето, революция происходит тогда, когда правящий класс не может разрешить социально-экономические проблемы, возникающие в ходе общественной практики. Какие же это были проблемы?

Политическая проблема. В начале XX в. либерально-радикальная интеллигенция желала захватить всю полноту власти и управлять страной. Вполне возможно, что в мирное время это получилось бы у нее лучше, чем у старой элиты. Но когда ей такая возможность представилась в 1917 г., во время войны, она не справилась с задачей управления.

Аграрный вопрос. Крестьянство страдало от малоземелья и требовало экспроприировать частновладельческую землю, принадлежавшую не-

крестьянам, и таким простым способом удовлетворить свои возросшие материальные потребности. Их желания поощрялись и поддерживались важнейшими политическими партиями. Однако реализация «черного передела» в конце 1917–1918 г. проблему не решила. В среднесрочной и тем более долгосрочной перспективе повышение благосостояния могла обеспечить только агротехническая революция, что требовало времени и огромных средств. Именно на этот путь встало царское правительство, приняв за основу своей политики с 1907 г. Столыпинскую аграрную реформу.

Рабочий вопрос. Рабочие хотели более быстрого роста доходов, сокращения рабочего дня и полного социального пакета – медицинской страховки, защиты от безработицы, травматизма и т.д., что в полной мере удовлетворить при существовавшем в то время уровне производительности труда было невозможно. С 1880-х гг. царское правительство вступило на путь улучшения положения рабочих правовым путем. Это был разумный и прагматичный путь, который в конечном итоге привел бы к возникновению социального государства с рыночной экономикой.

Национальный вопрос. Централизация, унификация управления, суда и законов, а также экономическая интеграция в России, как и везде, приходили в столкновение с ростом национализма. Модернизация империи натолкнулась на национализм и сама по себе способствовала его росту. Национальные движения требовали как минимум культурную автономию, многие боролись за отделение от России. Эти требования выполнялись в ограниченной степени. Однако их полное удовлетворение привело бы к распаду России, что и случилось после Октября 1917 г.

Социальное и экономическое неравенство, о котором подробно говорилось выше, и *культурный раскол общества.* Российское культурное и социальное пространство, если несколько огрубить действительность, было расколото на две части в соответствии как с местом жительства, так и с социальной принадлежностью: крестьяне и городские низы, с одной стороны, дворянство, буржуазия и интеллигенция, – с другой. Это обнаружилось уже в конце XVIII в. и со временем раскол не уменьшался, если не увеличивался. А. Гакстгаузен, много лет изучавший Россию не только по книгам, но и в ходе полевых исследований, или путешествий, имел все основания написать в 1847 г.: «С XVI столетия Россия значительно сблизилась с Западной Европой. В последние 140 лет в России сильно распространилась европейская цивилизация. Высшие классы получают западноевропейское воспитание и образование; все государственные учреждения заимствованы с Запада. Законодательство приняло не только характер, но и форму европейских законодательств; но все это отразилось только на высших классах. Западная цивилизация не проникла в нижние слои русского народа, в его нравы и обычаи; его семейная и общинная жизнь, его земледелие и способ поземельного

владения сохранились вне всякого влияния иноземной культуры, законодательства и почти вне правительственного вмешательства. Но благодаря различию в образовании верхних и нижних слоев русского народа образованное сословие утратило всякое понимание сельских народных учреждений» (Гакстгаузен 1870: XVI–XVII).

Особо выделим *военные поражения*. Начиная с русско-японской войны Россию преследовали военные неудачи. Во время Первой мировой войны они чередовались с победами, но поражений, к сожалению, было больше. Модель войны-легитимности Р. Ханнемана хорошо объясняет последствия неудач. Согласно ей, стремление правящего класса начать внешний конфликт прямо пропорционально разности между желаемым уровнем легитимности и ее текущим значением. Изменение в престиже и легитимности правящего класса пропорционально военному успеху или поражению. Победа сопровождается ростом патриотизма, престижа и легитимности, поражение, наоборот, их падением. Требуется в среднем победа или поражение в трех поочередных войнах, чтобы легитимность государства и правящего класса существенно изменилась (Турчин 2007: 63–64). В России император олицетворял государство и правящий класс, поэтому поражение в двух войнах подряд в течение 14 лет сильно ударило по престижу не только государства, правящей элиты, но и самого монарха. Неудачная для России Первая мировая война расшатала власть, дисциплину и общественный порядок, породила материальные трудности, позволила выйти наружу социальным противоречиям, которые до войны, хотя и с большим трудом, удерживались в определенных границах, а также дала возможность радикальным партиям спекулировать на трудностях войны и агитировать в пользу революции.

Подведем итоги

Следует отличать мальтузианский кризис от других видов кризиса – экономического, политического, социального или экологического, которые внешне могут быть похожи на мальтузианский, или экзистенциальный, кризис, но на самом деле таковыми не являются. Мальтузианский кризис – это прежде всего *демографический* кризис, вызванный *опережающим темпом роста населения* сравнительно с ресурсами. Другими словами, это *ресурсный* кризис, вызванный стихийным, т.е. не контролируемым обществом и индивидом, естественным приростом населения. С точки зрения мальтузианства, главные причины периодического обострения нужды и бедности две: высокая рождаемость и закон падающей производительности земли. Недостаток ресурсов, вызванный экономическими факторами (например, финансовым или экономическим кризисом), политическими (перекачка ресурсов из потребления на оборону, реформы, экспансию, дорогостоящие войны и т.п.), социальными (перераспределение ре-

сурсов в пользу элиты, уничтожение ресурсов во время бунтов, восстаний, революций) или экологическими факторами (природные катастрофы, похолодание или потепление климата и т.п.) являются экономическим, политическим, социальным или экологическим кризисом, но не мальтузианским кризисом.

Проведенный анализ приводит нас к выводу, что Россия в XV – начале XX в. не попадала в мальтузианскую ловушку, во всяком случае на сколько-нибудь продолжительное время. Более того, ни классическая мальтузианская теория, ни ее новая версия в форме структурно-демографической концепции не применимы к российским реалиям, потому что последние не отвечают принципиальным исходным условиям, которые постулируются теорией для ее приложения: *емкость экологической ниши в России не оставалась постоянной на протяжении XV–XX вв., а, напротив, благодаря колонизации плодородных земель постоянно увеличивалась, обгоняя рост населения*. Более того, последний был благом для России, так как позволил колонизовать огромные территории и стать великой державой с точки зрения численности населения, ресурсов, военной и экономической мощи. Без 35-кратного роста населения и 8-кратного увеличения территории за 1550–1913 гг. Россия осталась бы небольшой и отсталой европейской страной, каковой она и была в действительности до XVI в., и никаких серьезных достижений в области литературы, искусства, науки и технологии ожидать от нее не приходилось бы, как нельзя было бы рассчитывать и на высокий уровень жизни ее граждан.

Начиная с реформ Петра I Россия вступила в процесс *непрерывной форсированной глобальной модернизации*, продолжавшейся до октября 1917 г., в ходе которой страна органически и на паритетных основаниях вошла в мировую политическую и экономическую систему. Мы имеем основание говорить *о двухвековом гиперцикле в развитии страны*[12]. Модернизация происходила отчасти спонтанно под влиянием внутренних потребностей и изменений в мире, но главным образом целенаправленно: она поддерживалась правящим классом, направлялась и стимулировалась верховной властью, которая в своей политике ориентировалась на передовые страны и стремилась приблизить к ним Россию по уровню развития. Выдающаяся роль государства в процессе модернизации компенсировала не только недостаток инициативы со стороны народа, часто не понимавшего (вследствие низкого уровня общей культуры) необходимость реформ и не желавшего их проводить, но и дефицит капитала, образования и культуры, и потому служила тем необходимым рычагом, с помощью которого проходило реформирование страны.

---

[12] Идею гиперцикла в хозяйственном развитии страны на протяжении XIX–XX вв. высказал В. Т. Рязанов (1998: 128–136).

Российские революции начала XX в. были рукотворными. Их организовала либерально-радикальная интеллигенция – контрэлита. В борьбе за власть она привлекла на свою сторону народ, без поддержки которого не имела сил свергнуть монархию. А вот размах потрясений и масштаб перемен, вызванный революцией, был порожден комплексом социальных, экономических и культурных факторов. При благоприятном стечении обстоятельств, на мой взгляд, все насущные проблемы могли быть решены мирным путем, без тяжелейших разрушений и миллионов жертв.

Библиография

Анфимов А. М. 1964. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901 – 1912 гг.). *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.* Минск: Наука и техника.

Анфимов А. М. 1984. *Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881 – 1904 гг.* М.: Наука.

Базелер У., Сабов З., Хайнрих Й., Кох В. 2000. *Основы экономической теории: принципы, проблемы, политика: Германский опыт и российский путь.* СПб.: Питер.

Баранский Н. Н. 1931. Краткий курс экономической географии. Вып. 2. Общий обзор СССР в целом. М.; Л.: Московский рабочий.

Безгин В. Б. 2004. *Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века).* Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университета.

Безденежных И. С. 1981. *Эпидемиология.* 4-е изд. М.: Медицина.

Беккер С. 2004. *Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России.* М.: НЛО.

Бортневский В. Г., Черняев В. Ю. 1991. (Ред.). Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка. *Русское прошлое.* Кн. 1.

Брут А. 1850–1853. *Учебная статистика или этнографико-статистическое обозрение пяти первоклассных держав Европы (до 1848 года), с краткою теориею статистики.* СПб.: В. Терсков.

Булгаков С. Н. 2000. Капитализм и земледелие. *Антология социально-экономической мысли в России: дореволюционный период.* СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института.

Вишневский А. Г., Волков А. Г. 1983. (Ред.). *Воспроизводство населения СССР.* М.: Финансы и статистика.

Водарский Я. Е. 1973. *Население России за 400 лет (XVI-начало XX в.).* М.: Просвещение.

Гакстгаузен А. 1870. *Исследования внутренних отношений народной жизни в особенности сельских учреждений России.* М.: А. И. Мамонтов. Т. 1.

Гаман-Голутвина О. В. 2006. *Политические элиты России: Вехи исторической эволюции.* М.: Росспэн.

Гладков И. А. 1979. (Ред.). *История социалистической экономики СССР*: в 7 т. Т. 1. *Советская экономика 1917–1920 гг.* М.: Наука.

Города России. 1906. *Города России в 1904 году.* СПб.: Н. Л. Ныркин.

Горская Н. А. 1990. (Ред.). *История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.* 2: *Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма.* М.: Наука.

Грегори П. 2003. *Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки.* М.: Росспэн.

Добровольский В. В. 1968. *География почв с основами почвоведения.* М.: Просвещение.

Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. 1973. *Историческая география СССР.* М.: Высшая школа.

Дроздов И. Г. 1930. *Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября.* Л.: Прибой.

Дубровин Н. Ф. 2007. *Русская жизнь в начале XIX века.* СПб.: Издательство ДНК.

Ежегодник России. 1910. *Ежегодник России 1909 г.* СПб.: ЦСК МВД.

Ефимова М. П., Бычкова С. Г. 2004. *Социальная статистика.* М.: Финансы и статистика.

Жиромская В. Б. 1999. (Ред.). *Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия.* СПб.: Блиц.

Зайончковский П. А. 1978. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* М.: Мысль.

Защук И. И. 1913. *Содержание офицеров и врачей.* СПб.: В. Березовский.

Зубков И. В. 2008. Учительская интеллигенция России в конце XIX – начала XX в. Автореф. ... канд. ист. наук. М.: МГПУ.

Иванов А. Е. 1991. *Высшая школа России в конце XIX – начале XX века.* М.: Институт российской истории РАН.

История советского крестьянства. 1986. Т. 1. *Крестьянство в первое десятилетие Советской власти: 1917–1927.* М.: Наука.

Кабузан В. М. 1963. *Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: (по материалам ревизий).* М.: Издательство АН СССР.

Керенский А. Ф. 1993. *Россия на историческом повороте: Мемуары.* М.: Республика.

Кирьянов Ю. И. 1979. *Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.).* М.: Наука.

Книпович Б. Н. 1920. *Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917–1920).* М.: Гос. изд.

Колычева Е. И. 1987. *Аграрный строй России XVI века.* М.: Наука.

Кольб Г. Ф. 1862. *Руководство к сравнительной статистике.* СПб.: Н. Тиблен.

Копанев А. И., 1959. Население Русского государства в XVI в. *Исторические записки* 64.

Корелин А. П. 1979. *Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация.* М.: Наука.

Корелин А. П. 1995. (Ред.). *Россия: 1913 год: Статистико-документальный справочник.* СПб.: Блиц.

Крузе Э. Э. 1976. *Положение рабочего класса России в 1904–1914 гг.* Л.: Наука.

Куликов С. В. 2007. «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы. *Нестор.* 11: *Смена парадигм: Современная русистика.* СПб.: Нестор-история.

Мальтус Т. 1993. Опыт о законе народонаселения. 5-е изд. (1817 г.). *Антология экономической классики.* М.: Эконов.

Масионис Дж. 2004. *Социология*. СПб.: Питер.

Материалы Комиссии. 1903. *Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями России*: в 3 ч. Ч. 1. СПб.: П. П. Сойкин.

МВД. 1911. *Министерство внутренних дел: Выборы в Государственную Думу третьего созыва. Статистический отчет особого делопроизводства*. СПб.: Типография МВД.

Милюков П. Н. 2001. *История второй русской революции*. М.: Росспэн.

Миронов Б. Н. 1978. Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности. *Проблемы аграрной истории (XIX – 30-е годы XX в.)* / Ред. В. Л. Янин. Минск: Наука и техника. Ч. 2.

Миронов Б. Н. 1985. *Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.)*. Л.: Наука.

Миронов Б. Н. 1991. *История в цифрах: Математика в исторических исследованиях*. Л.: Наука.

Миронов Б. Н. 2003*а*. Вперед к крепостничеству! Цены и зарплата в Петербурге за три века. *Родина* 7.

Миронов Б. Н. 2003*б*. *Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*: в 2 т. 3-е изд. СПб.: Дм. Буланин.

Миронов Б. Н. 2004. Антропометрический подход к изучению благосостояния населения России в XVIII веке. *Отечественная история* 6.

Миронов Б. Н. 2008. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России. *Журнал социологии и социальной антропологии* 3.

Миронов Б. Н. 2009. О чем говорит рост человека: возможности, состояние и перспективы исторической антропометрии для понимания динамики исторического процесса. *Проблемы математической истории: Основания, информационные ресурсы, анализ данных* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М.: Издательство ЛКИ.

Миронов Б. Н. 1994. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках. *Отечественная история* 4–5.

Мосолов А. А. 1992. *При дворе последнего императора*. СПб.: Анкор.

Мэнкью Н. Г. 2001. *Принципы экономикс*. СПб. и др.: Питер.

Народное хозяйство. 1959. *Народное хозяйство СССР в 1958 году: Статистический ежегодник*. М.: Госстатиздат.

Нефедов С. А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России: конец XV – начало XX века*. Екатеринбург: УГГУ.

О земле. 1921. *О прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства*. М.: Гос. изд. Вып. 1.

Обручев Н. Н. 1867. (Ред.). *Военно-статистический сборник на 1868 год*. 1: *Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия и прочие государства Германии*. СПб.: Военная типография.

Опыт исчисления народного дохода. 1906. *Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России*. СПб.: П. П. Сойкин.

Осипова Е. В. 2004. *Социология Вильфредо Парето: политический аспект.* СПб.: Алетейя.

Отчет МНП [за ... год]. *Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за [1879–1913] год.* СПб.: Сенатская типография, 1883–1916.

Отчет по тюремному управлению. 1905. *Отчет по Главному тюремному управлению за 1903 год.* СПб.: Типолитография С.-Петербургской тюрьмы.

Отчет Синода [за ... год]. *Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за [1866–1913] год.* СПб.: Синодальная тип., 1867–1916.

Парето В. 2007. *Компендиум по общей социологии.* М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Первушин С. А. 1925. *Хозяйственная конъюнктура: Введение в изучение динамики русского народного хозяйств за полвека.* М.: Экономическая жизнь.

Пискунов А. И. 1976. (Ред.). *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (вторая половина XIX в.).* М.: Педагогика.

Побережников И. В. 2006. *Переход от традиционного к индустриальному обществу: Теоретико-методологические проблемы модернизации.* М.: Росспэн.

Подоходный налог. 1910. *Подоходный налог: Ожидаемое число плательщиков, их доход и сумма налога по исследованию, произведенному податными инспекторами и казенными палатами в 1909–10 году: Материалы к проекту положения о государственном подоходном налоге.* СПб.: Н. Я. Стойкова.

Покровский А. А. 1968. *О питании.* 2-е изд. М.: Экономика.

Покровский В. И. 1902. (Ред.). *Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России.* СПб.: М. П. Фролова.

Покровский С. А. 1947. *Внешняя торговля и внешняя торговая политика России.* М.: Международная книга.

Потолов С. И. 1963. *Рабочие Донбасса в XIX веке.* М.: Издательство АН СССР.

Рашин А. Г. 1956. *Население России за 100 лет.* М.: Госстатиздат.

Рашин А. Г. 1958. *Формирование рабочего класса России: Историко-экономические очерки.* М.: Соцэкгиз.

Романов Александр Михайлович (вел. кн.). **1991.** *Книга воспоминаний.* М.: Современник.

Рос. ежегодн. 1997. *Российский статистический ежегодник: Стат. сб.* М.: Госкомстат.

Рос. ежегодн. 2007. *Российский статистический ежегодник: Стат. сб.* М.: Госкомстат.

Рубакин Н. А. 1912. *Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы: Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства (На основании официальных и научных исследований).* СПб.: Вестник Знания.

Рязанов В. Т. 1998. *Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.* СПб.: Наука.

Святловский В. В. 1911. *Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.).* СПб.: Тип. Акционерного общества типографского дела.

Стат. сб. 1921. *Статистический сборник за 1913–1917 гг.* М.: 14-я гос. типография. Вып. 1.

Статистика произведений печати. 1915. *Статистика произведений печати, вышедших в России в 1913 году.* СПб.: Тип. Министерства внутр. дел.

Степанов В. В. 1905. (Ред). *Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.* СПб.: Н. Л. Ныркин.

Тимофеев П. 2000. Чем живет заводской рабочий. *Антология социально-экономической мысли в России: Дореволюционный период* / Ред. А. И. Кравченко. СПб.: Издательство Христианского гуманитарного института.

Тихомиров М. Н. 1955. (Ред.). *История Московского университета.* М.: Издательство Московского университета. Т. 1.

Тихонов, Ю. А. 1974. *Помещичьи крестьяне в России: Феодальная рента в XVII – начале XVIII в.* М.: Наука.

Тройницкий Н. А. 1905. (Ред.). *Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.* СПб.: Н. Л. Ныркин. Т. 1.

Турчин П. В. 2007. *Историческая динамика: На пути к теоретической истории.* М.: Издательство ЛКИ/URSS.

Урланис Б. Ц. 1941. *Рост населения в Европе: (статистические исчисления).* М.: Госполитиздат.

Чаянов А. В. 1989. *Крестьянское хозяйство: Избранные труды.* М.: Экономика.

Челинцев А. Н. 2001. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. *Антология социально-экономической мысли в России: 20–30-е годы XX века.* М.: Academia.

Численность рабочих. 1906. *Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.* СПб.: Н. Л. Ныркин.

Чудинов А. В. 2007. *Французская революция: История и мифы.* М.: Наука.

Чуркина Н. И. 2008. Историческая география педагогического образования Западной Сибири. *Пишем времена и случаи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ* (Новосибирск, 25–26 апреля 2008 г.) / Ред. В. А. Зверев. Новосибирск: ГОУ ВПО НГУ.

Шапиро А. Л. 1974. (Ред.). *Аграрная история Северо-запада России XVI века: Новгородские пятины.* Л.: Наука.

Шапиро А. Л. 1989. (Ред.). *Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование).* Л.: Наука.

Эк. расслоение. 1922. *Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г.* М.: Мосполиграф.

Freeze G. L. 1983. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Hellie R. 1999. *The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725.* Chicago, IL: University of Chicago Press.

Historical Statistics. 1975. *Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970.* Washington, DC: U. S. Department of Commerce. Vol. 1.

Lejeune A. 1894. *Monnaies, poids et mesures des principaux pays du monde.* Paris: Bercer-Levrault.

Maddison A. 2001. *The World Economy: A Millennial Perspective.* Paris: OECD.

Mulhall M. G. 1892. *Dictionary of Statistics.* London: Routledge.

Nove A. 1991. *An Economic History of the USSR: 1917–1991.* London: Penguin.

Riasanovsky N. V. 1993. *A History of Russia.* 5th ed. Oxford: Oxford University Press.
Stat. Abstr. 1988. *Statistical Abstract of the United States. 1988.* Washington, DC: U.S. Department of Commerce and Bureau of the Census.

Аннотация

Россия в XV – начале XX в. не попадала в мальтузианскую ловушку на сколько-нибудь продолжительное время. Ни классическая мальтузианская теория, ни ее новая версия в форме структурно-демографической концепции не применимы к российским реалиям, так как благодаря колонизации плодородных земель емкость экологической ниши в России постоянно увеличивалась, обгоняя рост населения. Начиная с реформ Петра I Россия вступила в процесс непрерывной форсированной глобальной модернизации, продолжавшейся до октября 1917 г., что позволяет говорить о двухвековом гиперцикле в развитии страны. Российские революции начала XX в. были обусловлены не мальтузианским кризисом и даже не столько социально-экономическими, сколько политическими факторами, в том числе блестящей PR-активностью противников монархии. Революции готовила и организовала либерально-радикальная интеллигенция. В борьбе за власть она привлекла на свою сторону народ, без поддержки которого не имела сил свергнуть монархию. Размах потрясений и масштаб перемен, вызванных последней революцией, был порожден комплексом социальных, экономических и культурных факторов.

Россия в плену виртуальной реальности

С. А. Нефедов

О чем спорим?

Подводя итоги дискуссии, мне прежде всего хотелось бы поблагодарить моего уважаемого оппонента Бориса Николаевича Миронова за такую вот констатацию:

> «На рубеже XIX – XX вв. мальтузианский тезис получил поддержку большинства авторитетных исследователей того времени – И. И. Игнатович (Игнатович 1925: 129–130, 1860), А. А. Кауфмана (Кауфман 1908: 69–80), П. И. Лященко (Лященко 1908: 416), Н. М. Покровского (Покровский 1907), Н. Н. Рожкова (Рожков 1902: 68–75), А. Финн-Енотаевского (Финн-Енотаевский 1911: 470– 472, 518–522) и других (Розенберг 1904: 7–41)...»[1]

Конечно, приятно чувствовать за собой поддержку «большинства авторитетных исследователей» – и вдвойне приятно, когда это признается оппонентом в первом же абзаце его статьи.

Я позволю себе отложить на время заявленный в заголовке вопрос о виртуальной реальности и напомнить участникам дискуссии, что предметом нашего спора является оценка уровня жизни населения России в конце XIX – начале XXI в. Традиционно считается, что этот уровень был низким – и именно это обстоятельство было причиной череды русских революций 1905–1917 гг.

Суждения историков об уровне потребления опираются в том числе и на многочисленные индивидуальные свидетельства, но главную роль играет массовый статистический материал – урожайные данные Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи. Точность этих данных в отдельных работах подвергалась сомнению (Фортунатов 1893: 6; Иванцов 1915: 26), однако более детальные исследования показали, что они «*устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*» (Виноградова 1926: 90; Wheatcroft 1974).

Данные ЦСК без каких-либо поправок и оговорок использовались в сотнях работ различных исследователей и продолжают использоваться по сей день. Вот, к примеру, в учебнике под грифом МГУ и под редакцией академика РАН Л. В. Милова подсчитывается уровень потребления кре-

---

[1] См. выше первую статью Б. Н. Миронова в настоящем выпуске Альманаха, с. 61.

стьян (на основе данных ЦСК) – и делается вывод, что «достигнутый уровень, по существу, мог обеспечить земледельцу только минимум питания» (Милов 2006: 18–19).

Мои оппоненты, Б. Н. Миронов и М. А. Давыдов, считают данные ЦСК заниженными. Более того, М. А. Давыдов пишет, что эти данные «**весьма часто попросту несостоятельны**» (см. его статью в данном выпуске Альманаха).

Главным аргументом М. А. Давыдова против статистики ЦСК являются сведения о вывозе хлебов из некоторых губерний, который в отдельные неурожайные годы оказывался больше, чем собранный в губернии урожай. Например, в Оренбургской губернии в 1910 г. при урожае в 53,9 млн пудов пшеницы было вывезено 11,7 млн пудов, а в 1911 г. при урожае в 5,0 млн пудов было вывезено 7,4 млн пудов (Давыдов 2003*а*: 67). Это «недоразумение», однако, легко объяснить тем, что до сентября 1911 г. (а возможно, и позже) вывозился хлеб предыдущего урожая, который был исключительно обильным. Таким образом, аргументы М. А. Давыдова не дают достаточного основания, чтобы отказаться от использования статистики ЦСК.

Принципиально важным для оценки объективности утверждений Б. Н. Миронова и М. А. Давыдова является то обстоятельство, что *эти исследователи зачастую сами используют «попросту несостоятельные данные»*. В диссертации М. А. Давыдова более чем на ста страницах приводятся данные о производстве и потреблении зерновых по губерниям; при этом цифры приводятся с точностью до 0,001% и не делается даже намека на необходимость какой-то корректировки, эти данные обсуждаются, анализируются, а затем, как положено в диссертации, делаются широкие обобщающие выводы (он же 2003*б*: 186–299). И это при том что несколькими страницами ранее М. А. Давыдов обвиняет других исследователей: «Налицо обычная для отечественной историографии практика: признавая неточность урожайной статистики, делать с ее помощью широкие обобщения» (там же: 29).

Но как бы то ни было, *данные М. А. Давыдова о потреблении отличаются от моих результатов* (Нефедов 2008: Табл. 4) *только тем, что я дополнительно учел расходы на посев и винокурение* (а также потребление картофеля). Это объясняется тем, что мы использовали один и тот же источник (Производство… 1916), в свою очередь использующий все те же, «попросту несостоятельные данные». Более того, М. А. Давыдов – так же как и автор, – подчеркивает, что «причину упадка российской деревни на рубеже веков нужно видеть в *аграрном перенаселении*» (выделено М. А. Давыдовым. – *С. Н.*) (Давыдов 2003*а*: 21). Так что вроде бы нам с М. А. Давыдовым и спорить не о чем.

Однако Б. Н. Миронов отвергает используемые мною и М. А. Давыдовым погубернские данные, так как, по его мнению, «оценка посевов в ре-

гионах и губерниях существенно отличалась от действительных, следовательно, столь же неточны оценки и сбора хлебов»[2]. Но, с другой стороны, Б. Н. Миронов тоже использовал «попросту несостоятельные данные» для расчета потребления для 50 губерний в 1909–1913 гг. (Миронов 2002, 2008*а*: 92) – и получает душевое потребление зерна и картофеля на уровне 356 кг = 21,9 пуда. Я дополнительно учел губернии Северного Кавказа и получил 22,7 пуда на душу (Нефедов 2008). О чем спорить, ведь у меня получается даже больше, чем у Бориса Николаевича?

Дело принципа

Но Б. Н. Миронов не согласен: «При расчете хлебного баланса С. А. Нефедов недооценивает его по двум причинам. Во-первых, он переводит картофель в зерно по соотношению 1:5, тогда как в изучаемое время общепризнан был другой коэффициент – 1:3... Во-вторых, расчет относится только к 50 губерниям Европейской России. Между тем плодородные предкавказские губернии... обладали значительными хлебными излишками...» (см. выше вторую статью Б. Н. Миронова в настоящем выпуске Альманаха).

В вопросе о коэффициенте пересчета я позволю себе не согласиться (см. также реплику С. В. Цареля в данном выпуске Альманаха). А относительно предкавказских губерний Б. Н. Миронов просто перепутал: это у него расчет относится к 50 губерниям, а у меня предкавказские губернии как раз учтены. Так что же, не соглашаться с оппонентом – дело принципа, хотя бы он предлагает более точный и выгодный для Б. Н. Миронова результат?

Нет, принцип в другом: Борису Николаевичу нужно доказать, что потребление было вполне удовлетворительным. И вот как это делается. Б. Н. Миронов (без ссылок на источники) принимает, что физиологическая норма потребления хлеба в пищу составляет 287 кг (17,5 пуд.) в год, а норма фуража в расчете на человека – 18 кг, в сумме 305 кг. Таким образом, по расчету Б. Н. Миронова, среднее потребление в 1909–1913 гг. (356 кг) превосходит норму (305 кг), и «индекс удовлетворения хлебом и фуражом» составляет 117% (Миронов 2008*а*: 92). Но есть другие данные относительно норм потребления. Осенью 1917 г. Статистико-экономическое отделение Министерства продовольствия пыталось подсчитать, сколько хлеба уходит на фураж. Были запрошены сведения о нормах кормления скота из губерний, и поскольку начинался голод, то обычные нормы были урезаны до минимума. В итоге получилось, что в расчете на одного человека на фураж уходит никак не менее 7,1 пуда (116 кг) зерна (Лосицкий 1918: 22, 28). Не 18 кг, как утверждает Б. Н. Миронов, а 116 кг!

[2] См. выше вторую статью Б. Н. Миронова в настоящем выпуске Альманаха.

Миронов, правда, не признает этой ошибки, утверждая, что количество скота на душу населения уменьшалось. Однако, во-первых, расход зерна на фураж возрастал по другой причине – из-за распашки пастбищ, а во-вторых, данные Министерства продовольствия подтверждаются подробными данными ЦСУ СССР, которые показывают, что в 1920-х гг. расход на фураж превосходил 160 кг на душу (Нефедов 2008: 102). Так что же получится, если из среднего потребления (356 кг) отнять минимальный расход на фураж? На потребление в пищу останется только 240 кг – намного меньше нормы Б. Н. Миронова (287 кг). Таким образом, в расчетах Б. Н. Миронова содержится очевидная ошибка, и упорное отстаивание ошибочной точки зрения отнюдь не укрепляет научный авторитет исследователя.

«По самым минимальным прикидкам, – отмечает А. П. Корелин, – на продовольствие крестьянской семьи требовалось не менее 18 пуд. на человека и не менее 7,5 пуд. на корм скоту, таким образом, для простого воспроизведения хозяйству требовалось не менее 25,5 пуд. зерна на человека, что было заметно выше средних душевых сборов продовольственного и кормового зерна...» (Корелин, Тютюкин 2005: 42).

Б. Н. Миронов утверждает, что «все имеющиеся у нас данные за 1861–1913 гг. свидетельствуют о существенном улучшении материального положения большинства населения России, включая крестьянство» (Миронов 2006: 17). Как иногда случается с Мироновым, он противоречит сам себе: в другой работе он утверждает, что в 1890-е гг. «индекс удовлетворения хлебом и фуражом» составлял 123%, а в 1909–1913 гг. – 117% (Миронов 2008*а*: 92), т. е. в «благополучные» предвоенные годы положение было хуже, чем в голодные 1890-е. Но не в этом суть. Расчеты Б. Н. Миронова не разделяют потребления зерна в пищу и на фураж, а между тем потребление фуража в этот период сильно выросло из-за распашки пастбищ – поэтому даже при росте «индекса удовлетворения хлебом и фуражом» нельзя сделать вывод об улучшении питания.

До 1860-х гг. потребление зерна на фураж было небольшим, и для этого периода оценка Б. Н. Миронова (18 кг на душу населения), по-видимому, близка к действительности. Затем расходы на фураж стали расти, но конкретная цифра этих расходов известна лишь для 1910-х гг. Поэтому в реальности мы можем определить уровень потребления в пищу лишь для 1800–1860-х гг. и 1910-х гг. В 1801–1809 гг., по расчетам Миронова (2008*а*: 87), душевое потребление в пищу и на фураж составляло 365 кг, и за вычетом 18 кг фуража мы получим, что потребление в пищу составляло 348 кг на душу. Для 1850-х гг. по расчетам Б. Н. Миронова получается 315 кг со всеми вводимыми им надбавками, а в 1909–1913 гг. с учетом отмеченной выше поправки – 240 кг. ***Таким образом, за сто лет потребление уменьшилось на 30% – все это следует из расчетов самого Б. Н. Миронова, если исправить очевидную ошибку (в моих расчетах падение получается более значительным).***

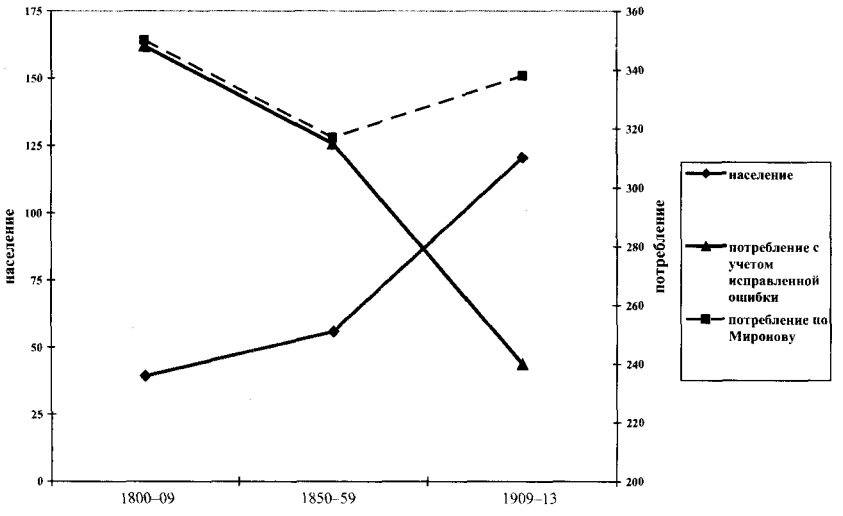


Рис. 1. Численность населения (млн) и душевое потребление зерна в пищу на селе (кг в год) в 50 губерниях Европейской России по расчетам Б. Н. Миронова и с учетом исправленной ошибки

Таким образом, на протяжении XIX столетия мы наблюдаем вполне мальтузианскую картину падения потребления с ростом населения – так что в итоге потребление падает ниже физиологического минимума.

Здесь можно было бы подвести черту под дискуссией – потому что все остальное второстепенно, и никакие другие аргументы по уровню репрезентативности не могут быть поставлены рядом с аргументами массовой урожайной статистики. Это – мой ответ всем участникам дискуссии, сомневающимся в мальтузианском характере кризиса.

Но хотя все остальное и второстепенно, рассмотрим все же и некоторые второстепенные аргументы. В частности, Б. Н. Миронов использует для оценки потребления и другую серию статистических данных, в сотни раз менее масштабную, чем урожайная статистика – это данные земских бюджетных обследований, изредка проводившихся в некоторых губерниях России. Проанализировав эти сведения, Миронов сделал вывод, что «рацион низшей экономической группы крестьян, составлявшей 30% всего сословия, не обеспечивал их достаточной энергией» (Миронов 2002: 37). Это, конечно противоречит его же утверждению, что этот рацион «в целом удовлетворял существовавшие в то время потребности в продовольствии» (Он же 2008*а*: 95).

Однако другой оппонент, М. А. Давыдов, утверждает, что «данные бюджетов если и не принципиально сомнительный, то, по меньшей мере, не всегда достоверный источник» (Давыдов 2003*а*: 199). М. А. Давыдов убедительно доказывает, что часть зерна, потребляемого, по бюджетным данным, в пищу, в действительности расходовалась на фураж (Давыдов 2003*а*: 194–198). Эти данные вполне согласуются с приведенными мною расчетами, показывающими нерепрезентативность и нереалистичность использованных Б. Н. Мироновым данных бюджетных обследований (Нефедов 2008). Реальное потребление в пищу было существенно ниже, чем показывают бюджеты – хотя, конечно, и признанное Б. Н. Мироновым хроническое недоедание 30% крестьян является достаточной причиной для революции.

Еще один довод Б. Н. Миронова в пользу «удовлетворения хлебом» – это наблюдавшееся в конце XIX – начале XX в. уменьшение смертности. Я привел данные, указывающие, что это уменьшение смертности проходило в направлении с запада на восток, и предположил, что эта странная закономерность объясняется распространением санитарии и гигиенических навыков (см. мою первую статью в этом выпуске Альманаха). Поскольку в нашем распоряжении нет данных о потреблении мыла и хлорки по губерниям, то этот вывод, конечно, можно оспаривать. Однако наличие указанной закономерности неоспоримо говорит о том, что уменьшение смертности зависело отнюдь не от увеличения потребления: потребление в России не увеличивалось с запада на восток, скорее наоборот. Об этом пишет и С. Уиткрофт: «В отличие от ситуации в Западной Европе, в России нет никакой корреляции между увеличением потребления пищи и ростом продолжительности жизни» (Wheatcroft 1999: 52).

Последний довод Б. Н. Миронова в пользу «удовлетворения хлебом» – это его расчеты, показывающие некоторое увеличение роста призывников в 1874–1912 гг. Здесь необходимо, конечно, признать чрезвычайно важную роль Бориса Николаевича в получении этих новых данных. Для традиционного общества (когда не сказывается влияние факторов модернизации) правомерность использования антропометрических данных не вызывает сомнений, и их использовали многие исследователи (в том числе и автор этих строк). Возникает естественное желание использовать эти данные для характеристики потребления в конце XIX – начале XX в. и получить с их помощью новую картину развития российского общества. Однако в период модернизации появилось множество новых факторов, демпфирующих характерную для традиционного общества связь между ростом и уровнем питания, – это урбанизация, распространение здравоохранения и санитарии, эффект гетерозиса и т. д. (Властовский 1976: 88–99). Б. Н. Миронов и сам признает, что в этот период «питание не являлось фактором, полностью или в решающей степени определявшим состояние здоровья населения. Правильнее говорить о целом комплексе причин, та-

ких как жилище, потребление алкоголя, медицинское обслуживание, санитарные условия, распространение отхожих промыслов и др.» (Миронов 2002: 40).

Кроме того, с качественной стороны данные Б. Н. Миронова были подвергнуты обоснованной критике М. Эллманом (Эллман 2005), обратившим внимание, в частности, на то обстоятельство, что эти данные содержат ряд необъяснимых скачков, говорящих о неточности измерений или дефектах выборки. «Выводы Б. Н. Миронова о повышении уровня благосостояния русского народа... на базе антропометрических данных не являются вескими и обоснованными», – таково резюме М. Эллмана (2005: 165). С методологической критикой подхода Б. Н. Миронова выступали многие отечественные и зарубежные исследователи, в том числе С. Хок (Hoch 1999), А. Н. Медушевский, Ю. А. Поляков, П. Н. Зырянов (см.: Миронов 2005: 191, 197, 201).

Со своей стороны, я могу добавить, что если бы причиной увеличения роста рекрутов было существенное увеличение потребления, то, очевидно, это привело бы также и к уменьшению доли забракованных рекрутов. Однако в действительности эта доля увеличивалась одновременно с ростом призывников вплоть до 1901 г., и впоследствии, несмотря на некоторое уменьшение, оставалась высокой. Более того, имелась положительная и довольно существенная корреляция между процентом забракованных и ростом призывников (0,78) – как будто увеличение роста призывников свидетельствовало не об их здоровье, а, скорее, наоборот (Нефедов 2005: 314).

Таким образом, представляется, что на сегодняшний день мы не имеем достаточных оснований для отказа от традиционного мальтузианского тезиса, обоснованного (как признает Б. Н. Миронов) в работах «большинства авторитетных исследователей» конца XIX – начала XX в. Попытки ревизии этого тезиса, предпринятые в работах Б. Н. Миронова и М. А. Давыдова, не являются достаточно убедительными, в частности ввиду наличия в этих работах указанных выше противоречий и очевидных ошибок.

Объяснение революции

В ходе дискуссии некоторые ее участники обратили внимание на то обстоятельство, что Б. Н. Миронов, в сущности, избегает главной темы – объяснения причин революции. Поэтому мне придется дать некоторые пояснения по этому поводу и привести отдельные высказывания Бориса Николаевича. Во втором томе *Социальной истории России* Б. Н. Миронов цитирует Питирима Сорокина: «Торжество коммунизма – с быстрым прогрессом бедности и голода и с наличием в то время (до революции. – *С. Н.*) “скопов” богатств и имущественной дифференциацией – было неизбежным». «А когда большевикам удалось захватить власть и *выполнить требования народа*, – продолжает Б. Н. Миронов, – *они обеспечили себе*

его поддержку и смогли расправиться со всеми своими политическими противниками...» (Миронов 1999*б*: 270)

Казалось бы, вполне марксистская точка зрения. Но Б. Н. Миронов многолик... В 2008 г. он пишет нечто прямо противоположное: «Таким образом, три российские революции были обусловлены в значительной степени политическими причинами, вероятно, даже в большей степени, чем экономическими, а также блестящей PR-активностью противников монархии. Утверждение "виртуальных фактов" и создание искусственной "действительности" стало частью русской общественной жизни в начале XX в., а PR – ее неотъемлемым элементом... Успех, сопутствовавший практически всем PR-компаниям, продемонстрировал их колоссальные возможности в борьбе за власть. *Либерально-радикальная общественность выиграла информационную войну у правительства и благодаря этому подготовила почву для захвата власти, что так же успешно осуществила...*» (Миронов 2008*б*: 40–41).

Таким образом, в новой версии Б. Н. Миронова революция была отнюдь не следствием бедности и голода (как он утверждал прежде), а делом рук «либерально-радикальной общественности», создавшей «искусственную действительность». Притом, как утверждает Б. Н. Миронов, в этой «либерально-радикальной общественности» была велика доля «инородцев»: «В "антиэлите" – среди руководства революционных организаций – всюду преобладали лица нерусского происхождения. Например, среди лидеров социалистов-революционеров и большевиков преобладали евреи, среди меньшевиков – грузины, евреи и лица других нерусских национальностей» (Миронов 1999*а*: 42).

Поскольку Б. Н. Миронов обвиняет меня в марксизме, то я хочу привести мнение заведомо немарксистского историка. Это Ричард Пайпс – советник президента Р. Рейгана и хорошо известный антикоммунист. Так вот что пишет Р. Пайпс: «Одним словом, по мнению хорошо известных и наиболее лояльных наблюдателей, Россия в октябре 1916 г. оказалась в ситуации, которая на языке радикалов квалифицировалась как "революционная". И об этом нельзя забывать, оценивая утверждения монархистских политиков и историков о том, что февральская революция, разразившаяся несколько месяцев спустя, была делом рук либералов и неких инородных сил. Современные источники указывают, что беспорядки, вспыхнувшие в феврале, были явлением вполне самородным» (Пайпс 1994: 274, 311).

Итак, Р. Пайпс квалифицирует точку зрения *«о том, что февральская революция... была делом рук либералов и неких инородных сил»* (т. е. точку зрения Б. Н. Миронова. – *С. Н.*) *как «утверждения монархистских историков»*. То, что именно такова была точка зрения на революцию монархистов и черносотенцев, достаточно хорошо известно (см., например: Шанин 1997: 230). Таким образом, в работах Б. Н. Миронова мы имеем дело с

возрождением монархической интерпретации истории России – и это обстоятельство уже отмечалось в отечественной историографии (см.: Согрин 2005: 30). Что же касается Б. А. Давыдова, то в своей статье в данном выпуске Альманаха он многократно и не стесняясь ссылается на одного из крупнейших деятелей «черносотенного» направления – К. Ф. Головина.

Понятно, что монархистская интерпретация революции – это давно забытая мифологема, вызывающая улыбку серьезных историков (вроде того же Р. Пайпса). Но все же мы не должны отвергать с порога любую концепцию, ссылаясь на политические мотивы (как это делает Б. Н. Миронов в отношении марксистов).

Итак, имеет ли право на существование монархистская интерпретация революции?

Неужели монархия пала в результате «PR-компаний», навязавших народу «искусственную действительность»?

Попытаемся разобраться. Демографически-структурная теория утверждает, что перенаселение в среде элиты приводит к ее фракционированию и к борьбе элиты с государством за перераспределение ресурсов (Goldstone 1991: 24, 460–462). С другой стороны, процессы модернизации и вестернизации России породили особую группу элиты, интеллигенцию, которая стала авангардом недовольных элитных группировок в этой борьбе за власть и ресурсы (Laue 1964: 70–71). Будучи сравнительно немногочисленной и слабой, недовольная элита пыталась возбудить против правительства народные массы, спровоцировать их на восстания (Goldstone 1991: 24, 460–462). Эти тенденции впервые проявились в так называемом «хождении в народ» в 1874 г. Однако эта акция закончилась полным провалом: «вестернизованность» интеллигенции препятствовала ее сближению с народом. «Народ, – писал Н. Г. Чернышевский, – не делает разницы между людьми, носящими немецкое платье» (Чернышевский 1951: 92). Но затем начались крестьянские восстания. После восстаний 1902 г. полиция упорно пыталась найти агитаторов-интеллигентов и их «книжечки». «Страшны не книжечки, а то, что есть нечего...» – ответил на это один деревенский староста (Шанин 1997: 40). А. А. Кауфман рассказывает о съезде крестьян-старообрядцев в 1906 г.: «И здесь – все тот же всеобщий вопль о земле, и здесь этот вопль имел тем большее значение, что в нем нельзя видеть продукта какой-либо партийной агитации – напротив, господствовавшее на съезде настроение было определенно-монархическое: старообрядцы все свои надежды возлагали на царя» (Кауфман 1918: 87). «Претензии, связанные с тем, что русским крестьянством руководили со стороны, не выдерживают эмпирической проверки...» – писал Т. Шанин о крестьянской войне 1905–1907 гг. (Шанин 1997: 40). Действительно, О. Г. Буховец приводит статистические данные об эффективности политической агитации в Белоруссии в 1907–1914 гг. В соответствии с этими данными, крестьянские выступления имели место

в 14 из 131 селения, в которых проводилась агитация, и в 924 селениях, в которых агитация не проводилась. Таким образом, крестьянские выступления практически не зависели от интенсивности партийной пропаганды (Буховец 1996*б*: 315). «“Складно говорившие” агитаторы рассматривались крестьянами как чужаки, даже если они говорили об увеличении крестьянских наделов!» – отмечает О. Г. Буховец (Буховец 1996*а*: 192). Отторжение было таково, что вестернизованная интеллигенция не могла навязать народу свою «искусственную действительность» даже в тех случаях, когда она совпадала с настоящей действительностью.

Что же касается руководства либералов в февральской революции, о котором пишет Б. Н. Миронов (Миронов 2008*б*: 39), то следует напомнить о воззвании П. Н. Милюкова к рабочим с призывом к спокойствию в начале февраля 1917 г. Это воззвание по смыслу совпадало с воззванием командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова. Наученные опытом 1905 г., либералы были готовы отказаться от борьбы, чтобы не вовлекать в нее народ. «Этот путь мы отвергали, этот путь был не наш...» – говорил Милюков 27 февраля, когда революция стала реальностью (Суханов 1991: 46–49, 88).

Выводы современных исследователей подтверждают мнение современников о стихийном характере восстания. Западная историография оценивает Февральскую революцию как «неуправляемую, стихийную, анонимную» (см.: Hasegava 1981: 98). Ц. Хасегава, автор наиболее подробной немарксистской работы о Февральской революции, пишет, что «руководители революционных партий не играли большой роли в восстании» (*ibid.*: 314). «Начало Февральской революции... *было ярчайшим проявлением стихийного явления*, – пишет известный американский историк Леонард Хаймсон, – момент взрыва этих волнений *не был предвиден и даже не был признан как решающее революционное событие* лидерами ни одной политической партии и фракции, по крайней мере, до 26 февраля» (Хаймсон 1994: 107). «Революция оказалась не только стихийной, но и беспартийной», – заключает В. П. Булдаков (Булдаков 1997: 55).

Однако Б. Н. Миронов не согласен с общепринятой точкой зрения. Борис Николаевич пишет: «В недавнем исследовании С. В. Куликова убедительно показано, что падение царизма являлось не столько результатом стихийного движения снизу, сколько *результатом революции сверху*: на самом деле в ходе февральских событий был реализован план, разработанный руководителями Центрального военно-промышленного комитета... А. И. Гучковым и его заместителями...» (Миронов 2008*б*: 39). Может быть, в недавнем исследовании появились какие-то новые сведения? С. В. Куликов начинает свое исследование с упоминания о том, что, «как указывал А. И. Гучков, его план остался только в области мечтаний и реального воплощения не получил... Более того, именно А. И. Гучков дал

авторитетное обоснование версии о стихийном характере Февральской революции 1917 г. Сразу после победы революции, публично отмежевываясь от роли одного из ее авторов, он заявлял, что революция стала результатом не "*какого-то умного и хитрого заговора, какого-то комплота, работы каких-то замаскированных заговорщиков*", а "*стихийных исторических сил*"» (Куликов 2007: 161). Но в дальнейшем С. В. Куликов пытается доказать, что план А. И. Гучкова все-таки был реализован. В литературном журнале *Молодая гвардия*, в номере втором за 1928 г., он находит сенсационное свидетельство меньшевика Н. И. Иорданского. Вот как подает его С. В. Куликов: «В ночь с 26 на 27 февраля, по сведениям Н. И. Иорданского, члены "военной организации" ЦВПК "приняли последние решения и наметили первые выступления", результатом чего и стало начавшееся 27 февраля восстание полков Петроградского гарнизона. "Общая наметка первоначальных операций", указывал Н. И. Иорданский, была известна "небольшой части солдат", которая "находилась в сношениях с заговорщиками и имела возможность тайно получить указания от руководящей группы, из осторожности державшейся в тени"» (Куликов 2007: 161). А теперь посмотрим, что на самом деле писал Н. И. Иорданский. «*Я предполагаю*, что восстание 27 февраля в его первой стадии получило направление от неисследованной до сих пор военной организации, связанной с заговором кружка либеральных генералов и антидинастической группы военно-промышленного комитета... Общая наметка первоначальных операций несомненно *могла быть* известна и той небольшой части солдат, которая находилась в сношениях с заговорщиками и имела возможность тайно получить указания от руководящей группы, из осторожности державшейся в тени... *Быть может*, именно в ночь с 26 на 27 февраля заговорщики в полках питерского гарнизона приняли последние решения и наметили первые выступления» (Иорданский 1928: 170–171). Т. е. у Н. И. Иорданского все это – ничем не подкрепленные *предположения*, а С. В. Куликов, выбрасывая словосочетания вроде «быть может», превращает их *в категорические утверждения*.

Как называется такой прием работы с документом? Это – *интеллектуальный подлог* (актовая ложь, *faux intellectuel*). Причем этот подлог виден издалека любому историку, знакомому с обсуждаемой темой. Но Б. Н. Миронов помещает этот подлог в редактируемый только им номер журнала *Нестор*, а затем пишет: «В недавнем исследовании С. В. Куликова *убедительно показано*, что падение царизма являлось... результатом революции сверху» (Миронов 2008*б*: 39). Такие вот «убедительные» доказательства...

В итоге нам ничего не остается, как присоединиться к мнению большинства авторитетных историков о том, что монархическая интерпретация революции не соответствует реальным фактам.

Россия в плену виртуальной реальности

Однако речь идет не только об интерпретации революции. Б. Н. Миронов и М. А. Давыдов утверждают, что весь образ крестьянской России, созданный историками, экономистами и литераторами, – это миф, «искусственная действительность», «виртуальная реальность».

«Утверждение "виртуальных фактов" и создание искусственной "действительности" стали частью русской общественной жизни в начале XX в. ... – подчеркивает Б. Н. Миронов. – Парадигмы кризиса и обнищания занимали важное место в этой агитации и пропаганде против монархии» (Миронов 2008*б*: 40–41).

Таким образом, в общественном мнении полностью господствовала виртуальная реальность. И не только «общественность», но и народ находился в плену виртуальной реальности. «Как это ни парадоксально, – пишет Б. Н. Миронов, – крестьяне и рабочие, по-видимому, слабо или вовсе не ощущали позитивных сдвигов, тем более что их "защитники" постоянно убеждали, что "положение крестьян и рабочих ухудшилось"» (Миронов 2006: 17). Объективная же реальность заключалась, по Б. Н. Миронову, в «существенном улучшении материального положения большинства населения России, включая крестьянство» (Там же).

А что же правительство? Ведь оно должно было изо всех сил опровергать навязываемую его врагами виртуальную реальность?

Да, конечно, бывали случаи, когда министры выступали с опровержениями. Вот, например, министр земледелия А. С. Ермолов в открытой печати оспаривает сообщения о самоубийствах голодающих, об убийствах или продаже ими своих детей во время голода 1906 г. – но тут же почему-то оговаривается: «Скажу, однако, что все эти опровержения... приводятся мною не для того, чтобы доказать отсутствие в посещенных мною губерниях нужды и народного бедствия – несомненно, что нужда была...» (Ермолов 1909: 414–417).

Но вот что удивительно: в закрытой переписке высшие чины не опровергают «виртуальную реальность», а подтверждают навязанный врагами тезис о нужде и бедствиях народа. Министр финансов Н. Х. Бунге пишет в докладной записке: «Когда население возросло, отведенная земля оказалась недостаточной для прокормления крестьян и для доставки им средств в уплате налогов и выкупных платежей. Когда же к этому присоединились неурожаи... тогда положение крестьян в целых уездах и даже губерниях стало бедственным...» (Бунге 1960: 133–134).

Министр финансов В. Н. Коковцов во всеподданнейшем докладе просто констатирует: «Оскудение центра России стало несомненным фактом, и, постепенно распространяясь, оно захватывает все больший и больший район» (Коковцов 1926: 138).

Министр внутренних дел Д. С. Сипягин в докладе Николаю II отмечал, что «неурожай 1901 г... засвидетельствовал общее понижение уровня хозяйственной зажиточности крестьянского населения» (Шидловский 1904: 1–2).

Директор Департамента полиции А. А. Лопухин в докладе о волнениях 1902–1903 гг. писал: «Голодные, не евшие в течение нескольких лет хлеба без примеси соломы или древесной коры и давно не знавшие мясной пищи мужики шли грабить чужое добро с сознанием своей правоты, основанным на безвыходности положения и на том, что помощи им ждать не от кого» (Корелин, Тютюкин 2005: 81).

Саратовский губернатор П. А. Столыпин писал в отчете Николаю II об этих волнениях: «Все крестьянские беспорядки, агитация среди крестьян и самовольные захваты возможны только на почве земельного неустройства и крайнего обеднения сельского люда. Грубое насилие наблюдается там, где крестьянин не может выбиться из нищеты» (Кабытов 1990: 52).

Впрочем, сановники говорили о «нищете» и «крайнем обеднении» иной раз и открыто. Тот же Столыпин, став премьер-министром, так отвечал на речи марксистов о бедственном положении деревни: «Я охотно соглашусь... с нарисованной ими картиной оскудения земледельческой России. Встревоженное этим правительство уже начало принимать ряд мер для поднятия земледельческого класса...» (Столыпин 1991: 208).

Наибольший интерес представляют высказывания С. Ю. Витте. Будучи министром финансов, С. Ю. Витте проводил политику форсирования хлебного экспорта, и, естественно, отвергал обвинения в том, что этот экспорт является «голодным». «Торговый баланс улучшается, – говорил он. – Если обратиться к статистике, то она говорит, что это явление происходит от недоедания русского населения. А я думаю, что население имеет больше хлеба, чем показывается по статистическим сведениям. Статистика делает наших крестьян голодными» (цит. по: Симонова 1987: 98). Казалось бы, мы видим полное совпадение взглядов министра финансов с позицией Б. Н. Миронова и М. А. Давыдова – вот, наконец, нашелся прозорливец, разоблачивший статистиков из МВД! Но за закрытыми дверями (на совещании министров под председательством царя 17 марта 1899 г.) С. Ю. Витте говорил нечто совсем иное: «Если сравнить потребление у нас и в Европе, то средний размер его на душу населения составляет четвертую или пятую часть того, что в других странах считается необходимым для обычного существования» (цит. по: Ерофеев 2003: 55). В 1902 г. С. Ю. Витте стал председателем «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» и поручил своему ближайшему помощнику Н. Н. Кутлеру собрать и проверить всю необходимую статистику. В итоге было составлено три огромных тома «Материалов...» (Материалы... 1903). Теперь С. Ю. Витте уже не сомневался в статистике и писал, что «весь этот материал представляет собою богатые данные для

всех исследований и даже для всяких научных исследований». И далее: «Затем из материалов этого сельскохозяйственного совещания всякий исследователь увидит, что в умах всех деятелей провинции того времени, т. е. 1903–1904 гг., бродила мысль о необходимости для предотвращения бедствий революции сделать некоторые реформы... Все революции происходят от того, что правительства во время не удовлетворяют назревшие народные потребности» (Витте 1960: 538). В препроводительной записке к журналам Совещания Витте сообщал царю, что сложившийся порядок держится только на долготерпении крестьянства и оно слишком долго подвергается перенапряжению (цит. по: Милов 2008: 92). На последнем заседании Совещания Витте сказал: «Я не хотел бы быть пророком, но боюсь, что в близком будущем... быть может, в этом самом зале, придется обсуждать вопрос о дополнительном наделении крестьян землей» (Корелин, Тютюкин 2005: 52). И действительно, не прошло и года, как, став премьер-министром, С. Ю. Витте поручил Н. Н. Кутлеру разработать законопроект о «дополнительном наделении крестьян землей».

Как известно, Николай II воспрепятствовал принятию этого законопроекта. Однако из этого не следует, что император знал правду о «существенном улучшении материального положения большинства населения России». В рескрипте о назначении П. Л. Барка на должность министра финансов царь писал, в частности, о том, что во время поездки по России он видел «печальную картину народной немощи, семейной нищеты и заброшенности хозяйств» – т. е. наблюдал все ту же виртуальную реальность (Джунковский 1997: 282–283).

Итак, если следовать логике Б. Н. Миронова и М. А. Давыдова, то из приведенных выше высказываний получается, что не только вся русская «общественность», не только народ, но и правительство, и сам царь находились в плену виртуальной реальности, были совершенно оболванены либеральной пропагандой и жили в каком-то «зазеркалье». И уж конечно, они не имели никакого представления о «существенном улучшении материального положения большинства населения России, включая крестьянство».

«Когда я читал статью Б. Н. Миронова, – писал академик Б. В. Ананьич, – меня не покидала мысль, что это *розыгрыш читателя*, *демонстрация искусства искаженного изображения прошлого* с помощью ошеломляющего обилия цифрового материала и отсылок на англоязычные издания...» (Ананьич 2003: 613).

Библиография

Ананьич Б. В. 2003. Заметки по поводу статьи Б. Н. Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным». *Экономическая история: Ежегодник* 2002: 611–613.

Булдаков В. П. 1997. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия.* М.: РОССПЭН.

Бунге Н. Х. 1960. Записка Н. Х. Бунге Александру II «О финансовом положении России». *Исторический архив* 2: 132–143.

Буховец О. Г. 1996*а*. Ментальность и социальное поведение крестьян. *Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)* / Ред. Л. В. Милов. М.: РОССПЭН. С. 183–193.

Буховец О. Г. 1996*б*. *Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты.* М.: Мосгорархив.

Виноградова Н. 1926. Русская урожайная статистика. *Вестник статистики* 23: 29–84; 24: 51–104.

Витте С. Ю. 1960. *Воспоминания.* Т. 2. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры.

Властовский В. Г. 1976. *Акселерация роста и развития детей.* М.: Изд-во МГУ.

Давыдов М. А. 2003*а*. *Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв.* М.: Изд. центр РГГУ.

Давыдов М. А. 2003*б*. *Рынок и рыночные связи России в конце XIX – начале XX вв. (Источниковедческое исследование)*: Дис. ... д-ра ист. наук. М.

Джунковский Д. Ф. 1997. *Воспоминания.* Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых. С. 282–283.

Ермолов А. С. 1909. *Наши неурожаи и продовольственный вопрос.* Т. I. СПб.

Ерофеев Н. Д. 2003. Уровень жизни населения России в конце XIX – начале XX в. *Вестник Московского университета.* 8: *История* 1: 54–69.

Иванцов Д. И. 1915. *К критике русской урожайной статистики.* Пг.: Тип. Ф. И. Киршбаума.

Игнатович И. И. 1925. *Помещичьи крестьяне накануне освобождения.* 3-е изд. Л.: Мысль.

Иорданский Н. И. 1928. Военное восстание 27 февраля. *Молодая гвардия* 2: 162–172.

Кабытов П. С. 1990. *Русское крестьянство в начале XX века.* Куйбышев: Изд-во Саратовского ун-та.

Кауфман А. А. 1908. *Аграрный вопрос в России.* 1: *Земельные отношения и земельная политика.* М.: И. Д. Сытин.

Кауфман А. А. 1918. *Аграрный вопрос в России.* М.: Московское научное изд-во.

Коковцов В. Н. 1926. Всеподданнейший доклад В. Н. Коковцова 19 ноября 1904 г. *Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг.* М. – Л.: Московский рабочий. С. 135–146.

Корелин А. П., Тютюкин С. В. 2005. (Ред.). *Первая революция в России. Взгляд через столетия.* М.: Памятники исторической мысли.

Куликов С. В. 2007. «Революции неизменно идут сверху…» Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы. *Нестор* 11: 117–185.

Лосицкий А. Е. 1918. (Ред.). *Урожай хлебов в России в 1917 г.* М.: Изд-во Московского областного продовольственного Комитета.

Лященко П. И. 1908. *Очерки истории аграрной эволюции России.* СПб.: Министерство финансов.

Материалы... 1903. *Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по изследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России*: в 3 ч. СПб.: Тип. МВД.

Милов Л. В. 2006. (Ред.). *История России XVIII–XIX вв.* М.: ЭКСМО.

Милов Л. В. 2008. (Ред.). *История России. XX – начало XXI века.* М.: Изд-во МГУ.

Миронов Б. Н. 1999*а*. *Социальная история России.* Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин.

Миронов Б. Н. 1999*б*. *Социальная история России.* Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин.

Миронов Б. Н. 2002. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века. *Отечественная история* 2: 30–43.

Миронов Б. Н. 2005. Антропометрическая история России XVIII–XX веков: теория, методы, источники, первые результаты. *Труды Института Российской истории* 5: 173–205.

Миронов Б. Н. 2006. Униженные и оскорбленные. «Кризис самодержавия» – миф, придуманный большевиками. *Родина* 1: 12–17.

Миронов Б. Н. 2008*а*. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? *Уральский исторический вестник* 3: 81–95.

Миронов Б. Н. 2008*б*. Системный кризис в России в царствование Николая II – факт или артефакт? *Император Николай II и его время* / Ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Екатеринбургская епархия, ИИиА УрО РАН. С. 23–45.

Нефедов С. А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России.* Екатеринбург: УГГУ.

Нефедов С. А. 2008. Влияние революции 1917 г. на динамику потребления пищевых продуктов. *Уральский исторический вестник* 3: 96–107.

Пайпс Р. 1994. *Русская революция.* Ч. 1. М.: РОССПЭН.

Покровский М. Н. 1907. Крестьянская реформа. *История России в XIX веке.* Т. 3. [М.]: Изд-во А. и И. Гранат.

Производство... 1916. *Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Материалы по продовольственному плану.* Вып. 1. Пг.

Розенберг В. 1904. Из хроники крестьянского дела. *Очерки по крестьянскому вопросу* / Ред. А. А. Мануилов. М.: Д. С. Сабашниковы.

Рожков Н. А. 1902. *Город и деревня в русской истории.* СПб.: И. Н. Скороходов.

Свод... 1902. *Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века.* В 3 вып. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума.

Симонова М. С. 1987. *Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции.* М.: Наука.

Согрин В. В. 2005. 1985–2005 гг.: перипетии исторического плюрализма. *Общественные науки и современность* 1: 20–34.

Столыпин П. А. 1991. *Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете.* М.: Молодая гвардия.

Суханов Н. Н. 1991. *Записки о революции.* Т. 1. Кн. 1–2. М.: Изд-во полит. лит-ры.

Финн-Енотаевский А. 1911. *Современное хозяйство России (1890–1910 гг.).* СПб.: М. И. Семенов.

Фортунатов А. Ф. 1893. *Сельскохозяйственная статистика Европейской России.* М.: Типолитография товарищества И. Н. Кушнерев и К°.

Хаймсон Л. 1994. Рабочий класс в революционных процессах. *Россия в XX веке. Историки мира спорят.* М.: Наука. С. 107–114.
Чернышевский Н. Г. 1951. *Полное собрание сочинений.* Т. X.: М.: Гослитиздат.
Шанин Т. 1997. *Революция как момент истины. 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг.* М.: Весь мир.
Шидловский С. И. 1904. (Сост.). *Земельное обложение.* СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума.
Эллман М. 2005. Витте, Миронов и ошибочное использование антропометрических данных. *Экономическая история. Обозрение* 11: 159–165.

Goldstone J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* London: University of California Press.
Hasegava Ts. 1981. *The February Revolution: Petrograd, 1917.* Seattle: University of Washington Press.
Hoch S. 1999. Tall Tales: Anthropometric Measures of Well-Being in Imperial Russia and the Soviet Union, 1821–1960. *Slavic Review* 58: 61–70.
Laue Th. von. 1964. *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of Russian Revolution. 1900–1930.* Philadelphia: Lippincott.
Wheatcroft S. 1974. The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics. *Soviet Studies* 26: 157–180.
Wheatcroft S. 1999. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960. *Slavic Review* 58: 27–60.
Wheatcroft S. G., Davies R. W. 1994. The Crooked Mirror of Soviet Economic Statistics. *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945* / Ed. by R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft. Cambridge: Cambridge University Press. P. 24–37.

Аннотация

Статья С. А. Нефедова посвящена подведению итогов проводившейся на страницах Альманаха дискуссии о причинах Русской революции. Автор утверждает, что подсчеты Б. Н. Миронова, показывающие, что уровень потребления хлебов в России в начале XX в. был достаточно высоким, содержат ошибку, связанную с недоучетом расходов на фураж. После исправления этой ошибки, даже при вносимых Б. Н. Мироновым поправках в официальную статистику, получается, что вследствие роста населения потребление в XIX в. упало примерно на треть – т. е. наблюдалась типичная картина «мальтузианских ножниц». Кроме того, автор показывает, что не является обоснованным и объяснение Мироновым Февральской революции как либеральной «революции сверху». Демонстрируется, что концепция Б. Н. Миронова и С. В. Куликова о ведущей роли либеральной буржуазии в Февральской революции не выдерживает критики и основана, в частности, на неверной передаче цитируемого С. В. Куликовым источника (статьи Н. И. Иорданского).

Заключение. История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков

Истина редко бывает однозначной.
О. Уайльд

В отношении *Заключения* мы оказались перед трудной дилеммой. Делать заключение к такой сложной дискуссии означает взять на себя большую ответственность вынести окончательное решение, иными словами, почти что заявить, что мы знаем лучше участников дискуссии, в чем состояли реальные причины Русской революции и каковы были уровень жизни в дореволюционной России и долгосрочная динамика его изменения. Естественно, что мы ни в коем случае не собираемся этого заявлять, хотя, конечно, и имеем собственное мнение по ряду проблем (но при этом отнюдь не по всем проблемам). С другой стороны, не делать заключения – значит, оставить в недоумении читателей и не выполнить обязанности, которые возлагаются на редакторов Альманаха. Следуя принципу древних римлян «делай, что должно, и будь, что будет», мы все-таки решили подвести некоторые итоги этой сложной и периодами даже весьма темпераментной дискуссии.

Итак, цель этого *Заключения* – в том, чтобы подвести некоторые итоги дискуссии, но не указать на истину в последней инстанции. В определенных вопросах истина оказывается похожей на линию горизонта, она начинает ускользать по мере приближения к ней. А в других случаях вместо одной проблемы, которую пытались решить, появилось несколько. Но собственно в такой борьбе с «гидрой» нашего незнания и состоит научный поиск. Как говорил О. де Бальзак, «если все время будешь говорить один – всегда будешь прав» (цит. по: Лавренова 2005: 274). Некоторые ученые умудряются всю жизнь слышать только самих себя и считают себя всегда правыми. Но не это, конечно, магистральный путь в науке. Столкновение взглядов, научный спор, умение понять и где-то принять аргументы оппонента – вот где лежит этот путь. Мы не считаем, что в споре всегда рождается истина, тем более если исходить из того, что истина – понятие, определить которое сложно. Но мы исходим из того, что

крайне важно уже обозначить границы истины, показать разные пути к ней. А именно дискуссия – наиболее эффективный способ достичь этого. Уже по одному этому мы считаем, что дискуссия, опубликованная в настоящем Альманахе, продемонстрировала свою остроту, актуальность и плодотворность. Правда, нельзя не пожалеть, что в настоящем выпуске было мало внимания уделено моделированию (хотя, естественно, в других своих работах оба главных дискутанта и некоторые участники дискуссии активно используют количественные методы, а часть участников дискуссии занимается математическим моделированием исторических процессов). В настоящем *Заключении* мы попытались хоть в небольшой степени компенсировать этот недостаток.

Напомним, что дискуссия начиналась как специальный спор историков о релевантности разных подходов для оценки уровня жизни и долгосрочной динамики потребления в XIX – начале XX в. в России, в частности: а) об объективности использования неомальтузианских теорий и схем (основанных на моделях расчета роста демографического давления и динамики среднедушевого потребления исходя из экологической емкости среды) для анализа исторического развития России и ее социально-демогра-фических проблем; б) о клиометрических методах, связанных с использованием данных о биостатусе российского населения (прежде всего данных о росте рекрутов) для обоснования выводов о долгосрочной динамике потребления и уровня жизни населения России. Затем были затронуты специальные вопросы релевантности тех или иных историографических источников[1], с помощью которых можно сделать выводы об уровне жизни населения России. В результате возник весьма острый спор о том, понижалось или повышалось потребление основной массы населения в дореволюционной России. Этот вопрос, сам по себе очень важный и интересный, тем не менее, по нашему мнению, мог не привлечь внимания многих читателей из-за того, что он вращался вокруг проблемы релевантности известных только специалистам статистических данных. Однако дискуссия расширялась и органично перешла в русло обсуждения причин Русской революции, что не могло не придать ей широты и остроты.

Таким образом, плодотворность дискуссии выразилась, во-первых, в том, что было представлено несколько интересных и оригинальных точек зрения, в т.ч. новых. Во-вторых, был затронут в системе широкий спектр проблем и вопросов. В-третьих, гораздо более ясно обозначились точки зрения и нерешенные проблемы. В то же время дискуссия показала, что фактически имеется больше проблем, чем решений, поэтому необходима дальнейшая исследовательская работа. О некоторых направлениях такой работы мы еще скажем ниже.

---

[1] В частности, вопрос о достоверности сводок ЦСК МВД, данных Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ России, земской статистики, губернаторских отчетов и т.п. о состоянии сельского хозяйства России, урожайности, сборе зерновых, доходах и расходах крестьянских домохозяйств и т.п.

Важно отметить, что, на наш взгляд, дискуссия не демонстрирует победы какой-то одной точки зрения. Фактически стало ясно, что хотя каждая точка зрения имеет свои плюсы, но у каждой имеется и определенная односторонность. Вот почему мы не поддерживаем полностью ни одну из двух главных точек зрения. Позиция одного из редакторов (но только как исследователя, а не как редактора) была высказана в его статье в рамках дискуссии. Разумеется, она ни в коей мере не является официальной позицией коллектива редакторов, однако под утверждением, что «над обоими дискутантами их теория довлеет в большей степени, чем было бы желательно, она и определяет полярность в предпочтении тех или иных авторов и источников, приводит порой к неоправданным выводам и интерпретациям фактов, даже отрицанию вполне очевидных моментов» (см. статью Л. Е. Гринина в настоящем Альманахе, с. 198–199), готовы подписаться все редакторы данного выпуска Альманаха.

В этом *Заключении* мы бы хотели указать на некоторые важные факторы, которые выпали из внимания (или были затронуты недостаточно), но значимы для понимания общереволюционных ситуаций.

Здесь имеет определенный смысл остановиться на проблеме связи процессов модернизации и революции. Процессы модернизации всегда идут сложно (это касается почти любой страны, возможно, за редкими исключениями) и достаточно часто сопровождаются революциями. Революции, как было показано во *Введении,* могут быть интерпретированы поразному. На наш (и далеко не только на наш) взгляд, в определенном аспекте революция может быть представлена как одна из форм кризиса процесса модернизации в результате диспропорций в обществе, которые возникают вследствие быстрых социально-экономических изменений. Во всяком случае, все революции Нового времени происходили не в архаических обществах, а в странах, так или иначе затронутых модернизацией. Сказанное важно уже потому, что ни один из участников дискуссии не отрицает, что Россия находилась в процессе модернизации экономики и общественных отношений. Ниже мы вернемся к вопросу, который особенно значим для настоящей дискуссии: какую роль играет в революции мальтузианский (демографический) фактор. Однако сразу отметим, что и модернизация, и выход из «мальтузианской ловушки»[2] сопровождаются структурными кризисами, которые могут закончиться как переходом к новому системному уровню, так и неудачей, провалом, коллапсом полити-

[2] Далее везде этот термин (и аналогичные ему) даются без кавычек. Под мальтузианской ловушкой понимается типичная для доиндустриальных обществ ситуация, когда рост общественного производства (в результате того, что он сопровождается обгоняющим демографическим ростом) не сопровождается в долгосрочной перспективе ростом производства ВВП на душу населения и улучшением условий существования подавляющего большинства населения, остающегося на уровне, близком к уровню голодного выживания (см., например: Artzrouni, Komlos 1985; Steinmann, Komlos 1988; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann, Prskawetz, Feichtinger 1998; Wood 1998; Kögel, Prskawetz 2001).

ческой системы. В обоих случаях высок риск вхождения в более или менее длительное состояние политической нестабильности, что часто связано со значительным внутриобщественным противостоянием, ведущим с высокой вероятностью к кровопролитию (в виде этнических, социальных, религиозных столкновений; гражданских войн, репрессий и т.п.).

Мы исходим из того, что процессы модернизации занимают достаточно длительную эпоху и при определенных их сходствах в ряде параметров в каждом обществе имеют свои большие особенности, причем можно выделить определенные типы и подтипы путей модернизации (см., например: Berger 1986; Бергер 1994; Гринин 2003, 2008; Гринин, Коротаев 2009*в*). В статье Л. Е. Гринина в настоящем Альманахе (с. 219–221) были приведены некоторые примеры модернизации как связанные с мальтузианским демографическим давлением, так и не связанные с ним. В отношении вторых приводился пример Франции в XIX в., где население росло сравнительно медленно, за 100 лет выросло всего примерно в полтора раза: с 26,9 млн чел. до 40,7 млн чел. (Armengaud 1976: 29). Но это не помешало тому, что в ней произошло за XIX в. несколько революций. Было также указано, что демографическое давление может иметь место, но уменьшаться за счет эмиграции и прямой смертности от голода, примером чему служит Ирландия, население которой за XIX в. даже уменьшилось с 5 млн до 4,4 млн чел. (там же).

В отношении первого типа развития было указано, что быстрая модернизация может сопровождаться быстрым ростом населения, но не вести к революциям благодаря более удачной внутренней и внешней политике государства (примером чему служит Япония после реставрации Мэйдзи). Более подробно был исследован пример Египта XIX – начала XX в.

Действительно, в истории Египта в XIX – начале XX в. было несколько важных моментов, существенно сходных с развитием России, если рассматривать их в рамках демографически-структурной теории. Население Египта за 100 с небольшим лет (с 1800 по 1907 гг.) увеличилось почти в 3 раза (с 3,5–4 млн до 11 млн чел.) и продолжало расти. Всего за 10 лет (с 1898 по 1907 гг.) оно увеличилось на 14% (Panzac 1987; McCarthy 1976). Этот рост вполне сопоставим с ростом населения в России (если учесть расширение территории в России и стабильную территорию Египта). В конце XIX – начале XX в. перенаселение остро ощущалось и в Египте. Быстрый рост населения привел также к росту малоземелья и массовому обезземеливанию крестьянства (см.: Фридман 1973). И так же, как в России, в Египте в течение всего этого времени шла мощнейшая модернизация экономики и государства. Но в отличие от России там не было социальной революции и не произошло никакой катастрофы (была борьба за независимость от английской оккупации, вылившаяся в бурные, но не кровавые события 1919 г.). История Египта второй половины XIX – начала XX в. (хотя это была восточная страна) не связана ни с голодовками, ни с эпидемиями, ни с катастрофическим уменьшением населения. Таким

образом, тут мы наблюдаем ту важную особенность протекания исторических закономерностей, которая выражается в том, что сходные причины и даже сходные последствия этих причин (рост населения – демографическое давление – напряженность в обществе) не всегда вызывают сходную реакцию общества, а характер «ответа» сильно зависит как от исторических традиций и особенностей эпохи, так и от менталитета, качества государства и лидеров. Не в последнюю очередь благополучное развитие Египта было связано с английской оккупацией (после 1882 г.), которая создала более эффективную политическую систему и уделяла больше внимания экономическому развитию, чем власть в России.

Отметим, что окончательный выход из мальтузианской ловушки в Египте произошел только при Насере и Садате, благодаря относительно удачной внутренней политике которых страна, возможно, избежала попадания в ловушку кровопролитного внутреннего противостояния. Однако в настоящее время Египту потенциально грозит в случае существенного ослабления центральной власти или возникновения нестабильности пойти по пути алжирского сценария (подробно о котором см. ниже).

Вступление общества в стадию экономической, культурной и социальной модернизации вовсе не отменяет действия мальтузианских факторов. Поэтому необходимо остановиться на вопросе о мальтузианских факторах революций XX века. Не осталась ли релевантность этих факторов в прошлых эпохах? Действительно, определенные высказывания некоторых участников дискуссии можно понять именно таким образом, что в XIX–XX вв., после начала модернизации, относительное перенаселение (вызванное тем, что рост населения обгоняет темпы роста производства средств к существованию) уже не может быть сколько-нибудь значимым фактором возникновения крупных кровавых политических потрясений/революций. Остается ли все-таки этот фактор значимым в современную эпоху, когда практически не осталось традиционных в полном смысле обществ, то есть обществ и государств, которые бы хоть в какой-то мере не вступили в эпоху модернизации?

У нас есть достаточные основания утверждать, что для ряда обществ остается. Рассмотрим, например, экономико-демографическую динамику Эфиопии накануне свержения режима Менгисту Хайле Мариама[3] (см. Табл. 1 и Рис. 1–2).

Как мы видим, ситуацию в Эфиопии в десятилетие, предшествовавшее падению режима Менгисту Хайле Мариама, нельзя характеризовать как период полной экономической стагнации. Общий тренд экономической динамики в Эфиопии в этот период был положительным. С 1981 г. по 1991 г. ВВП Эфиопии вырос достаточно заметно – на 12,5%. Однако население Эфиопии за тот же период выросло значительно сильнее – почти на 40%. В результате производство ВВП на душу населения за этот пери-

[3] О свержении этого режима в 1991 г. см., например: Adejumobi 2007.

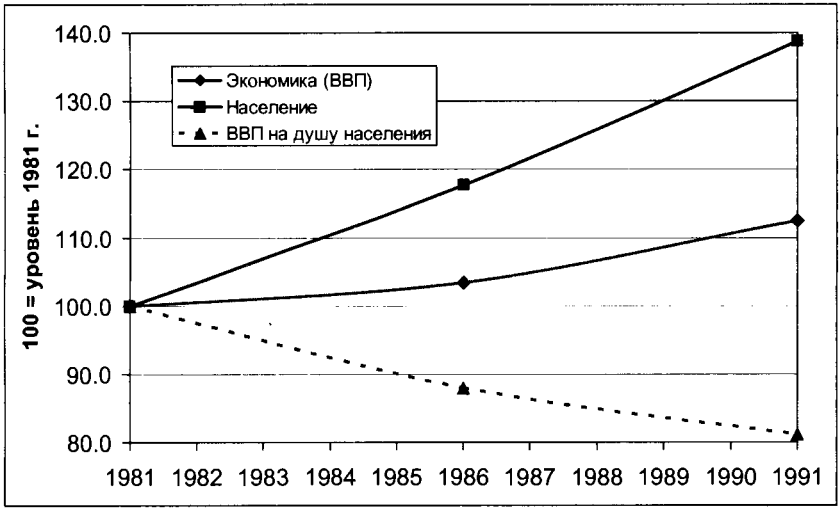
од упало с и так уже крайне неблагополучного уровня в 608 долларов ниже катастрофически низкого уровня – 500 долларов.

Табл. 1. Экономико-демографическая динамика Эфиопии в 1981–1991 гг.

Год	Экономический рост 1: суммарное производство ВВП		Демографический рост: население		Экономический рост 2: производство ВВП на душу населения		Подушевое потребление продовольствия
	в млрд международных долларов 2005 г., в паритетах покупательной способности	в % от уровня 1981 г.	в млн чел.	в % от уровня 1981 г.	в международных долларах 2005 г.	в % от уровня 1981 г.	в ккал на чел. в день
1981	21,76	100	35,8	100	607,85	100	1831
1986	22,50	103,4	42,1	117,6	534,24	87,9	1711
1991	24,47	112,5	49,7	138,7	492,85	81,1	1657

Источники: World Bank 2009; FAO 2006.

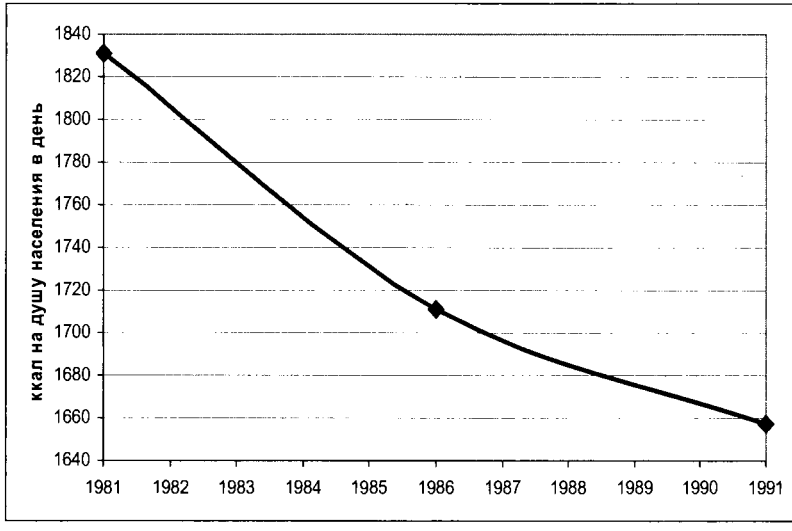
Рис. 1. Экономико-демографическая динамика Эфиопии в 1981–1991 гг.



Аналогичное катастрофическое падение испытал и уровень обеспеченности населения продовольствием. На 1981 г. продовольственная ситуация в Эфиопии также была уже очень неблагополучной: среднедушевое по-

требление на этот год составляло 1831 ккал на чел. в день (при рекомендованной ВОЗ норме 2300–2400 ккал [см., например: Naiken 2002; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007: 186]). Но на фоне бурного демографического роста, сопровождавшегося заметно более медленным экономическим ростом, среднедушевое потребление продовольствия в Эфиопии упало уже откровенно ниже физиологического минимума. Отметим, что достаточно быстрый рост населения, который наблюдался в Эфиопии в 1980-е годы, на фоне выраженного относительного перенаселения и массового недоедания показывает достаточную обоснованность тезиса С. А. Нефедова о том, что высокие темпы демографического роста возможны в модернизирующихся обществах и в условиях выраженного перенаселения и массового недоедания за счет распространения современной медицины и санитарных технологий, позволяющих поддерживать смертность на относительно низком уровне даже в таких условиях (в традиционных обществах в подобного рода условиях обычно происходило очень заметное, вплоть до отрицательных значений, снижение темпов демографического роста [см., например: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007]).

Рис. 2. Динамика потребления продовольствия в Эфиопии в 1981–1991 гг., ккал. на чел. в день



Важно отметить, что столь низкий уровень среднедушевого потребления означает, что заметная часть населения страны оказалась на гране голодной смерти. В такого рода ситуации для многих обитателей страны при-

соединение к криминальным группировкам (или повстанческим армиям, которые, как известно, легко трансформируются в криминальные группировки и наоборот) оказывается по-своему логичным выбором – продолжать пытаться добывать себе средства к существованию привычным образом оказывается нередко равноценным практически неизбежной голодной смерти, присоединение же к бандитскому формированию / повстанческой армии дает хоть какие-то шансы выжить (ср.: Chu, Lee 1994). И подобное развитие событий наблюдалось в XX в. отнюдь не только в Эфиопии, но и во многих других странах, например в Мозамбике, Сомали, Демократической Республике Конго и т.д. (см., например: Small, Singer 1982; Crowder, Fage, Oliver 1986; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007: 178–200). Данные о жертвах в Эфиопии в указанный период разноречивы (см., например: Clodfelter 1992; Rummel 1994; Lorraine 1995; Wallechinsky 1995; Bercovitch, Jackson 1997; Palmowski 1997; Totten 1997; Project Ploughshares 2008; White 2009*a*, 2009*b*; Гринин, Коротаев 2009*в*), но в целом количество жертв голода, гражданских войн, репрессий и пр. составляют сотни тысяч человек.

Таким образом, Эфиопия представляет яркий пример одного типа развития, при котором рост населения настолько опережает рост производства, что уровень потребления в обществе заметно падает, что нередко ведет (во взаимодействии с другими факторами) к тяжелым потрясениям в стране. Но всем ли такого рода кровавым политическим потрясениям предшествовало падение среднедушевого потребления продовольствия до уровня физиологического минимума (или даже ниже него)? Ответ, конечно, является, отрицательным даже применительно к странам Африки.

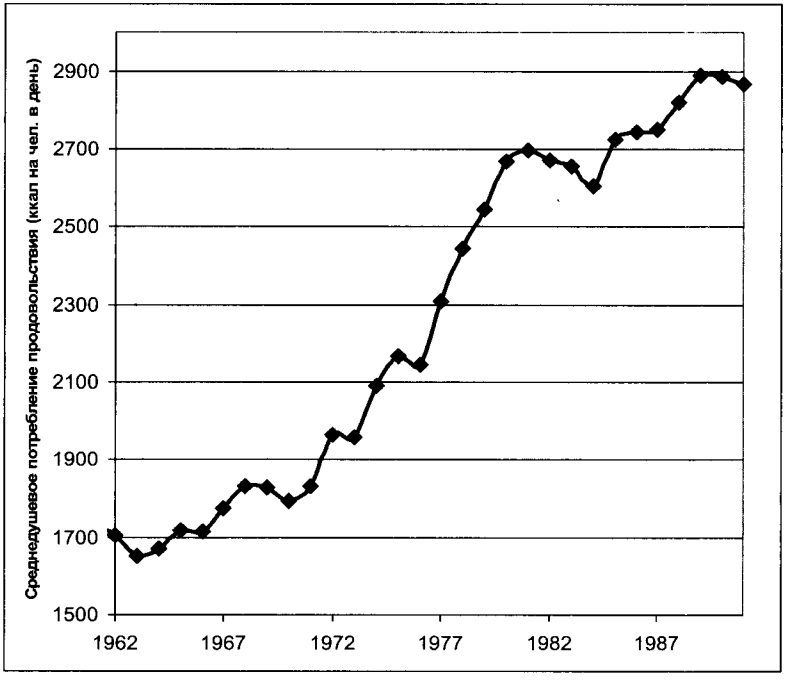
Рассмотрим, например, экономико-демографическую динамику Алжира в 1962–1991 гг., т.е. в период после завоевания Алжиром независимости, предшествовавший началу кровопролитной[4] гражданской войны 1992–1997 гг., которую вполне можно охарактеризовать как потерпевшую поражение исламскую революцию (см., например: Кепель 2004: 164–180, 247–266). Какова же была динамика душевого потребления продовольствия накануне этих событий? Наблюдалось ли тогда падение этого показателя к уровню физиологического минимума? Как мы увидим ниже, реальный сценарий событий отличался от мальтузианского самым существенным образом.

Рассмотрим для начала динамику среднедушевого потребления продовольствия в Алжире в течение двух десятилетий его независимого развития, предшествовавших началу гражданской войны (см. Рис. 3 и Табл. 2):

---

[4] По некоторым данным, количество жертв в результате восстания исламистских радикалов в 1992–2002 гг. достигло ста тысяч (см., например: Project Ploughshares 2008; White 2009*a*, 2009*b*; Гринин, Коротаев 2009*в*).

Рис. 3. Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Алжире в 1962–1991 гг., ккал на чел. в день



Источники: FAO 2006; Зинькина 2010: 260.

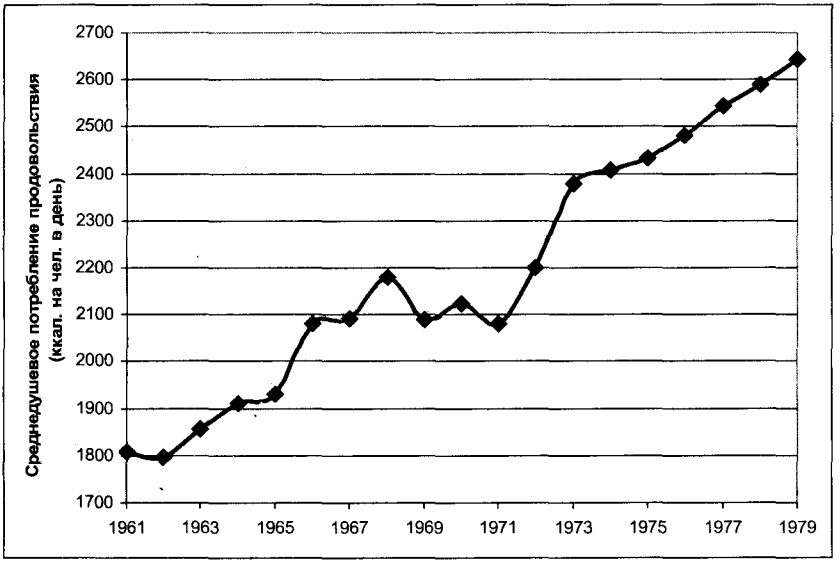
Как мы видим, эта динамика едва ли не прямо противоположна той, что мы должны были бы ждать, исходя из «мальтузианской теории революции». В частности, она практически прямо противоположна той динамике, которую мы могли видеть применительно к Эфиопии кануна падения режима Менгисту Хайле Мариама. Действительно, в первые годы после завоевания независимости Алжир столкнулся с самыми серьезными продовольственными проблемами. Среднедушевое потребление продовольствия в Алжире было значительно ниже рекомендованных ВОЗ 2300–2400 ккал на чел. в день, а большинство алжирцев страдало от недоедания. Только в 1973 г. Алжир смог преодолеть критически важный порог в 1850 ккал.[5] В то же время этот период не сопровождался массовыми волнениями. Однако к концу 1970-х гг. Алжир превзошел и рекомендованный ВОЗ уровень в 2300–2400 ккал и после этого уже ниже этого уровня

[5] О критической важности этого порогового значения см.: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007: 188–190.

не опускался. Таким образом, проблема недоедания перед подавляющим большинством алжирцев уже больше не стояла. К концу 1980-х гг. потребление алжирцами продовольствия перевалило уровень в 2800 ккал на чел. в день. Правда, прямо перед началом гражданской войны оно немного снизилось, но совсем уж немного, в пределах статистической погрешности, и оставалось существенно выше рекомендованной ВОЗ нормы. Таким образом, ни о каком относительном перенаселении, приведшем к падению уровня потребления до порога физиологического минимума, как факторе начала кровавых политически потрясений применительно к Алжиру говорить не приходится.

Для того, чтобы показать, что «алжирский случай» не являлся для XX в. каким-то абсолютным исключением, приведем для примера также данные по динамике душевого потребления продовольствия в Иране накануне победоносной Исламской революции 1979 г.[6] (см. Рис. 4), однако ниже у нас будет возможность рассмотреть подробнее только один случай – алжирский.

Рис. 4. Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Иране в 1961–1979 гг., ккал на чел. в день



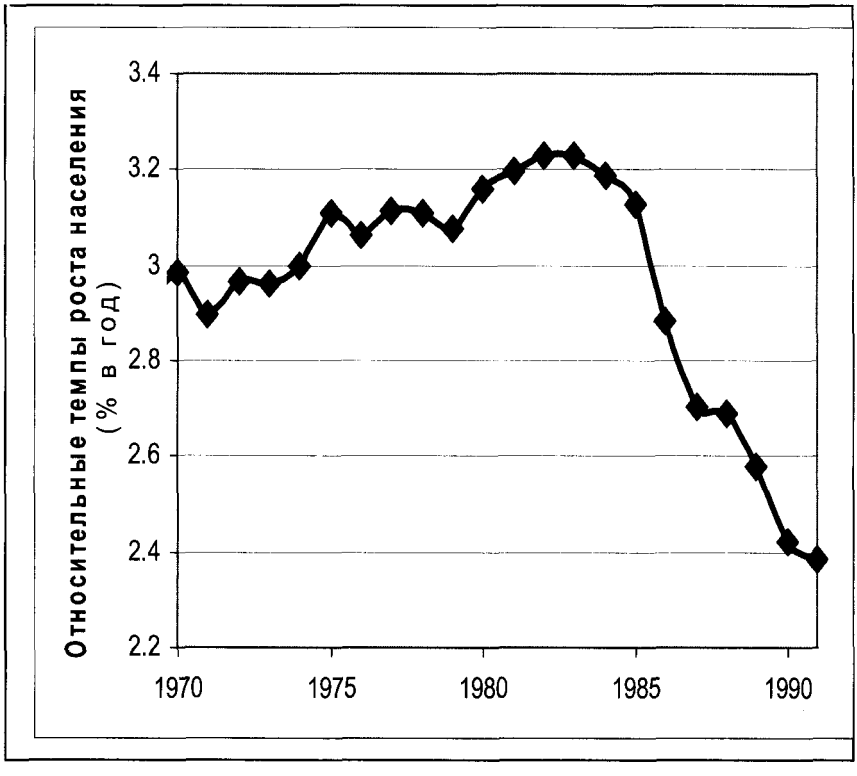
Источник: FAO 2006.

[6] По некоторым данным унесшей также жизнь десятков тысяч (до 100 тыс.) чел. (см., например: Small, Singer 1982; Clodfelter 1992; Rummel 1994; Lorraine 1995; Wallechinsky 1995; Bercovitch, Jackson 1997; Palmowski 1997; Totten 1997; Project Ploughshares 2008; White 2009*a*, 2009*b*; Гринин, Коротаев 2009*в*).

Означает ли рассмотренная выше динамика душевого потребления в Алжире, что экономико-демографические факторы никакой роли в начале алжирской гражданской войны не сыграли? Нет, как мы увидим ниже, это не так. Но для того, чтобы это понять, нам надо рассмотреть экономико-демографическую динамику Алжира в годы, предшествовавшие началу там гражданской войны, несколько более подробно.

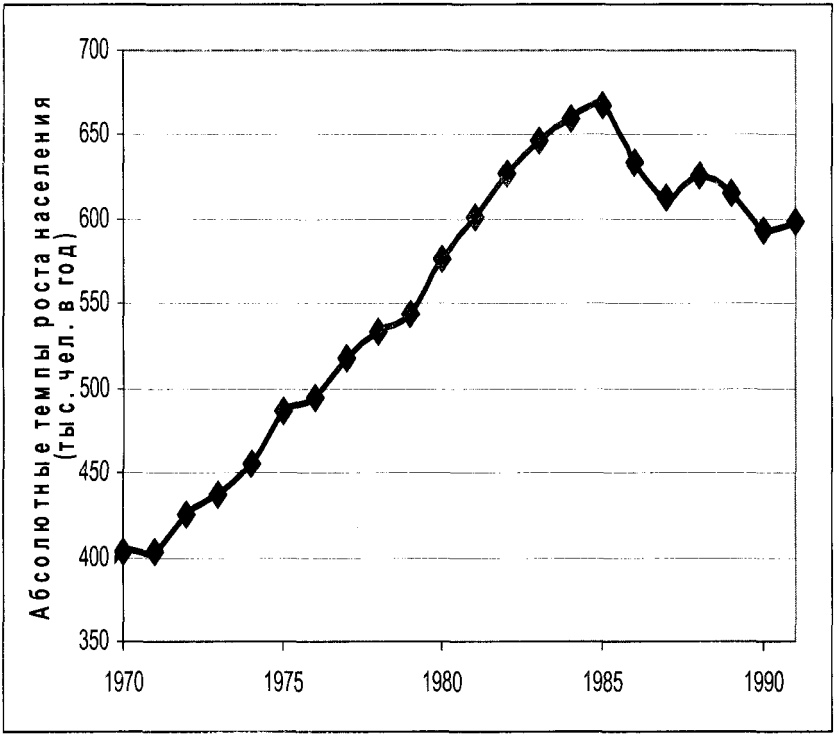
На протяжении периода, предшествовавшего началу гражданской войны, в Алжире наблюдались исключительно высокие темпы демографического роста (см. Рис. 5 и 6):

Рис. 5. Динамика относительных темпов роста населения Алжира в 1970–1991 гг., % в год



Источники: Maddison 2001, 2009.

Рис. 6. Динамика абсолютных темпов роста населения Алжира в 1970–1991 гг., тыс. чел. в год



Источники: Maddison 2001, 2009.

Как мы видим, вплоть до середины 1980-х годов темпы демографического роста в Алжире были не просто высокими, но и продолжали увеличиваться. Замедляться они стали только с середины 1980-х гг. С 1983 г. стали замедляться относительные темпы роста численности населения, а с 1985 г. начали уменьшаться и абсолютные темпы демографического роста. Однако и в 1991 г., накануне начала гражданской войны, эти темпы оставались очень высокими (2,4%, или 600 тыс. чел. в год).

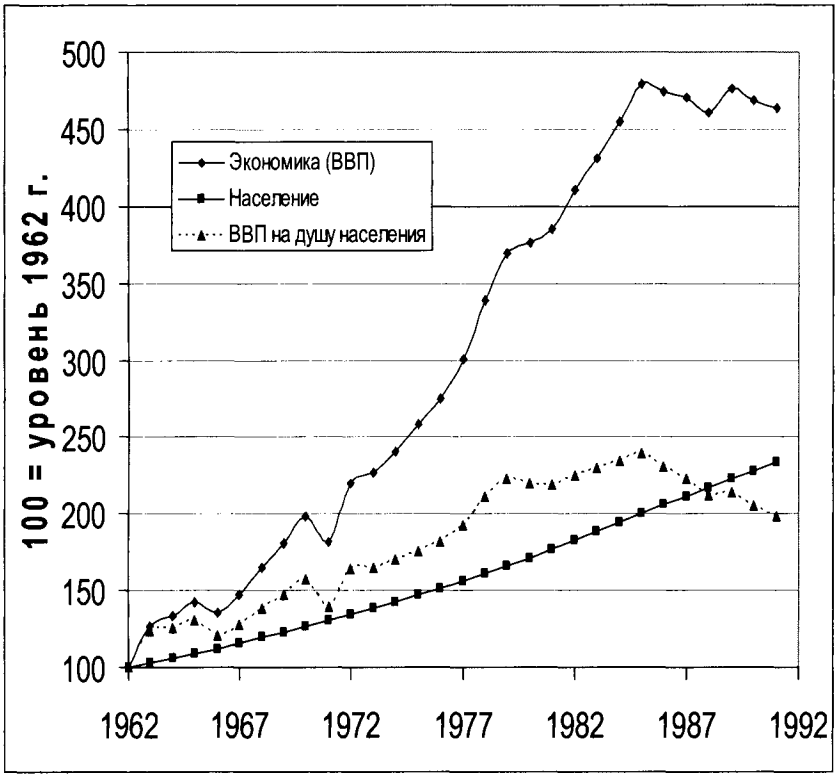
Тем не менее на протяжении большей части рассматриваемого периода Алжиру удавалось добиваться еще более высоких темпов экономического роста. Темпы экономического роста обгоняли темпы роста населения, в результате чего, несмотря на очень быстрый демографический рост, уровень жизни большинства алжирцев не снижался, а вполне заметно возрастал (см. Табл. 2 и Рис. 7):

Табл. 2. Экономико-демографическая динамика Алжира, 1962–1991 гг.

Год	Экономический рост 1: суммарное производство ВВП		Демографический рост: население		Экономический рост 2: производство ВВП на душу населения		Подушевое потребление продовольствия
	в млрд международных долларов 1990 г., в паритетах покупательной способности	в % от уровня 1962 г.	в млн чел.	в % от уровня 1981 г.	в международных долларах 1990 г.	в % от уровня 1981 г.	в ккал на чел. в день
1962	15,76	100	11,00	100	1 433	100	1730
1963	19,93	126,40	11,27	102,47	1 768	123,36	1706
1964	20,97	133,03	11,61	105,56	1 806	126,02	1652
1965	22,37	141,88	11,96	108,75	1 870	130,47	1671
1966	21,29	135,03	12,34	112,16	1 725	120,38	1718
1967	23,28	147,65	12,76	115,99	1 824	127,29	1716
1968	26,00	164,90	13,15	119,50	1 977	137,99	1775
1969	28,48	180,68	13,53	122,97	2 105	146,92	1833
1970	31,34	198,77	13,93	126,64	2 249	156,95	1829
1971	28,67	181,83	14,34	130,31	2 000	139,54	1795
1972	34,69	220,02	14,76	134,18	2 350	163,97	1832
1973	35,81	227,17	15,20	138,15	2 357	164,44	1965
1974	38,00	241,03	15,65	142,29	2 428	169,40	1958
1975	40,70	258,20	16,14	146,72	2 522	175,98	2091
1976	43,39	275,21	16,63	151,21	2 608	182,01	2167
1977	47,32	300,15	17,15	155,92	2 759	192,50	2145
1978	53,39	338,65	17,69	160,77	3 019	210,64	2308
1979	58,19	369,13	18,23	165,71	3 192	222,75	2443
1980	59,27	375,98	18,81	170,95	3 152	219,94	2544
1981	60,77	385,45	19,41	176,41	3 131	218,49	2667
1982	64,66	410,16	20,03	182,11	3 228	225,23	2698
1983	68,01	431,41	20,68	187,99	3 289	229,48	2673
1984	71,77	455,27	21,34	193,99	3 363	234,69	2657
1985	75,51	478,98	22,01	200,06	3 431	239,42	2606
1986	74,75	474,13	22,64	205,82	3 301	230,36	2726
1987	74,23	470,82	23,25	211,39	3 192	222,73	2743
1988	72,67	460,97	23,88	217,08	3 043	212,35	2751
1989	75,12	476,52	24,50	222,67	3 067	214,00	2821
1990	73,93	468,98	25,09	228,06	2 947	205,63	2891
1991	73,05	463,35	25,69	233,50	2 844	198,44	2885

Источники: Maddison 2001, 2009; FAO 2006.

Рис. 7. Экономико-демографическая динамика Алжира в 1962–1991 гг.



Алжиру удалось добиться здесь заметных успехов еще до скачкообразного роста цен на нефть в 1973 г. За период 1962–1972 гг. население Алжира выросло очень ощутимо – более чем на треть. Однако алжирская экономика росла заметно опережающими темпами – за тот же самый период производство ВВП в Алжире выросло на 120%. В результате, производство ВВП на душу населения не сократилось, а заметно (на 64 %) выросло.

Темпы алжирского экономического роста в Алжире (важном экспортере энергоносителей), естественно, ускорились после 1973 г. в результате стремительного роста цен на нефть. В целом за период 1962–1985 гг. население Алжира удвоилось, но ВВП Алжира вырос за это же время почти в пять раз, а производство ВВП на душу населения в итоге увеличилось почти в 2,5 раза; в результате, как мы могли видеть выше, Алжиру удалось, например, вполне эффективно решить задачу обеспечения питанием – проблема недоедания перед алжирцами уже не стояла.

Однако с середины 1980-х годов в результате падения цен на нефть Алжир (как, впрочем, и все остальные крупные страны-экспортеры нефти – от Саудовской Аравии [см., например: Turchin 2006] до СССР) столкнулся с серьезными экономическими проблемами. Общие масштабы экономического спада накануне начала гражданской войны в Алжире, впрочем, были не столь велики (они не идут ни в какое сравнение с масштабами экономического спада в постсоветских странах в начале 1990-х гг. [см., например: Халтурина, Коротаев 2006: 11–19, 93]) – в 1985–1991 гг. ВВП Алжира сократился лишь на три с небольшим процента. Однако так как это происходило на фоне все еще высоких темпов демографического роста, сокращение производства ВВП на душу населения было заметно более ощутимым – с 3431 до 2844 долларов[7], или более чем на 17%. Тем не менее даже уровень производства ВВП на душу населения в Алжире накануне гражданской войны никак нельзя назвать катастрофическим. Он был не только в пять с лишним раз (!) выше, чем в Эфиопии накануне падения режима Менгисту Хайле Мариама. Он, скажем, был значительно выше, чем в Индии на 2003 г.[8] (отметим, после многих лет довольно быстрого индийского экономического роста!), где этот показатель составлял 2134 международных долларов в паритетах покупательной способности (Maddison 2009). О том, что это отражает реальный разрыв в среднем уровне жизни алжирцев в 1991 г. и индийцев в 2003 г. (при этом в пользу именно предреволюционного Алжира), говорит и значительный разрыв в среднедушевом потреблении продовольствия: в Алжире в 1991 г. этот показатель составлял 2885 ккал на чел. в день, а в Индии в 2003 г. – только 2472 (FAO 2006)[9]. ВВП на душу населения в 1991 г. в Алжире был несколько выше и чем, скажем, у соседнего Марокко (см. Рис. 8). Однако в Индии 2003 г. или Марокко 1991 г. никакой предреволюционной ситуации не наблюдалось, а в Алжире она была налицо (см., например: Кепель 2004: 164–180). В чем же здесь дело? И вытекает ли из этого, что экономико-демографическая динамика вообще никакого влияния на возникновение в Алжире предреволюционной ситуации не оказала? Мы полагаем, что это не так. А для того, чтобы понять, в чем здесь дело, имеет смысл повнимательнее изучить Рис. 8.

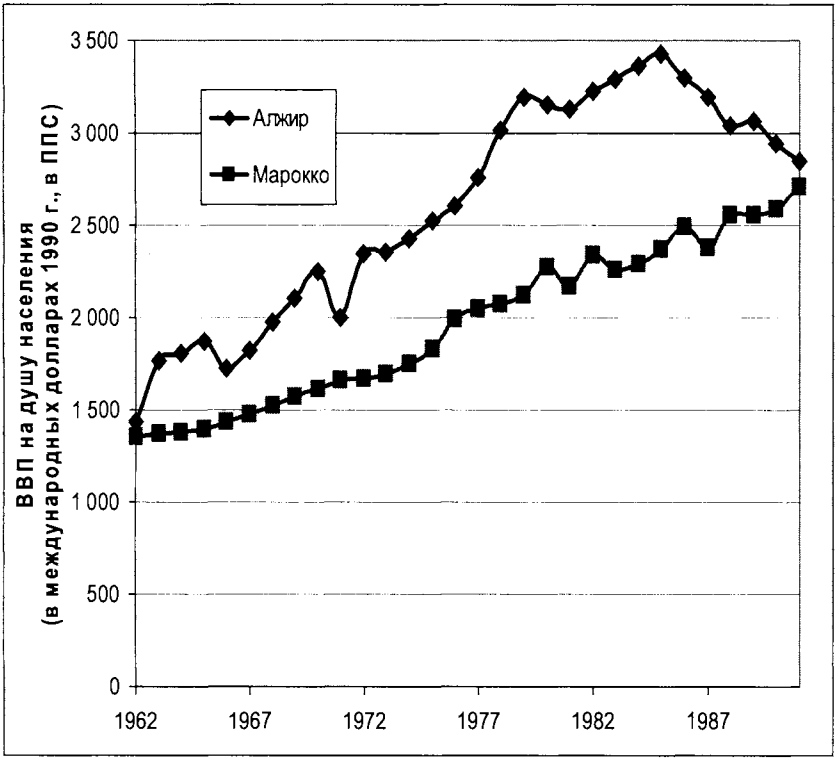
---

[7] Напоминаем, что речь здесь идет о международных долларах 1990 г. в паритетах покупательной способности (ППС). Для общей ориентации – его величина в общем и целом приблизительно в полтора раза выше покупательной способности доллара США 2009 г. (в ППС).

[8] Последний год, по которому для Индии в нашем распоряжении имеются одновременно и данные по ВВП на душу населения, и данные по среднедушевому потреблению продовольствия.

[9] Это, впрочем, говорит о том, что и Индии к 2003 г. с проблемой массового недоедания справиться уже в общем и целом удалось.

Рис. 8. Динамика ВВП на душу населения в Алжире и Марокко в 1962–1991 гг.

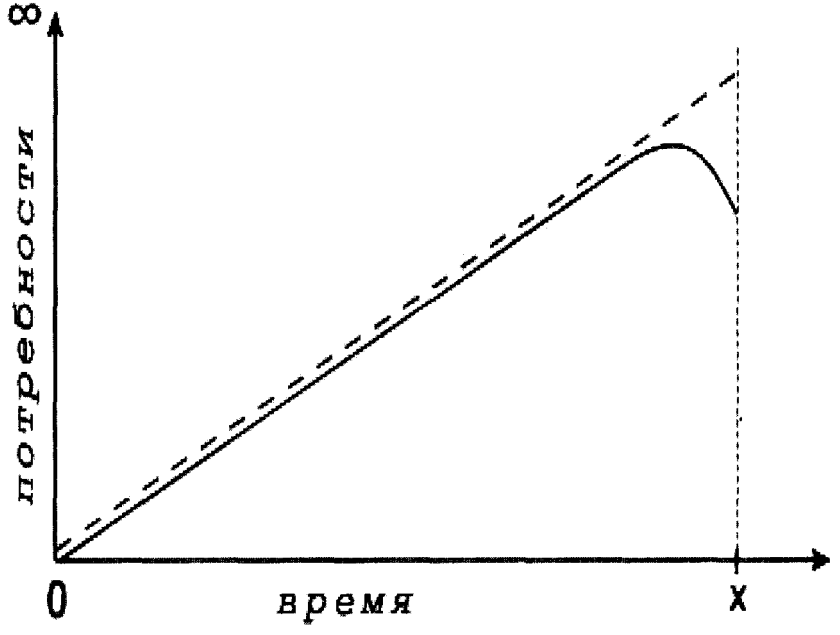


Источники: Maddison 2001, 2009.

При анализе данной диаграммы трудно не вспомнить о теории революционных кризисов Дж. Дэвиса (Davis 1969), которую мы приводим ниже в достаточно удачном, на наш взгляд, пересказе А. П. Назаретяна:

> «Изучая предпосылки революционных кризисов, американский психолог Дж. Девис (Davis 1969) показал, что им всегда предшествует рост качества жизни. В какой-то момент удовлетворение потребностей несколько снижается (часто в результате демографического роста или неудачной войны...), а ожидания продолжают по инерции расти. Разрыв порождает фрустрацию, положение кажется людям невыносимым и унизительным, они ищут виновных – и агрессия, не находящая больше выхода вовне, обращается внутрь социальной системы. Эмоциональный резонанс провоцирует массовые беспорядки (см. Рис. 9).

Рис. 9. Динамика удовлетворения потребностей и революционная ситуация (по Davis 1969)[10]



ПРИМЕЧАНИЕ. Сплошная линия – динамика удовлетворения потребностей (экономический уровень, политические свободы и т.д.). Пунктирная линия – динамика ожиданий. Точка X на горизонтальной оси – момент обострения напряженности, чреватый социальным взрывом. (Взрыв происходит или нет в зависимости от ряда "субъективных" факторов.)» (Назаретян 2005: 156.)

Несмотря на избыточную категоричность изложения (рост качества жизни отнюдь не всегда предшествует крупным политическим потрясениям, нередко им предшествует длительное его падение, особенно в доиндустриальных обществах [см., например: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007]), данное описание представляется весьма релевантным для многих модернизирующихся обществ. Сопоставление траекторий Марокко и Алжира (см. выше Рис. 8) дает здесь достаточно интересные результаты. Как мы видим, стартовые (на 1962 г.) позиции Алжира и Марокко были исключительно близки. И в 1991 г. они оказались почти в одной точке. Однако

в Марокко в 1962–1991 гг. наблюдался относительно медленный, но достаточно устойчивый рост доходов населения, в результате никакой пред-

[10] См.: Назаретян 2005: 156, Диагр. 1.

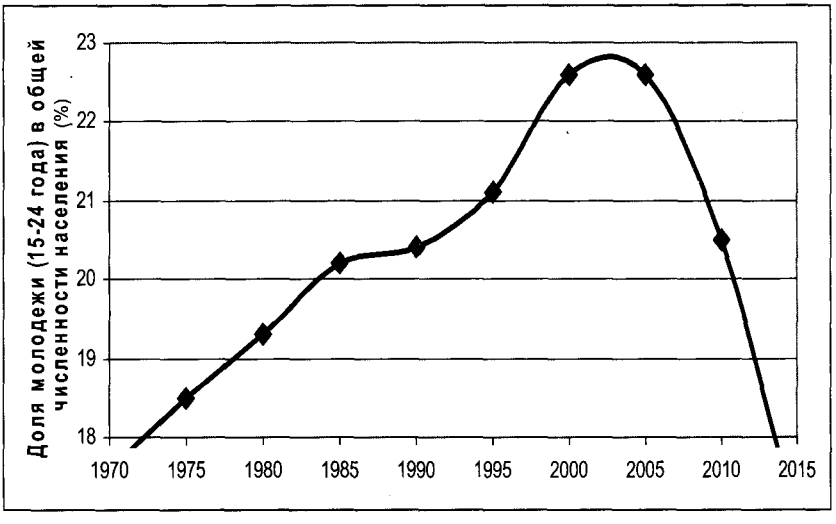
революционной ситуации в Марокко в начале 1990-х гг. не наблюдалось, хотя производство ВВП в Марокко и в 1991 г. было все еще несколько меньше, чем в Алжире. В Алжире же после 1972 г. произошло резкое ускорение роста доходов населения; в начале 1980-х гг. этот рост замедлился, а затем началось многолетнее падение этих доходов. Все это и внесло очень заметный вклад в рост социально-политической напряженности в Алжире. Таким образом, Алжиру (как впрочем, и СССР) «плохую службу» сослужил резкий рост цен на нефть 1970-х гг., который привел к искусственно быстрому росту государственных доходов (и в еще большей мере расходов); падение же цен на нефть в середине 1980-х гг. и породило описанный Дэвисом разрыв между ожиданиями и реальностью, способный генерировать (естественно, при наличии необходимых сопутствующих факторов) мощные социально-политические потрясения. Теория Дэвиса представляется вполне релевантной и при обсуждении возможных факторов генезиса Русской революции, и удивительно, что почти никто из участников дискуссии про нее не вспомнил. Впрочем, в статье одного из авторов данного заключения (см. выше, с. 208–209) эта мысль была сформулирована, правда, без указания теории Дж. Дэвиса, но зато со ссылкой на А. де Токвиля:

> «Однако почему, собственно, революция должна быть обязательно вызвана только существованием на грани физиологической нормы потребления? На самом деле, как это ни парадоксально, часто революции происходят именно в период некоторого повышения уровня жизни населения, после которого неожиданное временное ухудшение на фоне устойчивого недовольства властью (причем и со стороны высших слоев тоже) вызывает всеобщее возмущение и социальный взрыв. По сути, это доказал еще Алексис де Токвиль, исследуя "старый", то есть дореволюционный (до 1789 г.), порядок во Франции (Токвиль 1997). Такого рода волнения могут быть связаны с нарастанием острых (но все же не уровня вопроса жизни и смерти людей) проблем. Именно неспособность властей решить эти проблемы в условиях, когда все решения завязаны именно на власти, могут вызвать к ней постоянное негативное отношение, а в определенный момент вызвать взрыв. Иногда просто возникает ситуация, когда руководство надоедает населению, но само уже неспособно к защите своей власти. Так произошло и в феврале 1917 г. Таков был и конец СССР. При этом мы считали, что в период М. С. Горбачева жизнь стала совершенно невыносимой, а власть надо немедленно сменить. Но оказалось, что жизнь может быть существенно хуже вроде бы "невыносимой" жизни».

Нам представляется важным указать и на некоторые другие структурно-демографические факторы, действие которых само по себе (безотносительно даже к *общему* уровню потребления) может создавать кризисную ситуацию в обществе.

Рассмотрим здесь для начала динамику доли молодежи (15–24 года) в общей численности населения Алжира после 1970 г. (см. Рис. 10):

Рис. 10. Динамика доли молодежи (15–24 года) в общей численности населения Алжира в 1970–2005 гг. с прогнозом до 2015 г., %



Источники: UN Population Division 2009.

Такого рода кривая хорошо известна в демографической истории всех стран, достаточно далеко продвинувшихся по траектории демографического перехода[11], и получила даже у западных специалистов по политической демографии особое название – *youth bulge* («молодежный бугор» [см., например: Goldstone 2002; Heinsohn 2003; Fuller 2004 и т.д.]).

Это явление в высшей степени закономерно. Действительно, на первой фазе демографического перехода (которая, отметим, в тенденции совпадает с началом процесса выхода из мальтузианской ловушки) происходит радикальное снижение смертности[12] (см., например: Вишневский 1976, 2005; Chesnais 1992; Коротаев, Малков, Халтурина 2007: 101–116). При этом наиболее быстрыми темпами сокращается младенческая и детская смертность, и это происходит на фоне остающейся по-прежнему на очень высоком уровне рождаемости. В результате если в традиционных обще-

[11] Для тех стран, которые находятся еще далеко до завершения демографического перехода (например, Нигера), до настоящего времени прослеживается только восходящая часть данной кривой.

[12] Например, в Алжире в 1960–1990 гг. смертность уменьшилась почти в три раза (с 20,1 до 6,6‰ [Зинькина 2010: 256]).

ствах (до начала демографического перехода) из 6–7 детей, рожденных женщиной на протяжении ее жизни, до репродуктивного возраста доживало 2–3 ребенка, то на первой фазе демографического перехода в связи с резким падением младенческой и детской смертности до репродуктивного возраста может уже доживать и 5–6 детей (а с учетом того, что суммарный коэффициент рождаемости на первой фазе демографического перехода нередко даже растет, то до репродуктивного возраста может доживать и 7–8 детей). Это ведет не только к резкому ускорению темпов демографического роста («демографическому взрыву»), но и к тому, что поколение детей оказывается значительно многочисленнее поколения родителей, а это в результате ведет к росту удельного веса молодежи в общем населении. Как известно, на второй фазе демографического перехода происходит сильное уменьшение рождаемости (в тенденции ведущее к сокращению доли молодежи в общей численности населения), но происходит это со значительным запаздыванием, в результате чего в демографической истории соответствующей страны и образуется «молодежный бугор».

> Как отмечает Дж. Голдстоун, «быстрый рост [удельного веса] молодежи может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые[13] идеи или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. К тому же поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах. Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие "молодежного бугра" (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15–24 лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов. Большинство крупных революций... – [включая и] большинство революций XX века в развивающихся странах – произошли там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры» (Goldstone 1991, 2002: 11–12; см. также: Moller 1968; Mesquida, Weiner 1999; Heinsohn 2003; Fuller 2004).

В отношении роста роли молодежи следует отметить, что она обычно в модернизирующихся обществах имеет более высокий образовательный уровень, чем взрослое население в целом, что, во-первых, делает ее более восприимчивой к радикальной идеологии, во-вторых, усиливает противоречия между отцами и детьми, создает у молодежи уверенность, что они знают больше родителей и что нужно менять общественные отношения.

[13] Правильнее здесь все-таки сказать «радикальные идеи», которые могут зачастую быть и достаточно старыми; при этом действительно новые, но «нерадикальные» идеи (например, идеи «классового мира», сотрудничества между рабочими и предпринимателями) могут оказаться для молодежи как раз непривлекательными, они будут скорее восприняты представителями более старших возрастов. – *Авт.*

Мало того, молодежь составляет своего рода ударный и наиболее образованный отряд революции в виде студенчества. При этом бунтарские настроения студенчества проявляются даже в весьма развитых странах, в которых ни о каком недоедании нет и речи. События 1968 г. во Франции и ряде других стран Европы, которые нередко расценивались как молодежные революции, являются наглядным примером этому. Россия в предреволюционный период как раз была примером не только роста молодежи (у нее имелся «молодежный бугор»), но и того, что молодежь быстро концентрировалась в городах, была более образованной, а также того, что именно студенчество России стало одним из самых активных революционных отрядов на протяжении всего революционного движения. Словом, молодежный фактор революции в России был «задействован» по всем параметрам[14].

Вызывает удивление, что участвовавшие в дискуссии сторонники структурно-демографической теории не уделили никакого внимания этому важнейшему структурно-демографическому фактору, несмотря на то, что сам основоположник данной теории Дж. Голдстоун придает ему, как мы могли это выше видеть, очень большое значение. Вместо этого они предпочли сосредоточиться на тех структурно-демографических факторах, которые имеют главное значение для генезиса политических потрясений в аграрных обществах (такие как падение уровня потребления основной массы населения до уровня физиологического минимума или ниже в результате относительного перенаселения, а также перепроизводство элиты), а вот те структурно-демографические (и иные) факторы, которые характерны именно для генезиса политических потрясений в модернизирующихся обществах (и которые являются как раз порождением модернизации), из поля их внимания, к сожалению, выпали. А ведь именно факторы второго типа являются наиболее релевантными для предреволюционной модернизирующейся России. Участвовавших в дискуссии сторонников структурно-демографической теории, видимо, подвело то, что бóльшую часть своих исследований генезиса политических потрясений они проводили на материале традиционных аграрных обществ. Однако закономерности возникновения этих потрясений в модернизирующихся обществах достаточно сильно отличаются, что, на наш взгляд, не было учтено данными участниками дискуссии в необходимом объеме. С другой стороны, как мы увидим ниже, и противоположная сторона дискуссии не вполне, на наш взгляд, права в своей посылке, что если в какой-то стране политические потрясения происходят на фоне долгосрочной тенденции к

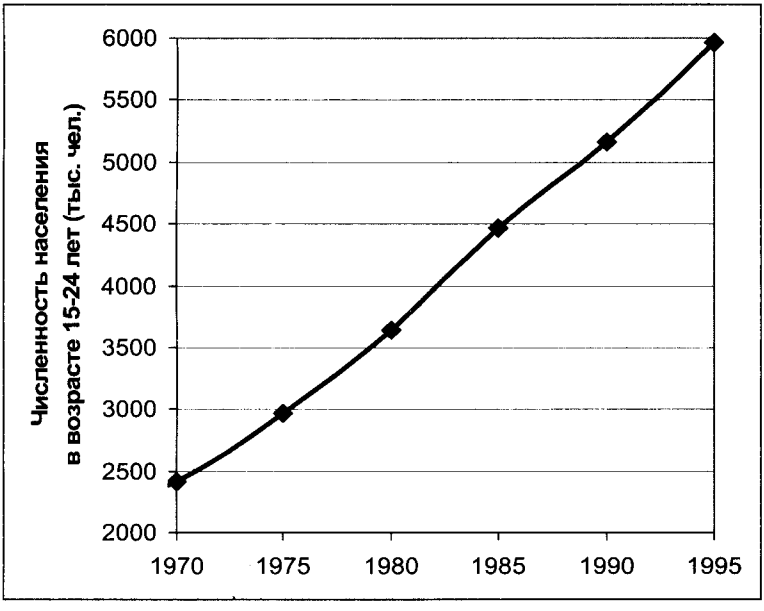
[14] Отметим, кстати, что наиболее кровавые «горячие точки» на территории бывшего СССР образовались именно в местах высокой доли молодежи в составе населения, где не удалось создать твердой власти, не было работы и где молодежь оказалась главной военной силой – в Чечне, Молдавии, Таджикистане.

росту среднего уровня потребления, это должно объясняться цепью роковых случайностей или чем-то вроде заговора «либерально-радикальной интеллигенции», что никаких структурных дестабилизирующих факторов в таких случаях нет.

Рассмотрим фактор «молодежного бугра» на примере Алжира несколько более подробно. Это позволит нам выявить и некоторые другие каналы воздействия данного фактора на генезис политической нестабильности.

Рассмотрим для начала динамику абсолютной численности алжирской молодежи (см. Рис. 11):

Рис. 11. Динамика общей численности молодежи (15–24 года) в Алжире в 1970–1995 гг., тыс. чел.



Источник: UN Population Division 2009.

Как мы видим, численность алжирской молодежи накануне гражданской войны росла особенно быстрыми темпами. Всего за 20 лет (1970–1990 гг.) она более чем удвоилась. Только за 1980–1995 гг. ее численность выросла на 65%. Соответственно для предотвращения роста безработицы среди молодых людей, впервые выходящих на рынок труда, необходимо было пропорционально столь же быстро создавать новые рабочие места. Но даже быстрорастущей экономике крайне сложно справиться с таким стре-

мительно нарастающим притоком новой слабо квалифицированной, не имеющей реального трудового опыта, но зато высоко амбициозной рабочей силы. А если в подобном контексте вдруг экономический рост замедлится или даже примет отрицательные значения? Тогда происходит резкий рост безработицы[15], и при этом особо высокой оказывается безработица именно среди молодежи, т.е. той части населения, которая наиболее склонна к агрессии (см., например: Дольник 2009) и восприимчива к радикальной агитации. В такой ситуации удержать социальную систему от мощных политических потрясений обычно оказывается крайне сложно (хотя, конечно, и не полностью невозможно).

Мы рассмотрели две модели сползания общества к противостоянию. Отметим, что Россия имела близкий к обеим уровень роста населения, темп ее экономического роста сравним с ростом в Алжире, а в отношении уровня потребления, на наш взгляд, Россия стояла где-то между Эфиопией и Алжиром, находясь существенно ближе к Алжиру[16]. Причем ее сельское хозяйство в целом развивалось весьма динамично.

Как уже упоминалось выше (см. также одну из наших недавних публикаций [Гринин, Коротаев 2009*в*] и статью Л. Е. Гринина в настоящем Альманахе), существует еще одна мощная порождаемая модернизацией сила, которая на определенной стадии может вносить заметный вклад в генезис политических потрясений. Мы имеем в виду рост урбанизации[17]. Рассмотрение этого релевантного здесь структурно-демографического фактора генезиса политических потрясений имеет смысл начать с рас-

---

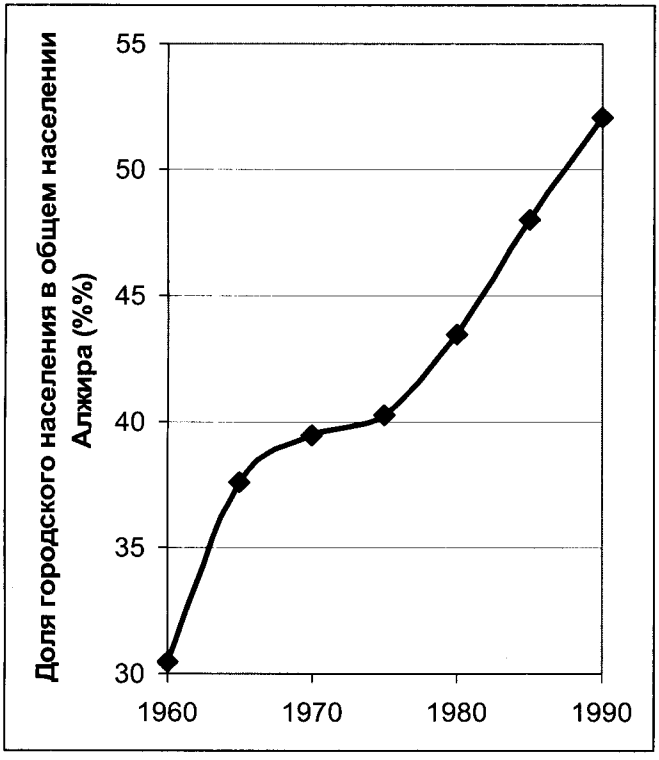
[15] По некоторым оценкам, к концу 1980-х гг. безработица в Алжире достигала 40% (Haldane 1989; Зинькина 2010: 261).

[16] Среднедушевое потребление в России по разным статистическим данным, приводимым участниками дискуссии, находилось в интервале от 2680 до 2952 ккал в день (см., например, выше первую статью С. А. Нефедова, с. 38). Это выше, чем рекомендованная норма ВОЗ (2300–2400 ккал). Правда, следует учитывать, что расход калорий в холодной России и жарком Алжире различается, а также то, что в современном мире объем физической работы уменьшается.

[17] Двое из нас (Гринин, Коротаев 2009*в*) уже обращали внимание на то обстоятельство, что из пяти зафиксированных после 1950 г. случаев особо кровопролитных социально-политических потрясений в государствах с уровнем урбанизации более 50% почти все приходятся на исламские страны (помимо указанного исламистского восстания в Алжире в 1990-е гг., это «Черный Сентябрь» 1970 г. в Иордании, гражданская война в Ливане 1975–1990 гг., восстания в Ираке при Саддаме Хусейне; сюда же по сути своей следует отнести и иранскую Исламскую революцию, произошедшую в стране, где практически половина [49,7%] населения жила в городах). За пределами исламского мира в эту категорию (да и то с огромными оговорками) можно отнести разве лишь партизанскую войну Сендеро Луминосо в Перу (разворачивавшуюся, отметим, в крайне слабо урбанизированных областях страны). Таким образом, высокие темпы модернизации, демографического прироста, урбанизации, образование «молодежного бугра» с концентрацией молодежи в городах вместе с радикальной идеологией составляют поистине горючую смесь.

смотрения динамики урбанизационного развития Алжира в интересующий нас период (см. Рис. 12 и 13):

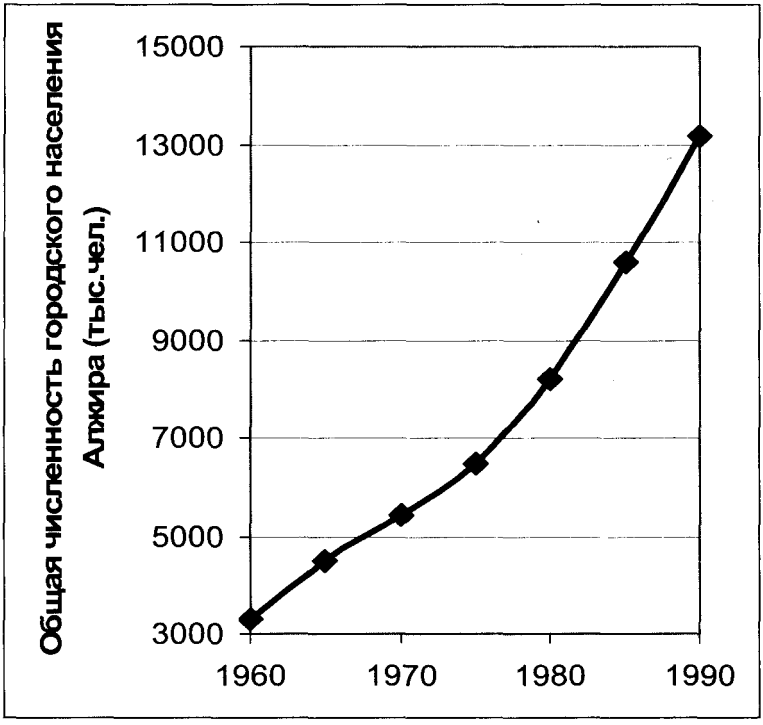
Рис. 12. Динамика доли городского населения Алжира в 1970–1990 гг., %%



Источники: UN Population Division 2009.

Как мы видим, накануне независимости менее трети алжирцев обитало в городах. К кануну гражданской войны доля городского населения Алжира заметно превысила половину. Не забудем, что столь быстрое увеличение доли городского населения происходило в Алжире на фоне очень быстрого общего демографического роста. В результате особо драматичными темпами в Алжире росла общая численность его городского населения (см. Рис. 13):

Рис. 13. Динамика общей численности городского населения Алжира в 1970–1990 гг., тыс. чел.



Источники: UN Population Division 2009.

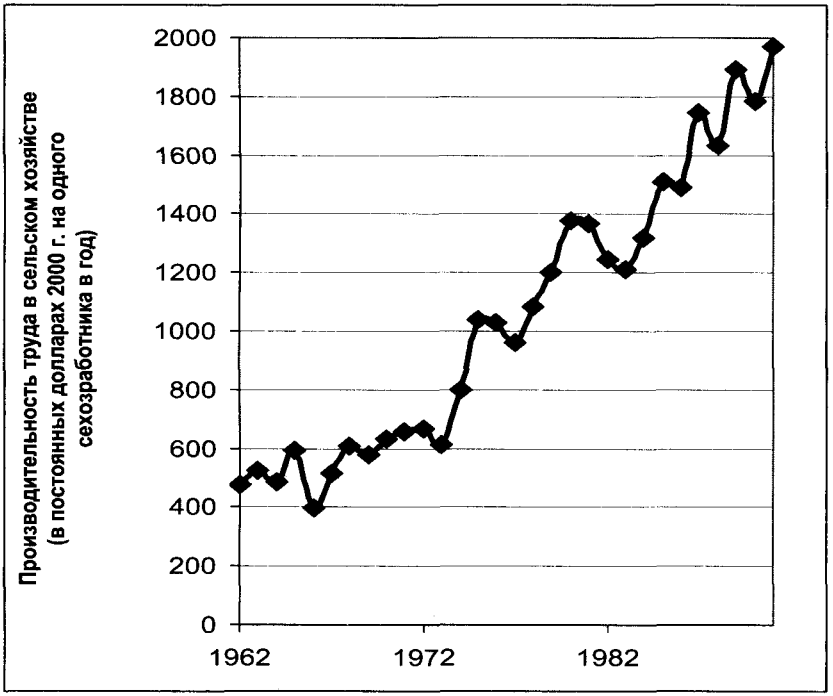
Как мы видим, всего за 15 лет, предшествовавших началу гражданской войны в Алжире, численность городского населения этой страны более чем удвоилась. Достаточно очевидно, что такого рода стремительный рост может выступить значимым фактором политической дестабилизации.

Итак, такие тесно связанные между собой модернизационные процессы, как выход из мальтузианской ловушки и демографический переход, столь же неразрывно связаны и с такой важнейшей стороной модернизации, как урбанизация (урбанизация, конечно, древнее модернизации, но в ходе модернизации закономерно происходит резкая интенсификация урбанизационных процессов).

Действительно, начало выхода из мальтузианской ловушки ведет к появлению устойчивой тенденции к снижению смертности, обусловливая тем самым начало первой фазы демографического перехода. Достигается же выход из мальтузианской ловушки прежде всего за счет роста произ-

водительности труда в сельском хозяйстве. Отметим, что хотя Алжир в рассматриваемые нами годы никак нельзя назвать «авангардом зеленой революции», но и здесь за два десятилетия его независимого развития, предшествовавших началу гражданской войны, производительность труда выросла очень заметно – почти в 5 раз[18] (см. Рис. 14):

Рис. 14. Динамика производительности труда в сельском хозяйстве Алжира в 1962–1991 гг.



Источник: World Bank 2009.

[18] Кстати, наблюдавшийся во второй половине 1980-х гг. заметный рост производительности труда в алжирском сельском хозяйстве, по-видимому, может до некоторой степени объяснить кажущийся на первый взгляд загадочным наблюдавшийся во второй половине 1980-х гг. рост потребления алжирцами продовольствия (см. выше Рис. 3) на фоне общего падения производства ВВП в Алжире (см. выше Табл. 2 и Рис. 7, 8). По всей видимости, происходившего в это время роста аграрного производства оказалось достаточно для обеспечения роста потребления алжирцами продовольствия, но его было недостаточно для того, чтобы компенсировать общее падение производства ВВП в нефтеэкспортирующем Алжире, вызванное обвальным падением цен на нефть.

В целом выход из мальтузианской ловушки стимулирует мощный рост городского населения по нескольким каналам. Он ведет к значительному снижению смертности (на фоне все еще высокой рождаемости), обусловливая резкое ускорение общих темпов демографического роста, что уже само по себе ведет к появлению очень значительного избыточного сельского населения. Кроме того, выдавливание избыточного населения из деревни дополнительно усиливается бурным ростом производительности труда в сельском хозяйстве (которое обычно вполне закономерно сопровождает выход социальной системы из мальтузианской ловушки), в результате чего для создания того же (или даже существенно большего) объема сельскохозяйственной продукции требуется все меньше рабочих рук.

Отметим, тот факт, что данная система находится в процессе выхода из мальтузианской ловушки (т.е. в ней наблюдается устойчивый рост подушевого потребления), по определению означает, что население, выталкиваемое из деревни в город и переходящее от деревенских занятий к городским, может быть вполне обеспечено продовольственными ресурсами; таким образом, выход из мальтузианской ловушки выступает мощной силой, поддерживающей наблюдающуюся в процессе модернизации резкую интенсификацию урбанизационных процессов; именно происходящий в процессе модернизации выход из мальтузианской ловушки позволяет поднять долю городского населения до такого уровня, который принципиально не может быть достигнут в находящихся в мальтузианской ловушке аграрных обществах[19].

Итак, при выходе из мальтузианской ловушки наблюдается особо быстрый рост численности городского населения (см., например, выше Рис. 13) за счет как быстрого собственного роста городского населения, так и массовой миграции населения из деревни в город. Это практически неизбежно порождает то или иное социальное напряжение уже потому, что обеспечить работой и жильем всю эту быстро растущую массу тяжело. Даже если и с этой очень трудной задачей справиться удается, определенное социальное напряжение все равно будет иметь место. Дело в том, что мигранты из деревни по определению не имеют городских квалификаций (и городского жилья), и в первое время после переселения могут рассчитывать лишь на самую низкоквалифицированную хуже оплачиваемую работу и крайне посредственные жилищные условия. Отметим также, что именно эта часть быстрее всего страдает при сокращениях. Через какое-то время многим мигрантам, конечно, удается получить более квалифицированную и оплачиваемую работу и как-то улучшить свои жи-

[19] С другой стороны, выход из мальтузианской ловушки в современных условиях невозможен без очень высокого развития городского (и шире – несельскохозяйственного) сектора, обеспечивающего модернизирующееся сельское хозяйство машинами, оборудованием, минеральными удобрениями, пестицидами, специальной литературой, агрономами и т.п.

лищные условия, но на это обычно уходит заметное время. В любом случае массированная миграция из деревни в город практически неизбежно порождает заметное количество недовольных своим положением, недовольство которых дополнительно усугубляется их второсортным положением по сравнению с квалифицированными работниками современных секторов экономики с характерным для них несравненно более высоким уровнем жизни.

Ситуация усугубляется тем, что в города обычно мигрирует прежде всего именно молодежь. Таким образом, фактор «молодежного бугра» и фактор интенсивной урбанизации действуют совместно, производя в совокупности особенно мощное дестабилизирующее воздействие. При этом особенно быстро растет численность именно молодого городского населения (подробнее см.: Гринин, Коротаев 2009*в*). Например, в Алжире за двадцать лет его независимого развития численность молодежи увеличилась в три с лишним раза, численность городского населения увеличилась в четыре с лишним раза. В то же время численность городской молодежи увеличилась за это время более чем на порядок (что явилось логичным последствием именно выхода страны из мальтузианской ловушки). Таким образом, численность наиболее радикально настроенной части населения не просто колоссально выросла, но и оказалась сконцентрирована в городах, которые (не будем забывать) являются государственными и региональными центрами политической системы. А поскольку молодежь может дополнительно концентрироваться еще и внутри городов (например, на крупных предприятиях или в учебных заведениях), это может привести к самой серьезной политической дестабилизации даже в условиях вполне стабильного экономического роста (для этого достаточно лишь талантливых радикалистских агитаторов плюс несколько ошибочных действий со стороны властей). А если власть потеряет авторитет в результате, скажем, военного поражения? Или экономический подъем сменится несколькими годами экономического спада? Тут уже избежать самых серьезных политических потрясений оказывается крайне и крайне сложно.

Интересно посмотреть, как действие рассмотренных выше факторов выглядело «на уровне почвы». Для этого стоит привести описание Ж. Кепелем событий, предшествовавших октябрьским волнениям 1988 г., явившихся грозным предвестником надвигающейся гражданской войны:

> «...Демографический взрыв вытолкнул детей феллахов в города и пригороды, где они оказались в трудных условиях... В 1989 году 40% из 24 млн алжирцев были младше 15 лет, городское население составляло более 50%..., а 61% подростков имели среднее образование. “Официальный” показатель безработицы докатился до 18,1% (на деле, вероятно, он был гораздо выше). В 1995 году официально он составлял уже 28%. Алжирская городская молодежь получила прозвище *хиттистов* – от арабского слова *хит* (“стена”) и французского суффикса *-ист*. Эта лингвистическая идиома местных юмористов обозначала мо-

лодого безработного, проводившего целые дни, подпирая стены домов. На самом деле в этом прозвище была своя политическая и идеологическая подоплека. Предполагалось, что в социалистической стране, где каждому гарантировалась занятость, профессия хиттиста заключалась в "подпирании стен", чтобы они не падали. Прилипшая к молодым людям кличка превращала их в социально пассивный объект, не озабоченный своей дальнейшей судьбой. Этим они отличались от иранских "обездоленных" (*мостадафин*), воспетых религиозными движениями, которые звали их под свои знамена и возводили в ранг носителей смысла Истории и Откровения[20]. Октябрьские дни 1988 года также вписались в специфически алжирский контекст конца этого десятилетия: углеводородное сырье составляло 95% выручки от всего экспорта и обеспечивало 60% бюджетных поступлений... Алжирское государство представляло собой своего рода народную нефтедемократию. Доходы от нефти позволяли монополизировавшему их режиму покупать социальный мир... Этот баланс сил, скрещенный из социализма и субсидий, репрессий и официальной идеологии, покоился на хрупком экономическом равновесии, обусловленном в основном высокими ценами на энергоносители. В 1986 году крах нефтяного рынка, сопровождавшийся двукратным сжатием госбюджета, обрушил все здание. Ко всему прочему демографический взрыв... привел к острому жилищному кризису, росту безработицы и т.д. ...На строительном рынке наметилось значительное отставание предложения от спроса, что создавало ситуацию перенаселенности и скученности[21], способствовавшую социальному взрыву. В этой атмосфере общего спада, отмеченной непрекращавшимися забастовками, 4 октября 1988 года вспыхнули народные волнения. Бедная алжирская молодежь громила символы государственной власти, общественные организации и службы (автобусы, дорожные знаки, агентства алжирской авиакомпании "Эр Алжери"), шикарные автомобили и великолепные магазины... Происходившее свидетельствовало о появлении на политической арене нового независимого субъекта – неимущей городской молодежи. Отныне презираемые "хиттисты" стали полноправными хозяевами улицы, способными поколебать сами основы отвергшего их режима, законность власти которого они не признавали. Тем не менее мятежу не удалось оформиться в политическое движение. Предоставленная сама себе, бедная городская молодежь была неспособна сформулировать свои требования... Зато этот социальный взрыв был немедленно замечен исламистским движением, которое увидело в нем уникальную возможность для укрепления своих позиций» (Кепель 2004: 164–166).

Попытаемся теперь подвести общий итог полученным нами результатам. Имеются основания утверждать, что генерирование значительных социально-политических потрясений (и в том числе «революций») в процессе выхода социальных систем из мальтузианской ловушки является не аномальным, а вполне закономерным явлением. На наш взгляд, в особом объяснении нуждаются скорее те случаи, когда социальным системам удава-

[20] Ср. со сходной ролью, отводимой «пролетариату» в марксизме. – *Авт.*

[21] «На тот момент [1988 г.] стране не хватало более 1,5 млн единиц жилищного фонда, во многих городских квартирах проживало до 18 человек» (Зинькина 2010: 267).

лось избежать подобных потрясений при выходе из мальтузианской ловушки.

Почему же такие потрясения закономерны? Ответ кратко может быть изложен следующим образом:

1) Начало устойчивого выхода из мальтузианской ловушки по определению означает снижение смертности, а значит, и резкое ускорение темпов роста населения (что уже само по себе могло вести к определенному росту социально-политической напряженности).
2) Начало устойчивого выхода из мальтузианской ловушки сопровождалось особенно сильным уменьшением младенческой и детской смертности. Все это вело к резкому росту пропорции молодежи в общей численности населения вообще и в численности взрослого населения в частности (т.н. явление «молодежного бугра»).
3) В результате наблюдается резкий рост пропорции той самой части населения, которая в наибольшей степени склонна к насилию, агрессии и радикализму, что уже само выступает мощным фактором политической дестабилизации.
4) Быстрый рост общей численности молодежи требует сильно увеличивать создание новых рабочих мест, что представляет очень сложную задачу. Всплеск же молодежной безработицы может иметь особо мощный политически дестабилизирующий эффект, создавая армию потенциальных участников («горючий материал») для всевозможных политических (и в том числе революционных) потрясений.
5) Выход из мальтузианской ловушки стимулирует мощный рост городского населения. Кроме того, выдавливание избыточного населения из деревни дополнительно усиливается бурным ростом производительности труда в сельском хозяйстве. Массированная миграция из деревни в город практически неизбежно порождает заметное количество недовольных своим положением, поскольку мигранты из деревни в первое время после переселения могут рассчитывать лишь на самую низкоквалифицированную малооплачиваемую работу и крайне посредственные жилищные условия.
6) Выход из мальтузианской ловушки в конечном счете достигается прежде всего за счет развития новых секторов и отмирания старых, за счет структурной перестройки, которая не может происходить полностью безболезненно. Во всех случаях старая традиционная квалификация работников утрачивает смысл, и, не имея новой современной квалификации, эти работники вынуждены наниматься на низкоквалифицированную работу (если им ее вообще удается найти), что, конечно, не может не порождать массового недовольства и служит серьезным фактором политической дестабилизации.

7) В города из деревни обычно мигрирует прежде всего именно молодежь. Таким образом, фактор «молодежного бугра» и фактор интенсивной урбанизации действуют совместно, производя в совокупности особенно мощное дестабилизирующее воздействие. Особенно быстро растет численность именно молодой наиболее радикально настроенной части городского населения, при этом такая молодежь оказывается сконцентрированной в наиболее крупных городах/ политических центрах.
8) Такая ситуация может привести к самой серьезной политической дестабилизации даже в условиях достаточно стабильного экономического роста. С особо высокой вероятностью политические потрясения наступают, если власть теряет авторитет в результате, скажем, военного поражения, или в условиях затяжного экономического кризиса, пришедшего на смену экономическому подъему.

Поскольку, как показывает настоящая дискуссия (и не только она), для анализа проблем выхода из мальтузианской ловушки применение неомальтузианских математических моделей, созданных для развитых аграрных обществ, оказывается в ряде отношений некорректным и потому непродуктивным, необходима дальнейшая работа по разработке математических моделей выхода из мальтузианской ловушки для модернизирующихся и индустриализирующихся обществ. Конечно, сверхзадачей является построение модели, которая могла бы демонстрировать как условия скатывания в мальтузианскую ловушку аграрных обществ разного уровня развития, так и параметры, при которых возможен частичный (неполный) выход из нее таких аграрно-урбанизирующихся (но еще не индустриальных) обществ; как условия и варианты выхода из мальтузианской ловушки для индустриализирующихся обществ, так и параметры, при которых возникает опасность попадания в новые ловушки, которые возникают на этом пути; наконец условия окончательного выхода из мальтузианской ловушки. Разумеется, до создания такой модели еще далеко. Однако в качестве ближайшей цели должен быть сделан переход от моделей, которые относятся к сложным и сверхсложным аграрным обществам, к обществам уже индустриализующегося типа, поскольку (хотя последние, с одной стороны, имеют немало общего с первыми, но с другой – качественные отличия) отличия, выражающиеся прежде всего в том, что модернизирующиеся общества реально имеют возможность выйти из мальтузианской ловушки. Кроме того, мир-системная ситуация в период их функционирования иная, чем мир-системная ситуация для сверхсложных аграрных исторических обществ. В любом случае, сделанные выше выводы о высокой вероятности социально-политических потрясений в период выхода из мальтузианской ловушки, сформулированные в виде гипотезы, безусловно, требуют эмпирического и теоретического подтвер-

ждения. И здесь важную роль могло бы сыграть математическое моделирование. На основе математической имитации исторических процессов с использованием известных исторических данных возможна проверка выдвигаемых гипотез на правдоподобность, выявление относительной значимости различных факторов при анализе их влияния на ход событий.

Думается, что математическое моделирование могло бы внести реальный вклад в дискуссию о причинах Русской революции начала XX в., тем более что для этого периода имеется достаточно много данных социальной и экономической статистики, которых можно было бы использовать при моделировании. Дело стоит за адекватными моделями, позволяющими воспроизвести внутреннюю логику и закономерности происходивших процессов. К сожалению, таких моделей пока нет. Их нет не потому, что их невозможно создать, а потому, что наука только подошла к постановке таких задач.

Какие существуют возможности и заделы для построения подобных моделей? Мы изложим наш взгляд на эти возможности, основываясь на подходах (Малков 2009) применительно к моделированию устойчивости функционирования аграрных и аграрно-индустриальных обществ на различных этапах их исторического развития.

В общем случае экономико-демографическая динамика данных обществ может быть описана на основе следующего базового алгоритма. В рассматриваемой социальной системе выделяются главные подсистемы (социальные группы или институты), которые определяют особенности ее функционирования. В качестве характеристик для описания каждой из подсистем используются: численность N_i рассматриваемой социальной группы (базовая демографическая характеристика) и суммарные материальные накопления X_i членов группы (базовая экономическая характеристика). Изменение этих характеристик во времени $N_i(t)$ и $X_i(t)$ описывается на основе анализа внутри- и межгрупповых экономико-демографических процессов, к которым, в частности, относятся следующие.

Внутренние процессы:

- изменение численности группы в результате естественной рождаемости и смертности, зависящих от условий жизни;
- увеличение накоплений путем непосредственного производства материальных благ;
- материальные затраты на обеспечение процесса производства материальных благ (инвестиции, вложения и т.п.);
- уменьшение накоплений материальных благ в ходе их потребления и др.

Межгрупповые процессы:

- переход из одной социальной группы в другую (социальная мобильность);

- уменьшение численности группы вследствие антагонистического взаимодействия с другими группами (смертность в ходе вооруженных конфликтов, миграция);
- перераспределение материальных благ между двумя группами (насильственное либо обусловленное традициями, обычаями, политической культурой изъятие благ у одной группы в пользу другой);
- изменение суммарных накоплений групп в результате перехода членов одной группы в другую;
- материальные издержки в ходе межгруппового взаимодействия (управление, поддержание порядка, ведение конфликтов);
- увеличение производства и производительности как результат экономического и финансового взаимодействия различных социальных групп (прямые вложения, займы, безвозмездная помощь и т.п.) и др.

Эти процессы могут быть описаны с помощью дифференциальных уравнений, в результате решения которых определяются зависимости $N_i = N_i(t)$, $X_i = X_i(t)$, $i = 1, \ldots, k$ для выделенных подсистем. В общем виде система уравнений, описывающая указанные процессы, имеет вид:

$$\begin{cases} \dfrac{dN_i}{dt} = N_i \cdot D_i(x_i) + \sum\limits_{j=1}^{k} D'_{ij}(N_i, x_i, N_j, x_j) - \sum\limits_{j=1}^{k} D''_{ij}(N_i, x_i, N_j, x_j) \\ \dfrac{dX_i}{dt} = F_i(\vec{X}, \vec{N}, \vec{I}) - N_i \cdot Q_i(x_i) + \sum\limits_{j=1}^{k} G_{ij}(N_i, x_i, N_j, x_j) - \sum\limits_{i=1}^{k} C_{ij}(N_i, x_i, N_j, x_j) - I_i(x_i, N_i) \end{cases} \quad (1)$$

$$D'_{ij} = -D'_{ji},\ D''_{ij} \geq 0,\ G_{ij} = -G_{ji},\ F_i \geq 0,\ Q_i \geq 0,\ C_{ij} \geq 0,\ I_i \geq 0;\ i, j = \overline{1,k},$$

где $x_i = X_i/N_i$ – средние удельные накопления представителей i-й группы;

D_i – демографический коэффициент, представляющий собой разность между рождаемостью и смертностью (количественные характеристики которой зависят от условий жизни и интенсивности конкурентной борьбы внутри группы);

D'_{ij} – скорость перехода из группы j в группу i;

D''_{ij} – смертность в группе i, обусловленная антагонистическим взаимодействием с группой j;

F_i – функция производства, то есть количество продукта, производимого членами социальной группы в единицу времени;

Q_i – функция индивидуального потребления;

G_{ij} – количество материальных благ, изымаемых тем или иным образом группой i у группы j (с учетом переходов между группами);

C_{ij} – затраты группы i на управление группой j;

I_i – затраты на производство материальных благ (инвестиции в производство).

В модели (1) используются усредненные величины. Усреднение проводится внутри каждой социальной группы для всех ее членов. При необходимости в модели можно учитывать разброс индивидуальных характеристик внутри социальных групп.

Характер полученных с помощью уравнений (1) зависимостей $N_i(t)$ и $X_i(t)$ зависит от учитываемых факторов и используемых при моделировании численных значений параметров системы. Если факторы учтены правильно, то расчетное изменение $N_i(t)$ и $X_i(t)$ должно с хорошей степенью соответствовать наблюдаемым историческим данным. В противном случае будет наблюдаться несоответствие. Таким образом, сравнение теоретических и эмпирических данных с параллельной коррекцией модели позволяет определить, какое из возможных описаний рассматриваемого исторического процесса является наиболее близким к действительности и наиболее адекватно отражает историческую реальность.

Применительно к анализу проблемы мальтузианской ловушки в аграрных государствах модель (1) может быть преобразована следующим образом (излагается лишь одна из возможных модификаций модели, описывающей традиционное аграрное общество в доиндустриальную эпоху, когда мальтузианская ловушка была почти неизбежна).

Будем для определенности считать, что выполнены следующие условия:

1. Основная часть населения напрямую занята производством сельскохозяйственной продукции. Доля населения, занятого производством орудий труда, торговлей, наукой, искусством и т.п., относительно мала и учитывается косвенным образом.
2. Натуральное хозяйство и прямой обмен продуктами являются преобладающими.
3. Система замкнута, то есть такими явлениями, как иммиграция и эмиграция, изменение границ, внешние войны, можно пренебречь на отрезке времени, на котором ведется моделирование, либо определить их как внешние параметры.
4. Основными социальными группами в рассматриваемом обществе являются сельскохозяйственные производители – крестьяне и военно-административная элита, стоящая на службе у государства и живущая за счет налогов с производителей.

Государство может расходовать определенные средства на стимулирование и повышение эффективности сельскохозяйственного производства (что сказывается на появлении зависимости производительности крестьян от экономического состояния государства), а также тратит определенные средства на удержание производителей в повиновении, чтобы обеспечить себе возможность дальнейшего изъятия продукта.

Допускается, что в рассматриваемой социальной системе налоги земледельцев составляют фиксированную часть урожая, а производительность труда постоянна. Модель такой социально-экономической системы описывается уравнениями:

$$\begin{cases} \dfrac{dX}{dt} = \beta\gamma R(N)N - Q_X(X) - C(N, \dfrac{Y}{Y_0}) \\ \dfrac{dY}{dt} = r(Y_0 - Y) + \gamma R(N) - Q_Y(Y) - \beta\gamma R(N) \\ \dfrac{dN}{dt} = rN\ (1 - \dfrac{Y_0}{Y}), \end{cases} \tag{2}$$

$$R(N) = \begin{cases} R_0, & N < N_0 - \textit{область I} \\ R_0 \dfrac{N_0}{N}, & N \geq N_0 - \textit{область II}, \end{cases} \tag{3}$$

где элита для упрощения рассматривается как единый социальный субъект;

X – совокупные материальные накопления землевладельческой элиты;

Y – средние материальные накопления земледельцев;

β – часть урожая, идущая на уплату налогов;

$R(N)$ – площадь земли, обрабатываемой одним крестьянином;

C – функция затрат государства на управление, обеспечение правопорядка, охрану границ;

N – численность крестьян в рассматриваемом регионе;

Q_X, Q_Y – функции потребления элиты и крестьян, соответственно показывающие, какое количество продукта потребляется ими в единицу времени;

Y_0 – прожиточный минимум (при каком уровне потребления прекращается рост населения);

r – демографический коэффициент;

γ – производительность труда (в общем случае зависящая от влияния землевладельцев и государства на производственные процессы);

N_0 – численность населения, при которой обрабатывается вся пригодная земля;

R_0 – максимальная площадь земли, которую способен обработать один крестьянин.

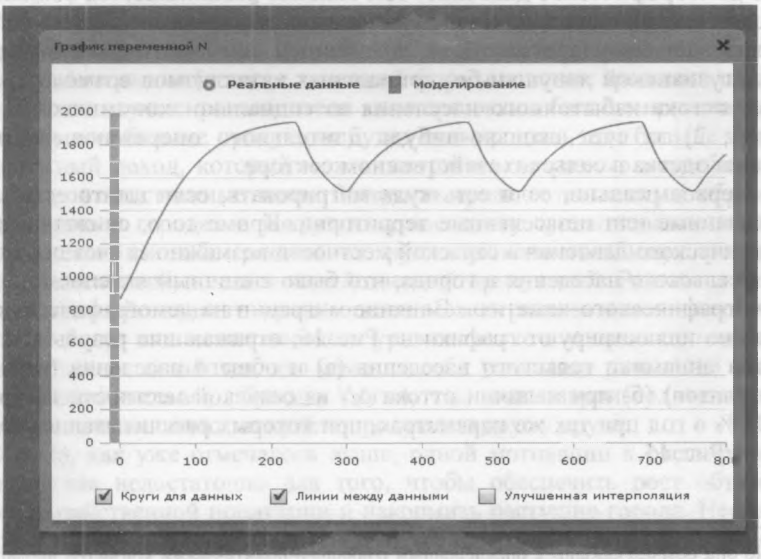
Первое уравнение системы (2) отражает динамику изменения накоплений землевладельцев (государства): доходы – налоговые поступления, расходы – затраты на потребление и на управление. Второе уравнение сис-

темы (2) отражает динамику изменения накоплений земледельцев: доходы – выращенный урожай, расходы – затраты на потребление и налоги (учитывается также изменение удельных накоплений за счет изменения численности населения). Третье уравнение системы (2) отражает демографическую динамику в зависимости от благосостояния земледельцев (уменьшение благосостояния отрицательно влияет на прирост населения).

Уравнение (3) отражает ограниченность земельных ресурсов. Если при низкой плотности населения (область I) дефицита земель нет, то при высокой плотности населения (область II) сельскохозяйственных угодий не хватает и крестьянские наделы уменьшаются обратно пропорционально увеличению населения *N*. Подчеркнем, что достижение высокой плотности населения обычно происходит в условиях достаточной крепости государства, способного обеспечить внутренний мир и оборону от внешних врагов (см.: Гринин 2007; Гринин, Коротаев 2009*б*).

Результаты численного моделирования показывают, что при определенном соотношении параметров решение уравнений (2) – (3) представляет собой периодические колебания (см. Рис. 15). Это означает, что в социальной системе возникают социально-демографические циклы.

Рис. 15. Типичная картина циклической динамики изменения численности населения *N* в аграрных государствах (по оси абсцисс – время в годах)



Видно, что в начале цикла население быстро растет. Затем по мере исчерпания земельных ресурсов и снижения уровня жизни темпы роста начинают падать, происходит стабилизация численности населения на уровне, соответствующем демографической емкости территории. Затем в определенный момент времени происходит срыв (конкретные причины которого могут быть весьма разнообразными[22]) и следующая за ним социально-демографическая катастрофа. После того, как численность населения существенно уменьшается, через некоторое время ситуация стабилизируется и рост численности возобновляется, знаменуя начало нового цикла.

По существу, график на Рис. 15 является иллюстрацией мальтузианской ловушки, причина которой заключается, с одной стороны, в ограниченности продовольственных ресурсов в условиях опережающего роста населения (который, отметим снова, в высокой степени обеспечивается сложившимся государственным порядком); но, с другой стороны, разросшееся население, увеличившаяся элита и разбухшее государство уже не могут расти и даже поддерживать достигнутый уровень, поскольку социально-политическая система существенно отстала от изменений. Фактически импульс роста населения (и элиты) оказывается гораздо длительнее, чем импульс изменений в социально-политической структуре общества. Сильное перерастание численности населения (элиты) в течение сколько-нибудь длительного времени уровня, на который была «рассчитана» социально-политическая система, создает очень сильный кризис, при этом возникает положительная обратная связь: чем заметнее демографическое давление, тем сильнее расшатывается социально-политический порядок, а чем сильнее он расшатывается, тем больше ослабевает государство. Даже временный или частичный выход из мальтузианской ловушки без социальных катаклизмов возможен: 1) за счет оттока избыточного населения из социально-экономической системы; 2) за счет сколько-нибудь длительного опережающего роста производства в сельскохозяйственном секторе.

Первое реально, если есть куда мигрировать, если где-то есть малонаселенные или незаселенные территории. Кроме того, снижение демографического давления в сельской местности возможно за счет перемещения сельского населения в города, что было типичным явлением в эпохи демографического «сжатия». Влияние миграции на демографическую ситуацию иллюстрируют графики на Рис. 16, отражающие результаты расчетов динамики сельского населения (а) и общего населения (с учетом мигрантов) (б) при наличии оттока ΔN из сельской местности на уровне 0,03 % в год при тех же параметрах, при которых рассчитывались графики на Рис. 15.

---

[22] Но они обычно связаны с определенным социально-политическим кризисом, неблагоприятными природно-климатическими флуктуациями и/или внешнеполитическими факторами, чаще всего вторжениями внешних врагов или неудачными войнами.

Видно, что при наличии миграции демографическая ситуация в сельской местности стабилизируется, а общее население (с учетом уехавших мигрантов) растет. Но при этом за кадром остается судьба мигрантов, и это отдельный вопрос (выше было показано, что высокий уровень миграции в города может привести из мальтузианской в мальтузианско-урбанистскую/мальтузианско-марксову, а затем и в марксову ловушку).

Второе возможно, если: 1) известны технологии интенсификации сельскохозяйственного производства; 2) существуют возможности (средства) для реализации этих технологий; 3) существует мотивация к развитию новых технологий. Важность последнего из перечисленных условий обусловлена следующим.

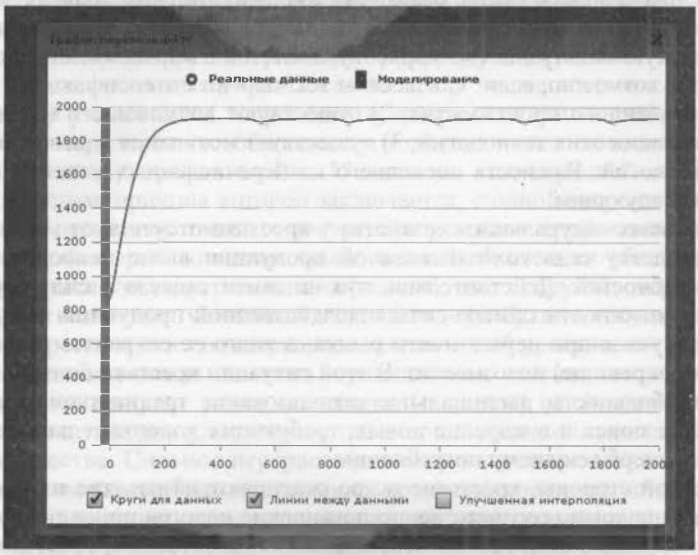
В условиях натурального хозяйства у крестьян отсутствует мотивация к производству сельскохозяйственной продукции выше непосредственных потребностей. Действительно, это не имеет смысла в силу ограниченной возможности обмена сельскохозяйственной продукции на другие виды продуктов при неразвитости рынка, а долго ее сохранять (накапливать как сокровище) невозможно. В этой ситуации крестьян больше интересует стабильность, рациональное использование традиционных технологий, а не поиск и внедрение новых, требующих дополнительных инвестиций в ущерб текущему потреблению.

С другой стороны, крестьяне остро реагируют на изъятие их продукции в виде налогов, соответственно повышение налогов приводит к социальной напряженности (актам неповиновения, восстаниям, крестьянским войнам).

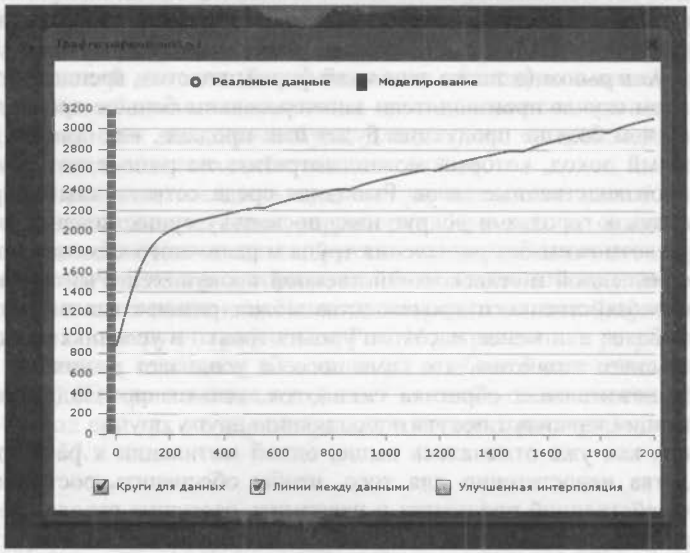
Устойчивая мотивация к технологическим инновациям возникает не при натуральном хозяйстве, а *в условиях развития общественного разделения труда и рынка* (а также денежной формы налогов, арендных платежей). В этом случае производители заинтересованы больше производить, поскольку чем больше продукции будет ими продано, тем больше будет их денежный доход, который можно потратить на разные потребительские и производственные цели. Рыночная среда естественным образом складывалась в городах и вокруг них, поскольку существование и рост городов невозможны без разделения труда и рыночного обмена производимой ремесленной и сельскохозяйственной продукцией. Рыночная форма сельскохозяйственного производства может развиваться и достигать какого-то более или менее высокого уровня только в условиях специализации сельского хозяйства, что само по себе усиливает рыночные отношения (положительная обратная связь), т.к. сельхозпроизводители при специализации начинают покупать продукцию друг у друга.

Однако, как уже отмечалось выше, одной мотивации к расширению производства недостаточно для того, чтобы обеспечить рост объемов сельскохозяйственной продукции и накормить растущие города. Необходимо реальное улучшение сельскохозяйственных технологий, непрерывно повышающих производительность труда с темпом, превышающим темпы роста городского населения. Иначе мальтузианской ловушки не избежать.

Рис. 16. Результаты расчета динамики сельского населения (*а*) и общего населения (с учетом мигрантов) (*б*) при наличии оттока из сельской местности



(*а*)

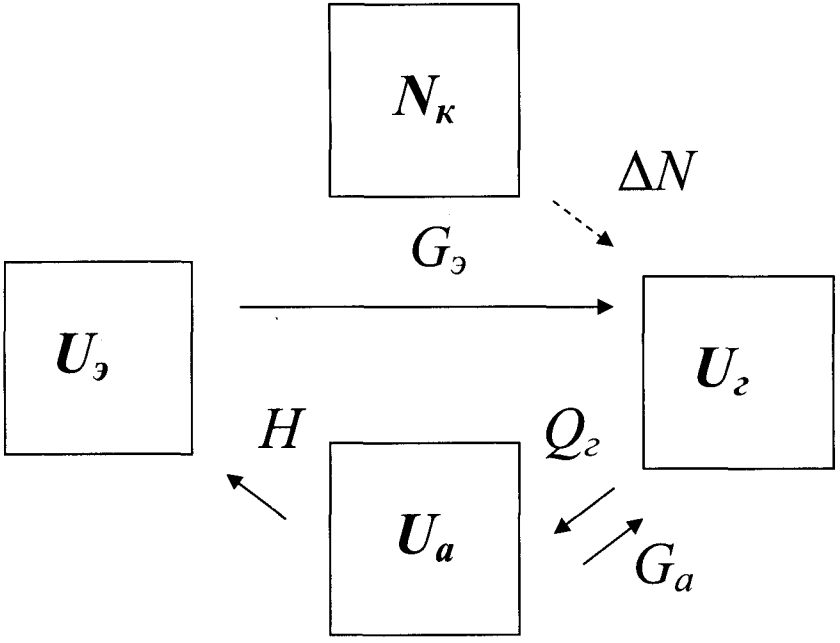


(*б*)

При этом сельскохозяйственные производители, работающие на рынок и обслуживающие потребности городского населения, должны *иметь возможность* (необходимые материальные и денежные средства) для инвестирования и расширения производства, а это зависит от уровня их доходов и соответственно от уровня рыночных цен на их продукцию.

Для анализа возможности преодоления мальтузианской ловушки при наличии роста городского населения в фазе «сжатия» была предложена математическая модель (Гринин, Малков и др. 2009), являющаяся модификацией базовой модели (1). В ней рассматривается типичная ситуация, когда основными товарными производителями сельскохозяйственной продукции для городского населения являются крестьяне, арендующие земли у землевладельческой элиты и вынужденные часть своего дохода тратить на арендную плату (далее – арендаторы). Поскольку важную роль в развитии ситуации играют экономические факторы, то в модели большое внимание уделяется динамике денежных потоков между основными социальными группами и формированию цен на сельхозпродукцию. Обобщенная схема модели приведена на Рис. 17.

Рис. 17. Обобщенная схема экономического взаимодействия основных социальных групп



Здесь $N_к$ – численность крестьянского населения; ΔN – количество крестьянского населения, ежегодно переезжающего в города; $U_э$, $U_г$, U_a – денежные накопления землевладельческой элиты, городских ремесленников и производителей товарной сельскохозяйственной продукции (арендаторов); H – арендная плата за пользование землей; $G_э$ и G_a – расходы элиты и арендаторов на приобретение ремесленной продукции у горожан; $Q_г$ – спрос городских жителей на сельскохозяйственную продукцию, выраженный в натуральных единицах.

Схема на Рис. 17 отражает потоки денежных средств в контуре «землевладельческая элита – городские ремесленники – арендаторы». Считается, что основная масса крестьянского населения, не специализирующегося на производстве товарной сельхозпродукции, живет в сельской местности за счет натурального хозяйства и слабо влияет на формирование рыночных цен. Зато эта крестьянская масса существенным образом влияет на общие демографические показатели, причем избыточное население ΔN из сельской местности перемещается в города, увеличивая спрос на продукты питания. Считается, что этого оттока населения достаточно для стабилизации демографической ситуации в сельской местности (см. Рис. 16).

Уравнения, описывающие потоки денежных средств между социальными группами, имеют вид:

$$dU_э/dt = H - G_э, \tag{4}$$

$$dU_г/dt = G_э + G_a - p \cdot Q_г, \tag{5}$$

$$dU_a/dt = p \cdot Q_г - H - G_a, \tag{6}$$

$$U_э + U_г + U_a = M. \tag{7}$$

Уравнения (4)–(7) отражают изменение денежных средств, находящихся в распоряжении соответственно у землевладельческой элиты, горожан и арендаторов. Положительные члены в правых частях уравнений характеризуют доходную часть, а отрицательные члены – расходную часть денежных потоков из одной группы в другую. Поскольку функция спроса $Q_г$ выражена в натуральных единицах, в уравнениях она умножается на цену сельскохозяйственной продукции p.

Уравнение (7) отражает тот факт, что общее количество денег M в рассматриваемом обществе есть сумма всех накоплений. В аграрных обществах величина M изменялась медленно, хотя бывали случаи, когда изменение M было достаточно быстрым (например, в XVI в. в Европе вследствие интенсивного ввоза благородных металлов из Нового Света).

Изменение цен на сельскохозяйственную продукцию описывается уравнением:

$$dp/dt = a\cdot(Q_г - F), \tag{8}$$

где F – производственная функция (количество производимой арендаторами товарной сельскохозяйственной продукции как функция вложений в производство). Это уравнение отражает рыночное формирование цены на основе соотношения спроса $Q_г$ и предложения F: цена растет, когда спрос превышает предложение, и падает, когда ситуация обратная. Коэффициент a характеризует скорость установления равновесной цены.

Аналогичные уравнения можно записать и для изменения арендной платы и цен на ремесленную продукцию, однако в отдельных случаях эти изменения можно учитывать косвенно, так как они более консервативны и стабильны по сравнению с ценами на продовольствие.

Таким образом, система уравнений (4)–(8) позволяет описать динамику изменения цен на продукты питания и денежных накоплений в различных социальных слоях в условиях роста городского населения. Моделирование показывает, что в этой ситуации деньги начинают перетекать в рыночно-ориентированный сектор аграрного производства, увеличивая накопления арендаторов U_a. Логику этого процесса можно описать следующим образом.

Пусть в момент времени t наблюдается равновесная ситуация, при которой доходы и расходы всех рассматриваемых социальных групп сбалансированы. Численность сельского населения равна $N_к$, городского – $N_г$. Потребление продуктов питания городским населением составляет величину $N_г\cdot A$, где A – объем потребления на одного человека. Арендаторы производят товарную продукцию в объеме $F = N_г\cdot A$, их доходы при этом составляют величину $p\cdot N_г\cdot A$, а баланс бюджета в соответствии с (6) описывается выражением:

$$p\cdot N_г\cdot A - H - G_a \approx 0. \tag{9}$$

Это локально равновесное состояние, однако оно нарушается, когда вследствие внешних воздействий происходит изменение каких-то параметров системы, например изменение демографических показателей.

Пусть к моменту времени $t+\Delta t$ демографический прирост составил ΔN, и все избыточное население вследствие относительной перенаселенности сельской местности переместилось в города. Спрос горожан на продукты питания вырос на величину $\Delta N\cdot A$, при этом цены возросли и стали равны $(p+\Delta p)$. Это увеличило доходы арендаторов, они стали равны: $(p+\Delta p)\cdot N_г\cdot A$ при прежнем объеме товарного производства $F = N_г\cdot A$. Баланс бюджета арендаторов (см. уравнение (6)) стал положительным:

$$(p+\Delta p)\cdot N_г\cdot A - H - G_a > 0. \tag{10}$$

Появившиеся дополнительные средства равны:

$$\Delta G \approx \Delta p\cdot N_г\cdot A. \tag{11}$$

Встает вопрос: какова будет дальнейшая судьба этих финансовых средств? Здесь возможны варианты:

1) Эти дополнительные средства могут быть изъяты земледельческой элитой у арендаторов либо путем повышения арендной платы, либо каким-то другим образом. На языке модели это означает увеличение величины H:

$$H' = H + \Delta G. \tag{12}$$

В конечном счете эти средства снова возвращаются в город: ими элита расплачивается с ремесленниками за приобретаемые предметы роскоши. Внешне это может выглядеть как расцвет ремесленного производства и искусства, но реально указывает на приближение кризиса. Поскольку денег на развитие у арендаторов не остается, то объем производства товарной сельхозпродукции практически не увеличивается, и через какое-то время неизбежно наступит социально-демографический коллапс со всеми его «спутниками»: голодом, восстаниями, эпидемиями. После завершения социальной катастрофы начнется новый социально-демографический цикл, и все вернется «на круги своя». Это вариант классического срабатывания мальтузианской ловушки.

2) Практически к такому же исходу приводит вариант, когда дополнительные средства остаются у арендаторов, и они расходуют их на повышение уровня своего благосостояния, покупая ремесленную продукцию у горожан. Жизнь арендаторов на какое-то время становится более комфортной. Но поскольку объем производства товарной сельхозпродукции продукции не увеличивается, демографический кризис неминуем и мальтузианская ловушка срабатывает.

3) Третий вариант более мягкий. Производители (фермеры, арендаторы) под влиянием повышенного спроса на сельхозпродукцию стремятся увеличить обрабатываемые площади и увеличить объемы производства *экстенсивным* образом, используя традиционные технологии. Дополнительные средства ΔG идут на увеличение арендных платежей (см. (12)) и переходят в руки элиты, которая затем тратит их на предметы роскоши. Деньги снова возвращаются ремесленникам в город, и круг замыкается, экономическое равновесие восстанавливается. Это напоминает первый из рассмотренных вариантов, но с тем отличием, что площадь арендуемой земли расширяется, а производство товарной сельхозпродукции увеличивается. Однако это расширение происходит частично за счет вытеснения крестьян со своих земель. Нищающее крестьянское население уходит в города, дополнительно увеличивая социальную напряженность и спрос на продукты питания. В конечном итоге при неизменности производственных технологий мальтузианской ловушки избежать не удается, оттягивается лишь время наступления демографического коллапса.

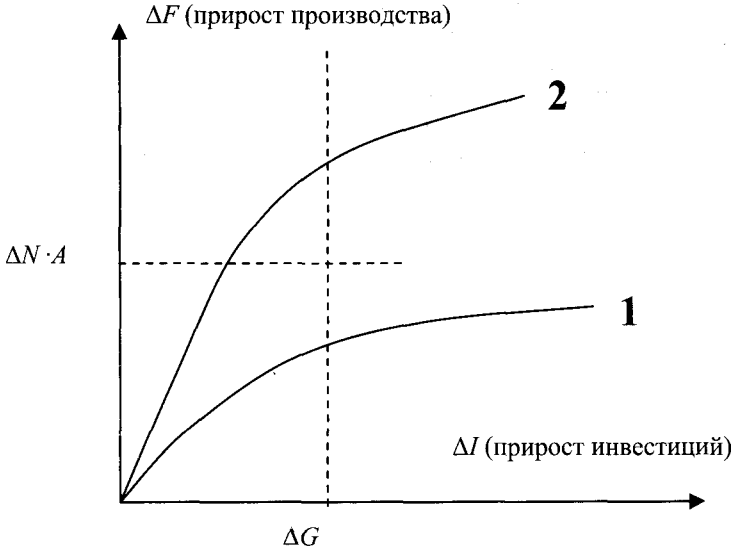
4) Четвертый вариант заключается в том, что арендаторы тратят дополнительные средства ΔG на инвестиции, то есть на совершенствование

технологий обработки земли и повышение производительности труда за счет его механизации. В конечном счете средства ΔG частично снова возвращаются в город ремесленникам в качестве платы арендаторов за производство разнообразных технических средств (а не предметов роскоши, как в предыдущих вариантах):

$$G_a' = G_a + \Delta G. \qquad (13)$$

В этом варианте деньги из сектора потребления перетекают в производственный сектор. За счет повышения уровня производства F происходит компенсация избыточного спроса $\Delta N \cdot A$ на продукты питания. Весь вопрос лишь в том, достаточно ли приращения производительности труда арендаторов для *полной* компенсации увеличивающегося спроса. В рамках модели это вопрос об эффективности производственных инвестиций. Качественно суть вопроса отражена на Рис. 18:

Рис. 18. Соотношение прироста производства сельскохозяйственной продукции (за счет дополнительных инвестиций в повышение его эффективности) и дополнительного спроса на продукты питания



1 – слабая отдача от инвестиций; 2 – существенная отдача от инвестиций

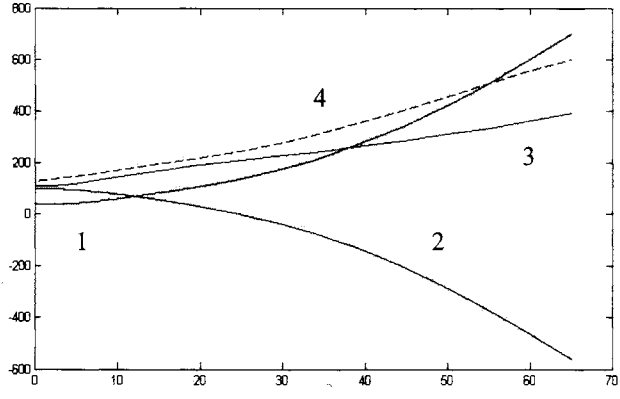
На Рис. 18 приведена зависимость прироста производства сельскохозяйственной продукции ΔF от уровня дополнительных инвестиций ΔI, на-

правленных на повышение производительности труда. В зависимости от конкретных условий отдача от инвестиций может быть низкой (кривая 1), но может быть и значительной (кривая 2). При низкой отдаче (кривая 1) дополнительные инвестиции не спасают ситуацию: рост спроса опережает возможности наращивания предложения и мальтузианская ловушка сохраняется. При значительной и быстрой отдаче от инвестиций (кривая 2) прирост производства ΔF при дополнительных вложениях ΔG может удовлетворить возрастающий спрос $\Delta N \cdot A$. Если такая ситуация становится постоянной и повышение производительности труда успевает компенсировать потребительский спрос увеличивающегося населения, то мальтузианская ловушка исчезает. При этом демографические циклы прекращаются и начинается непрерывный рост населения.

В нашей предыдущей работе (Гринин, Малков и др. 2009) эта логика проиллюстрирована результатами компьютерных расчетов.

На Рис. 19 отражена ситуация, когда городское население растет, спрос на сельскохозяйственную продукцию повышается, цены на нее начинают расти и денежные средства перетекают от ремесленников к арендаторам, что позволяет последним увеличивать инвестиции в производство. Но при этом отдача от инвестиций низкая и они не спасают ситуацию.

Рис. 19. Динамика денежных накоплений арендаторов (кривая 1), денежных накоплений ремесленников (кривая 2), объема производства сельскохозяйственной продукции F (кривая 3), уровня цен на сельскохозяйственную продукцию (пунктирная кривая 4) при увеличивающейся численности городского населения и слабой отдаче от инвестиций

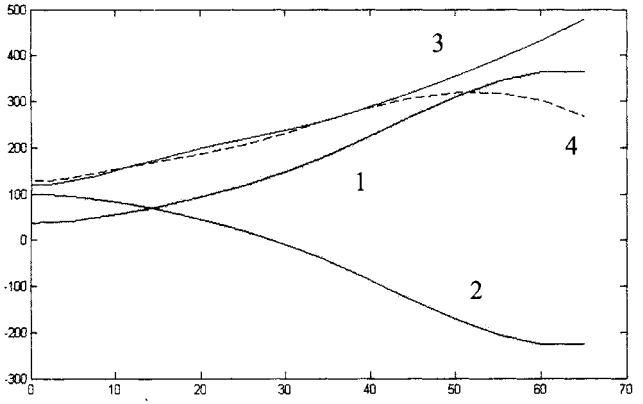


Примечание. Ось ординат – относительные единицы, ось абсцисс – годы.

Видно, что в этом случае цены на продукты питания растут ускоряющимися темпами (кривая 4), обгоняя рост производства (кривая 3), а денежные средства городского населения неуклонно уменьшаются (кривая 2). Это неизбежно ведет к социальному кризису и демографическому коллапсу.

Однако если отдача от инвестиций превышает определенный порог, то увеличение производства оказывается способным компенсировать постоянно возрастающий спрос. Эту ситуацию иллюстрирует Рис. 20, на котором приведены результаты расчетов для случая, аналогичного предыдущему, но с бóльшим уровнем производственной отдачи от инвестиций:

Рис. 20. Динамика денежных накоплений арендаторов (кривая 1), денежных накоплений ремесленников (кривая 2), объема производства сельскохозяйственной продукции F (кривая 3), уровня цен на сельскохозяйственную продукцию (пунктирная кривая 4) при увеличивающейся численности городского населения и существенной отдаче от инвестиций



Примечание. Ось ординат – относительные единицы, ось абсцисс – годы.

Видно, что в течение некоторого периода времени цена на продукты питания (кривая 4) повышается, затем стабилизируется и даже начинает падать, а накопления арендаторов и ремесленников (кривые 1 и 2) достигают равновесия на новом уровне. К этому времени рост производства (кривая 3) начинает обгонять рост городского населения, компенсируя возрастающий спрос. Это означает, что продовольственная проблема решена за счет опережающего роста сельскохозяйственного производства, обеспечивая выход из мальтузианской ловушки.

Однако это не является гарантией предотвращения социальных катастроф. Преодолев мальтузианскую ловушку, общество может попасть в мальтузианско-урбанистскую ловушку, характерную для прединдустриальных обществ. Выходом может служить переход к промышленному производству. Но и в такой ситуации есть опасность попасть в марксову (мальтузианско-марксову) ловушку, то есть в ситуацию, в которой при достаточно высоких темпах экономического роста и производства продуктов питания нарастает неравномерность распределения ресурсов между социальными слоями, что усиливает имущественное расслоение и социальную напряженность, которая может закончиться социальным взрывом. Это видно из Рис. 20, который свидетельствует, что на начальном этапе выхода из мальтузианской ловушки благосостояние горожан снижается (кривая 2)[23]. Если учесть, что наиболее обездоленными в этой ситуации являются недавние мигранты из деревни, в основном молодые и активные люди, то становится ясно, кто вносит наибольший вклад в создание предпосылок для социальных волнений.

Что касается математических моделей, описывающих возникновение вышеупомянутого (см. выше Рис. 10) «молодежного бугра» (способного в совокупности с некоторыми другими факторами привести к серьезнейшим социально-политическим потрясениям даже при самом, казалось бы, благополучном выходе из мальтузианской ловушки), то они достаточно хорошо проработаны и широко используются в демографических исследованиях. В качестве примера можно привести модель из работы П. Л. Отоцкого (Отоцкий 2008). В ней для определения динамики возрастной структуры общества используется метод компонент (или когортный анализ). В рамках метода компонент все население делится на группы людей одного возраста, т.н. годовые когорты. При этом все когорты делятся на мужские и женские для корректной оценки воспроизводственного потенциала населения. Для каждой когорты определяются собственные коэффициенты рождаемости, смертности и миграции. За номер когорты принимается год рождения людей, входящих в когорту. Число мужчин в когорте (аналогичная зависимость описывает динамику женских когорт) выражается как:

$$Nm_t^i = Nm_{t-1}^i - kUm_{t-i} \cdot Nm_{t-1}^i + M_{t-i} \cdot kMmw, \quad t > i, \tag{14}$$

где: Nm^i_t – число мужчин в когорте i;
kUm_t – возрастной коэффициент смертности;
M_t – возрастной объем миграционного прироста;
$kMmw_t$ – доля мужчин в миграционном приросте;

[23] Как мы увидим ниже, это подтверждается и эмпирическими данными.

i – номер когорты (соответствует году рождения людей в когорте);
t – расчетный год;
t-i – возраст людей в когорте i.

Число новорожденных мальчиков определяется следующим образом (аналогичная зависимость определяет численность новорожденных девочек):

$$Nm_t^i = kRmw \cdot \sum_{j=0}^{60} kR_j \cdot Nw_{t-1}^{t-j} + M_0 \cdot kMmw,\ t = i, \qquad (15)$$

где Nm^i_t – число новорожденных мальчиков;
Nw_t – численность женщин по годовым когортам;
kR^*_t – возрастной коэффициент рождаемости по когортам матерей;
i – номер когорты (соответствует году рождения людей в когорте), для новорожденных $i=t$;
$kRmw_t$ – доля мальчиков в новорожденных детях.

Число новорожденных в возрастной группе определяется как:

$$R^* = kR^* \sum_{k=l_i}^{n_i} Nw_k, \qquad (16)$$

где R^* – число новорожденных в возрастной группе матерей;
kR^* – коэффициент рождаемости по возрастной группе матерей;
Nwk – число женщин возраста k;
i – индекс возрастной группы (наибольший возраст в группе);
l_i – наименьший возраст в возрастной группе i;
n_i – наибольший возраст в возрастной группе i.

Общее число новорожденных по когортам матерей определяется выражением:

$$R_i = \sum_{g=0}^{i} R^*_g. \qquad (17)$$

Распределение коэффициента смертности по годовым возрастным когортам мужчин и женщин рассчитывается путем интерполяции интеграла числа умерших по возрастным группам:

$$Um^*_i = kUm^* \cdot \sum_{k=1_i}^{n_i} Nm_k, \qquad (18)$$

где Um^* – число умерших мужчин в возрастной группе;

i – индекс возрастной группы (наибольший возраст в группе);
kUm^* – коэффициент мужской смертности по возрастной группе;
Nmk – число мужчин возраста k;
l_i – наименьший возраст в возрастной группе;
n_i – наибольший возраст в возрастной группе.

Интеграл умерших мужчин по возрастным когортам:

$$Um_i = \sum_{g=0}^{i} Um^*_g. \tag{19}$$

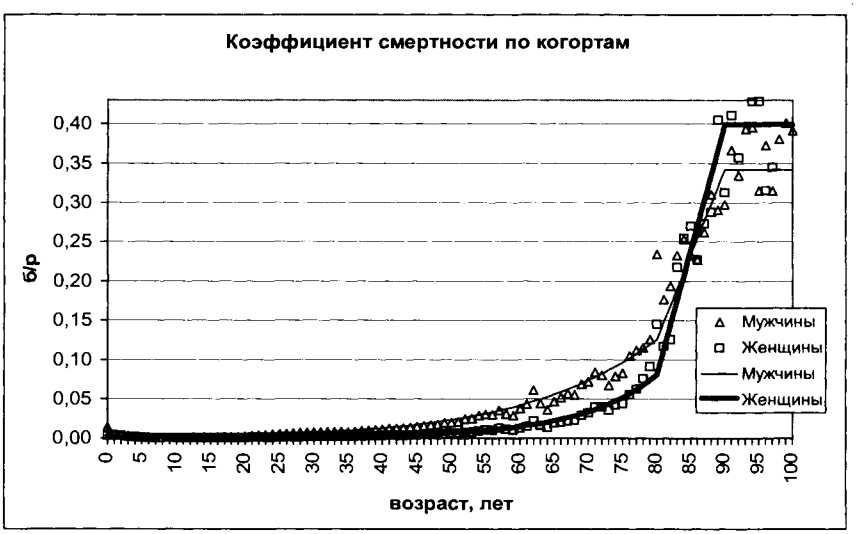
Аналогично рассчитывается число умерших женщин в возрастной группе (Uw^*_i) и и интеграл числа умерших женщин по когортам (Uw_i).

Коэффициенты мужской и женской смертности по годовым когортам определяются следующим образом:

$$kUm_i = \frac{Um_i}{Nm_i}, \quad kUw_i = \frac{Uw_i}{Nw_i}. \tag{20}$$

В качестве примера на Рис. 18 приведен график коэффициентов смертности, определенный по современным статистическим данным для жителей Московской области (Отоцкий 2008).

Рис. 21. Коэффициенты смертности по годовым возрастным когортам мужского и женского населения



Ясно, что снижение детской смертности (происходящее в обществе во время выхода из мальтузианской ловушки) закономерно приводит в соответствии с уравнением (14) к изменению возрастной структуры населения и возникновению «молодежного бугра». Избыточное молодое поколение, не востребованное в деревне, уходит в города в поисках лучшей доли и уже там начинает влиять на развитие социально-экономических и политических процессов в обществе. Чем закончатся эти процессы, зависит от конкретных условий. В любом случае – это критический период в жизни любого общества, выходящего из мальтузианской ловушки. Именно такая ситуация сложилась в российском обществе в конце XIX – начале XX в.

Россия этого периода, как выясняется (см.: Гринин, Коротаев 2009*в*), вышла на критические значения и по еще одному показателю.

Действительно, попробуем оценить при помощи математической модели тот уровень урбанизации, когда особо вероятными оказываются кровавые политические потрясения. В данной модели мы опираемся на предложенное нами ранее (Коротаев 2007) общее динамическое уравнение урбанизации:

$$\frac{du}{dt} = aSu\,(u_{\lim} - u)\,, \qquad (21)$$

где u – доля городского населения («индекс урбанизации»); S – «избыточный» продукт, производимый на одного человека; a – константа; а $u_{\lim}$ – предельно возможная доля городского населения (которая может быть оценена как находящаяся в пределах 0,8–0,9 и может рассматриваться в данном контексте как «уровень насыщения»; в приводимых ниже расчетах это значение было принято равным 0,9).

Это уравнение относится к классу так называемых «автокаталитических» уравнений. Оно имеет следующий смысл: при относительно низких значениях урбанизации вероятность того, что деревенский житель переселится в город, тем выше, чем выше доля городского населения. Действительно, чем выше эта доля, тем выше вероятность того, что в городе живет родственник/знакомый данного деревенского жителя, который может предоставить ему необходимую для переселения в город информацию и начальную поддержку (обычный крестьянин вряд ли решится переселяться «в никуда»). Однако темпы роста доли городского населения замедляются при приближении к уровню насыщения.

Кроме того, как в нашем уравнении, так и в реальной жизни темпы урбанизации зависят и от уровня экономического развития, который в нашем уравнении исчисляется через величину *относительно избыточного продукта*, производимого на душу населения. Действительно, если «де-

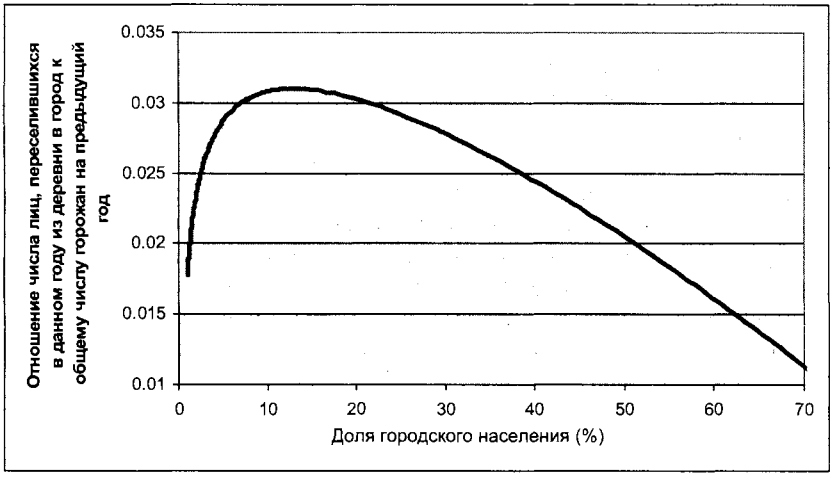
ревня» *относительно избыточного продукта* не производит, то урбанизация оказывается просто невозможной, а чтобы она началась и тем более ускорилась, необходим заметный экономический рост и рост производительности труда, например в сельском хозяйстве, что, с одной стороны, позволило бы прокормить население городов, а с другой – создало избыток рабочих рук в сельском хозяйстве, подталкивая деревенских жителей к миграции в города.

Мы исходим из того, что наиболее кровавых политических потрясений скорее следует ждать на той фазе урбанизационного процесса, когда в городах скапливается особо высокий процент недавних мигрантов из сельской местности. Действительно, даже в условиях экономического роста переселение в города редко проходит полностью безболезненно. Как мы уже упоминали выше, недавний переселенец – чаще всего человек молодого возраста, который обычно не имеет необходимой в городе квалификации, а значит, может изначально рассчитывать лишь на самую низкоквалифицированную работу (которую еще не всегда можно найти). Поэтому интенсивный приток в города деревенских жителей (измеряемый через отношение числа недавних переселенцев к числу горожан) должен приводить к значительному росту в городах удельного веса маргинальных слоев, недовольных своим положением, что может с достаточно высокой вероятностью вести к кровавым политическим потрясениям.

Попробуем при помощи нашей математической модели оценить, на какой именно фазе урбанизации следует ждать особенно высокого соотношения числа недавних переселенцев в города к коренным горожанам.

В том варианте модели, расчеты по которому мы приводим ниже, в качестве стартового значения доли городского населения было взято 2%. Для упрощения ускорение процессов урбанизации в модели передавалось следующим образом: стартовое значение элемента aS было принято равным 0,02, а затем каждый год увеличивалось на 0,0002. Соотношение между уровнем урбанизации (измеряемым через процент городского населения) и индикатором отношения числа недавних переселенцев в города к числу коренных горожан (измеряемым через отношение числа лиц, переселившихся в данном году из деревни в город, к общему числу горожан на предыдущий год) иллюстрируется на Рис. 22:

Рис. 22. Генерируемое моделью соотношение между уровнем урбанизации и индикатором отношения числа недавних переселенцев в города к числу коренных горожан



В нашей модели критически высокого значения 0,03 данный показатель достигает при общем уровне урбанизации в районе 7–8%. Это действительно высокое значение, при котором численность недавних приезжих в городах составит за десять лет более трети (а в наиболее привлекательных городах, включая столицы, она может составить и более половины), что не может не увеличить самым заметным образом вероятность кровавых политических потрясений. При этом сохраняется оно на этом критически высоком уровне вплоть до достижения общей долей городского населения уровня в 21–22%. Именно в этом диапазоне (примерно 7,5–22,5%), согласно нашей модели, и следует ожидать наиболее высокой вероятности политических потрясений.

В целом, по-нашему мнению, уровень урбанизации в районе 10–25% от общего количества населения для аграрно-ремесленных и индустриализующихся стран означает не просто то, что значительная часть их населения живет в городах, но что они вступили в период коренной модернизации. Иначе говоря, они достигли уже такого уровня социально-экономического и политического развития, который жестко требует больших структурных (политических, правовых, социальных, культурных и пр.) изменений. А поскольку экономические и демографические процессы очень часто обгоняют остальные (включая идеологию и социальное сознание), возникает большое напряжение в обществе, что резко повышает вероятность политических и социальных потрясений. Такие урбанизи-

рующиеся общества находятся, следовательно, в достаточно неустойчивом состоянии, из которого они могут как совершить фазовый переход к новому, более устойчивому состоянию, так и скатиться к более низкому аттрактору. Такой фазовый переход может быть связан с революциями, крупными социальными реформами и другими социальными потрясениями[24].

Вероятность особо драматических политических потрясений в указанном интервале значений урбанизованности общества резко повышается. Причем данная зависимость вполне релевантна в современном мире, в частности в случае многих развивающихся стран Африки или Азии. Так, данные, собранные с целью протестировать нашу гипотезу (см.: Гринин, Коротаев 2009*в*: Табл. 1, 2 и Рис. 2), показывают, что в последние десятилетия кровавые политические потрясения с наибольшей вероятностью наблюдались как раз в том диапазоне, где этого и следовало ожидать исходя из расчетов, сделанных по нашей математической модели. Подчеркнем, что доля городского населения в 15%, засвидетельствованная для предреволюционной России (см., например: Корелин 1995: Табл. 4), соответствует как раз зоне максимального социально-политического риска, выявленной при помощи нашей математической проверки и подтвержденной эмпирическим тестированием (Гринин, Коротаев 2009*в*).

Напомним, что спор между некоторыми участниками дискуссии в настоящем выпуске альманаха *История и Математика* шел о том, в какую ловушку попала Россия в этот период: в мальтузианскую или в марксову. Представляется, что истина, как всегда, где-то посередине: на возрастающее демографическое давление наложилось обострение социальных проблем и неспособность власти должным образом разрешить возникающие противоречия и диспропорции в ходе догоняющего экономического развития. Вполне возможно, что Россия в начале XX в. попала в ту самую ловушку, которая, как выясняется, находится прямо на выходе из мальтузианской ловушки.

Возможно ли использование методов математического моделирования для детального изучения ситуации, в которой оказалась Россия на рубеже XIX и XX вв., и для анализа вероятности имевшихся альтернатив развития? Думается, что нам удалось продемонстрировать, что это возможно и нужно. Базовая модель (1) позволяет исследовать устойчивость функционирования как аграрных, так и индустриальных обществ, а также обществ переходного типа. Важность проведенной в Альманахе дискуссии

[24] В отношении России реформы второй половины XIX в. (1860–1870-х годов) как раз были связаны с приближением к порогу в 10% городского населения (Водарский 1973: 68), а революции начала XX в. – с заметным его преодолением (ср.: Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин, Малков и др. 2009; Гринин 2009; см. также статью Л. Е. Гринина в данном выпуске Альманаха).

заключается помимо всего прочего в том, что она позволяет более четко сформулировать задачи анализа и требования к такому моделированию. Хотелось бы надеяться, что в одном из последующих сборников будет представлена математическая модель, описывающая логику и закономерности развития России в начале XX в.

* * *

Окончательный выход из мальтузианской ловушки некоторых наиболее развитых стран, таких как Англия, Германия и другие европейские страны, был связан и с таким общемировым экономическим процессом (затронувшим, очень сильно и Россию), как аграрный кризис. Это позволяет утверждать, что окончательный выход из мальтузианской ловушки может реально происходить только в условиях расширения рынка далеко за пределы национального. В отношении выхода из мальтузианской ловушки важно указать на рост мир-системных связей, который создавал более рациональную структуру мирового производства, позволяя странам специализироваться на производстве в наиболее выгодных отраслях. Естественно, что такое развитие не могло идти бескризисно. В этом плане одним из наиболее интересных явлений можно считать т.н. «аграрный кризис». Сначала стоит дать общую характеристику этому явлению.

Аграрный кризис продолжался примерно с 1875 по 1895 гг., то есть около двадцати лет. Суть кризиса состояла в том, что цены на зерно имели тенденцию к снижению, только иногда они повышались, но затем опять побеждала дефляционная тенденция. За это время промышленный подъем конца 1870-х гг. сменился кризисом 1882 г. и депрессией, затем опять наступил подъем середины 1880-х гг., и вновь его сменил кризис начала 1890-х гг. А аграрный кризис все продолжался. И только вместе с промышленным подъемом 1890-х гг. он наконец закончился. Основные причины снижения цен на хлеб и некоторые другие продукты сельского хозяйства экономисты видят в огромном развитии железных дорог и транспортировке морским путем, что позволило резко увеличить подвоз в Европу американского, русского и индийского хлеба и вовлечь в оборот огромный массив земель американского Запада. Это чрезмерно увеличило объемы производства зерна и особенно объемы товарного и экспортного зерна. Следует также принять во внимание дешевизну крестьянского труда в России и Индии, а также слабую эластичность крестьянского хозяйства в отношении предложения, так как даже при падении цен для крестьян и даже фермеров зерно представляет особую ценность; необходимо также учесть отсутствие рентной платы за землю в США (см.: Туган-Барановский 2008 [1913]; Мендельсон 1959, т. 2: гл. 2; Варга 1974: 405–412; см. также: Bairoch 1976: 477–479).

Однако аграрный кризис следует рассмотреть в нескольких аспектах: 1) это первоначально тяжело повлияло на сельское хозяйство Европы, в которой существенно сократилось производство собственного хлеба; 2) однако понижение цен на зерно и другие продовольственные товары очень позитивно сказалось на росте потребления городского населения и рабочего класса Европы и других стран, т.к. Европа, особенно Германия и Англия, стала импортером хлеба[25]. Как хорошо видно на Рис. 23, именно в указанный период потребление в крупнейших городах Европы начинает заметно расти; 3) это несомненно повлияло и на продвижение в плане выхода из мальтузианской ловушки в Европе и частично в других странах и в определенной мере способствовало развитию промышленности; 4) аграрный кризис способствовал интенсификации сельского хозяйства Европы, в частности заметно укрепилось животноводство и специализированное растениеводство, что также способствовало улучшению структуры питания населения и продолжению выхода из мальтузианской ловушки.

Таким образом, длительный период низких мировых цен на хлеб выглядит кризисным лишь в определенном аспекте анализа. В ином аспекте анализа тот же самый процесс может быть интерпретирован и как завершение выхода центра Мир-Системы из мальтузианской ловушки (см., например: Гринин, Коротаев 2009*а*). Оборотной стороной аграрного кризиса явились: значительный рост реальной заработной платы в странах Запада; уход большинства западных горожан с грани голодного выживания, характерного для доиндустриальной эпохи; заметное сокращение доли зарплаты, расходуемой на продукты питания, и соответственно рост доли, расходуемой на промышленные товары.

От низких цен в период аграрного кризиса тяжело страдали экспортеры, особенно Россия[26] и США. Несомненно, что попытки помещиков выстоять в этой ситуации привели в России к укреплению натуральных полукрепостнических форм хозяйствования (натуральных отработок, издольщины, испольщины и т.п.). Это также способствовало росту влияния общины во многих губерниях. Но интересно заметить (и это стоило бы осмыслить): в период наиболее низких цен на хлеб волнения в деревне были относительно небольшими, также и революционное движение было относительно слабым. Зато после окончания аграрного кризиса и повышения мировых (и общероссийских) цен на хлеб, что совпало с небывалым по мощности периодом экономического подъема в российской промышленности в 1890-х гг., и революционное, и крестьянское движение идет на подъем. Не подтверждает ли это дополнительно приведенную выше тео-

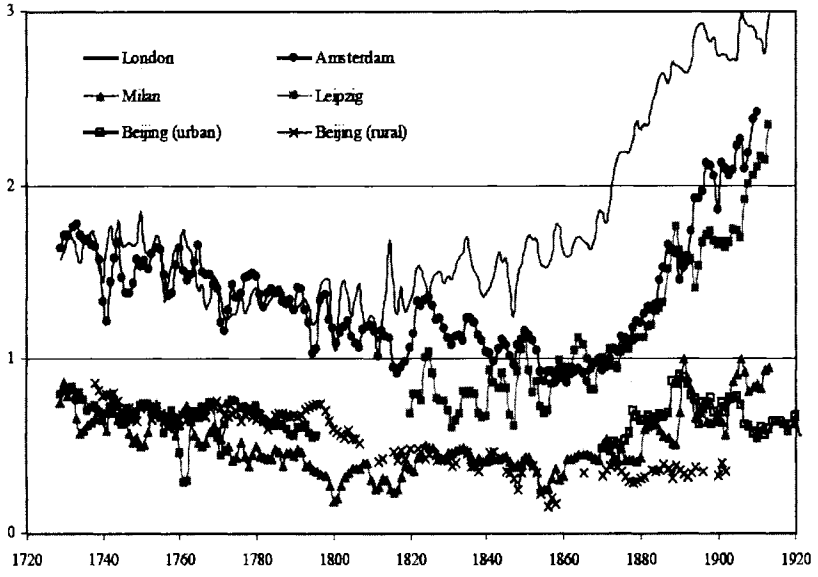
---

[25] Правда, аграрный кризис способствовал росту импортных тарифов, что несколько уменьшало эффект дефляции, особенно в таких странах, как Германия.

[26] О ситуации в России см., например: Китанина 1975, 2005; Лященко 1956; Грегори 2003.

рию, что революционные движения могут проявляться после достаточно длительной полосы быстрого подъема в период, когда этот подъем сменяется тем или иным кризисом (так было и в начале XX в., и в период Первой мировой войны)?

Рис. 23. Динамика реальной зарплаты неквалифицированных рабочих в некоторых городах мира (в прожиточных минимумах) в 1730–1920 гг.



Источник: Allen *et al.* 2005: 59, Fig. 4.

* * *

Этот седьмой выпуск альманаха *История и Математика* оказался не совсем обычным в рамках уже складывающейся традиции Альманаха. Однако мы надеемся, что недостаток моделирования в нем компенсируется актуальностью проблем и широкой палитрой взглядов на вопросы, которые не могут не волновать каждого образованного россиянина.

Библиография

Бергер П. 1994. *Капиталистическая революция.* М.: Прогресс.
Варга Е. С. 1974. *Капитализм после второй мировой войны.* М.: Наука.

Вишневский А. Г. 1976. *Демографическая революция*. М.: Статистика.

Вишневский А. Г. 2005. *Избранные демографические труды*: в 2 т. Т. 1: *Демографическая теория и демографическая история*. М.: Наука.

Вишневский А. Г. 2006. (Ред.). *Демографическая модернизация России, 1900–2000*. М.: Новое изд-во.

Водарский Я. Е. 1973. *Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.)*. М.: Просвещение.

Грегори П. 2003. *Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) Новые подсчеты и оценки*. М.: РОССПЭН.

Гринин Л. Е. 2003. *Производительные силы и исторический процесс*. 2-е изд. Волгоград: Учитель.

Гринин Л. Е. 2006. Трансформация государственной системы Египта в XIX – начале XX в.: от развитого государства к зрелому. *Египет, Ближний Восток и глобальный мир: сб. науч. статей* / Ред. А. П. Логунов. М.: Кранкэс. С. 123–132.

Гринин Л. Е. 2007. Некоторые размышления по поводу природы законов, связанных с демографическими циклами (к постановке проблемы определения общих методологических подходов к анализу демографических циклов). *История и математика: Концептуальное пространство и направления поиска* / Ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: ЛКИ/URSS. С. 219–246.

Гринин Л. Е. 2008. Глобализация и модели трансформации суверенности в западных и незападных странах. *Человек и природа: «Вызов и ответ»* / Ред. Э. С. Кульпин. М.: ИАЦ-Энергия. С. 56–88.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009*а*. *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена*. М.: ЛКИ/URSS.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009*б*. *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: ЛКИ/URSS.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009*в*. Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. *Политические исследования* 4: 34–52.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008. Математические модели социально-демографических циклов и выхода из мальтузианской ловушки: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев: Либроком/URSS. С.78–117. М.

Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гусев В. А., Коротаев А. В. 2009. Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из мальтузианской ловушки. *История и Математика: процессы и модели* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: Либроком/URSS. С. 134–210.

Дольник В. Р. 2009. *Непослушное дитя биосферы*. М.: МЦНМО.

Зинькина Ю. В. 2010. Тенденции политико-демографической динамики и перспективы сохранения политической стабильности в странах Ближнего и Среднего Востока и Восточной Африки с точки зрения структурно-демографической теории. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина. М.: Либроком/URSS. С. 141–283.

Кепель Ж. 2004. *Джихад. Экспансия и закат исламизма.* М.: Ладомир.

Китанина Т. М. 1975. *Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.* Л.: Наука.

Китанина Т. М. 2005. Мировой аграрный кризис и политика Министерства финансов России в 1880 – начале 1900-х гг. (к вопросу о модернизации системы государственных закупок). *Экономическая история. Ежегодник.* М.: РОССПЭН.

Корелин А. П. 1995. (Ред.). *Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник.* СПб.: БЛИЦ.

Коротаев А. В. 2007. Макродинамика урбанизации Мир-Системы: количественный анализ. *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 199–236. М.: КомКнига/URSS. С. 21–39.

Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* М.: КомКнига/URSS.

Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007. *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура.* М.: КомКнига/URSS.

Лавренова Л. Е. 2005. (Сост.). *Афоризмы мыслителей XIX в.* СПб.: Паритет.

Лященко П. И. 1956. *История народного хозяйства СССР.* Том II . *Капитализм.* 4-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Малков С. Ю. 2009. *Социальная самоорганизация и исторический процесс: возможности математического моделирования.* М.: Либроком/URSS.

Мендельсон Л. А. 1959. *Теория и история экономических кризисов и циклов.* Т. 1–2. М.: Изд-во социально-экономической лит-ры.

Назаретян А. П. 2005. Универсальная история и синдром Предкризисного человека. *История и синергетика: методология исследования* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 141–166.

Отоцкий П. Л. 2008. Математическая модель социально-экономической системы региона с учетом внешних возмущающих воздействий: дис. ... канд. физ.-мат. наук. М.

Токвиль А. де. 1997. *Старый порядок и революция.* М.: Моск. филос. фонд.

Туган-Барановский М. И. 2008 [1913]. *Периодические промышленные кризисы.* М.: Директмедиа Паблишинг.

Фридман А. А. 1973. Египет 1882–1952 гг. *Социально-экономическая структура деревни.* М.: Наука.

Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2006. *Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России.* М.: КомКнига/URSS.

Adejumobi S. A. 2007. *The History of Ethiopia.* Westport, CT: Greenwood.

Allen R. C., Bassinj J.-P., Ma D., Moll-Murata C., van Zanden J. L. 2005. *Wages, Prices, and Living Standards in China, Japan, and Europe, 1738–1925.* Paper presented at the Global Economic History Network (GEHN) Conference "The Rise, Organization, and Institutional Framework of Factor Markets" (Utrecht, June 2005).

Armengaud A. 1976. Population in Europe 1700–1914. In Cippola C. M. (ed.) *The Industrial Revolution.* London – New York: Harvester Press-Barnes&Paul. P. 22–76.

Artzrouni M., Komlos J. 1985. Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41/3–4: 21–39.

Bairoch P. 1976. Agriculture and the Industrial Revolution 1700–1914. *The Fontana Economic History of Europe.* 3: *The Industrial Revolution, 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla. London: Harvester. P. 452–506.

Bercovitch J., Jackson R. 1997. *International Conflict : A Chronological Encyclopedia of Conflicts and Their Management, 1945–1995.* Washington, DC: Congressional Quarterly.

Berger P. L. 1986. *The Capitalist Revolution: Fifty Propositions about Prosperity, Equality, and Liberty.* New York, NY: Basic Books.

Chesnais J. C. 1992. *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications.* Oxford: Clarendon Press.

Chu C. Y. C., Lee R. D. 1994. Famine, Revolt, and the Dynastic Cycle: Population Dynamics in Historic China. *Journal of Population Economics* 7: 351–378.

Clodfelter M. 1992. *Warfare and Armed Conflict: A Statistical Reference to Casualty and Other Figures, 1618–1991.* 2 vols. London: McFarland.

Goldstone J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* Berkeley, CA: University of California Press.

Goldstone J. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56/1: 3–22.

Crowder M., Fage J. D., Oliver R. 1986. (Eds.). *The Cambridge History of Africa.* Vol. 8. New York, NY: Cambridge University Press.

Davis J. 1969. Toward a Theory of Revolution. *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective* / Ed. by B. McLaughlin. New York: Free Press. P. 85–108.

FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nation). 2006. *Food and Agriculture Organization Statistics.* URL: http://faostat.fao.org/site/345/default. aspx

Fuller G. E. 2004. *The Youth Crisis in Middle Eastern Society.* Clinton Township, MI: Institute for Social Policy and Understanding.

Haldane J. T. 1989. Weak Oil Market Hampering Arab Development Efforts. *Washington Report on Middle East Affairs* January 1989: 39.

Heinsohn G. 2003. *Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen.* Zürich: Orell Füssli Verlag.

Kögel T., Prskawetz A. 2001. Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Economic Growth* 6: 337–357.

Komlos J., Artzrouni M. 1990. Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. *Mathematical Population Studies* 2: 269–287.

Lorraine G. 1995. (Ed.). *Our Times: The Illustrated History of the 20th Century.* New York, NY: Turner.

Maddison A. 2001. *Monitoring the World Economy: A Millennial Perspective.* Paris: OECD.

Maddison A. 2009. *World Population, GDP and Per Capita GDP, A.D. 1–2003.* URL: www.ggdc.net/maddison

McEvedy C., Jones R. 1978. *Atlas of World Population History.* New York, NY: Facts on File.

MeCarthy I. A. 1976. Nineteenth Century Egyptian Population. *Middle Eastern Studies.* Vol. 12(3): 1–39.

Mesquida C. G., Weiner N. I. 1999. Male Age Composition and Severity of Conflicts. *Politics and the Life Sciences* 18: 113–117.

Moller H. 1968. Youth as a Force in the Modern World. *Comparative Studies in Society and History* 10: 238–260.

Naiken L. 2002. FAO Methodology for Estimating the Prevalence of Undernourishment. Paper Presented at International Scientific Symposium on Measurement and Assessment of Food Deprivation and Undernutrition, Rome, Italy. URL: www.fao.org.

Palmowski J. 1997. *Dictionary of Twentieth Century World History.* Oxford: Oxford University Press.

Panzac D. 1987. The Population of Egypt in the Nineteenth Century. *Asian and African Studies* 21: 11–32.

Project Ploughshares. 2008. *Armed Conflicts Report.* URL: http://www.ploughshares.ca/ libraries/ ACRText/ACR-TitlePage.html

Rummel R. J. 1994. *Death by Government.* New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

Small M., Singer J. D. 1982. *Resort to Arms: International and Civil Wars 1816–1980.* Beverly Hills, CA: Sage Publications.

Steinmann G., Komlos J. 1998. Population Growth and Economic Development in the Very Long Run: A Simulation Model of Three Revolutions. *Mathematical Social Sciences* 16: 49–63.

Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. 1998. A Model on the Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Population Economics* 11: 535–550.

Totten S. 1997. (Ed.). *Century of Genocide: Eyewitness Accounts and Critical Views.* New York, NY: Garland Publishing.

Turchin P. V. 2006. Scientific Prediction in Historical Sociology: Ibn Khaldun meets Al Saud. *History & Mathematics: Historical Dynamics and Development of Complex Societies* / Ed. by P. Turchin, L. Grinin, A. Korotayev, V. C. de Munck. Moscow: KomKniga/URSS. P. 9–38.

UN Population Division. 2009. *United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division Database.* URL: http://www.un.org/esa/population

Wallechinsky D. 1995. *Twentieth Century: History With the Boring Parts Left Out.* New York, NY: Little Brown.

White M. 2009*a*. *Historical Atlas of the Twentieth Century.* URL: http://users.erols.com/mwhite28/20century.htm

White M. 2009*b*. *Death Tolls for the Man-made Megadeaths of the Twentieth Century.* URL: http://users.erols.com/mwhite28/warstatx.htm

Wood J. W. 1998. A Theory of Preindustrial Population Dynamics: Demography, Economy, and Well-Being in Malthusian Systems. *Current Anthropology* 39: 99–135.

World Bank. 2009. *World Development Indicators Online.* Washington, DC: World Bank, Electronic version. URL: http://web.worldbank.org/ WBSITE/EXTERNAL/ DATASTATISTICS/0,,contentMDK: 20398986~pagePK: 64133150~piPK: 64133175~theSitePK:239419,00.html

Сведения об авторах

Бадалян Лусине Гайковна, кандидат физико-математических наук, президент компании *Милленниум Воркшоп*. Автор более пятидесяти печатных работ, включая статьи в социологической энциклопедии, две коллективные монографии и недавний цикл статей в журнале *Экономические стратегии*. Lucy@quantumart.com.

Бородкин Леонид Иосифович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики, руководитель Центра экономической истории Исторического факультета МГУ. Автор 320 научных работ, включая следующие монографии: *Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях* (М.: Издательство МГУ, 1986), *Становление российского парламентаризма начала XX века* (М.: Издательство Мосгорархив, 1996; совместно с Н. Б. Селунской, Ю. Г. Григорьевой, А. Н. Петровым), *ГУЛАГ: Экономика принудительного труда* (М.: РОССПЭН, 2005; совместно с П. Грегори и др.), а также таких статей, как «Синергетика и история» (*История и математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов*. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 8–48) и «Моделирование социальной динамики крестьянства в годы нэпа: альтернативный ретропрогноз» (*История и Математика: Концептуальное пространство и направления поиска*. М.: ЛКИ/URSS, 2007. С. 99–122). Borodkin@hist.msu.ru. Интернет-сайт: www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/Staff/borodkin.htm.

Гринин Леонид Ефимович, доктор философских наук, заместитель главного редактора журналов *История и современность* и *Философия и общество*, соредактор международных журналов *Social Evolution & History*, *Journal of Globalization Studies* и альманаха *Эволюция*, шеф-редактор журналов *Историческая психология и социология истории* и *Век глобализации*; главный научный сотрудник Волгоградского центра социальных исследований. Автор более 200 научных работ по философии, социологии, истории, экономике, антропологии, политологии, эволюционистике, включая 18 монографий, в том числе таких, как *Философия, социология и теория истории* (4-е изд., М.: URSS, 2006), *Производительные силы и исторический процесс* (3-е изд. М.: URSS , 2006), *Государство и исторический процесс в 3 кн.* (2 изд. М.: URSS , 2007, 2009), *Макроэволюция в живой природе и обществе* (М.: URSS, 2008, совместно с А. В. Коротаевым и А. В. Марковым), *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы* (М.: URSS, 2008, совместно с А. В. Коротаевым), *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов от Ликурга до Алана Гринспена* (М.: URSS , 2009, совместно с А. В. Коротаевым). LGrinin@mail.ru. Интернет-сайт: www.uchitel-izd.ru.

Давыдов Михаил Абрамович, доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, автор 40 научных работ по военной и социально-экономической истории России XIX – начала XX вв., включая монографии *Оппозиция Его Величества* (3-е изд. М.: Зебра, 2005) и *Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв.* (М.: Издательский центр РГГУ, 2003). mdhist@gmail.com.

Коротаев Андрей Витальевич, доктор философии (*Ph.D.*), доктор исторических наук, профессор, директор Центра антропологии Востока Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований и Института востоковедения РАН. Автор более 330 научных трудов, включая такие монографии, как *Ancient Yemen* (Oxford: Oxford University Press, 1995), *Pre-Islamic Yemen* (Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1996), *Факторы социальной эволюции* (М.: Институт востоковедения РАН, 1997), *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции* (М.: Восточная литература, 2003), *World Religions and Social Evolution of the Old World Oikumene Civilizations: A Cross-*

Cultural Perspective (New York: The Edwin Mellen Press, 2004), *Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография. Экономика. Культура* (М.: URSS, 2007, совместно с А. С. Малковым и Д. А. Халтуриной), *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны* (М.: URSS, 2007, совместно с Н. Л. Комаровой и Д. А. Халтуриной), *Макроэволюция в живой природе и обществе* (М.: URSS, 2008, совместно с Л. Е. Гининым и А. В. Марковым), *Современные тенденции мирового развития* (М.: URSS, 2009, совместно с Д. А. Халтуриной), *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы* (М.: URSS, 2009, совместно с Л. Е. Гининым), *Гиперболический рост в живой природе и обществе* (М.: URSS, 2009, в соавторстве с А. В. Марковым). E-mail: AKorotayev@mail.ru. Интернет-сайт: www.cliodynamics.ru.

Криворотов Виктор Федорович, кандидат физико-математических наук, вице-президент компании *Милленниум Воркшоп*. Автор более шестидесяти печатных работ, включая монографии под псевдонимом С. Платонов (в соавторстве; в том числе монографию *После коммунизма*), и недавний цикл статей в журнале *Экономические стратегии*. Lucy@quantumart.com.

Малков Сергей Юрьевич, доктор технических наук, действительный член Академии военных наук, руководитель направления Центра проблем СЯС Академии военных наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, профессор кафедры прикладной математики Российского государственного социального университета. Автор более 200 научных трудов, включая монографии *Моделирование социально-политической и экономической динамики* (М.: РГСУ, 2004; совместно с М. Г. Дмитриевым и др.) и *Управление обеспечением стойкости сложных технических систем* (М.: Физматлит, 2006; совместно с В. В. Гончаровым, В. И. Ковалевым и В. Н. Бакулиным), *Социальная самоорганизация и исторический процесс: возможности математического моделирования* (М.: Либроком/URSS, 2009). S@Malkov.org.

Миронов Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Автор 234 научных работ, включая книги: *Историк и математика: Математические методы в историческом исследовании* (Л.: Наука, 1975), *Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в.* (Л.: Наука, 1981), *Хлебные цены в России за два столетия (XVIII – XIX вв.)* (Л.: Наука, 1985), *Русский город в 1740-е – 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие* (Л.: Наука, 1990), *Историк и социология* (Л.: Наука, 1984), *История в цифрах: Математика в исторических исследованиях* (Л.: Наука, 1991), *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*: В 2 тт. (СПб.: Дм. Буланин, 1999, 2000, 2003), *The Social History of Imperial Russia, 1700-1917*: In 2 vols. (Boulder, CO: Westview Press, 2000). BMironov@nevsky.net. Интернет-сайт: http://bmironov.spb.ru.

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических и кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Основное направление научных исследований – изучение структурно-демографических циклов исторической макродинамики. Автор более 100 научных работ, в том числе таких монографий, как *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России* (Екатеринбург: УГГУ, 2005), *Концепция демографических циклов* (Екатеринбург: УГГУ, 2007), *Secular Cycles* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009, совместно с П. В. Турчиным), а также таких статей, как, например, «Опыт моделирования демографически-структурных циклов» (*История и Математика: макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 153–167. М.: КомКнига/URSS, 2007, совместно с П. В. Турчиным). NSA@K66.RU. Интернет-сайт: www.hist1.narod.ru.

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения РАН, профессор

Философского факультета Новосибирского государственного университета. Автор более 150 научных работ в области философии истории, теории ценностей, философии социального познания, философии образования, теоретической истории и макросоциологии, в том числе таких монографий, как *Структура истории и тенденции мирового развития* (Новосибирск: НГУ, 1992), *Философия гуманитарного образования* (М., 1993), *Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии* (Новосибирск: НГУ, 1998), *Философия и теория истории.* 1: *Пролегомены* (М.: Логос, 2002). Составитель альманаха *Время мира*, научный редактор серии коллективных монографий *Теоретическая история и макросоциология.* Rozov@nsu.ru, NRozov@inbox.ru. Интернет-сайт: www.nsu.ru/filf/rozov/.

Турчин Петр Валентинович, доктор философии (*Ph. D.*), профессор кафедры экологии и эволюционной биологии Коннектикутского университета (США). Автор более 150 научных трудов, включая такие монографии, как *Complex Population Dynamics: a Theoretical/Empirical Synthesis* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003), *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003), *War and Peace and War: The Life Cycles of Imperial Nations* (New York, NY: Pi Press, 2006), *Историческая динамика. На пути к теоретической истории* (М.: URSS, 2007), *Secular Cycles* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009, совместно с С. А. Нефёдовым), а также таких статей, как, например: «Опыт моделирования демографически-структурных циклов» (*История и Математика: макроисторическая динамика общества и государства.* М.: КомКнига/URSS, 2007, совместно с С. А. Нефёдовым) и «Перспективы математической истории. Существует ли качественное различие между исторической и естественными науками?» (*История и Математика: Концептуальное пространство и направления поиска.* М.: ЛКИ/URSS, 2007. Peter.Turchin@UConn.edu. Интернет-сайт: http://ww.eeb.uconn. edu/people/turchin/.

Цирель Сергей Вадимович, доктор технических наук, главный научный сотрудник ОАО ВНИМИ (Санкт-Петербург), автор более 100 научных работ по взрывному и горному делу, геофизике, экономике, социологии и теоретической истории. Основные научные интересы в социогуманитарных дисциплинах – историческая динамика и философия истории (см., например: «Analysis of Power-Structure Fluctuations in the "Longue Durée" of the South Asian World System» [*Structure and Dynamics: eJournal of Anthropological and Related Science*, 2005, Vol. 1, № 2, совместно с Д. Уилкинсоном]; «Историческое время и пути исторической эволюции. Статья I» [*История и Математика. Модели и теории* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 246–278. М.: ЛКИ, 2008]), институциональная экономика и эконометрика (см., например: «"OWERTY – эффекты", "path dependence" и закон иерархических компенсаций» [*Вопросы экономики*, 2005, № 8, с. 19–26]; «Влияние государственного вмешательства в экономику и социального неравенства на экономический рост» [*Вопросы экономики*, 2007, № 5, с. 100–117]), социология и футурология (см., например: «"Власть-собственность" в трудах российских историков и экономистов» (*Общественные науки и современность,* 2006, № 3, с. 119–131); «Когда в России будет демократия или Наказ внукам» [*Общественные науки и современность*, 2008, № 1, с. 92–99]). tsirel58@mail.ru.